

Университет по библиотекознание и информационни технологии
Академия медиаиндустрии

Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее

Сборник материалов
Международной научно-практической „онлайн-конференции”

Славянската култура в Европа – история, настояще и бъдеще

Сборник с материали
от Международната научно-практическа „онлайн-конференция”

София – Москва

2015 год

УДК 881:881/886:394
ББК 74
С47

Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее. Сборник материалов Международной научно-практической „онлайн-конференции”. Москва – София; Академия медиаиндустрии, 2015. – 340 стр.

Славянската култура в Европа – история, настояще и бъдеще. Сборник с материали от Международната научно-практическа „онлайн-конференция”. София – Москва, 2015. – 340 стр.

ISBN 978-5-902899-12-9 (Россия)

ISBN 978-619-185-158-4 (Болгария)

Сборник съдържа материали Международной научно-практической „онлайн-конференции” «Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее». Издание рассчитано на широкий круг специалистов книгоиздания, библиотековедения и книгораспространения, студентов и учащихся учебных заведений всех уровней профессионального образования специальностей, связанных с медиаиндустрией.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Составители: Составители: В.Николова, М. Николова (Болгария), А.Цыганенко (Россия)

ISBN 978-5-902899-12-9

© Академия медиаиндустрии, 2015 г.

ISBN 978-619-185-158-4

© Университет по библиотековедение и информационни технологии, 2015 г.

Приветствия, поступившие в адрес конференции

Уважаемые участники конференции! Дорогие организаторы, коллеги!

Я хочу выразить свое удовлетворение, что руководимой мной Государственный Университет библиотековедения и информационных технологий является одним из организаторов сегодняшнего события. Я хочу отметить, что мы с вами открываем первую конференцию подобного рода и доклады, с которыми я успел познакомиться, свидетельствуют о высоком научном потенциале всех участников.

Особо хочу отметить тему конференции: „Славянская культура в Европе – традиции, настоящее и будущее“. Это важно, потому что независимо от того, как мы определяем себя, к какой цивилизации мы себя относим, все мы с вами являемся частью современной информационной цивилизации. В ней свои нюансы, выявляющие ее западноевропейские, восточноевропейские, азиатские, арабские, африканские и другие компоненты. В связи с этим особо хочу подчеркнуть, что мы, болгары, а и все участники конференции с исторической точки зрения принадлежим славянству, у которого есть свои специфики, сложившиеся на протяжении веков. Поэтому, мы не хотим судить других, но лично я не согласен, когда другие нас судят. У нас специфические черты, которые характерны только для нас, славян, и я не хочу, чтобы мы подчинялись современным глобалистическим политикам и экономическим переменам в общественном развитии. Я считаю, что с точки зрения культурных измерений глобализация не только является лишней, а она даже противопоказана. Чтоб, сохранить свою идентичность, мы хотим подчеркнуть свои различия и сходства, наши общие ценности, идущие из древности, проходящие через настоящее и которые, на основании присущим нам ценностям, передадим своим детям и внукам.

Еще раз хочу поздравить всех участников Первой международной «онлайн – конференции» „Славянская культура в Европе – традиции, настоящее и будущее“ и пожелать всем плодотворной работы и высоких научных достижений.

*Проф. д.э.к.н. С. Денчев
Ректор УниБИТ*

Дорогие друзья!

Поздравляю Вас с открытием первой Международной научно-практической «онлайн-конференции» «Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее» в Москве и Софии. Проведение подобного форума в режиме реального времени одновременно в двух столицах открывает перед учеными, преподавателями вузов, колледжей и учреждений дополнительного профессионального образования новые возможности для тесного профессионального общения.

Проведение такого значимого события в эти майские дни неслучайно. Буквально через несколько дней, 24 мая, любящие книгу граждане всех славянских стран будут праздновать День славянской письменности и с огромной благодарностью вспоминать и

чествовать святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славян, создателей славянской азбуки, славных сынов Болгарии. Разработанная солунскими братьями письменность оказала огромное влияние на развитие русской книжной культуры и великой русской литературы. Мне особенно приятно это подчеркнуть именно сейчас, когда у нас в России с огромным успехом проходит объявленный нашим президентом Год литературы.

Каждое из направлений работы «онлайн-конференции» достойно отдельной конференции. О российском и болгарском книгоиздании, как и о славянском культурном общении можно говорить бесконечно. А направление, связанное с литературой и языками народов, достойно, по моему мнению, целого конгресса, с участием самых выдающихся специалистов, писателей, деятелей культуры и науки.

Желаю всем участникам конференции успешной работы, ярких впечатлений, мира и благополучия!

*Начальник Управления периодической печати,
книгоиздания и полиграфии Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
Ю.С. Пуля*

Уважаемые участники конференции!

Как директор Центральной библиотеки Болгарской академии наук мне выпала большая честь поздравить Вас с открытием Международной конференции и пожелать плодотворной работы.

Позвольте мне коротко ознакомить вас с давними дружескими связями Болгарской академии наук с Россией. Еще сама идея об основании первого болгарского учреждения науки и культуры возникла среди кругов болгарской эмиграции в городе Одесса в середине 19-го века. Неслучайно в 1869 году основателем и первым председателем болгарской академии стал именно Марин Степанович Дринов, профессор славяноведения Харьковского университета. Множество болгарских ученых получили свое образование в России. В то же время членами академии были избраны такие выдающиеся русские ученые как Иван Аксаков, Александр Башмаков, Василий Василевский, Николай Глубоковский, Евгений Голубинский, Алексей Ермолов, Михаил Катков, Никодим Кондаков, Владимир Ламанский, архимандрит Леонид Кавелин, Павел Милюков, Александр Пипин, Нил Попов, Михаил Ростовцев, Федор Тарановский, Владимир Францев и другие. Россия оказала огромное содействие в области науки и культуры молодому славянскому государству, которое помогло ему скорее приобщиться к цивилизованной Европе.

Библиотека Болгарской академии наук всегда имела особые связи с Россией и уже до начала Второй мировой войны в ее фондах была самая богатая коллекция русских имперских книг в Болгарии. Стоит упомянуть персональный экземпляр книги «История и памятники византийской эмали» [Собрание А. Звенигородского] (СПб. 1892), подаренный библиотеке самим академиком Кондаковым. Во второй половине 20-го века сама Центральная библиотека Болгарской академии наук была организована по подобию русских академических библиотек. Только книгообменные связи с российскими библиотеками насчитывали больше трехсот томов. В течение последних двадцати лет, несмотря на определенные трудности, осуществились важные совместные проекты с такими русскими партнерами как Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге, Библиотека по естественным наукам РАН в Москве, Фундаментальная библиотека

ИНИОН, Межведомственный суперкомпьютерный центр Российской Академии наук и другие. Вершиной нашего сотрудничества с Россией стал проект „Русский мир Болгарии”, осуществленный при поддержке Фонда „Русский мир”. Были изданы ценные справочники „Русские в Болгарии” (Пловдив, 2010. 436 с.) и „Русский мир Болгарии” (София, 2012. 472 с.).

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что в условиях глобального кризиса, именно исконные связи с Россией будут тем стержнем, который поможет нам вместе встретить все вызовы современного мира.

*Сильвия Найденова
Директор ЦБ БАН*

Организаторы конференции:

Университет по библиотековедению и информационным технологиям София, Болгария;
«Академия медиаиндустрии» Москва, Россия.

Конференция проведена при поддержке:

СЪЮЗА НА ПЕЧАТАРСКАТА ИНДУСТРИЯ В БЪЛГАРИЯ;
ФОРУМА БОЛГАРИЯ – РОССИЯ;
Национальной библиотеки Святых Кирилла и Мефодия;
Центральной библиотеки Болгарской академии наук;
Научно-технического общества работников печати России;
Российской государственной библиотеки;
Российской книжной палаты - филиала ИТАР-ТАСС;
Ассоциации технических университетов;
Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
Омского государственного технического университета;
Владимирского государственного университета имени А.Г и Н.Г Столетовых;
Владимирского землячества в г. Москве.

1. Книгоиздание в России и Болгарии

И.М. Агалакова

РАБОТА НАД СЛОВОМ В ДЕТСКОМ ПЕЧАТНОМ ИЗДАНИИ

*Агалакова Инна Максимовна
магистрант факультета социальных технологий
кафедры издательского дела и редактирования,
Вятский государственный гуманитарный университет,
г. Киров (Россия)
E-mail: inna-agalakova@yandex.ru*

В статье отражена проблема выпуска печатных изданий в детских учреждениях. Она включает как теоретические, так и практические обоснования внимательной работы со словом, позволяющие сформировать практические принципы творческой деятельности юных корреспондентов в детском издательстве.

Ключевые слова: *слово, речь, школьное печатное издание, принципы творческой деятельности.*

В статията се разглежда проблемът с печатните издания в детските институции. Проблемът включва както теоретични, така и практическа обосновка на внимателната работа с думите, позволяващи формирането на практически принципи за творческа дейност на младите кореспонденти в детското издателство.

Ключови думи: *дума, реч, училищни печатни издания, принципи на творческа дейност.*

The article reveals the problems of publishing of a printed source in children organizations. It includes theoretical as well as practical grounds of mindful working with words. They form practical principles of creativity of young journalists in a youth publishing house.

Keywords: *a word, speech, school printed source, principles of creativity.*

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования в России предполагает, что материально-техническое оснащение образовательного процесса должно обеспечить возможность выпуска школьных печатных изданий.

Встает вопрос: насколько важно, чтобы в каждом учебном учреждении существовало свое школьное печатное издание?

В наш век электронных технологий все настолько быстро течет и изменяется, что мы не успеваем воспринимать и отслеживать важные и полезные моменты в огромном потоке информации. Умение ориентироваться в быстро меняющемся информационном пространстве становится насущной проблемой не только подрастающего поколения, но и взрослых людей. Именно поэтому нужно свое печатное издание каждому детскому

учреждению, при подготовке которого есть возможность остановиться и задуматься над значением слова, над построением фразы, заметить, как идет снег, или поразмышлять о вечном.

В современной школе занимаются словом. Но в основном внешними его формами.

В поисках фундаментальных оснований детского словесного творчества обратимся к русской религиозной философии.

Глубокие мысли мы находим у С. Булгакова в его капитальном труде «Философия имени». Автор считает, что слово космично, так как принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, ибо в нём и через него звучит мысль. Он считает, что не существует мыслей без слов и слов без смысла. Это чрезвычайно важно для педагогики, если мы хотим, чтобы дети обрели свой смысл жизни.

С. Булгаков пишет также, что получить живое слово, несущее на себе теплоту жизни, вовсе не так легко даже и от живого человека, потому что и этот последний употребляет часто омертвелые слова.

Одним из лучших образцов живого слова являются произведения А.С. Пушкина, исполненные здорового, весёлого духа, чуждого всякой односторонности и унылости.

Итак, задача словесного творчества – научить детей живому слову. Такое слово творит жизнь. Поэтому с ним надо уметь обращаться бережно, художественно. И этому нужно учить.

О работе со словом написано много работ, но мы ограничимся описанием некоторых практических принципов, которыми руководствуемся во время творческой деятельности с юными корреспондентами в детском издательстве:

1. Чувство ответственности.

Дети должны понимать, что несут ответственность за свое слово как письменное, так и устное. Пообещал написать материал, нужно добиться от него результата. Так как газета – плод коллективного труда, то каждый член редакции несет ответственность за выход нового номера. Вся информация должна быть проверенная, а не выдуманная.

2. Нестандартное мышление.

Люди обычно воспринимают то, что укладывается в область уже имеющихся знаний и представлений, остальную информацию бессознательно отбрасывают. На восприятие влияют привычные установки, оценки, чувства, а также приверженность к общепринятым взглядам и мнениям. Способность увидеть то, что не укладывается в рамки ранее усвоенного – это нечто большее, чем просто наблюдательность. Это свежесть взгляда и зоркость связаны не с остротой зрения, а являются качеством мышления, потому что человек видит не только с помощью зрения, но главным образом с помощью головного мозга. Например, существует проблема выбора темы для публикации. Важно, чтобы ребенок умел видеть в обычных вещах необычное. Хорошо развивают фантазию задания, на тему «Жизнь замечательных вещей», когда неодушевленные вещи вдруг оживают, начинают думать, разговаривать, смеяться и расстраиваться. Писать можно обо всем, если подойти к теме творчески.

3. Расширение кругозора.

Наблюдения психологов показывают, что при восприятии зрительных образов устанавливаются связи между воспринятыми признаками и словами. Например, североамериканские индейцы из племени хопи, в языке которых есть слово «зеленый», но нет слова «голубой» не в состоянии отличить зеленый цвет от голубого. Но те из них, кто владеет английским языком, прекрасно различает эти два цвета. Вероятно, чтобы обнаружить что-нибудь новое, нужно сформировать понятие. Чаще всего, оно формируется с помощью слов. Отсюда следует вывод, чем богаче словарный запас человека, тем богаче его мыслительный, понятийный, культурный фон.

В этом случае помогают задания поискового характера. Можно создать рубрики: «Это интересно», «А вы знаете, что...» или «На просторах Интернета», для которых учащиеся ищут интересный материал в книгах или Интернете.

4. Чтение классической литературы.

В предисловии к «Этюдам о русской читающей публике» у Н.А. Рубакина есть такие слова: «Ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент» [Рубакин, с. 35]. Они особенно значимы в наши дни. Упадок культуры чтения уже сказался на культуре в целом. Прогрессивная общественность, заинтересованная в сохранении культурного наследия, должна заботиться о возрождении культуры чтения.

Сегодня практически во всех крупных странах мира существуют национальные программы по поддержке и продвижению чтения, уже много лет они успешно работают в Великобритании, Германии, Франции, США и др. странах. В России об этой проблеме заговорили лишь недавно, а на западе ее подняли 15 лет назад. Во Франции в 2003 году был осуществлен проект «Жажда чтения» на Би-Би-Си. Всем желающим было предложено проголосовать за свою самую любимую книгу по телефону или с помощью электронной почты. Затем отобрали 100 самых читаемых книг, были сняты телевизионные передачи, рассказывающие об этих книгах и их авторах. На последнем этапе состоялось еще одно голосование за самую лучшую книгу из оставшейся сотни. Так за время проекта процент продаж книг из сотни лидеров вырос в два раза.

Один из самых масштабных американских проектов по продвижению книг - «Большое чтение» Национального фонда искусств США, которая реализуется уже в течение нескольких лет. Специальная комиссия выбирает одно произведение американского автора, которое читает вся нация. В 2006 году этому проекту решено было придать русский акцент: «раскручивать» в Америке русских авторов, а в России – американских. Книги отбираются по трем критериям: известность автора, небольшой объем произведения и качественный перевод. Американцы выбрали «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого. Бюджет этого проекта огромный. Так в 2006 году в Чикаго на проведение мероприятий по продвижению книги А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» было выделено 420 тысяч долларов. В итоге каждая библиотека города получила по 10 бесплатных экземпляров книги на английском и русском языках. Мэр города в торжественной обстановке лично объявил книгу года, которая до этого держалась в тайне. В течение недели проходили встречи с писателями, конференции, обсуждения книги, фильмы, весь город был увешан рекламными плакатами с изображением книги и ее автора. Известные американские и русские писатели, литературоведы, преподаватели читали лекции в школах, университетах, больницах, домах престарелых, религиозных общинах и т.п. Главный принцип, которому следуют американцы, подобным мероприятием должны быть охвачены все социальные слои: от бездомных и заключенных до студентов и школьников. Аналогичные мероприятия проходят в течение года по всей Америке. В 2007 году подобным образом американцы познакомились с произведением Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

В 2007 году проект «Большое чтение» пришел в Россию, первым его поддержали губернаторы Ивановской и Саратовской областей. Российским читателям было предложено прочесть повесть Харпер Ли «Убить пересмешника» - культовую книгу в американской культуре XX века. Издательство «Вагриус» выпустило специальное издание книги на русском языке, большая часть тиража была закуплена для библиотек области. Самый главный вопрос, возникший у организаторов проекта: как заставить жителей Ивановской области читать книгу? И здесь было принято неожиданное решение: губернатором области был объявлен конкурс на лучший фасон платья для главной героини книги, приз – поездка в Алабаму (место, где происходит действие романа). Эффект превзошел все ожидания – книга была мгновенно разобрана. На заключительные мероприятия в Ивановскую область приехала большая американская делегация во главе с президентом Национального фонда искусств, а также российские писатели и издатели.

В настоящее время Президентом РФ дано поручение разработать комплексную и масштабную государственную программу по поддержке чтения.

5. Сказки – это особый раздел в работе со словом.

Сочинять для детей также естественно, как играть. Детский фольклор (считалки, «страшилки», дразнилки, стишки) свидетельствует об этом. Но поток стихийного детского творчества необходимо направлять к правде, красоте, душевности.

Во всех лучших школах прошлых столетий дети активно занимались словесным творчеством: у В.А. Сухомлинского писали сказки, у Я. Корчака выпускали газеты, у С.Т. Шацкого делали альманахи, у Л.Н. Толстого сочиняли рассказы, в пушкинском лицее сочиняли во всех жанрах, а у С. Френе работало целое школьное издательство.

Изначально в сказке заложено доброе начало. Именно поэтому у детей хорошо получаются социально-бытовые сказки, когда они переключаются свои отношения на сказочную основу, ищут пути выхода из создавшегося положения, в итоге побеждает справедливость.

6. Атмосфера свободы творчества.

В ранние годы на развитие способностей влияют преимущественно условия домашнего воспитания. Затем главную роль приобретает система образования. Наконец, творческий потенциал находится под влиянием общественной системы. Семьи с непререкаемой властью родителей способствуют развитию у детей скованного мышления, которое позволяет получать результаты в рамках формальных логических рассуждений. Семьи, поощряющие независимость и самостоятельность в детях, способствуют формированию воображения, фантазии, раскрепощенного полета мысли. Традиционная система образования озабочена тем, чтобы дать учащимся необходимую сумму знаний. Но сегодня недостаточно изучить какой-то материал: знания устаревают уже к моменту окончания института. Главная цель – научить добывать знания. Одним из существенных недостатков является неготовность признать чужую заслугу и чужую идею, если она не подкреплена административным авторитетом. Луи Брайль в возрасте 12 лет заинтересовался громоздкостью книг для слепых. К 14 годам подросток практически закончил усовершенствование азбуки для слепых. В течение 5 лет азбука проходила испытания в специальных учреждениях. Лишь спустя 43 года после смерти Брайля азбука была принята во Франции и получила повсеместное распространение.

7. Преемственность.

Это очень важный принцип работы, когда старшие помогают младшим, подсказывают, корректируют, дают советы. В этом случае сложившиеся негласные правила и традиции передаются из уст в уста и не подвергаются сомнению.

«Если ученик в школе не научился сам ничего творить, то и в жизни он всегда будет только подражать и копировать», - сказал Л.Н. Толстой.

Слово, речь – показатель общей культуры человека, его развития, его речевой культуры.

Поэтому искусное овладение родным языком, культурой речи, постоянное ее совершенствование особенно важно для тех, кто стремится занять достойное место в обществе, иметь престижную работу, пользоваться уважением окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992. № 3266-1 «Об образовании» пункт 1 статья 7.
2. Психология творчества / А.Н. Лук. – М.: Наука, 1978. – с. 8 – 37.
3. Психология чтения художественной литературы: учеб. пособие/ Л.А. Мосунова. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2012. – 170 с.
4. Русский язык и культура речи/ Л.А. Введенская, М.Н. Черкасова. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 382 с.

5. Философия имени. Икона и иконопочитание. Сочинения в двух томах. Том второй. / С.Я. Булгаков. – М: Искусство, 1999. – с. 13-175.

М.В. Веркова

КНИГОИЗДАНИЕ УЛЬЯНОВСКА В 2001 – 2013 ГОДАХ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Веркова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук,
Ульяновский государственный технический университет,
г. Ульяновск (Россия)
E-mail: mironovamv13@rambler.ru*

В статье кратко исследуются тематическая, видо - типологическая и организационно-функциональная структуры ульяновского книгоиздания за период с 2001 по 2013 годы, анализируется их связь с экономическими и социально-культурными особенностями региона, а также выделяются основные современные его проблемы.

Ключевые слова: книгоиздание, Ульяновск, структура.

В статията кратко са изследвани тематичната, видово-типологическата и организационно-функционалната структура на книгоиздаването в град Ульяновск в периода от 2001 до 2013 година, анализира се тяхната връзка с икономическите и социално-културните особености на региона, а също така се определят основните съвременни му проблеми.

Ключови думи: книгоиздаване, Ульяновск, структура.

In this article, there are briefly studied the thematic, video typological and functional-organizational structures of the book publishing in Ulyanovsk during the period from 2001 to 2013, and analyzed their touch with economic and socio-cultural characteristics of the region as well as there will be selected a number of main current problems.

Keywords: book publishing, Ulyanovsk, structure.

Ульяновская область — промышленный и аграрный регион. Основная отрасль промышленности Ульяновской области – машиностроение (53,2% в общем объеме обрабатывающих производств). Основные области машиностроения: авиастроение, автомобилестроение, станкостроение, тяжелое энергетическое и транспортное. [Общая информация об Ульяновской области.([http://ulgov.ru/об-Ульяновской - области/общая - информация - об - Ульяновской - области](http://ulgov.ru/об-Ульяновской-области/общая-информация-об-Ульяновской-области))]. Ведущие предприятия Ульяновска и области – ЗАО «Авиастар-СП», ОАО «УАЗ», ОАО «Ульяновский механический завод», ОАО «Ульяновский моторный завод». Также «особенностью области является сравнительно высокая доля в структуре ВРП транспорта и связи – 14,2 %. Ульяновская область является крупным транспортным узлом. Через регион проходят авиационные, железнодорожные и автомобильные коммуникации всех направлений России, международные воздушные линии, соединяющие Поволжье с Европой, Средней Азией, Ближним Востоком и Китаем» [Там же]. Большое внимание уделяется и сельскому хозяйству.

Ульяновск – основной издательский центр Ульяновской области. Небольшой вклад вносит также и Димитровград: около 5% по числу названий и 1,5% по тиражам от объёмов книгоиздания Ульяновской области; издательская деятельность других муниципальных образований Ульяновской области еще менее значительна по масштабам, так что существенного влияния на общую картину не оказывает.

За 13 лет в Ульяновске было издано около 4 120 названий (*данные брались непосредственно из ГБУ «Книжная летопись» за 2001 – 2013 годы и группировались по рубрикам ГРНТИ*), что составляет примерно 9% от всего объёма книгоиздания Среднего Поволжья за тот же период. Суммарный тираж Ульяновска за период с 2001 по 2013 годы – примерно 2,3 млн. экз. Это количество составляет около 3% от всего объёма книгоиздания региона по тиражам. То есть в целом Ульяновск является не самым крупным издающим субъектом в Среднем Поволжье.

Если число названий издаваемой литературы довольно равномерно увеличивается, то тиражи нестабильны, но в целом снижаются на протяжении всего рассматриваемого периода. Такая картина свидетельствует о том, что увеличивается тематическое разнообразие издательского репертуара, и происходит это в первую очередь за счет издательской деятельности вузов. Вузовским наполнением объясняется и нестабильность тиражной динамики, так как издательская деятельность вузов обусловлена в основном не особенностями региона, а нуждами высшего образования и протекающими в нем процессами, которые с региональными условиями связаны далеко не всегда.

Тематическая структура книгоиздания Ульяновска по числу названий кумулятивно за 2001–2013 годы представлена в табл. 1 и 2.

Таблица 1.

Тематическая структура книгоиздания Ульяновска по числу названий за 2001–2013 годы

Номер и наименование раздела ГРНТИ	Число назв.	Номер и наименование раздела ГРНТИ	Число назв.
14. Народное образование. Педагогика	829	68. Сельское и лесное хозяйство	215
17. Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	379	55. Машиностроение	190
06. Экономика. Экономические науки	333	10. Государство и право. Юридические науки	171

По числу названий разрыв между первым и последующими тематическими разделами весьма велик: 20 и 9% соответственно (табл. 1). Видо-типологическое наполнение раздела «Литература. Литературоведение...» имеет место в основном за счет научных и учебных, а не литературно-художественных изданий. В группе лидеров присутствуют разделы «Машиностроение» и «Сельское хозяйство», что связано с активной издательской деятельностью Ульяновского государственного технического университета и Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии, изначально ориентированных на удовлетворение потребностей местной экономики. Разделы «Экономика...» и «Государство и право...» постоянно занимают заметное место со второй половины 90-х годов 20 века, так как соответствующие специальности и направления подготовки имеют стабильную популярность у абитуриентов, а книгоиздание по этим разделам обеспечивается в Ульяновске в подавляющем преимуществе вузами.

Таблица 2.

Тематическая структура книгоиздания Ульяновска по тиражам за 2001–2013 годы

Номер и наименование раздела ГРНТИ	Тираж, тыс. экз.	Номер и наименование раздела ГРНТИ	Тираж, тыс. экз.
73. Транспорт	422	17. Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	208
14. Народное образование. Педагогика	346	06. Экономика. Экономические науки	118
10. Государство и право. Юридические науки	277	68. Сельское и лесное хозяйство	105

По тиражам раздел «Народное образование...» занимает второе место (14,5%), что говорит о преимущественно профессиональном (а не общеобразовательном) его наполнении. Нехарактерная для других регионов позиция раздела «Транспорт» определяется изданием в первой половине 2000 - х годов руководств. Так, Ульяновским автомобильным заводом или по его заказу большими тиражами и с несколькими переизданиями, но нерегулярно, выпускаются руководства по эксплуатации автомобилей УАЗ разных моделей. Ульяновским высшим авиационным училищем гражданской авиации выпускаются руководства по эксплуатации, судовождению, ремонту и т. д. судов гражданской авиации.

В целом, следует отметить, что в Ульяновске гуманитарная сфера в книгоиздании выражена не столь ярко и представлена преимущественно экономической и юридической литературой, а существенно больше внимания уделяется выпуску естественной и технической литературы, что опять же говорит о существенном преобладании вузовского книгоиздания, через которое и прослеживается связь с экономико-промышленными особенностями региона.

Типологическая структура книгоиздания Ульяновска по числу названий кумулятивно за 2001–2013 годы представлена в табл. 3 и 4.

Таблица 3.

Типологическая структура книгоиздания Ульяновска по числу названий за 2001–2013 годы

Вид издания по целевому назначению	Число назв.	Вид издания по целевому назначению	Число назв.
Научное	1 747	Литературно-художественное	403
Учебное	1 393	Производственно-практическое	310

В книгоиздании Ульяновска представлены все виды изданий по целевому назначению. По числу явно преобладают научные (42,5%) и учебные (34%) названия. Причем на протяжении практически всех 13 лет ежегодное число названий научных изданий больше, чем учебных, что отличает этот период от предыдущего десятилетия, когда ежегодное число научных и учебных изданий было примерно равным или же

учебные издания преобладали. Доля литературно-художественных изданий составляет 10%, в целом же их со второй половины 2000-х годов издается меньше, чем в более ранние периоды. Видное место занимают производственно-практические издания (8%). Сегмент имеет наполнение за счёт литературы по медицине, народному образованию и педагогике и транспорту.

Таблица 4.

Типологическая структура книгоиздания Ульяновска по тиражам за 2001–2013 годы

Вид издания по целевому назначению	Тираж, тыс. экз.	Вид издания по целевому назначению	Тираж, тыс. экз.
Производственно-практическое	540	Научное	495
Учебное	503	Литературно-художественное	289

По тиражам производственно - практическое книгоиздание в области существенно опережает остальные сегменты (23%). Это происходило, в основном, за счёт руководств по эксплуатации автомобилей УАЗ. В дальнейшем средние тиражи неуклонно снижаются с 4 000 до 200 экз. Доли учебного, научного и литературно-художественного книгоиздания составляют соответственно 21, 21 и 12%. Учебное книгоиздание преимущественно является профессиональным, а не общеобразовательным (для которого характерны существенно большие тиражи).

Так же, как и по числу названий, по тиражам явно заметно активное развитие научного книгоиздания. Его доля в 21% по сумме за 2001—2013 годы (против 12% за весь период наблюдений с 1991 по 2013 годы) также недвусмысленно свидетельствует о его более интенсивном развитии в этот период. Данная тенденция объясняется состоянием системы высшего образования как в целом по стране, так и в частности в регионе (так как учебное и научное книгоиздание на 70 и 90% соответственно обеспечивается в Ульяновске вузами) [Веркова М. В. Состояние вузовского книгоиздания...].

Позиции литературно-художественного книгоиздания в 2001—2013 годах ослабли, что особенно заметно по тиражным показателям. По числу названий его доля за период 2001—2013 годов составляет 10% против 11% за весь период наблюдений с 1991 по 2013, то есть снижение в рассматриваемый период сравнительно невелико. Более того, среднее ежегодное число названий возросло: с 25 за весь период наблюдений до 32 за рассматриваемый период. Но даже эта тенденция существенного влияния на состояние книгоиздания региона не оказывает, так как теряется на фоне темпов развития научного и учебного сегментов. По тиражам доля литературно художественного книгоиздания за период с 2001 по 2013 год составляет чуть больше 12 % против 32 % за период с 1991 по 2013 год, то есть снижение тиражей в рассматриваемый период произошло весьма существенное.

Организационно-функциональная структура книгоиздания Ульяновска в рассматриваемый период развивалась не очень активно по сравнению с другими субъектами. В 2001 году в Ульяновске действовало 16 издательств и издающих организаций, в 2013 году – 22. Основными в рассматриваемый период можно считать те издательства, доля которых по числу названий или по тиражам кумулятивно (за 13 лет) составляет не менее 5%.

По числу названий лидерами книгоиздания региона можно считать следующие организации:

- **Ульяновский государственный технический университет** – 1 722 названия, то есть около 42% от всего объёма книгоиздания Ульяновска. Причем по сравнению с предыдущим десятилетием его издательская активность растет: с 2003 года не менее 100 названий в год [Веркова М. В. Организационно-функциональная структура книгоиздания...].
- **Ульяновский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования** – 395 названий, то есть 9,6%. По сравнению с предыдущим десятилетием его издательская активность сильно снизилась: с 2005 года ежегодное число названий падает.
- **Ульяновский государственный педагогический университет** – 358 названий, то есть 8,7%. Причем его издательская активность в последние годы возросла: 41 и 61 название в 2011 и 2013 годах соответственно против обычных 25—30 в год.
- **Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П. А. Столыпина** – 278 названий, то есть 6,7%. Причем по сравнению с предыдущим десятилетием ее издательская активность растет, особенно со второй половины 2000-х годов.
- **Ульяновский государственный университет** – 224 названия, то есть 5,4%. Издательская активность на протяжении всего двенадцатилетия средняя, без резких скачков.

По тиражам изданных за период с 2001 по 2013 год изданий лидерами ульяновского книгоиздания являются:

- **ОАО «Орден Октябрьской Революции, Ордена Трудового Красного Знамени «Первая Образцовая типография» филиал «Ульяновский Дом печати»** – 441 тыс. экз., что составляет 18% от всего объёма тиражей книгоиздания Ульяновска за указанный период. Не является лидером по числу названий (его доля составляет менее 3%), так как в основном функционирует именно как полиграфическое предприятие, издательские функции третьестепенны.
- **Ульяновский государственный технический университет** – 412 тыс. экз., то есть 17%.
- **ОАО «Ульяновский автомобильный завод»** – 213 тыс. экз., что составляет 9%.
- **ОАО «Областная типография «Печатный двор»** – 189 тыс. экз., то есть 8%. На протяжении всех 12 рассматриваемых лет его деятельность стабильна. Работает только как полиграфическое предприятие.

Суммарная доля издательств-лидеров по числу названий за период с 2001 по 2013 годы составляет 72% против 69% за весь период наблюдения с 1991 по 2013 год, что говорит о небольшой тенденции к снижению разнообразия в организационно-функциональной структуре ульяновского книгоиздания в рассматриваемом периоде. По тиражам суммарная доля издательств-лидеров по числу названий за период с 2001 по 2013 годы составляет 53% против 70% за весь период наблюдения, что свидетельствует о развитии в большей степени полиграфической, а не чисто издательской составляющей книгоиздания Ульяновска.

Таким образом, можно сделать вывод о противоречивости развития Ульяновского книгоиздания: с одной стороны – рост объемов издательской деятельности по числу названий в количественном отношении, а с другой – определенная стагнация в сфере организационно-функциональной структуры. Количественный рост имеет место за счет издательской деятельности вузов, которые с типологической точки зрения выпускают в подавляющем преимуществе учебную и научную книгу. Но данная издательская продукция связана с регионом весьма и весьма опосредованно, так как вуз посредством своей издательской деятельности удовлетворяет в первую очередь свои внутренние

потребности. То есть в целом деятельность вуза, в том числе и издательская, определяется культурными, образовательными и промышленными потребностями региона лишь во вторую очередь, и не через количество названий, а в основном через тематику и проблематику, причем это касается научных изданий в большей степени, нежели учебных. То есть состояние и параметры региона на его вузовское книгоиздание, конечно, влияют, но косвенно. Также следует отметить, что издательская продукция вузов изначально не предназначена для потребления за пределами вуза (учебная книга) и определенного научного сообщества (научная книга), то есть ее функционирование на уровне региона дополнительно ограничено еще и ее видо-типологическими и, соответственно, функциональными особенностями.

Более подходящими для обеспечения культурной жизни региона с этой точки зрения являются литературно-художественные, научно-популярные и справочные издания. Но с этими сегментами в Ульяновске дело обстоит не очень хорошо. В литературно-художественном сегменте наблюдается некоторый рост числа названий, но также присутствует и снижение тиражей. В сегменте справочных изданий имеет место определенная стабильность по числу названий – в среднем по 4 названия в год, а по тиражам наблюдается в целом снижение. Но наполнение его происходит в основном за счет справочников производственного и учебного характера, которые менее трудозатратны и, как правило, институциональны (выпускаются на базе и за счет вуза или иного ведомства), а значимая для региона, но более сложная в редакторском и издательском исполнении краеведческая составляющая представлена слабо.

Наполнение сегмента научно-популярных изданий происходит как за счет изданий, тематически никак не связанных с Ульяновском и областью, так и краеведческих изданий, посвященных отдельным местам, известным личностям, так или иначе связанным с городом и областью, местным событиям и т. д. Соотношение этих групп изданий примерно 50 на 50. В целом же доля научно-популярных изданий весьма незначительна.

Таким образом, ульяновское издательское дело свои функции по обеспечению коммуникационных процессов в регионе, по формированию его имиджа, его идентичности обеспечивает весьма слабо. Причиной тому, помимо многих других факторов, – отсутствие специальной структуры, которая занималась бы этими проблемами. С превращением государственных издательств и полиграфических предприятий в частные, основной целью которых является получение дохода, а не обеспечение социальных функций, база, которая могла бы быть использована, утрачена.

Нужно отметить, что в последние годы предпринимаются попытки решить проблему, активизировать издательскую деятельность в регионе, принять меры по поддержке чтения. В 2009 году был создан Совет по продвижению чтения и поддержке книгоиздания в Ульяновской области. Но Совет – орган, координирующий, направляющий. Он отбирает произведения, публикация которых необходима. А организация, которая обеспечивала бы качественную редакционно-издательскую подготовку и отслеживала бы качество тиражирования, а также занималась бы пропагандой, рекламой, маркетингом, отсутствует. Предпринимались попытки поручать подготовку и тиражирование отобранных произведений частным полиграфическим (!) фирмам, но качество редакционно-издательской подготовки и полиграфического исполнения оставляло, мягко говоря, желать много лучшего, а меры по продвижению изданных произведений, по их рекламе (и рекламе самой программы по книгоизданию и деятельности Совета) отсутствовали полностью.

В 2013 году было создано Областное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области». Можно предположить, что он и станет той самой институциональной базой, которой так не хватает региональному книгоизданию Ульяновска и Ульяновской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веркова М. В. Организационно-функциональная структура книгоиздания и ведущие издательства Ульяновска 2000-х годов: обзор [Текст] // Издательское дело в России: современное состояние и перспективы: материалы всероссийской научно-практической заочной конференции, 20—21 октября 2011. – Киров: Издательство ВятГУ, 2011. – С. 9—11.
2. Веркова М. В. Состояние вузовского книгоиздания Среднего Поволжья начала XXI века [Текст] // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы – III: сборник статей конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 6—11.
3. Общая информация об Ульяновской области [Электронный ресурс] / Губернатор и Правительство Ульяновской области: официальный сайт. – Ульяновск, 2014. – Режим доступа: <http://ulgov.ru/ob-ульяновской-области/общая-информация-об-ульяновской-области.html>. – Добавлено 12 марта 2014 года.

Э.М. Глинтерник

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ШИПОВНИК» В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

*Глинтерник Элеонора Михайловна
Доктор искусствоведения, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: eglinternik@gmail.com*

В статье рассматривается деятельность издательства «Шиповник» (1906–1917), издательские проекты и их значение в истории русской культуры, книжного искусства и графики «серебряного века».

Ключевые слова: *издательство «Шиповник», искусство книги «серебряного века», русская книжная графика, З. Гржебин.*

В статията е разглеждана дейността на издателство "Шиповник" (1906–1917), издателските проекти и тяхното значение в историята на руската култура, изкуството на книгата и графиката на „сребърния век“.

Ключови думи: *издателство "Шиповник", изкуството на книгата на „сребърния век“, руската графика, З. Гржебин.*

Abstract: The article deals with the activities of the Shipovnik Publishing House (1906 – 1917), publishing projects and their significance in the history of Russian culture, book art and graphics "Silver Age".

Keywords: *Shipovnik Publishing House, the art of the book "the silver age", Russian book graphics, Z. Grzhebin.*

Относительно короткий в историческом масштабе период на рубеже XIX – XX веков оказался необыкновенно ярким в художественной жизни России. Благодаря значительному количеству вновь открывшихся, как российских, так и зарубежных материалов, последние десятилетия отмечены неослабевающим интересом к этому периоду нашей культуры, уже вошедшим в историю под названием «серебряного века». Летопись общественной и художественной жизни конца XIX – начала XX века насыщена большим количеством фактов в области издательского дела. В 1890-х годах проходят

Первая Всероссийская выставка печатного дела, Первый съезд русских деятелей по печатному делу и Первая международная выставка художественных афиш, в 1900 – 1910-х – историческая выставка архитектуры и художественной промышленности, Всероссийские съезды художников и архитекторов, специализированные ежегодные выставки печатной продукции.

Высокой активностью отличалась деятельность большого количества новых художественных объединений и группировок, имевших самостоятельную эстетическую платформу. Их самоидентификации способствовали многочисленная периодика и вновь образованные издательства, отражавшие многообразие художественной жизни тех лет. Книжное искусство этого периода было отмечено особым развитием графики и печатного дела.

Книгоиздание этого времени – важная часть нашего историко-культурного наследия, тесно связанная с основными художественными процессами эпохи. В общем, она характеризуется выявлением специфики графического искусства во всем его многообразии, новым подходом к искусству книжного оформления, становлением новой формы художественного творчества – графического дизайна, а также новым отношением к печатному делу как области эстетической деятельности.

Новые технологии в полиграфии способствовали развитию искусства книжной и газетно-журнальной графики. Совершенствуется цветная печать, и расширяются возможности ее применения. Вместе с механизацией, нововведениями в репродукционной и наборной технике, совершенствуются, улучшаются и брошюровочно-переплетные процессы.

Профессиональная деятельность в сфере массовой печатной продукции расширила свою аудиторию. Одна из главных отличительных особенностей художественной жизни России, как было точно подмечено Г. Ю. Стерниным, состояла в том, что «искусство этой поры, как никогда раньше, испытывало сильнейшее воздействие зрительских вкусов и наклонностей, что формирование новых эстетических принципов отражало в это время не только общественно-историческое содержание эпохи, но и столкновение очень конкретных художественных потребностей широкой и весьма неоднородной зрительской массы» [17, с. 35].

Среди не самых крупных издательств Санкт-Петербурга 1890 – 1910-х гг. были такие, которые все же смогли, при сравнительно небольших масштабах издательской деятельности, оставить заметный след в культурной жизни «серебряного века». В их числе, безусловно, – издательство «Шиповник», внесшее большой вклад не только в историю книги и книжного искусства, но и в российскую художественную культуру начала XX в. в целом. В настоящее время отечественное книговедение не располагает обобщающим трудом и каталогом книг издательства. Однако, можно отметить введение в широкий научный оборот, буквально на исходе XX – начале XXI века, значительного объема сведений, позволяющих составить более полное представление об основателях и деятельности «Шиповника».

В хронологическом порядке, прежде всего, заслуживают внимания научные публикации С. С. Ипполитова, Ю. С. Ромайкиной, недавняя монография Е. А. Динерштейна [11, 15, 16, 8]. В режиме свободного доступа в Интернет-ресурсах есть и научно-популярные статьи, безусловно способствующие проявлению интереса к истории издательства [4, 13, 18]. Названные публикации рассматривают деятельность и взаимоотношения совладельцев-издателей между собой, с авторами и государственными учреждениями, восстанавливают историю книгоиздания. В нашей статье хотелось бы обратить внимание на книги издательства «Шиповник» как явление книжного искусства и графики.

Известно, что основателями «Шиповника» были С. Ю. Копельман (1881 – 1944), о котором до 1990-х было известно лишь, что он был опцем писателя Ю. С. Крымова [3, с. 295] и З. И. Гржебин (1877-1929). О последнем значительно больше сведений в мемуарах и эпистолярном наследии таких видных представителей русской культуры первой половины XX

века, как А. Н. Бенуа, В. Серов, М. Добужинский, В. Шкловский, А. Остроумова-Лебедева, Ю. Анненков и мн. др. Ряд неопубликованных документов хранится в отделе рукописей ГРМ и других архивах. Дошли до нас также дружеские шаржи-зарисовки А. Бенуа, М. Добужинского, Ю. Анненкова, а также отдельные работы Гржебина-карикатуриста [19].

В том, что книги издательства, спустя время, вошли в историю русского книжного искусства, как видится, была большая заслуга З. Гржебина. Нам известно, что он родился в Чугуеве Харьковской области (кстати, оттуда родом был и И. Е. Репин), окончил художественное училище (источники расходятся, в Харькове или Одессе) и продолжил обучение в Мюнхене. Опять же, в одних источниках говорится об учебе в школе А. Ашбе, в других – у Ш. Холлоши. В это время Мюнхен буквально был наводнен молодыми художниками из России, желавшими познакомиться с западноевропейской системой обучения. По всей вероятности, тогда и были заложены основы личных и профессиональных контактов З. Гржебина, что в какой-то мере в недалеком будущем обеспечило столь быстрый успех в издательском бизнесе. В 1905 г. Гржебин возвратился в Санкт-Петербург, ему не было и тридцати лет, тогда было положено начало редакционно-издательской деятельности.

Как вспоминает А. П. Остроумова-Лебедева, будущие участники сатирического журнала «Жупел» встречались летом 1905 года поочередно у М. Горького, М. Добужинского, И. Билибина. В один из вечеров собрались у художницы, по ее словам: «Гржебин был выдвинут как главный организатор и как будущий редактор. Было решено, что журнал будет бичевать царскую власть» [14, с. 347]. В первом номере была напечатана карикатура Гржебина «Орел-оборотень, или Политика внешняя и внутренняя», получившая высокую оценку. История выхода трех номеров «Жупела» и ареста издателей неоднократно описана в советское время. Вокруг объединились ведущие мастера, многие из которых были участниками объединения «Мир искусства»: Б. Анисфельд, Л. Бакст, И. Билибин, О. Браз, И. Грабарь, Д. Кардовский, Б. Кустодиев, Е. Лансере, А. Остроумова-Лебедева, Л. Пастернак, К. Сомов, П. Щербов, В. Серов и др. Прототипом журнала послужил популярный немецкий сатирический журнал «Симплицис-симус», запрещенный тогда в России. Заимствованные формат, приемы верстки, традиция сочетать на одном развороте цветные иллюстрации с черно-белыми, собрали самых талантливых графиков, которые остротой, парадоксальностью интерпретации сюжетов, злободневностью тем, высоким профессионализмом рисунка сделали сатирическую графику высоким искусством. Журналы стали фактом истории русской общественно-политической мысли и одновременно – русского искусства.

Чуть позднее созрела идея основания «Шиповника». Необходимость в литературно-художественном издательстве с широкой программой была очевидна. Старые издательства почти не печатали молодых авторов, другие, такие как «Гриф», «Скорпион», Сабашникова, Саблина были малодоступны либо придерживались определенных идейно-художественных установок.

За время своего существования издательство «Шиповник» сменило три адреса: Загородный, 23, кв. 61; Невский, 102; Николаевская, 31 (ОР ГРМ. Ф. 115, ед. хр. 454, л. 7). С момента основания оно обзавелось собственной издательской маркой работы Е. Лансере, которая встречается на деловых бумагах и открытых письмах, позднее появилась и марка работы С. Чехонина.

С самого начала З. Гржебин стремился создать вокруг «Шиповника» подобие литературно-художественного клуба. Как следует из архивных материалов, регулярно организовывались «понедельники», в центре внимания которых были вопросы искусства и литературы. По обыкновению приглашения на издательском бланке рассылались заранее. Приведем два, – адресованные М. Добужинскому. Первое от 6.10.1906 г.: «Издательство «Шиповник» просит Вас почтить свои присутствием очередной понедельник, имеющий быть 6. с. м. Будет прочитана новая пьеса Леонида Андреева: «Жизнь человека». Начало чтения ровно в 10 часов вечера». И второе – от 30.03.1907 г. «Издательство «Шиповник» покорнейше просит Вас пожаловать на собрание художников и литераторов, имеющее быть в субботу 31. с. м. в помещении издательства. Тема «Искусство будущего». «Дебаты начнутся в 9 ч. вечера» (ОР ГРМ. Ф. 115, ед. хр. 454, л. 7).

Так как время толстых журналов казалось изжитым, «Шиповник» начал с выпуска «Альманахов» и «Северных сборников». Всего вышло 26 литературно-художественных альманахов, многие под редакцией Л. Андреева. Семь «Северных сборников» были посвящены скандинавским писателям, отдельно были изданы К. Гамсун и Г. Уэллс. Стараниями издателей впервые были выпущены практически все произведения Л. Андреева, «Пруд» А. Ремизова, «Мелкий бес» Ф. Сологуба и мн. др.

Довольно тесно общаясь с М. Горьким, которому принадлежала идея пропаганды знаний во всех областях культуры, З. Гржебин всячески старался расширить тематический репертуар «Шиповника». Кроме упомянутых изданий, была основана серия «Театр». В нее вошли произведения зарубежных драматургов, а также А. Блока. Были впервые опубликованы его лирические драмы «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка» (1908). Широко известный рисунок для переплета был сделан К. Сомовым, сама книга отпечатана в одной из лучших типографий Санкт-Петербурга – И. Кадушина. А. Блок писал матери в 1907 г.: «Драмы я продал «Шиповнику», обложка Сомова к драмам восхитительно пестра (красная, желтая, черная)». [10, с. 135]

С самого начала в планах «Шиповника» было издание фундаментальных книг по искусству. Воплотить удалось далеко не все. В 1906 году впервые в России были выпущены отдельной книгой 60 рисунков О. Бердслея, отобранные непосредственно К. Сомовым. Затем, впервые на русском языке, вышла монография А. Бенуа о творчестве Ф. Гойи (1908), впервые изданы «Переписка Микеланджело Буонаротти» (1914), «Серовы, Александр Николаевич и Валентин Николаевич» (1914). Среди других начинаний – издание художественных открытых писем с качественно воспроизведенными карикатурами известного художника Т. Т. Гейне, одного из постоянных авторов «Симплициссимуса», на обороте всегда была марка издательства и логотип.

Расцвет деятельности «Шиповника» совпал с теоретическими и практическими исканиями в области книжного искусства. В отличие от ряда других издательств, бывших трибунами отдельных художественных группировок, «Шиповник» не декларировал какие-либо явные эстетические принципы, не выступал открыто на конференциях или диспутах. В общем, это и не было нужно, поскольку, все самое передовое, что было в то время в России, было представлено в издательстве самими идеологами. В 1910 г. А. Н. Бенуа выступил с известной программной статьей «Задачи графики», где были сформулированы основы представлений об идеальной работе художника книги. В ней, в частности, говорилось: «Когда художник призван только украшать книгу, он обязан помнить об ее целостности. <...> Не надо забывать в украшении книги об ее архитектуре. <...> Художник, занятый книгой, должен обращать свое внимание первым долгом (и прежде всяких мыслей об орнаментовке) на основные требования красоты в книге: на выработку формата, на качество, поверхность и цвет бумаги, на размещение текста на странице, на распределение и соотношение заполненных и пустых пространств, на шрифт, на пагинацию, на обрез, брошюровку и т. д.» [5]. А. Бенуа впервые сформулировал сверхзадачу: «Создать цельное прекрасное искусство книги».

В 1911 г. издательство приступило к осуществлению наиболее значительного своего проекта – выпуску «Истории живописи всех времен и народов» А. Бенуа. Проспект издания с исчерпывающей полнотой раскрывал его цель, условия выпуска и содержание: «В русской литературе не существует самостоятельных трудов по истории мировой живописи <...> ныне ощущается надобность в источнике ознакомления не только с отечественным, но и с мировым искусством. <...> Нельзя понять своего искусства, если не понимаешь всей совокупности и последовательности явлений искусства вообще» (ОР ГРМ. Ф. 115, ед. хр. 454, л. 1- 5). Содержательным новшеством было расположение материала не в хронологическом порядке, а в тематическом – по жанрам и школам.

Весь материал предполагалось расположить отдельными выпусками (от 30 до 35). В каждом планировалось по 12 – 15 листов текста и 60 – 80 крупноформатных иллюстраций. Начиная с февраля 1912 г. выпуски должны были печататься ежемесячно в течение двух лет. Известен нам в двух вариантах рекламный плакат работы С. Чехонина, касающийся этого события. К сожалению, к 1917 г. издание прекратилось на 22-м выпуске. В 1913 г. З. Гржебин начал новый похожий проект «Историю музыки всех времен и народов» проф. А. А.

Сакетти, однако и он не был завершен. Вышло всего три выпуска, издательские обложки были выполнены Г. Нарбутом.

На рубеже XIX – XX веков в читательской среде возрастает интерес к иллюстрированным изданиям. В 1911 г. на Всероссийском съезде художников редактором - издателем журнала «Старые годы», известным коллекционером П. П. Вейнером был прочитан доклад на тему «Художественный облик книги». Выражая мнение единомышленников, автор изложил подход к проблеме оформления и полиграфического исполнения издания, который правильнее всего обозначить как комплексный, так как выпуск книги, отвечавший их представлениям, требовал учета и гармонии многих составляющих, иными словами синтеза словесной и художественно-графической образности [7, с. 40]. Требования сочетания красоты и практичности, выдвинутые П. Вейнером, не устарели по сей день. Тогда же, во время съезда, в залах Академии художеств открылась выставка «Искусство в книге и плакате». В ее современном разделе «Шиповник» был представлен рекламным плакатом С. Чехонина, книжкой для детей «Жар-птица», изданиями: «Саломея» О. Уайльда, «Speculum Animae» (Зеркало души) С. Рафаловича с иллюстрациями [12].

Безусловной заслугой сотрудников «Шиповника» стала забота о внешнем убранстве книги, которое в силу консерватизма наиболее крупных издателей М. Вольфа, А. Маркса, И. Сытина, в общей массе оставалось серым и маловыразительным. Несмотря на новые технологические возможности, эстетическая составляющая в книгоиздании их почти не заботила.

Помимо уже названных художников, с самого начала на протяжении многих лет усилиями З. Гржебина постоянно приглашались к сотрудничеству Л. Бакст, Н. Рерих, Г. Нарбут, с 1909 г. – С. Чехонин. Почти все они принимали участие в иллюстрировании книг «Шиповника». Именно в этом заключалось новаторское отношение издателя к оформлению всех, без исключения, изданий, предназначенных для широкого круга читателей.

Следует, однако, отметить, что при всем своем, казалось бы, профессиональном подходе к оформлению книги З. Гржебин иногда допускал досадные промахи. Так, например, одна из идей, владевшая им, по всей вероятности, на протяжении длительного времени, – это одновременное соединение в конкретном издании в качестве иллюстраторов многих известных художников. Как правило, такие попытки оборачивались творческой неудачей (достаточно вспомнить «Мертвые души» Н. Гоголя в издании А. Маркса). В письме к А. Бенуа от 15 апреля 1906 г. З. Гржебин воодушевленно сообщал: «... Я не смогу точно объяснить, почему важнее, лучше «Войну и мир» иллюстрировать, чем произведения Овидия. <...> А я по всей вероятности получу право на издание «Войны и мира» (на ограниченное количество экземпляров). Вы представляете себе, как можно сделать это издание? Вы, Лансере, Серов, Бакст, Кардовский, Остроумова, Добужинский, если бы поработали год для этого издания – да ведь это бог знает, что вышло бы!» [6, с. 421]. Этот проект не был осуществлен, но известно, что книга поэта С. Рафаловича «Зеркало души» (1911) выпущена была с приложением рисунков блистательного коллектива: Б. Анисфельда, М. Добужинского, С. Судейкина, С. Чехонина, А. Яковлева. Однако, несмотря на знаменитые имена, в истории книжного искусства она не осталась.

Ностальгически вспоминая издательскую практику 1910-х годов, много позднее А. Бенуа так оценивал этот период: «те, теперь уже непостижимые времена, когда в русском обществе «царили» Дягилев и мы все грешные мирискуственники, когда в издательском деле такие удивительно деятельные, предприимчивые, широкие и знающие люди, как Скамони, Франк, Вильборг, Гржебин, С. Маковский и все те, кто подошли к ним, только и искали предлога, чтобы приложить свои средства и свои силы на создание еще и еще превосходнейших русских книг!» [1, с. 248].

Пожалуй, наибольшее внимание личности З. И. Гржебина уделено в воспоминаниях М. Добужинского. В 1929 г., после смерти издателя, в некрологе он высоко оценил значение сделанного им: «Один из деятелей, кому русская культура этого периода многим обязана в

смысле пропаганды искусства и литературы, который в течение этих лет являлся инициатором и душой многих начинаний, – был Зиновий Исаевич Гржебин. <...> Он был истинным "поэтом дела", а такие люди и суть, подлинные деятели культуры. Гржебин обладал редким даром объединять самых различных людей во имя общего дела – чертой в высшей степени драгоценной в жизни каждого общества, т. к. он был наделен талантом заражать своим собственным, всегда искренним горением» [9, с. 302].

Вклад издательства «Шиповник» в художественную культуру «серебряного века» следует оценивать на фоне расширения общеэстетических установок искусства, развития его отдельных видов и жанров. Это время совпало с периодом углубленной профессионализации в области искусства книги, поисков эстетической гармонии всех ее частей как единого целого. Скорее всего, на данном этапе, уместно было бы предпринять издание каталога всех книг, вышедших со знаком «Шиповника». Предпосылки к этому уже есть, большинство книг издательства признаны национальным достоянием и не подлежат вывозу за границу. После чего историко-культурное значение наследия «Шиповника» в развитии литературы и искусства станет более очевидным, а все сделанное займет подобающее место в истории русской художественной культуры начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Бенуа размышляет... – М.: - 1968.
2. Анненков Ю. Дневник моих встреч. В 2-х томах. – Л.: Искусство, 1991.
3. Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург - Ленинград. – Л., 1986.
4. Безелянский Ю. Дело прежде всего// Алеф. № 1026. – 2012, октябрь. / <http://www.alefmagazine.com/pub3058.html> (дата обращения: 24.03.2015).
5. Бенуа А. Н. Задачи графики// Искусство и печатное дело. – 1910. – № 2 – 3.
6. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. – Л.: 1971. – Т. I.
7. Вейнер П. П. Художественный облик книги/ Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 – январь 1912. Т. 3. – Пг., 1914.
8. Динерштейн Е. А. Синяя птица Зиновия Гржебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 448 с.: ил.
9. Добужинский М. В. Мои воспоминания. – М.: – 1987.
10. Журавлева Е. В. К. А. Сомов. – М.: 1980.
11. Ипполитов С. С. Гржебин Зиновий Исаевич (1877 – 1929)// Новый исторический вестник. – 2003. – № 1 (9)/ http://nivistnik.ru/2003_1/10.shtml (дата обращения: 24.03.2015).
12. Искусство в книге и плакате. Выставка при Всероссийском съезде художников: Каталог/ Пред. И. И. Лемана. – СПб., 1912. – 87 с.
13. Маргиналии собирателя: двадцать «Мелких бесов»/ 2014-10-28. <http://lucas-v-leuyden.livejournal.com/203799.html> (дата обращения: 26.03.2015).
14. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. I – II. – М.: 1974.
15. Ромайкина Ю. С. З. И. Гржебин и литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник»// Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – /http://bonjour.sgu.ru/sites/default/files/10_romanjkina.pdf (дата обращения: 24.03.2015).
16. Ромайкина Ю. С. С. Ю. Копельман – редактор «Шиповника» / XXXIII зональная конференция литературоведов Поволжья. – Саратов. – 2012.
17. Стернин Г. Ю. Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. – М., 1984.
18. Трафедлюк С. Гржебины/ <http://captain-zzz.livejournal.com/8039.html> (дата обращения: 24.03.2015). Большая энциклопедия карикатуры// <http://www.cartoonia.ru/entsiklopediya-karikatury/g/grzhebin-zinovii-grzhebin-zinovi>

Л.М. Дмитриева
С.А. Коненко

**МИКРОКНИГА: ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ПОСТРОЕНИЯ МИКРОМИРА И ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО
МИРА ЧЕЛОВЕКА**

Дмитриева Лариса Михайловна
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
E-mail: dmlara@yandex.ru

Коненко Станислав Анатольевич
кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
E-mail: dritpp@yandex.ru

В статье раскрывается культурная сущность микроминиатюры, ее роль и место в современной культуре; уделяется внимание такому специфическому, редкому, но показательному с точки зрения актуальности и значимости в современной культуре направлению искусства микроминиатюристики, как микрокнига.

Ключевые слова: *постмодернизм, микроминиатюра, микрокнига.*

В статията са разкрива културната същност на микроминиатюрата, нейната роля и място в съвременната култура, отделя се внимание на такова специфично, рядко, но показателно от гледна точка на актуалност и значение за съвременната култура в направление изкуството на микроминиатюристиката като микрокнига.

Ключови думи: *постмодернизм, микроминиатюра, микрокнига.*

In the article is revealed the cultural essence of mikrominiatyury, its role and place in the contemporary culture; attention to such specific, rare, but exponential from the point of view of urgency and significance is paid in the contemporary culture to the direction of skill micro-miniature-painter as the micro-book.

Keywords: *postmodernism, mikrominiatyura, the micro-book.*

Занимая одно из важных мест в вариативном поле культуры, художественная микроминиатюра выступает инструментом познания и конструирования реальности. Несмотря на постоянное внимание к миниатюре и стабильное познание микромира, вопросы о месте ее в культуре, роли в человеческом опыте и освоении пространства человеческой жизнедеятельности во многом остаются открытыми.

Феномен микроминиатюристики в искусстве, как и в технике, в силу своего относительно недавнего появления в культуре представляется малоизученным, нуждающимся в своевременном теоретическом исследовании. На сегодня нет даже единой дефиниции, раскрывающей его суть. Философия, обладающая беспрецедентной широтой познания объекта и методологии, с необходимостью принимает к исследованию все выражения духовной активности человека, среди разных форм которой искусство является одной из важнейших и наиболее основательных.

Микроминиатюра обнаруживает в себя ряд основных черт эстетики постмодернизма.

1. Принципиальный эклектизм, отказ от функционализма, смешение стилей, синтез искусств.

2. Рефлексивность художественной практики: дистанция между микроминиатюристом и создаваемым им произведением всегда стремится к увеличению, так как непосредственно, без специальных оптических устройств художник не видит материал, с которым он работает.

3. Стирание различий между высокой и массовой культурой.

4. Зависимость от технических условий. Микроминиатюра возможна в изготовлении и рассмотрении исключительно посредством микроскопов новейших поколений.

5. Обращенность в прошлое. Микроминиатюра – редкий вид искусства, имеющий глубокие исторические корни в миниатюрном искусстве. Возрождение этого направления связано с особым природо- и мировосприятием.

6. Обращенность к природе. Постмодернизм испытывает явную жажду экологичности. Восприятие целостного мироздания, где человек слит воедино с миром органической и неорганической природы отвечает духу микроминиатюры. Обращенность к природе прослеживается и в преимущественном выборе микроминиатюристами природного материала: зерен риса, мака, пшеницы, лепестков цветов, паутинки, разрезанного вдоль человеческого или конного волоса. Эффект микроминиатюры обуславливается и тем обстоятельством, что микроскоп привычно настраивает человека на наблюдение за природными микросредами, а открывает неожиданный мир творений человеческих рук, поражая диапазоном неизведанных человеческих возможностей и смыслов, передаваемых микроформами. Скрипка в лапках кузнечика создает известный поэтический образ, подковки на лапках блохи позволяют воображению оживить сцену лесковского Левши, караван верблюдов в ушке иглолки реализует библейские строки. Это искусство позволяет наряду с современной наукой человеческому сознанию соприкоснуться с микроуровнем организации бытия.

Микроминиатюра, являясь феноменом культуры постмодерна, отвечает его специфике и в то же время преодолевает различные изъяны, обнаруживаемые в культуре этой эпохи.

Микрокнига имела шанс появиться лишь с возникновением соответствующего инструментария для работы и демонстрации – прежде всего микроскопов нового поколения. Исторически ей предшествует миниатюрная книга – одна из основных областей художественных миниатюр, занимающая ничтожную долю в издательской продукции, мало изученная исследователями-теоретиками. Если миниатюрная книга определяется преимущественно размерами 100x100 мм, то микрокнига ограничена ориентировочными параметрами 10x10 мм. Если в массовом производстве микротехнические операции выполняются механизмами, по причине невероятной сложности, то выпуск микрокниги не обходится без ручного труда, поскольку достигнутый на сегодня уровень полиграфии и издательских технологий не позволяет соблюсти размерность при высоком уровне качества.

Осмысление феномена микрокниги с позиции философии открывает несколько исследовательских перспектив. Во-первых, в век нанотехнологий человеческая рука по-прежнему предвосхищает возможности техники, стимулируя развитие физики и технологии микрообъектов (в ряде областей общественной жизни мастерство микроминиатюристов оказывалось жизненно необходимым и абсолютно незаменимым; в частности, в изготовлении инструментов для микрохирургии). Во-вторых, в условиях визуальной культуры изобразительное искусство и книга как печатный носитель информации стремительно теряют свое значение, но направление микрокниги демонстрирует неисчерпаемость этих ресурсов человеческой культуры. Наконец, с точки зрения философской антропологии, одна из важнейших потребностей человеческого духа – потребность трансцендирования непосредственных жизненных обстоятельств (заданных природным или социальным факторами), прорыв за границу реального. Искусство, эстетический опыт предоставляет человеку такую возможность: открывать для себя новые

границы мира. В частности, микроискусство демонстрирует ярчайший пример преодоления мастером пределов очевидных возможностей. В XX веке ведущим и определяющим центром эстетической перестройки в культуре было не искусство, а индустрия. Однако, эстетика типовых техноконструкций диаметрально противоположна эстетике духовной индивидуальности. На фоне быстро развивающихся процессов микроминиатюризации в производственной сфере импульс к развитию получает микроминиатюризация в искусстве, ориентированная на удовлетворение не потребностей, усиленно взращиваемых в человеке обществом потребления, а духовных потребностей личности. Анализ влияния микроминиатюры на духовный мир человека отправляет к выяснению значения эстетического развития личности и роли искусства в нем.

При рассмотрении микроминиатюрной книги раскрываются практически все известные истории осмысления искусства аспекты, затрагивающие его общественную природу и значимость для развития личности. Микроминиатюра обнаруживает в себе, например, миметический, «подражательный» момент, в котором античность и эпоха Возрождения видели особое познавательное значение и нравственную ценность искусства. Подражая внешнему космосу (напомним, что на греческом языке это слово означает помимо мироздания украшение, красоту, упорядоченность), микроминиатюра выполняет свою сугубо эстетическую функцию, являясь рефлексией эстетического сознания. Отражая идею микрокосма, миниатюра представляет собой способ и средство приобщения к «бесконечному», вечному, в чем должна была заключаться суть искусства по средневековым представлениям. Безусловно, в этом виде духовного освоения действительности нет прагматической цели, есть демонстрация игры творческих сил и выражение бытия абсолютного духа, как характеризовали искусство представители немецкой классической эстетики (Кант, Шиллер, Гегель и др.), осмысливавшие таким образом взаимоотношения искусства как «образа свободы» с эмпирической реальностью, наукой, моралью и религией.

Говоря о том, что микроискусство вообще и микрокнига в частности не имеют прямого утилитарного значения, стоит обратиться к истории возникновения искусства в момент, когда человек выходит за пределы удовлетворения своих непосредственных физических потребностей, практически-утилитарных интересов, получая возможность творить универсально, свободно, производя вещи и предметы, доставляющие ему наслаждение самим процессом деятельности. Возникновение и становление искусства связано с удовлетворением потребности в воспроизводстве собственно человеческого характера своей жизнедеятельности и самого себя как существа всеобщего и универсального.

Искусство, по самой своей природе опережающее нормы и представления своего времени, в определенном смысле способно задавать цели человеческой деятельности. Так, микрокнига в непосредственных областях профессиональной деятельности задает параметры качества и мастерства. А по отношению к личности, соприкасающейся с микрокнигой, последняя выполняет функцию расширения горизонтов мировосприятия и переживания свободы трансцендирующего человека.

Идея бесконечности мироздания на уровне микровеличин, бесконечности человеческих возможностей, диапазон которых трудно поддается пониманию, содержится в форме микрокниги. Как художественное произведение микрокнига ценна тем, что является проекцией духовного устремления, игры фантазии, реализацией, казалось бы, невозможного, рождаясь из потребности человека преобразовывать свое чувственное отношение к действительности. В культуре постмодерна человек, пресыщенный эффектами экранного искусства, игрой стилей и направлений, заканчивающейся определенным и в деталях конкретизированным результатом, а потому не требующей от зрителя развитого воображения, образного мышления, интуиции и, пожалуй, развитого эстетического чувства, микроминиатюра значима уже тем, что способна вызвать удивление и не представляет собой легкого гедонистического удовольствия.

Удовлетворяя потребность в восприятии мира, искусство развивает культуру восприятия. Микроминиатюра развивает культуру восприятия микроформ, внимание к деталям, к микромиру. Эстетическое обогащение духовного мира современного человека является необходимым условием гармоничного сосуществования человека с природой, наслаждения ее красотой и гармонией, понимание этого как ценности.

Микроминиатюрная форма, подчеркивающая целостность и бесконечное многообразие малого мира, вызывая эстетические переживания человека, способствует формированию у него ощущения собственной целостности и возвышения собственных чувств до предельной духовной высоты. Этим определяется особая значимость формы микрокниги как явления искусства и культуры. Познавая мир и представляя его посредством понятий или образов, наделяя его человеческими смыслами, словом очеловечивая, в конечном итоге, фактически подразумевает процесс оформления мира. Форма становится в искусстве конкретно-чувственным выражением духовной ценности явления, ставшего носителем красоты (как отношения между ним и человеком, эмоционально оценивающим его). Возможность возникновения именно такого отношения определяется особенностями и человека, и явления, с которым он взаимодействует. Явление должно иметь (или обретать) какие-то особые свойства, качества, чтобы оно смогло стать предметом эстетического отношения, носителем красоты. В разные эпохи, в разных сообществах – это разные свойства. Человек, взаимодействующий с этим явлением, должен быть эстетически развит, чтобы быть в состоянии чувственно оценить эти свойства, пережить их как красоту, испытать наслаждение от нее.

Человеку в его творческих порывах свойственно стремление к смелым экспериментам с размерностью объектов, преодолевая границы, соизмеримые с размерами тела самого человека. Так, существует в истории как искусства, так и промышленного развития масса примеров так называемых гигантомании: от панорамных живописных произведений и великих во всех смыслах этого слова архитектурных композиций до мегамашин в промышленности. Маленькая форма при этом позволяет сфокусироваться на деталях, сосредоточиться, всмотреться, почувствовать безграничность своих возможностей и, возможно, власти над тем, что меньше него (на фоне мегаконструкций, например, в архитектуре, человек чувствует подчас свою слабость и ничтожность, а не величие).

Художественное содержание невозможно перевести сколько-нибудь полно на язык понятий. Восприятие произведения оставляет значительное пространство для невыразимых состояний, смыслов, не является сразу и не обязательно посредством прямой речи.

Пожалуй, миниатюра являет собой предельное сближение искусства и философии. И философия, и искусство стремятся ухватить сущность мира в его предельных основаниях и смыслах, являя эту сущность в целостном образе. Микроминиатюра, таким образом, служит своеобразной рефлексией искусства. В то время как искусство есть рефлексия культуры, миниатюра – это рефлексия рефлексии. Сюжетные линии, некоторые технические приемы обращают нас к образам, существующим уже вне времени и пространства. Новые произведения (например, литературные в микроминиатюрной книге) практически не появляются в микроминиатюрной форме. Микроминиатюрист обращается к узнаваемым, хорошо известным, знаковым явлениям культуры. Микроминиатюра – это образ образа, новое прочтение старого. С одной стороны, сама актуализация, «переиздание» художественного образа в микроминиатюрной форме подчеркивает его непреходящую значимость. С другой стороны, новая форма по-новому высвечивает, казалось бы, знакомое содержание, требуя предельной сосредоточенности восприятия, а не отношение к культурному наследию как к чему-то абсолютно раскрытому, имеющему лежащие на поверхности, сами собой разумеющиеся смыслы.

Строго говоря, микроминиатюра выходит далеко за рамки вида искусства и эстетических идей. Это метаискусство. Обращаясь к уже укорененным в системе культурных ценностей художественным образам, микроминиатюра создает метаобраз

эпохи – устойчивый художественный концепт, смысл которого определяется совокупностью актуальных смыслов и акцентов в искусстве этого времени, созданным символическим рядом. Наука в стремительном своем развитии последних десятилетий так повлияла на искусство, что последнее стало осмысливать само себя и темы, волнующие науку. Искусство фактически выдает образ искусства в век науки. Здесь наблюдаются трансформация художественного образа. Идеализация (представленная в классицизме Пуссена, Мольера, Лоррена, неоклассицизме XX века), характеризующаяся преобладанием общего над единичным, и типизация (присутствующая в реалистическом искусстве и фантастическом реализме Свифта, Гоголя, Шагала), моделирующая жизненно достоверное единичное, воплощающее в себе черты определенного класса явлений, уступают в художественном образе место типологизации. Типологизация, будучи способом художественного обобщения, подчиняющая единичное общему, но не столько устремленное к идеалу (в отличие от идеализации), сколько выражающее знание и опыт овладения реальностью, запечатлевает выработанные культурой общественные отношения. Микроминиатюра как типологизированный образ несет в себе, прежде всего, понятийно-познавательное содержание. Полноценное становление микроминиатюристики в XX веке обуславливается особенностями общественного сознания: широкой распространенностью образованности, информативности, большой ролью рационально-понятийных форм мышления, необходимостью воплощения в чувственно-наглядной форме значимого массового опыта, традиционного и современного. Микроминиатюра есть, с одной стороны, очевидная реальность, с другой – реальность условная, символическая. У любого художественного образа всегда есть свое автономное пространство и время. Микроминиатюра осваивает в строго определенное историческое время развития науки, техники, массового сознания собственный пространственно-временной континуум, ранее не знакомый ни науке, ни технике, ни, соответственно, массовому сознанию. Требуя максимального сосредоточения, отделения от обыденной привычной реальности посредством оптических приборов, переносящих наблюдателя на принципиально иной пространственно-временной уровень действительности, и создающих специфическое обрамление произведению, микроминиатюра захватывает целиком сознание и психику наблюдателя. Созданный микроминиатюрный художественный мир притягивает внимание, программирует динамику чувств и мыслей, выстраивая себя посредством воображения воспринимающего.

Казалось бы, что в микроминиатюре проступает в очередной раз цитатность искусства постмодернизма, но это не складывание нового строя старых образов, не создание коллажа, а самостоятельное искусство, проявляющее творческий потенциал в создании принципиально новой формы, овладении новой размерностью.

Микроминиатюра возрождает забытое в постмодернистской эстетике значение слова «искусство» как «мастерство». Оно не только демонстрирует субъективное видение художником сложности и бездонности бытия, но и ювелирную тонкость работы рук, точность взгляда, способность к ремесленно-кропотливому труду.

В способности создавать метаобразы микроминиатюра близка скорее не постмодерну, а модерну, искусство которого расценивалось, например, Ж.-Ф. Лиотаром как проработка современностью собственного смысла.

Здесь обнаруживается модернистское стремление к завершенным целостным смысловым конструкциям, формам с сохранением при этом настроения игры на грани возможного и невозможного, некоторой парадоксальности, вызова привычным ощущениям пространства. Здесь есть место удивлению, восхищению, но нет места постмодернистской иронии.

Искусство, будучи частью культуры, «возделывает» человека. Микрокнига, обращая внимание на мельчайшие детали бытия, воспитывает в человеке способность наслаждаться гармонией мироздания, открывать новые пространства бытия. Микрокнига открывает наблюдателю мир неявленной человеку (ввиду его пограничного между макро-

и микрокосмосами существования) природы. Она, безусловно, относится к концептуальному искусству, обращающему к концепту произведения не только эмоции, чувства, но и умы людей. Микроминиатюрное искусство воспитывает человека, способного всматриваться, чтобы рассмотреть красоту в бытии.

Д. И. Илиева

КНИГОИЗДАНИЕ СБОРНИКОВ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В БОЛГАРИИ

Илиева Диана Иванова

доктор,

Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,

г. София (Болгария)

E-mail: diana_edubg@abv.bg

В статье анализируется динамика книгоиздания сборников паремий, находящихся в библиотечных фондах двух крупнейших библиотек в Софии - НБКМ и СБ. Делается вывод, что книгоиздание этих сборников следует стратегиям развития издательской отрасли в целом в Болгарии. Представлена модель авторской таблицы, способствующая синтезированному отражению ряда книговедческих и паремиографических деталей сборников пословиц и поговорок, обладающая большой прагматической ценностью в выборе необходимых паремиографических изданий по многочисленным параметрам.

Ключевые слова: *паремия, паремиография, матричные таблицы.*

В статията се анализира динамиката на книгоиздаването на сборниците с паремийни мъдрости според библиотечните фондове на две големи софийски библиотеки – НБКМ и СБ. Прави се извода, че то следва развитието и стратегиите на издателския бизнес като цяло в България. Представен е модел на авторска таблица, подпомагащ синтезираното отразяване на редица книговедчески и паремиографски детайли на сборниците с пословици и поговорки, с голяма прагматична стойност при подбиране на нужните паремиографски издания според многобройни параметри.

Ключови думи: *паремии, паремиография, матрични таблици.*

The article analyzes the dynamics of publishing collections of proverbs and sayings that are available in the library funds of the two largest libraries in Sofia – National library and Sofia library. It is concluded that it follows the development strategies of the publishing industry as a whole in Bulgaria. A model of an author's table is submitted. It promotes a synthesized presenting of a large number of book publishing details concerning proverbs publishing as well. The tables have a great pragmatic value in choosing the right according to the case selection of collection of proverbs and sayings according to numerous parameters.

Keywords: *paremia, paremiography, matrix tables.*

Болгарская книговедческая наука все еще не уделила заслуженного внимания изданиям с паремийными мудростям.*

**Паремия* – от гр. *παροιμία* - пословица, поговорка, притча. *Паремиология* – наука, изучающая пословицы и поговорки. В науке синонимическим образом используются деривативные прилагательные от этих терминов: „паремийный“, „паремиологический“, „паремический“.

Не прослеживана ритмичность их выпуска, издательские центры, особенности оформления изданий, критерии включения народных мудростей в них, механизм их расстановки и соответственно – поиска. Настоящая статья представляет собой часть тщательного паремиологического исследования; из-за ее объема в ней рассматриваются только часть указанных книговедческих и паремиологических параметров.

В целях исследования идентифицированы, обобщены и проанализированы издания с паремийными мудростями, наличные в двух центральных софийских библиотеках – самой большой национальной библиотеке – Национальная библиотека им. Св. Св. Кирилла и Мефодия (НБКМ) и самой большой публичной библиотеке – Столичная библиотека (СБ). Основной мотив этого выбора – доступность указанных библиотечных фондов для широкого круга читателей (вне университетской среды). В последующих изысканиях возможно включить и библиотечные фонды других библиотек в Софии и в стране.

До настоящего времени в Болгарии проводились только частичные и спорадические книговедческие исследования паремийных мудростей. До сих пор анализ болгарских паремических изданий, предпринятый в настоящем (и законченный в других наших) изысканиях, не был проделан. Сделана попытка заполнить пробелы в паремиографическом деле в Болгарии; этот подход можно превратить в отправной пункт других последующих книговедческих, паремиологических и паремиографических изысканий.

Для большей ясности проанализированные de visu сборники с паремийной мудростью представлены в авторских таблицах, представляющих собой своего рода алгоритм для единообразного сравнения и анализа специфических важных данных для паремиографических изданий в Болгарии, сохраняющихся в библиотечных фондах указанных выше двух крупнейших библиотек. Для иллюстрации мы предлагаем ниже типовую таблицу (в такую матрицу занесены все важные для паремиологических и паремиографических исследований параметры, выдержанные из сборников с поговорками и поговорками). В этой примерной матричной таблице занесены данные имеющегося в любой уважающей себя библиотеке (частной или публичной) сборника „Български пословици и поговорки“ (без значения это издание 1964 года или 1986 года; Для издания 1964 года есть другая таблица, отражающая книгоиздательские особенности этого сборника) составителей Милко Григорова и Константина Кацарова:

Таблица

Автор	Григоров, Милко; Кацаров, Константин
Заглавие	Български пословици и поговорки
Язык	Болгарский
Год	1986
Издательские данные	„Наука и изкуство“ – София / 3-е издание, переработанное
ISBN	Без сведения
Сигнатура/Библиотека	Ск 550368 (НБКМ)
Массив паремий, способ включения.	Сборник содержит около 5000 паремий – в том числе некоторые характерные народные выражения и слова как благословения, проклятия, эпитеты и др.
Принцип распределения паремий.	Включенные паремии распределены в более 300 тематических заголовках. Общее правило сборника - поговорки размещать в конце каждой темы.

Примечания.	<p>1. Настоящее издание (заголовок 1-го и 2-го изданий „5000 български пословици и поговорки“, Наука и изкуство, С., 1964 и 196г.) существенно переработанное и дополненное с целью практического использования, более легкого толкования и более легкого отыскивания паремий в нем.</p> <p>2. В конце книги вставлен алфавитный указатель.</p> <p>3. Для удобства читателей алфавитный указатель тематических заголовков размещен перед основным текстом.</p> <p>4. Каждая из тем начинается с самой характерной, прикольной, с самой ясной по смыслу пословицы (реже поговорки) и постепенно прибавляются иносказательные и аллегорические паремии.</p> <p>5. Из-за наличия почти всегда переносного значения, придающего многозначность паремиям, часто некоторые из них или их варианты можно найти в разных тематических разделах. Составители сборника делают это вполне сознательно имея ввиду гибкость народной сентенции и ее свойство впитывать новые значения при разных обстоятельствах.</p>
Определение пословицы.	--
Определение поговорки.	--
Направленность издания.	Издание направлено на широкий круг читателей. Этот сборник представляет собой интерес для школьников, студентов, преподавателей, журналистов, любителей и исследователей болгарского фольклора. .
Другие детали	Алфавитный указатель тематических заголовков; Алфавитный указатель пословиц и поговорок; Тираж 74 102.
Соответствия, варианты, синонимы, перевод.	<p>Поговорки, представляющие собой часть пословицы, включены в качестве варианта исходной пословицы, в то время как другие включены в смысловое гнездо, к которому они относятся по тематике.</p> <p>Для того, чтобы облегчить выбор наиболее подходящей пословицы, синонимы и варианты определенной пословицы в рамках данной темы размещены в одном и том же месте. Соседство гнезд и отдельных пословиц составлено по аналогии, семантической близости или благодаря одинаковому основному слову. Благодаря такой расстановке и сопоставляя находящиеся рядом и переходящие из одной в другую пословицы, читатель может найти дополнительные оттенки их значений.</p>

Наглядно представленные в табличной форме важные данные об имеющихся в исследованных фондах книги с народными мудростями позволяет нам провести многообразное и углубленное изучение ряда их паремиографических и книговедческих аспектов – (не)наличие дефиниции пословиц и поговорок, способ их включения в сборник, динамика издания книг с паремиями, обязательство болгарских издательских домов к паремиографической традиции, авторство и составительство, тенденции тиражирования, параметры книжного тела и т.п. Такие типизированные таблицы содержат синтезированную информацию о сборниках пословиц и поговорок в двух разделах - для широкого круга читателей, и для детей и подростков.

Первый раздел включает в себя 45 сборников пословиц и поговорок для широкого круга читателей из Национальной библиотеки и 29 из Софийской библиотеки (в некоторых книгах паремии представлены в сочетании с другими единицами коротких народных жанров – загадки, скороговорки, проклятия, благословения, песни и т.д.). Во втором разделе представлены 25 изданий из НБКМ и 15 из Софийской библиотеки (СБ).

Общее количество изданий с пословицами из Национальной библиотеки составляет 70 и из СБ - 44. Иными словами, в обеих библиотеках издания для детей и подростков примерно в два раза меньше по сравнению с изданиями, предназначенными для широкого круга читателей. Паремиографические издания для детей и подростков в целом в обеих библиотеках 35,1%, т.е. всего треть их фондов. Это указывает на то, что эти издания все еще в долгу перед общей паремиографической продукцией (и на то, что их составители не соблюдают требование закона предоставлять сигнальные номера вышедших в свет сборников хотя бы в НБКМ). Бесспорен тот факт, что фонды Национальной библиотеки почти в два раза богаче изданиями болгарских пословиц и поговорок (61,4%) по сравнению с теми в СБ (38,6%). Описаны и проанализированы в общей сложности 114 изданий с пословицами двух библиотек, 40 из них - для детей и подростков.

Важно отметить, что в таблицах нет дублирования табличной информации для сборников, находящихся в фондах как НБКМ, так и СБ. В рамках одной только сводной таблицы для них просто упоминалась сигнатура соответствующей книги в Национальной библиотеке и СБ. Это делается для того, чтобы более легко и быстро найти соответствующие издания в библиотеках или для облегчения при заказе данных изданий в соответствующих библиотеках (в случае необходимости). Сборники с народной мудростью размещены в алфавитном порядке в соответствии с фамилией автора (первого из них, если их более чем один). Это касается обоих разделов - для широкого круга читателей и для детей и подростков, а последовательность нумерации первой части продолжается во второй.

Анализируя динамику изданий сборников паремий, мы приходим к выводу, что она следует развитию и стратегиям издательской индустрии в целом в стране.

Первый сборник болгарских фольклорных материалов, содержащий около 200 пословиц, был выпущен в 1842 году в Пеще деятелем болгарского Возрождения Иваном Богоровым.

В 1847 году Никола Карастоянов - болгарский типограф, которого считают основателем книгопечатания в Болгарии, получает официальное разрешение печатать**. Поэтому можно считать настоящей находкой доступную для читателей Национальной библиотеки им. Кирилл и Мефодия книгу, изданную Петко Рачевым Славейковым „Български пословици“ в Санкт-Петербурге в типографии Императорской Академии в 1852 году - период, когда печатное дело в Болгарии плохо развито, в основном организовано за пределами страны выдающимися болгарскими представителями Возрождения.

** Больше по этому вопросу в: Николова, В., Куманов, М., България. Кратък исторически справочник, том 3, София: „Народна просвета“, 1983, стр. 260.

В 1897 году в Болгарии принят Закон о депозите, а Коммерческий закон в первый раз предусматривает требования к авторам согласно издательскому договору. В этот период Петко Рачев Славейков выпускает в Болгарии, в Пловдиве известный всем фольклористам и паремиологам в Болгарии сборник в двух частях „*Български притчи или пословици и характерни думи*“, 1889-1897г.

Во время Первой и Второй Балканской войн (1912- 1913), как и в годы Первой мировой войны, понятно, наблюдается большой спад в общем объеме издательской продукции без которого не обходятся и паремиографические издания. Тем не менее, в 1916 г. Арсений Костенцев выпускает „*1000 поговорки, пословици и кратки поучения*“ (София: Военно книгоиздателство).

В период между Первой и Второй мировой войн (между 1918-1939 г.г.) частными издательствами в Болгарии достигается стабильность и престиж. Книги, как правило, отражают то, что является социально значимым, что в пользу образования и распространения знаний. В течение примерно 20 лет количество издателей возросло, и теперь они разбросаны по всей стране (хотя и ведущими по производительности и репутации остаются столичные издательства).

Таким образом, в течение двух последовательных лет - 1925, 1926 - Петър Генков выдает в Велико Тырново в своем издательстве „*За мъдрите мисли – афоризми, пословици*“ (Библиотека семейного и школьного чтения). В конце этого периода (1939) Михаил Арнаудов выдает „*Български пословици и гатанки*.“ в Софии (издание "Хемус") В этом же году Йосиф Данаилов, публикует „*Българска народна мъдрост: Поговорки, пословици и сбити поучения*“ (опять в Софии, Издательский дом "Златна библиотека"). Книги вышедшие из печати в этот период составляют 5,4% нашей выборки.

Национализация частных типографий, начавшаяся в 1947 году, закончилась с принятием Закона о печати в 1948 году. Вскоре после его принятия выходит в свет третье издание пользующейся большой популярностью коллекции пословиц и поговорок Михаила Арнаудова „*Български пословици и гатанки*“ (Отбор и характеристика Михаил Арнаудов. София : Бълг. писател, 1949 г.). Довольно скоро после этого вышел в свет сборник Славейкова „*Български притчи или пословици и характерни думи*“ (Под ред. на М. Арнаудов, предговор от Иван Бунин; София : Български писател, 1954).

В течение следующих лет - 60-ые - 80-ые годы XX века книгоиздание в Болгарии превращается в единую, государственно централизованную и плановую систему. Ежегодно выпускаемые заглавия увеличиваются вдвое, а тиражи увеличиваются более чем в три раза. В этот период паремиологические издания исследованных коллекций обеих библиотек представляют собой 21,6% от общего объема обработанных заголовков (издания для детей и подростков чуть больше - 12,2% по сравнению с изданиями для широкого круга читателей - 9,5%).

После 1990 года с первых шагов перехода к рыночной экономике началась демонополизация книгоиздания в Болгарии. Централизованный орган управления действует до 1991 года. Преобразованию подвергаются существующие издательства, которым уже нужно самостоятельно решать вопросы по проблемам выбора заглавий, их финансирования и их коммерциализации. Показательным для децентрализации книгоиздания является тот факт, что помимо в традиционных ведущих городских центрах, издательская деятельность осуществляется и в других населенных пунктах.

Этот период условно можно разделить на два этапа: первый, начиная с 1989 года - года социального и экономического перехода до конца 2006 года, что является "разделительной линией" для стремлений Болгарии войти в Европейский Союз, и второй - с 1.01.2007 г. (день официального вступления Болгарии в ЕС) по сегодняшний день. Первый этап, охватывающий 16-17 лет и характеризующийся переходом к демократическому развитию и подготовкой к вступлению страны в ЕС, также характеризуется пиком паремиографической издательской деятельности: 43,2%

заголовков всей выборки, при том издания для широкого круга читателей являются немного больше (24,3%) по сравнению с изданиями для детей и подростков (18,9%).

На этом этапе выходят в свет и многочисленные тиражи паремиологических сборников для детей и подростков Цветаны Македонской: „Българско народно поетично творчество: Народни песни, приказки, пословици, поговорки, гатанки“ (1980, 1988, 1993 г.) и Елены Огняновой „Български народни приказки: Пословици, поговорки и гатанки.“ (1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1970, 2000 г.).

Второй этап, хотя и охватывает всего восемь лет (пока), тоже знаменует высокие темпы развития - в общей сложности 23%, которые распределяются как следует: 16,2% для широкого круга читателей и 6,8% для детей. Период учитывает немного меньше внимания к детской паремиологической тематике, но в целом не является отступлением от быстрого темпа книгоиздания сборников пословиц и поговорок по сравнению с предыдущей стадией, учитывая, что период почти в два раза короче. Сюда относятся коллекции пословиц и поговорок Доры Дьяковой „По сребърната нишка : Житейски мъдрости, афоризми и поговорки“ [Кн. 1] – София, 2012 и „Към златната нишка: Житейски мъдрости, афоризми и поговорки“: Кн. 2/ София, 2014, а также исключительно ценное издание Стефаны Стойковой „Български пословици и поговорки“ (2007 г.) и вышедшая в свет в этом же году книга Вани Мичевой „Български митове и легенди. Фолклор. Библейски митове: Песни, гатанки, пословици и поговорки“, сборник с народной мудростью, представляющий собой образцы различных форм короткого народного жанра „Български мъдрости за всеки ден: Афоризми, пословици, поговорки, фразеологизми, идиоми, крилати фрази“ Здравко Тонева (2013 г.), сборник Ангела Ангелова „Пословици и поговорки от стари времена – нетленното богатство на България“ с переводом паремий на четырех языках(2014 г.) и др.

Созданная авторская матричная таблица способствует синтезированному описанию ряда книговедческих и паремиографических деталей сборников пословиц и поговорок и имеет большую прагматическую стоимость в выборе соответствующих паремиографических изданий согласно тематики, объема, целевой группы (для взрослых или детей), включенных региональных или профессиональных пословиц, (не)существующих определений пословиц и поговорок, (не)наличия иллюстраций или синонимов и вариантов и ряда других важных для пользователей и библиотекарей параметров издания. С незначительными изменениями матричную таблицу можно использовать для описания и анализа коллекций загадок, песен, считалок, сборников стихов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов, Ангел. Пословици и поговорки от стари времена – нетленното богатство на България / Ангел Ангелов. – София: „Даита“, 2014. – 77с. , 21 см.
2. Арнаудов, Михаил Петров. Български пословици и гатанки / Отбор и характеристика Михаил Арнаудов. . – [3. изд.]. – София: Бълг. писател, 1949. – 152 с. , 16 см; 1. изд. 1939 изд. на Хемус. - 6 000 тир.
3. Българско народно творчество: В 13 т. / Отг. ред. Димитър Осинин. – София: Бълг. писател, 1961-1965 . (София: Печ. Д. Благоев). – 23 см.
4. Генков, Петър. За мъдрите мисли – афоризми, пословици / Петър Генков. – Търново: Собств. изд.; 1925. – 24с.; 18см.
5. Генков, Петър. За мъдрите мисли – афоризми, пословици / Петър Генков. – Търново: Собств. изд.; 1926. – 24 с.; 18 см.
6. Григоров, Милко; Кацаров Константин. Български пословици и поговорки / Милко Григоров; Константин Кацаров. – София: „Наука и изкуство“; 1986. – 3 преработено изд. – 554с.; 17см.

7. Григоров, Милко; Кацаров, Костадин. 5000 български пословици и поговорки / Милко Григоров, Костадин Кацаров. – София: „Наука и изкуство“; 1969. – Ч.2, - 419 с.; с илюстрации; 18 см.
8. Данаилов, Йосиф. Българска народна мъдрост: Поговорки, пословици и сбити поучения / Йосиф Данаилов. – София: „Златна библиотека“; 1939. – 46с.; 25с.
9. Дякова, Дора Стоянова. Към златната нишка: Житейски мъдрости, афоризми и поговорки: Кн. 2/ Дора Дякова. – София, 2014. – 32 с., 21 см.
10. Дякова, Дора Стоянова. По сребърната нишка: Житейски мъдрости, афоризми и поговорки: [Кн. 1]/ Дора Дякова. – София, 2012. – 32 с. , 21 см.
11. Костенцев, Арсени. 1000 поговорки, пословици и кратки поучения / Арсени Костенцев. -София: Военно книгоиздателство; 1916. – 56 с.; 19см.
12. Македонска, Цветана. Българско народно поетично творчество: Народни песни, нар. приказки, пословици, поговорки, гатанки / Предговор, състав., ред., бел. и приложения Цветана Македонска. – [5. изд.]. – София: Бълг. писател, 1983. – 272 с., 20 см. - (От авторката се разглеждат и преиздадените сборници 1980 г. 1988г. 1993 г.)
13. Мичева Ваня. Български митове и легенди. Фолклор. Библейски митове: Песни, гатанки, пословици и поговорки / Предговор Ваня Мичева. – София: Дамян Янков, 2007. – 280 с.
14. Огнянова, Елена. Български народни приказки: Пословици, поговорки и гатанки / Елена Огнянова. – София: „Български писател“; 1962. – 155с.; 25 см (От авторката се разглеждат и преиздадените сборници от 1964-1968, 1970 , 2000 г.)
15. Славейков, Петко Рачов. Български пословици / Петко Рачо Славейков. – С.-П.: В типографии Императорской Академии; 1852. – 24с.; 23,5 см.
16. Славейков, Петко Рачов. Български притчи или пословици и характерни думи: Ч. 1-2 / Събрани от П. Р. Славейкова. Пловдив, 1889-1897. (Пловдив: печ. Единство), 23 см.
17. Славейков, Петко Рачов. Български притчи или пословици и характерни думи / Събрани от П. Р. Славейков; Под ред. на М. Арнаудов; [Предговор. от Иван Бунин; Встъпителна статия М. Арнаудов]. – София: Бълг. писател, 1954. – 644 с, 21 см.
18. Славейков, Петко Рачов. Български притчи или пословици и характерни думи / Петко Рачов Славейков. – София: „Български писател“; 1972. – 572с.; с портрет; 21 см.
19. Стойкова, Стефана. Български пословици и поговорки. С., ИК Колибри, 2007.,430 с.
20. Тонев, Здравко. Български мъдрости за всеки ден: Афоризми, пословици, поговорки, фразеологизми, идиоми, крилати фрази/ Здравко Тонев.-София: ИК „Ваньо Недков“, 2013. – 120 с.; 21см.

А.В. Куманова

**ПАНЭПИСТЕМИЯ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ:
ТРЕХЪЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ – ТЕКТОНИЧЕСКИЙ МЕНТАЛЬНЫЙ ПРИБОР
(Опыт публикации в Софии издания международного коллектива авторов из США,
России и Болгарии)***

*Куманова Александра Венкова
профессор, доктор педагогических наук,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: alexkum@abv.bg*

*Статя основана на предисловие составителя и главного редактора издания, состоящегося из трех изоморфных книг международного авторского коллектива специалистов из США, России и Болгарии: The **English** – Russian – Bulgarian Dictionary of*

Library and Information Terminology = *Англо-руско-български дикционар по библиотечна и информациона дейност* = *Англо-руско-български речник по библиотечна и информациона дейност/ Compil.: John V. Richardson, Eduard R. Sukiasian, Victor V. Zverevich, Alexandra Kumanova; Managing Ed.: Stoyan Denchev; Ed.-in-Chief: Alexandra Kumanova ...* – София : За буквите – О писменехъ, 2010 с. – 886 с.: с ил. – Тр. на Студентското научно общество при Унив. по библиотекознание и информ. технол.: Том III. – Юбил. изд., посветено на 60-год. на Държ. библиотекарски инст., днес: Унив. по библиотекознание и информ. технол.

Библиотечно - информациона сфера осмыслена в качестве принципно – комплексной, которая содержит в себе знание: 1) по всем ее относительно самостоятельным компонентам (библиотековедение – книговедение – полиграфия – архивистика – документалистика – библиография – библиографоведение – информатика – информационные технологии ...); 2) по всем уровням рассмотрения данных компонентов в макросистеме библиотечно-информационной сферы (национальном – региональном – международном); 3) по всем уровням соответствия информационного моделирования (фактологическом – первичнодокументальном – вторичнодокументальном – метасистемном – философском).

Область именования информационных объектов на естественных языках – как феномен гуманитарного универсального интерактивного знания – раскрыта в контексте идеи единства многоуровневого мира и двух кардинальных проблем: полифонии интерпретации признаков объектов; выведения структурной формы объектов. Универсальное познание библиотечно-информационной сферы оценено как укорененное в интердисциплинарном – универсальном и гуманитарном – философско-научном движении XX-XXI вв.

Ключевые слова: *Англо-руско-български дикционар по библиотечна и информациона дейност* (София, 2010).

Статията се базира на предисловието на съставителя и главния редактор на изданието, състоящо се от три изоморфни книги на международния авторски колектив от специалисти от САЩ, Русия и България: *The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology* = *Англо-руско-български дикционар по библиотечна и информациона дейност* = *Англо-руско-български речник по библиотечна и информациона дейност/ Compil.: John V. Richardson, Eduard R. Sukiasian, Victor V. Zverevich, Alexandra Kumanova; Managing Ed.: Stoyan Denchev; Ed.-in-Chief: Alexandra Kumanova...* – София: За буквите – О писменехъ, 2010 с. – 886 с.: с ил. – Тр. на Студентското научно общество при Унив. по библиотекознание и информ. технол.: Том III. – Юбил. изд., посветено на 60-год. на Държ. библиотекарски инст., днес: Унив. по библиотекознание и информ. технологий.

Библиотечно-информационната сфера е осмыслена в качеството на принципно комплексна и включваща в себе си знание: 1) по всички нейни относително самостоятелни компоненти (библиотекознание – книгознание – полиграфия – архивистика – документалистика – библиография – библиографознание – информатика – информационни технологии...); 2) по всички равнища на разглеждане на тези компоненти в макросистемата на библиотечно-информационната сфера (национално – регионално – международно); 3) по всички равнища на съответствие на информационното моделиране (фактологично – първичнодокументално – вторичнодокументално – метасистемно – философско).

Областта на обозначаване на информационните обекти на естествен език – като феномен на хуманитарното универсално интерактивно знание – е разкрита в контекста на идеята за единството на света, изграден от много равнища и двата кардинални проблема: за полифонията на интерпретацията на признаците на обектите; за извеждането на структурната форма на обектите. Универсалното познание на

библиотечно-информационната сфера е оценено като вкоренено в интердисциплинарното – универсално и хуманитарно – философско-научно движение на XX-XXI век.

Ключови думи: *Англо-руско-болгарский словарь по библиотечной и информационной деятельности (София, 2010).*

*The article is based on the foreword of the editor-in-chief of this publication consisting of three isomorphic books of the international editorial board of specialists from USA, Russia and Bulgaria: The **English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology...** – София: За буквите – О писменехъ, 2010 г. – 886 с.: с ил. – Тр. на Студентското научно общество при Унив. по библиотекознание и информ. технол.: Том III. – Jubilee edition, dedicated to the 60th anniversary of the State Institute of Library Services, today University of Library Studies and Information Technologies.*

The library and information sphere in its capacity of a complex entity containing the knowledge for: 1) all its relatively independent components (library studies – book studies – polygraphy – archivistics – documentation – bibliography – bibliographic studies – informatics – information technologies...); 2) all levels of these components in the macrosystem of the library and information sphere (national – regional – international); 3) all levels of compatibility to the information modeling (factological – primary documental – secondary documental – metasystemic – philosophical).

The field of denominating the information objects in natural languages – as a phenomenon of the humanitarian universal interactive knowledge – is revealed in the context of the idea of the unity of the multi-level universe and the two cardinal problems: the polyphony of the object's interpretation and the introduction of a structural form of the objects. The universal knowledge of the library-information sphere is assessed as rooted in the interdisciplinary – universal and humanitarian – philosophical and scientific movement in XX-XXI c.

Keywords: *The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology (Sofia, 2010).*

I. Структурирование информационного пространства (Границы)

На уровне всеобъемлющей феноменологии инфосферы, функция языковой фильтрации и переработки информации означает отделение „своего” от „чужого” – пропускание, перевод внешнего (текста) в свое (язык). Таким образом, в инфосфере внешнее пространство структурируется во внутреннее... Граница структурирования информационного пространства является двусторонней: одна ее сторона обращена во внутреннее пространство личности (инволюция); другая – во внешнее пространство семиосферы (эволюция). И этот процесс интерактивен на всех уровнях реальности и сознания, как это установлено постмодерной наукой нашего времени, хотя об этом написано еще в одной из древнейших священных книг человечества – *Упанишадах*: **ЗНАНИЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА ТЕМ, О ЧЕМ ОН ЗНАЕТ.**

Диалог между *инволюцией* и *эволюцией* происходит в недрах личности: **инкультурация**. Это есть самый реальный диалог (не монолог!) с другими личностями, культурами, со всем мирозданием... В культурно-информационном плане этого диалога **КАЖДАЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЗАДАЧА (ПОИСК И УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ) ЕСТЬ ЛОГИЧЕСКОЕ, РАЦИОНАЛЬНОЕ, ИНТЕНСИОНАЛЬНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ШЛЕЙФЕ КУЛЬТУРЫ, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО КАЖДЫЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ И НАХОДИТСЯ ТАМ, ГДЕ ЖЕЛАЕТ И ГДЕ ЕМУ НЕОБХОДИМО – ЧЕРЕЗ ПРОЙДЕННЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ ПУТЬ, – НО ПРИВЫЧНЫМ ЕМУ, УНИКАЛЬНЫМ СПОСОБОМ.** И словари типа представляемого призваны сыграть уникальную роль, ибо с их помощью индивид находится в **НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ С ИНФОСФЕРОЙ – БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ.**

Тектоническая (*гр.*: *tektonikē* – строительное искусство) языковая ментальная сущность трансформатизма библиотечно-информационной сферы – оперирование *n*-элементами (где *n* есть любое естественное число от 1 до бесконечности, которым обозначается соответствующее понятие в данной сфере, возникшее и установившееся – параллельно в разных естественных языках /английском, русском, болгарском...) – и оперирование, в том числе, – лингвистическими *n*-элементами как единством сформированного многими уровнями мира – является АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ, КВАЛИМЕТРИЧЕСКОЙ И ПРОСКОПИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ПОСТМОДЕРНОГО ПОЗНАНИЯ, которую еще предстоит переосмыслить. Освещение в справочно-информационных целях данной комплексной проблемы находится в точке пересечения симбиоза познания библиотечно-информационной сферы как рационального познания (библиотековедения – книговедения – полиграфии – архивистики – документалистики – библиографии – библиографоведения – информатики – информационных технологий...) и всей компаративистической интердисциплинарной когнитологии, включающей в себя принадлежащий ей интенциональный, ментальный, языковой вектор связей между вещами.

Само решение описанной проблемы – ее постановка, ее систематическое изложение и предоставление результатов научно-практической общественности (в том числе – и для целей утилитарных нужд справочно-информационного обеспечения) – заключается в создании ИНСТРУМЕНТА – ИНСТРУМЕНТА ГУМАНИТАРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ XXI ВЕКА и ГУМАНИТАРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ САМОЙ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ.

Этот ИНСТРУМЕНТ, в виде лингвистического семиологического целого библиотечно-информационного дела, составленного из 13 000 взаимосвязанных понятий в 39 000 рядах (не учитывая в указанных цифрах количество служебной информации, необходимой для организации представленного трехязычного комплекса одновременно на английском, русском и болгарском языках), предназначен для особо тонкого оперирования ментальным потоком связей информационного моделирования реальности (информационной среды) и сознанием (знанием) в **ЕДИНИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ, КАЖДЫЙ ИЗ КОТОРЫХ ОБЛАДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ГРАНДИОЗНО СОВПАДАТЬ** – в своих ярчайших образцах воплощения – С УНИВЕРСАЛЬНЫМ ПОТОКОМ КУЛЬТУРЫ (в этом кругу взаимозависимостей находятся И НАУКА, И ПРАКТИКА, рассматриваемые КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ!) – КАК ЗНАКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ.

II. Библиотечно-информационная сфера (Постановка)

Эмблемой эмпиризма своего времени и эмпиризма всех времен, равно как и комплексных методов интегрального познания постмодернистской неклассической науки XXI в. (системно-структурного – концептуально-текстологического – культуролого-феноменологического, структурирующего лексикологическое знание как модель интеллектуальных традиций, сохраненных в памяти языка), звучат слова французского эпистемолога аббата Етьена Боно (1715-1780) в его „Трактате о системах”: **ВЫ ЖЕЛАЕТЕ С ЛЕГКОСТЬЮ ИЗУЧАТЬ НАУКИ? ТОГДА НАЧНИТЕ С ИЗУЧЕНИЯ ВАШЕГО ЯЗЫКА.**

Библиотечно-информационная деятельность, осмысленная в XXI в. одновременно и как научно-практическая, и как исследовательская, и как познавательная информационно-коммуникативная сфера, включающая интенциональный вектор познания в когнитивной семантике в аспект лингвосомиозиса, является *modus vivendi* панэпистемии (*гр.*: *pan* – „все”, „целое” + *epistemē* – знание): всезнание. Именно библиотечно-информационная социокультурная сфера (с принадлежащими ей областями: библиотековедением – книговедением – полиграфией – архивистикой – документалистикой – библиографией – библиографоведением – информатикой – информационными технологиями...) может быть представлена как грандиозная интерактивная форма, сочетающая своеобразное многоголосие, проявляющееся в единстве разных ее феноменов, действующих на

различных уровнях (национальном – региональном – международном), содержащихся в созданной и постоянно создающейся и непрерывно трансформирующейся информации в естественном системном целом инфосферы (ноосферы – семиосферы) в зависимости от проявлений физической – биологической и культурной жизни и бытующих взглядов на ее реалии в антропосфере – документальной информации. Будучи исключительно человеческой (субъективной и осуществляемой на различных естественных языках), деятельность, направленная на создание, сохранение и распространение феноменологии документальной информации, также располагается на многих уровнях (фактологическом – первичнодокументальном – вторичнодокументальном – метасистемном – философском).

Знание о библиотечно-информационной социокультурной сфере помимо того, что оно в принципе является комплексным, представляет собой также знание о: 1) каждом из ее относительно самостоятельных компонентов (библиотековедении – книговедении – полиграфии – архивистике – документалистике – библиографии – библиографоведении – информатике – информационных технологиях...); 2) каждом из уровней рассмотрения данных компонентов в макросистеме библиотечно-информационной сферы (национальном – региональном – международном); 3) каждом из уровней соответствующего информационного моделирования (фактологическом – первичнодокументальном – вторичнодокументальном – метасистемном – философском).

III. Гуманитарное универсальное интерактивное знание (Именование и структурная форма информационных объектов естественных языков)

В контексте идеи единства многоуровневого мира информации (и, в частности: 1) способов отражения /записи/ содержания документов и образов их поисков; 2) формы данных записей) весьма важно учитывать две кардинальные проблемы:

I. ПОЛИФОНИЮ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТОВ;

II. ВЫВЕДЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ФОРМЫ ОБЪЕКТОВ.

Обе (I - II) проблемы порождены пониманием грандиозной философской идеи диалектического единства мира как целостной системы, состоящей из многих уровней. Обе (I - II) проблемы обнаруживаются через своеобразное представление о словах, которыми мы называем вещи, как о фундаментальной сущности мира (в том числе и физического мира) (Ю. А. Шрейдер, 1991).

Первая из указанных проблем – именование признаков объектов – коренится в семиотической разработке языкового знака – философии имени (А. Ф. Лосев, 1923; 1927; 1929; 1993).

Эта научно-философская система находится в принципиальном соответствии с идеями значимости плана выражения (а не содержания), высказанными на разных этапах толкования общеполитической проблемы герменевтики: Ф. фон Шлегелем (1799, 1800, 1801), Ф. Шлайермахером (1992; 1998; 2008), В. Фон Гумбольдтом (1795; 1820; 1821; 1830-1835), Э. Бетти (1988), П. А. Флоренским (1918; 1922); феноменологическим учением Э. Гуссерля (1913; 1928; 1929); концепцией „символических форм” Э. Кассирера (1902; 1918); взглядами на „понимающую психологию” М. Хайдеггера (1927), толковавшего реальность жизненного мира человека (и информационную реальность) прежде всего как языковую.

Вторая из указанных проблем – установление структурной формы объектов – связана с совпадающими структуралистическими концепциями: идеями философов-системологов: А. А. Любищева (1958; 1977; 1982), раскрывающего единый план построения систем разных уровней и порядок организации, связанные с: космосом, единством биологического многообразия Земли и математическими структурами; С. В. Мейена и Ю. А. Шрейдера (1976), установивших „полифундаментализм” (выражение В. П. Троицкого, 1993) – необходимую двойственность классификации объекта, соотнося классификационное понятие и его „окружение” (информационную среду, в которой оно действует); структурально-семиотическими взглядами основоположника обозначенных

теми же терминами направлений в современной лингвистике, литературоведении и культурологии Ю. М. Лотмана (1964; 1967; 1977; 1978; 1993; 2009), находящимися в соответствии с интеллектуальными традициями: К. Леви-Стросса (1958; 1973) – в области структурной лингвистики и структурной антропологии; Ж. Лакана (1955-1956; 1964; 2007) – в сфере психоанализа; М. Фуко (1966; 1969; 1976; 1984) – в истории культуры; Ж. Пиаже (1907; 1932; 1979) – в психологии; Р. Барта (1949; 1968; 1979) – в литературоведении; других видных участников научно-философского интердисциплинарного движения XX-XXI вв.

IV. Универсальное познание библиотечно-информационной сферы (Эпистемология)

Библиотечно-информационная сфера уходит своими корнями в описанное выше интердисциплинарно – универсальное и гуманитарно-философско-научное движение XX-XXI вв. Библиотечно-информационная сфера является частью этого движения в качестве его генератора посредством своей естественно-исторической укорененности в развитии гуманитарного познания – эпистемологического знания как универсального (С. Денчев, А. Куманова /2005-2014/), сконцентрированного с особой интенсивностью в самом генезисе формирования исследовательских традиций в трех мировых школах – школах и информационной науки (трактуемых как культуролого-феноменологические явления /а не как географические ареалы/): Русская (Тартусско-московская) – Ю. М. Лотман; Западноевропейская – У. Эко; Англо-американская – Т. А. Себеок.

Весьма существенным для исследования особенностей универсального познания библиотечно-информационной сферы как планетарного фактора, чье значение обсуждается в указанных мировых школах и их ответвлениях и сферах культурного влияния, является изучение развития традиций этих школ в лоне естественных языков – изучение в русле существующих терминологических традиций, отраженных в первично- и вторичнодокументальных публикациях, в энциклопедиях, словарях...

Описанная постановка является методологической для преподавания дисциплин информационно-коммуникативного цикла знания и синхронизированного – учитывающего отдельные компоненты систематического комплекса (библиотековедение – книговедение – полиграфия – архивистика – документалистика – библиография – библиографоведение – информатика – информационные технологии...) – и углубленного исследования терминосистемы в данной области в целом.

Эта постановка воспринята в учебно-педагогическом процессе Университета библиотековедения и информационных технологий (УНИБИТ – до 30.09.2010 г. *называется*: СВУБИТ / София, Болгария) – и является ведущей в консолидации знаний о библиотечно-информационной деятельности, причем особое внимание обращено на словари (по библиотечной и информационной деятельности).

V. Учебно-педагогический процесс в УНИБИТ (Терминосистемная эвристика)

В 2005 г. преподаватели и студенты УНИБИТ, осуществляющие систематическое наблюдение за информационным потоком документов, включили в учебно-педагогический процесс первый вышедший в свет англо-русский словарь по библиотечной и информационной деятельности:

Англо-русский словарь по библиотечной и информационной деятельности = English – Russian Dictionary of Library and Information Terminology / Сост. и рук. проекта Дж. Ричардсон (США); Под ред. Э. Р. Сукиасяна, В. В. Зверевича (Россия). – Санкт-Петербург : Профессия, 2005. – 268 с.

Срв. с: данными об электронной публ. цит. изд. (... 268 с. – ISBN 5-93913-083-6 : 176 p.); предварительной звуковой версией для подготовки CD-ROM публ. цит. изд. (<<http://www.purl.org/net/lis-terms>>: отредактированные звуковые файлы объединены с файлами, содержащими текст словаря в формате HTML); публикациями по упомянутым проблемам Джона В. Ричардсона и Виктора Викторовича Зверевича.

В рамках систематического учебно-педагогического процесса в 2005-2009 гг. по дисциплинам „Инфосфера: Когнитология”, „Методика научных исследований”,

„Библиографическое измерение знания” и др., преподаваемых в УНИБИТ, *цит.* словарь был: переписан с учебной целью студентами – 1) от руки; 2) на компьютере; 3) переведен на болгарский язык; изучен и прокомментирован совместно преподавателями и студентами.

Оформленный и выверенный в ходе многочисленных научно-практических консультаций с ведущими специалистами Болгарии, а также с его создателями, в 2009 г. этот труд был смоделирован в виде публикации для учебных целей – для издания *Трудов Студенческого научного общества (СНО) при УНИБИТ*. В данном процессе, продолжавшемся вследствие трудоемкости и времеемкости технологического цикла его полиграфической реализации и в 2010 г., принял участие в общей сложности 421 студент, причем все они являлись участниками ежегодных студенческих научных конференций университета (их имена можно найти непосредственно в Именном указателе к ежегодному изданию: *Труды СНО при УНИБИТ – Том V*).

Так, совсем естественно, в рамках учебно-педагогического процесса, возник интерес – на основе каждого понятия, отраженного в *„Англо-русском словаре по библиотечной и информационной деятельности ...”* (СПб., 2005) – первоначально к изучению терминологии в единстве английского, русского и болгарского языков, а постепенно и к подготовке трехязычного терминологического массива в готовом к публикации виде и его моделированию в трех параллельных версиях: 1) англо-русско-болгарской; 2) русско-болгарско-английской; 3) болгарско-англо-русской.

Целью был поиск его языкового эквивалента одновременно по всем трем лингвистическим направлениям. Для осуществления данного перевода возникла необходимость в специализированном просмотре – кроме указанной в издании 2005 г. литературы – и ряда других изданий.

VI. Создание: англо-русско-болгарского, русско-болгарско-английского и болгарско-англо-русского словаря по библиотечной и информационной деятельности (2005 – 2009 – 2010 гг.)

Сделанные в 2005-2009 гг. рукописная и компьютерная копии и перевод на болгарский язык в Болгарии для целей учебно-педагогического процесса СНО при УНИБИТ *„Англо-русского словаря по библиотечной и информационной деятельности ...”* (СПб., 2005), после многократных уточнений, внесенных в текст в близком сотрудничестве с болгарскими специалистами (*см. ниже*), были представлены в рабочем порядке весной 2009 г. создателям словаря для издания 2005 г.: проф. Джону В. Ричардсону; д-р Ирине Л. Линден; проф. д-р Эдуарду Рубеновичу Сукиасяну; г-ну Виктору В. Зверевичу. В процессе созревания идеи подготовки корпуса перевода *„Англо-русского словаря по библиотечной и информационной деятельности ...”* (СПб., 2005) на болгарский язык, проф. Джон В. Ричардсон и г-н Виктор В. Зверевич подготовили в 2009 г. специальные предисловия для публикации СНО при УНИБИТ (с. 93-96; 97-102). В ряде писем и бесед, осуществленных в результате близкого творческого сотрудничества в течение ряда лет с д-ром Ириной Л. Линден, проф. д-ром Эдуардом Рубеновичем Сукиасяном и проф. д.т.н. Яковом Леонидовичем Шрайбергом, были уточнены детали публикации (2009 г.).

Приступая в 2009 г. к завершению издания и его структурированию в 2010 г. в виде трех параллельных изоморфных версий – в трех книгах, – болгарские специалисты (*см. ниже*), участвовавшие в создании, редактировании и консультациях по переводу на болгарский язык фиксированной терминологии английского и русского языков и подготовке к печати указанных версий (русско-болгарско-английской и болгарско-англо-русской), пришли к единому мнению, не покидавшему их все время работы над этим изданием, продолжавшейся более пяти лет: ментальная, интеллектуальная основа продукта словаря (англо-русского) принадлежит специалистам из США и России (рус. изд. 2005 г.); перевод на болгарский язык этого продукта (англо-русско-болгарского словаря) осуществлен болгарскими специалистами; создание двух других зеркальных версий (русско-болгарско-английской и болгарско-англо-русской: со специализированной

редакцией) осуществлено целым коллективом с ведущим значением болгарских издателей новой публикации (болг. изд. 2010 г.).

В связи с данным пониманием, в публикации 2010 г. трех языковых версий мы помещаем имена составителей и редакторов „Англо-русского словаря по библиотечной и информационной деятельности...” (СПб., 2005) над своими.

Ниже мы приводим имена специалистов с болгарской стороны, принимающих непосредственное участие в издании „*The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology* = *Англо-русско-болгарского словаря по библиотечной и информационной деятельности* = *Англо-русско-български речник по библиотечна и информационна дейност*” (София, 2010), представленные в виде, воспринятом авторами публикации 2005 г.: проф. д.ик.н. Стоян Денчев (Ректор Университета библиотековедения и информационных технологий /УНИБИТ/ – София, Болгария); проф. д.п.н. Александра Куманова (преподаватель УНИБИТ /Кафедра Библиотечных наук/ – София, Болгария); ас. д-р Николай Василев (преподаватель УНИБИТ /Кафедра Библиотечных наук/– София, Болгария); Марияна Максимова (библиограф-редактор Национальной библиотеки им. Святых Кирилла и Мефодия /НБКМ/ – София, Болгария); доц. д-р Светла Бойчева (преподаватель УНИБИТ /Кафедра Информационных технологий/ – София, Болгария); доц. д-р Ружа Симеонова (заведующая фондом „Портреты” при Болгарском историческом архиве НБКМ – София, Болгария; в настоящее время – директор Научного архива Болгарской академии наук /БАН/); ас. Татьяна Дерменджиева (заведующая Национальным ISBN агентством при НБКМ – София, Болгария); ас. Диана Ралева (Институт литературы при БАН – София, Болгария).

Издание 2010 г. является результатом консолидирующей деятельности ответственного редактора „*The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology...*” (София, 2010) – проф. д.ик.н. Стояна Денчева, Ректора УНИБИТ. Составительство болгарского текста словаря издания осуществлено главным редактором настоящей публикации – проф. д.п.н. Александрой Кумановой. Создание корпусов русско-болгарско-английской, болгарско-англо-русской версий является плодом усилий проф. д.п.н. Александры Кумановой, доц. д-р Светлы Бойчевой и студентки Боряны Николовой, работавших в интенсивном сотрудничестве с членами редколлегии издания. Рецензирование трехязычного словаря по библиотечной и информационной деятельности является делом непосредственно следящих за многолетним процессом формирования данной публикации с точки зрения различных аспектов информационного моделирования: Фреда Майнхардта (лингвистический уровень), доц. д-ра Николы Казанского (системологический и терминологический уровень), проф. д.ф.н. Марии Младеновой (библиотековедческий отраслевой уровень), проф. д.т.н. Димитра Христозова (информационно-технологический отраслевой уровень), Стефки Илиевой (информационно-технологический универсальный уровень, документальное и стандартное обеспечение).

* [1] The **English** – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology = Англо-русско-болгарский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-русско-български речник по библиотечна и информационна дейност / Compil.: John V. Richardson, Eduard R. Sukiasian, Victor V. Zverevich, Alexandra Kumanova; Managing Ed.: Stoyan Denchev ; Ed.-in-Chief: Alexandra Kumanova; [2] The **Russian** – Bulgarian – English Dictionary of Library and Information Terminology = Русско-болгаро-английский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Руско-българо-английски речник по библиотечна и информационна дейност / Состав.: Эдуард Р. Сукиасян, Виктор В. Зверевич, Александра Куманова, Джон В. Ричардсон; Ответств. ред.: Стоян Денчев; Гл. ред.: Александра Куманова; [3] The **Bulgarian** – English – Russian Dictionary of Library and

Information Terminology = Болгаро-англо-русский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Българо-англо-руски речник по библиотечна и информационна дейност / Състав.: Александра Куманова, Джон В. Ричардсън, Едуард Р. Сукиасян, Виктор В. Зверевич; Отг. ред.: Стоян Денчев; Гл. ред.: Александра Куманова. – София: За буквите – О писменехъ, 2010 с. – 886 с.: с ил. – Тр. на Студентското научно общество при Унив. по библиотекознание и информ. технол.: Том III. – Юбил. изд., посветено на 60-год. на Държ. библиотекарски инст., днес: Унив. по библиотекознание и информ. технол.

Рец.: **1. Атанасова, Д.** Триезичен речник по библиотечна и информационна дейност. // *Информ. бюл. на Центр. библ. на БАН (София)*, 2011, N 8, с. 4-6 <cl.bas.bg/about-central-library/bulletin-of-central-library-of-bas/volume-54/54_3.pdf>; **2. [От ред.]** „Англо-руско-българский словарь по библиотечной и информационной деятельности”. // *Науч. и техн. б-ки (Москва)*, 2011, N 9, с. 95; **3. Триезичен** речник по библиотечна и информационна дейност [Редуц. публ. – Рец. за Том III на Тр. на СНО при УниБИТ: „The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology” (София, 2010) – докл., представен на VI Студентска науч. конф. на УниБИТ, 20.05.2011 г.] / С. Денчев и др. // *Тр. на Студентското научно общество при УниБИТ (София)*, Т. VII, 2012, с. 71-80: табл., граф. – Др. авт.: А. Куманова, Н. Казански, Н. Василев, М. Максимова; **4. Триезичен** речник по библиотечна и информационна дейност [: Редуц. публ. – Рец. за Том III на Тр. на СНО при УниБИТ: „The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology” (София, 2010) – докл., представен на VI Студентска науч. конф. на УниБИТ, 20.05.2011 г.] / С. Денчев и др. // *Издател (В. Търново)*, 2011, N 1-2, с. 52-57, с ил. – Други авт.: А. Куманова, Н. Казански, Н. Василев, М. Максимова; **5. Симова, П.** Универсално хуманитарно познание без езикови граници. Първият триезичен речник по библиотечна и информационна дейност на XXI век във вид на традиционна и електронна публикация. // *Информ. бюл. на Центр. библ. на БАН (София)*, 2012, N 1 (59), с. 17-18; **6. Триезичен** речник по библиотечна и информационна дейност [: Разшир. публ. – Рец. за Том III на Тр. на СНО при УниБИТ: „The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology” (София, 2010) – докл., представен на VI Студентска науч. конф. на УниБИТ, 20.05.2011 г.] / С. Денчев и др. // *Тр. на Студентското научно общество при УниБИТ (София)*, Т. VII, 2012, с. 71-80, с табл., граф. – Други авт.: А. Куманова, Н. Казански, Н. Василев, М. Максимова; **7. Соколова, С.** 60 години от рождението на професор д.ик.н. Стоян Денчев : Биобиблиографски преглед на публикациите му в и около „Трудове на Студентското научно общество при УниБИТ. Посветени на него приноси. // *Издател (В. Търново)*, 2012, N 3-4, с. 9; **8. Велев, В.** Първият триезичен речник по библиотечна и информационна дейност в света „The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology = Англо-руско-българский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010). // *Тр. на Студентското научно общество при УниБИТ (София)*, Т. VII, 2012, с. 123-130 с ил.; **9. Илиева, С.** Триезичен англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност. // *Издател (В. Търново)*, 2011, N 3-4, с. 61-62; **10. Куманова, А.** Три версии трехъязычного словаря. // *Мир библиографии (Москва)*, 2012, N 4, с. 77; **11. Куманова, А.** Трехъязычный словарь по библиотечной и информационной деятельности : Инструмент разрушения языковых, географических и прочих границ. // *Вестник Челябинск. гос. акад. культуры и искусств*, 2012, N 1 (29), с. 34-36; **12. Василев, Н.** и др. Явен език или етимологичното знание на библиотечната и информационната дейност (Дейксис) / Н. Василев, С. Илиева (N 616). // *Тр. на Студентско научно общество при УниБИТ (София)*, Т. VIII, 2013, с. 131-136; **13. Велев, В.** Първият триезичен речник по библиотечна и информационна дейност в света „The English – Russian – Bulgarian Dictionary of Library and Information Terminology = Англо-руско-българский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност”: Том III на Трудове на

Студентското научно общество при УниБИТ (София, 2010) (N 617). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 137-142; **14. Балабанова**, Е. За том III на „Трудовете на Студентското научно общество при Университета по библиотекознание и информационни технологии” – триезичния речник (N 618). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 143-144; **15. Манчев**, В. Три семантично и графично изоморфни книги (N 619). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 145-147; **16. Атанасова**, Д. Триезичен речник по библиотечна и информационна дейност (N 620). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 148-150; **17. Симова**, П. Универсално хуманитарно познание без езикови граници. Първият триезичен речник по библиотечна и информационна дейност на XXI век във вид на традиционна и електронна публикация (N 621). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 151-153; **18. Илиева**, С. Триезичен англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност (N 623). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 156-157; **19. Николова**, В. За триезичния речник по библиотечна и информационна дейност (N 624). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 158-159; **20. Чантов**, В. Относно първия триезичен речник по библиотечна и информационна дейност на 21 век (N 625). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 160-161; **21. Шаламанова**, И. Принос за подпомагането на учебно-педагогическия процес и библиотечно-информационната наука (N 626). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 162-163; **22. Гергушева**, П. и др. Сравнителен анализ на лексиката на български, английски и руски език по библиотекознание в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Езиков дискурс) / Н. Гергушева, Н. Цекова, Г. Николова (N 627). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 164-166; **23. Шопова**, А. Компаративистичен преглед на книгознанието в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Лексикален анализ) (N 628). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 167-169; **24. Василева**, К. и др. Полиграфската проблематика в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Сравнително представяне) / К. Василева, М. Василева, А. Техменджиева (N 629). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 170-175; **25. Захариева**, С. и др. Архивистиката в езиковите трасета на „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Компаративистичен анализ) / С. Захариева, О. Вацова (N 630). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 176-178; **26. Гърбешкова**, П. и др. Документалистиката в лингвистичните потоци на „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Сравнителен анализ) / П. Гребешкова, А. Стоянова (N 631). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 179-181; **27. Спасова**, П. и др. Библиографията в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Езикови измерения) / П. Спасова, Л. Николова (N 632). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 182-186; **28. Стефанова**, Е. и др. Библиографознанието в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-българският словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-руско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Езикови измерения) / Е. Стефанова, В. Младенова, В. Дреновски (N 633). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 187-189; **29. Костова**, К. Информатиката в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-руско-

болгарский словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-русско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Езиков разрез) (N 634). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 190-193; **30. Иванова, Е.** и др. Информационните технологии в „The English-Russian-Bulgarian dictionary of library and information terminology = Англо-русско-български словарь по библиотечной и информационной деятельности = Англо-русско-български речник по библиотечна и информационна дейност” (София, 2010) (Сравнителен анализ) / Е. Иванова, К.Николова (N 635). // *Пак там*, Т. VIII, 2013, с. 194-195; **31. Нанкова, М.** Три книги за първия триезичен речник. // *Науч. тр.* на Унив. по библиотекознание и информ. технол. (София), 2012, Т. 10, с. 439-441; **32. Стайкова, Ц.** Англо-русско-български речник по библиотечна и информационна дейност / Отг. ред. Стоян Денчев, гл. ред. Александра Куманова. – София: За буквите – О писменехъ, 2010. – 886 с. // *Български език* (София), 2014, N 2, с. 85-86.

А.А. Нечитайло,
Т.Ю. Депцова,
Н.В. Прядильникова

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНДУСТРИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

Нечитайло Александр Анатольевич
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой издательского дела и книгораспространения,
Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет),
г. Самара (Россия)
E-mail: ip.ssau@mail.ru

Депцова Татьяна Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры издательского дела и книгораспространения,
Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет),
г. Самара (Россия)
E-mail: depstova@mail.ru

Прядильникова Наталья Викторовна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры издательского дела и книгораспространения,
Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет),
г. Самара (Россия)
E-mail: ip.ssau@mail.ru

В статье предпринята попытка показать и аргументированно доказать, что литературная индустрия является основой культурного бренда России. В работе дается анализ национального бренда и его восприятия как объекта имиджевых коммуникаций в культурном контексте.

Ключевые слова: гуманистические ценности, реклама, бренд, издательство, литературный туризм.

В статията се прави опит да се покаже и докаже, че литературната индустрия е в основата на културната марка в Русия. В статията се анализира националната

марка и възприемането му като обект на разпространението на образ в културен контекст.

Ключови думи: хуманистични ценности, реклама, марка, издателска дейност, литературен туризъм.

The article attempts to show and prove that the literary industry is the basis of cultural brand of Russia. The paper analyzes the national brand and its perception as an object of branding communication in a cultural context.

Keywords: humanist values, advertisement, brand, publishing business, literary tourism.

Основным вектором распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое наследие человечества. Почитание книжности выросло из первоначального магического культа книги, восходящего к архаическим временам, когда письмена почитались священным откровением. Не случайно книгу нарекают «хранительницей высших смыслов отечественной культуры», «важнейшим фактом цивилизации», «вместилищем вечных идей», «духовным наставником» и т.д. Очевидно, что если естественный язык – основа антропогенеза, то искусственно сотворенная книга – основа человеческой цивилизации. Культурная составляющая в структуре имиджевых коммуникаций России представляется особо ценной с точки зрения ресурса имиджевого позиционирования страны на международной арене. Ее неоспоримая значимость была зафиксирована на уровне базовых представлений зарубежных респондентов, вызывающих позитивные ассоциации со страной. Соответственно в силу уже сложившихся позитивных представлений иностранцев о богатом культурном наследии России ее имиджеобразующий потенциал должен быть не только полноценно задействован в процессе построения эффективных имиджевых коммуникаций на международной арене, но и составить основу коммуникативных акций, направленных на улучшение имиджа. При этом речь должна идти как об использовании уже знакомых иностранной аудитории, сокровищ русской культуры прошлого, так и об активном продвижении лучших образцов современной российской культуры.

В последнее время происходит усиленное обогащение понятийного аппарата науки и культуры за счет, прежде всего, англоязычных терминов: реклама, дилер, менеджер, маркетолог, имидж, бренд, шоу, хиты и пр. Все они сознательно или стихийно вписываются в реальную культурную жизнь и в проблематику теории культуры.

В литературе, а не только в обыденном сознании, существует неоднозначное понимание многих новых понятий, начиная от культуры и антикультуры и кончая имиджами и брендами. Герменевтический анализ их представляет интерес для теории, культуры, потому что культурология как комплексная наука включает в себя и герменевтическую проблематику.

Особое значение имеет исследование социальных функций брендов, которые в системе «производство - продажа - потребление» выполняют не только коммерческие или знаковые роли, но и оказывают психологическое, нравственное, патриотическое, политическое, правовое, эстетическое, экономическое и иное многообразное социальное воздействие как на производителей, так и на коммерсантов и потребителей продукции. Гуманистическая сущность книги обусловлена такими ее свойствами, как социальная ценность содержания, мемориальность, социально-коммуникативное назначение, антропоморфичность. Литература всегда была в жизни нашего общества очень важной интеллектуальной составляющей. Она была и остается очевидным брендом России, нашего многонационального народа. Позволим себе привести высказывание президента нашего государства: «Писатель, поэт, человек, занимающийся каким-либо творчеством, — у него есть семья, своя жизнь, потребности. И, столкнувшись с требованиями рынка, которые могут быть гораздо более жесткими, чем требования государства, ожидающего той или иной идеологической отдачи от творчества, люди

готовы поступиться качеством произведений, над которыми работают, — считает Владимир Путин. — Мы знаем, что это не всегда адекватно качеству, особенно это касается литературных произведений. Государство здесь недорабатывает, потому что не все сферы человеческой жизни можно запихнуть в «прокрустово ложе» рыночных отношений. Не все виды творчества, если мы хотим, чтобы они были качественными и честными, способны генерировать деньги на рынке. И здесь государство обязано поддержать» [1].

Современные реалии книжного рынка России заставляют издателей задуматься над возможностью использования брендинга в издательской практике. На сегодняшний день книга занимает второе место в списке товаров, которые люди чаще всего покупают через Интернет. В мире высок интерес к русской культуре. В издательской среде бытует неопределенное отношение к издательскому делу как к бизнесу. Например, некоторые утверждают, что издание книг - это не бизнес, а некая гуманитарная миссионерская деятельность, что бренд для издательства не играет большой роли – главное иметь раскрученного автора. Книгоиздание - это, несомненно, бизнес, но очень сложный и тонкий, так как имеет дело с диалогом в «большом времени». Бренд для издательства важен сейчас, а в будущем будет значить ещё больше.

Бренд – это, прежде всего, знак качества, и это качество гарантирует либо автор, либо составитель серии, либо издательство в целом в тех сегментах, в которых работает. Бренд начинается не с тиража, а с доверия. Если доверие возникло с первой книги, то появляется перспектива построить бренд. И тут важно понимать, что бренд не придумывают, а создают. Придумать можно сюжет книги, рецепт, торговую марку. Бренд – это история многократного подтверждения своей репутации и качества. И никто не знает наперёд, насколько вариативность ниш книжного рынка времени эта история может занять, прежде чем можно будет сказать: «Да! Это уже бренд». В издательском бизнесе слово «бренд» имеет специфические оттенки. Условно брендинг в издательском бизнесе можно разделить на три уровня: брендинг издательства, брендинг автора, брендинг серии или тематического направления. Большинство профессиональных издателей прошло эволюцию от несистемной деятельности (которая, тем не менее, приводила к формированию определённого образа) до осознанного влияния на формирование образа.

Стоит отметить, что отдельная удачная книга – не более чем обещание, которое нуждается в дальнейшем развёртывании сюжета присутствия на книжном рынке. Можно назвать десятки имён писателей, которые обещали, очаровывали возможностями, но так и не стали брендами. Причин немало: недостаточность творческого ресурса, обманчивость потенциала, конъюнктурное жертвоприношение модным тенденциям и т.д.

Именно из-за этого в настоящее время разработана концепция развития бренда литературного рынка России. Бренд – это доброе имя чего-либо, предлагаемое публике. Литературная индустрия, как одна из основ культурного бренда России, представляет собой суббренд, который – как государство в государстве.

Представители издательской отрасли отмечают, что им не хватает «кода общения». Это и есть компонент культурного бренда – сотрудничество людей внутри индустрии и на ее пересечении со смежными областями деятельности. Рассмотрим параметры имеджевой национальной политики в контексте литературной индустрии.

Конечно, это литературный туризм. Этот параметр отражает степень интереса к посещению страны и привлекательность туристических достопримечательностей. Именно он создает уровень литературной привлекательности российских крупных городов, столь важных для бренда страны и отрасли.

Экспорт российской литературы налажен достойно, но только в отношении ее классических образцов: Пушкин, Чехов, Толстой, Достоевский известны, экранизированы по всему миру. С современной русской литературой дело обстоит хуже, несмотря на то, что есть действительно стоящие тексты.

Культура и культурное наследие книжной индустрии включает и литературный рынок, и коммерческую культуру издательств и книгопродавцев. Глобальное восприятие наследия территории включает оценку уровня современной культуры страны, включая кино, музыку, живопись, спорт и нашу любимую литературу.

И, наконец, инвестиции и миграция в литературный рынок должны приобрести современный формат, нацеленный на решение реальных задач читателей.

Инвестиционная и креативная привлекательность книжных проектов должна притягивать к себе поэтов и журналистов, копирайтеров и ученых, блогеров и педагогов. Ибо притяжение отраслевого бренда сегодня – один из главных ключей к успеху книжной индустрии.

Бренд – это концентрация усилий автора текста и издательства. Позволительна аналогия. Тренд последних десятилетий в кино и театре – продюсерские проекты. Статус продюсера выше, чем статус режиссёра. В театре ещё сохранилось номинальное верховенство режиссёра, но продюсер постепенно и настойчиво диктует модель художественного процесса. И, в отличие от режиссёра, несёт ответственность за художественный результат. Тенденция такова. Книжный бизнес не исключение. Издатель обязан не в меньшей степени, чем писатель, владеть культурой и вкусом, для того, чтобы угадать книгу с потенциалом, а затем превратить её в бренд. Признаю, не всегда получается.

В прошлом столетии процесс брендинга работал на идеологию. Сегодня, читатель, измождённый рекламным прессингом, покупает соответствующий продукт; другой читатель, перестав кому бы то ни было верить, идёт в магазин и часто совершает ошибочный выбор, но свой выбор, который если и огорчает, то в меньшей степени, чем обманувшие рекламные рекомендации. Вариативность изданий нужна всем - читателю и издателю. Если издатель переиздаёт книгу под другой обложкой, здесь нет злого умысла, любая книга имеет своего искреннего почитателя. Вариативность позволяет предложить контент в новой упаковке, которая однажды совпадёт с поисками читателя.

Чтобы увеличить узнаваемость марки или бренда, часто приходится вносить дополнения, изменять его имидж за счёт использования новых креативных идей, ориентированных на долгосрочное сотрудничество книги с читателем. Расширение бренда тесно связано с его изменениями: его включение в новые линейки, даже в рекламные услуги и т.д. Есть опасность неудачного решения, когда в новой линейке бренд неожиданно сделается неестественным и недостоверным. Механика брендинга всегда связана с конкретными особенностями издания. Знакомое имя само мотивирует потребителя и уже направлено на целевую аудиторию.

Любой брендинг основывается на хорошем продукте и хорошей стратегии его подачи. В России надо формировать новую демократию всемирного значения, поднимая знамя русской культуры, когда-то бывшей одной из сильнейших в мире. Культура очень важна в национальном брендинге: люди уважают только те страны, которые уважают себя сами. И это самоуважение зиждется на национальной культуре.

Великая русская культура, и в первую очередь литература XIX века – это хороший «продукт», достойный брендинга. Того же Толстого экранизируют до сих пор даже в Америке, чей бренд в рейтингах всегда стоит на первом месте. Толстой - twitter-friendly. Например, фразу: «Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», поймут все люди на любом языке. По гениальному высказыванию М.М. Бахтина, «автора мы находим вне произведения как живущего своею биографической жизнью человека, но мы встречаемся с ним как с творцом и в самом произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы на касательной к ним. Мы можем сказать и так: перед нами два события — событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели). События эти происходят в разные времена (различные и по

длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте, включая сюда и его внешнюю материальную данность, и его текст, и изображенный в нем мир, и автора-творца, и слушателя-читателя» [Бахтин, с.116].

Начиная работу над литературным и культурным брендом России XXI века, нам важно помнить, что инерция образов стран в глазах других очень велика: национальный бренд воспринимается миром в пределах понятий шестилетнего ребенка и доходит до мирового сообщества довольно медленно. В итоге хорошая формула национального брендинга выглядит так: синергетическое сотрудничество власти, бизнеса и общества в построении новой демократии, с любовью и уважением к себе и нашей национальной культуре. Начав работать в этом направлении, мы приблизимся к бренду Льва Толстого, который при жизни в XIX веке заработал выдающуюся международную культурную репутацию с блестящим финансовым результатом. Теперь дело за книжной индустрией.

Итак, бренд – это доброе имя чего-либо, предлагаемое публике. Сила бренда зависит от успешности каналов распространения, коими на книжном рынке являются издатели и книжные сети, а также Интернет и очные события – форумы, салоны и пр. Литературная индустрия, как одна из основ культурного бренда России, представляет собой суббренд, который – как государство в государстве – может быть построен по модели.

Восприятие культурной активности страны – один из главных ключей к улучшению её бренда. Национальный брендинг в современных издательствах России представляет собой взаимосвязь власти - издательского бизнеса и общества, которое основывается на национальной культуре.

Покупатель книг ищет в предлагаемой массе книжной продукции знакомые значки, имена, обложки. Не может же он часами стоять и читать аннотации. Вот прочитал рецензию где-нибудь в «Афише», а тут увидел книгу на полке, вспомнил и купил. В случае же с «Детской литературой» само издательство является брендом. Не обладая эксклюзивными правами на каких-либо известных авторов или персонажей, потребителю позиционируются прекрасно оформленные и изданные книги в упаковке «старейшего детского книжного издательства» с почти 80-летней историей.

Проанализировав данную проблему, приходим к выводу, что литература является важнейшим фактором формирования международного имиджа страны, как минимум, по двум основаниям: она выступает одновременно и как субъект межкультурной коммуникации и как объект имиджевых коммуникаций. При этом те из соответствующих коммуникаций, которые осуществляются на международном уровне, по определению входят в саму структуру межкультурной коммуникации.

Культурный потенциал национального имиджа уникален, он не заменяем и не может быть скопирован, т.к. неразрывно связан с самой страной. Он соединяет прошлое страны с ее будущим. Он обогащает, так как связан с некоммерческой деятельностью. Он облагораживает, потому что показывает духовные и интеллектуальные качества народа страны и ее институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ежегодное послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]// Президент России: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/>. – Загл. с экрана.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин – М.: Искусство, 1986 г.. – 445 с.
3. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культурологии XX в. [Текст]/ В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2001г.. – 608 с.
4. Сафиуллина, З.А. Ценностные библиографические ориентации читателей [Текст]/ З.А. Сафиуллина// Библиогр. – 1994 г. – № 5. – С.3–11.

5. Слободчиков, В.И. Реальность субъективного духа/ В.И. Слободчиков// Человек. – 1994 г. - № 5. – С.21-27.
6. Солсо.Р.Л. Когнитивная психология [Текст]/ Р.Л. Солсо. - СПб.:Питер, 2006 г. – 589 с.

Е.Б. Ногина, К.М. Сухоруков

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ КНИЖНЫЕ СВЯЗИ В XXI ВЕКЕ

Ногина Елена Борисовна
канд. хим. наук, директор,
Российская книжная палата – филиал ИТАР–ТАСС,
г. Москва (Россия),
E-mail: enogina@bookchamber.ru

Сухоруков Константин Михайлович
канд. ист. наук, заместитель директора по науке,
Российская книжная палата – филиал ИТАР–ТАСС,
г. Москва (Россия)
E-mail: 1907@mail.ru

Приводятся и анализируются многоаспектные статистические данные о выпуске в России книжных изданий о Болгарии и переводов болгарских авторов на русский язык за период с 2000 по 2014 г.

Ключевые слова: Россия, Болгария, книгоиздание, статистика печати.

В статията са представени и анализирани многоаспектни статистически данни за издаването в Русия на книжни издания за България и преводите на български автори на руски език от 2000 до 2014 година.

Ключови думи: Русия, България, книгоиздание, статистика на печата.

The multi-aspect statistics of publishing in Russia of book editions about Bulgaria and translations from Bulgar into Russian during the period from 2000 to 2014 is given and analyzed.

Keywords: Russia, Bulgaria, book publishing, statistics.

В истории российского книжного дела особое место занимали и занимают болгарские просветители и деятели книжной культуры. Российско-болгарские культурные связи в разные исторические эпохи имели, конечно, разные цели и аспекты, но всегда служили взаимообогащению и развитию в сферах культуры и экономики, науки и образования, воспитания и просвещения народов наших стран – будь то времена Кирилла и Мефодия, или болгарского освобождения от турецкого ига, или «завоеваний социализма».

После распада СССР и всего социалистического лагеря произошли значительные и не всегда позитивные изменения в очень многих областях и сферах духовной и материальной деятельности, включая, конечно, и книжное дело, которое обычно выступало именно как интегратор продукции духовной и материальной культуры.

Тем не менее, традиции братской дружбы и искренняя заинтересованность наших народов в сохранении и укреплении многовековых связей, включая книжные, не позволили состояться какому-то резкому спаду в выпуске книг в России о Болгарии или

переводов с болгарского на русский язык. Об этом наглядно свидетельствует статистика Книжной палаты за 2000–2014 гг., основные итоги которой – применительно к заявленному сегменту книжного рынка – мы и проанализируем.

Суммарно по означенной тематике в России за эти пятнадцать лет насчитано 493 книжных издания, из которых на долю переводов пришлось 125 наименований, а 368 остальных – это книги и брошюры о Болгарии, написанные как российскими, так и болгарскими авторами на русском языке. Сюда же относятся опубликованные материалы различных конференций и съездов, в том числе с участием учёных из третьих стран. (См. табл. 1 и 2.)

Таблица 1.

№ п/п	Издательства, опубликовавшие переводы с болгарского языка	Кол-во изданий	Тираж
1.	[КОЛОМНА]: СЕРЕБРО СЛОВ	1	200
2.	ЕКАТЕРИНБУРГ : ИЗД-ВО УРАЛЬСКОГО УН-ТА	1	500
3.	ИЖЕВСК : ИЖЕВ. РЕСП. ТИП.	1	5000
4.	КАЗАНЬ : РАННУР	1	50000
5.	КРАСНОДАР : ГРАНАТ	1	100
6.	КРАСНОДА : ДЕДКОФФ	1	Нет данных
7.	МОСКВА: АМРИТА-РУСЬ	1	1500
8.	МОСКВА : АСТ	2	8000
9.	МОСКВА : АСТРЕЛЬ	4	30000
10.	МОСКВА : АФОН	1	7000
11.	МОСКВА : БЕЛЫЕ АЛЬВЫ	1	3000
12.	МОСКВА : БОЛГ. КУЛЬТУР.-ИНФОРМ. ЦЕНТР	2	1000
13.	МОСКВА : ВЕЧЕ	1	5000
14.	МОСКВА : ГРАНД	2	8600
15.	МОСКВА : ЖУРН. СКАЗОК	1	6840
16.	МОСКВА : ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ	1	150
17.	МОСКВА : ИДЕЯ-ПРЕСС	1	Нет данных
18.	МОСКВА : ИЗД-ВО МОСК. ГУМАНИТАР. УН-ТА	1	300
19.	МОСКВА : ИЗД-ВО РОС. УН-ТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ	1	250
20.	МОСКВА : ИЗД-ВО СЕСТРИЧЕСТВА ВО ИМЯ СВТ. ИГНАТИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО	1	4000
21.	МОСКВА : ИН-Т ОБЩЕГУМАНИТАР. ИССЛЕД.	2	6000
22.	МОСКВА : ИНДРИК	1	1500
23.	МОСКВА : КРАФТ	1	3000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие переводы с болгарского языка	Кол-во изданий	Тираж
24.	МОСКВА : ЛЕПТА	4	20000
25.	МОСКВА : МАКС-ПРЕСС	1	300
26.	МОСКВА : МОСК. ПАРНАС	6	1700
27.	МОСКВА : МОСК. УЧЕБНИКИ	1	2000
28.	МОСКВА : МЫСЛЬ	4	2000
29.	МОСКВА : ОБРАЗ-КОМПАНИ	2	60000
30.	МОСКВА : ОЛИМП	2	6000
31.	МОСКВА : ПАЛОМНИКЪ	1	12000
32.	МОСКВА : ПРИХОД ХРАМА СВЯТОГО ДУХА СОШЕСТВИЯ	1	6000
33.	МОСКВА : ПРОГРЕСС	1	3000
34.	МОСКВА : ПРОСПЕКТ	1	Нет данных
35.	МОСКВА : РАЗВИТИЕ ТАЛАНТА	2	60000
36.	МОСКВА : СИБ. БЛАГОЗВОННИЦА	4	40000
37.	МОСКВА : СЛОВО УЧИТЕЛЯ	1	3000
38.	МОСКВА : СОВЕТ. ПИСАТЕЛЬ	4	Нет данных
39.	МОСКВА : СТАРКЛАЙТ	4	4000
40.	МОСКВА : ТЕКСТ	1	3000
41.	МОСКВА : ФАИР	1	3600
42.	МОСКВА : ЦЕНТРПОЛИГРАФ	1	3000
43.	МОСКВА : ЭКСЛИБРИС-ПРЕСС	1	Нет данных
44.	МОСКВА : ЭКСМО	4	22000
45.	МОСКВА : CORPUS	1	2000
46.	МОСКВА : URSS	1	Нет данных
47.	МОСКВА : АКАДЕМИКА	1	1000
48.	МОСКВА : АМРИТА	1	5000
49.	МОСКВА : ВАШ ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР	1	1000
50.	МОСКВА : ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ	1	300
51.	МОСКВА : ВЕЧЕ	1	1000
52.	МОСКВА : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА	1	5000
53.	МОСКВА : КОВЧЕГ	2	6100
54.	МОСКВА : МОСКОВСКИЙ ПАРНАС	7	1700
55.	МОСКВА : НАУКА	4	Нет данных
56.	МОСКВА : ПОРОГ	1	1000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие переводы с болгарского языка	Кол-во изданий	Тираж
57.	МОСКВА : СИБИРСКАЯ БЛАГОЗВОННИЦА	7	43000
58.	МОСКВА : СТАРКЛАЙТ	1	1000
59.	МОСКВА : У НИКИТСКИХ ВОРОТ	2	1001
60.	МОСКВА : ФАИР	2	5500
61.	МОСКВА : ФОНД РУССКИЕ ВИТЯЗИ	1	500
62.	МОСКВА : ЦЕНТР КНИГИ РУДОМИНО	4	4000
63.	ПЯТИГОРСК : РИА-КМВ	2	800
64.	РЕУТОВ : ПРОСВЕТА	1	500
65.	РОСТОВ Н/Д : КНИГА	1	10000
66.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : АМФОРА	1	15245
67.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : АЛЕТЕЙЯ	1	1000
68.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРБ. УН-ТА	1	Нет данных
69.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ЮРИД. ЦЕНТР-ПРЕСС	1	1000
70.	СТАВРОПОЛЬ : ЦЕНТР ЛР	1	1500
	ИТОГО:	125	502694

Таблица 2.

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
1.	[КАЗАНЬ]: АРТ - КАФЕ	1	Нет данных
2.	БЕЛГОРОД: КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА	3	31000
3.	БОЛГАР: СВЯТО-АВРААМИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ	1	1000
4.	БРЯНСК: БРЯНСКИЙ ГОС. УН-Т	1	50
5.	ВЛАДИКАВКАЗ : ИЗД-ВО СЕВ.-ОСЕТ. ГОС. УН-ТА	2	150
6.	ВОЛГОГРАД : ИЗД-ВО ВОЛГОГР. ГОС. УН-ТА	1	100
7.	ВОЛГОГРАД : ЛИЦЕЙ » 8 ОЛИМПИА	1	100
8.	ВОРОНЕЖ : ЦЕНТР.-ЧЕРНОЗЕМОСКВА КН. ИЗД-ВО	1	600
9.	ДЗЕРЖИНСКИЙ : ЛЕОНОВ В. Н.	1	150
10.	ДМИТРОВ : ДМИТРОВ. ФИЛ. РМАТ	1	300
11.	ДУБНА : ОИЯИ	15	2915
12.	ИВАНОВО : ИВГУ	1	500
13.	ЙОШКАР-ОЛА : МПИК	1	1000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
14.	КАЗАНЬ : ГРАНДАН	1	1000
15.	КАЗАНЬ : ДОМ ПЕЧАТИ	1	2000
16.	КАЗАНЬ : ЗАМАН	3	5500
17.	КАЗАНЬ : ИДЕЛ-ПРЕСС	2	1300
18.	КАЗАНЬ : ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО ГОС. ТЕХНИЧЕСКОГО УН-ТА	1	300
19.	КАЗАНЬ : ИЗД-ВО СЕРГЕЯ БУЗУКИНА	1	950
20.	КАЗАНЬ : ИИ	1	500
21.	КАЗАНЬ : ИМАН	1	1200
22.	КАЗАНЬ : ИН-Т ИСТОРИИ	2	2500
23.	КАЗАНЬ : ИНСТИТУТ ИСТОРИИ	1	Нет данных
24.	КАЗАНЬ : ИСКУССТВО РОССИИ	1	5000
25.	КАЗАНЬ : КАЗАН. ГОС. ПЕД. УН-Т	3	2700
26.	КАЗАНЬ : КГАСУ	1	120
27.	КАЗАНЬ : КГУ	1	500
28.	КАЗАНЬ : МАГАРИФ	1	6000
29.	КАЗАНЬ : МАСТЕР ЛАЙН	2	1000
30.	КАЗАНЬ : НОВОЕ ЗНАНИЕ	5	3000
31.	КАЗАНЬ : РАННУР	1	50000
32.	КАЗАНЬ : СЛОВО	1	1000
33.	КАЗАНЬ : ТАН-ЗАРЯ	1	1000
34.	КАЗАНЬ : ТАТАР. КН. ИЗД-ВО	2	10000
35.	КАЗАНЬ : ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО	4	8500
36.	КАЗАНЬ : ТИТУЛ	1	300
37.	КАЗАНЬ : ФИКЕР	2	1000
38.	КАЗАНЬ : ФОЛИАНТ	1	500
39.	КАЗАНЬ : ХЭТЕР	2	8200
40.	КАЗАНЬ : ЦЕНТР ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	2	620
41.	КАЗАНЬ : ШКОЛА	1	1000
42.	КАЗАНЬ : ЯЗ	1	300
43.	КРАСНОДАР : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ—ЮГ	1	700
44.	КРАСНОДАР : КУБГУ	1	500
45.	КРАСНОДАР : ТРАДИЦИЯ	1	1000
46.	КРАСНОЯРСК : ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ОТКРЫТОЙ	2	600

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
	АКАДЕМИИ		
47.	КРАСНОЯРСК : ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ОТКРЫТАЯ АКАДЕМИЯ	2	800
48.	КРАСНОЯРСК : ИЗД-ВО КРАСНОЯР. ГОС. АГРАР. УН-ТА	1	500
49.	МОСКВА : URSS	3	502
50.	МОСКВА : АВАНГАРД	1	10000
51.	МОСКВА : АГРАФ	1	1500
52.	МОСКВА : АСТ	8	48000
53.	МОСКВА : АСТ И ДР.	1	10000
54.	МОСКВА : АСТРЕЛЬ	3	20200
55.	МОСКВА : АТЛАС-ПРЕСС	2	14000
56.	МОСКВА : АФОН	6	42000
57.	МОСКВА : АЯКС-ПРЕСС	1	Нет данных
58.	МОСКВА : Б. И.	2	101
59.	МОСКВА : БЕЛЫЙ ГОРОД	2	10000
60.	МОСКВА : ВЕЧЕ	2	12000
61.	МОСКВА : ВОКРУГ СВЕТА	2	Нет данных
62.	МОСКВА : ВОСТ. ЛИТ.	1	800
63.	МОСКВА : ГОС. АКАД. СЛАВЯН. КУЛЬТУРЫ	1	100
64.	МОСКВА : ГРУППА КОМПАНИЙ СОЛВЕКС	1	Нет данных
65.	МОСКВА : ГРЦРФ	1	500
66.	МОСКВА : ДАНИЛОВ. БЛАГОВЕСТНИК	1	5000
67.	МОСКВА : ЕДИТОРИАЛ УРСС	1	1000
68.	МОСКВА : ЖИВОЙ ЯЗ.	2	13000
69.	МОСКВА : ИЗД-ВО ГОС. ПУБЛИЧ. НАУЧ.-ТЕХН. Б-КИ РОССИИ	1	100
70.	МОСКВА : ИЗД-ВО МОСК. ГОС. УН-ТА ЛЕСА	1	200
71.	МОСКВА : ИЗД-ВО МОСК. УН-ТА	2	750
72.	МОСКВА : ИНДРИК	1	800
73.	МОСКВА : ИНИОН	1	300
74.	МОСКВА : ИС	1	200
75.	МОСКВА : К ЕДИНСТВУ!	1	2500
76.	МОСКВА : КОВЧЕГ	3	14000
77.	МОСКВА : ЛЕПТА	5	29000
78.	МОСКВА : МАРТ	1	5000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
79.	МОСКВА : МГЛУ	1	500
80.	МОСКВА : МГПУ	1	100
81.	МОСКВА : МИР КНИГИ	1	53000
82.	МОСКВА : МОЙ МИР	1	Нет данных
83.	МОСКВА : МОНОЛИТ И ДР.	1	1000
84.	МОСКВА : МУРАВЕЙ	1	500
85.	МОСКВА : НАУКА	2	1250
86.	МОСКВА : НИИ ШК. ТЕХНОЛОГИЙ	1	200
87.	МОСКВА : НОВАЯ КН.	6	54000
88.	МОСКВА : ПАМЯТНИКИ ИСТ. МЫСЛИ	1	1000
89.	МОСКВА : РИПОЛ КЛАССИК	2	60000
90.	МОСКВА : РУДОМИНО	1	500
91.	МОСКВА : РУС. ЯЗ. МЕДИА	2	4000
92.	МОСКВА : РУС. ЯЗ.-МЕДИА	1	2000
93.	МОСКВА : СВЯТО-УСПЕН. ПОЧАЕВ. ЛАВРА	1	Нет данных
94.	МОСКВА : ТЕХНОСФЕРА	1	100
95.	МОСКВА : ФА	1	100
96.	МОСКВА : ЦЕНОВ	1	Нет данных
97.	МОСКВА : URSS	4	503
98.	МОСКВА : АЛГОРИТМ	2	3200
99.	МОСКВА : АМРИТА-РУСЬ	1	10000
100.	МОСКВА : АРАН	1	500
101.	МОСКВА : АСТ	14	66000
102.	МОСКВА : АСТРЕЛЬ	3	9000
103.	МОСКВА : АЯКС-ПРЕСС	2	Нет данных
104.	МОСКВА : ВЕЧЕ	1	10000
105.	МОСКВА : ГПИБ	1	200
106.	МОСКВА : ГУ ВШЭ	1	150
107.	МОСКВА : ДОМ СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ	2	6000
108.	МОСКВА : ДОМ-МУЗЕЙ МОСКВА ЦВЕТАЕВОЙ	1	500
109.	МОСКВА : ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ	1	100
110.	МОСКВА : ЖИВОЙ ЯЗЫК	5	Нет данных
111.	МОСКВА : ИЗД-ВО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ	4	20000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
112.	МОСКВА : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЦЕНТРОСОЮЗА	1	500
113.	МОСКВА : ЛИТЕРА М	1	200
114.	МОСКВА : МАЙОР ОСИПЕНКО А. И.	1	2000
115.	МОСКВА : МАМОНТ	1	300
116.	МОСКВА : МГОУ	1	1000
117.	МОСКВА : МГУП	1	100
118.	МОСКВА : МИНУВШЕЕ	1	1000
119.	МОСКВА : МИР КНИГИ	1	4500
120.	МОСКВА : МОСК. ГОР. ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ	2	4500
121.	МОСКВА : МОСКОВСКИЙ ПАРНАС	1	250
122.	МОСКВА : НЕСТОР-ИСТОРИЯ	2	700
123.	МОСКВА : НОВЫЙ КЛЮЧ	1	500
124.	МОСКВА : ОЛМА МЕДИА ГРУПП	1	10000
125.	МОСКВА : РГГУ	1	50
126.	МОСКВА : РИПОЛ КЛАССИК	3	18000
127.	МОСКВА : СИБИРСКАЯ БЛАГОЗВОННИЦА	5	29000
128.	МОСКВА : У НИКИТСКИХ ВОРОТ	1	300
129.	МОСКВА : УНИВЕРСИТЕТ Д. ПОЖАРСКОГО	1	2000
130.	МОСКВА : ФИВ	2	2000
131.	МОСКВА : ФИНАНСОВЫЙ УН-Т	2	200
132.	МОСКВА : ФОНД РУССКИЕ ВИТЯЗИ	1	500
133.	МОСКВА : ЦЕНТРПОЛИГРАФ	3	8000
134.	МОСКВА : ЭКСМО	30	152500
135.	МОСКВА [И ДР. : Б. И.	1	550
136.	Н. НОВГОРОД : РАСТР НН	1	1000
137.	НОВОСИБИРСК : СИБНСХБ	2	300
138.	ПЕРМЬ : ПГПУ	1	100
139.	ПЕРМЬ : ПЕРМОСКВА ЦНТИ	1	100
140.	ПЕТРОЗАВОДСК : ИЗД-ВО ПЕТРГУ	1	100
141.	ПОДОЛЬСК : АКАДЕМИЯ-ХХІ	1	500
142.	ПСКОВ : ПСКОВСКИЙ ОБЛ. ИН-Т ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ	1	120
143.	РОСТОВ Н/Д : БАРО-ПРЕСС	1	2000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
144.	РОСТОВ Н/Д : МАРТ	3	15000
145.	РОСТОВ Н/Д : ФЕНИКС	2	14000
146.	РЯЗАНЬ : ИЗД-ВО РЯЗ. ОБЛ. ИН-ТА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1	500
147.	САМАРА : САМАР. ОТД-НИЕ ЛИТ. ФОНДА РОССИИ	1	300
148.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ВЕДЫ	1	7000
149.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ С.-ПЕТЕРЬ. ГОС. УН-ТА	2	350
150.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : КАРО	4	8500
151.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ЛГУ	1	500
152.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ЛЕНИНГРАДСКОЕ ИЗД-ВО	3	11050
153.	САРАНСК : ИЗД-ВО МОРДОВСКОГО УН-ТА	1	500
154.	САРАТОВ : ПРЕСС-ЛИЦЕЙ	1	387
155.	САРАТОВ : САРАТ. ГОС. АКАД. ПРАВА	1	500
156.	СЕРГИЕВ ПОСАД : ФОЛИО	1	10000
157.	СЛАВЯНСК-НА-КУБАНИ : ФИЛИАЛ КУБГУ	1	150
158.	СОФИЯ : ФОРУМ БОЛГАРИЯ—РОССИЯ	1	Нет данных
159.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : АГАТ	1	1000
160.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : АЛЕТЕЙЯ	3	3600
161.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : Б. И.	1	Нет данных
162.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ВЕКТОР	1	4000
163.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ВЕСЬ	1	5000
164.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : КАРО	1	3000
165.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ЛЕНИЗДАТ	2	50100
166.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : О. АБЫШКО	2	2000
167.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : СОВА	5	59000
168.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ТЕРЦИЯ	1	10000
169.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ТИМОШКА	1	Нет данных
170.	СЫКТЫВКАР : ИЗД-ВО СЫКТЫВКАРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА	1	500
171.	ТВЕРЬ : АСТ	1	20000
172.	ТВЕРЬ : ТВГУ	1	300
173.	ТОЛЬЯТТИ : МЕЖДУНАР. АКАД. БИЗНЕСА И БАНК. ДЕЛА	1	100
174.	УЛЬЯНОВСК : ОБЛ. ТИП. ПЕЧ. ДВОР	1	3000
175.	УЛЬЯНОВСК : УИПКПРО	1	100
176.	УФА : Б. И.	1	1000

№ п/п	Издательства, опубликовавшие книги о Болгарии	Кол-во изданий	Тираж
177.	УФА : БАШГУ	2	1000
178.	УФА : ГИЛЕМ	1	150
179.	УФА : МОНОГРАФИЯ	1	1000
180.	ЧЕБОКСАРЫ : АТТИЛ	1	Нет данных
181.	ЧЕБОКСАРЫ : Б. И.	3	800
182.	ЧЕБОКСАРЫ : ГОС. КОМОСКВА ЧУВАШ. РЕСП. ПО СТАТИСТИКЕ	1	400
183.	ЧЕБОКСАРЫ : ИЗД-ВО ЧУВАШ. УН-ТА	1	500
184.	ЧЕБОКСАРЫ : НОВОЕ ВРЕМЯ	2	500
185.	ЧЕБОКСАРЫ : ФИЛИАЛ РГСУ	1	300
186.	ЧЕБОКСАРЫ : ЧГИГН	2	1200
187.	ЧЕБОКСАРЫ : ЧУВАШ. ГОС. ИН-Т ГУМАНИТАР. НАУК	1	500
188.	ЧЕБОКСАРЫ : ЧУВАШИЯ	9	5101
189.	ЧЕБОКСАРЫ : ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО	2	2000
190.	ЭЛИСТА : КАЛМЫЦ. КН. ИЗД-ВО	1	1000
191.	ЯКУТСК : ИЗД-ВО ЯГУ	1	200
192.	ЯРОСЛАВЛЬ : ФИЛИГРАНЬ	1	100
193.	ЯРОСЛАВЛЬ : ЯРГУ	1	200
	ИТОГО:	368	1193189

По географическому признаку, как обычно, доминируют московские издатели, а за второе место «конкурируют» Казань и Санкт-Петербург. Далее идут Чебоксары и Краснодар, Ростов-на-Дону и Волгоград, а также ещё около десятка российских городов.

Как мы видим, суммарный тираж всех их книг на названную тему составил более 1,7 млн. экз., из которых более полумиллиона экземпляров приходится на переводы. Эти цифры на самом деле должны быть чуть больше, потому что наличная информация не может считаться полной: некоторые российские издатели в последнее время, в нарушение действующих стандартов и правил, перестали указывать тиражи своих изданий в выпускных данных, ссылаясь на некую «коммерческую тайну».

Но, как бы то ни было, в данном сегменте действуют общие тенденции и закономерности, присущие всему российскому книгоизданию постсоветского времени: средние тиражи изданий практически любой тематики и целевого назначения постоянно, ежегодно снижаются. Разброс тиражных показателей от минимума до максимума наглядно заметен на примере научной книги (тиражи подобных изданий – 100-200 экз., а порой и всего 50 экз.) и выпусков всяческих «предсказаний Ванги» и подобной «эзотерики» (здесь тиражи достигают 25-30 тыс. экз.).

Таблица 3.

№ п/п	Издания о Ванге	Кол-во изданий	Тираж
1.	БЕЛГОРОД : КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА	3	31000
2.	МОСКВА : АСТ	2	20000
3.	МОСКВА : АСТ И ДР.	1	10000
4.	МОСКВА : АСТРЕЛЬ	3	30200
5.	МОСКВА : ВЕЧЕ	1	7000
6.	МОСКВА : ОБРАЗ-КОМПАНИ	2	60000
7.	МОСКВА : ПРОГРЕСС	1	3000
8.	МОСКВА : РАЗВИТИЕ ТАЛАНТА	2	60000
9.	МОСКВА : РИПОЛ КЛАССИК	2	60000
10.	МОСКВА : АЛГОРИТМ	1	1200
11.	МОСКВА : АСТ	11	61000
12.	МОСКВА : АСТРЕЛЬ	3	9000
13.	МОСКВА : ВЕЧЕ	1	10000
14.	МОСКВА : МАЙОР ОСИПЕНКО А. И.	1	2000
15.	МОСКВА : ОЛМА МЕДИА ГРУПП	1	10000
16.	МОСКВА : РИПОЛ КЛАССИК	3	18000
17.	МОСКВА : ЦЕНТРПОЛИГРАФ	2	5500
18.	МОСКВА : ЭКСМО	22	127500
19.	РОСТОВ Н/Д : ФЕНИКС	2	14000
20.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ВЕДЫ	1	7000
21.	СЕРГИЕВ ПОСАД : ФОЛИО	1	10000
22.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ВЕКТОР	1	4000
23.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ЛЕНИЗДАТ	2	50100
24.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : СОВА	5	59000
25.	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ : ТИМОШКА	1	Нет данных
26.	ТВЕРЬ : АСТ	1	20000
	ИТОГО:	76	689501

О роли и месте этого персонажа в российском книжном репертуаре свидетельствуют цифры, представленные в табл. 3. Общий тираж «вангианы» за последние 15 лет в России составил около 0,7 млн. экз., то есть более 40 % всего суммарного тиража книг о Болгарии и переводов с болгарского на русский язык. Характерно, что второе место по «популярности» досталось блаженному Феофилакту, архиепископу Болгарскому. На его

долю приходится 53 издания – толкования Евангелия и Деяний апостольских – общим тиражом около 0,35 млн. экз.

Если говорить о преобладающей тематике всех «болгарских» книжных изданий, то наибольший удельный вес имеют разделы философии и психологии, куда в основном и попадают книги о Ванге и её «предсказания» (58 изданий), и раздел религии и теологии (62 издания). Далее мы видим путеводители (25 изданий), книги по филологии и языкознанию (48), переводы произведений болгарской художественной литературы для детей и взрослых (в общей сложности 49 изданий), издания по истории болгарского народа, включая книги о Волжской Булгарии (44 издания).

Что касается целевого назначения анализируемого ассортимента изданий, то здесь можно выделить почти в равной степени три главные составляющие: научные, научно-популярные и литературно-художественные издания. На долю каждого из этих сегментов приходится примерно по 25 % всего «болгарского» ассортимента. Оставшуюся четверть составляют все прочие группы изданий: словари и справочники, учебные, рекламно-информационные издания и др.

Таблица 4.

Авторы Болгарии	Кол-во изданий	Тираж, экз.	Тематика
Дынов П.	9	17500	Философия
Шопкин М.	5	1700	Поэзия
Пенев С.	4	950	Поэзия
Николов Л.	2	14000	Проза (фантастич. рассказы)
Палюшев Б.	3	10000	Физика и религия
Стоименов М.	3	2000	Торговля и финансы
Рюшпол Е.	2	10000	Здоровье и гигиена
Стоянова К.	2	20000	Народная медицина
Чичаров Г.	2	500	Поэзия

В заключение рассмотрим «топ-десятку» самых издаваемых в России (за указанный период) профессиональных литераторов – то есть без Ванги, которую к их числу отнести было бы затруднительно. Как ни удивительно, в «топе» (см. табл. 4) присутствуют целых три поэта, хотя тиражи их изданий ничуть не выше, чем у их российских современников - «коллег».

Осталось добавить к сказанному, что значимых или хотя бы заметных годовых колебаний в динамике выпуска анализируемых нами изданий за исследуемый 15-летний период не отмечено. Здесь налицо в некотором смысле стабильность; при этом, конечно, потенциал для увеличения количества наименований, как и для роста тиражей, задействуется в России явно недостаточно. Особенно заметен недостаток в России изданий о болгарском изобразительном искусстве, о театре и кино, а также о тенденциях развития болгарской экономики и болгарской культуры, в том числе и книжной.

Е.Ю. Павловская

РУССКАЯ КНИГА В БОЛГАРИИ

*Павловская Елена Юльевна
кандидат технических наук, профессор,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
Руководитель Представительства РАН по информационной и научно-издательской
деятельности в Болгарии и странах Восточной Европы,
г. София (Болгария)
E-mail: e.pavlovska@index2000.bg*

В статье представлена деятельность созданного в Болгарии Академического информационного центра „Индекс“ по распространению русскоязычной литературы в странах Восточной Европы.

Ключевые слова: *русская книга, научный журнал, электронная версия журнала, база данных, выставка книг, консорциум*

В статията е представена дейността на Академичния информационен център „Индекс“ по разпространение на рускоезична литература в България и страните от Източна Европа

Ключови думи: *руска книга, научно списание, електронна версия на списание, база данни, изложба на книги, консорциум.*

The matter concerns in this article the activity of the Academic Information Centre "Index" in Bulgaria for distribution of Russian literature in Eastern Europe.

Keywords: *Russian book, scientific journal, electronic version of journal, database, book exhibition, consortium*

Современный этап отличается стремительным внедрением новых информационных технологий. Эти процессы захватили в полной мере и систему распространения научной литературы. Теперь уже традиционная печатная книга не служит главным источником информации. Электронные издания, базы и банки данных, онлайн-издания, мультимедия – все это должны стремительно осваивать и генераторы информационных ресурсов, и распространители и потребители.

Значительный опыт применения новых информационных технологий накоплен в структурах, занятых информационным обслуживанием разных категорий пользователей.

В начале 90-х годов прошлого века в Болгарии было открыто Представительство Российской академии наук по информационной и научно-издательской деятельности. В течение двух десятилетий оно успешно выполняет задачи, поставленные перед ним руководством РАН: быть форпостом российской научной мысли, участвовать в информационном обеспечении науки и образования, содействовать международному научному сотрудничеству и продвижению русской книги и русского языка в странах Восточной Европы.

Распространяя на Балканах российские научные периодические издания, книги и информационные продукты и, работая с большинством болгарских, сербских и македонских университетов и академических институтов, с Национальными и региональными библиотеками стран Восточной Европы, Представительство РАН заняло достойное место среди участников информационного рынка стран бывшего восточного блока. В 1995 г. Представительство приняло участие в создании Академического информационного центра (АИЦ) „Индекс“, передав ему впоследствии часть своих функций по информационному обеспечению науки и образования в данном регионе.

Именно эта структура стала стремительно внедрять новые технологические решения, осваивать элементы интернет технологий, электронного бизнеса.

Ежегодно АИЦ „Индекс” организует и проводит подписку на российские периодические издания в печатном и электронном формате. С этой целью предварительно подготовленный в печатном и электронном формате Каталог российских периодических изданий рассылается всем клиентам. По каталогу „Индекс” принимают подписку также все отделения „Болгарской почты“. Отдельный Каталог „Новые книги России” готовится по книжным изданиям, он также рассылается всем клиентам.

Основные информационные услуги АИЦ „Индекс” включают:

- регулярные презентации новых российских информационных продуктов: электронных коллекций книг, электронных версий журналов, информационных баз данных и работа по обеспечению доступа к этим электронным ресурсам;
- ежегодная организация и проведение 12-15 выставок-ярмарок „Новые книги России” в академических, университетских и региональных библиотеках, а также участие в Национальных и Международных ярмарках книги в Софии и в столицах других балканских стран;
- информационное обеспечение конференций и симпозиумов, проводимых университетами и академическими институтами.

Центральный офис Академического центра „Индекс” находится в Софии. В его состав входит распределительный центр, в который поступают книги и периодические издания от российских издательств и партнеров, а также выставочный зал с постоянной экспозицией новой литературы, обновляемой два раза в месяц. Книжный склад РИЦ содержит около 25 тыс. наименований русскоязычных книг.

В 1999 г. в центре Софии „Индекс” открыл магазин „Русская книга”, в котором продаются учебники русского языка, словари, энциклопедии, художественная, детская литература, российские плакаты, открытки, календари, а в следующем, 2000 г., им был создан книжный интернет-магазин русской книги – Индекс” (www.index2000.bg) [1] – **первый книжный интернет-магазин в Болгарии.** Электронный каталог интернет магазина содержит более 5 тыс. наименований русских книг.

Через АИЦ в библиотеки Болгарии и стран Восточной Европы ежегодно поступает около 10-12 тыс. томов русскоязычных книг. За 20 лет - это свыше 200 тыс. книг. За это время в дар школьным и университетским библиотекам „Индекс” передал около 8,5 тыс. книг.

В последние 12-15 лет структура рынка российской литературы в Болгарии существенно изменилась. Наибольшим спросом в настоящее время пользуется русскоязычная научная литература в области естественных, точных и гуманитарных наук.

Изменился и круг потребителей российской книги: сейчас ее основными заказчиками являются библиотеки, они составляют около 75% всех потребителей российской литературы. Индивидуальные потребители – не более 25%. Индивидуальные заказчики периодических изданий составляют не более 3 - 4% всех подписчиков российских журналов [2].

После вступления Болгарии в Европейский Союз университетские и академические библиотеки при комплектовании своих библиотечных фондов значительно увеличили количество европейских журналов за счет российских. Если ранее книги на русском языке доставлялась десятками и сотнями экземпляров, то сейчас ни одна библиотека не может себе позволить приобрести более 1-2 экземпляров одного наименования российских книг и журналов.

Несмотря на это, за последние 10 лет в фонды библиотек данного региона по подписке поступило свыше 2 тыс. наименований российских периодических изданий общим тиражом 118 тыс. экземпляров и около 42 тыс. наименований книг тиражом 80 тыс.

Как известно, в России ежегодно выходят десятки тысяч новых наименований книг. По данным Российской книжной палаты только в 2013 году было выпущено 120 512 печатных новых названий книг и брошюр. Даже если вычесть из этого потока официальные, нормативно-производственные, рекламные и ведомственные издания остается около 102 тыс. новых наименований за год или порядка 8,5 тыс. новинок ежемесячно.

Без новых подходов и современных технологий задачи информационного обеспечения науки и образования решить просто невозможно. Не только распространение, но даже оповещение о новинках, вышедших из печати в России, невозможно без автоматизации этого процесса. Поэтому в „Индекс“ было разработано несколько автоматизированных систем: „Система управления книгораспространением“, „Система слежения за распространением периодических изданий“ и др. Системы имеют развитый справочно-поисковый аппарат, поддерживают созданные базы данных „Периодика“, „Книги“, „Потребители“, „Распространители“ и позволяют осуществлять библиографическое и информационное обслуживание корпоративных и индивидуальных потребителей, автоматизированную подготовку электронных каталогов изданий и статистическую обработку информации [3]. Внедрение и использование этих систем позволило РИЦ постоянно отслеживать изменения в информационных потребностях потребителей, сократить сроки обработки получаемой из России литературы, повысить эффективность работы по доставке и распространению российской научной литературы и обеспечить высокое качество предлагаемых информационных продуктов и услуг.

В середине десятилетия назрела острая необходимость в соблюдении европейских стандартов и в 2006 г. РИЦ „Индекс“ был сертифицирован по европейскому стандарту качества ISO 9001:2000 и в 2009 г. - по ISO 9001:2008.

Учитывая, что в настоящее время электронные информационные ресурсы являются наиболее важным источником информационного обеспечения науки и образования АИЦ „Индекс“ в своей работе использует новейшие информационные технологии: им организованы *два консорциума* по доступу к внешним электронным русскоязычным ресурсам:

а) к **базам данных ВИНИТИ РАН** (пять крупных университетов Болгарии). Общий объем информации этого ресурса - свыше 30 млн. документов в области естественных и точных наук. Организована хорошо действующая система заказа и электронной доставки документов – электронных копий полных текстов документов, хранящихся в фондах ВИНИТИ. Количество обращений участников консорциума к базе данных ВИНИТИ за последние 5 лет увеличилось более, чем в четыре раза: с 12176 обращений в 2007 г. до 50 000 в 2013 г. Количество экспортированных из баз данных рефератов за тот же период – возросло в 2,3 раза: с 12345 рефератов (2007 г.) до 29295 документов (2013 г.).

б) к **базам данных международной компании East View** содержащим 5000 российских научных журналов, книг, материалов научных форумов. Потребителями этих ресурсов являются крупные библиотеки, университетские и академические центры США, Западной Европы, Китая, Японии и России [4]. Хронологический охват этих ресурсов - с середины 90-х годов до наших дней.

Одна из основных баз данных **East View** – база данных в области общественных и гуманитарных наук „Social Sciences & Humanities from Russia“, содержащая электронные версии более 50 ведущих научных и литературно-художественных российских журналов, в т.ч. 36 академических журналов Российской академии наук.

в) к электронной коллекции журналов и книг издательства *Springer Science+Business Media – SpringerLink*. Эта база данных содержит полные тексты статей из 3045 научных журналов и более, чем 180 тыс. электронных книг в области медицины, технических наук, инженерных наук и информационных технологий [5]. SpringerLink содержит и электронные версии академических журналов Российской академии наук на английском языке. Консорциум создан в 2003 году и в настоящее время объединяет 13 болгарских

университетов. БД SpringerLink очень популярна в Болгарии, особенно у медиков, химиков, инженеров. Количество ежегодных обращений к БД постоянно растет (2007 г. – 40816 обращений, 2010 г. – 58490, 2014 г. – 68000).

АИЦ „Индекс” организована хорошо действующая система электронной доставки документов: электронных копий статей из российских журналов, авторефератов диссертаций из Российской государственной библиотеки, различных электронных документов из Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), ВИНТИ РАН.

Одной из важных функций АИЦ „Индекс” является постоянное обучение своих потребителей (ученых, библиотекарей, преподавателей университетов, аспирантов и студентов) принципам информационного поиска в электронных информационных ресурсах, умению выбора необходимого ресурса и его оценки, а также организация презентаций новых информационных услуг, предлагаемых создателями и агрегаторами этих ресурсов. В РИЦ „Индекс” более 10 лет проводятся практические занятия студентов Университета библиотековедения и информационных технологий, по специальностям „Печатные коммуникации“, „Электронный книжный бизнес”, „Управление электронными ресурсами” и кафедры „Библиотечно-информационные науки” Софийского университета. Постоянная работа „Индекс” с потребителями, своевременное оповещение о новых российских книгах, журналах и электронных ресурсах, проведение книжных выставок и презентаций, посредничество при выполнении заказов безусловно способствуют поддержанию и развитию интереса к русскому языку, российской литературе и позволяют сохранить ее достойное место в новых социокультурных условиях в странах Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павловская, Е. Книжный магазин в Интернете: Формула успеха // *Научная книга* (Москва), 2005, № 4 (30). – С. 10-20.
2. Павловская, Е. Электронная книготорговля. – 2. доп. и перераб. изд. – Москва : Наука, 2011. – 214 с.
3. Павловская, Е. М. Филипова Система управления распространением периодических изданий // *Научная и техническая информация*: Сер. 1: Организация и методика информационной работы (Москва), 2005, № 11. – С. 11-18.
4. www.eastview.com, www.springerlink.com

С.П. Сибина

М.С. Сибин

СОБЫТИЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ ЗАБВЕНИЮ

Сибина Светлана Петровна

*Руководитель Омского филиала ФГБУ „Редакция Российской газеты”,
г. Омск (Россия)*

E-mail: maxomsk@inbox.ru

Сибин Максим Сергеевич

*кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)*

E-mail: maxomsk@inbox.ru

Статья посвящена двум современным книгам, напечатанным в Сибири в 2013-2014 гг. и повествующим о судьбе жителей Прииртышья во второй половине XX века.

Книга памяти «Крестьянская Голгофа» - дань безвинно погибшим жителям Омской области. Скорбное напоминание о зловещем периоде истории, который никогда не должен повториться. Сборник «Первая мировая война» содержит сведения о жизни тылового города на двадцатилетие раньше. В сборник включено 90 документов и научных статей о госпиталях и формированиях, беженцах и военнопленных, фронтовом героизме сибирских казаков и настроении людей. В статье приведены мнения и свидетельства краеведов, историков, представителей власти.

Ключевые слова: Сибирь, Омск, раскулачивание, репрессии, первая мировая война

Статията е посветена на две съвременни книги, отпечатани в Сибир през 2013-2014. и разказва историята на жителите на Иртыш през втората половина на XX век. Книга и паметта „Крестьянская Голгофа” - знак на почит към невинните мъртви жители на региона Омск. Тежкото напомняне за зловещия период от историята, който никога не бива да се повторя. Сборникът посветен на "Първата световна война" съдържа информация за живота на града за две десетилетия по-рано. В сборника са включени 90 статии и научни статии за болници и различни формирования, единици, бежанци и военнопленници, за героизма на фронтовата линия на сибирските казаки и настроението на хората. В статията са представени мнения и доказателства на етнографи, историци и длъжностни лица, представители на властта.

Ключови думи: Сибир, Омск, лишения, репрессии, Първата световна война

The article is devoted to two modern books printed in Siberia in 2013-2014 and tells the story of the inhabitants of Irtysh in the second half of the twentieth century. Memory Book "Peasant Golgotha" - a tribute to the innocent dead residents of the Omsk region. Painful reminder of the sinister period of history that will never be repeated. Book "The First World War" contains information about the life of the city on the rear two decades earlier. The collection includes 90 papers and scientific articles on hospitals and units, refugees and prisoners of war, frontline heroism Siberian Cossacks and the mood of the people. The article presents the opinions and evidence ethnographers, historians and officials.

Keywords: Siberia, Omsk, dispossession, repression, the World War I

За последнее время в Омске вышли две интересные книги, вобравшие в себя свидетельства нелегкой судьбы сибиряков начала XX века. Это книга памяти раскулаченных крестьян «Крестьянская Голгофа» и сборник «Первая мировая война».

Книга памяти «Крестьянская Голгофа» – дань безвинно погибшим жителям Омской области. Скорбное напоминание о зловещем периоде нашей истории, который никогда не должен повториться.

Издание содержит сведения о 3,5 тысячах семей крестьян Омской области, раскулаченных и высланных в необжитую тайгу на верную гибель в 30-х годах прошлого века. По словам очевидцев, даже ГУЛАГ, по сравнению с условиями, в которые попадали многодетные семьи «кулаков», меркнет.

Книга содержит документы тех лет, фотографии, воспоминания, рассказы о трудной судьбе сельских жителей, фотографии. Над нею работали ученые, писатели, журналисты, потомки репрессированных омичей. Специалисты, изучающие архивные материалы, признаются – эта работа – не для слаонервных.

По данным историков, всего в регионе было раскулачено около 28 тысяч семей, виной которых, по сути, оказалось природное трудолюбие. Домой вернулись немногие.

А началось все в 1928 году, года в молодой стране Советов настали голодные времена. Чтобы решить проблему, руководство республики ввело так называемые чрезвычайные меры, которые вскоре вылились в непомерные поборы с крестьян. С агитацией и разъяснением новой политики в хлебоборные регионы отправились члены Политбюро ЦК ВКП (б).

В тот год Омскую область с коротким визитом посетил Иосиф Сталин, - говорит главный редактор книги памяти Мария Сбитнева. – Он призывал местных руководителей не церемониться с «саботажниками», отказывающимися добровольно за бесценок сдавать зерно, а также объявить войну кулакам.

В 1929 году в деревне начался «великий перелом». Советская власть приняла решение ликвидировать кулака, как класс, и приступила к сплошной коллективизации. Были отменены законы об аренде земли и трудовом найме. У крепких крестьян забирали все подчистую: землю, дома, скот, инвентарь, скarb, накопления. И целыми семьями выслали в далекие холодные края, не давая шансов вернуться. Таким образом, власть намеревалась пополнить нищий колхозный бюджет, обеспечить бесплатной рабочей силой лесоповалы, напрочь избавиться от протестующих, пресечь всякое желание проявлять недовольство новой политикой.

Уже в начале весны на Север Омской области в сторону Васюганских болот нескончаемым потоком потянулись первые ссыльные обозы. В повозках – старики, дети, беременные и кормящие женщины. Очень скоро по сторонам скорбного тракта стали появляться могилы. Первыми погибали оставшиеся без молока младенцы.

В конце пути изгнанников ждала дикая тайга. По словам геологов, Кулай (район ссылки) до сих пор имеет статус гиблого места. Даже в сухое время года, оставленные на земле предметы вдруг исчезают. Их затягивает скрытая под коркой земли трясина. Поэтому и исторических свидетельств постигшего селян лихолетья почти не сохранилось. Из сотни поселений остались лишь единицы.

Люди гибли от голода, холода, болезней. Но, до последнего продолжали верить, что весь этот кошмар – недоразумение. Ведь они ни в чем не виноваты. Надеялись, что справедливость восторжествует. Однако адская машина продолжала крутиться.

Спустя полтора года сибирские села захлестнула вторая волна раскулачивания. Только в Западной Сибири, согласно очередной квоте, выселению подвергли более сорока тысяч семей. А поскольку к тому времени кулаков в селах уже не осталось, список дополнили середняки, «неблагонадежные» колхозники, а нередко и те, кто попал под горячую руку.

Чтобы выполнить план, власти всячески поощряли стукачество, обещая селянам, награду за сведения о спрятанном у соседей продовольствии, - рассказывает редактор книги памяти Татьяна Четверикова. - Укажешь, где лежит, - четвертая часть – твоя.

Новых лишенцев отправляли еще дальше – в Нарым. «Бог создал рай, а черт Нарымский край», - так говорили об этих местах старожилы. Людей грузили в баржи и везли за тридевять земель туда, где их никто не ждал. Даже выдавшие виды охранники были в ужасе.

«Ссыльные, прибывшие на место назначения в легкой одежде, оказались на пустом месте. Мы не нашли здесь ни единого топора, ни лопаты, ни крошки продовольствия. Вечером ударил мороз. Утром обнаружили 250 трупов. За две недели из 6100 человек выжили только 2 тысячи», - писал в своем рапорте партийному руководству руководитель конвоя товарищ Величко.

Вернуться в родные края удалось немногим.

«Отец был опытным охотником, хорошо ориентировался в тайге, поэтому мы сумели вырваться из западни. Но беда шла по пятам. В родном селе нас не ждали. Дом занимала чужая семья, поэтому родители вырыли землянку, в которой мы и жили. Вскоре отца арестовали, а мы пошли по миру». «Для матери в родном селе другой работы, как корчевать лес, не нашлось. Через полгода мы ее похоронили». «Я чудом – одна из большой семьи - осталась жива. Спасибо добрым людям», - вспоминают самые маленькие участники тех трагических событий.

По нашим данным 70-80 процентов омичей, пострадавших от раскулачивания, – дети, - говорит Мария Сбитнева. – Крепкие сельские семьи в ту пору, как правило, были многодетными, и в среднем имели 8-12 ребятишек. Отсюда такая удручающая статистика.

Сейчас на месте обширного кулайского кладбища установлен поклонный крест. До сих пор оно остается мрачным и гнетущим. Даже птицы здесь не поют.

По словам заместителя начальника отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра УМВД РФ по Омской области Алла Коновалова, несмотря на то, что Закон о реабилитации действует уже более 20-ти лет, значительное количество людей, лишенных имущества и выселенных из исконных мест проживания по политическим мотивам, так и не воспользовалось этим правом. Тому есть целый ряд причин. Одна из них – инициаторами реабилитации должны быть сами пострадавшие, их родственники. А поскольку с тех пор уже прошло восемь десятилетий, защищать интересы раскулаченных почти некому. Нередко документы, которые оформлялись наспех малограмотными людьми, имеют многочисленные ошибки – в именах, датах, названиях населенных пунктов, поэтому не могут служить основанием для реабилитации. Имеются недоработки и в самом законе. Например, на сегодняшний день не решен такой важный вопрос как реабилитация раскулаченных, но не выселенных с мест постоянного проживания граждан. Есть в законодательстве и другие пробелы, которые можно решить в судебном порядке. Граждане, которым по тем или иным причинам отказано в реабилитации, также имеют право обжаловать это решение в суде. Однако, в силу преклонного возраста истцов и других причин, таких процессов проходит крайне мало, и с каждым годом становится все меньше.

С 1992 по 2014 в Омской области рассмотрено более 40 тысяч заявлений от жителей, пострадавших от раскулачивания. Более 9 тысяч граждан реабилитировано, более 8,5 тысяч - получили отказ. Не подсчитано точно, сколько крестьянских семей пострадало в 1930-е, однако можно сказать с уверенностью, что их количество в десятки раз превышает число граждан, обратившихся за реабилитацией.

Книга памяти «Крестьянская Голгофа», объемом 526 страниц, издана тиражом 800 экземпляров. Жители омского Прииртышья, имена которых в ней опубликованы, реабилитированы. Всего планируется выпустить в свет 5 томов, в которые войдут сведения о 25 тысячах крестьянских семей, ставших жертвами раскулачивания. Финансирует проект правительство Омской области.

Выход второй книги – сборника «Первая мировая война» приурочен к 100-летию этого события. В книге впервые опубликованы сведения о жизни тылового города. В сборник включено 90 документов и научных статей о госпиталях и формированиях, героях-казаках и благотворительности, беженцах и военнопленных, фронтовом героизме сибирских казаков и настроении населения.

В начале прошлого века Омск являлся столицей Акмолинской области. Город с населением 137 тысяч человек занимал 19 строку в списке крупнейших городов Российской империи и имел по тем временам довольно развитую экономику с годовым бюджетом свыше одного миллиона рублей. Здесь располагался центр военного округа, крупнейший госпиталь, шло формирование стрелковых дивизий.

Первая мировая война, которая продолжалась с 28 июля 1914 по 11 ноября 1918 года, была одним из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества. Борьба шла за рынки сбыта, источники сырья, а по сути, передел мира.

К началу войны Европа напоминала пороховую бочку, «фитилем» для которой стало сараевское убийство. 15(28) июня в столице Боснии сербским террористом был убит наследник Австрийского престола Франц Фердинанд – один из возмутителей мирового спокойствия. Смерть эрцгерцога стала катализатором для начала военных действий. В середине июля после ультиматума Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а 19 июля то же самое сделала Германия в отношении России.

В Омском военном округе, как и в других регионах страны, была объявлена всеобщая мобилизация.

Уже 25 июля 1914 года в городе началось формирование воинских подразделений, - рассказывает один из авторов книги «Первая мировая война» омский краевед Александр

Лосунов. - Встать под ружье призывалось все мужское население региона. Вопросами мобилизации занималась городская Дума. Многие здания были отданы под размещение воинских соединений. Например, в двух мужских гимназиях, фельдшерской школе, епархиальном и коммерческом училищах расквартировали полки 11-й и 14-й дивизий. В состав первой входил известный героический 43-й Сибирский стрелковый полк, скомплектованный из воинов Омска, Тюмени, Томска и Тобольска. Параллельно шло формирование казачьих полков. К началу второго года войны было сформировано пять дружин ополчения.

Для оказания помощи семьям фронтовиков при городской Думе оперативно был создан специальный комитет с несколькими отделами: финансовым, школьным, бюро труда и юридических консультаций. Открылись две казенные столовые, где родственникам военных выдавали бесплатные обеды. К концу года здесь столовалось 1500 семей. В меню – щи, каша, чай, кусок черного хлеба. Родню фронтовиков бесплатно лечили 35 омских врачей. При комитете работала комиссия по дороговизне жизни, следящая за тем, чтобы цены на рынках были в разумных пределах.

Для содействия армии создан военно-промышленный комитет, - дополняет главный архивист Омска Наталья Храпова. - Одна за другой в городе начали открываться прядильно-ткацкая кошмотканная и сапожная мастерские, завод подков и шипов, упряжи, кожевенное производство, суконная фабрика, выпускающая шинели.

Омичи, отправившие на войну отцов, братьев и сыновей, как могли, старались обеспечить фронту надежный тыл, активно помогали фронту деньгами. 25 августа в городе прошел так называемый кружечный сбор. 280 волонтеров прошли по домам, кинематографам, паркам и насобирали почти 7 тысяч рублей. В апреле 1915-го сумма пожертвований составила уже 53 тысячи рублей. На фронт отправились два вагона с подарками воинам-сибирякам. Больше всего омские бойцы были рады купленному на деньги земляков пулемету.

В Омск эшелоны возвращались не пустыми, составы везли в тыл сотни раненых солдат. Лазаретов катастрофически не хватало, поэтому палаты размещали в школах, общественных зданиях, на частных квартирах. В срочном порядке создавались полевые госпитали.

Помимо раненых бойцов, в сибирский город отправляли и многочисленных военнопленных - немцев, австрийцев, венгров, румын, чехов. Подальше от войны в город устремился поток беженцев. К ноябрю 1914-го года Омск принял 8 тысяч пленных, к февралю 1916-го - 14 тысяч, плюс 999 вынужденных переселенцев. Каждому требовался кров, еда, медицинская помощь. Денег, жилых площадей, кладбищ катастрофически не хватало. Городу грозила эпидемия. Власти начали бить тревогу.

Омск не может более принять беженцев ввиду полного переполнения всех свободных городских помещений и огромного наплыва войск и военнопленных, - сообщается в донесении градоначальника Акмолинскому губернатору.- Просим ассигновать средства на противоэпидемические мероприятия.

В июне 1915-го года городская Дума принимает решение о постройке лагеря для военнопленных на 10 тысяч человек. В 2016-м, ввиду острого дефицита бюджета, - о замене мясного питания молочным. Идет мобилизация жителей на заготовку дров.

Стоит сказать, что, несмотря на масштабные военные действия, цели Первой мировой Российской империи большинству населения были непонятны. Военачальники могли бы объяснить солдатам суть происходящего, однако этого не делали. По приказу царя, все разговоры на эту тему в частях было велено пресекать.

К тому же, по словам историков, страна к войне оказалась не готова.

Состояние железных дорог, телеграфной связи пребывало в плачевном состоянии. Выпуск снарядов почти в четыре раза был ниже потребности. В 1915-м году командиры даже стали выдавать премии солдатам, нашедшим оружие. Генерал Николай Головин вспоминал: «только часть бойцов, находившихся на фронте, была вооружена, а остальные

ждали смерти товарища, чтобы взять в свою очередь в руки винтовку». Защитники Родины голодали, не хватало шинелей, сапог, портянок, - рассказывает профессор ОмГПУ Георгий Порхунов.

Тем не менее, воспитанные в духе патриотизма сибирские казаки, демонстрировали на полях сражений чудеса героизма, и на судьбу не жаловались. Побывавшие на передовой и в госпиталях представители городской Думы, вернувшись в Омск, сообщали, что «солдаты не испытывают никакой нужды. Все нижние чины в один голос заверяют, что вполне довольны содержанием».

Впрочем, несмотря на введенную цензуру, правда о военных неудачах стала просачиваться в тыл. Уже ко второму году сражений омские жандармы стали фиксировать публичное недовольство отдельных граждан по поводу политики царя. Масла в огонь подливали обостряющиеся социальные проблемы: голод, болезни, разруха, спекуляция. В частности, в городе процветала торговля самогоном (на время военных действий в империи был введен сухой закон). Покупать первач из-под полы за три рубля могли далеко не все, поэтому несостоятельное сословие довольствовалось квасом повышенной крепости.

Помимо этого в городе началась «шпиономания». То там, те здесь «очевидцы» фиксировали появление неизвестных летательных аппаратов. Дошло до того, что генерал-губернатору Николаю Сухомлинову даже пришлось через местную газету пообещать награду поимщикам загадочного аэроплана. Правда, досталась ли она кому-нибудь, история умалчивает.

Статисткой, сколько омичей ушло на войну и сколько вернулось домой, Омский архив не располагает. Однако документов, свидетельствующих о примерах мужества и героизма сибиряков на полях сражений немало. Например, в телеграмме генерал-майора Усачева атаману Сибирского казачьего войска (октябрь 1914 года) говорится о награждении 24-х бойцов 4-го полка Георгиевскими крестами и медалями за храбрость. Спустя месяц аналогичных наград удостоены еще двадцать казаков. Высшую боевую награду – орден Святого Георгия вручили полковнику Э. Раддацу и есаулу В. Волкову. Наградное оружие получили 15 казачьих офицеров. В списке героев – сибиряков и сестра милосердия (внучка писателя Ершова) Нина Берников, удостоенная Георгиевской медали за самоотверженную помощь бойцам во время сражений.

Спустя год после начала войны на омских храмах в честь погибших героев начали появляться памятные доски. Генерал-губернатор Николай Сухомлинов планировал поставить памятник героическим казакам, сложившим голову на фронтах Первой мировой войны. Однако претворению этих планов помешала революция.

Две книги памяти содержат бесценный опыт и интересны не только историкам и архивистам, преподавателям и студентам, музейным работникам и краеведам, но всем людям, интересующимся историей, общественными, культурными и политическими процессами и параллелями.

И.К. Сушила

ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В РЕПЕРТУАРЕ РОССИЙСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

*Сушила Ирина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова,
г. Москва (Россия)
E-mail: ir.k.s@yandex.ru*

В работе показана эволюция репертуарной политики ведущих издательств, обращающихся к произведениям отечественной литературы начала XX века и

издательскому делу того времени; рассматриваются приоритетные направления в републикации произведений писателей Серебряного века российскими издательствами последних лет. На репрезентативных примерах из практики различных издательств (С.П.Г.- Пресс, Аграф, Эллис Лак, Новое литературное обозрение и др.) выявляются наиболее характерные особенности подобных изданий и их значение для воссоздания и исследования литературного процесса этой культурной эпохи.

Ключевые слова: репертуар, издательское дело, Серебряный век, литературный процесс.

В статията е представена еволюцията на репертоарна политика на водещи издателства, които се обръщат към произведения от руската литература от началото на XX век и издателската дейност от онова време; разглеждат се приоритетните направления в републикацията на произведения на писатели от Сребърния век от руските издателства през последните години (С.П.Г.- Пресс, Аграф, Эллис Лак, Новое литературное обозрение и др.) Извеждат се най-характерните особености от подобни издания и тяхното значение за пресъздаването и изследването на изследване на литературния процес от тази културна епоха.

Ключови думи: репертоар, книгоиздаване, Сребърен век, литературни процеси

The article demonstrates the evolution of the repertoire strategy of the leading publishing houses that address to Russian literature of the early 20th century and to the publishing industry of that period. Besides the author of the article goes through priority guidelines in the latest republications of the Silver age Russian literature, that are realized by the leading Russian publishing houses. The examples of practice of different publishing houses ("S.P.G.-Press", "Agraf", "Ellis Lak" and others) show the most representative features of such kind of publications and their role in recreation and analysis of the literary process of this cultural era.

Keywords: repertoire, publishing, Silver Age Russian literature, the literary process

Подлинное открытие значительного пласта русской культуры – литературы Серебряного века - началось во второй половине 1980-х годов, когда перемены в общественной и экономической жизни страны, а также отмена цензуры в 1991 году позволили издателям обратиться к масштабной републикации произведений писателей этой эпохи. Читательский интерес к ним был высок. Заметным явлением стали издания произведений классиков, ранее по идеологическим мотивам не издававшиеся, в частности, «Несвоевременные мысли» М. Горького или «Окаянные дни» Ивана Бунина. В 1990-е впервые были изданы собрания сочинений А. Ахматовой и М. Цветаевой, М. Волошина (издательство «Эллис Лак»). Разные издательства выпускали сборники стихотворений Н. Гумилева, О. Мандельштама, Г. Иванова и многих других поэтов. Выходили антологии поэзии Серебряного века. Они были различными по составу и уровню подготовки: массовые издания, практически без сопроводительного аппарата, для широкого круга читателей (издательство «Эксмо», 2006, 2007, 2013); учебные хрестоматии, как, например, выпущенная издательством «Высшая школа» еще в 1988 году книга «Поэтические течения в русской литературе конца XIX - начала XX века», до сих пор востребованная; антология «Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917» издательства «Наука» (1993), безупречная по составу, с тщательной текстологической подготовкой, разработанным сопроводительным аппаратом. Писателей Серебряного века издавали крупные государственные издательства и только появившиеся тогда частные, некоторые являются активными участниками книжного рынка до сих пор.

Также, начиная с 1990-х годов, стали широко издавать писателей русского Зарубежья. Были выпущены собрания сочинений писателей-эмигрантов: В. Набокова (издательство «Правда», 1990), Б. Зайцева (издательство «Русская книга», 1999), И. Шмелева (издательство «Сибирская благовонница», 2008). И русская литература такого

драматического XX столетия, до этого времени представленная тремя изолированными потоками - литература Серебряного века, собственно советская литература и эмигрантская, - впервые стала восприниматься как единый культурный феномен. Отечественное книгоиздание сыграло в этом важную роль. Для массового читателя открылись возможности знакомства с неизвестными прежде произведениями и писательскими индивидуальностями, а исследователи получили богатейший материал для изучения закономерностей развития русской словесности в XX веке, а также творческого наследия ее представителей во всей полноте.

В 1990-е – начале 2000-х процесс публикации произведений писателей Серебряного века носил экстенсивный характер. Издатели как будто соревновались друг с другом в стремлении освоить все новые и новые сегменты литературного процесса этого культурно-исторической эпохи. С течением времени книжный рынок оказался насыщен изданиями писателей Серебряного века, однако, они не исчезли из репертуара издательств. Просто появился новый вектор в репертуарной политике издательств, обращаясь к этому материалу. Можно сказать, что «экстенсивное» начало сменилось «интенсивным». Стали появляться издания, основанные на архивных материалах, представляющие эпистолярное наследие известных писателей или их неопубликованные произведения. Подготовке таких изданий составители, как правило, филологи, крупные специалисты по литературе этого периода, посвящали годы. Появление таких книг – событие и в литературоведении, и в книгоиздании, настоящий подарок для исследователей и подлинных любителей литературы. К изданиям такого рода можно отнести, например, великолепный том писем «Валерий Брюсов – Нина Петровская. Переписка 1904 – 1913». Замысел и труд составителей - Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова - качественно воплощен издательством «Новое литературное обозрение» в 2004 году.

В рамках издательской стратегии, определяющейся просветительскими задачами, в репертуаре издательств появляются издания, посвященные творческой и жизненной судьбе отдельного писателя.

Так, в издательстве «Эллис Лак» была выпущена книга известного ученого Н.М. Солнцевой «Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание»(2007). Читатель узнал много нового не только о жизни и творчестве писателя, героя этого повествования-исследования, но и о его современниках. Жизнь и творческая судьба И. Шмелева оказались вписаны в богатейший и научно достоверно воссозданный автором историко-литературный контекст.

Еще одна издательская стратегия последнего времени связана с публикацией произведений забытых писателей, писателей второго и третьего ряда, в чем проявляется продуманность и зрелость репертуарной политики издательств. Ведь только целостная картина литературной жизни эпохи, реконструируемая благодаря таким изданиям, позволит понять живой литературный процесс Серебряного века в его уникальности, в его взаимосвязях и взаимовлияниях.

Одним из характерных примеров такого издания можно считать выпущенный издательством «Б.С.Г.-Пресс» объемный, почти в тысячу страниц том «Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика» Нины Петровской. Составитель – крупнейший специалист по литературе Серебряного века, профессор М.В. Михайлова - собрала и впервые представила под одной обложкой все, написанное Петровской (за исключением многочисленных переводов произведений французской и итальянской литератур). Ее наследие многообразно и дает представление о литературной и издательской жизни эпохи. В доме Петровской при ее активном участии родился первый выпуск альманаха «Гриф», формировался репертуар одноименного символистского издательства, основанного ее мужем Сергеем Кречетовым. Ее память сохранила не только имена и реалии, что для историков культуры чрезвычайно важно, в воспоминаниях она сумела передать атмосферу, ауру происходящего, эволюцию издательского замысла, изменения своего отношения к общему делу. В «Воспоминаниях» Петровская создает выразительные

портреты Бальмонта, Белого, Брюсова, Гиппиус, других поэтов, рассказывает об их окружении и таким образом раскрывает суть эстетических и духовных исканий, споров символистских школ и драматичную обусловленность их творчества и жизни кризисным состоянием мира. Публикация мемуаров Петровской помогает понять суть метаний и поисков многих духовно близких ей современников. Петровская убедительно пишет о том, что именно русской литературе суждено дать ключ к разгадке «трагедии русской жизни». Между тем, живя в Европе, она видела, что там только после потрясений Первой мировой войны и русской революции начали по-настоящему открывать русскую классику. А имен Брюсова, Белого, Кузмина, Бальмонта на Западе почти никто не знал. В ее прозе, мемуарах, статьях образ русской эмиграции, гонимой, неустроенной, цепляющейся за остатки разметанного временем быта, трагичен и страшен, что, в свою очередь, является косвенным указанием на то, какие мучения претерпевали и покинувшие Россию литературные кумиры.

Проза Петровской, представленная в новом издании републикацией первой книги рассказов «Sanctus amor», а также произведениями эмигрантского периода представляет безусловный интерес, она знаковый факт литературного процесса Серебряного века, знакомство с ней обогатит наше понимание художественных исканий этой переломной эпохи.

На первый взгляд, Петровская как будто не была забыта. Ее имя неизбежно всплывает при соприкосновении с творчеством и судьбами Константина Бальмонта, Андрея Белого, Валерия Брюсова. В нашем сознании ее жизненный путь навсегда драматично переплетен с этими корифеями Серебряного века. Мы встречаемся с ней и на страницах многих мемуаров – В. Ходасевича, Н. Берберовой, того же А. Белого. И все же только теперь она предстает как самостоятельная творческая личность и участница литературного процесса первых десятилетий XX века. Кропотливый научный поиск составителя позволил впервые собрать в этом издании все произведения писательницы, вплоть до самых мелких рецензий, опубликованных в различных периодических изданиях. Одно только перечисление периодических изданий, в которых были опубликованы ее рецензии, дает представление о ее активном участии в литературной жизни первых десятилетий XX века. Здесь и символистские журналы «Весы» и «Золотое руно», и газета «Утро России», в которой Петровская помещала рецензии на новейшие произведения не только русской, но и зарубежной литературы, и выходящая в Берлине газета «Накануне», и многие другие не столь значительные издания. Алфавитный список рецензируемых изданий, входящий в аппарат книги, впечатляет и количеством, и шириной кругозора автора. Кроме произведений близких ей символистов, она пишет и о новых произведениях молодых писателей Советской России – Вс. Иванове, В. Казине и других, о первом советском литературном журнале А.К. Воронского «Красная новь», что свидетельствует о живом интересе Петровской к литературной жизни на Родине. Републикация этих материалов из труднодоступных источников знакомит современного читателя с Петровской как самобытным писателем и талантливым критиком.

Книга прекрасно подготовлена и оформлена. Аппарат издания, в котором, кроме уже названного Алфавитного списка рецензируемых изданий, есть именной указатель, Комментарии и две большие литературоведческие статьи, безусловно, расширяет контекст издания. Новая книга прозы, мемуаров и критики Петровской дает полное представление обо всех ипостасях ее творчества в его эволюции – от исканий декадентской юности до ясного понимания драматичности и противоречивости ушедшей символистской эпохи в горькие годы эмигрантских скитаний, вплоть до осознания одиночества и трагической обреченности существования русского писателя без родной почвы.

Ее «Разбитое зеркало» – отражение не только творческого лика автора, но и духовных и художественных интенций близкого ей круга символистов, а также сложной судьбы русской литературы в эмиграции. Такое «трехмерное отражение» придает творческому наследию Петровской подлинную значимость, выводя ее фигуру из ареала

«спутницы» в художественное пространство русской литературы первой трети XX века. Книга Нины Петровской расширяет наши представления о Серебряном веке. Она весомый вклад издательства «Б.С.Г.-Пресс» в русскую культуру.

Однако не только столичные издательства обращаются к републикации произведений писателей, нередко незаслуженно забытых. Отрадно, что и в провинции реализуются яркие издательские проекты. Таковым является выпуск в 2012 году в Мценске книги И. Новикова «Яблочный барин и другие рассказы». Ее выход - событие нашей культурной жизни, масштаба отнюдь не «мценского уезда».

С изданием этой книги к нам возвращаются произведения отечественной словесности, почти забытые и не переиздававшиеся чуть ли ни столетие. И.А. Новикова, наверное, нельзя отнести к писателям первого ряда. Но это автор, творчество которого заслуживает самого пристального внимания специалистов, да и читателей. Он многогранный художник, вобравший в себя эстетические принципы символизма, во многом сохранивший приверженность «соловьевству» и другим творческим интенциям модернизма и в 1920-е годы. Новиков работал в разных жанрах и формах, в диалоге с современностью и художественными исканиями эпохи. Несомненный интерес представляет его лирика. Кстати, репринтное издание, быть может, лучшей поэтической книги Новикова «Духу святому» предпринято также Городской библиотекой Мценска (2006). Он автор биографической прозы, сборников рассказов, нескольких романов (в книге «Золотые кресты», выпущенной в Мценске в 2004 году воспроизведены ранние рассказы, повести и роман, давший название всей книге).

В книгу «Яблочный барин и другие рассказы» вошли лучшие рассказы писателя разных лет. Сегодня совершенно очевидна необходимость и актуальность републикации произведений Ивана Новикова, чтобы без пристрастий разного рода разобраться в творчестве этого писателя, рожденного столь благодатной для русской словесности Орловской землей, прошедшего в литературе сложный и противоречивый путь.

Творчество писателя теснейшим образом связано с родными местами, можно сказать, питается любовью и памятью о них. Мценск и его окрестности, среднерусская природа не только фон действия в рассказах и повестях сборника. «Мценские» образы можно назвать сквозным мотивом этой книги. Природный мир нередко становится участником разворачивающихся событий, выражает точку зрения автора.

«Яблочный барин и другие рассказы» И. Новикова – классический том избранных сочинений, представляющий основные грани творчества писателя. И как положено в изданиях такого рода, его открывает развернутая вступительная статья «Мифы бытия, или рождение нового Адама», которая, безусловно, станет для читателя полезным путеводителем в путешествии по художественному миру писателя. Такой и должна быть вступительная статья в издании произведений «забытого» писателя. Одна из основных задач этого издательского проекта – актуализация творчества И.А.Новикова, потенциал которого ещё далеко не осознан нами, - успешно реализована.

Книга подготовлена и выпущена к 135-летию писателя-земляка в небольшом городке Мценск Центральной библиотекой им. И.А. Новикова. Изданием такой высокой культуры, филологической, историко-литературной значимости, великолепным полиграфическим исполнением могло бы гордиться любое столичное издательство.

В репертуаре наших издательств отразилась и история издательского дела Серебряного века. Так, издательство «Аграф», обращение которого к культуре Серебряного века – осознанная репертуарная стратегия, выпустило в 2011 году книгу Е. Тарана «Вокруг «Алконоста». Благодаря этой работе с культурной карты исчезает ещё одно белое пятно. В этом исследовании с научной тщательностью воссоздаётся деятельность издательства в его связях с традициями символистских издательств начала XX века и, что самое интересное, во взаимодействии с культурными интенциями новой России. Быть может, именно такой методологический ракурс и позволил сегодня осознать феномен этого издательства, в работе которого парадоксально соединялась духовная

оппозиционность с организационной зависимостью от нового государства. Интерпретация всех начинаний «Алконоста» в историко-литературном и культурологическом контексте придает исследованию Е.Тарана научную значимость и новизну. Деятельность круга единомышленников рассматривается как отражение различных тенденций в символистском лагере.

Характерной чертой репертуарной политики «Алконоста» было соединение изданий художественных произведений со сборниками теоретических и публицистических работ, посвященных вопросам искусства. Автор убедительно показывает, как через выпуск таких, например, сборников, как «Искусство старое и новое» К. Эрберга, «На перевале» А. Белого, «Переписка из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, «Алконост» выражал свою общественную позицию и мировоззренческие установки, привлекал внимание читателей к судьбам искусства в переломную эпоху. Расширение круга авторов «Алконоста» (издания Ахматовой, например) исследователь справедливо трактует как преодоление групповой замкнутости, как свидетельство нового этапа символизма.

Каждая страница хроники деятельности издательства становится не просто констатацией факта издания того или иного автора, но дает материал для выявления программы издательства и его роли в культурной жизни страны. Актуализация этого издательского опыта прошлого чрезвычайно плодотворна для современных издателей. Анализируя издания разных лет, Таран подчеркивает, что «Алконост» не просто выпускал книгу за книгой писателей одного круга. Это издательство, прежде всего, ставило перед собой задачу актуализации традиций символизма.

Хотелось бы отметить достоинства книги Тарана как научного издания. Представленный автором значительный фактический материал четко структурирован в соответствии с авторской концепцией. Все отсылки к источникам цитат сгруппированы в разделе «Примечания». Исследователям данного периода будет весьма полезен и обширный библиографический список, для удобства пользования представленный в двух блоках: «Источники» и «Работы эстетического и литературоведческого характера». Именной указатель, помещенный в конце книги, облегчит знакомство с ее материалами.

Содержательное поле книги удачно дополняется вкладкой с иллюстрациями, воспроизводящими обложки алконостовских изданий, их авторы – К. Петров-Водкин, А. Головин, М. Добужинский, Ю. Анненков. Книга «Вокруг «Алконоста» оформлена в стилистическом ключе Серебряного века.

В 2014 году «Новое литературное обозрение» также осуществило успешный издательский проект, актуализирующий издательскую практику Серебряного века, выпустив монографию Е.А. Динерштейна «Синяя птица Зиновия Гржебина». Наши представления о литературной и издательской жизни Серебряного века существенно обогатились, благодаря этой работе. История издательства «Шиповник», которым руководил Гржебин, круг литераторов и художников, близких к нему, раскрываются с опорой на архивные материалы, тщательно изученные источники. Эта книга имеет несомненное историко-культурное значение.

Литература и издательская практика Серебряного века, начиная с 1990 -х годов, постоянно находится в поле зрения современных издательств. Современные издатели активно осваивают новые сегменты литературного процесса Серебряного века, обращаясь к творчеству писателей «второго» ряда, что представляется актуальным и плодотворным.

2.Славянские культурные общения.

Е.Велев
М.Тахиров

СЪВРЕМЕННИ ИЗМЕРЕНИЯ НА МЕЖДУКУЛТУРНИТЕ ОБЩУВАНИЯ В СЛАВЯНСКИ КОНТЕКСТ

Евгений Велев
доктор, професор,
Государственный университет по библиотекознание и информационни технологии,
г. София (Болгария)
E-mail: unibit@unibit.bg

Мюмюн Тахиров
доктор, доцент,
Государственный университет по библиотекознание и информационни технологии,
г. София (Болгария)
E-mail: unibit@unibit.bg

В статъе рассмотрены процессы и явления, которые несомненно имеют огромное влияние на формирование и развитие межкультурного общения. Язык общения на всех уровнях проявления является именно тем фактором, который способствует глобализации и размыванию границ — реализации межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковое общение, межкультурная коммуникация, близкородственность, славянские общения.

В статията са разгледани процеси и явления, които несъмнено имат огромно влияние на формирането и развитието на межкултурното общуване. Езикът на общуване на всички нива е именно този фактор, който съдейства за глобализацията и размиването на границите – реализирането на межкултурна комуникация.

Ключови думи: езиково взаимодействие, межкултурна комуникация, близкородствени езици, славянски общувания.

The article examines the processes and phenomena that undoubtedly have a huge impact on the formation and development of intercultural communication. The language of communication at all levels of existence is precisely the factor that contributes to the globalization and the blurring of boundaries — the implementation of intercultural communication.

Keywords: linguistic communication, intercultural communication, biscottino, Slavic fellowship.

Мащабните миграционни явления, увеличаващата се мобилност на гражданите на света, глобализацията и интензивният технологичен възход, бумът на електронните и новите технологии, информационната революция, конвергенцията и пр. са сред онези

фундаментални процеси, които характеризират облика на света в края на ХХ и началото на ХХІ век., формирайки нови политически, икономически, социални и културни реалности. От друга страна отчитайки факта, че развитието на информационното общество е трансграничен и транснационален процес, в който отделните страни осъществяват своите национални политики и това, че самото то е резултат от промените, предизвикани от използването на информационните и комуникационни технологии и новите медии в съвременния живот, както и обстоятелството, че ХХІ век се превръща във век на предизвикателства пред държавите и нациите по света, на проникване на култури и ценностни модели, се налага разбирането, че межкултурните общувания постепенно се превръщат във все по-иманентна характеристика на световното общество. Това налага необходимостта да се отчитат изискванията за ефективност и ефикасност на межкултурните взаимодействия, поставяйки въпроса както за устойчивото съжителство на култури, етноси, религии и езици, така и за тяхното дълбоко взаимодействие и взаимопроникване, което обаче все още не означава наличието и съществуването на такова и между политическите, религиозните и морално-ценностните системи на отделните народи, които трябва да бъдат въвличани за тяхното опознаване и възприемане. Тук определена роля играят достойнството, уважението и зачитането на другостта, баланса на обществените и културните интереси и спазване на принципите на демократичност, и недопускане на привилегии и неравнопоставеност.

Интеркултурният диалог и международните общувания проявяват своите специфики тогава, когато биват въвлечени в комуникативните процеси на съседни и много близки идентичности с общи черти и с достатъчно „скрити” различия или особености. Сред славянските общности със своя мултикултурен и мултиезиков облик, където изобилстват подобни прояви поради голямата близост в бита и културата, феноменът на малките различия се откроява там, където межкултурната и междуезиковата граница не е строго фиксирана, където в по-голяма степен е необходимо да се внимава за отношенията между знак и символ, между форма и съдържание.

В определени сфери на човешката дейност развитието на съвременните постпостмодерни общества натовазва езиковите и културни компетенции с нови и твърде различни от досегашните функции. Все повече в съвременните изследвания върху въздействията на средствата за масова комуникация, например, се обръща внимание на т.нар. „макро“ или надезиков контекст (социокултурен, народопсихологически ценностно образуващ контекст и пр.), или казано по друг начин натрупаните „фонови знания“ знания в национален и наднационален мащаб, имплицитно присъстват в микроконтекста на дадения езиков изказ. Глобализационните и информационно-комуникационни процеси в световен мащаб водят до превръщането на някой от международните езици за полифункционална комуникация в наднационален и надрегионален, функциониращ извън пределите на собствената езикова територия. Последниците от това обаче могат да доведат до определени недопустими отклонения, тъй като езикът посредник не би позволил да се опознае в дълбочина обектът на проучване в случаите, когато се пренебрегва значимостта и надеждността на конкретните фонови знания, относно народопсихологията на определен етнос и относно културните и национални идентичности на отделните общности. Пример за това са взаимовръзките и взаимозависимостите между езика-посредник и т. нар. „малки езици“, опитвайки се да вникнем в същината на дадено общество и на неговата култура, предопределяни в известна степен от културни и религиозни различия.

В този смисъл може да се изведе тезата, че рискът дадена представа за културната история на определен народ, която е функция на собствения социокултурен опит, на усвоения межкултурен опит и приспособяване и която да не отразява същината на явленията и процесите, е реален и много често срещан факт. Открит остава обаче въпросът за допустимите параметри на присъствие на езика-посредник, както и за степента на езикова компетенция по съответния „малък език“, както и за подценяването на

изискването за точен и коректен превод от близкородствени езици и надценяването на възможностите за разбиране, основоващо се единствено на познанията по майчиния език. При генетично близките езици, какъвто е случаят при славяноговорящите народи, например, се наблюдават „прилики и разлики в покриването на плана на съдържанието“, поради което значенията на думи и изрази, съотносими с едни и същи реалии, почти никога не съвпадат напълно. Може да се твърди, че тъкмо в тази посока се проявява известната „провокираща“ близост на въпросните близкородствените езици, която би могла да бъде премахната посредством специфични методически средства едва тогава, когато бъдат изследвани, анализирани и идентифицирани съответните езикови стандарти, както и ако се обръща специално внимание на фоновите знания. Това се отнася за всяка една от близкородствените славянски култури.

Централно понятие в контекста на мултикултурализма като идея е многообразието в неговите различни проявления. Межкултурното общуване е процес, който се характеризира с определени признаци като успоредно съществуващи или различни култури с относителна независимост една от друга, структура, в която отделните културни модели съществуват и функционират на принципа единство на многообразието, движение един към друг, а не успоредно или противоположно движение. В този процес, в резултат на съприкосновението, в което влизат различните култури, те се променят и обогатяват. Фундамент за развитие на този процес е развитието на културния плурализъм в национален, европейски и световен мащаб. Културният плурализъм в съвременното общество се характеризира с множество приноси на други култури и цивилизации за национално културно богатство на различните страни (език, икономика, история, философия, литература, музика, всекидневен бит и т.н.) (Пероти 1994:26).

Процесите на глобализация, съпътствани от появата на все по-големия брой транснационални компании, изискват човешки ресурси с нова комуникативна култура, хора, които да са подготвени за работа в интернационална среда и съобразена с различията в националните култури. Международните и межкултурните контакти се нуждаят от добре подготвени личности, които познават сложната същност на комуникациите и могат успешно да се справят с предизвикателствата на новите социално-икономически и културни реалности. Културата вече се схваща не като ментална програма, а по-скоро като мрежа от взаимодействия между членовете на обществото. Участието на индивида в цялостната култура се състои в това да притежава онези знания, които го правят способен да възприема, да действа и да извлича смисъл от взаимодействията в системата (Рот 2007: 27). Културата все повече се очертава като движеща сила в обществото, като източник на жизненост, динамика и социално развитие. От знанията за определена култура могат да се направят прогнози за индивидуалното поведение на нейните представители. Известно е, че различията в културите са много. Затова при общуването на представители на различни култури съществуват голям брой бариери, които могат да доведат до неправилно взаимно разбиране. Различията между типовете култури могат да причинят комуникационни проблеми и дискомфорт в общуването.

Човешките отношения предразполагат общуване и взаимодействие с различни партньори, уникални по своите комуникативни умения, индивидуални характеристики и културен светоглед. В такъв случай ефективността на комуникативния процес се определя до голяма степен от анализирането, разбирането и приемането на различията и чуждостта на другите. Необходимостта от взаимно признаване и зачитане на правото на другия да бъде различен в многообразните по сложност и структура социални отношения, определя значимостта на интеркултурната компетентност, издига на високо равнище толерантността, разбирането и приемането на другостта, на представителя на другата култура. За да се установи по-основно межкултурно разбиране, чуждестранният партньор трябва да усвои езика на културата-домакин. Да се научиш да се изразяваш на

друг език означава да се научиш да приемаш чуждата отправна рамка. Съмнително е дали можеш да бъдеш двукултурен, ако не си двуезичен (Хофстеде 2001: 297).

Междукултурни срещи се реализират при международните преговори, транснационалните бизнес организации, където езиковите различия също пораждат проблеми. Най-успешни са интеркултурните срещи в арторганизации. Тук средството за общуване е изкуството. Изкуството преодолява всякакви езикови бариери. За да разбереш и почувстваш дадена картина, за да се потопиш в необятната вселена на музиката, не е необходимо да владееш езика на техните автори. В този смисъл интеркултурните срещи са най-могъщото и хуманно средство за взаимно опознаване и възприемане на хора с различна етнокултурна идентичност.

Защо са успешни междукултурните срещи в арторганизации – галерии, музеи, театри, опери и пр.? Един от отговорите се съдържа в мисълта на Томас Елиът чрез изкуството можем да надникнем в чужда страна без да ни е издаден паспорт и закупен билет (Елиът 1980). Според американският икономист Ричард Флорида, когато дадено място, селище, институция са отворени, толерантни и имат капацитет да привличат таланти личности, артисти, музиканти, чужденци, квалифицирани специалисти, се създава условие за междукултурно общуване.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елиът, Т. Традиция и индивидуален талант. В., 1980 .
2. Иванова, Ц. Междуславянските лексико-семантични отношения в приложната лингвистика (за тематичен речник-минимум и речник на междуезиковите омоними и полисеми)/<http://www.rastko.rs/rastko-bg/jezik/civanova-mezduslav.php>
3. Пероти, А. В защита на междукултурното образование. С., 1994 .
4. Рот, Ю., К. Рот. Студии по интеркултурна комуникация. С., 2007 .
5. Хофстеде, Х. Култура и организации. С., 2001 .

Б.Б. Върбаков

СВ. БОГОРОДИЦА – „ПЪРВИЯТ ИКОНОГРАФ“ НА ИИСУС ХРИСТОС

Благовест Благоев Върбаков
доктор по богословие, Богословски факултет,
Софийски университет «Св. Климент Охридски»,
г. София (България)
E-mail: blagovest_varbakoff@abv.bg

В настоящей статъе разсматривается вопрос о достоинстве Пресвятой Богородицы, согласно учению Православной Церкви, а также ее образ в православной иконографии. Подвергаются анализу и интерпретации три иконографические композиции: «Похвала Пресвятой Богородицы», «Акафист Пресвятой Богородицы» и «Пресвятая Богородица Царица Небесная». Позиция автора выражается в том, что Божья Матерь является «первым иконописцем» Иисуса Христа, потому что в ее утробе Слово Божие становится реальным человеком.

Ключевые слова: *Первый Эфесский собор, Акафист Пресвятой Богородице, Пресвятой Богородицы, православная иконография*

В настоящата статия се разглежда въпросът за достойнството на Св. Богородица според учението на Православната църква, както и нейният образ в православната иконография. По-специално се анализират и интерпретират три иконографски композиции: „Възхвала на Св. Богородица“, „Акатист на Св. Богородица“ и „Св. Богородица Царица небесна“. Авторската позиция се изразява в това, че Божията

майка се явява „първият иконограф“ на Иисус Христос, защото в утробата ѝ Бог Логос става реален човек.

Ключови думи: Първи Вселенски събор, Акатист на Св. Богородица, Св. Богородица, православна иконография

In the present article addresses the issue of the dignity of the Blessed Virgin Mary, according to the teachings of the Orthodox Church. Specifically addresses three Orthodox iconographic compositions: “Praise of Theotokos”, “Akathist to the Holy Virgin”, and “Virgin Mary Queen of Heaven”. The position of the author of this article consists in the idea that Virgin Mary is the “first icon painter” of Jesus Christ, because in her holy womb God the Logos becomes a real person.

Keywords: First Council of Ephesus, Akathist to the Holy Virgin, Virgin Mary, Orthodox iconography

Въвеждащи бележки

В редица свои догматически и нравствено-поучителни съчинения Св. Отци на Църквата отделят съществено внимание върху образа на Христовата майка – Св. Богородица, когато изясняват смисъла на Изкупителната жертва на Сина Божи. Разбираемо е защо нейното име често присъства в трудовете им: защото благодарение на нея Предвечният Логос се ражда по плът, за да извърши Изкуплението, чрез нея се осъществява акта на Боговъплъщението и затова достойнството ѝ е изключително висок¹. Дори нещо много повече, според Св. Отци тя играе „ключова роля“ в Домостроителния план, като така *de facto* става **съучастничка** в него. Множество химнографски произведения са посветени на нея, в които тъкмо тази идея се подчертава – идеята, че тя е предопределена свише да стане майка на Иисус Христос². Химнографското творчество на Църквата изобилства с посветени на нея песнопения, в които с особен пиетет се възхвалява нейният образ. За пример можем да посочим както съчиненият от Св. патриарх Герман Константинополски (645-740) химн „Свише пророци тя предвозвестиша“, така и Богородичният акатист, чието авторство с точност не е уточнено, което от своя страна затруднява неговото датирание. Със сигурност обаче той е окончателно оформен като произведение през VII век. Според химнолозите, от тогава датира и първият му кондак „Взбранной воеводе“ и най-вероятно е съчинен от Св. Йоан Дамаскин (676-749); изпълнява се в самото начало на Акатиста [1 Козлов, с. 83-88]³. На него принадлежат и Богородичните догматици, в които се посочват в библейско-богословски аспект основанията на Църквата за почитане на Св. Богородица като **Приснодева**⁴. Въз основа на тези библейски основания, „закодирани“ в Св. Писание на Стария Завет, Св. Отци от Третия Вселенски събор на Църквата (Ефес, 431 г.), изяснявайки христологическия догмат, утвърждават образа на Христовата майка в светлината на нейното приснодевство и съответно по този начин конкретизират учението си за нея, че тя

¹ За това свидетелстват както Св. Отци на Западната църква, така и на Източната. Задоволителен корпус на светоотечески съчинения по повод достойнството на Св. Богородица е направил Luigi Gambero: 1 Gambero, 1999; 2 Gambero, 2000.

² Тази идея е разгърната в дълбочина от Св. Йоан Златоуст, който разглежда образа на Св. Богородица в христологически аспект [1 Gambero, с. 171-180; Чиликов, с. 77-81].

³ Обширен исторически и богословско-литургически анализ на Богородичния акатист може да се намери например в следните трудове: 1 Peltomaa, 2001; Mavrichi, с. 1175-1179; Θεοδώροπουλος, 1988; Παλαγιάννης, 2006; Давыдов, 2004; Попов, с. 369-378; Людоговский, с. 103-119.

⁴ Св. Йоан Дамаскин във всичките си слова и поучения по повод Богородичните празници изтъква огромната роля на Св. Богородица, следвайки и предавайки по този начин решенията на Третия Вселенски събор на Църквата [2 Козлов, с. 228 - 248]. Виж също и Йевтич, с. 641-671.

се явява Богородица⁵. От този Вселенски събор официалното обръщение към Св. Дева Мария започва да е такова, тъй като в максимална степен то отразява същността на нейната изключителна мисия [Коев, с. 153-159; Алексиев, с. 14-25].

Изясняването на христологическия спор за богочовешката природа на въплътения Бог Логос⁶ способства и да се уточни достойнството на Св. Дева Мария. Св. Кирил Александрийски (378-444), който полага неимоверни много усилия на заседанията на Третия Вселенски събор да отстои честта ѝ като Богородица въз основа на своите христологически възгледи⁷, в посланието си „Εὐφραίνεσθεσαν οἱ οὐρανοί“ [„Да се възвеселят небесата“] [Пс. 95:11] от януари 433 г. до епископ Йоан Антиохийски казва: „Въз основа на **неслитното съединение** [на божествената с човешката природа в Исус Христос – б. м.], ние изповядваме пресветата **Дева като Богородица**⁸, защото Бог Логос се **въплъти** и **въчовечи**, и в самото си зачатие **съедини** със Себе си **възприетия от нея храм**⁹“ [Омарчевски, с. 56, 72]¹⁰.

Постановка на разглеждания въпрос

В настоящата статия се обръща внимание на въпроса за достойнството на Св. Дева Мария като „Богородица“, придържайки се към учението на Православната църква, което Св. Отци систематизират в своите съчинения. Въз основа на това, ще се разгледа ролята на Св. Богородица под различен идеен ъгъл. Като се изхожда от позицията, че тя е майка на въплътения Логос Исус Христос, ще се посочи, че тя всъщност става „първият иконограф“ на Спасителя, понеже в нейната утроба Логоса приема плът и съответно тя

⁵ Повече по този въпрос в съчиненията на преп. Юстин Попович (1894-1979): 1 Попович, с. 482-499; 2 Попович, с. 299-317. С основание може да се каже, че Богородичният акатист по идейно-тематичната си структура отразява убеждението на Св. Отци от Ефеския събор относно личността на Св. Дева Мария като Богородица. По този въпрос в: 2 Peltomaа, с. 304-308.

⁶ Първите два Вселенски събора на Църквата се спират на въпроса за триадологическия характер на християнската вяра (Никея, 325 г. и Константинопол, 381 г.), на който Св. Отци съставят Символа на вярата, познат като Никео-Цариградски. Вторите два Събора разглеждат конкретно личността на въплътения Логос, защото споровете били на христологическа основа. Четвъртият Събор (Халкидон, 451 г.) дава отговор на въпроса по какъв начин двете природи – божествената и човешката, у въплътения Логос „пребивават“ в Неговата личност, т.е. в човека Христос, а именно – те се съединяват неслитно, неизменно, неразделно и неразлъчно, което е и догматически формулирано [Карташев, с. 336; Коев, с. 224].

⁷ Христологическите възгледи на Св. Кирил Александрийски имат известни неточности откъм използваната и осмислената в съдържателно отношение от него терминология. Въпреки това обаче, те способстват за преодоляването на Несторианската ерес и поради това се счита от Църквата за стълб на православието [Карташев, с. 249-267; Омарчевски, с. 23-25]. Повече за неговото учение относно Св. Богородица в: 1 Gambero, с. 241-248.

⁸ Специално по този въпрос виж и посланието на Св. Кирил: „Слово против онези, които не изповядват Св. Дева Мария като Богородица“ [PG, tom. 76, col. 256-292].

⁹ Под израза „възприетия от нея храм“ Св. Кирил перифразира Апостол-Павловите думи „Не знаете ли, че **вие сте храм Божий, и духът Божи живее във вас**“ [1 Кор. 3:16]. Този текст има антропологическо измерение, тъй като изяснява първо какво е значението на тялото за човека – в него почива Св. Дух, когато, естествено, се води нравствен начин на живот, съгласно евангелските принципи [Киров, с. 100-107]; и второ, в който и смисъл Св. Кирил употребява този израз, е, че Логосът **приема човешко естество** от Св. Дева Мария и затова е Богородица, а Исус Христос истински човек [Коев, с. 218].

¹⁰ Виж и Карташев, с. 285; Коев, с. 218-219. Пълният текст на посланието в: 2 ДВС, с. 142-143.

способства да стане **описуем**, за което недвусмислено свидетелства Новия Завет [Йоан 1:14]. С оглед на така поставения изследователски дискурс и за аргументиране на авторската позиция, ще се приведат три иконографии на Св. Богородица – „Възхвала на Св. Богородица“, „Богородичният акатист“ и „Св. Богородица Царица небесна със старозаветни предобразни символи“. Поради ограничените възможности на тази публикация, иконологичната им интерпретация няма да е обширна. Също така, с изключение на последната иконография, останалите са избрани произволно, т.е. такива образци, които възможно най-пълно да отразяват **богословското съдържание** на съответния иконографски тип. Приложени са и други иконографски композиции.

1. Възхвала на Св. Богородица [обр. 1]

1.1. Иконографски особености и литературна основа¹¹

Химнът на Св. Герман служи за основа на иконографската композиция „Възхвала на Св. Богородица“. Често срещаната образна интерпретация е по следния начин: Св. Богородица на трон, отгоре на нея образа на Младенеца Иисус от типа „Емануил“, вписан в кръгообразна мандорла или в кръг и благославящ с двете си ръце, а от страни на тях – всички пророци, на които Бог е разкрил образа на Христовата майка, което се пояснява чрез поместените в свитъците пророчески текстове, които държат. В това съчинение Св. Герман споменава старозаветните предобразни символи, разкриващи образа на Св. Богородица, които също се изобразяват. Всеки символ онагледява пророчествата на съответния пророк. Тези символи значително по-ясно са изведени като рисунък в композицията „Възхвала на Св. Богородица с Акатист“, която се обособява през втората половина на XIV век, вследствие на вече установения в църковния календар на Руската православна църква [РПЦ] празник „Събота на Акатиста“. Този иконографски тип се концептуализира предимно в руската църковна живопис. Тя съчетава елементи от произведението на Св. Герман, както и от Акатиста на Св. Богородица. За най-ярък образец на тази композиция се сочи иконата от края на XIV век от Успенския събор в Москва, дело на гръцки зографи [Громова, с. 71; Самсонова, с. 270].

Установяването на празника „Възхвала на Св. Богородица“ (в Руската църква се нарича още и „Събота на Акатиста“) се свързва със застъпничеството на Св. Богородица над Константинопол от нашествието на аварите през 626 г. В този трагичен за престолния град момент тогавашният патриарх Сергей I (610-638) взел иконата на Божията майка от Влахернската църква и обходил с нея стените на града, извършвайки през това време молебен в нейна чест. По чудо нашествениците са отблъснати. По този повод, както и при други подобни на застъпничество от страна на Св. Богородица, се установил този празник, който се чествал ежегодно на петата събота от Великия пост. Първоначално той се почитал само във Влахернската църква, но през IX век влезнал в Типика на манастира на Св. Сава Освещени (439-532) [Mar Šava], а после и на Студийския манастир, докато накрая не бива включен в Постния триод, ставайки така общозадължителен за всички поместни Православни църкви [1 Настольная книга, с. 534].

Българската православна църква [БПЦ] за разлика от РПЦ не включва в празничния си календар празника „Събота на Акатиста“, който отбелязват на петата събота по време на Великия пост. Тогава преди начеването на Св. Литургия, т.е. на утрента, се прочита целият Богородичен акатист заедно с произведението на Св. Герман. В БПЦ, а и други поместни църкви, Акатиста на Св. Богородица се чете на части на вечерните богослужения през първите четири петъка на Великия пост. Целият Акатист обаче се прочита на последния петък, т.е. на петия, отново на вечерното богослужение. Въпреки че БПЦ взиматства от богослужебния Типик на РПЦ, този празник липсва, което най-вероятно се дължи на практиката, че в нашата църква Акатистът се чете по време на постния период и затова не счита за нужно да го отбелязва, макар да е упоменат в Типика [Триодъ Постная, с.

¹¹ Задълбочен анализ на този тип иконография е направила Э. Саликова [Саликова, с. 69-80].

324-335; Авксентий, с. 346]. Обособяването на този празник в РПЦ се свързва с предпразненството на „Благовещение Богородично“, понеже го почита по стар стил на 7 април според юлианския календар [2 Настольная книга, с. 545-546].

1.2. Иконологична интерпретация

Богословското съдържание на тази иконография е ясна: **величието** на Св. Богородица е пресъздадено чрез трона, на който седи; тук също така се подсказва и **софиологичното учение** на Църквата, а именно – „Премъдростта си **съгради дом**“ [Притчи 1:9], в смисъл, че Словото, което е Премъдростта Божия – Σοφία, чрез която е създадено творението [Йоан 1:1-3], **приема плът** като се зачева в утробата на Св. Дева Мария от Св. Дух. Въчовечаването на Сина Божи с оглед на приведения старозаветен стих означава, според Св. Отци, че Логосът си „съгражда дом“ чрез Своята майка. Този израз всъщност има определена месианска насоченост и следователно трябва да се тълкува именно в този смисъл, в контекста на пророчествата за раждането на Месията Христос, защото **съграждането** на въпросния **дом** подсказва ясно за акта на Боговъплъщението. Цялата иконография насочва към Домостроителния план, който Бог промисля: Св. Богородица приема ролята да е „**вместилище** на Невместимия“, както се възпява в нейния Акатист, за да може Логосът да извърши Изкуплението, приемайки доброволно кръстна смърт. Всичко това намира своя образен еквивалент в тази композиция чрез изображението на Иисус Христос в иконографския тип „Емануил – Премъдрост Божия“.

Достоинството на Св. Дева Мария като избраница да роди Логоса по плът е чувствително по-ярко интерпретирана в иконографския тип „Възхвала на Св. Богородица с Акатиста“ [обр. 2]. Заедно с образите на св. пророци тази иконография включва не само житийни сцени от живота на Св. Богородица, но и на Иисус Христос, а така също и някои нейни празници. Броят на сцените не е фиксиран (в това число и техният брой), а варира в зависимост от личните авторски решения за интерпретация. Включването на всички тези сцени имат една дълбока богословско-догматическа концептуална взаимовръзка. Те взаимно си кореспондират, допълват и идейно изясняват, т.е. всяка сцена поотделно се саморазкрива, в смисъл се разчита като послание, като се съпостави с останалите сцени. По този начин се разкрива смисъла на **извечната тайна на Боговъплъщението**, респективно на Божия промисъл за спасението на света и човека. Конкретно иконографията описва последният стадий от „спасителната история“, започвайки от Благовещението на Св. Дева Мария до смъртта и възкресението на нейния Син, с което Изкуплението вече е осъществено съгласно старозаветните пророчества [Пиперов, с. 9-13; Вълчанов, с. 20-25].

1.2.1. Дърво Йесеево [обр. 3, 4]

Често тази иконография се интерпретира и като „Дърво Йесеево“, но с известни уговорки. Тази композиция преди всичко цели да разкрие Христовата генеалогия, така както е предадена от евангелистите [Мат. 1:1-6; Лука 3:23-38]. Изобразените праотци, който брой също не е фиксиран, от една страна разкриват идеята за царското достойнство на Сина Божи и че Той е в действителност Спасителят, за Когото е пророкувано (това се пояснява чрез поместените в свитъците им текстове), а от друга, че също и Св. Богородица е от такова потекло. Въз основа на това се уточнява и иконографският тип на Божията майка „Царица небесна“ [1 Стефанов, с. 2¹²; Пенкова, с. 507-520]. С оглед на заложеното идейно послание в Христовата генеалогия би могло да се съотнесе с концептуалното измерение на иконографията „Възхвала на Св. Богородица с Акатиста“, макар самата тази иконография да носи много по-дълбоко послание от това да предаде историческите корени на Богочовека Христос. Богословското съдържание на композицията „Дърво Йесеево“ е с свой собствен идеен замисъл в зависимост от начина, по който художествено се интерпретира [Плюханова, с. 341-353].

Христовата генеалогия описана чрез композицията „Дърво Йесеево“ се свързва с

¹² Същата публикация, но разширена и с добавена цитирана литература в: Stefanov, с. 58-73.

празника Неделя преди Рождество Христово (Игнажден), като на него се чете споменатият по-горе текст от Евангелието на Св. апостол Матей. Композицията се интерпретира по два начина, както например е в търновската църква „Св. Св. Петър и Павел“ във втория ѝ живописен слой от XVI век, който по мнението на специалистите е уникален по съдържание и цетова интерпретация. По арките между наоса и притвора, също и по северната и южната стена темата е пресъздадена в традиционния ѝ мъжки вариант, съответно на северната стена, както и във феминистичен на южната. И двете редакции на „Дърво Йесеево“ по начало имат западен произход. Северната стена представя прадедите на Иисус Христос, докато на южната наред с тях са включени и образите на Неговите прабаби. Тъкмо тази интерпретация не намира паралели в българската църковна живопис. Според Павел Стефанов (1948-2012) и други учени, този търновски зограф, на когото самоличността му до момента остава неуточнена, се е придържал към атонския списък на праведните жени, споменати в Стария Завет, които залягат и в Ерминията на Дионисий от Фурна (1670-1744), съставена през първата половина на XVIII век. Характерното тук е, че вместо да представи тези жени в отделен фриз, зографът ги включва в композицията „Дърво Йесеево“, като по този начин ѝ придава различна иконографска визия и оттам идейно съдържание. Феминистичната интерпретация на Христовата генеалогия по същество **дублира и съперничи** на общоприетия мъжки вариант на разглежданата композиция [Стефанов, с. 2].

Целта на този вид интерпретация е да се подсказе и **ключовата роля** на праведните старозаветни жени в Домостроителния план, които по един или друг начин **предобразяват** личността на Св. Богородица. Наравно с това обаче, както пояснява П. Стефанов, те са и „духовни предобрази“ на Иисус Христос, вероятно поради причината, че добродетелите се персонифицират предимно в женски образи по аналогия на античните музи¹³.

Литературната основа на тази композиция почива освен върху споменатия евангелски текст – от там са взети персонажите, но и предимно върху думите на пророк Исаия: „И ще прокара младочка от **Иесеевия пън**, и клон ще израсне от неговия корен“ [Исаия 11:1]. В духа на светоотеческата екзегеза това пророчество има месиански характер – разкрива родоначалника на Христовото родословие, т.е. **Иесей** – бащата на цар Давид [1 Цар. 16:13]. Включването на образа на Св. Богородица в композицията „Дърво Йесеево“ всъщност цели да разкрие идеята за непорочното зачатие на Месията Христос – „безсеменно родила Бог Слово“, както и произтичащото от това нейно достойнство. Тези думи са своеобразно продължение на едно друго пророчество на Исаия: „**Девицата** ще зачене и ще роди Син, и ще Му нарекат името Еманиул“ [Исаия 7:14] [Маринарова, с. 162-177].

1.2.2. Идеята за Божия универсализъм

В иконографията „Дърво Йесеево“ Божият универсализъм е засвидетелстван и чрез изобразяването на някои женски образи, като например на прорицателката Сибила и Савската царица, което е характерно за западното изкуство. Сибила (става дума за тази на Делфийския оракул) се свързвала с пророчествата за раждането на Месията Христос, на които християните през първите векове отдавали високо значение. Въпреки гностическият характер на тези пророчества¹⁴, идеята е ясна: **Бог разкрива Своя промисъл**, дори и на езичниците. Едно от знаковите прорицания на Сибила е посоченият ѝ свише тайнствен акростих **ΙΧΘΥΣ**, чиито първи букви разкривали съдържанието на следното изречение с

¹³ Обширно изследване върху зараждането и развитието на композицията „Дърво Йесеево“ е направил Arthur Watson, спирайки се върху значими нейни средновековни образци: Watson, 1934.

¹⁴ За гностическия характер на тези пророчества е отделил значително внимание П. Стефанов. В своя капитален труд той задълбочено разглежда тяхната поява и развитие в ранната Църква, както и остроото възмущение на Св. Отци спрямо въобразилите се за пророци жени: 2 Стефанов, с. 236-265.

Месианска насоченост: „Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Ὑιὸς Σωτήρ“ [„Иисус Христос Син Божи Спасител“]. Този акростих, който означава на гръцки думата „риба“, поради това е бил възприет за един от християнските символи на ранната Църква. Изледавателите смятат, че това е най-древният раннохристиянски символ, изобразяван още в началото на III век по стените на Римските катакомби. Символизира както самия Месия Христос, така и Св. Евхаристия и тайнството Кръщение¹⁵.

Прорицателката Сибила присъства също и в иконографската програма на трапезарията в Бачковския манастир, датирана от 1623 г., и в Арбанашката църква „Рождество Христово“ от 1681 г. Тя е част от регистъра с образи на древноезически мислители и писатели. В Бачково тези езически персонажи са без ореоли, докато в Арбанаси са увенчани с този символичен атрибут на святост. И двата регистъра не са включени в композицията на „Дърво Йесево“, а са поместени под нея. Сибила от Бачковската трапезария държи свитък, на който е изписан следният надпис: „Неговият Син Христос [т.е. Синът на Бог Отец – б. м.] ще се роди от Дева Мария, и аз вярвам в Него [в Бога]“. В Арбанашката църква четем друго: „И Той ще бъде **разпънат** от неверни евреи, и блажени са онези, които се вслушат в Него; горко на онези, които не Го послушат“ [Дуйчев, с. 18, 23]¹⁶.

Що се отнася до Савската царица пък, тя насочва вниманието към старозаветния епизод, в който се разказва за нейната визита при цар Соломон, продиктувана от любопитството ѝ дали в действителност той е бил толкова мъдър, че да се прослави с това [3 Царе 10:1-13]. Божественият универсализъм тук е подчертан чрез думите на възхищение, изречени от нея, след като се уверява в мъдростта му и вижда величието на неговия царски дом: „**Благословен да бъде Господ, Бог твой, Който е благоволил да те постави на Израилевия престол! Господ, поради вечната Си любов към Израиля, те е поставил за цар, за да вършиш съд и правда**“ [9 ст.]¹⁷. Наравно с това обаче тези думи разкриват преди всичко признанието на царицата за това **кой всъщност е истинският източник на мъдростта** – това е Израилевият Бог¹⁸.

2. Концептуални особености на Богородичния акатист

Сама по себе си иконографията на „Богородичния акатист“ има житиен характер – тя илюстрира основни моменти от живота на Св. Богородица, описани в Новия Завет, Преданието на Църквата и апокрифната литература. Но ако вникнем по-дълбоко в Богородичния цикъл, ще установим, че изобразените епизоди от живота на Христовата

¹⁵ Превод и коментар на „христологическите пророчества“ на Сибилите в: Terry, 1890. Накратко за съдържанието на раннохристиянските катакомбени символи в: 1 Рашков, с. 13-23.

¹⁶ Повече за иконографията „Дърво Йесево“ в Бачковската трапезария в: Шамси-Пур, Геров, 1998. Отделен труд за тази композиция от църквата в Арбанаси, доколкото съм запознат, няма, но е анализирана от Л. Прашков в комплексното му проучване на тамошните стенописи: Прашков, 1979.

¹⁷ Идентично е пресъздадена тази история в: 2 Паралип. 9:1-12.

¹⁸ Някои тълкуватели съотнасят това старозаветно събитие с книгата „Пенен на песните“, в която възлюбените се смятат, че са Савската царица и цар Соломон [Sasson, с. 407-414]. Други обаче подлагат на съмнение личността на царицата, смятайки, че става дума за дъщерята на фараона, с която Соломон също сключил брак [Лойд Кар, с. 23]. Св. Отци на Църквата тълкуват тази проникновена любовна история в еклесиологичен аспект. За тях диалогът между възлюбените разкрива отношението на Иисус Христос – жениха с Църквата, която е Неговата невестата. В този смисъл тълкуванията стигат до там, че Христовата невеста се счита за самата Св. Богородица, т.е. тя е символичният образ на Църквата [Тенекеджиев, с. 84]. Виж и Димитрова, с. 91-132, където се анализират преводите и тълкуванията на старозаветната книга „Песен на песните“ в Славянското средновековие.

майка не са с цел единствено да онагледят какво се е случило с нея, което „случило се“ Църквата е запазило в съзнанието си и съответно го проповядва, а нещо много повече: в сцените се описва началото на последния стадий от „спасителната история“, когато на Св. Дева Мария се разкрива тайната на Боговъплъщението и заедно с това мисията ѝ да стане Богородица. Ангелският поздрав „Радвай се, благодатна Марио“ [Лука 1:28] обогря целият текст на Богородичния акатист, защото тя способства Изкуплението да се осъществи, раждайки по плът Жертвата, която ще се принесе доброволно за греховете на света [Йоан 1:29]. Ето защо в иконографията на „Богородичния акатист“ изобразените житийни сцени на Христовата майка надхвърлят буквалната си **историчност** – те сякаш **излизат** от очертанията на „естествения ход на времето“, за да се подчертае по този начин „влизането“ на Предвечния Логос в историческия процес, т.е. Неговото въплъщение. С други думи, Този, Който сътворява света [Йоан 1:1-3], влиза в него като човек [1 Тим. 3:16].

Иконографските особености на „Богородичния акатист“ са отражение на текста от едноименното химнографско произведение. Сакраменталният характер на 24-те му строфи „обединяват“ две основни идеи. Josef Myslivec (1907-1971) пояснява, че по идейно съдържание Акатиста е с историческа и догматическа насоченост, съответно първите 12-ет строфи имат повествователен характер, а останалите синтезират **догматическото учение** на Църквата както за **акта на Боговъплъщението**, така и за **достоинството на Св. Дева Мария като Богородица** [Громова, с. 258]. Мнението на Myslivec не трябва да се приема безусловно, макар то да има своето основание. Както по-горе отбелязахме, историчността на събитията показват **фактичестката им страна**, т.е. че те наистина са се случили и поради това залягат в църковното учение. Те са **свръх-исторични**, понеже разкриват в тайната на Боговъплъщението – историческото въплъщение на Бог Логос, което е догматизирано от Св. Отци на Църквата като основна постановка на вярата. Именно затова и идейното разделение на Богородичния акатист на историческа и догматическа част е до голяма степен условно.

2.1. Съдържание на Богородичния акатист – Ὁ Ακάθιστος ὕμνος

2.1.1. Историческа повествователна част

Историческите по своето съдържание строфи на Акатиста се спират на темата около събитията, свързани с раждането на обещания Месия Христос и свидетелствата за Неговата божественост, дадени от източните мъдрци – звездобройците, и стареца Богоприемец – Симеон. Първият кондак, който е с историческа насоченост, няма отношение със споменатите събития. Макар да е съчинен специално заради благодатното застъпничество на Христовата майка над Константинопол, той носи и идеята за вечната ѝ проява на милост над човешкия род от силите на злото. Това донякъде нарушава структурата на Акатиста, в смисъл – на историческия характер на кондаците и икосите, в които се описва идването на Месията в света.

Кондаците с историческа насоченост преразказват накратко евангелското повествование за раждането на Бог Логос по плът. Това обаче не важи за съдържанието на първия кондак. Благовещението на Св. Дева Мария от „първия Ангел“ е вместено в началото на първия икос. Икосите всъщност са отражение на преклонението на Църквата относно същността на тази вест и избранницата да стане Богородица. В тях също са описани събития, които са свързани тематично със смисъла на кондака, към който принадлежат. Може да се каже, че възгласите на радост – т.е. т.нар. „Херетизми на Пресвета Богородица“ („Χαιρέτισμοί της Παναγίας Θεοτόκου“) служат и като своеобразно тържествено изповядване на вложените в кондаците истини на вярата, като това не се отнася само за „историческите“ кондаци и икоси, а също така и за онези с догматическо съдържание.

1. Кондак: „На тебе, бранната воевода“ („Взбранной воеводе“);

1. Икос: Ангелски богослов към Св. Дева Мария;

2. Кондак: Удивление на Св. Дева Мария от призиването си;

2. Икос: Увещаване на Св. Дева Мария, че ще роди като Девица;

3. Кондак: Непорочното зачатие на Исус Христос;

- 3. **Икос:** Срещата на Св. Дева Мария с праведната Елисавета;
- 4. **Кондак:** Съмнението на Йосиф Обручник;
- 4. **Икос:** Известяването на пастирите от ангелите;
- 5. **Кондак:** Поклонението на влъхвите – звездобройците;
- 5. **Икос:** Поднасяне дарове на Младенеца от влъхвите;
- 6. **Кондак:** Изповядване на влъхвите, че Христос е новият Цар;
- 6. **Икос:** Бягството на светото семейство в Египет;
- 7. **Кондак:** Срещата на Симеон Богоприемец с Младенеца Исус.

7-ми кондак стои на границата между историческата и догматическата част на Акатиста, тъй като в това събитие – Сретение Господне (Лука 2:25-36) се говори за изпълнението на Божието обещание, че ще се роди Спасителят Христос и че старецът Симеон няма да умре, докато не види родилият се от Девица Месия. Догматическата част тук иносказателно се подразбира и най-вече от икоса, който следва. Той говори пряко за акта на Христовото зачатие в утробата на девственица: „Той [Христос] **възникна от безсеменна утроба и я запази** [Св. Дева Мария] **нетленна**, каквато си беше [т.е. девствена]“.

2.1.2. Догматическа вероучителна част

Догматическото учение на Църквата за непорочното зачатие на Исус Христос и оттам за достойнството на Св. Богородица е синтезирано в самите кондаци. Пояснението на тези две основни догматически истини – първата за **Боговъплъщението на Логоса**, а втората за **непорочността на Св. Богородица**, се разгръща чрез символичен език в икосите. Използваните епитети, метафори и символични образи целят в максимална степен да изтъкнат не само „предопределената свише“ роля на Св. Дева Мария, но и че зачева Логоса безсеменно и затова остава Девица. В православната иконография непорочността на Божията майка символично се предава под формата на три звезди, които се изобразяват на челото и двете ѝ рамене [2 Рашков, с. 2]. В олтарната иконография на православния храм в конхата на апсидата образа на Св. Богородица в иконографския тип „Ширшяя небес“ също насочва към тази догматическа истина [пак там, с. 2].

- 7. **Икос:** Тайната на Христовото зачатие в утробата на Девица;
- 8. **Кондак:** Призоваване за вникване в непостижимата тайна на Боговъплъщението и за великата проява на смирение на Бог Логос, раждайки се като „обикновен“ човек;
- 8. **Икос:** Подчертаване на догматическата истина за неизменяемостта на божествената природа на въплътения Бог Логос Исус Христос;
- 9. **Кондак:** Възхищение на ангелите за въплъщението на Бог Логос;
- 9. **Икос:** Подчертаване на непорочността на Св. Богородица и след като е родила Исус Христос;
- 10. **Кондак:** Посочване на безграничната Божия любов, поради което Бог Логос – Синът Божи се въплъщава, за да изкупи човека [Йоан 3:16];
- 10. **Икос:** Изтъкване достойнството на Св. Богородица, че чрез нея Бог Логос, „Творецът на света“ [Йоан 1:1-3], се въплъти;
- 11. **Кондак:** Невъзможност да се изрази колкото се може по-достойно благодарност за щедростите, които Бог дарява на човека;
- 11. **Икос:** Възхвала на Св. Богородица, която ражда „Слънцето на правдата“ [Малахия 4:2];
- 12. **Кондак:** Доброволният акт на Боговъплъщението на Логоса;
- 12. **Икос:** Възхвала на Св. Богородица, като „одушевен храм“, в който се „вселява“ Бог Логос;
- 13. **Кондак:** Просителна молитва към Св. Богородица за застъпничеството ѝ за човешкия род пред нейния възкръснал Син Исус Христос.

Макар и накратко да описахме идейното съдържание на кондаците и икосите на Богородичния акатист, се убедихме в **христологическия аспект** на целия Акатист. Той потвърждава тезата, че образът на Св. Богородица може да се разглежда единствено в

светлината на догматическото учение на Църквата за Боговъплъщението на Бог Логос [Христов, с. 3-6]¹⁹.

2.2. Иконографски особености на Богородичния акатист²⁰

2.2.1. Кавалетна – иконна интерпретация

Иконографската схема на Богородичния акатист варира по отношение както на броя на сцените, така и на иконографския тип на Св. Богородица. В някои иконографии се наблюдава цялостно пресъздаване на Акатиста, т.е. на всичките кондаци и икоси, общо на брой 24, както е например Тихвинската Св. Богородица от първата четвърт на XVI век. Някои образци обаче предават само най-важните сакрални моменти от Акатиста. При всички положения, колкото и да е съкратена иконографската програма на Акатиста, задължително се изобразяват сцени, които разкриват достойнството на Св. Богородица, като Благовещение (основната иконография или целият цикъл), Рождество Христово, Взбранной воеводе (празника Тържество на православието) и др., както и на родилия се Месия Христос – Сретение Господне, Преображение, Разпятие, Възкресение и др.

Пълното разгръщане на иконографията на Акатиста сякаш въплъщава задължителните сцени на иконографската програма на православния храм, т.е. иконографиите на Господските и Богородичните празници.

Никодим Кондаков (1844-1925) изказва предположение, че иконата „Св. Богородица Одигидрия“ от XVI век от църквата „Св. Евстатий Плакид“ към Иверския манастир на Св. Гора – Атон вероятно е послужила за образец на древните иконографски композиции на Акатиста. Включва общо 20 сцени [Кондаков, с. 97] [обр. 5]. Хипотезата му не намира опора, защото има и по-древни образци, като например гръцката икона на „Св. Богородица Елеуса“ от XV век с 16 изобразени сцени от Акатиста, притежание на Петербургския музей наименуван на граф Николай Румянцев (1754-1826).

2.2.2. Стенописна – монументална интерпретация

Иконографският тип на иконните изображения на Богородичния акатист се изразява предимно в поместването на отделните сцени около изображението на Св. Богородица, което е в значително по-голям формат, но има и изключения²¹. При стенописните му интерпретации обаче сцените се разгръщат последователно, следвайки изложението на текста, като и тук, както вече казахме по-горе, броят им варира. Най-ранният цикъл изображения на Богородична тематика е в базиликата „Santa Maria Maggiore“ в Рим, издигната от папа Сикст III (432-440) в чест на Св. Богородица през 432 г., т.е. след приключването на Събора в Ефес. Мозаечните изображения според учените датират от V век или съвсем в началото на следващия, като целта е била да се ознаменува решенията на Св. Отци от този Събор, защитили честта на Св. Дева Мария, чрез пищни, както казват изкуствоведите, **импресионистични** по колорит и иконографска трактовка сцени. Въпросният цикъл е поместен в т.нар. триумфална арка на базиликата. Интересното обаче е, че той идейно кореспондира с близкия до нея Христов цикъл, в който се разгръща идеята за Неговата божествена природа и господството Му над света. Двата цикъла сякаш взаимно се допълват и концептуално доизясняват. В тях се подчертава схващането за христологическия аспект на мариологията [Caccelli, 1956]. Предполагам, че е твърде вероятно тези мозайки да индикират началото на обособяването на мариологията като

¹⁹ Задълбочен текстокритичен анализ на кондаците и икосите в: 1 Petlomaа, с. 49 сл.

²⁰ Ориентировъчни статии за иконографските и композиционни особености на Богородичния акатист в: 1 Ciobanu, с. 3-24; 2 Ciobanu, с. 123-138.

²¹ Пример на икона на „Богородичния акатист“, в която липсва централно изображение на Св. Богородица е от Новгород от началото на XV век, намираща се в музея на Кремъл, Москва. Изключение има и по-отношение на избора на централното изображение, като например „Благовещение Богородично с Акатиста“ от първата половина на XVI век от Спасо-Преображенския събор в Ярослав, Русия.

самостоятелно направление в догматическото учение на западното богословие²², което окончателно ще се конкретизира под въздействието на схоластиката, започвайки от Анселм Кентърбърийски (1033-1109) и стигайки до Тома Аквински (1225-1274) [2 Gambero, с. 109-116, 234-242; Graef, с. 165-176, 219-221]²³.

Често срещано явление в православната иконография е поместването на цикъла от Богородичния акатист в близост до сцени, които пряко разкриват догматическото учение на Църквата. Целта отново е била същата: да се покаже, че учението за Св. Богородица стои в тясна взаимовръзка с това за нейния Син Иисус Христос. Така например е в старата трапезария на Бачковския манастир, където 24-те сцени от Богородичния акатист и изобразените седем Вселенски събора на Църквата, поместени под мащабната композиция на „Дърво Йесеево“, съставляват едно неделимо цяло. Нещо повече, в двете сцени от Съборите на Църквата – Седмият, касаещ иконопочитанието, и сцената от Богородичния цикъл – Тържество на православието, можем да кажем, разкриват една обща идея: Св. Богородица е действителна майка на Бог Логос по плът, и затова Логосът, ставайки човек, може да се изобразява. Тъкмо Седмият Вселенски събор от 787 г. (Никея) слага окончателен край на еретическите учения, а последвалото през 843 г. Тържество на православието (което се чества на първата неделя от Великия пост) не само, че потвърждава решенията на последния свикан Събор, но също прославя и Девата, чрез която се извърши Боговъплъщението – Св. Богородица.

3. Св. Богородица Царица небесна [обр. 6]

Последната иконография, която ще приведем тук, е композицията на „Св. Богородица Царица небесна със старозаветни предобразни символи“, която е единственото стенописно изображение на територията на България. Тя е дело на изключително даровития зограф от Банската образописна школа Димитър Молеров (1780-1853), чието творчество бележи връх в родното възрожденско изкуство. Стенописът се намира в олтара на църквата „Успение Богородично“ при метоха „Пчелина“ до Рилския манастир. Издигната е през втората половина на 80-те години на XVIII век, а стенописите на храма са изписани през 1834 г. Цялата композиция, разгърната на площ около три квадратни метра, е внушителна както откъм художествено изпълнение, така от и дълбоките богословски идеи, които съдържа. Иконографията представлява Св. Богородица на трон с корона, придържана от два ангела; с лявата си ръка прикрепя седналия в скута ѝ Младенец Христос, а с лявата държи жезъл; Христос държи в лявата си ръка скиптер – символ на царското Му достойнство, а с дясната благославя; поместени са сред облаци и златисти лъчи – символично пресъздаване на великолепието на Небесното царство; около двата образа са поместени общо 20 старозаветни символа.

Богословското съдържание на този иконографски тип и богословското значение на символите са вече максимално изяснени в дисертационния ми труд, посветен на стенописното богатство на посочената църква, поради което няма да навлизаме в подробно тълкувание [Върбаков, с. 75-124]²⁴. Само ще отбележим, че тя онагледява по смисъл всички

²² Повече за мариологията в следните трудове: Scheeben, 1946 (това издание съдържа двата тома на фундаменталното изследване на този автор за Св. Богородица; посочваме първи том); Graef, 2009.

²³ Анселм и Тома разгръщат своите мариологични концепции въз основа на христологията. Но докато Анселм повече насочва вниманието си към въпроса за Изкуплението – „Защо Бог стана човек“ и спрямо това обрисова личността на Св. Дева Мария, то при Тома, също стъпвайки върху христологията, значително мариологията придобива реални догматически измерения [Тома от Аквино, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 въпроси от неговата Сума на теологията].

старозаветни пророчества, касаещи достойството на Св. Богородица като Приснодева и наравно с това предопределението ѝ да роди Бог Логос по плът. Иконографският тип на Св. Богородица тук е под западно влияние – двата ангела, увенчаващи я с корона пресъздава широко разпространената в Западната църква композиция „Коронясването на Св. Дева Мария“. Често тази коронация се включва и в Новозаветната Св. Троица, където се изобразява коленичила в подножието на Бог Отец и Иисус Христос, Които полагат короната на главата ѝ. Свещ. Писание благоприятства за създаването на този тип коронация. Конкретно става дума за старозаветните книги „Песен на Песните“ и Псалтира, като от последната – 44 псалом, 10 стих: „**Застана царица** на Теб [на Бога] отдысно“. Въз основа на този текст в поствизантийската иконография Дейсисът (Моление) Св. Богородица започва да се изобразява не в типичното си одяние, а в царско и с корона на главата.

Композицията „Св. Богородица Царица небесна“ по всичко изглежда е взаимствана не само от характерния иконографски тип „Възхвала на Св. Богородица с Акатиста“. При детайлен иконографски анализ се установява, че фактически иконографията „Св. Богородица царица небесна“ черпи идейни ресурси главно от Акатиста и то от използваните метафори, чрез които Божията майка е възпята. Химнът „Св. Св. Св. пророци тя предвозвестиша“ също оказва влияние. В него Св. Герман привежда старозаветните пророчества за Божията майка не текстуално, а посредством конкретните символични образи с които пророците метафорично са предали получените от Бога пророчества. Образният еквивалент на химна пресъздава и антропоморфните образи на пророците. Богородичният акатист може да се каже, че е разширен и допълнен вариант на този химн. Акатистът стъпва върху идейната структура на този химн. Това способства за обособяването на иконографията „Възхвала на Св. Богородица с Акатиста“, което бе отбелязано в началото на тази публикация.

При разкриването на богословското съдържание на символите на композицията „Св. Богородица Царица небесна“ се стигна и до заключението, че те онагледяват не само метафоричните пророчески думи, но също и такива старозаветни събития и поличби, в които Св. Отци на Църквата виждат ясни указания за личността на Св. Богородица и Иисус Христос. Място намират и прозренията на старозаветните тайновидци за идването на Месията Господ Иисус Христос, които отново са предадени чрез символични образи. Цялата тази иконографска композиция разкрива същността на християнската вяра, а именно – идеята за **сотириологическия аспект** на Божия Домостроителен план, който се основава както на Изкупителната жертва, така и на Божията майка, която като свещенослужител на Църквата Христова я принесе, за да се спаси човешкият род и така той да унаследи Царството Божие.

4. Заключение думи и изводи

Неслучайно се спрях на това заглавие на настоящата публикация: „Св. Богородица – „първият иконограф“ на Иисус Христос“. Според преданието на Църквата първият иконограф е бил не друг, а Св. евангелист Лука, който **изобрази от натура**

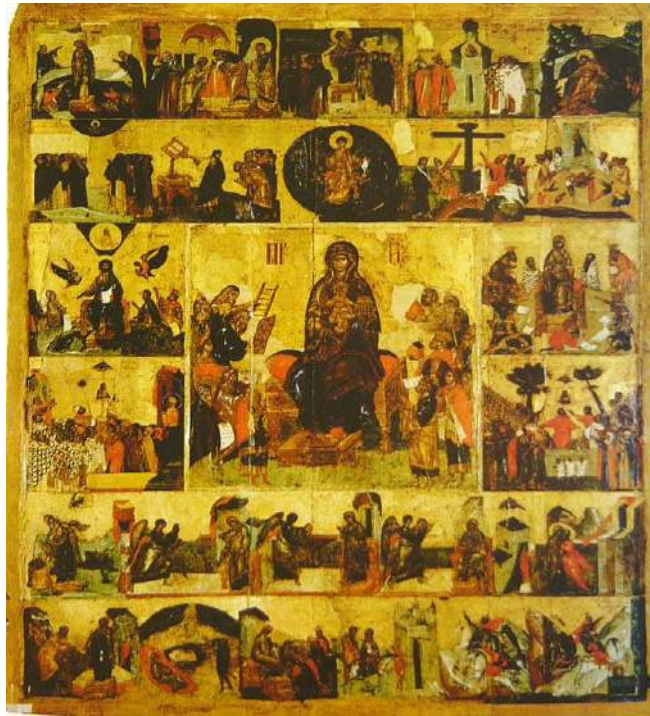
²⁴ Тук е мястото да направя корекция на едно мое твърдение, изказано в дисертационния ми труд по повод авторството на стенописите в открития нартекс на тази църква, а именно – „Страшният съд“. Тази корекция до момента нямаше възможността официално писмено да оповестя, но в няколко дискусии с колеги изкуствоведи това е правено от моя страна. Иконографската композиция „Страшният съд“ е дело също на зографа Димитър Молеров. Лошите външни атмосферни влияния са оказали неблагоприятни условия върху звучността на колорита на стенописа, поради което се остава с погрешното впечатление, че принадлежи на друг автор. От това дойде и погрешната датировка на стенописа, че е изписан през 1879 г. заедно с царските икони от иконостаса на тази църква, поради което стигнах до извода, че зографът на „Страшният съд“ е на зограф от Св. Гора – Атон, а не на Димитър Молеров [Върбаков, с. 187].

Св. Богородица с Богомладенеца в типа „Одигидрия“, както и на част от светите апостоли (по предание на Петър и Павел). Именно той, който описва земния път на Иисус Христос, както и мисионерските дела на Христовите апостоли (неговото Евангелие и Деяния апостолски), решава да визуализира словото си в реални образи. То сякаш е онагледено в иконата му „Богородица Одигидрия“. На нея Божията майка сочи своя Син, Който ще изкупи човека. Но ако вникнем по-дълбоко в смисъла на това предание, ще разберем, че Св. Лука не е бил първият иконограф, а Св. Богородица. Тя всъщност **първа** „изобразява“ Сина Божи. В нейната утроба **Невидимият Бог Логос приема човешки образ и следователно Той става видим**. Тъкмо тази истина на вярата потвърждава тази теза. Приведените и разтълкуваните три иконографски композиции убеждават в това. Защото достойнството на Св. Богородица се състои най-вече в това, че е „изобразила“ чрез Св. Дух плътта на Спасителя Господ Иисус Христос.

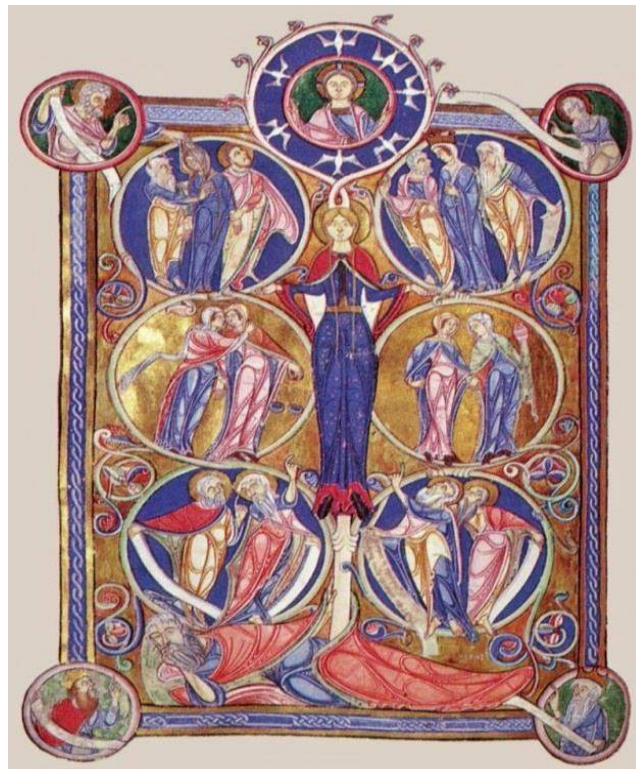
ПРИЛОЖЕНИЕ

Обр. 1. „Възхвала на Св. Богородица“, новгородска икона, XV век.

Обр. 2. „Възхвала на Св. Богородица с Акатиста“, икона от Успенския събор в Москва, XIV век.

Обр. 3. „Дърво Йесеево“, миниатюра от Библията на Ламбет Палас (Ламбетова Библия, MS 427), 40-те години на XII век, Кралска национална библиотека, Лондон

Обр. 4. „Дърво Йесево“, икона от манастира Протатон, Св. Гора – Атон, XVII век

Обр. 5. „Св. Богородица Одигидрия“, икона от църквата „Св. Евстатий Плакид“ към Иверския манастир, Св. Гора – Атон, XVI век.

Обр. 6. „Св. Богородица Царица небесна“, стенопис от църквата „Успение Богородично“ при метоха „Пчелина“, Рилски манастир, зограф Димитър Молеров (1780-1853), 1834 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентий, Архим. Литургика. Пловдив, 2005.
2. Алексиев, Д. Ролята на догматиците в православно богослужение за изясняване истините на вярата. // *Духовна култура*, 2004, № 12.
3. Вълчанов, С. Месианската надежда в Стария Завет. // *Духовна култура*, 1973, № 4.
4. Върбаков, Б. Църквата „Успение Богородично“ при Рилския метох „Пчелина“ (Богословско-изкуствоведско изследване). Дисертация. София, 2012.
5. Давыдов, И. П. Православный акафист русским святым (Религиоведческий анализ). Дисертация. Благовещенск, 2004.
6. Деяния Вселенских соборов (Деяния). Т. 2, Казань, 1892.
7. Димитрова, М. Песен на песните в Славянското средновековие: преводи и тълкувания. // *Класически и модерни измервания на религиозното откровение*. София, 2009.
8. Дуйчев, И. Древноезически мислители и писатели в старата българска живопис. София, 1978.
9. Громова, Е. Б. История русской иконографии Акафиста. Икона „Похвала Богоматери с Акафистом“ из Успенского собора Московского Кремля. Москва, 2005.
10. Йевтич, А. Учение о Пресвятой Богородице у святого Иоанна Дамаскина. // *Хрестоматия по сравнителному богословия*. Москва, 2005.
11. Карташев, А. В. Вселенские соборы. Москва, 2006.
12. Киров, Д. Измеренията на човека. София, 2005.
13. Коев, Т. Догматическите формулировки на седемте Вселенски събора. София, 2011.
14. Козлов, М. Акафист в истории православной гимнографии // *Журнал Московской Патриархии*, 2000, № 6.
15. Козлов, М. Учение Св. Иоанна Дамаскина о Пресвятой Богородице по его словам на Богородичный праздники. // *Творения преподобного Иоанна Дамаскина*. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Москва, 1997.
16. Кондаков, Н. Памятники христианского искусства на Афоне. Санкт Петербург, 1902.

17. Лойд Кар, Д. Коментари на Стария Завет. Песен на песните. София, 2006.
18. Людоговский, Ф. Б. Библейский текст в Великом акафисте, в церковнославянских акафистах и их болгарских переводах. // Язык библии. Лингвотекстологические исследования. Москва, Санкт Петербург, 2012.
19. Настольная книга священнослужителя. Т. 3, 1979; Т. 4, 1983, Москва.
20. Маринова, А. Раждането на чудния Младенец Имануел (Тълкуване на Исаия 7:10-16). // Теология и социум. Съвременни перспективи. София, 2013.
21. Омарчевски, А. В търсене на истината. // Богословска мисъл, 2003, № 1.
22. Пенкова, Б. Христовата генеалогия в стенописите на търновската църква на апостоли Петър и Павел. // Сборник радова Византолошког института XLIV, 2007, № 2.
23. Пиперов, Б. С какви имена равините са наричали очаквания Месия. // Духовна култура, 1973, № 3.
24. Плюханова, М. Этюд о древе Богоматери. // Историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика. Москва, 2005.
25. Попов, А. В. Православные русские акафисты. Москва, 2010.
26. Попович, И. Собрание творений. Т. 1, 2004, Т. 4; 2007, Москва.
27. Прашков, Л. Църквата „Рождество Христово“ в Арбанаси. София, 1979.
28. Рашков, И. Символизмът в раннохристиянското катакомбено изкуство. // Духовна култура, 1992, № 11.
29. Рашков, И. Догматико-канонически и иконографски изисквания към православната икона. // Църковен вестник, 1992, № 32.
30. Самсонова, И. В. Иконографическая традиция изображения Акафиста Богоматери в русской культуре на пороге нового времени. // Теория и практика общественного развития, 2013, № 1.
31. Саликова, Э. П. Сложение иконографии „Похвала Богоматери“ в русском искусстве XV-XVI веков. // Русская художественная культура XV-XVI веков. Материалы и исследования. Москва, 1998.
32. Стефанов, П. Художественото богатство на църквата „Св. апостоли Петър и Павел“ във Велико Търново. // Църковен вестник, 1992, № 41.
33. Стефанов, П. Лирата на Параклита. История и учение на Монтанизма. Велико Търново, 2012.
34. Тенекеджиев, Л. Тайнство брак (Догматико-патрологично изследване). София, 2009.
35. Тома от Аквино. Сума на теологията, част III. Превод Цочо Бояджиев. София, 2012.
36. Триодъ Постная. Москва, 1992.
37. Христов, Б. Тайната на Боговъплъщението. // Духовна култура, 2003, № 12.
38. Шамси-Пур, Р., Геров, Г. Композицията „Дърво Йесеево“ в трапезарията на Бачковския манастир. София, 1998.
39. Чиликов, С. Учението за Св. Дева Мария в христологията на Св. Йоан Златоуст. // Саборност, 2013, № 7.
40. Gambero, L. Mary and the Fathers of the Church. The Blessed Virgin Mary in Patristic Thought. San Francisco, 1999.
41. Gambero, L. Mary in the middle Ages. The Blessed Virgin Mary in the Thought of Medieval
42. Latin Theologians. San Francisco, 2005.
43. Graef, Hilda. Mary. A History of Doctrine and Devotion. Notre Dame, 2009.
44. Mavrichi, I. The Akathistos Hymn. Theotokology and Artistic Theology. // Advanced Research in Scientific Areas. Section 7. Art, Religion, History, Philosophy. Bucharest University, 2012.
45. Peltomaa, L. M. The Image of the Virgin Mary in the Akathistos Hymn. Leiden, 2001.
46. Peltomaa, L. M. The Akathistos Hymn and the Mariology of the Council of Ephesus. // Studia Patristica XXXV, 2001.
47. Scheben, M. Mariology, vol. I. London, 1948.
48. Sasson, V. King Solomon and the Dark Lady in the Song of Songs. // Vetus Testamentum

XXXIX, 1989, № 4.

49. Stefanov, P. The Frescoes of Saints Peter and Paul's Church in Veliko Tarnovo. // Palaeobulgarica XVI, 1992, № 1.

50. Terry, M. S. The Sibylline Oracles. Translated from the Greek into English Blank Verse. Cincinnati, 1890.

51. Watson, A. The Early Iconography of the Tree of Jesse. Oxford University Press, 1934.

52. Caccelli, M. I Mosaici della Basilica di Santa Maria Maggiore. Torino, 1956.

53. Ciobanu, C. I. L'iconographie de L'Hymne Acathiste dans les fresques de l'église St. Onuphre du monastère Lavrov et dans la peinture extérieure moldave au temps du premier règne de Petru Rares. // Rev. Roumaine d'Hist. de l'Art, Série Beaux-Arts, tome XLVII, 2010.

54. Ciobanu, C. I. La symétrie «dissimulée» dans l'ordonnance des illustrations aux strophes de la deuxième moitié de L'Hymne Acathiste peintes sur la façade méridionale de l'église de la Décollation de Saint Jean le Précurseur du village d'Arbore. // Rev. Roumaine d'Hist. de l'Art, Série Beaux-Arts, tome XLVIII, 2011.

55. Cyrilli Alexandreiæ Archiepiscopi. Adversus nolentes confitery Sanctam Virginem esse Deiparam. // Patrologia Graeca, tom. 76, col. 256-292.

56. Παπαγιάννης, Γρηγόριος. Ακάθιστος Ύμνος. Άγνωστες πτυχές ενός πολύ γνωστού κειμένου. Κριτικές και μετρικές παρατηρήσεις, σχολιασμένη βιβλιογραφία. Θεσσαλονίκη, 2006.

57. Θεοδώροπουλος, Αρχ. Επιφάνιος. Ο Ακάθιστος ύμνος μετά ερμηνείας, Αθήναι, 1988.

Цв. Н. Георгиева

РОДСТОВОТО И РОДСТВЕНАТА СИСТЕМА НА БЪЛГАРИТЕ

*Цветелина Николова Георгиева
главен асистент, доктор,
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин”
при Българската академия на науките,
г. София (България)
E-mail: cveti.g@abv.bg*

При анализе родства в статъе използва се лингвистическият подход. Предлага се класификация на родства и се прави опит да се дефинират някои работни понятия.

Ключевые слова: *термини родства, термини свойства, система терминов родства*

При анализа на родството в статията се използва лингвистичен подход. Предлага се класификация на родството и се прави опит да се дефинират някои работни понятия.

Ключови думи: *кръвно родство, некръвно родство, система на родство*

In the article is used a linguistic approach in the analysis of kinship. Available classification of kinship and attempt to define some working concepts.

Keywords: *consanguinity, affinity, system of kinship*

Преди повече от 100 години семейният портрет на българина е изглеждал доста по-различно от сегашния. Голяма част от хората са живеели на село, обединени в т.нар. *задруга* (голямо домакинство). Тя е обхващала няколко поколения роднини – баща и майка, заедно с техните женени синове и децата им. Всеки член на задругата (задругар) е имал точно определено място в голямото семейство, от което са произтичали неговите права и задължения, както и необходимостта да се разграничават родствените отношения.

Така например, задомяването на млада девойка води след себе си до редица задължения, едни от които са свързани с използването на точно определени имена на девер и зълва. За разлика от днес, когато снахата се обръща към такива родственици по име, в миналото тя е наричала „деверите си по възраст от най - големия надолу така: брайно, драгинко, убавенкьо”, а сестрите на мъжа си – „калино, малино, убавке, ябълко, дунке” [Хаджийски 1945, с. 154].²⁵ Всъщност, тези имена маркират не само родствена връзка, но и зачитане на родство. Те са израз на уважение към родственика. „Хората изобщо се обръщаха помежду си не по имена, а съ обръщения, които показваха отношенията имъ по роднинство и по възраст: дядо, бабо, вуйчо, брайно, както и брачното имъ състояние: моме, войно, невесто, булка” [пак там]. Въз основа на своите проучвания Ив. Хаджийски обобщава: „ние имаме най-уточнената система от такива наименования” [пак там].

До този момент българската родствена система, която има езиково изражение в системата от роднински названия, е била обект на изследване преди всичко в областта на етнографията, фолклора, антропологията, етнолингвистиката и др. През последните две десетилетия се наблюдава реактуализация на темата за родствените институции в изследванията на българските етнологии. Налице са многобройни проучвания, които, от една страна, продължават традицията, поставена през 70-те год. на ХХ в. от изследователи като Ив. Георгиева, Д. Московска, Ст. Генчев и др., а от друга, доразвиват и обогатяват проблематиката, свързана с родствените отношения в българското общество [вж. Вуков 2008, Иванова 2013 и цит. там л-ра].

В областта на българската лексикология (за разлика от етимологията, диалектологията и етнолингвистиката) не са много текстовете, в които тази система и самите роднински названия са обект на по-задълбочен анализ. Същевременно трябва да се отчете фактът, че в последно време нараства интересът към тях както в теоретичен план [вж. напр. Кючукова-Петринска 2008, Спасов 2012, Георгиева 2015], така и в научно-приложен план [вж. Холиолчев 2012]²⁶.

Настоящата статия има за цел да представи с какво съдържание се употребява терминът родство в българските лингвистични текстове, какви видове родство съществуват и какъв е терминологичният апарат, свързан с тях.

В българските езиковедски изследвания често срещани са терминологичните съчетания *родствена номенклатура (терминология), термини за родство*²⁷, *терминология на родството* и др., като обикновено текстът подсказва какво съдържание се влага в тях. В повечето случаи се анализират езикови единици от лексикалното поле ‘родственици’ [Бояджиев 2007, с. 161, Кючукова-Петринска 2008 и др.]. В някои трудове в обема на термините се включват както названията на лица, така и названията на видове родство (разбирано като институция) [Китанова 2012]. Най-вероятно причината за нееднозначната употреба на термините, както и използването им като синоними, се корени в семантиката на самите названия, с които се именува лица. Безспорен факт е, че в основата на всички роднински названия лежи признакът ‘родство’. Това поражда необходимостта да се изясни що е родство.

Терминът *родство* насочва към един от видовете междуличностни отношения. (Това е и причина понятието родство в различни негови аспекти да бъде обект на изучаване от

²⁵ В някои диалектни области все още се пази споменът за съществуването на такава традиция и култура.

²⁶ „Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник” с автори Христо Холиолчев, Максим Младенов и Лилия Радева е уникален лексикографски труд, който съчетава в себе си специфичните особености на тълковен, диалектен, етимологичен и етнографски речник. В него сложната система на българските роднински названия е представена в изключителна пълнота и чрез опростени словесни дефиниции, пояснени с числов код.

²⁷ За срв.: в руския език с „термини родства“ се обозначават названията на лица с кръвно родство, а с „термини свойства“ – названия на лица с некръвно родство. За краткост обаче за тези два типа названия често се използва словосъчетанието „термини родства“.

различни науки: антропология, социология, етнография, фолклор, културология, лингвистика и др.) Този термин обаче също не е еднозначен и обикновено в лингвистичните изследвания (включително и в българските) не се уточнява какъв смисъл е вложен при неговата употреба. Под *родство* (в тесния смисъл на думата, а и като юридически факт) някои разбират връзките, отношенията между родители и деца, между предци и потомци или между хора, които имат общи предходници [Моисеев 1963]. Оттук следва, че роднини в тесния (в истинския) смисъл на думата са хора с общ произход, с генетична връзка помежду си. За този вид родство се използва съчетанието *кръвно родство*.

В българската (а и в чуждата) езиковедска литература терминът *родство* се употребява обикновено в широкия смисъл на думата. С него се назовават освен връзките, отношенията по кръвна линия, и връзките, отношенията между хора, които нямат общ произход, т.е. не са свързани по кръв [вж. напр. анализирания езиков материал у Ключукова-Петринска 2008, Българска лексикология 2013, с. 460 и др.]. В този смисъл приемаме, че терминът *родство* се явява **надреден** по отношение на съчетания *кръвно родство* и *некръвно родство*.

Трябва да се посочи, че в българската научна литература се говори още за: *брачно родство*, *родство по сватовство*, *кумство*, *осиновяване*, *побратимство*, *родство по бащина* или *по майчина линия*, *родство по пряка* или *по съребрена линия*, *вертикално* и *хоризонтално родство*, *духовно родство*, *символично родство*, *фиктивно родство*, *ритуално родство*, *псевдородство* и др. Предлагаме видовете родства, които са характерни за българската общност, да бъдат класифицирани в две основни групи: *кръвно родство* и *некръвно родство*. (С оглед на семантиката това деление има пряка връзка с един от диференциалните признаци на роднинските названия – тип родство.)

Кръвното родство бива два основни вида:

1. Родство по права линия – връзки, отношения между две лица, при които едното лице произлиза пряко или косвено от другото. Те са представители на различни поколения.

Родството по права линия бива:

А) низходящо – върви към следходниците на дадено лице, т.е. в посока надолу; напр. *син* → *внук* → *правнук*;

Б) възходящо – върви към предходниците на дадено лице, т.е. в посока нагоре, напр. *прадядо* ← *дядо* ← *баща* ← *син*.

2. Родство по съребрена линия – връзки, отношения между две или повече лица, които имат поне един общ родоначалник, напр. между *брат* и *сестра* (с общ родител), между трима *братовчеди* (с кръвно свързани родители).

Кръвното родство е родство по произход. Според повечето изследователи това е най-важният тип родство [вж. Толстая 2009, с. 14, Вуков 2008 и др.], защото възниква веднъж и завинаги [Бутинов 1990]. Родителите, синовете, дъщерите, братята, сестрите, дядовците, бабите и други кръвни роднини не се избират.

Некръвното родство бива също два основни вида:

1. Родство по сватовство – връзки, отношения между хора от два рода, създадени след сключване на брак между техни представители мъж и жена. Чрез брака се сродяват два рода, в центъра на които е младата двойка *съпруг* и *съпруга*. Такива отношения се пораждат не само между тях двамата, но и между *свекъра*, респ. *свекървата* и *снаха* им; между *тъста*, респ. *тъщата* и *зет* им; между *девера* и неговия *зет*; между *сватовете* – родителите на съпруга и родителите на съпругата и др. Често като синоним на това родство се употребява словосъчетанието **брачно родство**.

Използват се още терминологичните съчетания *родство по мъжка линия* и *родство по женска линия* за отношения, връзки между хора от рода съответно на мъжа (съпруга) и на жената (съпругата).

2. Ритуално родство – връзки, отношения между хора от различни родове, създадени след извършването на ритуални действия.²⁸

А) Кумство – връзки, отношения между две двойки лица от различни родове, създадени след обредни действия при брачния ритуал. В роднински отношения влизат кумът, респ. кумата и кумецът, кумицата или като двойки лица – кумовете и кумците²⁹.

Б) Кръстничество – връзки, отношения между хора от два рода, създадени след извършване на християнския обред кръщение, при който се дава име на дете.³⁰ В роднински отношения влизат кръстникът, респ. кръстницата и кръщелникът, кръщелницата.³¹

В) Осиновяване – връзки, отношения между хора от два рода, създадени след определени институционални действия, при които едно лице се осиновява от друго лице/други лица, с което става също част от новата семейно-родова общност. В роднински отношения влизат осиновеното лице и неговият осиновител/неговите осиновители. Такъв вид родство има между *пастрок/мащеха* и *завареник/доведеник*, между съпрузи и чуждо дете и др. Този вид родство може да се определи също като *псевдокръвно родство*, тъй като отношенията, връзките между хората от двата рода фиктивно се приравняват към тези на кръвното родство.

Г) Побратимството – връзки, отношения между хора от два рода, създадени след определени обредни действия (напр. сръзване на палците и ритуално смесване на потеклата кръв). Мъжете се наричат *побратими*, жените – *посестрими*.

Д) Млечно родство – връзки, отношения, породени след ритуалното захранване на дете (бебе) не от родилката, а от друга кърмеща жена. В роднински отношения влизат детето и жената, която го е закърмила. Единствено в диалектите се пазят названия на лица, между които има такъв вид родство – *подойник* и *подойница*.

(Последните два вида родство са загубили своята актуалност в днешни дни.³²)

Некръвното родство е резултат от човешкия избор и има случаи, в които този тип родство може да бъде прекъснато (напр. чрез развод).

Както се вижда, по структура названията на видовете родство в българския език са едносъставни (*сватовство*, *кумство*, *кръстничество*, *осиновяване*, *побратимство*) и многосъставни – устойчиви съчетания (*кръвно родство*, *некръвно родство*, *родство по права линия* и *родство по сребрена линия*, *низходящо родство по права линия* и *възходящо родство по права линия*, *млечно родство* и др.). Между повечето от тези термини съществува *насрецина съотносимост*, чрез която те се противопоставят един на друг (напр. *кръвно родство* – *некръвно родство*; *родство по права линия* – *родство по сребрена линия*; *низходящо родство по права линия* – *възходящо родство по права линия* и др.). При някои термини се открива йерархичност – отношение *вид* – *подвид* (напр. *кръвното родство* бива *родство по права линия* и *родство по сребрена линия*; *родството по права линия* – *низходящо родство по права линия* и *възходящо родство по права линия*; *ритуалното родство* – *кумство*, *кръстничество*, *осиновяване*, *побратимство*, *млечно родство*), при други е налице равнопоставеност, която се проявява

²⁸ За ритуалното родство и неговите видове в етнолингвистичен план вж. [Толстая 2009].

²⁹ В някои изследвания кумството се причислява към брачното родство [Българска лексикология 2013], в други – към фиктивното родство [Спасов 2012] или към т.нар. псевдородство – „термин, който служи за посочване на социална връзка, изразена с термините за родство (както за отношенията, така и за адрес), които обаче не са резултат от „действителни“ родствени отношения по кръв и брак“ [Вуков 2008, с. 20]. Трябва да се посочи, че кумството като институция има необратим характер (подобно на кръвното родство и в противовес на брачното родство) и е сред най-важните видове некръвно родство.

³⁰ Някои изследователи го определят като фиктивно родство [Спасов 2012].

³¹ А.И. Моисеев отнася имената на лица, свързани помежду си по кръщаване и по кумство, към родство по сватовство [Моисеев 1963, с. 121].

³² Н. Вуков причислява и тях към „псевдородството“ [Вуков 2008, с. 20].

като връзка между **ковидове** родство (напр. *родство по права линия* и *родство по сребрена линия* (спрямо *кръвното родство*); *низходящо родство по права линия* и *възходящо родство по права линия* (спрямо *родството по права линия*) и др.).

Предвид гореизложеното, съвкупността от всички названия на родствените отношения (едносъставни и многосъставни), които са характерни за даден социум, се определя като **номенклатура на родствените отношения (номенклатура на родството)**.

Под **термин на родство** се разбира номинационна единица, чрез която се назовава даден тип или вид родствени отношения. Самите термини на родството обозначават конкретна връзка между родственици, заедно с произтичащите от тази връзка права, задължения и ограничения. Съвкупността от всички названия на родствените отношения (едносъставни и многосъставни) в своята взаимосвързаност, насрещна съотносимост и строга подреденост се определя като **система на родството (родствена система)**.

Изясняването на вложеното съдържание на тези термини е необходимо с оглед бъдещ анализ на роднинските названия, в които, както беше посочено по-горе, е заложен конкретен тип и вид родство. До този момент кодифицираните роднински названия в българския език, които са част от роднинската система, не са били обект на по-обстойно изследване от семантична гледна точка. Предстои тяхното проучване и с оглед на лексикографското им представяне и функциониране в речта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бояджиев, Тодор. Българска лексикология. 2. изд. София, УИ „Св. Климент Охридски”.
2. Бутинов, Н.А. К вопросу о концепции родства. – Советская этнография, № 3, с. 65-75.
3. Българска лексикология 2013: Крумова-Цветкова, Лилия, Диана Благоева, Сия Колковска, Емилия Пернишка, Мая Божилова. Българска лексикология. Том 1. София, АИ „Проф. Марин Дринов”.
4. Вуков, Николай. Родствени отношения в българския юнашки епос. София. АИ „Проф. Марин Дринов”.
5. Георгиева, Цветелина. Роднинските названия в българския език с оглед на категорията посесивност. – В: Славистиката и българистиката днес: въпроси, идеи, посоки. Благоевград, УИ „Неофит Рилски”, с. 510-517.
6. Китанова, Мария. Растителният (вегетативният) код в българската роднинска терминология и семантичната опозиция свой – чужд. – Българска реч, кн. 2, с. 31-37.
7. Кючукова-Петринска, Боряна. Термините за родство в испанския и в българския език. – В: Езици и култури в диалог: традиции, приемственост, новаторство. София, УИ „Св. Климент Охридски”.
8. Моисеев, А.И. Термины родства в современном русском языке. – Филологические науки, № 3, с. 120-132.
9. Спасов 2012: Спасов, Стойно. Структура на семантичното поле на роднински названия в българския и полския език. – В: Славистиката в глобалния свят – предизвикателства и перспективи. Благоевград, УИ „Неофит Рилски“, с. 186-194.
10. Толстая 2009: Толстая, С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе. – В: Категория родства в языке и культуре. Москва, „Индрик”. <http://www.philology.ru/linguistics3/tolstaya-09.htm>
11. Хаджийски 1945: Хаджийски, Иван. Бит и душевност на нашия народ. Т. 1, (2 изд.), София. 166 с.

**И. Глинская
С. Стефанов**

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Глинская Ирина
доктор политических наук, доцент кафедры
«Реклама и бизнес коммуникаций»,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва (Россия)
E-mail: econom@rudn.ru

Стефанов Стефан
кандидат технических наук, профессор кафедры
«Реклама и бизнес коммуникаций»,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва (Россия)
E-mail: stefanin@mail.ru

Кириллица выделяется среди других письменностей, подчеркивая культуру, религию, науку и продукцию, объединяя их в отдельный легко узнаваемый класс – славянский. Это вызывает гордость у славянских народов. Но есть и ложка дегтя – агрессивная политика латыни, которой подвержены некоторые современные дизайнеры, преклоняющиеся перед Западом, и вводящие латинские буквы в слова кириллицы, создают недоразумения и снижают статус славянской письменности.

Ключевые слова: кириллица, письменность, славянская культура

Кириллицата леко се различава среди другите видове писменност, подчертаваща културата, религията, науката и продукцията, създавайки леко отличаваща се славянска група. Това поужда гордост в славянските народи. Но има и друга страна – агресивност на латинската писменност и някое нейни привърженици сред съвременните дизайнери, преклоняващи се пред Запада и, използващи латински букви в дума, написани на кириллицата, създаващи по такъв начин недоръзумения и снижаващи статуса на славянската писменност.

Ключови думи: кириллица, писменост, славянска култура

Cyrillic alphabet emphasizes culture, religion, science and products consolidating them in a separate – Slavic class. Slavic people are proud of it. But there is a fly in the ointment: some modern designers follow aggressive policy of Latin language. They bow before Western values and include Latin letters in Cyrillic words. This creates misunderstanding and decreases the status of Slavic literature.

Keywords: Cyrillic alphabet, Slavic culture

В начале было Слово. . .

Начало Евангелия от Иоанна

Роль слова в зарождении социума

С изобретением слова канал передачи информации резко расширился. Люди уже могли создавать историю и устным путем передавать опыт и событийность своей жизни

будущему поколению. Слово объединило три поколения – прошлое, настоящее и будущее в рамках племени. Возникли зародыши социума и Цивилизации. Человек, сам меняется, и все больше выделяется из дикой природы.

У человека возникает необходимость создать свой искусственный мир на базе окружающей его среды и трудиться не только для себя и детей, но и для других членов племени. Человек творит уже и для блага общества. Появились гордость и удовлетворение от сделанного дела.

Возникновение слова

Потенциал слова был заложен в человеке. Слово зародилось спонтанно, изнутри, – от Бога. Вспомним первые строки Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово. Слово было от Бога. Слово было Бог». Слово «Бог» – самое емкое слово, созданное человеком. Оно и Природа, и Вселенная, и Космос. Для всех Бог един, но в разных проявлениях. И доказательством этого является то, что отдельные и независимые группы людей делили природу на отдельные объекты, определяя их словами (присваивая им имена) почти одинаково. Языки отдельных групп, объединяясь территориально, создавали национальные языки и позже возникли отдельные нации.

Конечно, деление мира на отдельные объекты с присвоением имени (слово обозначения) каждой нацией не совпадает на все сто с другими нациями. В этом неполном совпадении однозначности обозначения объектов окружающего мира и вся трудность перевода с одного языка на другой. Особенно это заметно для искусственно созданных человеком объектов отдельных наций. Самые наглядные примеры в кулинарии. Поэтому и возник, например, термин – национальная кухня.

Слово – великое изобретение человека

Любое слово наполнено историей, настоящим и будущим. Например, слово «автомобиль». Было создано множество модификаций и разновидностей, которые содержатся в слове, и только уточнение, выделяет конкретный объект: легковой, грузовой, личный, американский, старый и не только. (Даже созданные новые слова сразу приобретают историю, например, слова: «пиксель», «лазер», «айфон»).

Потребность людей в общении перестала укладываться в рамки обычной звуковой речи. Это и потребовало создание письменности и закрепление речи и мысли человека на материальном носителе для передачи в пространстве и во времени.

Роль письменности для истории земных цивилизаций

В зависимости от развития языка и его становления вполне естественно возникает необходимость в образном выражении речи и воспроизведении этих образов на материальном носителе, т.е. возникает необходимость в создании и развитии письменности как знаковой системы речи и вербального общения.

Письменность была порождена необходимостью передачи мыслей и речи на большие расстояния, когда не слышен голос, когда не хватает человеческой жизни, а также для сохранения информации и опыта для потомков. Для этого были изобретены рисунки и иероглифы – большие, напоминающие пиктограммы – стилизованные рисунки малого формата, но одинакового масштаба. Это было началом письменности на камне, дереве, глине, папирусе и не только. Слово устное расширилось функционально и дополнило письменное слово. Числа, буквы и ноты – три кита цивилизации.

Письменность, являясь сжатым средством изображения мысли и речи, воздействовала на протяжении веков и на саму мысль человека. Наверное, достаточно будет упомянуть, как нелегко было переписывать книги от руки. Это привело к идее книгопечатания и к возникновению печатного слова, а сегодня на базе компьютеров – появлению электронного слова, которое дополняет по форме письменное и печатное слово.

На определенном этапе развития общества создание письменности произошло приблизительно во втором тысячелетии до нашей эры в Китае и Египте, там, где зарождались две Цивилизации – Восточная и Западная.

Постепенно наибольшее распространение получил образный начертательный способ закрепления сообщений — иероглифическая письменность. Египетская иероглифическая письменность, появившаяся на свет в IV в. до н.э. трансформировалась через финикийскую письменность, которая легла в основу арабского и еврейского алфавита, а также греческой и латинской письменности, которую сегодня используют в Европе, Америке и Малой Азии. Китайские иероглифы, появившиеся во II тысячелетии до н.э., стали базой для создания иероглифической письменности народов Центральной и Восточной Азии, (кроме Индии, где в III веке до н.э. зародилась собственная письменность – брахми, которая легла в основу санскрита, а затем хинди), включая Японию.

На базе греческой и латинской письменности монахами Кириллом и Мефодием была создана славянская письменность в середине IX века.

Таким образом, благодаря письменности на сегодняшний день выделились на Земле две Цивилизации – Восточная иероглифическая и Западная азбучная, включая и Славянскую.

Славянская письменность - основа для объединения восточных и южных славян

Небольшое количество этноязыковых общностей могут похвастаться своей письменностью. Среди них арабы, германцы, тюрки, славяне. Самая распространенная письменность в мире – латынь, была создана римлянами. Даже знаковые системы письменности в разных этноязыковых общностях обозначают по-разному: для славян – азбука, для арабов – вязь, для греков – алфавит.

У славян была и своя десятичная цифровая система на базе славянских букв, помеченных тильдой, которая использовалась наравне с арабскими и латинскими цифрами. И эта цифровая система просуществовала у славян до середины XVII века. Режиссер фильма «Царь» П. Лунгин на циферблате часов башни в г. Суздале, где снимался фильм, использовали славянские цифры.

Болгарские революционеры – апостолы восстания 1876 года против турецкого рабства использовали славянские цифры для поднятия духа болгар, что вселяло в их души уверенность в победе. Они под буквами фразы «Турция ќе падне» (Турция будет сокрушена) подписали соответствующие цифры, сумма которых давала число 1876. На современном языке это означает - маркетинговый ход.

Сегодня, если встречаются надписи на нескольких языках, то кириллица выделяется своим начертанием букв (шрифтом).

После революции 1917 года на территории СССР для многих народов, не имеющих свою письменность, была создана национальная азбука на базе славянской письменности. Для Монгольской народной республики была также создана письменность на базе славянской.

Клавиши для компьютеров Европы, включая Россию, имеют латынь и кириллицу, что поднимает статус славянской письменности.

В российском сегменте интернета (рунете) введена кириллица для обозначения сайтов. Используя кириллицу в телефонах, SMS-сообщения можно писать и пересылать на кириллице. Космические корабли «Восток», «Восход», «Союз» имеют надписи на кириллице.

Международный знак рубля – не латинское R с двумя горизонтальными линиями, а славянское Р с двумя горизонтальными линиями.

Болгария внесла предложение в Европарламент, чтобы банкноты евро, которые будут использованы в Болгарии, должны быть напечатаны с использованием кириллицы.

Легковые и грузовые машины, поезда и самолеты, созданные в России, осваивают разные континенты, включая Антарктику с надписями на кириллице. Когда названия

фирм славянской этноязыковой общности пишут на кириллице, то сразу видна принадлежность фирмы, что нельзя сказать о фирмах с надписями на латыни. Круизные суда бороздят речные и морские просторы, гордо нося надписи своих имен на кириллице. Гордость военно-морского флота России - атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» носит свое имя на кириллице.

Ложка дегтя

Однако, некоторые славянские дизайнеры не от большого ума и для выпячивания своей мнимой оригинальности надписи названия фирм пишут, смешивая славянский шрифт с латынью, например, фирма «ЦИФРА». Для славянских детей, читающие надписи и незнающие латынь сложно, а для иностранцев, не владеющих славянской письменностью, прочитать и произнести невозможно. Эта проблема имеет место и при прочтении некоторых слов, где имеются буквы одинаковые в латыни и в кириллице (А, О, Е, К, М, Н и не только), если не указано, в какой знаковой системе написано слово, например, МЕТРО, МАТРАС. Иногда дизайнеры и шрифтовики придумывают такие начертания букв, что для владеющих только славянской письменностью такие начертания создают неопределенность при чтении, например, марка машины KIA, где последняя буква имеет другое начертание, не характерное для латинского алфавита, также как и SAMSUNG. Это вызывает недоразумения при чтении.

Мы, славяне

Мы, славяне, должны испытывать чувство гордости за славянскую письменность и созданные на ее базе шрифты, и не должны забывать, что типографика - самое консервативное искусство. Создавая и используя некоторые начертания букв, необходимо внимательно относиться к тому, не создают ли они неопределенность и не затрудняют ли чтение.

Мы, славяне не должны преклоняться перед Западом с его латынью, считая начертания славянских букв второсортными и неэстетичными. Простая красота славянских букв завораживает. Это можно увидеть, присмотревшись внимательно к начертанию букв в глаголице, в старославянской кириллице и даже к таким шрифтам современной кириллицы, как «Таймс», «Школьный» или «Литературный».

Мы, славяне, должны всегда оставаться славянами. Наши предки оставили нам Великое наследие – славянский язык и славянскую письменность, и наш долг перед ними - сохранить и увеличить его ценность. Формируя имидж государства, имиджмейкеры уделяют особое внимание национальному языку, как основе менталитета народа. Если задаться целью – сформировать имидж восточных и южных славян, то не следует забывать о том, что мы, славяне, все принадлежим к одной этноязыковой общности, нас связывает одна территория – европейское пространство, и одна религия – христианство. Возможно, те противоречия, которые сегодня возникают между народами России, Украины, Болгарии можно было преодолеть гораздо быстрее, если бы главным ориентиром в их решении было то, что все мы – Славяне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинская Ирина. Человек в системе массовых коммуникаций. Монография. «Проспект», М., 2009 .- 173 с.
2. Жан Жерж. История письменности и книгопечатания. «АСТ Астель», М., 2005.- 223 с.
3. Стефанов Стефан. Полиграфия от А до Я. Энциклопедия. «URSS», М., 2014. (переиздание), -553 с.
4. Наумов Владимир. Лингвистическая идентификация личности. URSS, М., 2009. (третье переиздание), -237 с.

А.Н. Гуменюк

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ В СТИЛЕ МОДЕРН С ЯЗЫЧЕСКИМИ ИДЕОГРАММАМИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ОМСК, 1910-Е ГОДЫ

Гуменюк Алла Николаевна
кандидат искусствоведения, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
E-mail: gumenyuk-alla@mail.ru

В статье анализируется памятник архитектуры «Доходный дом А. Г. Михайлова», возведенный в Омске в 1910-е годы – период расцвета стиля модерн в городах сибирской провинции; рассматриваются идеограммы древних славян в контексте декора его фасадов.

Ключевые слова: стиль модерн, идеограммы древних славян

В статията се анализира паметник на архитектурата „Доходный дом“, изграден в град Омск през 1910 година – период на разцвет на стила „модерн“ в градовете на сибирската провинция; разгледа ни са идеограми на древните славяни в контекста на декорирането по фасадите на сгради.

Ключови думи: стилът модерн, идеограми на древните славяни

The article analyzes the architectural monument "A. G. Mikhailov's Apartment House", built in Omsk city in the 1910s – in the very heyday of Siberian province Art Nouveau; the ideograms of the ancient Slavs are viewed in the context of the monument's facades' decor.

Keywords: modern style, ideograms of the ancient Slavs

В Омске в 1915-1916 годы на углу улиц Станичной и Плотниковской по проекту известного сибирского архитектора Леонида Александровича Чернышева возводится четырехэтажный доходный дом А.Г. Михайлова (**рис.1**). Объемно-планировочное и архитектурно-художественное решение здания было выполнено в новом для провинции стиле модерн, имевшем большую популярность в Петербурге и Москве в конце XIX – начале XX века. Пришедший из столиц с десятилетним опозданием, модерн сумел завоевать популярность у предпринимателей Омска, которые, как и образованное московское купечество, осваивали новый стиль «с быстротой, почти эпидемической» [Михайлов, с. 13].

За присущие зданию монументальность и сходство со средневековым башней-донжоном доходный дом А.Г. Михайлова был назван «Замком». Рассчитанный на восемь квартир, он имел хорошо продуманную функциональную планировку. Центральным ядром, вокруг которого группировались квартиры каждого этажа, являлся блок лестничной клетки, как это чаще всего и имело место в постройках модерна. Практически все помещения с их внешними «границами» выявлены «изнутри наружу»: либо пластически – ризалитами, либо визуально – комбинациями оконных проемов. Вслед за Гектором Гиммаром, чьи воплощенные архитектурные фантазии породили одно из названий французского ар нуво – «стиль метро», уместным будет повторить: «Весь уют внутреннего воплощается во внешнем. Ты видишь отдельные квартиры, систематически заявляющие о себе вовне. Это представляется очень занимательным и очевидным; жить там доставляет удовольствие» [Фар-Беккер, с. 76]. В действительности доходный дом А.Г. Михайлова – один из первых многоэтажных жилых домов в Омске – имел, пожалуй, самые комфортабельные квартиры. Здесь до установления Советской власти проживали

высокопоставленные служащие Омской железной дороги и сам владелец доходного дома отставной полковник Александр Григорьевич Михайлов. Особым шармом буржуазной жизни веяло от застекленных веранд больших балконов на северном (дворовом) фасаде светло-серого оштукатуренного дома. Они примыкали к центральному ризалиту и вместе с его огромными стеклянными плоскостями окон создавали образ современного здания.

Новый для России архитектурный стиль модерн уже в начале XIX века начинает постепенно терять свои позиции в столицах. Напротив, для сибирской провинции на это время приходится его освоение. В 1910-х годах в Омске – настоящий расцвет модерна. Всевозможные модификации стиля развиваются на местной почве почти одновременно и в короткий временной период, более того, различные варианты модерна могли синхронно заявлять о себе в одном архитектурном объекте. Подобные трансформации характерны и для экстерьера доходного дома А.Г. Михайлова.

Рационалистическая тенденция позднего варианта стиля прослеживается в геометризованном объеме здания, в малой вариантности и несложной форме окон с четкой прямоугольной растекловкой. Характерным проявлением раннего модерна, смягчающим лаконичную конкретность объема, становится мотив бегущей волны, вздымающейся фронтоном на южном фасаде здания и затухающей на его восточной стене. Призванная создать пластическое движение, волна, будучи скованной парапетами ризалитов, не нарушает знакового «оцепенения» рационального модерна (**рис. 2**).

В декоративном оформлении плоских монохромных фасадов участвуют мотивы, характерные для поздней фазы стиля, в том числе окружность с тремя пересекающимися линиями. Идеи раннего модерна (*art du geste* – искусство изогнутой линии) читаются в графически прорисованных, трижды повторенных тончайших полосках рельефа, заполняющих верхнее пространство ризалитов. Они динамично изгибаются дугами, сплетаются с каждой стороны в единый круг и успокаиваются в стилизованном ростке с листьями и «корневой системой».

«Текучая» орнаментика раннего модерна сближает искусство зодчего с интернациональной линией «нового стиля», как известно, отрицавшей все «национальное». Однако оригинальность и, в значительной степени, уникальность здания для архитектуры Омска состоит в том, что в декор фасадов введены языческие идеограммы древних славян. В памятнике архитектуры 1910-х годов они воспринимаются как «родовые воспоминания» в творческих работах представителей отечественной культуры середины и второй половины XIX века, ориентированных на выявление самобытности России.

Как известно, идеографическое письмо – вид письменности, знаки которой (идеограммы) обозначают определенную идею. «Теоретически, надписи идеографическим письмом могут быть поняты людьми, говорящими на разных языках, даже если идеографические письма этих языков различны. Так, идея воды изображается в виде волны в египетской письменности, потока – в китайской, ёмкости, покрашенной синим цветом, – в ацтекской письменности. Несмотря на формальные различия, все эти знаки могут быть поняты человеком, не знакомым с соответствующей письменностью. [Идеограмма, электронный ресурс].

Определенным образом подобное утверждение можно отнести к идеограммам, помещенным на фасадах доходного дома А.Г. Михайлова в зоне верхнего этажа (**рис. 3**). Знак незасеянного поля – земли, ожидающей зерен, – читается в парапетных нишах над карнизами мощных столбов-ризалитов. Это символ плодородия с характерным узором – ромбом, разделенным внутри на четыре части. Большая фигура символизирует поле; малые – лунки для семян. Можно предположить, что вариант символа плодородия размещен и в небольших квадратах на угловых «срезах» ризалитов, в их подкарнизной части. Изображение тождественно четырехчастной композиции «заклинание пространства» и отражает стадии роста растений от семени до опыления, близок он и солярному знаку – знаку света, солнца, жизни, олицетворяющему очищающую и

оберегающую силу. Отметим упомянутый выше стилизованный росток с листьями и «корневой системой»: он также ассоциируется с языческой идеограммой славян. В его лаконичном образе дерева с кроной в форме круга и корнями, уходящими в глубину холма, просматривается мифологический архетип «Мирового дерева». Вселенского дерева, объединяющего все сферы мироздания: небесного, земного и подземного миров.

Попытаемся разобраться, что хотел сказать архитектор или заказчик, помещая среди характерных для стиля модерн орнаментальных мотивов редко встречающиеся в каменном декоре изобразительные символы.

Появление славянской символики и неожиданный отказ от задачи интернациональной линии стиля – быть вне всякой исторической ретроспекции – можно объяснить родом занятий хозяина доходного дома А.Г. Михайлова – землевладельца, члена Омского отделения Московского Общества сельского хозяйства. Такой декоративный «ход», вероятно, является своеобразным знаком широкой образованности заказчика и архитектора, знакомых со славянской мифологией. Интересно отметить, что аналогичная «местная особенность» встречается в творчестве мастеров модерна так называемой школы Нанси. Лотарингский крест (символ еще не разделенной французской провинции) и чертополох (герб города Нанси) становятся основными декоративными мотивами в их творчестве. Девиз маэстро ар нуво Эмиля Гале, декларированный на двери его мебельного салона, – «Мой корень – в основании леса». «Мой корень – невспаханное поле, ожидающее зерен», – не об этом ли заявил омский горожанин, отставной полковник А.Г. Михайлов, заказывая проект сибирскому зодчему?

Художник-архитектор Леонид Александрович Чернышев (1875 – 1932), выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а также вольнослушатель Художественного училища при императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге (класс профессора А.И. Померанцева) имел до принятия заказа солидный список творческих работ. В 1904 году он участвовал в отделке гостиницы «Метрополь» в Москве, возводимой по проекту англичанина В.Ф. Валькота. Позднее работал в Красноярске: строил Дом купеческого общества (1909-1910), проектировал магазины, дачи, корпуса курорта «Озеро Шира». С июля 1910 года Л.А. Чернышев являлся главным архитектором Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки, состоявшейся в 1911 году в Омске [Гуменюк, с. 88]. Он был автором целого ряда проектов выставочных павильонов в формах «неорусского стиля» и различных вариантах стиля модерн. «Научный павильон», созданный им в духе древнеегипетской архитектуры, послужил прототипом для проекта здания Красноярского краевого музея (1913-1920). В Омске зодчий реализовал своеобразный авторский замысел комплекса зданий АО «Р. и Т. Эльворти» (1913). Сохранившееся до настоящего времени здание конторы остается единственным в городе образцом ориенталистского варианта модерна.

Таким образом, можно полагать, что творческая фантазия талантливого сибирского зодчего Леонида Александровича Чернышева удачно соединилась с желанием просвещенного заказчика – отставного полковника Александра Григорьевича Михайлова. В результате Омск получил архитектурный памятник, ставший значимым объектом культурного наследия региона. В настоящее время здание с оригинальным декором – идеограммами древних славян занимает Департамент культуры администрации города Омска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуменюк, А.Н. / А.Н. Гуменюк. Стиль модерн в архитектуре Омска [монография]. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. – с. 139, с ил.
2. Гуменюк, А.Н. Сибирский «замок» в стиле модерн. К вопросу атрибуции / А.Н. Гуменюк / Омский научный вестник. – № 3 (129). – 2014. – С. 221-225.

3. Идеограмма [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идеограмма> (Дата обращения 30.03.2015)
4. Михайлов, М. Ist zu wienersch / М. Михайлов // Искусство строительное и декоративное. – 1903. – № 3, 12 марта.
5. Фар-Беккер, Габриеле / Габриеле Фар-Беккре / Искусство модерна. – Изд-во: Konemann UK Ltd, Изд. группа АСТ, 2004 «Konemann», 2004. – с. 425.

Приложения

Рис.1. Омск. Доходный дом А.Г. Михайлова. 1915-1916.
Арх. Л.А. Чернышев

Рис. 2. Омск. Доходный дом А.Г. Михайлова.
Фрагмент фасада. 1915-1916. Арх. Л.А. Чернышев

Рис.3. Омск. Доходный дом А.Г. Михайлова.
Фрагмент фасада. 1915-1916. Арх. Л.А. Чернышев

С. Денчев
М.П. Павлова

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Стоян Денчев
доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: s.denchev@unibit.bg

Павлова Мирияна Пламенова
докторант,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: m.pavlova@unibit.bg

В статье рассматривается славянскую цивилизацию и культуру в контексте глобализации и информационно-психологической войны. В нем представлены некоторые из ключевых ценностей и идеалов славянских народов, а также ключевые аспекты информационно-психологической войны и ее влияние на славянскую идентичность в современном мире.

Ключевые слова: *Славяне, славянские ценности, глобализация, информационно-психологическая война.*

В докладът се разглежда славянската цивилизация и култура в условията на глобализация и информационно-психологическа война. Очертани са някои от ключовите ценности и идеали на славянските народи, а също така и основните аспекти на

информационно-психологическата война и начинът, по който тя може да въздейства върху славянската идентичност в съвременния свят.

Ключови думи: славянство, славянски ценности, глобализация, информационно-психологически войни.

The report examines the Slavic civilization and culture in the context of globalization and information-psychological war. It outlines some of the key values and ideals of the Slav peoples, as well as key aspects of information-psychological war and the way it can affect Slavic identity in the modern world.

Keywords: Slavs, Slavic values, globalization, information-psychological wars.

Введение

Актуалност на темата на тази статия е свързана с приближаване на един от най-ярките празници – Ден на славянската писменост. В връзка с това, възниква въпрос за славянската цивилизация и култура и нейното място в съвременния свят. Този празник се отбелязва в много страни, в това число и в Република България и Руската Федерация. По този начин, е необходимо да се обърне внимание на основните елементи на славянската цивилизация и идентичност. В условията на глобализацията и информационно-психологическата война между различни държави наблюдаваме възникване на различни ситуации, които като предизвикателства се поставят пред обществата на различни страни и особено пред славянските народи.

Славянска идентичност и ценности

В съвременния свят, идентичност е важен фактор за развитието на обществото и неговата унификация. Тя служи като инструмент за включване на индивида в социалните отношения и процеси.

Съвременното разбиране на идентичност, е свързано с работата на Ериксона, който определя три основни аспекта на формирането на идентичност: първият – чувство за идентичност, вторият – процес на формиране на тази идентичност и третият – личност като съвкупност на този процес³³.

Мануел Кастелс също предлага своето разбиране на идентичност и според неговите думи това е процесът на създаване на индивидуално значение, което е основата на общите културни характеристики³⁴.

Изследователите на славянската цивилизация и култура смятат, че славянските народи са обединени около идеята за принадлежност към древната славянска цивилизация. Освен това, славяните са славянски народи. Славянофили смятат, че хиляди години назад славянските племена са били от една етническа група, която представлява славянската цивилизация, но поради различни обстоятелства, те са разделили и славянското единство е разрушено. Славянството днес се определя като „културен феномен, цивилизационна модель и специфична духовност“³⁵.

Славянската цивилизация включва в себе си три основни подразделения – източнославянско, южнославянско и западнославянско, които обхващат 16 народи. Славянските народи през дългия период на време са реализирали своята обща идентичност – общо произхождение, сходни езици и култура. Важна част от славянската цивилизация е религията – православие. Православие

³³ Большая психологическая энциклопедия, URL: <http://psychology.academic.ru/755/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (20.05.2014г.).

³⁴ Кастелс, М., „Силата на идентичността“, 2004 г., ЛИК, стр.7.

³⁵ Загорев, О., „Славяните – движещата сила към европейската мечта“, в. „Русия днес – Русия днес“, декември 23, 2014 г.

является основополагающим фактором в формировании славянских ценностей и идеалов. Одна из этих ценностей – вера. Она оживляет и придает смысл жизни. Добродетель является главным критерием веры. Моральные и духовные ценности всегда стояли перед материальным богатством.

Славянская идентичность не основывается только на общем происхождении и культуре. Она представляет собой совокупность ценностей и идеалов. Эти ценности и идеалы сегодня можно найти в ряде стран, в том числе в России и Болгарии.

Славянская идентичность в условиях глобализации и информационной войны

Быстрое развитие каналов передачи информации, формирование информационного общества и глобализация информационного пространства приводят к тому, что знание о мире в значительной степени создается преимущественно на основе информационных потоков. Большой объем получаемой информации затрудняет ее анализ и приводит к тому, что картина действительности, представленная СМИ, в т.ч. TV, Интернетом, прессой и т.д., воспринимается как действительная. По этой причине имидж данного субъекта, созданный СМИ, приобретает более значимую роль, чем раньше.

Информационная, а и психологическая война появляются как форма информационного противоборства на определенном этапе развития средств и методов информационного воздействия. Сегодня они являются самой опасной формой противоборства, осуществляемого средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решить важные стратегические задачи. Они являются самой острой формой информационного противоборства в современном развитии международных отношений. Их сущность в скрытом, тайном управлении политическими, военными, экономическими, социальными и т.д. процессами в государстве – потенциального противника.

Цель информационной войны – оказывать воздействие на знания, представления и мысли противника. Объектами „нападения“ в информационной войне являются не только информационная инфраструктура, но и сознание, воля, чувства населения.

В целом средства и способы ведения информационной войны включают в себя информационное оружие. Основная форма осуществления информационной войны – это тайные информационно-психологические операции, осуществляющие информационное воздействие на индивидуальное, массовое и групповое сознание, на чувства и волю граждан страны-оппонента. Также и дезинформация субъектов, принимающих важные для другого государства стратегические решения.

Именно сегодня, когда регуляция незначительна и почти нет ограничений для информационной деятельности отдельных субъектов, очень трудно осуществлять контроль над предоставляемой информацией.

В информационном пространстве легко можно протолкнуть иностранные идеи и целенаправленно изменить сознания, мысли и ценности общества. Таким образом, внедряются интересы, которые в большинстве случаев идут в разрез с интересами общества.

Что касается славянской культуры и ценностей то их можно легко «атаковать» с методами и средствами информационно-психологической войны.

Через психологическое воздействие можно оказывать негативное влияние на славянскую идентичность и самосознание. Сегодня во многих странах наблюдается радикальное изменение представлений, ценностей и культуры населения. Одним из примеров являются так называемые «цветные революции», которые изменили социально-политическую структуру в странах, как Тунис, Египет, Украина и другие.

Глобализация во многих сферах – социальной, политической, экономической и информационной, влияет на славянскую культуру и ценности. Таким образом, фундаментальные ценности славянских народов как религия, нравственность, мораль и уважение природы и человека, в значительной степени изменяются в пользу ценности

Западного мира. Появляется новая проблема – проблема самоопределения славянских народов.

Сегодня наблюдается информационное противоборство между Европейской и Евразийской цивилизациями, в состав которых входят разные славянские народы, имеющие общие ценности, традиции и идеалы.

Вывод

Глобализация и противоборство в информационном пространстве представляют одновременно угрозу и вызов для славянских народов, их ценностей и идентичности. Стоит вопрос о том, как сохранить славянские духовные и культурные традиции, хотя славянские народы жить и развивается в разных территориях и странах. Информационно-психологические войны являются опасными, и они могут влиять на ум, психику и мысли отдельного индивида и населения. С помощью их массово меняются ценности, традиции и общественно-политические структуры в некоторых случаях в негативном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбов. Г., „Славянская культура в эпоху глобализации“.
2. Большая психологическая энциклопедия, URL:
<http://psychology.academic.ru/755/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (20.05.2014).
3. Загоров, О., „Славяните – движещата сила към европейската мечта“, в. “Русия днес – Россия сегодня”, 23 декември 2014 г.
4. Кастелс, М., „Силата на идентичността“, 2004 г., ЛИК, с. 7.
5. Конча, Л., „Духовное единство славянских народов в глобальном мире“.
6. Манойло А.В., Государственная информационная политика в особых условиях (монография).
7. Осипова, О., „Жизнь в системе традиционных ценностей древних славян и русского народа“.
8. Платонов, О., СЛАВЯНОФИЛЫ. 2009 г.
9. Платонов, О., „Идеи славянофилов в современном мире: ответы на вызовы времени“. Русская народная линия. 16.12.2011 г.
10. Сигачев М., И., „Национальная идеология западных и южных славян как отражение их национального характера“.

Т.Е. Зинкевич

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ В ФОНДЕ №68 (Генеральный штаб) НИОР РГБ

*Зинкевич Татьяна Евгеньевна
научный сотрудник сектора рукописных книг
Научно-исследовательского отдела рукописей
Российской государственной библиотеки,
г. Москва (Россия)
E-mail: zinkevichte@rsl.ru*

Материалы фонда Генеральный штаб РГБ позволяют посмотреть на Болгарию глазами современников, соприкоснуться с жизнью болгарского народа, который, несмотря на многовековую зависимость от Турции, смог сохранить свою самобытность и культуру.

***Ключевые слова:** военно-документальные, учебные, исторические материалы, литературные памятники, материалы по истории Болгарии.*

Материали на фонда на Генералния щаб на Руската държавна библиотека ни предоставят възможност да погледнем на България като съвременници, да се докоснем до живота на българския народ, който въпреки многовековната зависимост от Османската империя, е съумял да съхрани своята самобитност и култура.

Ключови думи: *военно-документални, учебни, исторически материали, литературни паметници, материали по история на България.*

In the handwritten collections of the Research Manuscripts' Department of РГБ are presented the handwritten books of secular and spiritual contents, personal stocks, archives of various church, public and government organizations, among which the stocks of the General Staff (No. 68) have a deserved place.

Keywords: *collected works, written language documents of Old Russian and Middle Ages Western literature.*

В рукописных собраниях научно-исследовательского отдела рукописей РГБ представлены рукописные книги светского и духовного содержания, личные фонды, архивные фонды различных церковных, общественных и государственных организаций, среди которых фонд Генерального штаба (№ 68) занимает достойное место. Этот фонд содержит 529 ед. хр. самого разного содержания, от военно-документальных, учебных, исторических материалов до литературных памятников древнерусской и средневековой западноевропейской письменности, среди которых для нас особый интерес представляют материалы по истории Болгарии. Прежде всего, это относится к рапортам русских офицеров, участвовавших в Русско-Турецкой войне 1806–1812 гг., 1828–1829 гг.

Уникальна рукопись № 252 фонда Генштаба, составленная в 1831 году полковником Генерального Штаба Липранди Иваном Петровичем на основе рапортов офицеров Российской армии, бывших в это время на территории Болгарии. Поражает широкий кругозор, пытливый ум И.П. Липранди и всесторонние знания русских офицеров царской армии. В своих донесениях они описывали не только экономическое, географическое и политическое положение болгар того времени, но и делали глубокий экскурс в историю страны, опираясь на летописные источники. Например, при составлении своего донесения полковник Липранди учел труды 90 авторов³⁶, которые использовали в своих рапортах русские офицеры, описывая историю Болгарии³⁷.

Рукопись имеет название «Краткое извлечение из составившагося Историческим и Географическим Описаниям Болгарского Царства в Мизии с присовокуплении настоящей статистики и пр.». Это «краткое извлечение» содержит 119 листов. Книга сильно обгорела, последние листы утрачены, но сохранившаяся часть очень важна, т.к. повествует нам о древней Фракии, о живших там славянских племенах, о переселении болгар и образовании Болгарского царства (с описанием всех болгарских царей). Подробно описано и современное И.П. Липранди (30-е г. XIX в.) положение болгар, находящихся под гнетом Турции более четырех столетий: нравы, обычаи, культура болгар, особое внимание уделяется их нравственному состоянию, патриотизму и воинственному духу.

В рукописи 3 больших раздела – «отделения», которые в свою очередь состоят из глав.

Отделение I «Понятие о Болгарах...» состоит из 6 глав: 1. Древнее жилище Болгар; 2. Происхождение Болгар; 3. Наименование Болгар; 4. Движение Болгар от берегов

³⁶ Ф. 68, № 252. Л. 3–5 об.

³⁷ Ф. 68, № 256, № 264.

Волги... 375-670 гг.; 5. Нравственное состояние древних болгар; 6. Краткое обозрение Фракии и Мизии от глубокой древности до покорения Болгарами³⁸.

Здесь мы находим описание нравственного состояния древних болгар: «Народ сей был многочисленный и мужественный, привыкший к труду, военным и всегда готовый предпочесть смерть невольничеству – и ...до того времени народ сей никем побежден не был (подчеркнуто карандашом). И действительно, древние летописцы, говоря о их храбрости, согласуются почти все, что в оной подобных им не было, другие присовокупляют, что Болгар или Кутригуров называли известным наказанием Божиим за грехи Христиан – и что они смелостию своею устрашали храбрейших людей (подчеркнуто карандашом). Жены выступали вместе с ними на войну и часто находили их между убитыми. Некоторые про их храбрость рассказывают чудеса, как пример: ... в 535 году... Хорсоман один бросился на 70 Готов, прогнал их, и чтобы отомстить за полученную им рану, напал без посторонней помощи на лагерь неприятеля, прогнал толпу, состоящую из 20 человек, приготовившихся ему сопротивляться и оказав множество великих деяний, побил большое число Готов. Болгары были тогда превосходнейшими стрелками из луков и искусными наездниками;... Между ними было одно поколение, которое имело исключительное право в день битвы начинать сражение... Между Болгарами не было никакого различия – они были равными, и степень достоинства каждого определялась числом убитых неприятелей. ...Болгары были одарены необыкновенною силою и мускулами, нечистоплотны и лицами дурны, но за то были (по выражению древних) крепчайшими на свете пьяницами вина. Во время набегов своих они могли переносить голод, к коему были привыкшими и питию часто молоком кобылиц своих; лошади также приучены были оставаться долгое время без корма. Обычай обделывать серебро и золото черепа убитых неприятелей своих – и употреблять оные в пирах вместо сосудов, подобно Скифам, встречается также не раз в Летописцах, повествовавших о Болгар»³⁹.

В Отделении II – «Основание Царства, величие, падение и пр.» описываются периоды Болгарского царства, управляемых царями: Аспарарух, Ватвай, Тривелий, Ассан, Корниесс, Телезин, Сабин, Паган, Телерих, Кордам, Крум, Даухом, Цах, Мартагон, Владимир, Гогор–Михаил, Старш. Его сын, Прессиан, младший, Борис, Симеон, Петр, Борис⁴⁰. Во времена правления царя Симеона Великого (893-927 гг.) Болгарское царство достигло апогея своего политического и территориального могущества, поэтому закономерно, что царю Симеону Великому уделено в описании самое большое внимание⁴¹.

Отделение III. «Общие понятия о нынешних Болгарах; разделение, статистика, промышленность, народонаселение, политическое состояние, нравы и обычаи, древности, управление и пр.» содержит 8 глав: 1. Общее понятие о нынешних Болгарах; 2. Общее разделение Европейской Турции; 3. Жилище Болгар; 4. Физическое положение Болгарии, народонаселение и пр.; 5. Древности; 6. Краткое состояние Болгар; 7. Политическое состояние Болгар; 8. Внутреннее управление Болгарами во всех отношениях, повинности и пр.⁴²

Описывая современную ему Болгарию, автор указывает, что «собственно Болгарии ныне не существует. Весьма трудно и невозможно определить точных границ ее. Европейцы окружают ее: на Севере Дунаем; на Востоке Черным морем; на Запад рекою Тимоком (древнюю Тимокус); а на Юге хребтом Гемуса или Балканов... Что же касается

³⁸ Ф.68, № 252. Л. 6–22 об.

³⁹ Ф. 68, № 252. Л. 17 об. – 20.

⁴⁰ Ф. 68, № 252. Л. 23–84 об.

⁴¹ Ф. 68, № 252. Л. 58–73 об.

⁴² Ф. 68, № 252. Л. 85–119 об.

древних ее границ во время существования Болгарии, то они были сравнено пространнее... Турки знают Болгар, но не знают Болгарии»⁴³.

В своем донесении И.П. Липранди пишет, что «нынешних Болгар можно в нравственном и политическом отношении разделить на две главные части - нагорную или западную и надольную»⁴⁴. Что касается надольной части, то там болгары перемешаны с турками и греками, частично переняли их обычаи и практически утратили свою самобытность. В нагорной же части болгары «не перемешаны ни с Турками, ни с Греками или с какими-либо другими народами. Там они говорят чистым своим языком – сохранили воинственный свой дух и мужество, коим самих Турок заставляют уважать себя. Они отличаются совершенно от надольных своих соотечественников – как простотою нравов, так и честностию и другими добродетелями своими. Горцы сии сохранили многие древние обычаи свои совершенно забытые надольными Болгарами.

Они отличаются совершенно от надольных своих соотечественников – как простотою нравов, так и честностию и другими добродетелями своими. Горцы сии сохранили многие древние обычаи свои, совершенно забытые надольными Болгарами. У них существует празднества Коледы, закляние Агнцов с какими-то Священными обрядами, несколько отзывающимися язычеством, конские рысталища, борьба, разные характерические пляски, песни, повествующие о подвигах древних царей, их напоминающих им прежнюю свою самостоятельность; многие предания, из коих некоторые весьма любопытны»⁴⁵.

У нагорных болгар есть славянские книги, во многих местах есть болгарские школы, сохранились монастыри. «Между сими Болгарами часто встречаются люди с весьма здравым рассуждением и некоторым образованием, что у надольных Болгар найти весьма трудно».

«Нагорная Болгария включает в себя уезды и места: Тырново (древ. Тернобум, иногда Ернок) Беброво; Драново; Старорека; Габрово или Гаврово; Видин (Банония, Виминациум, Водена); Рахово (Цебрум); Никополь Дунайский (Никополис), Систов (Турки называют Зыштов, Болгары Систов); Вратца» Плевна, Сельви; Ески-Стамбул (Никополис Гемской Преслава, Иоанополист); София (Сердика) Болгарами называемая Триадица, Казань или Болгарами называемая Котел, Шибка, Карлово, Казанлык, Калофер, Демир Жилер (Железник), Ени-Заара, Эски Заара, весь Аялык Разлог и окрестности горы Деспот даг, Джумал, Весь Пашалык Кюстендильский (Таурессиум), Брезник, Куманово, Картова, весь округ Врона, Эски-Заара (В'ерое или Веро'е), весь Аялык Разлог и окрестности горы Деспот даг, Пирот, Берковцы (Берхоя); весь уезд и Царин брод, Самаково, окрестности монастыря Рило (см. гл. 6) и пр.»⁴⁶, где особо выделяется Рильский монастырь.

Роль Рильского монастыря, по мнению И.П. Липранди, в сохранении культуры и самобытности болгар огромна. Каждый период жизни монастыря, начиная с его основания в IX веке, насыщен великими событиями и тесно переплетается с жизнью страны. Эта древняя обитель всегда являлась очагом просвещения болгар, укрепляла их национальный дух, особенно в тяжелые годы многовекового турецкого ига. «Как окрестности, так и самый Монастырь Рилло заслуживает особенное во всех отношениях внимание. Монастырь Рилло есть один из величайших, который когда-либо существовал в Болгарии. Монастырь сей получил название свое от горы Риль, на которой он построен в виде простраинейшего замка в самой древней архитектуре. В середине его находится весьма изобильный ключ. Сверх собственно крепкого положения его, он столько же укреплен и неприступен местоположением на довольно большое расстояние от основания

⁴³ Ф. 68, № 252. Л. 87–87 об.

⁴⁴ Ф. 68, № 264. Л. 3.

⁴⁵ Ф. 68, № 264. Л. 3–4 об.

⁴⁶ Ф. 68, № 264. Л. 4 об. – 5.

его; так что в случае нужды есть довольно пространства, чтобы обрабатывать землю, для многочисленного гарнизона.

В монастыре сем хранятся мощи св. Иоанна Златоустаго Болгарского, как равно и некоторые другие; сверх сего монастырь включает в себя большую Архиву древних Болгарских рукописей, свезенных туда во время войны и мятежей. Монастырь сей один из всех мест Болгарии, где турки не были с оружием в руках – ибо опасались вооружить против себя воинственный народ в кругу онаго обитающий – что и было причиной сохранившихся там многих сих летописей. Ныне в монастыре сем находится только около 200 монахов, но все из почтеннейших болгар и лучших фамилий целого края, пользующихся полною доверенностью всех соотечественников своих. Монахи сии имеют в монастыре и оружие свое»⁴⁷.

Таким образом, рассмотренные рукописные материалы фонда Генеральный штаб позволяют нам посмотреть на Болгарию глазами современников, соприкоснуться с жизнью болгарского народа, который, несмотря на многовековую зависимость от Турции, смог сохранить свою самобытность и культуру.

Н.С. Иванова

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЕКЦИИ ВЛИЯНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

Неля Стефанова Иванова
профессор, доктор,
Университет имени Асена Златарова,
г. Бургас (Болгария)
E-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Словесное наследие болгарских последователей Л. Толстого – оригинальное и переводное – факт с большим значением для культуры болгар. Оно расширяет кругозор болгарского читателя в первой половине прошлого века, предоставляя ему произведения, воспитывающие разум и мораль, и обогащает болгарское общество идеями духовного единения, нравственного совершенства и свободы, к которым стремился Л. Н. Толстой и его последователи. Богатством языковых средств, художественной верностью и искренностью изложения, точностью языкового выражения, болгарские последователи Л. Толстого воспитывают художественный вкус своих читателей.

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, последователи, Болгария, оригинальное и переводное творчество.*

Словесното наследство на българските последователи на Л. Толстой – оригинално и преводно – е факт с огромно значение за българската култура. То разширява кръгозора на българския читател през първата половина на миналия век, предоставяйки му произведения, възпитаващи разума и морала, и обогатява българското общество с идеите на Л.Н. Толстой и неговите последователи за духовно единение, нравствено усъвършенстване и свобода. С богатството на езиковите средства, художествената вярност и искреността на изложението, с точността и прецизността на езиковия израз българските последователи на Л. Толстой възпитават художествения вкус на своите читатели.

Ключови думи: *Л.Н. Толстой, последователи, България, оригинално и преводно творчество.*

⁴⁷ Ф. 68, № 252. Л. 102–102 об.

The verbal heritage of Bulgarian followers of L.N. Tolstoy – original and translated - is a fact with great value for Bulgarian culture. It broadens the mind of Bulgarian readers in the first half of the last century and enriches the Bulgarian society with the ideas of spiritual unity, moral perfection and freedom. With the wealth of linguistic resources, artistic sincerity, faithfulness of presentation and verbal expression Bulgarian followers of L. Tolstoy raised the artistic and literary taste of their readers.

Keywords: *L.N. Tolstoy, followers, Bulgaria, original and translated works.*

Творчество Л. Н. Толстого имеет обширное влияние не только в духовном пространстве славян, но и во всем мире. И сегодня актуальны восторженные слова Романа Роллана, передающие преклонение мировой общественности перед гением русской литературы: "... перед нашими глазами раскрылось творчество одной великой жизни, в которой отражался целый народ, даже целый новый мир... Это были как бы врата, раскрытые на безбрежную вселенную, великое разоблачение жизни" [История русской литературы 19 в., с. 519].

Не только литературное творчество, но и широта взглядов Л. Толстого завоевали ему огромную мировую известность. Это относится особенно к периоду после 70 годов 19 века, когда писатель переживает драматический духовный перелом. В произведениях этого периода Л. Толстой проповедует новую религию, которая основывается на принципах непротivления злу насилием, единения людей, социальной справедливости, нравственного совершенствования личности.

Своим новым словом о Боге, истине, любви Л. Толстой становится духовным учителем для части болгарской интеллигенции в начале прошлого века. Всю первую половину XX века толстовство процветало в Болгарии. "У болгарских толстовцев были газеты, журналы, издательства и книжные магазины, пропагандировавшие главным образом толстовскую литературу. Было создано массовое вегетарианское общество, имевшее целую сеть столовых, одновременно служивших местами лекций и собраний. В 1926 году возникла толстовская земледельческая коммуна, к которой даже после 9 сентября 1944 года правительство относилось с уважением, как к лучшему кооперативному хозяйству в стране. Болгарское толстовское движение насчитывало в своих рядах трех членов Болгарской академии наук, двух известных художников, несколько университетских профессоров и по меньшей мере восемь поэтов, драматургов и беллетристов. Оно получило широкое признание как важный фактор подъема культурного и нравственного уровня личной и общественной жизни болгар и продолжало существовать в условиях относительной свободы вплоть до конца 40-ых годов" [Edgerton 1988].

Среди пионеров этого движения в Болгарии можно назвать имена болгарских писателей, переводчиков, издателей Савы Ничева, Христо Досева, Георги Шопова, Димитра Жечкова, Стефана Андрейчина, Ташко Коматова. В летописи толстовской коммуны "Возражданцев" писатель Христо Досев очень эмоционально описывает свое первое соприкосновение с идеями Л. Толстого: "Но как только я начал читать ее, она захватила меня полностью. Какая-то сила приковала все мое внимание к печатным рядам брошюры. Я читал с огромным вниманием и неожиданно оказался под обаянием Толстого. Несколько печатных рядов было достаточно, чтобы изменилась вся моя жизнь... После первой прочитанной книжки, я начал читать другие. Мой горизонт расширялся все больше и больше. Моей радости не было границ. Мне хотелось говорить и кричать повсюду и каждому об этом новом и прекрасном, что открыл мне русский мудрец" [Досев, с. 72 - 73]. Христо Досев изучает медицину в Лозанне. В 1906 г. вместе с группой русских и болгарских толстовцев он нанимает ферму в окрестностях Лозанны – там вероятно возникла его идея о толстовских коммунах в Болгарии, которая была осуществлена в деревне Алан-Кайряк /ныне с. Ясна поляна - находится в 30 км от г.

Бургаса, на склонах горы Странджа/. Сам Хр. Досев живет в доме своего кумира Л. Толстого и у Вл. Черткова, а его корреспонденция с ними широко известна [Опульский, с. 13].

Для болгарских последователей Л. Толстого литература - один из трех важных общественных органов, формирующих общественное мнение. Другими являются правительство и церковь, но так как литература служит отчасти проводником остальных, она “важнее” них. Эту позицию изложил Сава Ничев в статье “Сегодняшняя литература и критика”, помещенной в первом толстовском журнале в Болгарии “Новое слово” под его редакцией. В ней автор аргументирует необходимость в “добрых книгах” с нравственным посланием читателям и критикует тех писателей, которые пишут “только, чтобы получить деньги, славу, чтобы оправдать себя или кто знает еще почему” [Рупчев, с. 99].

Заявленным болгарскими толстовцами желанием представлять добро и проповедовать новую этичную мораль в обществе можно объяснить их исключительную строгость в подборе языковых средств. Их оригинальные и переводные произведения отличаются доступностью, точностью и легкостью языковой формы, что не затрудняет восприятие их произведений разнородной по возрасту и образованности читательской аудиторией, а книги, которые они создают для детей [Андрейчин 1939; Терзиева, Иванова 2003], написаны на близком к разговорному и понятном языке.

Многие из болгарских толстовцев остались в памяти своих современников как вдохновенные и эрудированные ораторы, пламенное поэтическое слово которых пленяет слушателей. Их беседы и сказки затрагивают любимые темы любви, истины и справедливости, духовного родства и единения людей: “Мы горели желанием проповедовать и передавать людям этот свет и этот огонь, который осветил и согрел нас”. – пишет Хр. Досев [Досев, с. 83]. Современники описывают увлеченного идеями Л. Толстого Йордана Ковачева – известного болгарского юриста, писателя, общественника, как замечательного оратора: “после покойного профессора Асена Златарова, Ковачев остается единственным у нас писателем и поэтом, который так щедро и вдохновенно раздает неисчислимы богатства своей души. Где только не звучало его чудное вдохновенное слово, такое пламенное и нежное, такое доброе, восторженное, искреннее, убедительное, невыразимо красивое. Когда Ковачев говорит, а он волшебник поэтического слова, тебе кажется, что раскрылись двери небесные и оттуда долетает до ушей как колыбельная песня для души ангельский хор волшебный! С беседами он выступал в городах и селах. Какая прекрасная, огромная энциклопедия знаний и бессмертных мыслей может быть составлена, если записать все его сказки! К сожалению, только малая часть из них записана, а все другое исчезнет в недолговечных следах времени” [Василев, с. 38].

Многосторонней и творческой является работа болгарских последователей Л. Толстого по распространению “чистой и духовной религии”, его “целостного, полного, отвечающего всем поискам разума и души мировоззрения” [История русской литературы 19 в.]: “Чтобы переводить философские и художественные сочинения своего духовного учителя, как и “все лучшие религиозные, философские, нравственные, социальные и художественные произведения авторов всех времен и народов”. (Хр. Досев о задачах толстовского журнала “Възраждане”), [Досев, с. 124], они изучают специально иностранные языки, а некоторые из них являются настоящими полиглотами, пользуясь более чем 3 языками. (проф. Янко Тодоров, Борис Гюджюлев, Йордан Ковачев).

О масштабе переводческой деятельности болгарских последователей Л. Толстого говорят следующие статистические данные: из 128 авторов, представленных только в беллетристическом разделе журнала “Възраждане”, только 21 – болгарские, а больше половины произведений, помещенных в поэтическом разделе того же журнала, принадлежат иностранным авторам. [Георгиев, Ватова, с. 271-272] В книгоиздательстве “Жизнь” Г. Шопова за 14 лет существования выходит 198 книг, большинство из которых в

переводе. В журналах “Новое слово” и “Вегетариански преглед” переводные материалы преобладают [Димитрова 1999, Рупчев 1994].

Хотя переводы представляют серьезным испытанием для умений болгарских толстовцев, они проявляют настоящий талант и языковое мастерство и интерпретируют на болгарский язык различные по жанру и стилю произведения. И не только это. В желании приобщить читателя, они часто “адаптируют” для него переводимое произведение (объясняют реалии, особенные понятия и термины, иногда сокращают целые главы подлинника, что наблюдается, например, при переводе романа “А. Каренина”, повести “Х. Мурат” [Васева 2001], иногда включают текст о своем собственном отношении к произведению или его воздействию). Сава Ничев пишет в введении к одному из своих переводов: “Я был вынужден пробудившимся во мне сознанием искать Бога и следовать тому пути, на котором я сейчас нахожусь” [Рупчев, с. 91].

Именно Сава Ничев своими первыми переводами сочинений Л. Толстого прилагает первые сознательные усилия в распространении его идей в Болгарии. Переводческая деятельность Ничева особенно плодотворна после 1900 г., когда болгарское толстовство пополняется новыми единомышленниками, а сам Ничев начинает издавать журнал “Новое слово”. И до этой даты Ничев переводит сочинения Толстого. Это преимущественно его нравоучительные статьи и сочинения. Среди переведенных Ничевым сочинений можно назвать “Письмо Санкт-Петербургскому комитету грамотности”, “Какова моя жизнь”, “Что надо делать”, “В чем состоит счастье”, “Письмо прапорщику”, “Сегодняшнее рабство”, “Жизнь и учение Иисуса”, “Ответ Синоду”, некоторые из “Народных рассказов” и др. Впоследствии Ничев переводит на болгарский язык все “Народные рассказы” и издает их в отдельных книгах [Рупчев, с. 91].

Сава Ничев развивает очень активную переводческую деятельность – он переводит 32 книги. Кроме с русского, он делает переводы с немецкого и французского. Его переводы Мопассана Г. Шопов издает в книгоиздательстве “Жизнь”. Несмотря на хорошее владение русским языком, Сава Ничев никогда не переводил большие романы Л. Толстого, которые выходят на болгарском языке в 20 годы прошлого века в различных переводах: “Анна Каренина” – в 1921 г. в переводе Г. Шопова, в 1927 г. в переводе Хр. Бонева; “Воскресение” – в 1920 г. в переводе Г. Шопова, 1921 г. – второй перевод романа Г. Шоповым, 1927 г. – в переводе И. Кепова; повести “Кавказский пленник” (1924 г. – перевод Й. Ковачева, 1927 г. – Г. Дочева; “Казачи” – 1920 г. в переводе Г. Константинова, 1928 г. – Н. Чонова) и т.д. [Васева, с. 183] Известны предпочтения Савы Ничева преимущественно к философским сочинениям великого русского мыслителя.

В оценке Добри Юрукова, одного из выдающихся болгарских толстовцев, о качестве издаваемого С. Ничевым журнала “Новое слово” сказано: “Новое слово” предоставило болгарским читателям в добром переводе хорошие статьи и извлечения из сочинений Толстого и других авторов и это то единственное, с чем будет связываться его скромная слава” [Юруков, с. 476].

Большим достижением для болгарских последователей Л. Толстого является перевод на болгарский язык философских сочинений русского писателя, так как в переводе сохранена риторика и внушительная проповедническая сила его слова. Хотя с современных позиций критический взгляд читателя увидит в этих переводах руссизмы и даже целые фразы, калькированные с русского языка, отдельные грамматические или стилистические неточности, в целом эти переводы с русского языка удачны и передают адекватно содержание подлинника, сохраняя его художественную ценность, а язык переводчиков отличается языковым богатством.

Среди болгарских толстовцев-переводчиков особенно талантлив Йордан Ковачев, в творчестве которого перевод достиг высот искусства. Его языковое мастерство в переводе с русского языка (стихов А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Брюсова [15], Ф. Тютчева [Поступальский 1957], А. Надсона), с французского (стихов С. Прюдома), с английского (П. Б. Шелли) получили высокую оценку за границей [Иванова, с. 144].

Духовная близость, общие житейские и творческие принципы становятся для последователей Л. Толстого в Болгарии поводом для оживленной корреспонденции. В государственных и личных архивах сохранилось множество писем, которые они писали друг другу и известным своим современникам [Иванова, с. 418]. Пионеры толстовского движения в Болгарии вели переписку лично с Л. Толстым [Опульский, с. 91]. И в богатом эпистолярном общении болгарские толстовцы предстают как исключительно остроумные, эрудированные и обаятельные личности, владеющие искусством языкового выражения.

Сам Лев Толстой и большая часть его последователей в Болгарии поддерживают идею Л. Заменгоффа об едином мировом языке – эсперанто, в основе которого тоже проступает надежда о мировом единстве и справедливости. Из болгарских толстовцев выдающимся эсперантистом является проф. Янко Тодоров. Ему, как делегату из Болгарии, выпала огромная честь открыть Международный эсперантский конгресс в Нюрнберге, Германия в далеком 1923 г. [Джуджев 1945; Терзиева, Иванова, Иванова, с. 96].

Словесное наследие болгарских последователей Л. Толстого - оригинальное и переводное – факт с большим значением для культуры болгар. Оно расширяет кругозор болгарского читателя в первой половине прошлого века, предоставляя ему произведения, воспитывающие разум и мораль, и обогащает болгарское общество идеями духовного единения, нравственного совершенства и свободы, к которым стремился Л. Н. Толстой и его последователи.

Богатством языковых средств, художественной верностью и искренностью изложения, точностью языкового выражения, болгарские последователи Л. Толстого воспитывают художественный вкус своих читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейчин, Ст. Юначко. С., 1939.
2. Васева, Ив. Л. Н. Толстой. - В: Переводная рецепция европейской литературы в Болгарии. Русская литература. С., 2001.
3. Василев Д. Предтеча новой эпохи. – В: На коленях перед истиной. Памятная библиотека “А. Паскалев”. Хасково, 1994.
4. Георгиев, Л., П. Ватова. Възраждане. - В: Литература и периодика. т.3, БАН, С., 1994.
5. Джуджев, Ст. Эсперантское движение в Болгарии. – В: г. “Народна войска”, 1945, бр. 294.
6. Димитрова, М. Вегетариански преглед. - В: Литература и периодика. т. 5, БАН. С., 1999.
7. Досев, Хр. Колонията на “Възражданци” в България. - В: Сочинения Хр. Досева. Том I. Рассказы и статьи. С. Книгоиздательство “Възраждане” №148, б.г.
8. Иванова Н. Языковые параллели в первых переводах болгарских толстовцев с русского языка. Второй международный симпозиум “Гуманитарные науки 2004. С. 178 – 185.
9. Иванова Н. Йордан Ковачев – переводчик русских поэтов. Ежегодник Университета им. проф. д-ра А. Златарова, т. XXXII, кн. 2. Общественные науки. Бургас, 2003, С. 144 – 150.
10. Иванова Н. Эпистолярное наследие болгарских толстовцев. – В: Сборник с докладами. Научная конференция СУ. Стара Загора, 2004. С. 418 – 425.
11. История русской литературы XIX века. Под редакцией С. М. Петрова, М., 1978.
12. Ковачев, Й. Интервью перед журналистом П. Тихоловым. 1964. /в рукописи/
13. Опульский, А. И. Корреспонденты Толстого в Болгарии. - В: “Язык и литература”, 1964, кн. 3.
14. Поступальский, И. Стихи Ф. Тютчева в болгарском переводе. - В: “Новый мир”, 1957, кн. 12.
15. Поступальский, И. Болгарский поэт Й. Ковачев – переводчик В. Брюсова. - В: Брюсовский сборник. Министерство просвещения РСФСР. СГПИ. Ставрополь, 1974.

16. Рупчев, Г. Ново слово. - В: Периодика и литература., т.3, БАН. С., 1994.
17. Терзиева, М., Н. Иванова. Творчеството на Льва Толстого для детей – распространение в Болгарии /175 лет с рождения писателя/. - В: “Образование”, 2003, кн. 3.
18. Терзиева М., Н. Иванова, Т. Иванова. Поглед върху толстоизма в България. Бургас. Димант. 2005.
19. Шопов, Г. Ст. 1880 – 1932 – 2000. Биобиблиография. ИК”Оборище” – Панагюрище. Клуб культурных деятелей. 2000.
20. Юруков Д. Кратък очерк на толстоизма в България. – Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник. Възраждане, 1908.
21. Edgerton W. The Influence of Lev Tolstoy in Bulgaria. Славистический сборник по поводу X международного конгресса славистов. София. 1988.

М.С. Ковалевич

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ У СЛАВЯН

Ковалевич Мария Степанова
кандидат педагогических наук, доцент,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Брест (Белорусия)
 E-mail: maria_brest@tut.by

В системе народной музыкальной педагогики полный жизненный цикл человека проходил на фоне философии песенного воспитания. Песни сопровождали человека на протяжении всей жизни – от рождения до смерти. С песней шли в поле, с песней возвращались домой после тяжелого трудового дня. Народные педагоги, наши предки, хорошо понимали важное значение детского возраста, и максимально использовали его возможности для закладки фундаментальных основ народных знаний об окружающем мире, роли славянина в нем, причем активной его роли.

Ключевые слова: народная музыкальная педагогика, колыбельные, семейные традиции

В системата на народната музикална педагогика пълния жизнен цикъл на човека преминава на фона на философията на песенното възпитание. Песните съпровождат човека през целия му живот – от раждането му до смъртта. С песен са отивали в полето, с песен са се връщали вкъщи след тежкия трудов ден. Народните педагози, нашите предци, добре са разбирали важното значение на детската възраст, и максимално са използвали нейните възможности за полагане основите на народното знание за заобикалящият ни свят, на ролята на славяните в него, и при това активната му роля.

Ключови думи: народна музикална педагогика, приспивни песни, семейни традиции

In the system of folk music pedagogy, the full life cycle of a person was connected with the philosophy of song education. Songs accompanied people throughout their life – from birth to death. People sang songs when they went to the field, when they came back home after a hard workingday. Folk teachers, our ancestors, were well aware of the importance of childhood, and used its opportunities to form the fundamentals of folk knowledge about the world, and the active role of the Slavic people in it. (“Вучы дзіця, пакуль яно уноперак краваці, а не ўздоўж”, “Да пяці гадоў пястуй як яечка, з сямі – насі як авечку, тады выйдзе на чалавечка”).

Keywords: folk music pedagogy, lullabies, family rituals.

Народная воспитательная система сформировалась на основе его мирозерцания, миропонимания, национального самосознания. Конечная цель народного воспитания – сформировать идеальную или совершенную личность [1]. Человека славянского мира традиционно отличали такие нравственные качества, как почитание старших, уважение к женщине, мужество, храбрость, гостеприимство, щедрость, трудолюбие, коллективизм, чувство собственного достоинства.

Народная педагогика связывает в общую систему различные методы и средства воспитания. Основным, сохранившимся до наших дней, средством традиционного воспитания является народное творчество. Оно всеобъемлюще и многогранно. До наших дней народное творчество донесло идеи и цели традиционного воспитания, воспитания славянина, сильного телом и духом. Это формирование славянского мировоззрения, нравственных привычек, эстетической и духовной культуры человека. Все самое лучшее, что есть в современном русском человеке, украинце или белорусе, в любом славянине, вырастает из этих корней.

Минули тысячелетия, но удивительное дело: народная воспитательная система сохранила свои особенности. И сегодня дети в селах, где лучше сохранились народные традиции воспитания, рано включаются в трудовую деятельность взрослых, причем мальчики – в мужскую, девочки – в женские ее виды и т.п. [5, с. 64].

Особое место в народной культуре занимает *музыкальная культура* как фактор сохранения целостности культурного пространства стран и народов, ценностный ресурс духовно-нравственного воспитания молодежи. Народная музыка – универсальное средство межкультурной коммуникации. Огромен нравственно-гуманистический потенциал народной музыки.

Славянская народная музыка – музыкально-поэтическое творчество славянских народов, неотъемлемая часть народного творчества, передаваемого из поколения в поколение, одна из важнейших составляющих народной духовной культуры славянских народов.

Сравнение древних календарных песен у разных славянских народов приводит к выводу о существовании у них общей музыкальной основы, архетипов, восходящих ко времени праславянского единства. Сравнение календарных песен, записанных в разных областях России, Украины, Белоруссии, позволило выявить общие архетипы, закономерности их построения, ладовой организации, особенности мелодико-ритмических формул [2, с. 13].

Песня глубоко проникала в жизнь человека, сопровождая всю деятельность человека от рождения до смерти. Праздники, труд, события личной жизни человека – всюду присутствовала песня, заполняя труд и досуг, охватывая разные эмоциональные сферы.

В системе народной музыкальной педагогики полный жизненный цикл человека проходил на фоне философии песенного воспитания. Песни сопровождали человека на протяжении всей жизни – от рождения до смерти. С песней шли в поле, с песней возвращались домой после тяжелого трудового дня.

Народные педагоги, наши предки, хорошо понимали важное значение детского возраста, и максимально использовали его возможности для закладки фундаментальных основ народных знаний об окружающем мире, роли славянина в нем, причем активной роли (“Вучы дзіця, пакуль яно упоперак краваци, а не ўздоўж”, “Да пяці гадоў пястуй як ячка, з сямі – пасі як авечку, тады выйдзе на чалавечка” [5, с. 73].

Убаюкивая ребенка, мать беспокоится не только о материальном благополучии, но и о счастливой судьбе ребенка и поет: «*Ой слы дытя бэз павыття, // Покры маты з поля прыйдэ // Да прынысэ тры квіточкы: // Одна будэ дрімлівая, // Друга будэ сонлівая, // А трэця – шчаслівая*» (ФЭАБ; д. Ковердяки Брестского района).

А в д. Мовчадь Барановичского раёна гули, что сели на варотах, рассуждают: // *Каму кашу даці? // Малому дзіцяці // Ці гарошку крошку, // Ці ячменьку жменьку, // Ці пуховую пярэньку, // Ці шчаслівую гадзінку?*

В колыбельных зафиксировано беспокойство народа о здоровье и счастливой судьбе ребенка. На Брестчине, убаюкивая ребенка, желают: *«Ой шчоб спало – шчасця мало, // Да шчоб росло – нэ боліло, // На сэрэдэнько нэ скорбіло. // Ой рісточку ў кісточцы, // Здрав’ячко на сэрэдэчку, // Розум добры в голівоньку, // Сонкы-дрімкы ў вічэнькы»* (ФЭАБ; д. Ковердяки Брестского района).

Религиозный славянский народ большое значение придавал ангелу-хранителю и убаюкивая ребенка, высказывал уверенность в том, что *«И твой Ангел-хранитель // Крылья раскроет белее, чем снег. // Спи, мой малыш, // Твой святой Попечитель // Будет хранить тебя век»* (ФЭАБ; д. Пересудовичи Березовского района).

Часто в колыбельных используются слова «лю-ли», «люшеньки-люли», колыбельку до сих пор называют «люлькой», ребенка – «лялей», «лялечкой», детей «лелеют». Происходят все эти ласковые слова от дочери богини Лады – Лели. Славянская Леля – это Богиня Весны, первых ростков, цветов, юной женственности. Древние славяне считали, именно Леля заботится о едва проклюнувшихся всходах – будущем урожае. Леля, как и Роженица Мать Лада, заботится о домашнем уюте, о материнстве, о малышах.

Заметим, что во всех народных колыбельных песнях ребенка называют по имени. Поэтому любая народная колыбельная песня – это обращение мамы, бабушки к заботливой, оберегающей ребенка богини Лели. *«Люшеньки-люли, // Спи, дитя, усни, // До утренней зари, // До свежей росы. // Ай, люли-люленьки. // Прилетели гуленьки. // Сели гули на кровать // Стали гули ворковать // Стали гули ворковать, // Стал наш Юра засыпать[б]»*.

Или в другой колыбельной поется:

«Баю-баюшки-баю, // Баю, Сашеньку, баю! // Приди котик ночевать, // Мою детоньку качать, // Качать, прибаюкивать // Уж как я тебе, коту, // За работу заплачу: // Дам кусок пирога // И кувшин молока».

Кот у славян – олицетворение вредоносной силы, относится к нижнему миру славянского мироздания, берет на себя вред, направленный на дом и его жильцов, теперь понятно, почему коту доверяют баюкать ребенка.

У детских песнях, специально сложенных народом в воспитательных целях, Кот Баюн песню весело заводит и поучает: *“Хто музыку возьме ў хату, // будзе жыць заўжды багата // Будзе слухаць песні, байкі, есці лусту смачнай сайкі // Мець рамонкавы вянок і трызвоніці ў званок. // Кот зайграе на цымбалах, гаспадар адрэжа сала // Кот смьком працягне вус, аж прыскача заяц-трус // Словам, будзе ў хаце смех, а у ката – ласункаў мех”* (ФЭАБ; д. Новая Мышь Барановичского района).

Мировоззрение древних славян было мифологическим, конкретные явления природы в нем связывались с божествами. Они почитали природу как одухотворенное начало. В их представлениях природа была наполнена духами добрыми и злыми, которых они умилостивляли. Божествам, олицетворявшим силы природы, – воде, солнцу, земле, – приносились жертвы [3, с. 450–451]

А вот всем известная потешка «Ладушки»:

ЛАДУшки, ЛАДУшки, // Где были? – // У Бабушки. // Что ели? – Кашку.

Что пили? – Бражку. // Кашку поели. // Бражку попили. // Полетели, полетели // На головку сели, // Ладушки запели.

Упоминание о Богине ЛАДЕ – Богине лета, любви и красоты, счастливой судьбы и материнства. Вспоминая, что “ЛАДОм”, “ЛАДОй” нежно называли любимого супруга: мужа или жену, возможно, предположить, что ЛАДУшки – это ласковое обращение к людям.

Таким образом, «Где были (люди)?» У своей Бабушки – Прабабы – Земли-Кормилицы. Там они ели и пили, но не простую, а ритуальную еду.

Зерно появляется в результате «союза» всех четырех почитаемых славянами стихий: Ветра, Земли, Огня и Воды. Поэтому *каша*, сладкая (сваренная на меду) каша, заправленная ягодами, являлась древнейшей ритуальной едой. Она несет мощную идею плодородия, победы над смертью, вечного возвращения жизни. Мед – один из символов «живой воды» у самых разных народов, и ягоды также связаны с идеей «неисчислимого» плодородия. *Бражка* – напиток, который пился славянами во время ритуалов и подносился Богам [6].

Вся эта символика «прочитывалась» древними славянами так же легко, как мы читаем книгу. И так же легко эта символика, как и все, что ребенок слышит в самом раннем детстве от мамы, бабушки, откладывается где-то в нашем подсознании. Причем при последних словах ручки ребенка разводят и кладут на голову. Так происходит кодирование ребенка на принятие всех этих важнейших для славян знаний о мире и о правилах (законах) существования славянина в нем.

Народный фольклор – колыбельные, потешки, прибаутки, сказки, песни – это вхождение, тропинка в опыт предыдущих поколений с его глубоким пониманием психологии и физиологии детского возраста, естественных потребностей ребенка, условий его развития.

Во всевозможных колыбельных, потешках, присказках, поговорках, сказках содержатся уроки для их слушателя, психологические и бытовые, заговоры на крепкое здоровье ребенка, его красоту, ум, счастливую судьбу.

Супрядки (посиделки, вечерки) – средство воспитания, которое на Беларуси использовалось повсюду, начиная с конца ноября. После окончания сельскохозяйственной работы женщины и девчата собирались вместе прясть, при этом они пели песни, рассказывали сказки, были, небылицы, загадывали загадки, играли в разные игры. Тут часто происходил выбор жениха и невесты. Для танцев нанимали музыкантов, которые играли целый вечер. Нередко хороводы водили в доме. Танцы запрещались в канун основных праздничных дней на святки. Обычными на посиделках были игры, воспроизводящие свадебный обряд, нередко в пародийном виде [7, с. 196]. Вот пример песни, которая исполнялась на вечерках в Березовском районе Брестчины. “Будзем даўняе ўспаминаць”: “Вось і скончылася восень, // На палях работы ўсе. // Зіма прыйшла да нас у госці, // Заняла правы свае. // Вось Піліпаўка настала, // Ночы доўгія не зжыць. // То на печы, то на ложку // Косці муляеш, ляжыш. // І каб так не турбавацца, // У адзіноце не дурэць, // Мы рашылі пазбірацца, // На вячорках пасядзец. // Мы навіны ўсе раскажам, // Будзем іх мы разбіраць. // І цяперашне абсудзім, // Будзем даўне ўспаминаць. // Вось Уводзіны мінулі, // Увялі святкі ўсе. // Прышоў Юрый наш цудоўны, // Усім палёжку нам нясе. // Часу стала крыху болей, // Каб душою адпачыць. // Ты ўправіш усю скаціну // І ў хаце пасядзіш. // Як міне ўжо Варвара, // Ступы ў хаты валакуць. // Ячмень, проса на Каляды // Апалаюць і таўкуць. // Дзед матае з верацёнаў, // Баба воўну валачэ, // Маладзіца прадзе кужаль, // А сын лапцікі пляце. // Усе працаю заняты, // Каб управіцца гаразд. // Бо да свята дзён не многа // Ужо засталася ў нас” (ФЭАБ; д. Батарэя Березовского района). Право участия в посиделках получали парни и девушки, достигшие брачного возраста и принятые в соответствующую категорию, что связывалось с физической зрелостью и символически подтверждалось сменой одежды.

С культом предков связаны были древние *славянские плачи*, сопровождавшие тризны. В общественно родовом быту славян этот культ играл важную роль, так как давно умерший родоначальник – Род или Рожаница – считались покровителями своего потомства. Вера в загробную жизнь пронизывала весь культ славян и связывалась с верой во всяких духов, населявших природу: леших – лесных божеств, водяных и русалок – речных божеств. Души умерших, по их поверьям, населяли поля, леса и воды. Вся природа казалась древнему человеку одухотворенной и живой, с этим связан антропоморфизм – перенос человеческих качеств на различные явления природы.

Плачи были неотъемлемой частью таких семейных обрядов, как похороны, свадьбы, в древности существовали и коллективные воинские плачи. Плач входил в церемониальный обряд поминовения умерших. Многие образцы плачей по своей поэтичности, удивительной эмоциональной глубине и законченности могут быть признаны подлинными шедеврами народного творчества. Плачевые напевы, как правило, ограничены диапазоном малой терции, реже диапазон расширяется до кварты. Отталкиваясь от реального звучания плача, музыкальные интонации имитируют его характер [2, с. 18].

Исследователи отмечают значительные морально-оздоровительные возможности народных *похоронных голошений*. Были мастера этого дела, которых специально приглашали «голосить» по покойнику. Они так проникновенно пели, что вынуждали человека делать самоанализ своего поведения, помогали ему определить способы морального самосовершенствования. Вот одна с похоронных песен, записанная на Брестчине: «Кажуць людз, што я ўмру// А я хочу жыты.// Скіко жыты на тым світы// То трэба умэраты.// Остается срэбро, злото, дорогіе шаты.// Ох, як цяжко мны іх// На той світ забраты» (ФЭАБ; д. Кобелка Брестского района).

Древнейшей частью складывавшегося постепенно свадебного обряда был *плач невесты*, оплакивавшей разлуку с привольной жизнью в родном доме, с девичеством. Свадебные плачи особенно разнообразны.

Музыкальная культура восточных славян не ограничивалась песенным творчеством. Наряду с ним была распространена и инструментальная музыка, струнная и духовая. Одним из наиболее распространенных инструментов в Древней Руси были гусли. Византийские историки сообщают о трех славянских музыкантах VI в., которые были захвачены в плен по пути в Хазарию. Эти музыканты оказались послами; в руках у них был струнный инструмент, который греки называли кифарой. Ю.В. Келдыш не без основания полагает, что этот факт свидетельствует не только о почетном и привилегированном положении древнеславянских музыкантов, но и о том, что музыкантам доверялось выполнять ответственные дипломатические поручения. «Подобное совмещение функций, – пишет он, – было широко распространено в средние века на западе Европы. В роли послов и парламентаров часто выступали кельтские барды, которые пользовались личной неприкосновенностью и могли свободно входить во вражеский лагерь. В феодальной Руси этот обычай сохранился и позже» [4, с. 12]. Расцвет русской культуры периода Киевской Руси был подготовлен всем предшествующим развитием восточнославянской культуры. Оригинальная, богатая песенная культура восточных славян оказывала постоянное воздействие на светскую народную и церковную музыку последующих времен, на профессиональное творчество русских, белорусских, украинских композиторов. Песня и сегодня продолжает оставаться одним с главных богатств, сохраненным славянскими народами до настоящего времени.

Использование сегодня воспитательных идей, методов и средств народной музыкальной педагогики славян будет способствовать обогащению современной теории и практики воспитания. Культ труда, человеческой мудрости, смекалки, умелых рук, прославление человечности, таланта и красоты – программа воспитания и для современных педагогов и родителей.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арлова, Г.П. Беларуская народная педагогіка/ Г.П. Арлова. – Минск: Народная асвета, 1993. – 120 с.
- 2 Владышевская, Т.Ф. Музыкальная культура древней Руси/ Т.Ф. Владышевская. – М.: Знак, 2006. – 472 с.
- 3 Иванов, В.В. Славянская мифология/ В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 450–451.

- 4 История русской музыки. Вып. 1/ О.Е. Левашева, Ю.В. Келдыш, А.И. Кандинский; Под ред. А.И. Кандинского. – М.: Музыка, 1980. – 595 с.
- 5 Кавалевич, М.С. Педагогіка: Вучэбны дапаможнік / М.С. Кавалевич. – Мазыр: РВФ “Белы вецер”, 2000. – 284 с.
- 6 Карпухина, Н.Ю. Детский фольклор, как средство народной педагогики/ Н.Ю. Карпухина// Славянские чаровницы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://charovnici.narod.ru/slav_312.htm. – Дата доступа: 5.03.2015.
- 7 Узенёва, Е.С. Посиделки/ Е.С. Узенева// Славянские древности: Этнолингвистический словарь/ Под ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 196–200.

М.С. Крутова

БОЛГАРСКИЕ РУКОПИСНЫЕ КНИГИ В СОБРАНИЯХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РГБ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Крутова Марина Семеновна
доктор филологических наук, доцент,
Научно-исследовательский отдел рукописей
Российской государственной библиотеки,
г. Москва (Россия)
 E-mail: mskrutova@yandex.ru

Рукописи болгарского происхождения требуют своего изучения и представляют большой интерес для широкого круга исследователей: филологов, историков, книговедов, богословов и палеографов.

Ключевые слова: *Болгария, Российская государственная библиотека, рукопись, книга.*

Ръкописи с български произход трябва да бъдат изучавани и предизвикват голям интерес сред широк кръг изследователи: филолози, историци, книговеди, богослови и палеографи.

Ключови думи: *България, Руска държавна библиотека, ръкописи, книга.*

The Bulgarian handwritten books are wide enough represented in the collections of the Research Manuscripts' Department of the Russian State Library. As a basis for the Christian religion and ideology were the biblical books, and the writings of the well-known theologians.

Keywords: *handwritten works, book writing, collection.*

Болгарские рукописные книги достаточно широко представлены в собраниях Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Основой для христианского вероучения и мировоззрения являлись библейские книги, а также сочинения наиболее известных богословов. Среди наиболее известных древних славянских рукописей, хранящихся в РГБ, – знаменитый болгарский Охридский Апостол (кон. XII в.), Слѣпченский Апостол (кон. XII в.); «Хиландарский паремийник» (кон. XII - нач. XIII в.). Эти пергаменные рукописи отличаются высоким оформительским мастерством. Так, в Охридском Апостоле привлекают внимание плетеные орнаменты, тератологические и антропоморфные инициалы; в Слѣпченском Апостоле - инициалы тератологического типа; в «Хиландарском паремийнике» - заставки с тератологическими мотивами. Данные рукописи находятся в собрании В.И. Григоровича.

Троице-Сергиева Лавра была одним из крупных центров русского книгописания, выражавшим политические и государственные идеи Москвы. В собрании Троице-Сергиевой Лавры имеются рукописи на болгарском языке (№ 129, 164, 172, 309, частично 744), а также рукописи со смешанным болгарско-русским (№ 175, 687) правописанием. В некоторых сборниках смешанное болгарско-русское (№ 44, 678, 748, 749, 754, 758, 760, 764) или сербско-русское (№ 116, 753) правописание встречается наряду с русским. Интересен сборник слов и поучений из собрания Троице-Сергиевой Лавры № 12, XIII в., в который входят Слова Климента Охридского.

Одним из самых значимых собраний РГБ является собрание московского купца-старообрядца *Егора Егоровича Егорова* (1862-1917). В нем мы находим списки среднеболгарского извода сер. XIV в. (№1), Лествицу Иоанна Лествичника кон. XIV –нач. XV в. сербского извода (№ 380) и др.

В фундаментальном (основном) собрании *Московской духовной академии* имеется немало рукописей с южнославянским и смешанным славянорусским написанием. Древнейшие рукописи этого собрания: Псалтирь толковая болгарского извода ок. сер. XIV в. (№ 18); Беседы Григория Двоеслова с архидиаконом Петром болгарского извода, трет. четв. XIV в. (№ 34); Лествица Иоанна Лествичника, писанная митрополитом Киприаном, болг. извода 1387 г. (№ 152) и др.

В собрании *Оптиной Введенской пустыни*, поступившем в РГБ после ее закрытия в 1923 г., значительную часть составляют рукописи, оставшиеся после знаменитых оптинских старцев – Амвросия, Анатолия, Евфимия, Иоанна, Климента и др. Там находим рукопись на смешанном русском и польском языке (№ 324). В собрании *Общества истории и древностей российских*, поступившем в РГБ в 1930 г. из Московского университета, находим славянской является отрывок Евангелия XIV в. среднеболгарского извода (№ 31).

Памятники житийной литературы представлены в НИОР РГБ списками XIV-XIX вв., среди которых рукописи болгарского извода - житие Онуфрия пустычника (ф.270/II-б, № 50.V); житие Андрея юродивого (ф.256, № 76, XIV в.).

Богословско-учительная литература представлена болгарскими списками XIV-XVIII в.: Исаака Сирина 1389 г. (ф.204, № 462), Григория Двоеслова, XIV в. (ф.173/I, Т 34), Никона Черногорца, XIV в. (ф.98, № 18) и др.

В некоторых рукописях содержится указание на деятельность тех или иных конкретных исторических личностей или деятелей церкви, болгар по происхождению. Например, скорописный текст на греческом языке (собр. Григоровича N 61), датируемый 1330 - 1380 г. представляет собой «Слово о погребении» святого Николая на 6 декабря. Важно отметить, что житие святого Николая находится в одном сборнике с житием Климента, епископа Болгарского, которое было составлено Феофилактом. Очевидно, и сам сборник был составлен в Болгарии. Этот факт заставляет нас задуматься об особенностях средневековых греко-славянских религиозных, политических и культурно-исторических связей, об особенностях взаимоотношений древнеславянских и византийской литератур.

В кратком обзоре нами были представлены лишь наиболее яркие и значимые рукописи, имеющие отношение к Болгарии, но рукописей болгарского происхождения в НИОР намного больше, они требуют своего изучения и представляют большой интерес для широкого круга исследователей: филологов, историков, книговедов, богословов и палеографов.

Е.Л. Кудрявцева
Д.А. Салимова
А.А. Тимофеева

**«РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ» В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ ВЗАИМНОЙ
ИНТЕГРАЦИОННОЙ СОХРАННОСТИ» БИЛИНГВА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Кудрявцева Екатерина Львовна
кандидат педагогических наук,
научный руководитель международной лаборатории
«Инновационные технологии в сфере поликультурного образования»,
ЕИ КФУ – УдГУ – Университет им. С. Баишева,
г. Гюстро (Германия)
E-mail: info@bilingual-online.net

Салимова Дания Абузаровна
доктор филологических наук, профессор
научный консультант международной лаборатории
«Инновационные технологии в сфере поликультурного образования»,
г. Елабуга (Россия)
E-mail: daniya.salimova@mail.ru

Тимофеевна Анастасия Анатольевна
магистр филологии, докторант,
Университет имени Масарика,
г. Брно (Чехия)
E-mail: anastasiatimofeeva@seznam.cz

В мире около 1500 русскоязычных образовательных центров, крайне разнообразных как по своим юридическим формам, так и по структуре. Они редко несут функцию реализации комплексного образования и/ или обучения на русском языке как одном из родных или иностранном. Скорее, их роль можно определить как поддержку «слабого» языка вне аутентичной (неучебной и несемейной) языковой среды с обязательными множественными коммуникативно-речевыми ситуациями и контекстами общения. Мы подготовили полное описание типов таких центров 38 странах мира.

Ключевые слова: *русская школа за рубежом, центр дополнительного образования с русским языком обучения, треугольник взаимной интеграционной сохранности, типология русской школы*

В света около 1500 рускоезични образователни центъра, са крайно разнообразни както по своите юридически форми, така и по структурата си. Те рядко носят функцията на реализация на комплексното образование и/или обучение на руски език като един от роните или чужди езици. По-скоро, тяхната роля може да бъде определена като подкрепа на «слабия» език извън автентичната (неучебна и несемейна) езикова среда с обезателните множествени комуникативно-речеви ситуации и контекст на обичуване. Подготвихме пълно описание на такъв тип центрове в 38 държави по света.

Ключови думи: *руско училище зад граница, център за допълнително образование с рускоезично обучение, триъгълник за запазване на взаимната интеграция, типология на руското училище*

The oldest Russian-speaking educational center in Europe in 2015 will be 25 years old, to the youngest – month. In total only in the territory of 16 federal lands of Germany for the last decades 397 educational initiatives were based (the list acting it is possible to look on the site www.bilingual-online.net). In the world of such centers – about 1500. Everything would be to call them "schools" incorrect because they are the extremely various both in the legal forms, and on structure. The Russian-speaking educational centers in the world extremely seldom bear function of realization of complex education and / or training in Russian as one of native or foreign. More likely, their role can be defined as support of "weak" language out of authentic (not educational and single) the language environment with obligatory multiple communicative and speech situations and contexts of communication.

Keywords: *the Russian school abroad, the center of additional education with training Russian, a triangle of mutual integration safety, typology of the Russian school*

Самому старому русскоязычному образовательному центру в Европе в 2015 году исполнится 25 лет, самому молодому – месяц. Всего же только на территории ФРГ 397 образовательных инициатив (список на сайте www.bilingual-online.net). Детальное научно-практическое освещение юридических, методических и политических аспектов поддержки родных языков мигрантов в 11 странах Евросоюза и создание курса повышения квалификации/ переквалификации для сотрудников образовательных учреждений этих стран, работающих с билингвами, было проведено в рамках Европейского (Леонардо да Винчи) проекта BILUUM (<http://www.phil.uni-greifswald.de/fmz/projekte/bilium.html>). Также оценка ситуации по русскоязычным образовательным центрам за рубежом и возможности их регистрации и поддержки со стороны РФ дается юристом Мстиславом Русаковым (<http://vmeste2010.ucoz.com/forum/10-193-1>).

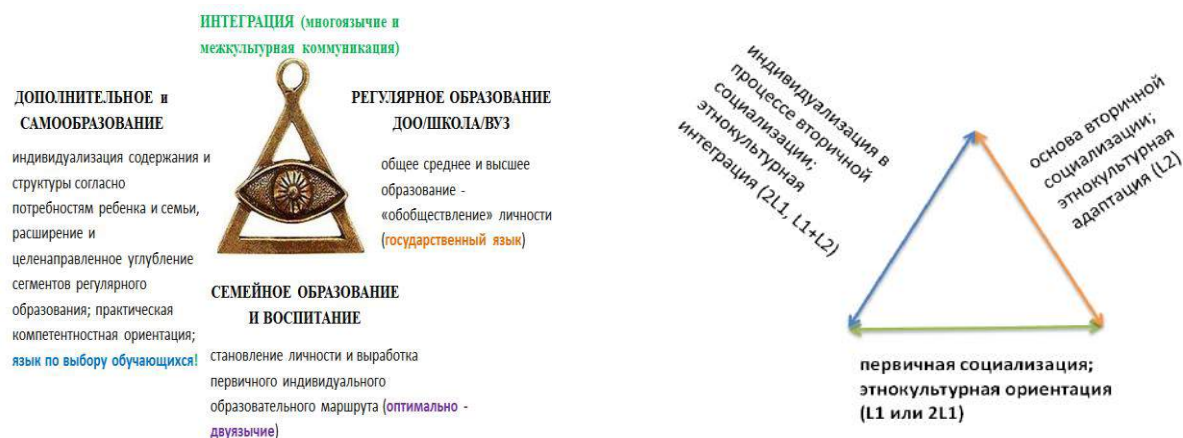
Важность данного типа образовательных организаций заключается, в первую очередь, в существующей у них правовой свободе в выборе языка и программы обучения, - а тем самым в их функции как неотъемлемых составляющих «треугольника взаимной интеграционной сохранности» для общества стран пребывания семей мигрантов и детей-билингвов с и без миграции в истории семьи.

Государственные образовательные учреждения передают часть своих функций негосударственным (общественным, частным/ коммерческим) организациям по причинам: - недостаточное финансирование или нехватка педагогических кадров в государственном секторе, в т.ч. отсутствие специально подготовленных и имеющих опыт самообразования и/или работы в области неформального обучения педагогических кадров (системы тьюторства, наставничества, продленного дня); - невозможность реализации неформального (не ориентированного на административный результат) процесса обучения и самообразования в условиях регулярного образовательного учреждения; - невозможность учета специфики этнолингвокультурной составляющей для би - и полилингвов в рамках единого образовательного регулярного процесса.

Если придерживаться терминологии, принятой в РФ, то наиболее распространенные типы русскоязычных образовательных центров вне РФ – это кружки:

1. Образовательное учреждение - обязательное образование (уголовным кодексом определена ответственность родителей) по утвержденной государством страны регистрации программе и стандартом.
2. Дополнительное образование - не обязательное, с выдачей документа о прохождении программы и сдачей экзамена.
3. Кружки - внеурочная деятельность по интересам без выдачи документа.

Мы же предпочитаем использовать термин «центр дополнительного образования», более соответствующий наименованию русскоязычных организаций в странах их местоположения.

Илл. 1: Треугольник взаимной интеграционной сохранности и его прочтения в контексте системы образования

Что должны учитывать педагоги при работе в подобных центрах:

- компетентностно - и практико-ориентированное образование;
- имплицитное образование, комплексное (многоаспектное, междисциплинарное), основанное на реальных жизненных ситуациях и потребностях личности по их преодолению (язык обучения – язык реальной коммуникации; темы обучения – темы реальной деятельности);
- процесс обучения/ самообразования как основная мотивация в связи с учетом непосредственных потребностей учащихся как основы обучения/ самообразования;
- ориентация на конкретного участника или группу участников, объединившуюся самостоятельно и добровольно с учетом общей исходной базы и интересов.

В чем реально представленная специфика данных центров? Перечислим основные постулаты: крайне редки случаи методически продуманного и обусловленного выявленными при входном тестировании особенностями учащихся (этнолингвистическими, этносоциальными, этнокультурными); редко реализуется деление и целенаправленное обучение групп с учетом особенностей детей как возрастных (личностно-ориентированное обучение), так и компетентностных (иногда даже из-за малокомплектности групп не делается различий между учащимися с РКИ, русским как неродным и как другим родным) (Кудрявцева, Волкова, Якимович 2013; Кудрявцева, Волкова 2014; Кудрявцева, Попова 2012а; 2012б и др.); педагоги могут исходить из своего опыта в изучении и преподавании иных, нежели русский, иностранных языков (в основном, английского) при том, что русский язык объективно сложнее с т.з. грамматики, синтаксиса и семантизации единиц или – русского языка как родного (без учета этнолингвокультурного контекста образовательного процесса). Т.о. русскоязычные центры дополнительного образования в мире – это, в основном, опоры популяризации фольклорного русского (а не этнокультурного дуального, с учетом иной родной культуры) компонента и поддержки русского языка как одного из родных вне России.

Порядок описания «ПОДТИПЫ 4-го ТИПА ШКОЛ (ЦЕНТРОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ) ВНЕ РФ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ»:
1. Тип РШЗ (подтип 4 типа) / руководство; 2. Регистрация в стране местоположения (как самостоятельного юрлица, как подразделения юрлица, без регистрации; коммерческая,

некоммерческая организация, иное); 3. Предметы и преподаватели; 4. Язык(и) и программы обучения; 5. Дни обучения; 6. Примечания (в т.ч. по количеству учащихся).

Примеры описания (**полный список см. на портале <http://bilingual-online.net> в разделе «Методсовет»**):

I. 1. Т.н. «Русская школа» при юрлице - общественной организации (в ФРГ – при e.V.), фактически - центр дополнительного образования без образовательной лицензии; они же - **Образовательные учреждения выходного дня**. Руководит Правление общественной организации.

2. Регистрация юрлица на основании Устава, протокола заседания учредителей как общественной организации с правом ведения просветительской, культурной и др. деятельности (без права на собственно образовательную деятельность); членство на платной основе. В связи с отсутствием образовательной лицензии, компетенции, полученные в такой РШЗ, не фиксируются в документах об образовании страны ПМЖ. Выход – в использовании потенциала Европейского языкового портфеля.

3. Обязательные предметы: русский (РКР для всех типов учащихся или РКИ для всех типов учащихся - реже), литература, математика (не во всех странах, зависит от возраста учащихся и методики обучения в стране); вариативные предметы: иностранный язык, история России, рисование, прикладное искусство, страноведение, музыка. Кружки: театр, шахматы, спорт (городки, гимнастика), танцы. Квалификация преподавателей не стандартизирована: от педагогов по профильным предметам до специалистов непедагогического профиля (математик, физик, филолог, переводчик и пр.) и родителей. Дипломы, как правило, не признаны в стране ПМЖ. Педагоги – на минимальных гонорарах (в ряде стран, как то ФРГ – Aufwandentschädigung, официально до 1200 евро в год, не облагаемых налогом). От 3 до 20 педагогов.

Во Франции: уровень обоих языков зачастую у педагогов отличный (педагоги тоже билингвы, что иногда бывает критерием приема на работу), педагоги имеют рабочие контракты. Т.е. ассоциация является работодателем. Есть и фрилансеры, которые нам предоставляют фактуры. Зарплата в Париже и провинции существенно различается, как и количество рабочих часов.

4. Язык обучения, как правило, русский (многие педагоги не владеют в достаточной степени языком страны пребывания); программы обучения могут быть авторскими (редко), как правило, создаются на основе российских программ с сокращением часов до 40-80 ч. в год по предмету (1-2 ч. в неделю)

5. Как правило, пятница вечером и суббота.

6. Число учащихся зависит от размера диаспоры в городе/поселке, наличия конкурирующих образовательных центров и колеблется от 20 до 200 учащихся.

Важен принцип подсчета учащихся: по числу детей или по числу посещаемых занятий (во втором случае 1 ребенок, посетив 4 разных предмета за 1 день, - фиксируется как 4 единицы; 50 учащихся т.о. фиксируются как 200 и т.д.). Проверка реального числа учащихся возможна только на основании совмещения списков учащихся и финансовой документации организации.

Кроме того, ведется классный журнал, куда каждый педагог обязан вносить сведения о посещаемости и успеваемости учащихся. Годы основания – после 1990 г.

II. 1. РШЗ «кружкового» типа при юрлице – общественной организации (прообразом оных можно считать советские «Дома пионеров» или «Дома культуры»). Руководит на основании Устава Правление общественной организации.

2. Регистрация юрлица на основании Устава, протокола заседания учредителей как общественной организации с правом ведения просветительской, культурной и др. деятельности (без права на собственно образовательную деятельность); членство на платной основе (годовой взнос от 10 до 50 евро в разных странах). Сертификация полученных знаний не является, как правило, целью учреждения.

3. К работе в таких центрах привлекаются не только профессиональные педагоги, но и люди без специального педагогического и вовсе без высшего образования: они ведут кружки ремесла, рукоделия, дизайна, рисования, музыки. Сами же центры предлагают широчайшую палитру услуг - от ухода за детьми (детских садов в ЕС катастрофически не хватает, открыть же настоящий детский сад довольно сложно, вот и изобретаются «Сад мамы», «Сад детства», группа «Малышок» и пр.), курсов английского языка и математики до компьютерных курсов, библиотеки, кинопроката и клубов изобретателей или археологов. Педагоги – на гонорах. От 3 до 20 педагогов.

Во Франции: уровень обоих языков зачастую у педагогов отличный (педагоги тоже билингвы, что иногда бывает критерием приема на работу) , педагоги имеют рабочие контракты.

4. Язык обучения, как правило, русский (многие педагоги не владеют в достаточной степени языком страны пребывания); программы обучения могут быть авторскими (чаще, чем в РШЗ выходного дня), как правило, создаются на основе российских программ с сокращением часов до 40 ч. в год по предмету (1-2 ч. в неделю).

5. Подобные образовательно-развлекательные центры снимают собственные помещения и работают в течение всей недели: здесь предлагаются не уроки, как в субботней школе «от звонка до звонка», а скорее занятия по интересам как для малышей, так и для взрослых.

6. В центрах «кружкового» типа детей и взрослых считают иногда не по головам (подписанным договорам об оказании образовательных услуг), а по «входу-выходу» (человеко-часам) - посетил ребенок 4 занятия в один день - 4 ребенка. Поэтому по статистике в некоторых культурных центрах обучается до 1000 детей, подростков и взрослых, когда их реальное количество равно 100-150. Госструктуры ПМЖ рассматривают субботние школы как конкуренцию регулярному образованию (деньги на то, что итак бесплатно дается госструктурами в ФРГ не выделяются), тогда как учреждения «кружкового» типа по своим Уставам занимают свободную нишу – развития детей и молодежи во внеучебное время. Поэтому центры также охотно организуют всевозможные праздники и летние лагеря.

III. 1. РШЗ «кружкового типа», зарегистрированные как «индивидуальное предпринимательство» учредителя (Япония) или как один из видов дополнительной лицензионной деятельности более крупной фирмы (гостиничного, туристического и др. бизнеса; Турция)

2. Регистрация в стране ПМЖ через регистрацию педагога как индивидуального предпринимателя с правом оказания определенного перечня услуг. Индивидуальный предприниматель - на данный момент, это максимум для школ в Японии в связи с особенностями страновой системы налогообложения и поддержки допобразования. Турецкий вариант: более или менее крупная фирма, специализирующаяся на работе с Россией и русскоязычной диаспорой в стране покупает дополнительную лицензию на ведение образовательной (допобразование) деятельности.

3. Под наименованием «школа» могут скрываться: школа-сад, клуб детского развития, детский развивающий центр для дошкольников, платные курсы русского (русского и английского, русского и местного) языка. На школу 1 или максимум 2-3 педагога (индивидуальные предприниматели или сотрудники фирмы-собственника образовательного центра). Предметы: русский язык, литература, (в некоторых школах английский язык). Преподаватели начальных классов; филологический факультет (РКИ); курсы повышения квалификации

Русский язык обучения (не все педагоги в достаточной мере владеют японским языком).

4. Стандарты РФ в значительном сокращении и модификации, авторские программы. Как правило, занятия 1 раз в неделю, то есть 38 - 76 часов в год. Занятия

проходят в будние дни утром с дошкольниками, во второй половине дня после 4 часов со школьниками. (В Японии дети ходят в школу с 6 лет.)

5. В некоторых школах проводят занятия в будние дни и в субботу.

6. 10-40 учеников, в зависимости от места расположения школы. Чаще всего, школы записаны (не зарегистрированы, без открытия юрлица) как клубы по интересам при районном «доме культуры».

IV. 1. Поликультурный детский центр-школа с русским языком обучения на примерах различных культур страны проживания, постсоветского пространства и русской культуры (ряд образовательных центров в Швейцарии)

2. Регистрация как юрлица в Швейцарии не обязательна до определенного объема финансового оборота. Некоторые центры зарегистрированы как общественные организации, многие не имеют юрлица (что не мешает производить финансовые операции и др.). Педагоги могут иметь статус индивидуального предпринимателя. Большинство центров имеют статус HSK - ради бесплатного помещения, однако программы авторские. За последние 10 лет требования к HSK ужесточились: немецкий B1 как минимум, специальное педобразование обязательное, повышение квалификации тоже. Но все это от кантона к кантону различно. Федерация только рекомендует, а решение принимается на уровне кантонов и городских властей.

3. Преподаватели-предметники с советским/российским образованием и регулярными повышениями квалификации. Набор обязательных предметов: русский язык и творчество, начальное танцевально-музыкальное развитие для всех классов (*преподаватель в силу доп. квалификации совмещает два обязательных предмета*); театральная студия, школа рисования и творчества (дополнительный предмет); игровые (ясельные группы).

4. Существует «Учебный план для курсов родного языка и культуры при начальных школах Швейцарии» (ПВШ Цюрих); программа русскоязычных центров: авторская на основе: стандартов страны ПМЖ, РФ, русскоязычных авторских методик по РКИ/РКН/билингвизм/РКР. Язык обучения: русский.

5. Дни обучения различны: среда после обеда (5 часов), суббота до обеда (5 часов); только выходные дни.

6. Сложности с набором детей в ясельные (игровые) группы (высокая стоимость для родителей в связи с отсутствием господдержки Швейцарии). Кол-во учеников колеблется, в зависимости от города и кол-ва мигрантов – от 20 до 120 учеников.

Как мы видим, единственным объединяющим началом является преподавание русского языка; и то: как родного (для недавних переселенцев, молодых диаспор и детей командировочных); как неродного или другого родного (билингвы, второе и последующие поколения мигрантов, дети с ранним опытом миграции – от 3х-6ти лет, выходцы из бывших республик СССР с нерусским основным языком повседневной коммуникации); как иностранного (часто не только жители стран местонахождения образовательного центра, но и второе и последующие поколения мигрантов). В странах рассеяния присутствует готовность регулярных образовательных учреждений к признанию исключительно документов об уровне владения мигрантами родными языками, поскольку здесь не наблюдается конфликта интересов страновых школ, вузов и центров допобразования, открытых мигрантами [Peters, Koudrjajtseva 2014]. Если правильно подойти к данному вопросу, то проблема лицензирования школ сводится к вопросу повышения квалификации педагогов русского языка (расширению оной, обучении их методикам работы в смешанной аудитории; преподавания РКИ, РКН, РКДР с учетом страновой специфики и т.д.) и введении в программы русскоязычных центров допобразования вне РФ и стран СНГ обязательного и также подлежащего международно

признанному лицензированию (для признания в регулярных школах страны ПМЖ) модуля по развитию межкультурной коммуникативной компетенции учащихся [Koudrjajtseva, Volkova 2014]. А по итогам обучения принимать уровневые тесты не только системы ТРКИ (для носителей русского как иностранного с 16-ти лет самое раннее), но и разработанные с учетом билингвальной составляющей коммуникативной компетенции и онтогенеза тестируемых (тест ЕИ КФУ, с 3-х до 14-ти лет).

Выводы для продвижения русского языка в мировое пространство:

- Центры дообразования могут быть и уже являются опорами для продвижения русского языка как языка образовательного сегмента, проектной деятельности и т.д. Но число данных НКО необходимо увеличивать при поддержке (организационной, информационно-просветительской) со стороны РФ.

- В чем преимущество НКО с образовательным компонентом по сравнению даже с частной школой? – негосударственный сектор, не регулируемые юридическими нормами язык обучения и общения; добровольность участия; широкий спектр услуг, в т.ч. образовательных и культурных.

- Что необходимо для расширения взаимодействия РФ и НКО в странах рассеяния? – Повышение юридической грамотности НКО в связи с международным сотрудничеством и проектной деятельностью; создание и продвижение в НКО с образовательным компонентом в странах СНГ инновационного образовательного контента, отвечающего требованиям международного уровня 21го века.

- Чей опыт может быть использован для трансфера? – опыт национально-русских НКО в странах Дальнего Зарубежья (США, Израиль, Германия, Испания, Италия, Чехия и др.), взаимодействующих с государственными образовательными организациями по принципу «тандема» или «надстройки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Koudrjajtseva E., Volkova T. BILIUM-Bilingualism Upgrade Module (Part II): A comprehensive approach to teaching bilingual children language (non-native and another/second native) in the early childhood educational systems (ECES) of the European Union: A framework for an advanced training programme for pre-school teachers and similar structural units in mainstream schools (pupils from the age of 1.5 years to 5 years) – Riga: RetorikaA, 2014. – 96 pp. - ISBN 978-9984-865-68-3.
2. Peters H., Koudrjajtseva E. BILIUM-Bilingualism Upgrade Module (Part I). – Riga: RetorikaA, 2014. – 96 pp. – ISBN 978-9984-865-57-7.
3. Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В., Якимович Е.А. Обучение русскому языку в билингвальной среде. Методические рекомендации. - М.: ЦСОТ, 2013. – 56 с. - ISBN 978-5-4359-0029-3
4. Кудрявцева, Е.Л., Волкова, Т.В. Комплексный подход к обучению языку (как неродному и другому родному) детей билингвов (в возрасте 1 года –6 лет) в образовательных организациях с этнокультурным компонентом. – Riga: RetorikaA, 2014. – 232 стр. - ISBN 978-9984-865-67-6.
5. Кудрявцева Е.Л., Попова М.В. Русский как один из языков двуязычного ребенка: Методологические и методические аспекты// Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. - № 2 (28). – С. 99-102.
6. Кудрявцева Е., Попова М. и др. Естественный билингвизм и социум: этнокультурные особенности естественных билингвов и их взаимодействие с окружающим монолингвальным миром// Социально-психологическая адаптация мигрантов в мире: Международная научно-практическая конференция 24-25 февраля 2012/ Ред. В. Константинов. – Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2012. – С. 36-50.

С.А. Курасов

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Курасов Сергей Александрович
аспирант кафедры истории России,
Владимирский государственный университет,
г. Владимир (Россия)
E-mail: kurasov-serg@mail.ru*

В работе рассматриваются отражение идеи университета и академической культуры в повседневной жизни институтов народного образования (1919-1921) и обосновываются причины сохранения дореволюционных традиций в советской высшей школе.

Ключевые слова: *идея университета, академическая культура, институты народного образования.*

В тази статия е разгледано по какъв начин се отразяват идеите за университета и академичната култура в ежедневието, институциите за народна просвета (1919-1921) и обосновават се причините за опазването на дореволюционните традиции в съветското висше образование.

Ключови думи: *идеята за университет, академична култура, институции на народната просвета.*

The paper deals with the reflection of the University idea and academic culture in the everyday life of Institutes of public Education (1919-1921) and the reasons to preserve many pre-revolutionary traditions in the Soviet higher education

Keywords: *the University idea, academic culture, the Institut of public Education.*

В основе высшей школы как своеобразном феномене культуры лежат понятия об идее университета и академической культуре. Нормы и ценности образовательной и научной деятельности университета стали складываться еще в Средневековье с появлением первых учебных заведений такого рода. Однако классическая идея университета связывается с моделью Берлинского университета, предложенной В. Гумбольдтом в начале XIX века.

В центре этой модели лежит новое понимание науки: не как суммы готовых застывших знаний, а как процесса бесконечного поиска и приближения к истине, «того, что еще не вполне найдено и что никогда не может быть найдено до конца, но что именно поэтому следует неустанно искать» [Андреев, с. 159]. Поэтому основополагающий принцип Берлинского университета – это единство науки и преподавания в сочетании с различными академическими свободами. Именно эти идеи оказали непосредственное влияние на науку. Однако они не стали монополией в этой сфере. Свидетельством этому служат идеи Джона Ньюмена: «университет – это место преподавания универсального знания. Это значит, с одной стороны, что цель его – интеллектуальная, не духовная, с другой стороны, она заключается именно в распространении и продвижении знаний, а не в прибавлении его» [Ньюмен, с. 10]. Эти идеи католического университета не получили широкого распространения.

В отечественной высшей школе, которая развивалась с XVIII столетия, с приходом к власти большевиков в 1917 году происходят перемены. Однако перечеркнуть все достижения системы высшего образования в одночасье невозможно, хотя попытки осуществлялись с введением институтов народного образования (ИНО). Поэтому первые

годы советской власти в истории высшей школы имеют особое значение. И цель настоящей статьи – проследить элементы традиционных идеи университета и академической культуры в ИНО – одном из первых экспериментов в советской высшей педагогической школе.

К сожалению, исследователи стараются обойти стороной историю ИНО. Среди всех работ советского периода стоит выделить труд К.И. Васильева, в котором достаточно хорошо рассмотрен один из этапов педагогического образования в Советской России [Васильев]. Отдельные аспекты содержания высшей педагогической школы 1918-1924 гг. проанализировала Г.М. Климова [Климова]. В постсоветской историографии предметом исследования также выступали особенности подготовки учителей в ИНО [Платонова]. Региональные исследования в ИНО видят этап эволюции конкретного вуза, только немногие [Кочурина; Петровичева] расширяют проблему, обращаясь к более детальному рассмотрению деятельности и повседневной жизни ИНО в условиях гражданской войны и политики «военного коммунизма».

Идея создания институтов возникла в условиях кризиса системы педагогического образования: после революции 1917 года существовали педагогические и учительские институты, высшие педагогические курсы, учительских семинарии, кроме того открывались краткосрочные педагогические курсы пониженного типа. На местах отсутствовали представления о подготовке «нового» учителя для Единой Трудовой Школы (ЕТШ). К тому же старая интеллигенция не всегда придерживалась нововведений, а новая научно-педагогическая интеллигенция еще не заняла ведущих позиций. В таких условиях унификация педагогического образования была крайне необходимой. Весной 1919 года был предложен проект нового типа учебных заведений, состоящих из пяти отделений: дошкольного, двух школьных (для первой и второй ступеней ЕТШ), внешкольного, трудового. [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 10. Д. 119. Л. 347]:

Организация ИНО прошла по той модели взаимодействия власти и общества, которая была характерна для провинциальных городов, где высшее образование не имело традиций. Новые вузы (Владимирский, Восточный, Вотский, Новгородский, Омский и другие ИНО) закладывали уникальную основу, позволившую активно развивать высшую школу во второй половине XX столетия. Стоит заметить, что начальный период стал определяющим в складывании повседневности, и особо значимый вклад внесли бывшие выпускники различных университетов еще царской России. В новых условиях они выступали хранителями социально значимых традиций и самого института высшего образования. Здесь стоит усматривать тот связующий элемент, который способствовал преемственности основ высшей школы между вузами дореволюционной России и зарождавшейся советской системой высшего образования.

Идея университета проявилась в учебном плане институтов. Стоит оговориться, что классическая модель университета предполагает самостоятельность учреждений в определении изучаемых дисциплин. В российской истории политическое развитие в отдельные периоды накладывало свой отпечаток на эту сферу.

Годы становления молодого советского государства центральные давали рекомендации, а Советы ИНО вырабатывали свою концепцию обучения с учетом местных особенностей. Если учесть, что не было учебной литературы, и тем более остро стояла проблема с педагогическими кадрами, то понятно такое решение авторов реформы высшей школы: делалась ставка на местную интеллигенцию, чей опыт позволил позже сформировать общие требования к подготовке специалистов. К тому же университеты со свобододлюбивым студенчеством категорически не отвергались социалистической идеологией.

Анализ предметов Владимирского ИНО показывает, что многие предметы должны были способствовать расширению представлений «нового» учителя о мире. Критикуя учебный план Воронежского ИНО, К.И. Васильев заметил: «Трудно оправдать какими бы то ни было соображениями тот конгломерат предметов (их даже нельзя назвать научными

дисциплинами), который приведен в этом учебном плане для всех отделений» [Васильев, с. 44]. Эта мысль, на наш взгляд, не совсем обоснована.

Институты находились в своеобразных тисках. С одной стороны, историческая ситуация требовала адаптации образовательного процесса к новым задачам и условиям. К тому же основными принципами и требованиями к выпускникам педагогических вузов были научное мирозерцание, понимание переживаемого исторического момента и задач строительства страны во всех областях [Основы строительства, с. 82]. Идеология начала свое проникновение в образование, которое формирует общественные ценности. С другой стороны, у высшей школы имелся богатый опыт и свои традиции. Очевидно, что энциклопедичность отражала идею университета. «Университет, как идея, как идеал целокупного, всеобщего, единого знания выражает неутолимую духовную жажду, могучую потребность всякого сознательного человека», - говорил Сергей Булгаков в лекции «Под знаменем университета». [Булгаков, с. 453] В основе лежит понятие *universitas litterarum* – совокупность не знаний, а знания как такового, и не наук, но науки. При этом С. Булгаков видел главным условием развития этой системы природу сознательного человека с ее потребностями к обладанию целостного представления о мире. Революционный дух времени отражает раскол в общественном сознании, в ценностной сфере населения. Для целостного представления о мире были необходимы разъяснения ситуации и новых идей, что непосредственно отразилось в учебном плане.

Программы также составлялись на местах с учетом методов преподавания, которые определяли ежедневную, повторяемую форму занятий. Традиционной были лекционная форма занятий, хотя Вятский ИНО сделал упор на студийный метод работы, т.е. самостоятельную работу студентов под руководством опытных преподавателей, что полностью соответствует представлениям В. Гумбольдта. Ярославский ИНО 4-й курс обучения посвящал практике. Во Владимирском ИНО уже с первого года обучения студенты выходили на практику в опытную школу. Этот же институт, как и Пензенский, комплексно подходил к новшествам в методике преподавания, сохраняя лекции и проводя семинарские и студийные занятия, уделяя большое внимание экскурсиям. Студенты Кубанского ИНО погружались в психологию: там даже создали психологический кабинет. Стоит отметить важную роль таких кабинетов и лабораторий в обучении будущих педагогов. С их помощью осуществлялась связь теории с практикой, а также рождалась наука. Нельзя упускать из виду, что высшая школа по своей природе выступает двигателем научного знания, и ИНО в этом плане не был исключением: во все времена деятельность научно-педагогической интеллигенции направлена на сохранение и приумножение теоретических знаний и методов их практического применения, а также передачу студентам научных и духовных ценностей [Подробнее: Будник].

Из обзора преподаваемых дисциплин и методов работы следует, что учебный процесс в советской стране был построен несколько иначе, чем в дореволюционных университетах: на смену совместного поиску истины преподавателем и студентом пришла практическая работа. Наряду с традиционными лекциями и семинарами в повседневной практике вузов использовались экскурсии, конференции, практики, трудовое обучение и воспитание и т.п. Главная цель виделась в подготовке «нового» специалиста для молодой страны Советов, поэтому учебная повседневность отражала именно эту идею: новые предметы и новые подходы в обучении. К тому же эти изменения способствовали расширению социальной среды вуза, обогащали жизненный опыт, как студентов, так и преподавателей. Все это непосредственно отражалось в той активности, которая также характеризует обыденную жизнь. Студенты и преподаватели были деятельными участниками губернских съездов по просвещению, организаторами педагогических курсов, они проводили значительную культурно-массовую работу, что было свидетельством практико-ориентированного обучения в высшей школе.

Одной из отличительных черт академической культуры является корпоративность, корни которой уходят в Средние века. Традиционное понимание средневекового

университета связывается с корпорацией преподавателей и учеников. Иногда встречается такая формулировка *Universitas magistrorum et scholarium*, т.е. объединение учителей и учеников. Герман Гемгольц в своей речи при вступлении в должность ректора Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине утверждал, что истоком были свободные объединения учеников вокруг знаменитых учителей. Особенностью этих объединений стало самостоятельное определение своей жизни [Гемгольц]. Старшекурсники помогали студентам младших курсов: они приобщали их к уже сложившимся традициям, разъясняли особенности учебы, раскрывая некоторые секреты своего успеха. Революционная студенческая среда ничем не отличалась от средневековых *scholarium*. Однако они значительно уступают корпоративности научно-педагогической интеллигенции.

В повседневной жизни случались столкновения «старой» интеллигенции, сохранявшей свои сущностные черты коррелирующие с академической культурой, и новым студенчеством, стремившимся построить иной мир. В пересмотре привычных практик, устоявшихся столетиями, как например, лекция [Подробнее: Курасов], преподаватели выступали хранителями основ этого уклада жизни. Причем все понимали, что новое поколение необходимо приобщать к академической культуре и показать, что такое институтское братство и его достоинства.

Здесь необходимо заметить, что ИНО в начале 20-х гг. XX в. строились на принципах академических свобод и своеобразного самоуправления, поэтому устойчивые дореволюционных университетов и институтов преобладали в провинциальных вузах. Однако уже в эпоху пролетаризации вузов государство стремилось полностью подчинить себе вузы в идеологическом плане, навязывая модели поведения в повседневной жизни вуза. Только благодаря научно-педагогической интеллигенции, свято отстаивавшей принципы высшей школы, до сих пор сохраняются основы классической академической культуры, не имеющей временных границ.

Причины ликвидации ИНО в 1921 году стоит рассматривать через призму гражданской войны и эпохи становления новой власти. В этом случае переоценка культурных сил страны авторами реформы очевидна, т.к. часть интеллигенции не приняла новой идеологии и отказалась сотрудничать с большевиками. Кроме того, пересмотр старых основ высшей школы и прежней подготовки преподавателей требовало кардинального обновления всей системы народного образования и зарождения «новой» интеллигенции. Эти процессы нельзя форсировать, поэтому двухлетнее существование ИНО не могло дать значительных результатов в этой области, тем более, их основа зиждилась на академической культуре и идеи университета. К тому же студенчество, получившее среднее образование до революции, не было готово к новым требованиям. Для создания нового типа учебных заведений высшего педагогического образования был необходим переходный период, который не предусмотрели составители проекта реформы. Такая же самонадеянность привела к поспешной ликвидации институтов в то время, когда им требовался переходный период для организации своей жизнедеятельности.

Таким образом, первый советский эксперимент в области высшего образования под названием институты народного образования имели тесную связь с классическими представлениями о высшей школе. Идеи университета проявлялись в учебной повседневности ИНО, а принципы академической культуры лежали в основе многих моделей повседневного поведения как научно-педагогической интеллигенции, так и студенчества. Сохранение этих традиций высшей школы в переломную эпоху отечественной истории свидетельствует о вузах как феномене европейской и мировой культуры.

**Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания Владимирскому ГУ № 2015/13 на выполнение работ в сфере научной деятельности.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие. Часть 1// Высшее образование в России. – 2005. -№ 1. – С. 156-169.
2. Будник Г.А. Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации 1945-1991. – Иваново, 2009. – 216 с.
3. Булгаков С. Под знаменем университета// Вопросы философии и психологии. М., 1906. Год XVII, кн. V (85). – С. 453-468.
4. Васильев К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918-1932 годы). – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, - 1966. – 296 с.
5. Государственный Архив РФ (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 10. Д. 119. Л. 347.
6. Гемгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах. [электронный ресурс] Речь при вступлении в должность ректора Университета Фридриха-Вильгельма. Берлин, 15 октября 1877 года// Отечественные записки. – 2003. - № 16 (15). URL: <http://www.strana-oz.ru/?article=726&numid=15> (дата обращения 29 марта 2015)
7. Климова Г.М. Содержание и методы общепедагогической подготовки учителя в период становления системы педагогического образования в РСФСР (1918-1924 гг.) // Вопросы общепедагогической подготовки будущих учителей. Сб. ст./ Под ред. А.И. Пискунова. – М., 1972. – С. 123-135.
8. Кочурина С.А. Омский институт народного образования: частная история одной реформы педагогического образования (1920-1921) [Электронный ресурс]// Материалы заочной научно-практической конференции «Проблемы развития педагогики и психологии». 24 октября 2011 URL:[http://sibac.info/files/2011_10_24_Pedagogy%20and%20Psychology/1.1_Kochurina%20\(3\).doc](http://sibac.info/files/2011_10_24_Pedagogy%20and%20Psychology/1.1_Kochurina%20(3).doc)
9. Ньюмен Дж. Г. Идея университета/ Пер. с англ. С.В. Бенедиктова; под общ. ред. М.А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2006. – 208 с.
10. Основы строительства педагогического образования (Тезисы к докладу Калашникова) // Вестник Просвещения ТНКП. 1924. № 2-3. С. 82.
11. Петровичева Е.М. Из истории становления высшего педагогического образования во Владимире // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Научно-методический журнал. Вып. 21. – Владимир, 2009. – С. 2

Д.Ж. Маркович

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Маркович Данило Ж.
д.с.н., профессор,
Сербская академия образования,
г. Белград (Сербия)
E-mail: dacamarkovic@yahoo.com

В работе рассматривается вопрос возникновения уникальной славянской культуры и основные парадигмы ее развития в условиях глобализации и формирования общества знаний, как глобального общества. В этом контексте осмысливается вопрос сохранения окружающей среды и достойного развития человека.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, развитие, достоинство.*

В статията се разглежда въпросът за възникването на уникална славянска култура и основните парадигми на нейното развитие в условия на глобализация и формиране на общество на знанието като глобално общество. В този контекст се осмисля въпроса за запазване на околната среда и достойното развитие на човека.

Ключови думи: култура, цивилизация, развитие, достойнство.

This paper discusses the issue of the origins of a unique Slavic culture and its basic paradigms of development in times of globalization and knowledge society as a global society. In this context, the author reflects on the importance of environmental protection and the development of man in his dignity.

Keywords: culture, civilization, development, dignity.

1. Основные парадигмы развития славянской культуры в Европе в современных условиях должны быть осмыслены с нескольких позиций. Во-первых, с позиции концептуального определения культуры как совокупности опыта, приобретенного человеком в процессе его творческого развития, и комплекса материальных и духовных ценностей, основным назначением которых является обеспечение существования человека [Кулић, с. 149] и их взаимосвязи с понятиями возвышенности, гуманности, свободы и богатства творческого духа [Соколов, с. 21]. Во-вторых, с позиции разнообразия культур, как отражения многообразия человеческих ценностей, их осмысления и проявления в различных видах человеческого творчества; В-третьих, с позиции отдельных культур как основного субстрата различных цивилизаций и многообразия их взаимоотношений. В-четвертых, с позиции возможностей и потребностей человека исследовать свое духовное и материальное творчество. В-пятых, с позиции достигнутого уровня познавательных и технико-технологических возможностей человека своими решениями оказывать влияние на направление и движение цивилизационных изменений не только на локальном (в рамках отдельных, относительно закрытых, форм постоянного общества), но и на глобальном уровне.

Цивилизация, основной субстрат которой составляет культура, охватывает совокупность открытий и изобретений человечества, отражающих все многообразие существующих идей и технических процедур, степень совершенства науки, искусства и производственной техники, степень развитости семейных отношений, социального устройства и социальных институтов, состояние личной и общественной жизни, рассмотренных в их единстве [Бабурин, с. 258-259].

Подобное определение цивилизации, основным субстратом которой является культура, как результат человеческого творчества, обуславливает и существование множества цивилизаций, порожденное уникальностью человека как творца культуры. Изучение истории человеческой цивилизации показывает, что эволюция цивилизации состоит из содержания человеческой истории, а эволюция цивилизации неотделима от ее носителя как творца культуры и ее особенностей. Творческая деятельность человека и ее результаты неотделимы не только от его особенностей как творца, но и от эволюции его становления, точно также как творец неотделим от своего тела. Подобная взаимосвязь тела и его творческой деятельности обусловлена эволюцией человека, в которой его тело путем сложнейших механизмов взаимосвязано с космофизической, биогенетической и социально-культурной эволюцией, обуславливая его самобытность – уникальность. Таким образом, на основании его уникальности, биологической идентичности и способности к развитию формируется и культурная идентичность и идентичность общественных групп, в которых человек проявляет свои творческие способности и черты своей материальной и духовной самобытности [Мажор, 1991, с. 128-129]. Таким образом, можно сказать, что аутентичная идентичность любого человека базируется на его уникальности и творческих

способностях, которая, в свою очередь, составляет основу идентичности проявления всех его форм – его социальности.

Между тем, уникальный человек (на котором зиждется его подлинная идентичность и способность как творца определенной культуры) существует и проявляет свое творчество, действуя и в рамках определенных общественных групп, детерминирующих аутентичность его идентичности и его творчества, которые также следует рассматривать с учетом их влияния на развитие цивилизации. В этом смысле, размышляя об уникальных цивилизациях, следует иметь в виду все многообразие их взаимоотношений и пассионарную теорию этногенеза, наиболее известным представителем которой является Лев Николаевич Гумилев (1912-1992), в соответствии с которой возникновение определенного народа есть локальный вариант внутреннего формирования, обусловленного взаимодействием исторического и ландшафтного факторов. Как элементы природы, этносы входят в состав динамических систем, в которых, кроме них, находятся и материальные блага, животные, растения, природные и искусственные образования, пространство культуры. Это аналогично биоценозу этноценоза. В соответствии с данной теорией, этничность является естественной особенностью человека и потому этническая принадлежность воспринимается как природное явление. Поскольку под влиянием неповторимого сочетания факторов природной среды формируются определенные этносы, с присущими им духовностью и обычаями. Горы, скалы, реки, озера и леса оказывают на формирование этноса ничуть не меньшее влияние, чем их религиозность. Именно поэтому изучение определенного этноса требует учета всех факторов, обусловивших его появление [Ивахнюк, с. 69-70].

2. Размышляя о цивилизации и ее своеобразном творце – человеке, являющемся результатом антропологического эволюционного развития, в процессе которого сформировалась его уникальность и особенная способность к творчеству и была создана возможность для возникновения на различных стадиях развития человеческого общества множества цивилизаций, с ознаменовавшими их конфликтами [Марковић, 2006, с. 3], Арнольд Тойнби (1889-1975), один из известнейших исследователей цивилизации [Тойнби], в числе выживших десяти цивилизаций из свыше двадцати выделенных им, называет и цивилизацию православного христианства в России [Тойнби, с. 237-238].

Если исходить из того, что уникальные цивилизации отличались своими культурами и характерными для них религиями, являющимися, если и не основными субстратами, то во всяком случае основными индикаторами их различий, становится понятным, что отдельные народы, сформировавшиеся в определенной природной среде (даже когда она и претерпевала изменения), как демографическая масса, рассматривались как целостное образование, тогда и их культура, вместе с религией као ее важным фактором, развивалась вместе с этими народами, которые оставались верными ей, сохраняя и развивая ее как индикатор своей особенности в рамках определенного географического пространства, несмотря на происходящие в ландшафте изменения. А.Тойнби, относя к современным цивилизациям и православное христианство, с ответвлением православного христианства в России, имплицитно указывает на имеющиеся различия в рамках христианства и на существование ответвления православного христианства в России, как особого образования в рамках православного христианства, как уникальной цивилизации. Таким образом, открывается познавательное пространство для осмысления русской культуры с позиции православия. Основными факторами этой, формировавшейся на протяжении многих столетий, культуры являются неизменный ландшафтный фактор, который претерпевал определенные пространственно-географические изменения, не затрагивающие в значительной степени его содержание и христианизация населения (его православного варианта). Взаимосвязь этих факторов обусловили особенности духовной культуры, стиль жизни, формы организации, ценности и правила поведения.

В течение многовекового существования русской культуры, ее развитие происходило в условиях зарождения множества наций, в принципе ее принимавших и

способствовавших ее развитию, хотя на протяжении длительного времени ее существованию было и сопротивление национальных культур русской, но это не являлось общей тенденцией, в то время как существовала тенденция развития национальных культур православного населения, больше опирающаяся на развитие русской культуры, как в духовном, так и в материальном плане, и на формирование системы ценностей и правил поведения [Голенкова, с. 23, 41-88, 167-208, 277-315]. Точно также, и во время столкновений, до которых доходило как среди христианского населения других ориентаций, так и среди представителей православной ориентации, национальные культуры, в защите их самобытности, имели помощь русской культуры.

В отдельные периоды развития человечества существовали различные уникальные цивилизации, которые появлялись и исчезали. А. Тойнби, анализируя их возникновение и исчезновение считает, что конечной причиной исчезновения отдельных уникальных цивилизаций явилась недостаточность творческой силы меньшинства и множество внутренних противоречий, обусловивших потерю цивилизацией способности самоопределения [Тойнби, с. 289-299]. И на современном этапе развития общества существует множество уникальных цивилизаций, границы которых детерминированы влиянием больших государств, приводящим к созданию стабильных, больших пространств родственных народов и государств [Зюганов, с.27]; эти большие пространства обозначаются как различные большие цивилизации (нпр. Восточная и Западная цивилизация [Гивишвили, с. 1147-1149]. Среди представителей различных цивилизаций в процессе их соприкосновений происходит не только сотрудничество, но и столкновение людей, принадлежащих к одной и той же или к различным уникальным цивилизациям. Конфликты между государствами и группами, принадлежащими к различным цивилизациям, несут с собой эскалирующий потенциал, ибо другие государства и группы из этих цивилизаций могут объединяться для оказания поддержки „родственным странам“. В этом смысле, как будто указывается на то, что все чаще будут иметь место конфликты между главными культурными группами в мире, т.е. уникальными цивилизациями: западной, исламской, конфуцианской, японской, индийской и т.д. [Фукуяма с. 15].

3. Взаимоотношения между уникальными цивилизациями, а значит и между их культурами, оказывающими на них определяющее влияние, претерпевали изменения и их содержание отражало основные достижения, определяющие развитие их культур. В начале истории человечества существовало относительно небольшое количество уникальных культур и определяемых ими цивилизаций. Развитие взаимоотношений между уникальными культурами и цивилизациями было обусловлено многообразием демографических и географических особенностей развития самого человечества. Между тем, с прогрессом человеческого общества эти факторы были подвергнуты серьезным изменениям, что касалось и взаимоотношений между уникальными культурами и цивилизациями. В начале отношения между уникальными цивилизациями определялись их столкновениями, связанными с распределением и использованием природного пространства, биологических рамок их существования. Но с развитием человеческого общества и культуры возросла мобильность объединений людей и частота их соприкосновений и конфликтов. На современном этапе развития человеческого общества существует множество уникальных цивилизаций и, соответственно, конфликтов между ними, проявляющихся прежде всего в столкновениях различных культур, которые могут поставить под угрозу и окружающую среду, как биологические рамки существования человечества [Марковић, 2002, с. 13-20].

В современном обществе существует множество уникальных цивилизаций с присущими им различными культурами как *differentia specifica* не только их проявления, но и столкновения. Однако то, что представляет собой общие рамки для всех этих культур это глобальное общество, возникшее в результате процесса глобализации в рамках общего биологического пространства – окружающей среды и интенсивное развитие науки, как

основного ресурса общественного развития, как на глобальном, так и на уровне индивидуального развития человека, в смысле всестороннего развития его личности, требующего и предполагающего ступень развития *глобального общества как общества знаний*. Развитие любой (уникальной) культуры, в том числе и русской, выражается (вернее должно выражаться) в способности и создании возможностей для сохранения окружающей среды и реализации творческих способностей человека и его достоинства [Марковић, 2003, с. 35-43]. Такое развитие культуры, базирующееся на процессах интенсификации науки, сопровождается и различного рода противоречиями в ее элементах и областях изучения, влияющими на взаимоотношения уникальных цивилизаций: конфликты или сотрудничество между ними [Ковачевић].

В контексте подобного подхода должны быть осмыслены и проблемы развития славянской культуры, как с позиции ее отношения к другим уникальным культурам (и их группам, нпр. западной культуре), так и с позиции взаимоотношений ее отдельных граней (нпр. сербская – русская; болгарская – русская), учитывая тот факт, что западная культура (как и некоторые другие), не имея возможности оспорить или подавить славянскую культуру как цельное образование, делает это оспаривая и подавляя элементы отдельных славянских культур (язык, письменность, систему ценностей) и ставя под угрозу идентичность ее общностей (особенно национальность и государство). Поэтому представители каждой грани славянской культуры должны дать отпор подобным поползновениям и защитить славянскую культуру как основной родовой фактор своей самобытности: идентичности и целовитости. А успех этой защиты зависит от сотрудничества отдельных граней славянской культуры, направляемого на развитие творческого духовного, материального и инновационного потенциала. В этих целях недостаточно просто указывать и размышлять о необходимости подобного сотрудничества (на всех уровнях, вплоть до академического сотрудничества), следует поддерживать и поощрять его формы с более широких цивилизационных позиций. В качестве примера можно привести успешное сотрудничество Экономического факультета Нишского университета по проблемам демографической мобильности и развитию сотрудничества с академическим обществом Болгарии, осуществляемое посредством включения в него нескольких десятков научных работников, написавших свыше ста научных работ, авторы которых известные и признанные сербские университетские профессора: Зоран Аранджелович, Борко Крстич, Живорад Глигориевич и Тадия Джукич. В развитие этого сотрудничества внес свой вклад и автор настоящей статьи, принимая участие в работе многих научных болгарско-сербских конференций и разрабатывая вопросы специфики организации рабочих групп, как элементов национальных граней славянской культуры и форм их включения в современную славянскую культуру. Научное сотрудничество между гранями славянской культуры, осуществляемое в различных формах, это не только вклад в сохранение и развитие уникальных культур и цивилизаций, но и отражение той роли, которую играет наука в распространении и использовании знаний [Мајор, 1996, с. 60]. Таким образом, наука является соединительной тканью не только уникальных культур и цивилизаций, но и культур и цивилизаций в их совокупности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабурин С. Свет империја: територија државе и светски поредак. Београд: Прессинг, 2009.
2. Гивишвили Г.В. Цивилизација // Глобалистика: Энциклопедия. - М.: ЦНПП "Диалог"; ОАО изд-во "Радуга", Москва, 2003.
3. Голенкова З.Т., Нарбут Н.П. Историја социолошке мисли у земљама централне и источне Европе, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2015.
4. Зјуганов Г. Руска геополитика, Београд: Култура, 1999.

5. Ивахнюк И.В. Гумилев Лев Николаевич (1912-1992) Глобалистика. Персоналии, организации, издания: энцикл. справ. Москва: Альфа-М., 2012.
6. Ковачевић З.Л. Сусрет и сукоби наука, Нови Сад: Академска књига, 2015.
7. Кулић Рајко, Коковић Драган. Социологија и социологија спорта, Универзитет у Новом Саду, 2012.
8. Мајор Ф. Сутра је увек касно Београд: Југословенска ревија, 1991.
9. Мајор Ф. Сећања на будућност, Београд: републички завод за међународну научну, техничку просветну и културну сарадњу и Завод за уџбенике и наставна средства, 1996.
10. Марковић Д.Ж. Развој и крај цивилизације. Ниш: „Народне новине“, прилог „Наука, уметност, култура“, бр.19 и 20 /2006.
11. Марковић Д.Ж. Глобализација и опасност глобалне еколошке кризе, Ниш: „Теме“, 3/2002.
12. Марковић Д.Ж. Актуелност заштите животне средине и достојанства човека у условима глобализације, Ниш: „Економске теме“, 2/2003.
13. Соколов Е.В. Култура и личност, Београд: Просвета, 1976.
14. Тојнби А. A study of History. Т.1-12. преведена на српском као „Истраживање историје“, I и II, Београд: Просвета, 1970.

Е.И. Меснянкина

ГАЗЕТНИЙ КАЛАМБУР НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ, КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

*Меснянкина Елена Игоревна
Аспирант.*

*Софийский Университет имени Святого Климента Охридского,
г. София (Болгария)*

E-mail: e_mesnyankina@abv.bg

Статья посвящена газетному каламбуру в контексте современного состояния российской и болгарской прессы. Показано, как каламбур в текстах печатных СМИ подложен влиянию большинства процессов, происходящих и отражающихся на современный газетно-публицистический стиль: интеллектуализация языка и демократическая свобода по отношению к нему, экспансия разговорности, проникновение иностилевой лексики и нелитературных слов, изменение и расширение основных функций и требований к стилю, эмоциональное состояние журналиста. Тем не менее, каламбур, как средство реализации коммуникативных, экспрессивных и апеллятивных намерений журналиста, становится „зеркалом” сегодняшнего состояния языка и общества, а современность и существующая в ней субкультура отражаются очень ярко.

Ключевые слова: *публицистический стиль, литературный язык, нелитературный язык, каламбур.*

Статията е посветена на каламбура в контекста на съвременното състояние на руската и българската преса. Отражено е, как като част от печатните текстове в средствата за масова информация той е подложен на влиянието на повечето процеси, които протичат и се отразяват на днешното състояние на публицистическия стил: интеллектуализацията и демократизацията на вестникарския език, експанзията на разговорни думи, нелитературна лексика и лексика принадлежаща на други функционални стилове, емоционалното състояние на журналиста. Така или иначе, каламбурът, като

средство за реализация на комуникативните, експресивните и апелативни намерения на автора, се превръща в „огледало“ на актуалното състояние на нашето общество и език, а съвременето и съществуващата в него субкултура се отразяват изключително ярко.

Ключови думи: публицистичен стил, литературен език, нелитературен език, каламбур.

This article is devoted to the newspaper pun in the context of current state of the Russian and Bulgarian press. It is shown the influence exerting on the pun in the print media texts by most of processes affecting the modern newspaper journalistic style i.e. the intellectualization of language and democratic freedom in relation to the style, the expansion of speaking, penetration of foreign style vocabulary and colloquial words, change and extension of main functions of the style, requirements to the style, the emotional state of journalist. Nevertheless, the pun as a method of realization of communicative, expressive and other intentions of the journalist becomes a "mirror" of the current state of language and society, and the present as well as the existing subculture are reflected very brightly.

Keywords: Journalistic styles, literary language, colloquial language, pun.

Как известно, основная характеристика литературного языка, существующего в устной и письменной формах, заключается в его широкой распространенности и востребованности всеми сферами общения и жизненной деятельности. Многообразие способов для выражения смысла определяет место литературного языка и его разновидностей во всех функциональных стилях, „в которых язык выступает в той или иной социально-значимой сфере общественно-речевой практики, особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере“ [Добросклонская 2008: 21].

Согласно классификации В.В. Виноградова [Виноградов: 1963], публицистический стиль входит в состав пяти функциональных стилей, вместе с деловым, научным и художественным, в которых употребление литературного языка является основным критерием для обеспечения функции общения в соответствующих сферах человеческой деятельности, поэтому форма выражения смысла для них исключительно важна. Для пятого, разговорного стиля, обслуживающего преимущественно обиходно-бытовую сферу общения, более чем остальным четырем, присуща ситуативность, неофициальность и некоторая раскрепощенность, что, соответственно, снижает требования к форме выражения.

Этот факт послужил основательной причиной для некоторых исследователей рассматривать разговорный стиль не только как составляющий элемент литературного, но и нелитературного языка, для других - предложить новый классификационный подход к функциональным стилям, в котором самостоятельно и дифференцированно выступают разговорный и художественный стили, в то время как религиозный, официально-деловой, научный и публицистический объединены в группу книжных стилей. Подобное теоретическое представление функциональных стилей представляет существование отдельных „зон наложения, совмещения функциональных стилей“ [Купина, Матвеева 2013: 140], которые особенно заметны на примере современных публицистических текстов, в которых проявляются черты всех функциональных стилей, благодаря использованию журналистами характерных для них языковых средств и единиц.

С другой стороны, „смещение“ стилей в публицистике возможно объяснить ее исторической изменчивостью. Воздействие политических и социальных перемен в России и Болгарии конца XX-ого столетия, переход от коммунистической идеологии к новому демократическому обществу, исключая любые ссылки к недавнему прошлому, отказ от использованного, в том числе, и в Болгарии „советского“ новояза, отмена жесткой партийной цензуры, привели журналистов к неуверенному шатанию между твердой формализованностью книжного стиля и речевой раскрепощенностью разговорной речи, которое, сейчас, некоторые ученые называют „языковым маятником“ [Сурикова: 2007].

Логическим результатом этих процессов явилось глобальное изменение в 90-х годах стилистики текстов российской и болгарской прессы, в первую очередь, в сторону снижения речевой культуры. Провозглашенная вседозволенность в газетах активировала употребление в статьях нелитературных форм русского и болгарского национальных языков. Нерегламентированные заимствования, просторечия, жаргон привели посттоталитарную прессу в состояние „распушенности”, а журналисты, называя себя „зеркалом народной речи”, почти создали новый стиль речевой культуры – литературно-жаргонизирующий [Сиротинина 2013: 25], что серьезно отразилось на все социальные слои населения. Увеличилось употребление в обществе англицизмов при существующих соответствиях в родном языке, активировалась нецензурная лексика, через прессу в литературный язык и разговорную речь вошли и закрепились специфические жаргонизмы, как, например, блатная или криминальная лексика.

По словам исследователя живой русской речи и языка СМИ – профессора Сиротининой, сегодня, почти 20 лет спустя, публицистический стиль находится в процессе „самоочищения речи” под влиянием двух разнонаправленных тенденций: интеллектуализацией и демократизацией [Сиротинина 2013: 80]. Интеллектуализация представляется как тенденциозное усложнение публицистического текста, благодаря широкому употреблению юмора и иронии, прецедентных высказываний, скрытых намеков и подтекста [Кормилицына: 2006]. Демократизация снимает четкую дифференциацию между официальной и спонтанной, устной и письменной речью, что способствует новизне, образности, экспрессии, выразительности при передаче сообщения и его оценки, за счет проникновения в содержание газетных материалов множества разговорных слов и конструкций, не соответствующих нормам литературного языка.

На фоне этих двух явлений интерес представляет разновидность языковой игры – каламбур, как одно из специальных средств журналиста, создающее экспрессию в текстах, адресованных огромной по своим масштабам аудитории, воздействие на которую требует постоянного поиска новых, свежих и оригинальных выразительных средств. Это происходит благодаря игровым манипуляциям со словом – его фонетическими и лексическими ресурсами. Цель этих манипуляций – „получение обеими сторонами, в том числе „квалифицированным” (посвященным) читателем-эрудитом, эстетического удовлетворения от построенного на игровых взаимоотношениях с ним автором текста” [Рахимкулова 2004: 122].

Игровой юмористический принцип каламбура становится базой для реализации основных – коммуникативной и экспрессивной – функций публицистического стиля, а также служит средством для привлечения читательского интереса к содержанию текста. Так например, заголовки газет и журналов, содержащие каламбур, останавливают на себе взгляд читателя своей оригинальностью, стимулируя прочитать статью до конца, тем самым, превращаясь в причину осведомления адресата с новостью или злободневной темой и создания у него мнения о прочитанном. Лингвистический юмор каламбура связан с непривычным употреблением языковых средств, что приводит к двусмысленности высказывания и открытой трактовке прочитанного. По мнению В.Д. Девкина, главными в таком языковом комизме являются недосказанность и „ребусность” [Девкин, 1998], осмысление которых требует умственных усилий адресата. Угадывать подразумеваемое, самостоятельно расшифровывая подтекст, опираясь на вертикальный текст и фоновые знания, дает возможность адресату свободно толковать прочитанное и заложенное в каламбуре отношение журналиста к сообщаемому.

Потому, каламбур, как средство реализации коммуникативных, экспрессивных и аппелятивных намерений журналиста, используется достаточно часто в заглавиях статей:

рус.: „Кто кого Съезд?” [МК, 02.09.11]; „Евгений Осин: еще не осень?” [МК, 21.06.13]; „Брэд Питт и просто бред” [МК, 22.06.13]; „Скажет ли Сборная „Мерси, Баку?”

болг.: „*МаШийната Чарли се завръща в ефира*” [Труд, 04.05.12]; „*Корпоративна банда*” [Капитал, 30.04.10]; „*Спаси ни от спасителите, Спасителю!*” [Сега, 17.10.11] и др.

Газетный каламбур – это форма, в которую облачается содержание, и, в то же время, – это форма, нарушающая стандарты языка и публицистического стиля, с целью заострить внимание широкой аудитории, а также вызвать у читателя определенное отношение или реакцию, отклоняясь от основных норм публицистики, как, например, использование исключительно и только литературной лексики:

рус.: „*Депардъировать в Россию*” [МК, 09.01.13]; „*Чья хата – с краденого?*” [АиФ, 29.08.12]; „*Фингал под газом*” [МК, 02.09.11]; „*«Зенит» выехал на «Локомотиве»*” [Коммерсантъ, 09.04.12]; „*Дуба дал*” [КП, 19.05.14], заглавие статьи о пенсионере из Боснии, который превратил металлическую машину в деревянную, на что у него ушло более 50 000 кусочков дуба;

болг.: „*И тази пролет пукна, а идиотите – не*” [Труд, 25.04.14] – цитата из эссе В. Палейковой, в подтверждение констатации журналиста газеты „Труд”, что невозможно придумать более культурное определение людям, которые каждый раз совершают одни и те же ошибки, так же, как каждый год снова приходит весна; разыгрывается устойчивое в болгарском языке словосочетание „пролет пукна” (пришла весна – пер. авт.) и переносное значение глагола „пукна” (*груб. разг.*) в значении „умереть” по отношению к живому существу.

Каламбур в прессе наполнен авторским красноречием и дерзостью, из-за чего дистанция между литературным языком и жизнью сводится к минимуму, а современность и существующая в ней субкультура отражаются очень ярко. Каламбур становится „зеркалом” сегодняшнего состояния языка и общества. Посредством активизации жаргона и сленга, грубых и вульгарных языковых единиц постепенно вырабатывается новый, агрессивно-эпатирующий публицистический стиль, в котором акцент ставится уже на эффекте шока и сенсации. Например:

рус.: „*Наци-анальная идея*” [МК, 28.05.12]; „*Санкт-Педербург*” [МК, 16.11.11]; „*Не твоё табачье дело!*” [АиФ, 01.06.13]; „*Ржать да жрать*” [МК, 22.10.11]; „*Жуть/Жить*” [КП, 28.01.12], критический отзыв о фильме Василия Сигарева „Жить”;

болг.: „*Облича ме, не ме облича*” [Капитал, 28.06.12]; „*No smoking не значи „без смокинг*” [Труд, 15.05.11] и др..

Анализируя газетный каламбур, мы пришли к выводу, что, как нераздельная часть современного публицистического стиля, он подложен влиянию всех тенденций, характерных для самого стиля: интеллектуализации и демократизации языка публицистики, нарушению основных стилистических требований к функциональному стилю, таких как проникновение в лексический состав иностилевых элементов, интенсивное и широкомасштабное распространение разговорной лексики, охватившее включительно первые полосы газет и журналов и проникшее в заголовки статей под формой борьбы за живой, естественный стиль и против обезличивания языка прессы. Однако, мы считаем, что употребление журналистами нелитературного языка, в том числе разговорной лексики, в случаях функции снижения речи, тем более за счет неупотребления эквивалентных литературных слов-синонимов, является не просто несоблюдением основного критерия публицистического стиля, но и нарушением определенной профессиональной нормы журналистом, несущим ответственность перед читателями за использованный им язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. / В.В. Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. 254 с.

2. Девкин В.Д. Занимательная лексикология. Worthumor. Язык и юмор: пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа / В.Д. Девкин, Изд. „Владос”, 1998.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть / Т.Г. Добросклонская. - М.: 2008.
4. Кормилицына М.А. Полемичность текстов современных газет: её организация и средства выражения // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып.6. С. 55-65.
5. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М.: 2013. 415 с.
6. Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: Диссертация на соискание... доктора.филол.наук, Ростов-на-Дону, 2004.
7. Сиротинина О.Б. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. / О.Б. Сиротинина. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
8. Сурикова Т.И. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. / Т.И. Сурикова. - М.: Медиа-Мир, 2007. С.133-152.

С. Найденова

**РУСКАТА ЕМИГРАЦИЯ В БЪЛГАРИЯ – МАЩАБЕН ПРОЕКТ ПО
ДИГИТАЛИЗИРАНЕ НА КУЛТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОТО НАСЛЕДСТВО НА
РУСКАТА ЕМИГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛНА БИБЛИОТЕКА НА БАН**

Силвия Найденова
Централна библиотека на БАН
г. София (България)
E-mail: najdenova.s@cl.bas.bg

Библиотека Болгарской Академии наук разработала научно - исследовательский проект, посвященный русской эмиграции в Болгарии после гражданской войны в 1918 – 1921 годах.

Ключевые слова: *русская эмиграции в Болгарии, русский язык, русские издания,*

Централна библиотека на БАН в продължение на няколко години разработва научно-приложен проект, посветен на руската емиграция в България, след гражданската война в Русия 1918-1921 г.

Ключови думи: *руски емигранти, руският език, рускоезичните издания.*

Library of the Bulgarian Academy of Sciences has developed a research project on Russian emigration in Bulgaria after the civil war from 1918 to 1921.

Keywords: *Russian emigration in Bulgaria, Russian language, Russian edition,*

България и Русия имат традиционни връзки в областта на религията, културата и историята. След Освободителната руско - турска война от 1877-1878 г. Русия подпомага развитието на младата българска държава. Руският език се изучава като задължителен предмет в българските училища и университети повече от 100 години. Много български военни, граждански специалисти и духовници получават образование в Русия преди и след Освобождението.

По стечение на историческите обстоятелства, след гражданската война в Русия 1918-1921 г., в България намират убежище и са приютени над 50 хиляди руски емигранти. В по-голямата си част те са представители на най-елитните части на руското общество,

каквито са аристокрацията, военните чинове и интелигенцията. Освен това те се отличават с такива ценни качества като висока европейска образование, професионално умение и майсторство, православна духовност и морал, благородно възпитание и изострено чувство за дълг и чест. Именно затова те са оставили дълбока следа в развитието на българската наука и култура. Пак поради това те са правили особено впечатление на околните, за което свидетелстват спомените на съвременниците им. Темата за руската емиграция в България беше игнорирана до 1990 г., а след това се появиха значителни изследвания за различни аспекти на този проблем. Все повече се чувства обаче липсата на обобщаващи справочни издания, посветени на въпроса. Скоро след промените от 1989 г. започнаха да се публикуват различни изследвания по темата. Трябва да се има предвид, че руската емиграция в България е явление сложно, уникално и многостранно. По своето място и значение за културния и стопански живот на страната през миналия век тя безспорно играе важна роля поради факта, че основната част от нея е руски интелектуален елит-военен, църковен, научен и културен. Много от представителите и са с аристократично потекло и възпитаници на руски и европейски университети. Те стават основатели на цели школи и направления в културния, научен, образователен и технически живот на България и работят за нейното европейско развитие и напредък. Руските професори, учени, инженери и специалисти развиват българското образование, наука и техника. Руските режисьори, музиканти, певци, художници, балерини издигат българското изкуство на световно ниво. Руските лекари и свещеници служат в най-отдалечените и трудни места на България и винаги оставят добър спомен за себе си като професионалисти и личности. Руските хора работят в мините, заводите и на полето. Те помагат и за възстановяването на България в периода между двете световни войни и след това.

Централна библиотека на БАН в продължение на няколко години разработва научно-приложен проект, посветен на руската емиграция в България. Той възниква по идея на доцент Никола Казански, дългогодишен ръководител на Справочен отдел, който е и автор на биобиблиографската част. В резултат на това е създадена база данни под наименованието „Русский мир Болгарий”. Самата база е широко достъпна на интернет страницата на Централна библиотека. За тази цел в Централната библиотека на БАН се използва програмният продукт BASLIB за създаване на база данни, чийто продукт е „Русские в Болгарии. Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии 1877-2007 гг.”

Базата данни обхваща биографска и библиографска информация, архивни документи, описание на паметници и фотовидео материали, свързани с дейността на руската емиграция в България.

Това издание е първият по рода си фундаментален справочник за руската емиграция в България. Той съдържа три раздела. Първият включва над 700 биобиблиографски персоналии на лица, родени в Русия и живели повече от 3 години в България. Втората част на справочника е „Хроника на културната и литературната дейност на руската емиграция от 1919 до 1940 г.” В третия раздел са представени с описание и снимки над 130 паметника на руските военни чинове, загинали за свободата на България. За първи път в специализираната литература те са подредени по азбучен ред на имената на падналите офицери и подофицери. Изданието е допълнено с общ показалец на имената и географски индекс.

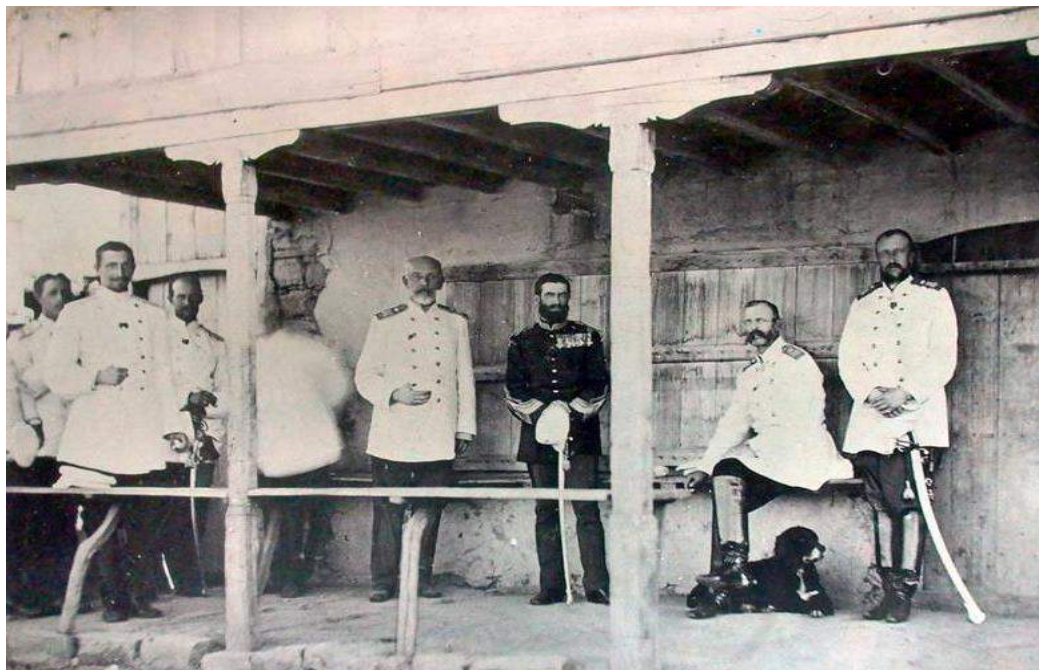
Като продукт на тази база данни бяха подготвени рускоезичните издания „Русские в Болгарии” (Пловдив, 2010. 436 с.) и „Русский мир Болгарии” (София, 2012. 472 с.). Ролята и значението на руската емиграция в България са оценени по достойнство от българската наука, но в тези две книги за пръв път тя е цялостно представена с хиляди имена, а дейността и е отразена системно година по година. Особено важна част и от двата фундаментални справочника са персоналиите, чиито брой надхвърля 1500 и съдържат ценни биографични и библиографски данни. Сред тях са над 300 учени и преподаватели, от които над 60 са професори и доценти. Тук виждаме имена със световна известност като

архиепископ Серафим (Соболев), игумения Серафима (княжна О. А. Ливен), теолога Н. Н. Глубоковский, историка П. М. Бицилли, юриста И. А. Базанов, физика П. И. Бахметьев, етнографа А. А. Башмаков, геолога Р. С. Берегов, примабалерината А. М. Воробьева, византолога А. Н. Грабарь, икономиста С. С. Демостенов, статистика Н. В. Долинский, русиста Н. М. Дылевский, физиолога В. В. Завьялов, социолога И. Г. Кинкель, химика М. С. Курчатова, илюстратора В. В. Лазаркевич, лесовъда П. М. Любошинский, ембриолога А. Ф. Маньковский, режисьора Н. О. Масалитинов, библиографа А. П. Мещерский, ихтиолога А. В. Начаев, скулптура М. И. Парашук, слависта В. А. Погорелов, археолога С. И. Покровский, архитекта А. И. Померанцев, невролога Н. М. Попов, литературоведа М. Г. попруженко, църковния историк М. Э. Поснов, актрисата В. В. Пушкарева, акушер-гинеколога Г. Е. Рейн, инженера Б. О. Рент де Винденбаум, корабостроителите А. А. Левков и В. В. Рождественский, живописеца Н. Е. Ростовцев, поетесата Л. Н. Столица, математика Я. А. Тагамлицкий, лекарите Р. Ю. Берзин и Ф. Ф. Трейман, лингвиста В. Г. Трегубов, изтоковедата А. В. Федотов и др. Видни личности са също така „пожарникарят на XX век“ капитан Юрий Захарчук-началник на софийската пожарна команда (1924-1944 г.) и саблъорът полковник Владимир Андреев-родоначалник на българската школа по фехтовка. Броят на лекарите е над 250, а на инженерите над 70. Над 200 са дейците на изкуството и културата, а над 150 са духовниците, от които трима архиепископи (*Picture 1-8*). Огромна част от архивните документи и материали бяха съзнателно или поради небрежност унищожени или практически недостъпни. Бяха нужни изключителни усилия и професионална вещина, за да бъдат спасени, събрани и съхранени поне част от тях за бъдещите изследователи и за поколенията въобще. В процеса на изследователската работа се появи абсолютната необходимост резултатите от тези извънредни усилия да бъдат обобщени чрез справочно-информационни издания и бази данни. Именно тази пионерска роля изиграва и проектът на ЦБ на БАН за руската емиграция в България. Той единствен дава възможност за лесен достъп до важна фактологическа информация свързана с биографиите, библиографиите литературните хронологии, архивните документи, музейните артефакти, фотографиите и други. Освен това е снабден с богат справочен апарат, който улеснява издирването на информация в тях. Трябва да се изтъкне и ролята на тези справочни инструменти за провежданите в множество институти на БАН и изобщо в научните и образователни учреждения в България на разнообразни изследвания на темата за руската емиграция в България. Сред тях ще споменем Института за литература, Института за етнология и фолклористика, Института за исторически изследвания и други. Към тях се проявява голям интерес от страна на изследователи и научни институции в чужбина и особено в Русия, а също така и от наследниците на руските емигранти по целия свят. Впечатляващата документална основа на справочните трудове е гаранция за достоверност и обективност, които пък придават увереност в липсата на пропуски и достигането до възможно пълната осведоменост. Личностите са отразени по техните заслуги и влияние в обществото, без да се разделят или пренебрегват заради политическите им убеждения. Съставителите са успели да схванат и пресъздадат духа на епохата чрез позоваване на фактите в тяхната непреходност, но и чрез тяхното сравнение и съпоставяне. Ако читателят се интересува от определена личност, той ще я открие в нейната семейна среда, образование и професионално осъществяване. Вещо направените показалци предоставят ценната възможност за бързо ориентиране и осведомяване с оглед на търсената информация. Големият брой издания на руски език, както и многочислените обществени прояви са подредени с важните подробности, които сформират вярна представа за приносите на руската общност в различни отрасли и области на стопанството и културата-от противопожарното дело до театъра. Книгите са богато илюстрирани с документи от всекидневната история, като пощенски картички, програми за театрални постановки и филмови афиши, които носят неподправения аромат на тогавашното време. Публикуваните заглавни корици на редки старопечатни руски книги, както и фотографии

от новата история дават допълнителна нагледна представа за културното влияние и политическото въздействие от Изтока.

Като потвърждение за особената ценност на този мащабен проект са положителните отзиви за изданията. А те от своя страна поставят солидна основа на бъдещите изследвания на руската диаспора в България.

В бъдеще Централната библиотека на БАН ще продължи работата по актуализиране на базата данни и справочника, затова съставителите ще бъдат благодарни за всички корекции и допълнения.

Руските емигранти в България - Персоналии

[First](#) [Next](#)

Имя	БАХМЕТЬЕВ Порфирий Иванович
Рождение	26.02.1860, с. Лопуховка, Вольский уезд, Саратовская губ.
Смърти	14.10.1913, Москва.
Деятелности	Физика
Биография	Професор физики, Софийски университет (1890-1907). Действителен член Болгарской академии наук (1900). Източник: Алманах на Софийския университет. Т. 1. С., 1988, 45-46. -В: Бележити български физики. С., 1981. 140 с. Буреш, Иван. Библиографски очерк върху научно-писателската творба на физика-биолог професор Порфирий Бахметьев. -Год. Бълг. библиогр. инст., 1, 1945-1946, 1948, 68-96. Джаков, Емил. Дейността на проф. Бахметьев като физик. -Природа, 1969, № 5, 3-6. -В: Енциклопедия България. Т. 1. С., 1978, с. 227. Наляжков, Георги. Професор Порфирий Иванович Бахметьев. -Физико-математическо списание, 1961, № 1, 3-6. -В: Сто години БАН. Т. 1. С., 1969, 28-31. Цонев, Младен. Професор Порфирий Бахметьев като експериментатор и изобретател. -Изобретателство, стандартизация и качество, 1971, № 12, 8-10.
Публикации	1. Некоторые явления остаточного магнетизма. //Журнал Русского физ.-хим. о-во, 15, 1883, 173-200. 2. Материал за изучаване земните електрически токове в България. //Сб. нар. умов. наука и книж., 12, 1895, 58-120. 3. Върху температурата на насекомите в България. //Сб. нар. умов. наука и книж., 16-17, 1900, 82-158. 4. Experimentelle entomologische Studien. Bd. 1-2. Leipzig, 1901; 1907. 160; 944 p. 5. Бабочки Болгарии. //Тр. Российское энтомол. о-во, 35, 1902, 356-469. 6. Теоретическите и практическите следствия из моих исследований анабиоза у животных. -Природа (Москва), 1, 1912, № 12, 1427-1442.
Титли	Професор и действителен член Болгарской академии наук.

Руските емигранти в България - Персоналии

[First](#) [Prev](#) [Next](#)

Имя	БАЗИЛЕВИЧ Екатерина Н.
Деятельности	Масови развлечения. Зрелищни изкуства. Игри. Спорт
Биография	Известная русская актриса. Основатель и режиссер театра "Русская драма" в Софии (1922-1942). Поставила больше чем 150 пьесы русских авторов.

Руските емигранти в България - Персоналии

[First](#) [Prev](#) [Next](#)

Имя	АНДРЕЕВ Владимир Владимирович
Рождение	1877, Воронеж
Смерти	16.04.1940, Шипка, България
Деятельности	Приложни науки. Общи въпроси. Технологии
Биография	Фехтмейстер в Военном училищем в Софий (1920-1940). Основатель Болгарского фехтовального клуба (1926). Тренер Национальной сборной Болгарии по фехтованию.
Анотация	Чемпион России по фехтованию. Его ученик болгарин Василев стал чемпион мира по мужской шпаге.
Титли	Полковник

Руските емигранти в България - Персоналии

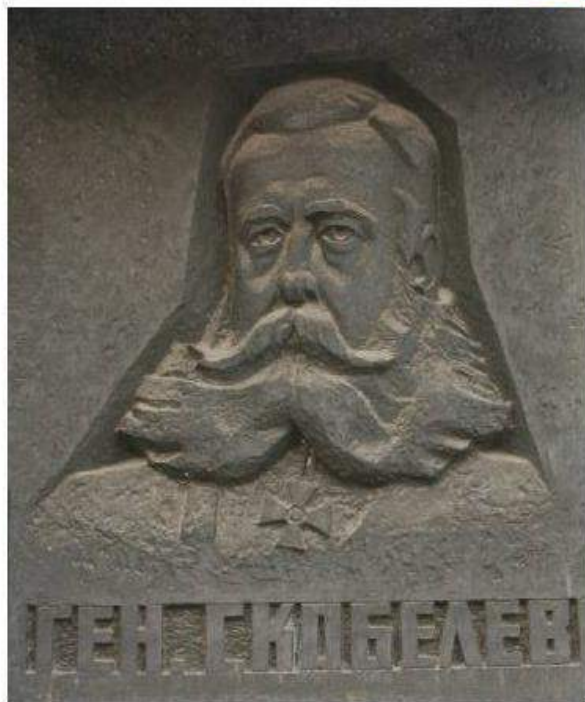
[First](#) [Prev](#) [Next](#)

Имя	ПОПРУЖЕНКО Михаил Георгиевич
Рождение	25.07.1866, Одесса
Смрти	30.03.1944, София
Деятельности	Литература
Биография	Профессор истории русской литературы, Софийский университет (1920-1944). Член Болгарской академии наук (1941). Источник: Алманах на Софийския университет. Т. 1. С., 1988, 499-501. Вранска, Цв. Проф. М. Г. Попруженко. //Зора, № 7479, 1944. Енциклопедия България. Т. 1. С., 1978, с. 373. Иванова, Клементина. С обич към българския народ. По случай 100 г. от рожда. На Михаил Георгиевич Попруженко. //Лит. фронт, № 22, 4 авг. 1966. Константинова, Л. Архивен фонд "М. Г. Попруженко". //Изв. държ. архиви, 6, 1962, 288-290. Сто години БАН. Т. 1. С., 1969, 594-595.
Публикации	1. Из истории литературной деятельности в Болгарии и Сербии в 15 в. Одесса, 1894. 176 с. 2. Синодик царя Борила. Одесса, 1899. 230 с.; С., 1928. 94 с. 3. Документи по българската история. Т. 1-2. С., 1930; 1932. 592; 317 с. 4. Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методия. С., 1935. 65 с. 5. Косма Пресвитер, българский писатель 10 века. С., 1936. 87 с. 6. България и Киевска Русь. //Родина, 1939, № 3, 25-31. 7. Кирилometодиевска библиография за 1934-1940 г. С., 1942. 169 с.
Анотация	Его девизом был: "Не уставайте делать добро!".
Титли	Профессор

Руските емигранти в България - Мемориални обекти

[First](#) [Next](#)

Имя	СКОБЕЛЕВ Михаил Дмитриевич генерал
Рождение	17.09.1843
Смрти	25.06.1882
Местонахождение	България, София, община "Красно село", бул. "Ген. М.Д. Скобелев" № 77
Състояние	Отлично
Описание	Каменна мемориална доска с барелефном изображение. Размери 97 / 87 см.

Руските емигранти в България - Мемориални обекти

[First](#)
[Prev](#)
[Next](#)

Имя	Докторски паметник (В память о русских военных врачей)
Местонахождение	Болгария, София, в сквере между улицами "Шипка", "Оборище" и "Сан Стефано"
Състояние	Отличное
Описание	Памятник погибших в Освободительной войне 1877-1878 русских медицинских чинов. Представляет усеченная четырехстенная пирамида из прямоугольных гранитных блоков на которых высечены имена всех погибших. Пирамида увенчана гранитного саркофага в основе которого есть надписи с именами мест сражений Плевна, Шипка, Мечка и Пловдив.
Анотация	Дело русского архитектора А.Т. Томашека и итальянского мастера Фарабоско. Открыт 1884 г.

Руските емигранти в България - Мемориални обекти

[First](#)
[Prev](#)
[Next](#)

Имя	Пантеон на Съветската армия
Местонахождение	Болгария, София, бул. "Черни връх"
Състояние	Удовлетворительное
Описание	Скульптурная композиция из гранита. Высечены имена советских солдат погибших в Великой Отечественной войне в Болгарии и в сопредельных территориях.
Анотация	Открыт 1954 г. Авторы: скульптор Л. Димитров, художник И. Петров и архитектор В. Беззов.

В.В. Николова

РОЛЬ ЭМИГРАЦИИ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ В ИСТОРИКОКУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ БОЛГАРИИ

Николова Вяра Василева
кандидат филологических наук,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
Email: viara_nikolova@yahoo.com
v.nikolova@unibit.bg

В статье рассмотрены исторически обусловленные явления и события в жизни болгарского народа, которые оказали существенную роль в развитии национальной художественной литературы и профессионального театра после восстановления суверенитета государства в конце XIX века.

Ключевые слова: русская эмиграция, театр, художественная литература, русская драматургия, переводная литература

В статията са разгледани исторически обусловени явления и събития в живота на българския народ, които изиграват съществена роля в развитието на художествената литература и професионалния театър след Освобождението в края на XIX век.

Ключови думи: руска емиграция, театър, художествена литература, руска драматургия, преводна литература

In the article, there are examined historically conditioned phenomena and events in the life of Bulgarian people, which were of great importance for the development of national literature and professional theatre after the reestablishment of the sovereignty of the state in the close of the nineteenth century.

Keywords: Russian emigration, theatre, literature, Russian dramatic art, translated literature.

Издания русской драматургии в переводе на болгарский язык в 1890-1940-ые годы сыграли важную роль в развитии национального книгоиздания, оказали существенное влияние на творчество болгарских драматургов, стимулировали становление профессионального болгарского драматического театра. Русская драматургия рассматривалась с литературоведческих позиций, проблем перевода и языка, однако как издательский феномен это явление не было изучено. Объектом многих научных работ болгарских ученых и не только болгарских является исследование русско-болгарских культурных взаимосвязей в их многообразии и взаимодействии как на уровне литературы, так и на уровне истории, социологии, книговедения и др.⁴⁸ Некоторые исследователи в своих работах рассматривают русско-болгарские литературные связи *в обобщенном виде* (Христо Манолакев, Татьяна Фед и др.), другие – определенный период развития культурных связей *в частных аспектах* (Ели Костадинова, Людмил Димитров; Мая

⁴⁸ *Преводна рецепция на европейските литератури в България*. Т. 2. Руска литература. София. 2001.

Русско-болгарские театральные связи. Отв.ред. Альтуллер А.Я. Л.: Искусство. 1979.
Погасло дневное светило... Руската литературна емиграция в България 1919-1944 гг.
Составители и научные редакторы: Р. Русев., Й. Люцканов., Х. Манолакев. София: проф. Марин Дринов. 2010. 461 с.

Праматарова, Антония Господинова, Екатерина Даскалова, Стефан Каракостов и др.). Часть болгарских литературоведов изучают рецепцию творчества отдельных русских писателей и поэтов в хронологическом плане, начиная с первых переводов их произведений на болгарский язык, рассматривая творчество определенного писателя, его восприятие и отражение, влияние на болгарскую литературу и театральное искусство. Их работы посвящены рецепции творчества А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М. Горького, А.П. Чехова, А. Арбузова и многих других зарубежных драматургов.

Во всех работах, посвященных восприятию русской литературы в Болгарии, авторы подчеркивают ее значение и ту роль, которую она сыграла в воспитании и литературного вкуса, и эстетических критериев у болгарских издателей, писателей, читателей, культурных деятелей, зрителей.

Историко-культурная ситуация исследуемого периода оказала решающее влияние на репертуар переводных книжных изданий произведений русской драматургии. Переводные издания русской драматургии сыграли важную роль в развитии книгоиздания Болгарии 1890-1940-ых годов. Специфика работы переводчика над произведениями русской драматургии, также способствует распространению русской драматургии, ее интерпретации и восприятию, т.к. переводчик оказывает влияние на такие составляющие, как: мотивация выбора текстов перевода, приемы языковой и стилевой интерпретации. Несомненно, популяризации и распространению русской драматургии способствовал и репертуар болгарского драматургического театра, превратившись в фактор стимулирующий издание переводов русской драматургии в исследуемый период.

Особую роль в развитии культуры и литературы страны в рассматриваемый исторический период (рубеж XIX-XX веков и первые десятилетия XX века) сыграла именно русская эмиграция. Можно выделить три этапа – три эмигрантских волны в Болгарию: первый этап – конец 1919 года (это в основном выходцы из зажиточных слоев русского общества); второй этап – 1920 г. после разгрома Деникинской армии (военные и мирные граждане, бежавшие от ужасов войны); третий этап – в 1921 году после разгрома армии Врангеля⁴⁹.

Размеры эмигрантской волны были огромными. Только в Болгарии насчитывалось больше 30 тысяч человек. К вопросу о русской эмиграции после Октябрьской революции 1917 года, к исследованию этого исторического явления ученые обращаются лишь в 50-ые годы, т.е. первые работы относятся к 50-ым – 80-ым годам XX века, когда эмиграция рассматривается, очень однобоко, и лишь через призму тогдашних политических и экономических установок. Не уделялось достаточно внимания положительному влиянию в разных сферах деятельности русской интеллигенции, а ведь положительное было и нельзя этого не признать. Вторая волна интереса к русской эмиграции относится к 90-ым годам XX и началу XXI века, когда возобновляется интерес ученых, да и не только ученых и вообще интеллигенции, к судьбам русской эмиграции в Западной и Восточной Европе.

Среди известных исследователей русской эмиграции в Болгарии следует упомянуть Цветану Кьосеву, которая отмечает, что рассмотрение вопросов, связанных с влиянием и развитием русской эмиграции в стране, довольно долго не осуществлялось, а также не уделялось должного внимания возникшим взаимосвязям в разных областях развития общества: политической, экономической, культурной, научной и др.⁵⁰ Другой исследователь эмигрантских процессов и связанных с ним событий Дончо Даскалов в своей монографии «Белая эмиграция в Болгарии» пишет, что «в период 1920-1939 гг. в Болгарии выходят 86 русских и 4 украинских газет и журналов»⁵¹. Такой объем печатных

⁴⁹ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София. 1997. С. 7.

⁵⁰ Кьосева Ц. България и руската емиграция (20-те – 50-те години на XX в.). София. 2002. С. 12.

⁵¹ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София. 1997. С. 7

изданий говорит о том, какую активную жизнь вели сами эмигранты. В издаваемой ими периодической печати можно было узнать о жизни и проблемах, с которыми они сталкивались на чужбине, далеко от дома. «В них содержались обширные сведения о духовной и трудовой жизни беженцев и идейных и политических программах различных групп, профессиональных, культурных и благотворительных организаций эмигрантов»⁵², которые были расселены в 54 городах и населенных пунктах Болгарии. Среди эмигрантов – деятели культуры и литературы, которые оказали довольно сильное влияние на развитие болгарского профессионального драматического театра, а также театра оперы и балета. Одним из таких деятелей был Н.О. Массалитинов, получивший приглашение работать главным режиссером в Народном театре в Софии, Болгарии.

Николай Осипович Массалитинов – русский эмигрант, который оставил неизгладимый след в развитии болгарского театра. Этот театральный режиссер оказал существенное влияние на профессиональный театр страны. В начале 30-ых годов он стал одним из учредителей Союза русских писателей и журналистов.

Работая еще с дореволюционного времени в Московском художественном театре, Н.О. Массалитинов сыграл более 30 ролей. Тогда МХТ был новым театром, который «разрушал все устоявшиеся господствующие штампы в театральном искусстве и творчески продолжал традиции великого Щепкина»⁵³. Как пишет его основатель К.С. Станиславский: «Мы протестовали и против старого способа игры, и против театральности, и против липового пафоса декларирования, и против актерского переигрывания, и против плохих условностей постановки и декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всей игры существовавшей до тех пор...»⁵⁴. К.С. Станиславский, будучи учителем Массалитинова, видел в нем истинного мастера психологической школы, мастера мирового масштаба.

В далеком 1920 году происходит первое знакомство Массалитинова с болгарским зрителем. МХТ едет на гастроли и приезжает в Болгарию. Труппа во главе с Василием Ивановичем Качаловым – всего 38 актеров – была очень радушно и тепло принята болгарскими актерами Софийского народного театра. Волнение, охватившее столичную интеллигенцию, было неописуемо, «приехал один из известнейших и прославленных театров, который много лет искал и нашел свой стиль. С его сцены можно будет увидеть новые достижения в театральном искусстве. Театр приезжает в очень важный момент развития болгарского театра – время после Первой мировой войны. Это превращает его в событие для истории болгарского театра и болгарского искусства»⁵⁵. Через учившихся в Берлине болгар имя Н.О. Массалитинова было известно в Болгарии, где театр в то время переживал кризис.

Особое внимание критика болгарского театра уделяет гастролям русского художественного театра, отмечая: «умение режиссуры понять индивидуальный стиль автора, его своеобразие и передать его средствами театрального искусства. В спектаклях Художественного театра новые взаимоотношения между актерами и режиссерами, при которых актер как бы – не мыслим без режиссера и, наоборот – режиссура полностью опирается на актера»⁵⁶.

В 1923 г. Н.О. Массалитинов получает приглашение со стороны Софийского народного театра на пост главного режиссера, но не принимает его, написав в ответ, следующее: «Глубоко и сердечно тронут милым и заманчивым предложением Вашего театра. Однако в настоящее время мне не представляется возможным принять его, так как я взял на себя обязательство, дав слово перед нашей группой, которая решила не

⁵² Там же.

⁵³ Тихива Н. Н.О. Массалитинов. София. 1959. С. 32.

⁵⁴ Тихива Н. Н.О. Массалитинов. София. 1959. С. 32.

⁵⁵ Там же, С. 63.

⁵⁶ Там же, С. 5.

расставаться и продолжить свою работу здесь и в дальнейшем. Моя цель, страстное желание вернуться как можно скорее в Россию. Вашему театру нужен режиссер не временный, а более или менее постоянный, а я в связи с вышеупомянутыми причинами не могу стать таким»⁵⁷.

Но Массалитинов окончательно обосновался в Болгарии, приняв в 1925 повторное приглашение Софийского театра на должность главного режиссера. Именно тогда на удивление всей болгарской театральной труппе Н.О. Масалитинов ставит не русского автора, а «Двенадцатую ночь» Шекспира (1926). Последовал ошеломляющий успех, положительная реакция зрителей и отзывы прессы на умелое согласование, сочетание режиссерской работы, актерской игры, декораций, костюмов, музыки, освещения.

Массалитинов вводит в репертуар болгарского театра множество спектаклей болгарских классических авторов: «Мастера» Стоянова (1927); «Албена», «Боряна» (1928); «Миллионер» (1930); «Обыкновенный человек» Исакова (1936); «Над пропастью», «Престол» И. Вазова (1934) и др. тем самым, способствуя их развитию и популяризации. Вместе с режиссерской работой он не оставляет и актерскую работу, играя роли Тартюфа, Фамусова, Маттиаса Клаузена («Перед заходом солнца» Г. Гауптмана), Леона («Борьба продолжается»); читал стихи на сцене А. Блока, А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Горького, Ф. Тютчева, В. Маяковского и др.

Обновление труппы стало возможным благодаря созданной им в 1926 школе при Народном театре, давшей начало систематическому театральному образованию в Болгарии.

Еще при первой постановке в Народном театре в Софии Массалитинов показывает себя достойным последователем русской театральной школы, учеником своих учителей К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко «Массалитинов показывает ценные качества режиссера, которые в дальнейшем развивает в более углубленную творческую систему... Прежде всего, режиссер основательно изучает ставящегося автора, идею пьесы, которые доходят до зрителя путем убедительного изображения живого человека»⁵⁸.

В период с 1925 по 1944 гг. Н.О. Масалитинов работает главным режиссером Народного театра, а с 1944 по 1961 гг. режиссером. Он поставил на болгарской сцене более 140 спектаклей, среди которых такие произведения, как: «Тартюф», «Горе от ума», «Ревизор», «Бесприданница», «Живой труп», «Враги», «На дне», «Платон Кречет», «Мастера», «Албена», «Боряна», «Миллионер», «Вражалец», «Золотая мина», «Подвиг», «Царская милость», «Калин Орел» и др. Играет в «Тартюф», «Горе от ума», «Перед закатом солнца». Играет Горчакова в фильме «Герои Шипки» (1955г.).

Именно благодаря Массалитинову в болгарской театральной школе можно увидеть плодотворное влияние русской театральной школы: «Усилия актеров и режиссеров объединяются и раскрывают идею драматического произведения. Каждый на сцене чувствует себя частью целого, а между отдельными частями есть непрерывная связь... Игра каждого артиста звучит как необходимый аккорд в общей мелодии»⁵⁹. Ценным в личности Массалитинова является и то, что «он умел понять актера и умел поставить на правильный путь, убеждая его своей железной логикой, и самое главное – он умеет ему говорить на его языке и в самой простой форме может сказать ему самые сложные вещи»⁶⁰.

Как педагог, Массалитинов повсеместно развивал идею единства в спектакле усилий режиссера и актера⁶¹. Он внушал своим ученикам, что каждый из них на сцене должен чувствовать себя частью целого, что между ними необходима непрерывная связь.

⁵⁷ Сп. „Актьор”. кн. 1. София. С. 30.

⁵⁸ Гочев Г. Н.О. Масалитинов като режисьор, педагог и артист. София. 1948. С. 146.

⁵⁹ Тихова Н. Н.О. Масалитинов. София. 1959. С. 7.

⁶⁰ Там же. С. 107.

⁶¹ Гочев Г. Н.О. Масалитинов като режисьор, педагог и артист. София. 1948. С. 147.

Игра каждого артиста, убеждал Массалитинов, должна звучать «как необходимый аккорд в общей мелодии»⁶².

В 1948 школа при Народном театре трансформируется, и это уже Высший институт театрального искусства ВИТИЗ, сегодня – НАТФИЗ – Национальная академия театрального и фильмового искусства им. Крыстьо Сарафова, где Массалитинов работал долгие годы профессором. В том же 1948 году он удостоен звания народного артиста Болгарии. Он работал не только на столичной сцене, но в других театрах Болгарии, сегодня театр в Пловдиве носит имя Н.О. Массалитинова. Режиссер ставил спектакли и в Югославии. Крыстьо Сарафов, один из знаменитых болгарских актеров, чье имя сегодня носит Национальная театральная академия в Софии, говорил о Массалитинове: «Этот человек – счастье для всего нашего театра»⁶³.

Следует отметить, что культурная жизнь русской эмиграции настолько активна, что создаются русские клубы в разных городах страны, так например «варненская колония создала литературно-театральную группу «Баяк» (1928 г.), которая представила русские пьесы – «Ревизор», «Вишневый сад», «Лес», «Без вины виноватые» и др. Активную литературную и пропагандистскую деятельность ведут русские клубы в Бургасе, Пернике, Хасково и др.»⁶⁴ Ежегодно проводится День русской культуры, где читаются лекции видными учеными, писателями, журналистами, организуются театральные творческие вечера. В 1936 году в Софии открывает двери новое помещение Русского дома в Софии – 12 комнат, занимающих 2 этажа. В эти годы открываются и новые русские школы и гимназии в городах София, Варна, Шумен и Бургас. Центрами культурной жизни русской эмиграции стали также организованные ее представителями: «Театр русской драмы» и «Русская оперная группа». «Театр русской драмы под руководством Екатерины Базалевич ставит классические русские пьесы и создает образы большой художественной величины. Можно выделить таких артистов как П. Лавров, Н. Молчанова, Ю. Яковлев, З.Ю. Юрева, Г. Иванов, Е. Долинин, Б. Волгин и др.»⁶⁵ Своей игрой и режиссерским умением, которое представляют русские на сцене, они оставляют неизгладимый след в болгарской публике, и кто бы затем не играл, эти же представления должен был считаться с представленной блестящей игрой.

Русская оперная группа, сформировавшаяся в 1922 году, также гастролирует по стране с большим успехом, а вскоре после своего создания переезжает в Пловдив и дает начало Пловдивской городской опере.

Итак, русская эмиграция повлияла не только на развитие болгарского драматического театра, и на театр оперы и балета. «Главным директором и художественным руководителем Софийской оперы в 1922-1924, 1929 и 1932-1936 стал Мойсей М. Златин»⁶⁶. Известный тенор К.И. Каренин, работая в Софийской опере в 1930-1938гг. Ю. Померанцев был главным директор оперы в Софии, в период с 1924 по 1927 года. Театру принесли известность такие имена, как Н.О. Массалитинов, Е.Д. Торцов, Е.Ф. Краснопольская, Ю.К. Раппорт и др.

Интересен и тот факт, что неизгладимый след в культурной жизни Болгарии оставляют и сыновья и дочери русских эмигрантов, в том числе дети артистов – Таня Масалитинова, Стефан Воронов, Ирина Чмыхова, Юлия Винер и др.

Несмотря на то, что во второй половине 50-ых годов после смерти Сталина немалая часть эмигрантов-беженцев возвращается в Россию, русская культура и литература через русских проникла в недра болгарской жизни и дала необходимый толчок

⁶² Тихова Н. Н.О. Масалитинов. София. 1959. С. 70.

⁶³ Тихова Н. Н.О. Масалитинов. София. 1959. С. 71.

⁶⁴ Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. София. 1997. С. 102.

⁶⁵ Там же. С. 109.

⁶⁶ Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. София. 1997. С. 112.

самостоятельному развитию и процветанию национальной культуры, книгоиздания в частности.

В конце XIX-ого века Болгария пережила серьезные политические потрясения, которые непростым путем привели к восстановлению самостоятельности национального государства. В то же время это активизировало плодотворные процессы взаимодействия болгарской культурной элиты с европейской и в особенности русской культурой. Взаимодействие национальной литературы и культуры с русской и другими литературами способствует развитию национального самосознания. Ответная реакция на это взаимодействие – перенимание опыта. Перед болгарским обществом стали задачи создания национальных культурных институций. Переводные издания русской драматургии стимулировали не только книгоиздательский процесс, но и во многом определили репертуар болгарского профессионального театра.

Представители русской эмиграции в Болгарии, имеющие большой профессиональный опыт и серьезную культурную базу, сыграли положительную роль в пропаганде традиций русской литературы и театра путем участия в развитии театральной жизни и издательского дела. Особое место в этой сфере занял Н.О. Массалитинов.

Таким образом, анализ различных аспектов историко-культурной ситуации Болгарии 1878-1944 годов показал, что именно существенные изменения в болгарском обществе, произошедшие в этот период, определили интерес издателей к переводной русской драматургии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гочев Г. Н.О. Масалитинов като режисьор, педагог и артист// Септември. 1948, j4. – София, 1948. – С. 144-147.
2. Даскалов Д. Бялата емиграция в България/ Д. Даскалов. – София: Универ. изд-во Св. Кл. Охридски, 1997. – 181 с.
3. Кьосева Ц. България и руската емиграция (20-те – 50-те години на XX в.)/ Ц. Кьосева. – София, 2002. – 281 с.
4. Погасло дневное светило... Руската литературна емиграция в България 1919-1944 гг. Составители и научные редакторы: Р. Русев., Й. Люцканов., Х. Манолакев. – София: проф. Марин Дринов. 2010. – 461 с.
5. Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. – София, 2001. – 445 с.
6. Русско-болгарские театральные связи. Отв.ред. Альтуллер А.Я. – Л.: Искусство. 1979.

С.Ю. Николаева

«ШЕСТОДНЕВ» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.П. ЧЕХОВА

*Николаева Светлана Юрьевна
доктор филологических наук, профессор,
Тверской государственный университет,
г. Тверь (Россия)
E-mail: synikolaeva@rambler.ru*

Один из ранних памятников древнеславянской книжности рассматривается как источник творчества А.П. Чехова; проводятся параллели с произведениями других писателей XIX-XX веков.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, христианство, древнеславянские традиции.*

Един от най-ранните паметници на старославянската книжовност се разглежда като източник на творчеството на А.П. Чехов; провежда се паралел с произведенията на други писатели от XIX и XX век.

Ключови думи: *А. Р. Чехов, християнство, старославянски традиции.*

One of the earliest monuments of the ancient Slavic literacy is considered as one of the sources of A.P. Chekhov's creativity; Parallels with the works of other writers and poets of the 19th-20th centuries.

Keywords: *A. P. Chekhov, Christianity, ancient Slavic traditions.*

«Шестоднев» Василия Великого, бытовавший на Руси в переложении Иоанна экзарха Болгарского, – один из первых памятников христианской книжности, где возникала проблема «человек и природа», «человек и мир» и была выражена натурфилософская концепция. В этой книге было выражено восхищение мировой гармонией и премудростью божественного мироустройства, определялось место человека в мире. Именно поэтому традиция «Шестоднева» была воспринята многими позднейшими писателями, обращавшимися к данной теме и к данному источнику, в качестве отправной точки для размышлений о человеке, при создании индивидуальной художественной антропологии. И решение этой проблемы состояло не только в признании единства человека и мира Божьего, но и в утверждении идеи человеческой личности. Люди должны «еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться!» [Памятники 1980, с. 185]. «Шестоднев», таким образом, отразил завершающий этап самосознания человека, подтвердив, что человек создан по образу и подобию Божьему, что он венец творения и цель его, что в своем высоком призвании и достоинстве он близок к Богу.

Яркий отклик на поэзию «Шестоднева» содержится в творчестве А.П. Чехова. Известно, что человек рассматривается Чеховым в аспекте его общечеловеческого, родового начала, поэтому единство человека и природы приобретает для него особую значимость. Социальные, национальные, конфессиональные, профессиональные и даже возрастные характеристики используются им при изображении героев, но все они неизбежно превращаются в способы выражения некой «всеобщности» (И.Н. Сухих), «неотобранности» (А.П. Чудаков), «атипичности» (В.Б. Катаев), «единого эпохального сознания» (Л.Я. Гинзбург). Однако эта «всеобщность» или «архетипичность» человека у Чехова не является абстрактной, она, по верному утверждению А.С. Собенникова, обретает аксиологический, ценностный, культурный статус, который «в истории человеческого самосознания принято называть христианским универсализмом», «христианским персонализмом» [Собенников, с.27-29]. Эту философию можно считать одной из доминант художественного мира Чехова, что подтверждается его многочисленными суждениями на этот счет.

В частности, одной из ключевых представляется фраза из письма к А.С. Суворину: «... зачем же Вы говорите о “нашем нервном веке”? Ей-богу, никакого нет нервного века. Как жили люди, так и живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова» [Чехов, П 4, с. 323]. Иначе говоря, природа человека мало изменялась на протяжении веков, особенно если вести речь о природе нравственной, о человеческой душе и «нервах». Зато природный мир, так называемая ноосфера в чеховскую эпоху стала стремительно меняться, и Чехов одним из первых это заметил. В изучении взаимоотношений человека и природы, особенно экологического аспекта этих взаимоотношений, писатель опирался и на собственные жизненные наблюдения, и на литературные, в том числе древнерусские, источники.

В частности, картина мира, существующая в сознании чеховских героев, восходит так или иначе к натурфилософии «Шестоднева» и других памятников, испытавших на

себе влияние «Шестоднева» и развивавшим его идеи о красоте и мудрости божественного мироустройства, о многообразии человеческих лиц и единстве человечества, об особом и predetermined положении каждой песчинки, растения, животного, человека в мире. Возможно, Чехов воспринял эти идеи через посредство сочинений Владимира Мономаха, ссылки на которые с пометой «Мировоззрение» не раз встречаются в материалах к «Врачебному делу» [Чехов, С 16, с. 291, 334, 337, 354].

Так, в «Агафье» (1886) огородник Савка, ленивый и беспечный, «как птица небесная», вдруг начинает философствовать по поводу обреченности: «Про что ни говори, все любопытно. Птица таперя, человек ли... камешек ли этот взять – во всем своя умственность!» [Чехов, С 5, с. 27]. В рассказе «Свирель» (1887) пастух Лука Бедный, сокрушаясь о скорой всеобщей гибели, вместе с тем восхищается: «Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает»; «Земля, лес, небо... тварь всякая – все ведь это сотворено, приспособлено, во всем умственность есть...» [Чехов, С 6, с. 323, 327].

Любопытно, что Лука, всю жизнь проживший в средней полосе России, придает своим наблюдениям обобщающее, глобальное значение – например, он рассказывает об исчезновении рыбы «и в морях, и в озерах, и в реках», об уменьшении количества воды в болотах, прудах, омутах, ручьях [Чехов, С 6, с. 324]. Вообще он тяготеет к «энциклопедизму» и уж если упоминает про рыбу, то называет целый ряд наименований: щуку, налима, язя, леща, ерша; если заведет речь про дичь и зверье, то описывает гусей, журавлей, уток, тетеревов, дупелей, бекасов, куликов, скворцов, орлов, соколов, филинов, волка и лисицу, медведя и лося: «Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерава – туча-тучей! <...> Дупелям, бекасам да кроншпилям переводу не было, а мелкие чирята да кулики, все равно как скворцы или, скажем, воробцы – видимо-невидимо!» [Чехов, С 6, с. 323]. Эта своеобразная эстетика множества объясняется в рассказе Божьим промыслом, «Божьими делами» и имеет своим источником «Шестоднев». Иоанн Экзарх Болгарский призывал своих читателей радоваться красоте мира, «взирая на дела Божии»: «И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами. Для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? <...> Когда же увидим его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то восхвалим Господа... Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков, и иных птиц, а они бесчисленны, – тогда мы, умиляясь, славим творца» [Памятники 1980, с. 185, 191].

«Шестоднев» Иоанна Экзарха оказал серьезное влияние на последующую литературу и использовался Владимиром Мономахом для обоснования своей политической концепции централизованной власти и феодального землевладения, автором «Слова о гибели Русской земли» – для характеристики Руси дотатарской эпохи и в связи с Батыевым нашествием. Как показала Н.С. Демкова, к «Шестодневу» обращался и Аввакум в своих обличениях «никониан» и «алманашников» [Демкова].

Прежде чем определять специфику чеховской интерпретации мотивов «Шестоднева», укажем на важнейшую ступень в освоении этого памятника, который, будучи переводным, вполне «обрусел» и сформировал целую литературную традицию на русской почве. Такой ступенью стала одна из программных статей Н.И. Новикова – еще одно, по-видимому, опосредующее звено между древнерусской культурой и Чеховым. Сочинение издателя журнала «Утренний свет» под заглавием «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру» представляет собой вариацию на темы «Шестоднева»: «...Бог нас сотворил <...>. Мы дело рук его <...>. ... как владыки мира, как божества, для коих

солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят <...>. Бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе. <...> ... нам небо и земля свои услуги оказывают; ...луна освещает нам зрелище природы; звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий древесинами, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставить или выгоду какую, или удовольствие» [Новиков, с. 390-391].

Восхищение мировой гармонией, премудростью божественного мироустройства, продиктованное «Шестодневом» и завещанное литературной традицией, для всех авторов, обращавшихся к данной теме и к данному источнику, становилось отправной точкой для размышлений о человеке. По сути дела, «Шестоднев» – один из первых памятников христианской книжности, где возникает проблема «человек и природа». И решение этой проблемы (в духе христианского универсализма) состоит не только в признании единства человека и мира Божьего, но и в утверждении идеи человеческой личности. Люди должны «еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться!» [Памятники 1980, с. 185]. «Шестоднев», таким образом, отразил завершающий этап самосознания человека, подтвердив, что человек создан по образу и подобию Божьему, что он венец творения и цель его, что в своем высоком призвании и достоинстве он близок к Богу. По мнению А.Я. Гуревича, «средневековье имело ясную идею человеческой личности, ответственной перед Богом и обладающей метафизическим неуничтожимым ядром – душою», но личности, не способной «осознать себя как единую развивающуюся сущность» [Гуревич, с. 315-318]. Новаторство Новикова состояло в том, что он, призывая к осознанию высокого достоинства человека и божественного начала в нем, преследовал просветительские цели, пытался развивать и воспитывать умы и души молодого поколения. Он полагал, что высокие помыслы человека о себе самом заставят его чтить достоинство в каждом человеке (подразумевалось: в любом человеке независимо от социального положения).

Чехов, безусловно, учитывал позицию Новикова и переосмысливал ее, так как устами одного из своих героев говорил: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?» [Чехов, С 13, с. 143]. Чеховские трактовки мотивов «Шестоднева» примыкают не столько к новиковским, сколько к древнерусским: к Мономаху, противопоставлявшему гармонию мира княжеским распрям, к «Слову о погибели Русской земли», сокрушенно повествующему о «болезни христиано», к Аввакуму, поучавшему боярыню Морозову, что солнце одинаково светит и боярыне, и простому мужику. Автор «Свирели», «Агафьи», «Святою ночью» в своем творчестве сосредоточился на анализе нравственного несовершенства и противоречивости человека.

Именно поэтому герой рассказа «Свирель» не радуется красоте мира, а тоскует о его погибели и об измельчании человеческой породы, тогда как восхищение мирозданием становится уделом одних поэтов, одиноких и не понятых людьми (сочинитель акафистов в «Святою ночью» в каждой строчке собирает воедино красоту молнии, неба, солнца, ветра, цветов). Сетования Луки Бедного звучат так: «Нечего греха таить, плошаем из года в год. Ежели теперича в рассуждении господ, то те пуще мужика ослабли. Нынешний барин все превзошел, такое знает, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядеть на него, так жалость берет... Худенький, мозглявенький, словно венгерец какой или француз, ни важности в нем, ни вида – одно только звание, что барин. Нет у него, сердешного, ни места, ни дела, и не разберешь, что ему надо. Али оно с удочкой сидит и рыбку ловит, али оно лежит вверх пузом и книжку читает, али промеж мужиков топчется и разные слова говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается. Так и живет пустяком, и нет того в уме, чтобы себя к настоящему делу приспособить. Прежние баре наполовину генералы были, а нынешние – сплошной мездрюшка!» [Чехов, С 6, с. 325-326].

Человек приближается к божеству благодаря своей способности мыслить – так считали и Иоанн Экзарх («Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю – злаками и деревьями, и море, рыбами всякими исполненное, ... и переходя к человеку, ... не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан тогда ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц. И все пояса, и звезды, эфир, и все небеса, и в тот же час вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел?» [Памятники 1980, с. 193-195]), и тем более просветитель Новиков («Человеки преимущественно... имеют... возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать» [Новиков, с. 391]).

Но способы познания мира человеком могут быть порочными и лукавыми, ум и знание сами по себе не спасают от греха и гибели. Поэтому и «Шестоднев» гласит, что человеку, кроме познания мира («восшествия через видимое к невидимому» [Памятники 1980, с. 191]), необходима вера. К этой мысли присоединяется и Чехов, в творчестве которого гносеологическая проблематика сочетается с аксиологической, этической и который понимает, что «во многом знании много печали», что некоторые открытия в области естественных наук позволяют совершить прорыв в естествознании, но ставят под сомнение само существование человечества. Чеховский Лука не случайно говорит: «На кой прах людям ум перед погибелью-то? Пропадать и без всякого ума можно... бог человеку ум дал, а силу взял» [Чехов, С 6, с. 325]. Наивный и мудрый Лука подразумевает силу прежде всего физическую (пресловутое «вырождение»), но вместе с тем и нравственную, духовную: «Удивление! <...> И куда оно все девалось? <...> Лет сорок я примечаю из года в год Божьи дела и так понимаю, что все к одному клонится. <...> Пришла пора Божьему миру погибать» [Чехов, С 6, с. 323].

Продолжением этих мыслей становятся монологи Хрущова («Леший») и Астрова («Дядя Ваня»): «Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее»; «все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется, точно так вы безрассудно губите человека, и скоро... на земле не останется ни верности, ни чистоты... во всех вас сидит бес разрушения» [Чехов, С 12, с. 140, 144]. Можно заметить, что Чехов ставит проблему так, как, в сущности, ее будут ставить его далекие потомки-продолжатели: Ч. Айтматов, В. Астафьев, Б. Васильев, В. Крупин, В. Распутин и многие, многие другие наши современники. Иначе говоря, Чехов и в этом аспекте, как и во многих других, предопределил направление литературного процесса в XX веке.

Рассуждения Луки Бедного, Хрущова и Астрова обычно воспринимают в контексте экологической проблематики или в связи с общественными настроениями 1880-х гг. [Грачева; Долотова]. Не оспаривая значения научной прозорливости Чехова-естественника, подчеркнем, что особую глубину образам и мотивам его произведений придает в данном случае литературный контекст, в котором эти произведения создавались. На интертекстуальном уровне в монологах героев «Свирели», «Лешего», «Дяди Вани» и других присутствуют мотивы и реминисценции из древнерусской книжности. Кроме уже упоминавшегося «Шестоднева» и «Поучения» Мономаха следует назвать также «Домострой», осуждавший ложную мудрость (к коей относил «чародейство, и волхование, и колдовство, звездочетье, чернокнижье, чтение отреченных книг, альманахов, гадальных книг, шестокрыла») и считавший ее следствием гибель человека и мира: «...наводит Бог по нашим грехам когда голод, когда мор, а то и пожар, а то и потоп, а то и пленение и смерть от язычников; ...то бездожде, то бесконечные дожди и неблагоприятные лета, зима непригодная, и лютые морозы, бесплодие земли и всякой живности – скотине, и зверю, и птицам, и рыбам, и всяким хлебам скудость; утрата родителей, и жены, и детей от тяжелых и ...внезапных смертей после тяжелых и горьких страданий» [Памятники 1985, с. 99].

Оказывается, «погибель всему миру», которую столь тоскливо пророчат Лука и Мелитон, уже не раз имели место в истории, и каждый раз это происходило тогда, когда в душе человека или в отношениях между людьми возникали противоречия, торжествовали пороки гордости и высокоумия, алчности и потребительского взгляда на мир, когда утрачивалась вера в Бога и любовь к миру. Одна из главных коллизий всего чеховского творчества – разлад между человеком и природой (миром, Богом), утрата, по словам Астрова, «непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям» [Чехов, С 13, с. 84].

Если идеалом и философией самого Чехова был христианский персонализм, то есть опора на отдельную, конкретную личность, стремящуюся к добру и ищущую Бога, то в творчестве его оказались воплощены страдания человека нового времени – человека, осознавшего свою индивидуальность, выделившегося из единого человечества, «искусившегося на грамоте» и неизбежно вступившего в конфликт с миром. Если средневековый человек, обладающий христианским самосознанием, отличался «чувством полноты бытия, еще не разъятого... опытом и рефлексией на составные компоненты и не превращенного в отвлеченные категории» [Гуревич, с. 325], то на рубеже XIX-XX вв. человечество оказалось накануне таких фундаментальных научных открытий и переворотов, которые Чехов сравнивал с Мамаевым нашествием и которые поставили под угрозу саму целостность природы, мироздания. Нравственные процессы, происходившие в душе современного человека в условиях глобального экологического кризиса, развитие ноосферы – вот что было предметом художественного исследования Чехова. Древнерусские и древнеславянские источники понадобились ему для достижения наибольшей убедительности и достоверности создаваемых образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачева И.В. Рассказ А.П. Чехова «Свирель» в контексте общественно-литературных настроений восьмидесятых годов XIX в.// Филологические науки. 1994. № 5-6. С. 102-108.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е. М., 1984.
3. Демкова Н.С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 19. Л., 1963. С. 367-372.
4. Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985.
5. Долотова А.М. «Зачем срубили березняк и сосновый бор?» (От «Наивного лешего» – к «Дяде Ване»)// Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1990. С. 83-91.
6. Западов А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). М.: Наука, 1979. 326 с.
7. Лихачев Д.С. “Шестоднев” Иоанна Экзарха и “Поучение” Владимира Мономаха// Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 137-139.
8. Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954.
9. Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.
10. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985.
11. Собенников А.С. Творчество А.П. Чехова и религиозно-философские традиции в русской литературе XIX в. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1997. С. 27-29.
12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. М., 1974-1983.

М.С. Николова

**БОЛГАРСКИЕ РЕАЛИИ БЫТА В ДОКУМЕНТАХ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877-1878 гг.**

Николова Мария Стефанова
кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: m.nikolova@unibit.bg

Рассмотрение документов посвященных русско-турецкой освободительной войне (1877-1878 гг.) – языковедческий аспект исследуемого архивного материала. Наблюдается процесс „переплетение словес”, т.е. интерференция языков – болгарского и русского.

Ключевые слова: интерференция языков, болгарские реалии быта, русский контекст

Разгледани са документи посветени на руско-турската освободителна война (1877-1878 гг.) – езиковедски аспект на изследвания архивен материал. Наблюдаваме „преплитане на думи”, т.е. интерференция на езиците – български и руски.

Ключови думи: интерференция на езиците, български реалии на бита, руски контекст.

The review of papers, devoted to the Russian-Turkish liberation war (1877-1878), and the linguistic aspect of the archival materials under consideration. There is a process of "verbal interweaving", i.e. interference of languages, e.g. Bulgarian and Russian.

Keywords: interference of languages, Bulgarian realities of everyday life, Russian context.

Недавно отметили 135-летие Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., которая стала Освободительной для болгарского народа. Различные аспекты войны изучают историки, политики, краеведы, выявляя новые, интересные факты. Мне бы хотелось представить немного иную точку зрения на эту тему – языковедческую.

В трехтомнике „Освобождение Болгарии от турецкого ига” изданном в АН СССР в Москве в 1961, 1964 и в 1967 гг. собраны тысячи документов, отражающие положение на территории Османской империи и ход Русско-турецкой войны 1877-78 гг. Это оригинальные сведения на русском, болгарском и французском языках. Наше исследование рассматривает язык только документов на русском языке.

Язык этих документов интересен тем, что в русском тексте бытует болгарская лексика в большом количестве. Это очень богатый материал, дающий возможность проследить языковые взаимодействия между двумя близкородственными языками – болгарский и русский. По своему характеру это болгарские географические названия – топонимы, болгарские имена – антропонимы и болгарские реалии быта. По понятным причинам по количеству топонимы занимают первое место, за ним идут антропонимы, а в самом маленьком объеме – это реалии быта, которые являются целью нашего исследования.

При более углубленном знакомстве с лингвистической литературой, касающейся языковых контактов, возникших между близкородственными языками, в частности болгарским и русским, производит впечатление односторонность исследований. В большинстве трудов и работ, касающихся этой проблемы, вопросы рассматриваются или как отражение языковой интерференции, или как влияние билингвизма, причем это делается в связи с искусством перевода, в рамках теории перевода. Такая цель

ограничивает исследования только в рамках семантики. Рассмотрение вопросов языковых контактов между болгарским и русским языками с позиций современной русской фонетики и морфологии почти отсутствуют. Эта малоисследованная сторона вопросов языковой контактологии двух языков дает богатые возможности для выяснения вопросов интерференции и билингвизма в этом аспекте на базе богатого материала – художественной литературы, исторических документов, разговорной речи. Наше исследование ограничивается болгарскими реалиями быта, обнаруженными в трехтомном сборнике, о котором говорили выше.

Термин „реалия” – один из часто встречаемых терминов в теории перевода. Определение этого термина давали почти все видные теоретики перевода например: Л.Н. Соболев, – „Слова из национального быта, отсутствующие в языках других народов из-за отсутствия этих предметов и явлений в других странах”⁶⁷; В.М. Россельс: „Понятия, предметы, не существующие в быту народа, на язык которого переводится произведение.”⁶⁸. Болгарские исследователи Сергей Влахов и Сидер Флорин так определяют реалию: „В нашем понимании это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому”⁶⁹.

Прежде чем обратиться к конкретному материалу, попытаемся выяснить условия, при которых передавались на русском языке названия болгарских и турецких реалий.

В трехтомном сборнике документов „Освобождение Болгарии от турецкого рабства” собраны документы самого разного характера – официальные донесения с фронта, письма, официальные доклады, донесения в штаб и т.п. Датировка документов относит первые из них к началу 1877 г., а последние к концу войны. Это преимущественно сведения русских, находившихся на территории Османской империи. Сведения, касающиеся международного положения и положения внутри Империи. Язык этих документов изобилует не только реалиями быта болгарского населения, но и словами, заимствованными из турецкого языка и отражающие турецкий административный аппарат.

Вообще, и до и после начала войны 1877-78 гг. документы отражают действительность, быт народа, находившегося под рабством. Эта земля по праву принадлежит болгарам, но официально – туркам. На этой территории население говорит по-болгарски или по-турецки. Очень часты случаи, когда болгарин говорит по-турецки, или турок – по-болгарски. Особенно если учесть факт, что авторы-болгары были образованными, то владение турецким языком вполне допустимо. Вправе можно допустить, что автор-болгарин является билингом по отношению к турецкому языку и он мог бы быть знаком с особенностями произношения реалий, заимствованных из турецкого языка. Но, с другой стороны, мы должны ожидать и влияния болгарского при передаче турецких реалий на русском языке.

Более интересно обстоит дело с авторами-русскими, владеющими (или понимающими) болгарский язык. Во-первых, у них реалии бытуют в письменной речи как влияние интерференции, например: „Эти болгаре при всей удалости своих юнаков...”⁷⁰;

⁶⁷ Соболев, Л.Н. О переводе образа образом// Вопросы художественного перевода. М. 1955, с. 290

⁶⁸ Россельс В.М. О передаче национальной формы в художественном переводе (Записки переводчика). — «Дружба народов», М.: 1953, № 5, с. 257—278; Перевод и национальное своеобразие подлинника.— Сб. Вопросы художественного перевода. М.: Сов. писатель, 1955, с. 165—212; «Реалия», статья в КЛЭ, т. 6

⁶⁹ Влахов, С., Флорин С.. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1980. с. 47

⁷⁰ Освобождение Болгарии от турецкого рабства, Сборник документов Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., т. III, с. 178

„Деревни и чифлики горят..”⁷¹; „На полицейском предписании (тескере) объяснялось, что сказанные жители...”⁷².

Во-вторых, запись реалий и, в особенности болгарских антропонимов, во время войны происходило на слух, что и объясняет некоторые „орфографические ошибки”, допущенные определенными авторами, например: „...20 коп. Принимались за 6 **галаганов...**”⁷³; „Христо **Христоф**, Никола **Самеф**, Тино **Христоф...**”⁷⁴; и т.д. Услышанное иностранное слово, хотя в контексте ситуации и понятное для русского слушателя, на письме получает своеобразное графическое оформление, переходя через русское сознание и восприятие и испытывая на себе влияние языковой интерференции. Права А.В. Суперанская, что „Переходя из одного языка в другой, заимствованное слово, и в том числе имя собственное, стремиться найти свое место в системе языка-приемника, для чего ему необходимо наиболее подходящее фонетическое и орфографическое изображение. При этом происходят многочисленные морфологические переразложения, ассоциации и диссоциации, продиктованные спецификой заимствованного языка.”⁷⁵ А если принять во внимание еще и тот факт, что в то время отсутствовало какое бы то ни было пособие по орфографии болгарского языка, то можно понять какую трудную задачу приходилось решать авторам документов.

Влияние интерференции болгарского и русского языком очевидно при транслитерации названий болгарских и турецких реалий. Очень часто транслитерация происходила в тесной связи с сематизацией болгарских языковых единиц.

При включении болгарской речевой единицы в русский текст, авторы сталкивались с такими трудностями:

Во-первых, средствами своего родного языка передать графически иностранное слово, которое часто имело необычное для русского уха и сознания звучание;

Во-вторых, включая болгарскую лексику в русский текст и оформляя ее графически „по-русски”, авторы все же не забывали, что это иностранное слово и старались максимально сохранить хотя бы элементы болгарского эталона.

В результате этого, порожденная при таких условиях речевая единица обычно содержала в себе только отдельные признаки родного языка (русского) и являлась искаженным вариантом болгарского эталона. Другими словами, эта единица жила в какой-то собственной языковой среде, несущей в себе элементы двух языков.

В области графической передачи болгарских слов особенно трудно русские передавали на письме болгарский звук Ъ. Это наблюдается во всех случаях, когда им приходилось отразить на письме реалии, содержащие в себе этот звук – българи, тѣпан, пашалѣк, каймакамлък, кърсердар.

Хотя и редко, звук Ъ в русском тексте передавали через О: „Болгарскую карикатурную газету **Топан**”⁷⁶; „**Болгары** нам сказали, что..”⁷⁷.

Интересно рассмотреть слово **българи** в русских текстах. По понятным причинам это слово отличается большой частотностью, но встречается преимущественно в двух графических оформлениях: БОЛГАРЫ (БОЛГАРЕ) и БУЛГАРЫ. Замену звука Ъ буквой О можно объяснить как приистекающую из слова Болгария – слово понятное и часто

⁷¹ Там же, т. I, с. 212

⁷² Там же, т. II, с. 469

⁷³ Там же, т. III, с. 427

⁷⁴ Там же, т. II, с. 187

⁷⁵ Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1973, с. 10

⁷⁶ Освобождение Болгарии от турецкого рабства, Сборник документов Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., т. I, с. 473

⁷⁷ Там же, т. II, с. 43

употребляемое. „**Болгаре**, греки, армяне...”⁷⁸; „Некоторые из турецких подданных – **болгары** и сербы...”⁷⁹

Но наряду с этой общепринятой нормой в исследованных документах встречается и другое графическое оформление: „Положение наше среди болгарского населения”⁸⁰; „Македонские **болгары**, лишаясь непосредственной защиты...”⁸¹. Из примеров видно, что на месте болгарского Ъ присутствует У – и в самом слове, и в его производных. Это явление предположительно можно объяснить влиянием сербского языка на болгарское произношение, тем более, что эти формы встречаются преимущественно в документах, написанных на территории Сербии, или у границы с Сербией. Это еще раз подчеркивает мнение, насколько важна роль произношения источника болгарского слова.

Но чаще всего этот звук русские авторы передавали через букву **Ы**, звуковой характер которой ближе всего к звуковой характеристике болгарского звука **Ъ**. Подтверждением может послужит транслитерация следующих болгарских и турецких реалий: „Отправились разорять население Видинского и Руцукского **пашалыка**”⁸²; „В деревне Костенско Анисимицкого каймакамлыка...”⁸³; „...Удалило **кыр-сердаря** форта”⁸⁴;

Как видно из указанных примеров в болгарских словах **пашалък, каймакамлък, кърсердар** звук **Ъ** находится под ударением и в русском тексте в таких случаях встречаем **Ы** вместо **Ъ**. Такая замена болгарского звука **Ъ** под ударением буквой **Ы** весьма регулярное явление.

Можно сделать обобщение, что при встрече с названиями, содержащими гласный звук **Ъ**, русские автор, передавали его буквой **Ы**, если в болгарском эталоне звук **Ъ** находится под ударением. В других случаях заменяли его другой буквой в зависимости от каждого случая в отдельности.

При изучении фактологического материала бросается в глаза, что многие реалии, которые легко можно перевести на русский язык, русскими авторами не переведены, а записаны в своем болгарском варианте. Например, слово **ПРОХОД**, несмотря на то, что имеет очень точный русский эквивалент **ПЕРЕВАЛ**, регулярно в документах на русском языке присутствует болгарское слово. Подобное явление наблюдаем и при употреблении других болгарских и турецких реалий – **ХАН, ОПИНКИ, ЧИФЛИК**. На наш взгляд это происходило потому, что конкретные русские авторы не нашли точного эквивалента среди своего русского словарного запаса, или решили, что эти слова достаточно знакомы адресатам. Подобным образом бытуют и другие болгарские реалии: **комита, хайдуги, чета, аскер, помак, юнак, тескере** и .д.

Продолжительное пребывание на территории Османской империи привело к тому, что многие из русских усвоили не только болгарский язык, но и некоторые слова, характерные только для этого времени и для турок – **ГЯУР, РАЯ**. Известно, что эти слова выражают презрение поработителей к поработенному народу. Русские авторы, когда говорили о положении болгарского населения, точно передавали свои наблюдения, сохраняя даже лексику: „...И доводят фактических иностранных подданных до положения **райи**”⁸⁵; „...напали на деревню, чтобы образумить **райю**”⁸⁶; „Настало время перерезать всех **гяуров**”⁸⁷.

⁷⁸ Там же, т. II, с. 45

⁷⁹ Там же, т. II, с. 46

⁸⁰ Там же, т. II, с. 194

⁸¹ Там же, т. II, с. 194

⁸² Там же, т. I, с. 375

⁸³ Там же, т. I, с. 26

⁸⁴ Там же, т- I, с. 28

⁸⁵ Там же, т. I, с. 235

⁸⁶ Там же, т. I, с. 21

⁸⁷ Там же, т. I, с. 250

Употребление этих слов характерно не только для тех авторов, приводящих цитаты, но и для тех, которые сами включают эти слова в свой текст. Они, видимо, чувствовали особый характер, который несет в себе значение этих слов и поэтому даже и не делали попытки переводить их или заменить другими словами.

Но встречаются и реалии, которые авторы попытались перевести: **памуклийка – куртка; помаки – болгары-магометане; махала – квартал, община; чифлики – фермы, глог – терновник**. Из указанных примеров рассмотрим только употребление болгарского слова **помак**.

Эта реалия характерна только для нашего народа и языка. Это название насильственно отуреченных болгар во время турецкого рабства и до сих пор бытует в болгарском языке. Русскими авторами это слово употреблено два раза: „Помаки (болгары-магометане) Ахи-Челебийского округа”⁸⁸; „...И Дели Эмер-ага (помак из дер. Герен)”⁸⁹. Только в первом случае слово переведено, но оба примера из одного и того же документа, так что не было необходимости дважды переводить слово. Перевод весьма точный, хотя и не указывает на причину их появления среди болгарского населения, но указывает на то, чем они отличаются от остальных болгар.

В заключении можно обобщить, что русские, пребывавшие на территории Османской империи до и во время войны употребляли одинаково легко и часто болгарские и турецкие слова, имеющие и не имеющие соответствия в русском языке. Иногда, по неизвестным причинам, они решали переводить, удачно или нет, эти слова на русский язык, из чего можно сделать заключение, что они сами довольно хорошо понимали значение этих слов и иногда даже не пытались переводить их. В данном случае влияние языковой интерференции сказывается на родной, на русский язык. Это видно по тому, что они употребляют иностранные слова в русском тексте, подчиняя их правилам русского правописания – склоняют их, образуют различные формы и т.д. Но нужно отметить, что в одних случаях влияние русского языка, в других – влияние болгарского затрудняли авторов в их сложной задаче – средствами русского языка передать болгарские языковые единицы.

Документы Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. содержат не только исторические факты. Они содержат интересный и богатый языковой материал, изучение которого обогатило бы исследования болгарских и российских ученых в области интерференции болгарского и русского языка вследствие билингвизма по родственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов, С., Флорин С.. Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1980.
2. Освобождение Болгарии от турецкого рабства, Сборник документов Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., т. I и III.
3. Россельс В.М. О передаче национальной формы в художественном переводе (Записки переводчика). – «Дружба народов», М.: 1953, № 5, с. 257-278; Перевод и национальное своеобразие подлинника. – Сб. Вопросы художественного перевода. М.: Сов. писатель, 1955, с. 165—212; «Реалия», статья в КЛЭ, т. 6.
4. Соболев, Л.Н. О переводе образа образом// Вопросы художественного перевода. М. 1955, с. 290.
5. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1973.

⁸⁸ Там же, т. III, с. 149

⁸⁹ Там же, т. III, с. 149

Г. Ю. Османкина

МИСТИЦИЗМ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Османкина Галина Юрьевна
кандидат культурологии, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
E-mail: galaomsk2004@mail.ru

Религия христианства, применяя ряд построений в богословии, использовало элементы мистичности для общения верующих с Богом. В статье рассматривается мистицизм христианской веры, как элемент соединения верующего с Богом. Богопознание осуществлялось через аскезу. Она определяла и обуславливала мистику. Святой Августин и теологи христианства каппадокийцы опирались в своих трудах на мистический и теистический характер религиозной философии, также основанной на аскетизме.

Ключевые слова: Христианство, религия, мистицизм, аскетизм.

Религията на християнството, използвайки редица конструкции в теологията, използва мистични елементи за общуване на вяващите с Бог. В статията се разглежда мистицизма на християнската вяра, като елемент за съединение на вяващата с Бог. Познаването на Бог е извършено чрез покаяние. Той определя и причина за мистицизма. Свети Августин и теолози на християнството Кападокийците се позовават на своите трудове с мистичен и теистичен характер на религиозната философия, също така основаваща се на аскетизма.

Ключови думи: Християнство, религия, мистика, аскетизъм.

Religion Christianity, using a number of constructions in theology, mystical elements used to communicate with the faithful God. The article discusses the mysticism of the Christian faith, as an element of a compound of the believer with God. The knowledge of God was carried out through penance. It determined and cause mysticism. St. Augustine and theologians of Christianity Cappadocians relied in his writings on the nature of the mystical and theistic religious philosophy, also based on austerity.

Keywords: Christianity, religion, mysticism, asceticism

Христианская культура уникальное явление в культуре человечества. Оно пронизано различными импульсами и вобрало в себя лучшие философские, теологические и художественные традиции предыдущих эпох.

Сложение христианской религии происходило в Византийской империи, основанной императором Константином.

Освоение ранее существовавшей философии и религиозной мысли в византийской культуре шло в русле духовно-нравственных исканий, которые по своей сути были близки древним мистическим традициям Востока и античности.

Мистицизм христианскими теологами открыто не признавался. Тем не менее, именно в период становления христианской византийской культуры мистика была одной из важнейших сторон христианского богословия. Без нее религиозная доктрина христиан не могла бы быть понята и раскрыта, так как основой христианского вероучения являлось мистическое понятие «обожение». Историк богословия П. Минин писал: «Для отцов церкви «обожение» – не теория, не догма, а, прежде всего и более всего, факт их внутренней жизни. На этом факте, как на незыблемом фундаменте, они базировались во

всех тех случаях, когда им приходилось решать спорные вопросы своего времени» [Минин П., с. 339].

Теологи христианства видели цель проповедуемой ими религии в приближении к божественному идеалу через очищение человеческой души. Основная тенденция веры проявлялась именно в стремлении через мистическое познание постигнуть сверхъестественное, трансцендентное, божественное путем ухода от чувственного мира к непосредственному общению с Богом.

Известный религиозный философ и богослов В.Н. Лосский утверждал, что богословие и мистика неразделимы. Он писал: «В известном смысле всякое богословие мистично, поскольку оно являет Божественную тайну, данную Откровением» [Лосский В. Н., с. 97].

Рассматривая мистику как один из способов приобщения к бытию божьему, как дар божий, христианство в своем культурном развитии, использовало веру в качестве основного фактора религии, где вера в мистическое познание укреплялась и углублялась. К религиозному же опыту верующего, как следствие, примыкал и мистический опыт.

Христианские теологи утверждали, что каждый христианин приходит к познанию Бога через «Духа Святого», к которому он приобщается еще в таинстве крещения, облегчающего ему путь к мистике. Так, один из христианских богословов А. Позов писал: «Христианская мистика есть путь к идеалу совершенства и богочеловечества, есть реализация Царства Небесного на грешной земле и преддверие грядущего Царства на обновленной Земле» [Пзов А., с. 343].

Реализуя идею мистического видения, церковь с момента своего возникновения выработала и внедрила в практику богопознания аскезу, «умную Иисусову молитву» в виде безмолвного созерцания через дар тайной молитвы. Если мистика – путь к Богу, то аскеза являлась путем к мистике. Поэтому главная задача аскезы (аскетизма) – очистить и подготовить человека к грядущей встрече, сделать его обновленным Христом. На этой основе базировались программы жизнедеятельности христианства, включающие все виды аскезы, скорбь и страдания, которые выступали как средство очищения грешного человека. Так, по учению Церкви, пост способствовал очищению, освобождению души и тела; чтение Св. Писания помогало усвоению его внутреннего смысла; длительная молитва вела к медитации, т.е. внутренней аскезе. Характерно, что аскеза определяла и обуславливала мистику, а мистика венчала аскезу. При этом мистика рассматривается верующими как вершина и конечная цель аскезы. Харизматичность всей православно-христианской системы предопределила непосредственный контакт или встречу верующего с Богом тогда и только тогда, когда Бог направит на молящего «Перст Свой», посылая луч своей «Божественной Силы».

Таким образом, богословие через ряд своих построений готовило верующего к встрече с Богом. Однако в этих построениях присутствовал и иной мотив, который может рассматриваться, как стремление церковных кругов через вероучение обосновать необходимость совершения истинных молитв именно в храме и при помощи его служителей, что оправдывало существование церкви в обществе. С помощью учения о мистике церковь усиливала свои аргументы о необходимости религии и церкви в обществе, т. к. мистика основной своей задачей считала помочь верующему соединиться с Богом. Через Церковь человек получал благодать, посланную Богом за свои «добрые» дела. Тем самым она становилась как бы социальным институтом в отношениях между Богом и человеком.

Об этом писал Аврелий Августин в труде «О граде Божьем». В нем он разработал теологию Церкви, действовавшую вплоть до Реформации. Согласно идее, заложенной в книге, вся мировая история есть история борьбы двух враждебных и непримиримых царств. Эти царства: царство света и царство тьмы (в этом Августин близок к митраизму), или царство Бога и царство Дьявола. Соответственно мирскому миропониманию этих аспектов царство Бога - это Церковь, то есть «Град Божий», своего рода сообщество

избранных; царство Дьявола – Государство. Почему именно Государство? Потому, утверждал Августин, что оно является проявлением зла, так как часто ставится выше Церкви. Эта мысль была положена им в основу его философии и истории общества.

Августин резко противопоставлял Государство и Церковь. Государство, по его утверждению, основано на любви человека к самому себе, на эгоизме. Это область непрерывной борьбы, войны, конфликта, борьбы одних слоев народа против других. Государство – царство греха.

В отличие от Государства, Церковь основана на самоотверженной любви человека к Богу. Государство – «град земной» – может погибнуть. А Церковь, являющаяся единственным истинным представителем царства Божьего на земле, спасется. Спасение, однако, может быть достигнуто лишь в том случае, если произойдет сплочение и подчинение страждущих вокруг Церкви. Августин, тем самым, развивал концепцию божественного абсолютного управления миром в соответствии с его земной формой существования. Однако в самой Церкви он различал две Церкви: видимую и невидимую. Если данную идею рассматривать с точки зрения мистики, то Августин говорит о Великих и Малых мистериях. Так как видимая Церковь у него состоит из крещенных, из всех христиан, т.е. тех, кто посвящен лишь в Малые Мистерии и не знают, и не понимают, не постигают разумом некоторые вещи, данные пониманию лишь избранным. Но есть и невидимая Церковь, которая состоит из избранных Богом, людей, посвященных в Великие мистерии. О них Августин говорил так, что они выбраны Богом для спасения, и никто не знает, кто именно избран. Это известно только Богу.

Элементы мистики присутствуют у Августина и в значении отношения Бога и человеческого разума. В I книге диалогов «О свободном выборе» можно прочесть такую его мысль: «Только через себя самого разум познает нечто вечное и неизменное», т.е. Бога [Августин А., с. 162]. Считая при этом природу разума низшей субстанцией по отношению к Богу. «Ибо, - писал он далее, - мне угодно называть Богом не то, по сравнению с чем мой разум есть нечто низшее, а то, выше чего ничего нет» [Августин А., с. 162].

Августину самому, по-видимому, была открыта какая-то часть Великих мистерий. К такому заключению можно прийти, прочитав его «Исповедь». Он писал: «Мирское бремя нежно давило на меня словно во сне; размышления мои о Тебе (имеется в виду Бог – прим. автора) походили на попытки тех, кто хочет проснуться, но, одолеваемые глубоким сном, вновь в него погружаются» (8, V, 12) [Августин А., с. 105]. И далее Августин описывает свое обращение в христианство. Это произошло следующим образом: он услышал рассказ одного случайного посетителя о том, что, оказывается, все больше и больше людей повально принимают новую веру. Данное сообщение ввергает впечатлительного Августина в состояние глубокого транса. Он упал на колени в саду под смоковницей и дал волю слезам – и в этот момент услышал детский голос, о котором он написал следующее: «И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющего нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» ... Взволнованный, вернулся я на то место, где... оставил уходя, апостольские Послания». (8, XII, 29) [Августин А., с. 112]. Истолковав эти случайные для Августина слова, оказавшегося где-то поблизости ребенка, как само повеление Бога, Августин открывает наугад оказавшуюся у него книгу «Апостольские послания» («Новый Завет») и читает: «Не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти» (8, XII, 29) [Августин А., с. 112]. А далее следовали слова: «Слабого в вере примите!» И хотя Августин дотоле видел в этих самых апостольских посланиях, в том числе в посланиях Павла, много несуразицы, о чем он сам рассказывает в своей «Исповеди», именно эти слова Павла перевернули его душу. Августин уверовал. На него снизошло, как он сам пишет, озарение. Он по-другому стал смотреть на вещи, по-другому воспринимать мир и, читая те же строки из Евангелия, он видел в них уже иной смысл. Не является ли фактом

такое обращение Августина в христианство посвящением его в тайны Великих учений или мистерий? Безусловно, это так. Сам Августин рассказывает об этом Богу следующим образом: «Итак, я с жадностью схватился за прочтение Книги, продиктованные Духом Твоим, и прежде всего за послания апостола Павла. Исчезли все вопросы по поводу тех текстов, где, как мне казалось когда-то, он противоречит сам себе, и не совпадает со свидетельствами Закона и пророков проповедь его: мне выяснилось единство этих святых изречений, и я выучился «ликовать в трепете». Я начал читать и нашел, что все истинное, вычитанное мной в книгах философов, говорится и в Твоем Писании при посредстве благодати Твоей» (7, XXI, 27) [Августин А., с. 99]. Таким образом, Августин был допущен к тайнствам, которые он развивал в своей философии. Он пытался установить взаимосвязь Бога и индивида, т.е. конкретного человека. Не абстрактное понятие человечества, а личностное взаимоотношение каждого живущего на земле человека и сверхличности Бога. При этом такое отношение у него носило эмоциональный характер: все мироздание пронизано любовью и ненавистью, надеждой и разочарованием, грехом и раскаянием в грехе, виной и искуплением вины, обидой и прощением, и т.п. Тем самым Августин придавал этим отношениям эстетическо-нравственные понятия.

Немалое значение отводил Августин и отношению людей к греху. Человек, люди виновны перед Богом, иначе говоря, грешны. Грех у него приобретал метафизическое, космологическое значение. Люди, согрешившие перед Богом (а их вина состояла лишь в том, что они захотели знать, что такое хорошо и что такое плохо), нарушив Его запрет не отведывать плода от «дерева познания добра и зла», отравили все мироздание. Требуется искупительная жертва Христа, чтобы хотя бы немного преодолеть всемирную греховность. Выдающийся английский ученый и философ Б. Рассел так пишет по поводу рассуждений Августина о греховности: «Понятие греха является неотъемлемой частью концепции прямой связи души с Богом, ибо оно объясняет, почему благодетельное Божество может причинять людям страдания и почему, несмотря на это, в сотворенном мире не может быть ничего более сокровенного, чем индивидуальные души. Не удивительно поэтому, что теология, которая легла в основу Реформации, оказалась обязанной своим происхождением человеку, одержимому совершенно ненормальным чувством греха» [Рассел Б., с. 327].

Августин прошел хорошую школу античных философов, отдавал в свое время дань манихейству и неоплатонизму. В результате он осуществил важную историческую задачу – синтез античной культуры и христианства, без которого эта новая религия никогда не могла бы стать тем, чем стала для средневековой Европы и Византии. Учение Августина сыграло важную роль в формировании и развитии средневековой идеологии и культуры. Его концепцию отнюдь нельзя назвать однозначной, поэтому любая попытка ее реконструкции связана с невольным упрощением. Эта неоднозначность Августина открыла возможность того, что разные стороны его учения с одинаковым успехом использовались официальной церковью, ортодоксальной теологией и еретиками. Даже в наши дни христианские теологи и философы снова обращаются к Августину, давшему образцы христианского самоанализа и психологизма.

Огромное значение в IV веке для христианской культуры имели каппадокийцы. Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Назианзин происходили из самой восточной провинции Каппадокия. Главой этой школы был Василий Великий или, иначе, Кесарийский.

Ими была разработана и создана христианская философия, которая опиралась на древнюю историю эллинского мышления. Каппадокийцы хорошо знали античную философию. Особенно близок им был неоплатонизм.

Не последнее место занимал у них и мистицизм. Именно они первыми в христианской культуре открыто стали говорить о Предании, т.е. о мифе, объявив его источником веры. И во второй половине IV века значительная часть церковного Предания получила письменное оформление. Каппадокийцы обратились к древнейшим символам

веры, стали составлять первые своды церковной истории, в которых говорилось о проповеднических подвигах и страстях апостолов и мучеников. Вместе с творениями «отцов церкви» все эти памятники образуют Священное Предание, которое Церковь считает вторым (наряду с Писанием) важнейшим источником христианской веры.

Знали каппадокийцы и о Великих и Малых мистериях. Так, Василий Великий писал: «Из догматов и проповедей, хранимых Церковью, одни имеем в учении, изложенном в Писании, а другие дошедшие до нас от апостольского предания, приняли мы в тайне. Но те и другие имеют одинаковую силу для благочестия» [Василий Великий, с. 87]. Из данного отрывка ясно следует, что некоторые положения христианского учения необходимо проповедовать, разъяснять не посвященным, т.е. верующим людям – «иметь в учении» (Малые мистерии). Другие же положения, которые они приняли в тайне (Великие мистерии), нужно хранить не разглашая. Но те и другие необходимо знать. Мистический и теистический характер данной философской системы связан был у них с идеями христианского аскетизма. Так Василий Кесарийский выступал как ярый сторонник аскетической, монашеской жизни. Ратуя за «чистую» Церковь, которая была бы далека от мирских забот, он создал два устава монашеской жизни. Василий Великий утверждал, что пока человек развлечен земными заботами, он не может познать ясно истину и единственное средство избавиться от забот – это отречение от мира. Он учил, что надо быть без дома, без родины, без товарищей, без имений и поместий, без собственности, т.е. без всего сущего, что приземляет, привязывает человека к земным благам. Здесь у него открывалась одна из сторон мистерий. Лишь отказавшись от всего, через молитву, человек может быть готовым к восприятию в своем сердце божественного учения.

В центре патристической философии «отцов церкви» находилось и понимание бытия как блага, что давало своеобразное оправдание космоса, а, следовательно, мира и человека. У Григория Нисского эта концепция порою приближалась к пантеизму. В своей теологии он испытывал огромное влияние Оригена, разделяя его осуждение ортодоксией эсхатологического учения о временности, а не о вечных адских муках, о конечном просветлении всех согрешивших душ и даже самого Сатаны. Григорий Нисский ярко выразил принцип «ты мне, я тебе», как принцип отношений между Богом и человеком, сказав: «...не просить чего-либо у бога прежде, нежели что-либо угодное ему принесем ему в дар» [Григорий Нисский, с. 402], а также самоуничжительно-просительную позицию человека в его отношении к Богу, ибо «молитва есть прошение благ, униженно обращенное к богу» [Григорий Нисский, с. 402]. Данная концепция Григория Нисского не только не устарела, а, наоборот, приобрела актуальный характер в наши дни. Как отмечают современные церковные служители, у верующих складывается правовое непонимание отношений между ними и Богом. Дескать, я помолюсь, а ты, Господи, мне за это сделай то-то или то-то. Исчезает в таких отношениях ключевой момент – любовь к Богу. Не виновата ли современная Церковь в этом? Ведь Григорий Нисский в IV веке тоже говорил о таких отношениях, но окраску они у него имели совсем иную, наполнены были таинствами. А сейчас эти таинства утеряны. Чтобы вернуть их, наверное, необходимо пройти тот тяжелый и нелегкий путь аскетизма и монашества, который испытывали верующие в Византии в период раннего христианства.

Итак, христианская культура сложилась на основе богословско-догматических представлений и учений, которым были присущи преемственность и стабильность, универсальность и общедоступность, что обеспечило ей популярность и привлекательность особенно в период смены идеологических и мировоззренческих ориентиров. Впитав в себя восточно-языческую мифологию, мистику и античные традиции, византийская христианская культура в IV – VI вв. открыла новую эпоху в средневековой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия. – М., 1991. – 287 с.

2. Августин, А. О свободном выборе. В кн. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М., 1991. – 464 с.
3. Василий Великий. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппидокийской: в 5 ч. – М., 1993. Ч. 2.
4. Минин, П. Главные направления древнецерковной мистики. – Киев, 1987. – 452 с.
5. Позов, А. Богочеловек. Мистика христианства. – Париж, 1977. – 502 с.
6. Рассел, Б. История западной философии. – Новосибирск, 1997. – 815 с.
7. Творения святого Григория Нисского. – М., 1861. – 586 с.

И.Б. Панчев

КАМЪКЪТ В БЪЛГАРСКАТА ЛИНГВОКУЛТУРА

Иво Будинов Панчев
доктор, главен асистент,
Институт за български език Българска академия на науки,
г. София (България)
 Email: ivopanchev@abv.bg

В статъе разсматриваются некоторые аспекты функционирования камня в качестве концепта в болгарском языке и культуре. При использовании языкового материала словарей, корпусов и реестров интерпретируется проникновение камня в нашу жизнь.

Ключевые слова: *культурные концепты, камень как концепт, болгарская культура.*

Статията разглежда някои моменти от функционирането на камъка като концепт в българския език и култура. Чрез езиков материал от речници, корпуси и регистри, се интерпретира проникването на камъка в живота ни.

Ключови думи: *културни концепти, камъкът като концепт, българска култура.*

The article examines some aspects of the concept 'stone' in Bulgarian language and culture. Using language material from dictionaries, corpora and reference books an interpretation of the concept 'stone' penetration in our live was given.

Keywords: *Cultural concepts, 'stone' as a concept, Bulgarian culture.*

Българските учени разглеждат камъка от различни гледни точки. Можем да посочим например написаното от Ст. Стойков за разпространението на *камък*, *камен*, *камик* в българските диалекти (Стойков 1968), написаното от Вл. Георгиев за езиковата реконструкция на *камък* и междуезиковите съпоставки на българската дума с аналогичните ѝ думи в други славянски езици (Георгиев 1969). В по-ново време Т. Чалъкова пише за прототипното символно значение на камъка (Чалъкова 2003), а Р. Петрова разглежда камъка сред „типичните образи от българската природа“ и интерпретира редица паремии с *камък* (Петрова 2013).

В настоящото изследване разглеждаме някои аспекти във функционирането на камъка като концепт в българската лингвокултура, тоест подхождаме от лингвокултурологична гледна точка. Като вярваме, че концептът има езикова реализация в конкретна дума или поле от думи, и следваме примера на вече многобройните лингвокултурни изследвания, се насочваме към данни от речници, корпуси и регистри, за да разкрием част от многообразните начини на проникване на камъка в живота ни.

Разбира се, лингвокултурологията си служи и с материал от други източници, като например анкети и художествени текстове, които на този етап няма да бъдат използвани от нас.

Ако погледнем към първите речникови регистрации на думата *камък* в старобългарския език, ще установим, че в миналото това съществително се е изписвало като „камы“ и „камень“ е имало основно значение 1. Камък. и 2. Каменен блок. Скала. Отделно, в словосъчетания, намираме и допълнителни значения ‘скъпоценен камък’, ‘воденичен камък’, и др. (с. 714 СтБР).

В речника на Н. Геров значенията са четири: 1. Онова твърдо, всекиму познато тяло, което излиза из земята и служи най-много за зидане. 2. Като съб. Много камъни. 3. Болест в бъбреците и мехура на човека. 4. Сол, която се копае от земята на камъни. (с. 344 РГеров).

В академичния многотомен речник на българския език са изведени девет значения: 1. Само *ед.* *Спец.* Твърдата минерална маса, с изключение на рудите, която съставя земната кора и е разпространена върху земната повърхност като твърди минерални тела с неопределена форма и различна големина. 2. Всеки отделен къс от тази минерална маса. 3. Само *ед.* Материал от тази твърда минерална маса, използван в строителството и за изработка на предмети на бита и изкуството. 4. *Стесн.* Малко минерално образуваше в жлъчния мехур, бъбреците и пикочния мехур на човека в резултат от нарушаване обмяната на веществата в организма, конкремент. 5. Само *мн.* *Разг.* Каменна настилка. 6. *Разг.* Воденичен (мелничен) камък. 7. *Разг.* Скъпоценен камък. 8. *Разг.* Парче от стъкло, пластмаса и др., което имитира скъпоценен камък и обикн. служи за украса на накити, предмети и под. 9. *Разг.* Надгробен камък.

Като втора стъпка потвърждаваме наличието на тези значения и степента, в която са актуални, в друг достъпен ресурс на Института за български език „Проф. Л. Андрейчин“ – Българския национален корпус. Търсенето в корпуса по дума „камък“ дава 20640 резултата и като цяло потвърждава наличието на посочените в многотомния речник значения. Най-често срещано е значението ‘отделен къс от скална маса’, като прави впечатление големият брой употреби на фразеологизми в корпуса.

С езиковия материал от регистъра на населените места в България ще придадем ономазиологичен „привкус“ на нашия материал. Това се случва, защото в българската лингвокултура широко се използва думата *камък* и други думи, както синоними, така и членове на **семантичното поле** на камъка, за да се назоват населените места. Ще уточним, че под семантично поле разбираме съвкупност от езикови единици, които са обединени от определен общ семантичен признак, общ компонент на значението (вж. Апресян 1974). В нашия материал семантичното поле на камъка е представено от думите *камък*, *скала*, *гранит*, *мрамор* и някои техни производни. Ще проследим тяхната употреба в топонимите, в частност – в ойконимите. В ЕКАТТЕ 2001 откриваме следните населени места в България, чиито имена са свързани с камъка:

с. Бел камен (Благодеевградско), с. Голямо Каменяне (Кърджалийско), с. Гранит (Старозагорско), с. Гранитец (Бургаско), с. Гранитово (Видинско), с. Гранитово (Ямболско), с. Камен (В. Търновско), с. Камен (Добричко), с. Камен (Сливенско), с. Камен бряг (Добричко), с. Камен връх (Ямболско), с. Камен дял (Варненско), с. Камена (Благодеевградско), с. Каменар (Бургаско), с. Каменар (Варненско), с. Каменар (Разградско), с. Каменари (В. Търновско), с. Каменарци (Кърджалийско), с. Каменец (Ямболско), с. Каменец (Кърджалийско), с. Каменец (Плевенско), с. Каменик (Кюстендилско), с. Каменица (Благодеевградско), с. Каменица (Софийско), с. Каменичка Скакавица (Кюстендилско), с. Каменка (Кърджалийско), с. Каменна (Сливенско), с. Каменна река (Хасковско), с. Каменна Рикса (Монатнско), гр. Камено (Бургаско), с. Камено поле (Врачанско), с. Каменово (Русенско), с. Каменово (Сливенско), с. Каменско (Бургаско), с. Каменци (Силистренско), с. Каменяк (Бургаско), с. Каменяк (Шуменско), с. Каменяне (Кърджалийско), с. Камецица (Габровско), с. Малко Каменяне (Кърджалийско), с.

*Мрамор** (Пернишко), с. Мрамор (Софийско), с. Мрамор (Хасковско), с. Мраморен (Врачанско), с. Остър Камък (Хасковско), с. Побит камък (Кюстендилско), с. Побит камък (Пазарджийско), с. Побит камък (Разградско), с. Сечен камък (Габровско), с. Синьо камене (Бургаско), с. Скала (Бургаско), с. Скала (Силистренско), с. Скалак (Бургаско), с. Скалак (Кърджалийско), с. Скалина (Кърджалийско), с. Скалица (Ямболско), с. Скалице (Кърджалийско), с. Скална глава (Кърджалийско), с. Скалско (Габровско), с. Червена скала (Кърджалийско).

От около 5300 населени места 59 (0,11%) имат „каменен“ произход. Дали това е много или малко, може да се съди само в сравнение: например колко имена на населени места произхождат от лични имена, колко – от имена на дървета, животни и т.н. В този материал не разглеждаме други топоними (като например оронимите и хидронимите), за немалко от които може да се предположи, че също съдържат думи от полето на камъка. По-значеща за нас е подкрепата, която получава твърдението за важността на камъка в българската лингвокултура.

В изследването разглеждаме и представянето на камъка в паремииите. В човешката култура камъкът е в основата на всичко. Под земята има скала, камък. Най-старият културно-исторически период в развитието на човека, първата ера, е каменната. Първият човешки дом – пещерата – е от камък. От камък е и светилището, осигуряващо връзка със света на боговете. Камъкът винаги ще излиза изпод земята, за да ни разкаже човешката история... В началото на новата християнска епоха Господ полага камък (Св. Петър, чието име значи и Камен, камък), за да въздигне църквата си на земята. Ето защо когато нещо се разрушава изцяло, ситуацията се описва с думите *камък върху камък не ще остане*.

Камъкът е вечен и категоричен. Задвижената от човешка сила част от земните недра не може просто да изчезне, тя пада, като понякога наранява и убива. За злонамерения човек е достатъчно да падне там, където ще предизвика отзвук – *камък в нечия градина*. Най-страшното човешко оръжие – словото – е сравнено с камъка: *казана дума, хвърлен камък*. Да, първите човешки оръжия са камъните, хвърляни с ръка и прашка. По-късно камъкът се оформя като острие и полита, закрепен на стрели и копия, или сече под формата на брадва. Камъкът-оръжие е намерил място в описанието на човешката неискреност – неискреният и потаен човек *държи (крие) камък в пазвата си*.

Неотстъпчивостта, непреклонността също имат образ на камък: *Колко от камик вода*. Камъкът не съдържа животворяща вода. Несъстоятелността на подобно очакване ляга в основата на това обезсърчаващо за адресата на поговорката сравнение.

Камъкът си тежи на мястото, казват за човек, (не)приел града, държавата, местообитанието си. Същото казват и за човека, (не)намерил призванието си в живота. Ако човек дълго време не усяда, не намира мястото и призванието си, за него казват *търкаляц се камък мъх не хваща***. След търкалянето в много от случаите идва и моментът, когато човекът поставя *крайгълния камък* в живота си и след време, преодолял *препъни камъните* на съдбата, вече е *дялан камък*: добил е опит, намерил е себе си и знае цената си.

В същото време камъкът е и пречка – когато не успяваме в нещо, ние *удряме на камък*. Като *камък на шията* ни висят непосилните задачи и грижи. *Камък ни ляга на сърцето/душата*, когато се случи нещо наистина лошо. Той тежи там, докато не дойде време да падне – *камък ми падна от сърцето*, тоест, докато не дойде решението на нашия проблем. Далеч по-осезаемо с материалната същност на камъка се срещаме, когато той се появи в тялото ни (вж. речниково значение №4 от многотомния речник по-горе).

Камъкът е символ на студа в отношенията, на липсата на нормални човешки чувства – човек с *каменно сърце*. Има и хора с *каменно каменно лице*, но това определение не е задължително да говори зле за тях, тъй като потиснатата емоция и овладяната страст могат да са от полза в трудни ситуации.

Камъкът надвива живота, но надвива и злото у живота – *да стои/да спи зло под камък*. Камъкът стои изведен над човешката суета и грехопадение. Тук прилягат

красивите стихове на Ат. Далчев: „Алена искра, от теб изтръгната, //камък, истината в теб прозрях: //вечно и светò е само мъртвото, // живото живее в грях“ (Далчев 1984). Става дума за една особена „святост“, която трудно може да бъде измерена с човешките категории на добро и зло, защото ги надхвърля. Това не е благата святост на човека, жертвал се заради вярата, рода, ближния, за която говорим приповдигнато и тържествено, а вечната святост на вселената, която е тишина и покой.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Апресян 1974: *Апресян*, Ю. Д. Лексичека семантика (Синонимическите средства на езика). Москва.
- 2.Български национален корпус: онлайн ресурс на Института за български език. Проф. Л. Андрейчин“. Достъпен на адрес <http://dcl.bas.bg/bulnc/>.
- 3.Георгиев 1969: *Георгиев*, Вл. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. С., Издание на БАН.
- 4.Далчев 1984: *Далчев*, Ат. Съчинения в два тома. Т. 1. Поезия. С.
- 5.ЕКАТТЕ 2001: Единен класификатор на административно-териториалните и териториалните единици в Република България. Национален статистически институт. Съставител Ив. Михайлов. С.
- 6.Петрова 2013: *Петрова*, Р. Български паремии за присмех и похвала. Лингвокултурно изследване (скала на културемите). Серия „Език и култура“ Русе.
- 7.РБЕ: Речник на българския език. Достъпен (до буква „М“) на адрес <http://ibl.bas.bg/rbe/>.
- 8.Р.Геров: Речник на българския език. Съст. Н. Геров. Т. II. Е - К. Пловдив, 1897.
- 9.СтБР: Старобългарски речник. т. I. София, Изд. „Валентин Траянов“, 1999. 1027 стр.
- 10.Стойков 1968: *Стойков*, Ст. Към българското диалектно словообразуване. (Словообразователни варианти на лексемите „камък“, „кремък“, „пламък“ и „ремък“). – В: Български език, 1968, № 4-5, с. 358-368.
- 11.Чалъкова 2003: *Чалъкова*, Т. Пътят към истина и пътища за комуникативност. – В: България като мост между евразийските култури. България, толерантност, евразийство. Шумен. с. 79-87.

*Трябва обаче да посочим, че съществуват различни предположения за етимологията на ойконима *Мрамор*, някои от които не се основават на семата ‘вид камък’

**Тук изхождаме от първоначалното разбиране на латинската пословица *Saxum volutum non obducitur musco*, т.е. порастването на мъха е желано явление, свидетелстващо за благоразумие, привързаност, отговорност. Мъхът обаче може да се разглежда и като нещо отрицателно – например закостенялост, липса на инициативност – и тогава пословицата добива противоположно значение, с което често се използва и днес. Това противоположно значение, свързано с образа на търкалящия се камък като млад несъгласен човек, човек-бунтар, добива особена популярност в англоезичната култура от 60-те години на XX век. Достатъчно е да споменем песента на Мъди Уотърс „Rollin’ Stone“, песента на Боб Дилън „Like a rolling stone“, списанието за попкултура „Rolling Stone“ и, разбира се, великата рок група „The Rolling Stones“.

Е.М. Петровичева
И.А. Николаева

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГУБЕРНСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

Петровичева Елена Михайловна
доктор исторических наук, профессор,
Владимирский государственный университет,
г. Владимир (Россия)
E-mail: helenp94@mail.ru

Николаева Ирина Алексеевна
кандидат исторических наук, доцент,
Владимирский государственный университет,
г. Владимир (Россия)
E-mail: irina.nikolaeva.v80@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблем исторического дискурса гражданской идентичности России в сфере деятельности региональной власти начала XX века. Авторы рассматривают историографический аспект изучения проблем гражданской идентичности. Особое внимание уделено взаимоотношениям губернских органов власти и общественных институтов, соотношению процессов централизации и децентрализации власти, эволюции элементов гражданского общества в России.

Ключевые слова: *гражданская идентичность в России, губернская власть, самоуправление, государственный контроль, взаимоотношения власти и общества.*

В статията се изследват проблемите на историческия дискурс на гражданска идентичност на Русия в сферата на дейността на регионалните власти в началото на XX век. Авторите изследват историографските аспекти на изучаване на проблемите на гражданската идентичност. Особено внимание се обръща на връзката на провинциалните власти с държавните институции, съотношението на процесите на централизация и децентрализация на властта, развитието на елементите на гражданското общество в Русия.

Ключови думи: *гражданска идентичност в Русия, провинциалните власти, местните власти, държавен контрол, отношенията между властта и обществото.*

This article deals with the problems of historical discourse civil identity of Russia in the in the area of regional authorities activity in the early XX century. The authors examine the historiographical aspect of studying the problems of civic identity. The special attention is paid to a problem of the relationship of provincial authorities with the public institutions, to the correlation of processes of power centralization and decentralization, to the civil society elements evolution.

Keywords: *civil identity in Russia, the provincial authorities, local government, state control, the relationship between institutions of state power and society.*

Понятие гражданской идентичности является сложным концептом современной науки. Следует отметить, что исследование гражданской идентичности носит междисциплинарный характер. Основными дисциплинами, где разработанность данной

проблематики значительна, являются социология, психология и педагогика. Однако этого пока нельзя сказать об исторической науке. Начало работе по исследованию феномена идентичности было положено еще в рамках зарубежных исторических исследований Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, А. Тойнби, О. Шпенглера [Вилкова 2012]. В отечественной историографии эти проблемы долгое время оставались не востребованными, и только на современном этапе истории стали уделять самое пристальное внимание изучению гражданской идентичности в историческом дискурсе. Различным аспектам гражданской идентичности посвящены многие современные исследования, такие как работы [Ефименко 2013, с. 56-98] Санина А.Г. [Санина 2012, с. 57-65] Р.Ю. Шиковой [Шикова 2010, с. 91-97], М.А. Юшина [Юшин 2007] и других. Следует признать значительный вклад в разработку данной проблемы Л.М. Дробижевой. В её работах представлены обобщенные результаты исследований, подвергающих анализу российскую идентичность в разных аспектах: этническом, гражданском, региональном. Автор рассматривает вопросы формирования идентичности в России, обосновывает различие понятий государственной и гражданской идентичности [Дробижева 2006, с. 10-30, 218; 2010].

Изучению гражданской идентичности на разных стадиях исторического развития Российской империи, и в частности, в период последних десятилетий ее существования, пока посвящен ограниченный круг исследований. Среди наиболее значимых из них можно назвать коллективную монографию под редакцией Б. Пиетров-Эннкер, Г. Ульяновой [Гражданская идентичность..., Пиетров-Эннкер, Ульянова 2007], в которой рассматривается ряд аспектов проявления гражданской идентичности и гражданской деятельности в эпоху общественных перемен в Российской империи второй половины XIX – начала XX в., работу Малиновой О.Ю. [Малинова 2012], посвященной изучению категорий «общества», «публики», «общественности» в России середины XIX - начала XX века, через призму практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности. Анализу проблем «гражданского общества» в России посвящена книга под редакцией В.В. Шелохаева, где рассматриваются этапы модернизационного процесса российского государства в XX веке [Модели общественного переустройства..., Шелохаев 2004]. В ряде научных работ рассмотрены проблемы гражданской идентичности отдельных социальных слоев Российской империи. Среди них сборник научных статей под редакцией Н.А. Проскуряковой [Гражданская идентичность..., Проскурякова 2013].

Для исторической концепции гражданской идентичности большое значение имеют работы Манфреда Хильдермайера [Гражданская идентичность..., Пиетров-Эннкер, Ульянова 2007, с. 20-21]. Кроме того, проблема гражданской идентичности рассмотрены в монографии и статьях А.С. Тумановой, где изучается процесс формирования гражданских институтов в России начала XX в. [Туманова 2007]. Тем не менее, по-прежнему мало исследованными остаются ряд значимых сфер гражданской идентичности, проблемы формирования гражданского общества в России начала XX в., которые проявлялись во взаимоотношениях власти и общественных структур.

Одной из важных задач развития концепта «гражданская идентичность» является изучение роли государственных институтов процессе становления гражданской идентичности. Исследователи однозначно признают, что государство представляет собой тот ресурс, который может насаждать определенные категории, определения, создавать схемы консолидации. В связи с этим, нами было предпринято исследование особенностей взаимоотношений административных учреждений губернского уровня с самоуправлением и центральной властью в период Думской монархии в Российской империи. Ключевыми институтами коронного управления губернии, подвергшиеся изучению, были губернатор, его канцелярия и губернское правление, которые были наиболее тесно связаны между собой в процессе реализации многочисленных функций управления регионом.

В ходе работы были определены место и роль губернских органов власти в системе государственного управления, изучены характер, способы и особенности взаимоотношений губернских властей с вышестоящими инстанциями на примере

деятельности Владимирской губернской администрации. Особое внимание уделялось проблеме государственного контроля за деятельностью губернской администрации и вопросам реформирования региональных институтов управления. Изученные материалы позволили сделать выводы об эволюции власти губернского управления в начале XX в. в сторону укрепления власти губернаторов при одновременном увеличении элементов децентрализации власти на региональном уровне.

Проведенное исследование показало, что губернская администрация находилась в подчинении практически у всех центральных ведомств, но, в первую очередь, – Министерства внутренних дел, Совета министров, императора и Сената. Она играла важную роль в общей системе исполнительной власти России, являясь связующим звеном в выстраивании вертикали власти и каналом трансляции бюрократического опыта и правительственной политики в регионы. Централизация государственного управления не была абсолютной, чему способствовали как недостаточный уровень развития средств сообщения, так и политика правительства, которое, с одной стороны, пыталось усилить контроль за действиями местной администрации, а с другой – заставить губернские учреждения действовать более самостоятельно, возложить на них большую ответственность за управление регионом. Документы свидетельствуют, что администрация Владимирской губернии стремилась четко выполнять распоряжения и инструкции центра, в то же время она не всегда безусловно шла в русле этих предписаний.

Царскому правительству не было чуждо понимание проблем, существовавших в системе административного управления, но внести в неё существенные изменения до февральской революции 1917 г. не удалось, а попытки решить вопрос соотношения принципов централизации и децентрализации управления в условиях ускорившегося развития социально-политических и экономических процессов определяли противоречивость взаимодействия губернской администрации и центральных органов управления [Николаева 2013; 2015; Петровичева 2014].

Выявление и осмысление ценного опыта государственного управления начала XX в. позволяет подключить его к решению практических задач административного реформирования современной России и формирования региональной политики власти в современных условиях социальной трансформации для наиболее эффективного административно-управленческого обеспечения государства и реализации задач формирования гражданской идентичности в России.

Комплексное применение и критический анализ всех обозначенных видов источников создали условия для всестороннего изучения выбранной темы и помогли наметить будущие направления исследования. В дальнейшем планируется провести изучение социокультурного облика служащих губернской администрации через призму гражданской идентичности, исследовать эволюцию стиля управления губернской администрации с точки зрения зарождения элементов демократической культуры во взаимоотношениях власти и общества, определить факторы, являвшиеся индикаторами демократизации стиля управления.

** Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания Владимирскому государственному университету № 2013/15 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилкова И.В. К вопросу об определении сущности понятия гражданская идентичность // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386>.

2. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. – М.: РОССПЭН, 2007.
3. Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX в.: Сб. статей / Отв. ред. Н.А. Проскурякова. – М.: Новый Хронограф, 2013.
4. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. – С. 10-30, 218.
5. Дробижева Л.М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Портал Сетевого издания центра исследований и аналитики фонда исторической перспективы «Перспективы». – 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/2014/09/10>.
6. Ефименко В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. С. 56-98.
7. Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / Под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле. Т. 1. – М.: НЛО, 2012. – С. 428-463.
8. Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004.
9. Николаева И.А. К вопросу об эффективности работы губернской администрации в начале XX в. (на материалах Владимирской губернии) // Материалы научно-практической конференции: «Владимирский край в истории России: проблемы взаимодействия власти и общества». – Владимир, 2013.
10. Николаева И.А. Губернская администрация периода думской монархии в системе взаимоотношений с центральной властью (на примере Владимирской губернии) // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – 17-25.
11. Петровичева Е.М. Изучение в школьном курсе исторического опыта гражданской активности в России в период поздней империи // Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени. Сб. статей VII сессии Общественно-педагогического форума. 3-4 апреля 2014 года, СПбГУ. – СПб., 2014.
12. Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования (СОЦИС): Ежемесячный научный и общественно-политический журнал. – 2012. – № 12. – С. 57-65.
13. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 гг. – Тамбов, 2002.
14. Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России XVIII – начала XX века // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 50-62.
15. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность молодежи в современной России // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар: КубГУ, 2010. С. 91-97.
16. Юшин М.А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: Дис. канд-та полит. наук. – Тула, 2007.

В.А. Редькин

СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА «ЛЮБОВЬ К БОЛГАРИИ»

Редькин Валерий Александрович
доктор филологических наук, профессор,
Тверской государственной университет,
г. Тверь (Россия)
E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Стихотворный цикл выдающегося русского поэта XX века Владимира Соколова «Любовь к Болгарии» рассматривается в аспекте проблематики, поэтики и русско-болгарских культурных связей

Ключевые слова: *В. Соколов, поэзия, русско-болгарские связи*

Стихотворния цикл на видния руски поет от XX век, Владимир Соколов "Любов към България" се разглежда в светлината на роблема поетиката и руско-българските културни връзки

Ключови думи: *В. Соколов, литература, руско-български връзки*

The poetic cycle of the outstanding Russian poet of the twentieth century, Vladimir Sokolov "Love Bulgaria" is considered in terms of perspective, poetics and Russian-Bulgarian cultural relations

Keywords: *V. Sokolov, poetry, Russian-Bulgarian relations*

Имя выдающегося русского поэта Владимира Николаевича Соколова (1928-1997) одно из самых общепризнанных и почитаемых в русской поэзии второй половины XX века. О нем с восхищением и признательностью писали совершенно разные по взглядам и стилевым ориентациям поэты и критики: С. Чупринин и В. Кожинов, А. Михайлов и В. Дементьев, Н. Рубцов и Е. Евтушенко. В его творчестве находят что-то близкое себе и почвенники, и западники, и те, кто ориентирован на фольклорные традиции, и те, кто ориентирован на современную городскую культуру.

Особое место в творчестве В. Соколова заняла тема Болгарии. Можно сказать, что эту солнечную страну он ощущал своей второй родиной. Не случайно в книге «Сюжет» его стихотворение «Лихославль – это город полей...» непосредственно примыкало к стихам «Из софийской тетради». Так уж сложилась его судьба, что в 1955 году он породнился с Болгарией. Он полюбил болгарку Хенриетту Христовну Попову и женился на ней. Ему пришлось часто бывать в Болгарии и жить там не по одному месяцу. Он много переводил с болгарского, писал стихи об этой стране. Жизнь его жены в 1961 году трагически оборвалась. Видимо, с этим связаны усилившиеся в его поэзии мотивы утраты, тоски по идеалу, по прошлому. Его стихотворение «Венок» стало хрестоматийным, благодаря своей искренности и пронзительности: «Вот мы с тобой и развенчаны. / Время писать о любви. / Русая девочка, женщина – / Плакали те соловьи». Отношение к Болгарии у В. Соколова глубоко лично и сердечно. В сборнике «На солнечной стороне» (1961) поэт публикует цикл «Стихи из Болгарии» из 9 стихотворений. Позже он его назвал «Любовь к Болгарии», заменив несколько произведений. К этому циклу тесно примыкают стихи «Из софийской тетради».

Творчество В. Соколова политематично. Для него важно выявить в цепи ассоциаций, чем близка ему Болгария, исторические корни единства России и Болгарии, свои связи с южной славянской страной на личностном уровне любви, дружбы, своё очарование природой Балкан, своё восхищение древним славянским и современным искусством, поэзией. Взгляд из Болгарии на Россию, из России на Болгарию в его стихах чередуется. Мысленно поэт

постоянно соединяет пространства России и Болгарии. «Сейчас в Москве, наверно, много снега, А здесь гремит булыжником телега...» («Копривштица»), «Софийский снег идет в Москве... Московский снег идет в Софии» («Январь»), «Здесь очень короткие зимы, Не то что в России у нас. / Поэтому неотразимы / Снега, что со мною сейчас» («Тебе обещал я деревья...») и т.д.

К одному из стихотворений в сборнике «На солнечной стороне» поэт ставит эпиграфом слова, услышанные из уст болгарина: «Страна у нас маленькая, но народ великий», – и стремится воспеть величие болгарского народа. В стихотворении «На полминуты замер поезд...» рисуются страдания болгарского народа в XX веке и его мужество в борьбе за свободу. Здесь акцент сделан на классовой борьбе. В 70-е годы мы подобных стихов не найдем. Особое место занимает у В. Соколова тема турецкого ига и русско-турецкой освободительной войны. В стихотворении «Дед Иван» доброе отношение болгар к России рисуется как бы на легендарном, сказочном уровне. Образ русского борца за справедливость мифологизируется: «Дед Иван, добрый дед, крепкий дед. / Нет сильней, справедливее нет. Так Россию мою нарекли / В старых сказках Болгарской земли». Надежда на «дидо Ивана» согревала болгар в годы турецкого ига, когда «полумесяц глядел сквозь туман, как турецкий кривой ятаган». Иван рисуется как огромный сказочный богатырь: «Ох и сила в могучей руке!» Сказка-мечта осуществилась: «За редутом последний редут. / Весть летела: Иваны идут! / Плевна, Шипка... Биенье сердец...» [Соколов 1961, с. 109]. Сказка продолжается и в дальнейших исторических связях России и Болгарии. Но В. Соколов противник громкой лозунговой поэзии, и возвышенный пафос произведения он смягчает лёгким юмором, ибо многим из русских «дедов» не было еще и двадцати лет.

И все-таки в 70-е годы в цикле «Любовь к Болгарии» В. Соколов заменяет это стихотворение другим. Стихотворение «Шипка» посвящено известному болгарскому поэту Георгию Джагарову. Стихотворение диалогично. Болгарский поэт признавался в любви к своей родине и гордился ею. В стихотворении «Болгария» он писал: «Земля моя с ладонь, невелика... / Но все ж в ладони этой в дни лихие / сломалась чаша с ядом Византии, / согнулась сталь турецкого клинка» [Болгарская поэзия, с. 401]. В Соколов, заявляя о любви к южной природе, не может не сказать о тяге к своей Родине: «А шли в душе дожди косые, / И начинался снегопад... / Вдали от пристальной России / Любой березке был я рад». При этом характеристика России здесь, в отличие от стихов начала 60-х годов, далеко не однозначна. «Пристальный» – это не только внимательный, заботливый, чуткий, но и напряженный, настойчивый. Пристальное внимание, по Далю, это надзор. В 70-е годы у Соколова, несомненно, появилось ощущение несвободы. В то же время, как бы отвечая болгарскому поэту, Соколов подчеркивает: «Я жил в Болгарии великой, Я как птенец её парил. Цветы долины Казанлыка / Бургасским девушкам дарил» [Соколов 1989, с. 321]. Внимание поэта с «отъявленных» войн переключается на цветы и девушек. Конечно, поэт не может забыть и о жертвах русского народа: «Легли и ново, и старинно за этих девочек и птах». Официально-бравурная интонация заменяется доверительной и даже интимной.

В стихотворении «София», открывающем цикл, подчеркивается главное, что сближает друзей, – чувство Родины. В первой части стихотворения встает вопрос о правильном понимании людей, разговаривающих на разных языках. Нашлась болгарская девушка, которая знает русский язык, и кажется лирическому герою, встретившему в Софии родные березки, что никакой он не иностранец. Но прежде всего поэт любит близкий его душе болгарский язык:

Стихали в груди удары.
Мне часом казался миг.
Простите меня, болгары.
Я выучу ваш язык.
Он твердый язык и нежный.
В нем близкая нам душа.
На вашей земле зарубежной
Не чувствуешь рубежа [Соколов 1989, с. 304].

Поэту София кажется золотой и при свете солнца, и при свете луны. И хотя во второй части говорится о московских снах, о каких-то спорах, но поэт как бы примиряет всех человеческой мудростью:

О том, что отечество – это
Не только пространство земли.

Оно и дома, и рассветы,
Что трудно оставить вдали.

Оно и родимая крыша,
И помыслы наших годин,

И все, чем живет оно, дышит,

Чем дышишь и ты, его сын [Соколов 1989, с. 306].

«Наверное, все мы такие - / Солдаты, певцы и сыны», – делает вывод поэт.

Историческое мышление В. Соколова проникает и в его пейзажную лирику. Так, поэтизируя болгарское жаркое горное лето и речку Тополницу, он в отсветах грозы видит прошлое страдание народа: «И речка, краса Среднегорья, / На миг показалась мне женщиной, / Припомнившей давнее горе. / И чьи-то мне слезы почудились / И в волнах - тела неживые. / И темными ордами сгрудились / Над ней облака грозовые».

В связи с «проблемой дома» в стихах болгарского цикла В. Соколов развивает цыганскую тему. В стихотворении «Цыгане» рисуется живописная картина цыганского табора на берегу речонки Тополнице. Карты, гаданье, предсказанье судьбы – это экзотика цыганской жизни. Два мира, кочевой и оседлый, настолько отчуждены друг от друга, что болгары пугают цыганами детей. Но это одна точка зрения. Поэт находит и другую, перекидывая мостик понимания между разными народами. А сближает их трудовая, нелёгкая для всех жизнь, природа, и красота: «Кто шатры убирал, / Кто сидел над тазами, / Молотком громыхал, / Да паял, да лудил их. / Дети голые шумно / На деревья влезали, / Мух цветами сгоняли / С грустных морд лошадиных» [Соколов 1989, с. 310].

И все-таки у лирического героя невольно возникают вопросы: «Что их по миру гонит, / Где их родина в мире, / Как живут они, / Крова родного не зная?» «Всюду их дом», или они когда-нибудь кончат кочевать? Поэта волнует вопрос, как соединить любовь к просторам земли и любовь к собственному дому. К этой проблеме поэт возвращается в стихотворении «Самолет, воспоминание» («Из софийской тетради»). Цыганский хор летит из России на гастроли в Софию, но поет известный романс «Я ехала домой...», и это вызывает сложные ассоциации у лирического героя, связанные с собственным домом. Он мысленно обращается к Болгарии: «Как много лет прошло в родстве без окоема. / А я все вспоминал, что все лечу домой, / Что все лечу домой. Из дома в дом. Из дома».

В. Соколов не был бы выдающимся русским поэтом, впитавшим в себя традиции золотого и серебряного века, если бы ограничил свое восприятие Болгарии периодом освободительной войны и современностью. Подобно М. Волошину, который в пейзажах Крыма улавливал отголоски древности, Соколов стремится передать свое ощущение древности болгарской земли и балканской цивилизации. Особенно ярко это передается в стихотворении «Камень» («Владения камня»), где рисуются Балканские горы как место неизменной борьбы, «бесплодной тяжбы гранита» с корнями деревьев. Произведение вырастает до философского постижения бытия. Но камень – это не только косность или консервативное начало жизни, а чуждое ему воинство сосен – это не только символ развития, движения, прогресса. В камне верность традиции, основа древней культуры, а движение жизни, сама живая природа несет в себе и разрушение: Именно поэтому автору «открывается древняя область печали»: «Обломок вершины, / Развалины выступов горных / Лежат, как руины / Акрополей, некогда гордых. / Цветами обвиты / Кладбищенские перекрестки – / Надгробные плиты / И мемориальные доски» [Соколов 1989, с. 312].

В стихотворении «Хотел бы я долгие годы...» поэт писал, что на милой его сердцу родине, в России, он стремился «любить её светлые воды / И темные воды любить», то есть в метафорической форме подчеркивал свою готовность любить и светлые, и темные страницы

истории, быть с родиной и в минуты её радости, успеха, подъёма, и в трудные, кровавые годы испытаний. Такое же отношение у поэта к историческому бытию Болгарии. Разрушение гор подобно разрушению памяти, в том числе памяти о героических сражениях за освобождение Болгарии. Вводя объединяющее поэта с русским народом местоимение «мы», он заостряет внимание на том, что и русские воины пытались увековечить свои подвиги: «Как мы тесаками, / Обвалы и ливни когда-то / На них высекали / Свои поминанья и даты». Но все надписи могут быть стерты, если уж и камень не вечен. И тут же автор вновь переводит разговор от русско-турецкой войны в обобщающий исторический план: «Здесь копыта скрестили / Часы синевы и ненастий / Над гибелью стилей, Над прахом великих династий». Время преходяще, и только орел черной точкой «парит отвлеченно» над горами «ни в прахе, ни в страхе», потому что не участвует в титанической борьбе, которая идет на земле. Заканчивается произведение лирическим эпилогом, в котором автор выражает свое отношение к этой драматической борьбе жизни, устремленной к новому, и памяти о прошлом. Его мечта – сложить из камней «преткновенья», составляющих основу жизни, прекрасное здание, «чтоб вечнозеленое древо с камнями дружило». Но, подобно орлу, глядя на мир с высоты «двух тысяч метров над уровнем моря и века», поэт вынужден констатировать, что «нет человеку спасения от человека». Проблемы мироздания, таким образом, сопрягаются с социальным планом.

Пейзаж у В. Соколова глубоко психологичен, подчинен настроению лирического героя. Поэтично рисуется снегопад в Софии в стихотворении «Январь»: «Как будто лебеди большие / Вершат свой вечный перелет. / И отдыхают. И взлетают. / И перья белые роняют... / Сугробы белые спадают. / Сугробы белые взлетают». Но это описание по ассоциации с понятием чистоты связывается у поэта с чувством искренней дружбы: «Как лебеди, как журавли, / Взлетят в искрящейся пыли, / Крылами белыми шурша, / Как дружбы чистая душа».

Хотя критики обычно включали В. Соколова в «обойму» тихих лириков, поэтов большей частью деревенских, ориентированных на ценности национальной культуры, он, по сути, поэт городской. Не случайно один из своих сборников поэт назвал «Городские стихи». Большое влияние на него оказала урбанистическая поэзия А. Блока. Это проявилось и в стихах, посвященных Болгарии. В стихотворении «Мириадами глаз глядели...» он как бы вступает в диалог с маленьким болгарским городком. Все детали городского пейзажа кажутся поэту одушевленными, и ему хочется своим словом раздвинуть дверь былого: «Мне казалось – я должен что-то / Непременно сказать ему, / Городку, всем его воротам, / Стенам, прячущимся во тьму». Но темный ночной город своими памятниками сам обращается к поэту, открываясь ему навстречу светлой памяти. Поэту открылась не одна дверь, как он хотел, а «шло преданье, громыхая всеми дверьми», «шло и в счастье своем, и в гнев».

Внимание к внутреннему миру человека находит воплощение у Соколова не только в пейзажной и любовной лирике, но и в стихах об искусстве, о поэзии. Поэт утверждает идеал нравственной чистоты, искренности, гармонии с окружающим миром, стремится к естественности. Стихотворение «Копривштица» имеет два варианта. В сборнике «На солнечной стороне» - это песня о маленьком городке - яростном враге грозной Османской империи, о его жителях – людях «непокорных, рослых, гнущих запросто медь».

Смерть иль свобода! И резкое
Слово призыва, как меч.
Это – восстанье апрельское,
Словно бы огненный смерч,
Словно бы кратер, открывшийся
Злу и насилью на страх!
Вот что такое Копривштица,
Маленький город в горах [Соколов 1961, с. 107].

В 70-е годы появляется стихотворение с тем же названием, посвященное памяти великого болгарского поэта конца XIX – начала XX веков Димчо Дебелянова, который в Копривштице родился и похоронен: «Я выполнил завет – прийти к поэту, / Которого давно

искал по свету / И наконец-то все-таки нашел. / Я так хочу быть на него похожим / На языке и схожем, и несхожем... / Его удел был легок и тяжел» [Соколов 1989, с. 314].

В первом стихотворении затрагивается проблема народного ремесла, народного искусства, когда национальная резьба над ставнями становится формой духовного сопротивления поработившему страну врагу. Во втором - поднимается одна из основных проблем искусства о способах и адекватности выражения художником своих впечатлений и внутреннего состояния: «Мне хорошо, но все-таки обидно, / Что не могу я сразу рассказать / О том, что вижу, и о том, что снится». Для индивидуального стиля В. Соколова вообще характерно, что ассоциации, связанные с искусством, поэзией, живописью, музыкой, проникают в образную систему поэта:

Копривштица выходит из тумана,
Как будто из старинного романа
Гравюра знаменитого письма,
Чернея на легчайшем белом фоне...
А воробей, присевший на балконе,
Все облетевший ветви и дома,
Как жизнь сама – пиши иль не пиши, -
Чирикает, как хочет, от души [Соколов 1989, с. 315].

Поэт размышляет о беспредельных возможностях искусства, загадочности чувства любви, извечных тайнах мироздания.

В стихах «Из софийской тетради» (1975) усиливается трагический пафос, связанный с личной утратой. Появляются мотивы одиночества, несбывшихся надежд, утраченного счастья. «И вот я в Болгарии ныне один... - с грустью признается поэт в стихотворении «Тебе обещал я деревья...» - Один в серебристую темень, / Слегка от дороги устав, / Брожу под деревьями теми, / На похороны опоздав». И хлопья снега на могиле кажутся белыми гвоздиками, а выполнить данные обещания можно только в ином мире. В стихотворении «Балканский сырой ветерок...» предутренняя синь и прозрачный февральский туман воспринимаются лирическим героем как знак особой вести: «И снег, и зеленая высь, / И белый цветок на столе, / И солнечный зайчик, как мысль / О том, что ты есть на земле». И вновь поэт возвращается мысленно в стихотворении «Так ничего я и не написал...» к теме последнего прощания с любимой. Он представляет себя «кустом поникшим» и «подкатывает к сердцу лишь одно далекое страданье...» Его душу мучает сознание, что самые сокровенные стихи в Болгарии им не были написаны. И если раньше он как бы улавливал строки болгарских поэтов, то теперь надеется на то, что кто-нибудь ощутит его стихи «за строчкой строчку»: «И – от меня в далеком далеке - / Заговорят несмело. / Пусть не на русском даже языке, Не в этом дело».

В. Соколов во многом предвосхитил тенденцию обращения русской поэзии к традициям православной духовности, возрождение которой началось только в 90-е годы. Следует подчеркнуть, что уже в 60-70-е годы для поэта было характерно сопряжение тем любви, природы и веры. Образы церкви, храма как носителей духовности уже в то время стали сквозными в его поэзии. Так, он писал в стихотворении «Старые церкви» о временах притеснения православия в Болгарии, имея в виду, несомненно, и современную Россию:

А церкви нет-нет и рождались.
Но, чтоб сохранить высоту,
Они в глубину зарывались,
В земную, в родимую ту.
Церквушки невидные эти,
Две трети тая под землей,
Казались пониже мечетей,
А были повыше иной [Соколов 1961, с. 113].

Характерно, что в 70-е годы В. Соколов заново редактирует это произведение, выбрасывая строки, написанные в угоду конъюнктуре 50-х годов: «Как память о днях невозможных / Они доживают свой век. / Я им поклонился, безбожник, / Неверующий человек».

А слова «Да бог с ним, с Христом. В нем ли дело?» заменяет строкой «В тиши векового предела». Он пишет о духовности болгарского народа, единой с духовностью народа русского, о православной вере, которая помогла победить врага-иноверца:

В тиши векового предела
Я думал о святости ран,
О душах, что выбить из тела
Не смог никакой ятаган.
В церквушках-то вовсе не глухо
Сказались характеры те.
Я думал о стойкости духа,
О верности и высоте [Соколов 1989, с. 316].

Все тревоги и беды мира поэт воспринимал как свои собственные. Ему свойственно чувство обостренной совести, умение мучиться чужими болями. Он ощущает личную ответственность за каждую слезу, пролитую ребенком на земле. Следует подчеркнуть, что преемственность помогает В. Соколову создать свой, неповторимый поэтический мир. Фольклор, достижения мировой литературы, национальная классика – это воздух, в котором парит птица его собственной поэзии. Но его отзывчивость к чужому горю – это не столько традиция Аввакума, Ф.М. Достоевского или Н.А. Некрасова, сколько общее свойство русского и болгарского национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгарская поэзия. М., 1982. – 634 с.
2. Соколов В.Н. Избранное: Стихи. Поэмы. М., - 1989.
3. Соколов В.Н. На солнечной стороне. Стихи. М., 1961. – 360 с.

А.А. Ровенских

ИСТОРИЯ И НАСТОЯЩЕЕ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЕЙ

*Ровенских Анжела Анатольевна
кандидат политических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Университет «ДжунгБу»,
г. Тэджон (Республика Корея)
E-mail: angelroven@mail.ru*

В данной статье, автор попытался выделить и проанализировать основные исторические моменты влияния русской культуры на взаимоотношения с Корейским государством, а также диагностировать проблемы и определить направления для будущего взаимодействия.

Ключевые слова: культурная политика, история России, корееведение, культура, дипломатические отношения, национальный суверенитет.

В настоящата статия, авторът се опитва да открие и анализира основните исторически моменти на влиянието на руската култура върху взаимоотношенията с Корейската държава, а също така да диагностира проблемите и да определи насоките за развитие на бъдещи взаимодействия.

Ключови думи: културна политика, история на Русия, странознание на Корея, култура, дипломатически отношения, национален суверенитет.

In this article, the author tried to allocate and analyse the main historical moments of influence of a Russian culture on relationships with the Korean state, and also to diagnose problems and to define the directions for future interaction.

Keywords: *politic of culture, history of Russia, Korean Studies, culture, diplomatic relations, national sovereignty.*

Знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будет неполным и даже в некоторой степени поверхностным, если исследователь, проявивший внимание к какой-либо национальной культуре, не обратит его на основополагающий компонент, а именно – склад мышления другой нации, национальную логику, восприятия мира и его оценки. В такой ситуации люди наталкиваются на предел понимания, но об этом часто не подозревают. Чтобы добиться взаимного понимания, необходимо учесть, что представитель определенного народа, определенной национальной культуры воспринимает мир иначе, чем его собеседник – представитель другой культуры.¹

Россия, чья граница соприкасается с Корейским полуостровом, является для Кореи ближайшим соседом, но в то же время и страной далекой. Отношения, складывающиеся между Россией и Кореей на протяжении истории, не были столь близкими, и развивались иногда скачкообразными темпами. Из давних записок дипломатов, русские узнавали, что Корея – это небольшая страна с красивой природой, расположившейся между Китаем и Японией.

Со времен далекой истории, Россия устремляла свои взгляды главным образом в сторону Европы, а за Южной Кореей, принудительно открывшей свои двери для западной цивилизации в конце 19 века, на долгое время закрепилось название «страны утреннего спокойствия».

В 1854 г. Фрегат «Паллада» под командованием адмирала Путятина посетил ряд портов Кореи начиная с порта на о. Комудо и кончая портом Даамчжин в провинции Хамген. Несмотря на настойчивые заявления японцев и американцев о том, что Путятин якобы требовал от Кореи открытия портов, как это делали американские² и французские военные корабли, до сих пор не удалось найти ни одного документа, подтверждающего эту версию.³

Китайский консул в Японии Хувн Чжун Сян в книге «Чао Сиен Цэ люэ» («Корейские интриги»)⁴ писал о том, что для отражения русской агрессии нужно создать тройственный китайско-японско-корейский союз. Он также пытался доказать, что в Корее для решения этой задачи следует не только войти в тройственный союз, но и опираться на США. В те годы в Японии активно распространяли тезис об «агрессивности» России. Но позиция правительства Кореи была другая. Как представляется автору, Коджон осторожно, терпеливо проводил линию на диверсификацию связей Кореи с другими странами, чтобы избавиться от вассальной зависимости от Китая. Он не видел опасности от России. Не случайно в «Коджон силок» («Хроника правления Короля Коджона») за 26 февраля 1881 г. Написано, что для Кореи от России нет никакой угрозы, а вот попытки завязать контакты с США только способствует приходу врага.⁵ В 1882 г. Известный корейский реформатор Ким Ок Кюн встретился в Токио с консулом России в Японии Р. Розеном и попросил его передать пожелание правительства Кореи подписать договор с Россией. Он же, посетив в конце декабря 1883 г. – начале 1884 г. Консула России в Японии А. Давыдова, еще раз передал, что Корея хотела бы подписать договор о дружбе с Россией. 27 июня 1884 г. Консул России в Тяньцзине К. Вебер прибыл в Сеул, и уже 7 июля был подписан договор о дружбе и торговле. В конце 19 века, как король Кореи Коджон получил укрытие в российском посольстве, были все возможности для дальнейшего сближения двух стран, однако стремительные политические перемены, которые происходили как в одной, так и в другой стране, напротив лишь отдалили их. Вполне закономерно, что на протяжении 20 века вплоть до установления дипломатических

отношений в 1990 году культурный обмен между двумя странами носил косвенный и ограниченный характер.

Влияние России на Корею, можно предположить пережило несколько этапов: от подозрительности (начальный этап во и второй половине 19 в.), больших надежд (90-е годы 19 в. – начале 20 в.), воодушевления (1917-1945 гг.), подражания (1945 г.) до глубокого недоверия, резкого отрицательного мнения (1946-1988 гг.), нового осмысления (1990-2000 гг.) Частично это связано с объективной ситуацией в мире и ролью в самой России в Корее.

На втором этапе, Советская Россия воспринималась корейцами как общество справедливости, и они возлагали большие надежды на помощь России не только в их национально-освободительной антияпонской борьбе, но и в будущем устройстве страны. Один из представителей антикоммунистических сил, Юн Чи Хо, посетив в ⁶1932 г. Свою родину – пров. Хамген, отметил, что не только молодежь, но и старшее поколение увлекаются большевистскими, коммунистическими идеями.

Раскол Кореи и Корейская война 1950-1953 гг. оказали большое влияние на позитивный имидж СССР в Северной Корее и на формирование негативного имиджа в Южной Корее. Здесь, по мнению автора следует подчеркнуть и роль президента Пак Чжон Хи, который подобно многим корейским интеллигентам того времени, увлекся левыми идеями и даже одно время был участником подпольной коммунистической организации, но быстро разочаровался в коммунизме и в 1950-1953 гг., во время Корейской войны стал одним из лучших боевых офицеров армии Юга.⁷

Пак Чжон Хи и его соратники хотели видеть Южную Корею сильным и богатым государством – но проблемы, стоявшие тогда перед страной, казались неразрешимыми. Как впоследствии написал сам генерал: «У меня было такое чувство, как будто я принял дела обанкротившейся фирмы».⁸

В Корее практически нет полезных ископаемых, так что Па Чжон Хи не мог следовать примеру арабских стран, которые начинали делать состояния на нефти. Более того, даже сельскохозяйственными продуктами небольшая, но густонаселенная страна Корея себя не обеспечивала, и физическое выживание населения зависело от американской продовольственной помощи. Единственным наличным ресурсом были сами корейцы, их высокая трудовая культура, их готовность работать. Именно на это и была сделана ставка, и легло в основу «экономического чуда.» Понятно, что это время, еще сильно было влияние американской культуры.

Установление дипломатических отношений в 1990 году ознаменовало новый этап в истории культурных отношений между Россией и Кореей. После долгого разрыва было положено начало для непосредственного взаимодействия в области культуры и искусства, которое совпало тем периодом, когда с окончанием холодной войны и рушением биополярной системы Южная Корея распахнула свои двери на 360 градусов. Отказ от старых предубеждений и избавление от идеологических шор позволили Южной Корее более полно принять культуру России и адресовать свою культуру и искусство другим странам. В эти годы, по мнению автора можно назвать расцветом в культурных взаимоотношениях между нашими странами. В те годы на полках книжных магазинов все чаще появляются не только дореволюционная классическая, но и советская литература. Спрос на нее был не малый. Раскупали молодые корейцы Толстого, Чехова, Достоевского и конечно Горького (зачитывались романом «Мать»)⁹. Немало популярна была и русская эстрада. В частности, пользовавшийся огромной популярностью сериал «Песочные часы» начинался с песни «Журавли» в исполнении Иосифа Кобзона. Корейцы хорошо знают известные русские песни «Катюша», «Очи черные», «Подмосковные вечера».

В те же годы набрали популярность зарубежные туристические поездки. Считалось, что каждый уважающий себя кореец обязательно должен посетить Москву и С. Петербург. Вместе с тем активизировались взаимоотношения в области культуры и искусства. Ведущие театральные и эстрадные коллективы из России посещали Южную

Корею, сначала их гастроли вызывали большой общественный резонанс. Постановки в исполнении балетных трупп Большого и Мариинского театров, концерты ведущих симфонических оркестров, а также выступления прославленных солистов были в центре внимания южнокорейской прессы. Талантливая южнокорейская молодежь отправлялась в Россию для обучения музыкальному, танцевальному и сценическому искусству. Южнокорейские университеты с прицелом на будущее открывали факультеты русоведения. Это было так называемое время «русского бума». Южнокорейские аспиранты и студенты выбрали для себя специализацию на русском языке и литературе, русской истории, политике и экономике и отправились для обучения в Россию – настолько горячим был их пыл.

На первом этапе культурного обмена художественные коллективы из обеих стран устраивали концерты независимо друг от друга, дальше появились примеры совместных постановок. В 2004 г. Корейские артисты (в самом звездном составе) в театре Чондон устроили мемориальный концерт, посвященный столетней годовщине со дня смерти А.П. Чехова. В знак глубочайшего уважения перед творчеством великого русского драматурга было решено отказаться от гонорара.¹⁰ На премьере в центре первого ряда был размещен портрет Чехова. Это событие, освещаемое прессой, оставило глубокое впечатление в сердцах читателей.

Жители Южной Кореи испытывали возрастающий интерес к русской культуре и искусству, однако спустя некоторое время после установления дипломатических отношений этот интерес начал постепенно угасать. По мнению профессора из Университете Хангук, Ким Хен Тэка, это было вызвано целым комплексом причин. В качестве основного фактора можно назвать то, что корейцы успели утолить свое любопытства по отношению к России- «неведомой стране».¹¹

Кроме того однообразный репертуар театральных трупп, неоднократно гастролировавших под громкими именами с приставками Большой, способствовал девальвации русской культуры. В последнее время появляются симптомы падения интереса и на факультетах русоведения в корейских университетах. Статус этих университетов, которые раньше выбирали лучшие студенты, снизился, а в некоторых провинциальных вузах они зачастую закрываются и переименовываются. Более серьезная проблема в том, стремительно убывает количество студентов, мечтающих поступить в аспирантуру и вырасти в ученых, которые пришли бы на смену нынешнему поколению русоведов.

Если в Южной Корее сложился неоднозначный имидж России, как страны с великой классической культурой и нестабильным обществом, то в России благодаря качественным южнокорейским товарам сформировалось положительное представление о Корее, однако в то же время наблюдается пробел в знаниях о ее традициях и культуре.¹² У большинства россиян Южная Корея ассоциируется с компаниями Samsung, Hyundai, LG.

В России сложилось крепкое представление о Корее, как об экономически развитой стране. Однако двадцати лет, на наш взгляд, оказалось мало для того, чтобы познакомить россиян с корейскими традициями и культурой.

Итак, подведем итоги.

Вполне очевидно, что после установления дипломатических отношений между Южной Кореей и Россией ,в области культуры и искусства есть очень положительные результаты. До установления дипломатических отношений, в Корее существовал огромный интерес к русской культуре, и был накоплен потенциал для ее восприятия, однако этот бесценный капитал не был использован должным образом. А для Южной Кореи: ситуация следующая: на основе положительного имиджа корейских товаров у россиян сформировалось дружественное представление о Корее, однако эта доброжелательность не в полном объеме переросла во взаимопонимание и интерес к корейской культуре.

Однако за это время был накоплен определенный опыт, и созрели условия для того, чтобы взаимоотношения эволюционировали от прежних односторонних помыслов до взаимного диалога и сотрудничества. Поэтому на данный момент нашей задачей является подготовка стратегии, которая на основе накопленного опыта выведет культурный обмен между нашими странами на более высокий – качественно и количественно – уровень. И шаги в этом направлении предпринимаются.

Соглашение об отмене визового режима, изменило поток межличностного обмена. В пятницу, 24 октября, в южнокорейском городе Пусан прошел 4-й экономический форум "Пусан - Дальний Восток России". В этом ежегодном мероприятии, организатором которого выступил Центр корейско-российского сотрудничества при Фонде содействия международной деятельности Пусана, приняли участие политические и общественные деятели, дипломаты, бизнесмены, ученые, юристы журналисты, студенты и представители экспертного сообщества двух стран. Практически все докладчики форума упомянули начало действия с 1 января 2014 года безвизового режима, что придало серьезный импульс активизации двусторонних связей и обменов. Почетный профессор Пусанского университета Лим Чжон Док признал, что, несмотря на важнейшую геополитическую роль России, для Кореи уровень двустороннего сотрудничества до сих пор оставляет большой потенциал для активизации связей.¹³ Вместе с этим он назвал Россию "территорией больших возможностей". Профессор университета Гонсо Пэ Су Хан представил результаты исследования эффекта введения безвизового режима. Согласно этим данным, отмена виз привела к тому, что количество российских туристов, посетивших Республику Корея (РК), выросло на 38,6 процента.¹⁴

В заключении хотелось бы отметить, что необходимо подготовить программу культурного обмена, адресованную школьникам и студентам, которые будут определять направление будущих взаимоотношений между нашими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оршак О.В. К вопросу о концептуальной картине мира //Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы 5-ой межвузовской научнойконференции. Москва, 26.012006.
2. Хань Ень У. История Кореи: Новый взгляд (пер. с корейского)/Под ред. М.Н.Пака. М.: Изд.фирма «Восточная литература», 2010.
3. Ен Гап Су.Чосонгва росиа гукген суригва чосон чонбуы дэын (Установление границы между Кореей и Россией и реакция корейского правительства),(Образ России в Корее: четыре века российско-корейских отношений с 17 по 20 вв.- Новое мышление. 4.Сборник докладов научной конференции. 17 ноября 2009 г.)
5. Хо Дон Хен. Гындэ (1876-1945) хангук ины росиаинсик (Образ России в Корее нового времени (1876-1945)Сборник докладов научной конференции. 17 ноября 2009 г.)
6. Юн Чи Хо илги: 1916-1943. Дневник Юн Чи Хо. 1916-1943.Екса Бипхенса, 2001. (Издательство «Историческая критика», 2001.
7. Материалы кокференции рксско-корейской ассоциивции. Сеул, 27 сентября 2013 г.
8. Исследование «Образ Южной Кореи в российских СМИ», Российский Левада-Центр, 2013г.
- 9.«Российская газета», М. 24 октября 2014 г.
- 10.Нарочницкий А.Л.Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860-1895гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- 11.Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1867-1898). Автореф.дисс... доктора ист. наук / Б.Б.Пак, М., 2006.
12. Корея:десятилетие новых возможностей. М.:ИДВ РАН. 2011. ISBN 978-5-8381-0198-3, с.35.
13. Хань Ень У. История Кореи: Новый взгляд (пер. с корейского)/Под ред. М.Н. Пака. М.:Изд.фирма «Восточная литература», 2010, с.323.

14. Пак Б.Д. «О начальном периоде корейской эмиграции в Россию» с. 26. The commemoration of 140-th year of Korean immigration to Russia 2004, International Academic Conference & The Footprints of Korean. 10.06.2004 1 Ким Г.Ф. «СССР и Корея». Москва. Главная редакция восточной литературы. 1988 с. 12.
15. См: Syngman Rhee. Japan Inside Out: The Challenge of Today, 2nd Ed. New York: Fleming H. Revell Co., 1941. P.188-190.
16. Ланьков А.Н. Быть корейцем... М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. ISBN 5-17-032481-2 (ООО «Издательство АСТ») ISBN 5-478-00137-6 (ООО «Восток-Запад»), с. 508.
17. Яровой В. Корея, военный плацдарм японского империализма. М. 1939 с. 38.
18. Лаптев С. «Демографическая угроза или упущенный шанс? Выходцы из Восточной и Юго-Восточной Азии в России» /Сергей Лаптев //Неприкосновенный запас. №5. 2002. с.40-44.

Е.И. Сачев

СЛАВЯНСТВО, КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БУДУЩИЙ МИР

Сачев Евгений Иванов

доктор экономических наук, профессор,

Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,

г. София (Болгария)

E-mail: svubit@gmail.com

В тексте, в контексте устойчивого развития общества, автор рассматривает значение славянской культуры для развития человеческой цивилизации. Обосновывается необходимость выяснения роли славянских народов в устойчивом развитии человеческой цивилизации и в частности как основа для развития нового „партнерского общества“. Предлагает, в условиях глобализации, разработать долгосрочную Стратегию для устойчивого развития всех славянских народов.

Ключовые слова: *славянская культура; концепция устойчивого развития; цивилизационное развитие; партнерское общество.*

В изследването се разглеждат ролята и значението на славянската култура за развитието на човешката цивилизация в контекста на концепцията за устойчивото развитие. Обосновава се необходимостта от изясняване приносите на славянските народи в устойчивото развитие на човешката цивилизация, като основа за развитие на новото „партньорско общество“. Изтъква се нуждата от създаването на дългосрочна Стратегия за устойчиво развитие на всички славянски народи в условията на глобализация.

Ключови думи: *славянска култура, концепция за устойчиво развитие, цивилизационно развитие, „партньорско общество“.*

The research examines the role and significance of the slavic culture for the development of the human civilization in the context of the conception for sustainable development. It justifies the need for clarification of the contribution of the slavic nations to the sustainable development of the human civilization as a base for the development of the new "partnership society ". It is pointed out the need for the creating of a long-term Strategy for sustainable development of all slavic nations in the conditions of globalization.

Keywords: *slavic culture, conception for sustainable development, civilization development, "partnership society"*

Это модель цивилизационного развития, опирающаяся на современное понимание устойчивости и предполагает сохранение всей ресурсной базы развития, причем кроме природной среды как основу всех деятельности, надо включить капитал, социальный и человеческий потенциал, культурное и историческое наследие. Это концепция появляется в начале 80-ых гг. XX в. В начале выявляется взаимосвязанность, взаимообусловленность и взаимодействие между окружающей средой и экономикой. В 1972 г. в Стокгольме состоялась конференция по проблемам окружающей человека среды и на ней было принято решение создать Программу ООН по окружающей среде. В докладе Комиссии ООН по окружающей среде от 1987 г. разработаны принципы о человеческом измерении устойчивого развития. Оно стало основным мотивом социальной и экономической деятельности человека, представляет собой развитие, созревание, организация, выполнение и достижение полноты по отношению потенциала. В отличие от сторонников глобальной модели, сторонники модели устойчивого развития считают, что отдельные общества и страны не имеют достаточного потенциала объективно определить степень развития индивидов. Нет, а и не может быть единого мнения по отношению характеристик состояния полного развития. Понимание процесса развития меняется в процессе самого развития, оно отражает меняющиеся субъективные взгляды. Вот почему концепция устойчивого развития отражает ценностную систему и моральные нормы общества и индивидов.

Ресурсы необходимо использовать так, чтобы обеспечить базу развития на продолжительный период времени. Это означает обеспечить непрерывный процесс развития при нарастании его интенсивности. Вот это и есть необходимое условие, чтобы развитие было устойчивым. Это и есть основное качество цивилизационного процесса. У него две стороны: непрерывность и интенсивность, устойчивость и изменения. У самого устойчивого развития два компонента:

- наличие развития, процесса реального нарастания благосостояния;
- устойчивость процесса развития – наличие условий постоянного продолжения развития при увеличении его интенсивности.

Считается, что начало концепции устойчивого развития было в XVII веке в Германии по отношению эффективного и эффективного использования лесных ресурсов.

Это, однако, не правда. Идея устойчивого развития зарождается еще с появлением первых форм социальной организации людей. А они, это бесспорно, не только по археологическим данным, зарегистрированы на территориях, исконно населенных прото-славянскими общностями. Это культурные модели общественных отношений, которые как варианты формы восприняты и доразвиты другими прото-этническими общностями. Древние славяне европейцы самого древнего типа. Это европейцы, формировавшие доримские и догерманские социокультурные традиции. Античные авторы часто пишут о их свободолюбивости, демократичности при принятии общих решений и о их солидарности. Древние славяне не были свободолюбивыми индивидуалистами, что характерно для древних греков, например. Древние славяне были носителями ряда открытий и изобретений. Они являются первооткрывателями многих социокультурных и социально-экономических моделей государственной организации, которые привели к прогрессивному развитию европейских народов. Эта их инновативность основывается на восточноправославных ценностях, на которых стоит общеславянская культура. Поэтому так много попыток насильственного подчинения славянских народов со стороны агрессивных западноевропейских государств и коалиций. Очень много инноваций впервые были внедрены славянами. Многочислены их вклады как и по отношению научных исследований, так и по отношению технических изобретений. Можно сказать, что славяне, как и в прошлом, так и сегодня, являются источником инноваций и культурноисторической устойчивости для европейской модели устойчивого развития. В отличие от западных регионов Европы славяне создают устойчивые социокультурные системы и социокультурные институты. И этот процесс длится тысячелетиями.

В основе модели прогрессивного устойчивого развития стоит культура. Культура, которая является фундаментом современного образования, просвещения и культуры. Сегодня, в условиях ускоренной глобализации, информационное общество уступает перед новым пониманием современных общественных отношений, опирающихся на культуру, воспринимаемую как самый важный, ключевой приоритет устойчивого развития. Новая парадигма XXI в., базирующаяся на концепции устойчивого развития – это переход нашей цивилизации от „информационного общества“ к „партнерскому обществу“ на базе общекультурных достояний человечества, для достижения которого большой вклад имеют славянские народы.

Окончательно концепция устойчивого развития формируется после Конференции по проблемам окружающей среды, состоявшейся в Рио Де Жанейро в 1992 г. На конференции принят План 21, который становится основой для множества международных, национальных и местных инициатив для устойчивого развития.

Все еще нет общепринятого определения понятия „устойчивое развитие“.⁹⁰ Из всех самое распространенное то, что это развитие, обеспечивающее потребности настоящего поколения, не уменьшая возможности для удовлетворения потребностей будущих поколений.⁹¹

В отличие от остальных концептуальных подходов к моделям цивилизационного развития, сторонники модели устойчивого развития рассматривают историю конкретного народа и государства не самостоятельно, отдельно, а в сравнении с историей других народов и государств. История не летопись судьбы отдельного народа или государства. Она отражает развитие человечества в целом, а история отдельного народа или страны – это определенный вариант или форма, неотъемлемая часть цивилизационного развития и отражает специфику или стиль, определенное качественное изменение этого общего развития. Подобное развитие позволяет понять сущность, содержательную характеристику исторических процессов и событий, их особенности. Подход устойчивого развития дает возможность выяснить самоцельность данного народа или страны, их место

⁹⁰ **Другие определения устойчивого развития:**

1. Устойчивое развитие - это развитие, отвечающее нуждам настоящего, не отнимая у будущих поколений возможность встречать свои нужды. – Комиссия ООН по проблемам окружающей среды (доклад Брундтланда).
2. Любое общество, которое ставит себе задачу устойчивого развития, должно экономически и социально развиваться таким образом, чтобы привести к минимуму те деятельности, чьи расходы за счет будущих поколений, а когда эти расходы неизбежны – предусмотреть компенсации. (Дейвид Пиърс, 1993).
3. Высший принцип устойчивого развития выражается в максимализировании человеческого благосостояния и в обеспечении подходящей экономической, социальной и природной базы будущим поколениям. организация экономического сотрудничества и развития, 1998.
4. Хорошая жизнь всем людям в гармонии с природой (Донела Медоус, 1998).
5. Устойчивое развитие - это совместная эволюция человеческих и природных систем (Хартмут Босел, 1999).

⁹¹ **Опорные точки в определении „устойчивого развития“:**

1. Окружающая среда. Включает: старые загрязнения окружающей среды, вредные эмиссии предприятий и транспорта.
2. Экономика. Включает: техническую инфраструктуру, новые технологии, реконструкции старых индустриальных зон, приватизацию, экономическое реструктурирование, конкурентноспособность.
3. Общество. Включает: местную политику, законодательную инициативу, координацию Программы 21, усиление роли неправительственных организаций и гражданского общества, улучшение качества жизни.

в мировой истории и культуре. Он дает возможность не обвязывать догматически определенные исторические и культурные явления с экономическими интересами и способами производства. Подход к цивилизационной модели устойчивого развития формирует принципы, согласно которым можно лучше определить не только социокультурное значение любого государства и народа.

Для славянских народов это означало бы следующее:

- определить историческое место славянских народов в развитии цивилизации или мировой человеческой общности;
- понять особенности их общественных организаций и институтов в сравнении с опытом других народов и государств;
- дать полное и целостное представление об историческом пути развития славянских народов и государств в их сложности в целом, о причинах, вызвавших трудности в их развитии;
- выяснить альтернативы общественно-экономического развития славянских народов и государств на разных этапах их истории;
- выявить роль славянского культурного и исторического наследия для развития человечества;
- выявить специфику коллизий в борьбе по проблемам исторического выбора отдельных славянских народов и стран.⁹²

Развитие человечества следует рассматривать как эволюционный социобиологический процесс, у которого в своем проявлении социокоммуникативный и социокультурный характер.

Традиционные ученые считают, что культурная и биологическая эволюция человека разделены во времени. а это означает, что с момента становления современного человека действие биологических законов на него практически прекращаются. На определенном этапе биологической эволюции физиологические, соматические и поведенческие изменения становятся настолько большими и необратимыми, что они дают толчок появлению цивилизационных характеристик в социобиологическом развитии человечества. Американский социолог и культуролог В. Грант пишет: „Культурная эволюция наносит еще один слой, или если хотите, ряд слоев на природу человека. Двойственная конституция – в известной степени биологическая, в известной степени культурная – накапливается в человечестве в процессе эволюционного развития.”⁹³

Именно в этом социокоммуникативном взаимодействии человека с человеком, человека с природой, человека с обществом (общностью) находит отражение концепция общего эволюционного цивилизационного развития человечества как социобиологический организм. Выяснение фундаментальной роли славянских народов в условиях сегодняшней глобализации больше чем необходимо. Для этого нужно произвести углубленный анализ роли и значения славянской культуры для развития человеческой цивилизации и выработать долгосрочную Стратегию устойчивого развития всех славянских народов в соответствии с новыми приоритетами нового „партнерского общества“.

⁹² **Современное развитие цивилизации** связывает общественный прогресс с выбором отдельных людей и их общности, рассматриваемой как единая коммуникационная система. Включены человеческий разум и совесть, чувство солидарности и социальной справедливости. Цивилизация – это такое общественное устройство и общественное состояние, при котором человек контролирует те природные силы и общества, которые угрожают ему и стремится приумножить те силы, которые может использовать для перспективного развития каждого человека и всей человеческой цивилизации.

⁹³ Грант, В. 1991. Эволюционный процесс: Критический образ эволюционной теории, М., с.435.

С.А. Степанов

ВКЛАД НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СЛАВЯНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ

Степанов Станислав Александрович
доктор педагогических наук, профессор
кафедры гуманитарных наук,
Академия МНЭПУ,
г. Москва (Россия)
E-mail: president@mnepu.ru

Характерной для совместных российско-сербских изданий была и научно-прикладная тематика, освещающая вузовский опыт двух славянских народов.

Ключевые слова. *Сотрудничество, книга.*

Характерна за съвместните руско-сръбски издания е била и научно-приложната тематика, която хвърля светлина върху университетския опит на двата славянски народа.

Ключови думи: *сътрудничество, книга.*

The scientific and applied themes covering the university experience of the two Slavic peoples were characteristic for the joint Russian-Serbian editions.

Key words: *cooperation, book.*

Празднование славянской письменности в этом году ознаменовано важным событием в культурном общении России и Сербии – возвращением недостающей страницы Мирославова Евангелия — древнейшего памятника сербской письменности, внесенного в реестр программы ЮНЕСКО «Память мира» и недавно доставленной из России в Белград.

Мирославово Евангелие, написанное около 1180 года, хранится в Национальном музее Сербии в Белграде. Свое название оно получило благодаря записи писца — дьяка Григория, который оставил свидетельство, что эта рукопись была написана им «златом» для князя Мирослава Завидовича — брата Стефана Немани — основателя сербской династии Неманичей. Мирославово Евангелие состоит из 171 листа. Оно написано в два столбца на пергаменте высокого качества. Украшающие рукопись инициалы в начале страниц, выполненные красками с применением золота, по мнению искусствоведов, превосходят по своим художественным достоинствам многие другие славянские образцы своего времени. Рукопись заключена в деревянный переплет, обтянутый коричневой кожей, который был создан в XV-XVI веках.

Евангелие хранилось в сербском монастыре Хиландар на греческом полуострове Афон. Предполагается, что оно была привезено туда основателем монастыря Хиландар Стефаном Неманей, скончавшемся на горе Афон в 1199 году. В 1845-1846 годах Хиландарский монастырь посетила русская духовная миссия во главе с архимандритом Порфирием (Успенским), который был настолько очарован красотой рукописи, что извлек из нее одну страницу и вывез в Россию [4].

История возвращения одной страницы – казалось бы – незначительная акция торжества справедливости и добра – в наше беспокойное время, представляет собой символ единения культур славянских народов, разобщенных политиками больших и малых стран. Одновременно это событие, как и традиция празднования зарождения

славянской письменности способствует упрочению дружбы славянских народов в условиях глобализации.

Пониманию современной картины мира с ее противоречивыми проявлениями глобализации в экономике, культуре, науке, политике, экологии и т.д. , а также объединению совместных действий по преодолению рисков и негативных проявлений этой глобализации должна активно содействовать высшая школа с ее академическими и научно-исследовательскими контактами вузов всех стран и континентов.

Именно российские вузы (МГУ им. М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов, Академия труда и социальных отношений, Ростовский государственный университет, Международный независимый эколого-политологический университет (МНЭПУ) и др.) в самые трудные годы для Югославии, подвергшейся экономическим и политическим блокаде Запада в конце прошлого века, продолжали активное научно-образовательное сотрудничество. Не случайно, в дни приема по случаю Дня республик у Чрезвычайного и полномочного Представителя Югославии в России профессора Данило Ж.Марковича, его гости из вузовской среды полусерьезно гомоваривали: блокада блокадой, а наука и славянское культурное общение превыше всего!

Благодаря именно профессору Д.Ж.Марковичу – известному в мире и прежде всего в России специалисту социальной экологии, глобальных процессов экономики и образования установились и стал развиваться академические и научные связи МНЭПУ с университетами г. Ниш, г. Нови Сад, г. Подгорицы в области социальной экологии.

Важное направление в сотрудничестве МНЭПУ и университета г. Ниш стали ежегодно проводимые совместные научные конференции и совместное издание научных монографий по проблемам социальной экологии, экологического образования и экологической культуры. Так, вышедшие три совместных издания, в том числе «Экологическая культура и образование: опыт России и Сербии»(2006 г.), «Социокультурные измерения в условиях глобализации. Опыт России и Сербии»(2011г.) внесли заметный вклад в теорию современного образования, экологической культуры.

В книге «Экологическая культура и образования; опыт России и Сербии» рассмотрены аспекты: экологии и культуры мира; духовно нравственные и правовые основы коррекции культуры; экопедагогика: проблемы трансляции экологической культуры. Сербские и российские ученые пришли к единому выводу, что «экологическая культура может и должна рассматриваться не как одна из рядовых разновидностей культуры (например, физическая культура, нравственная, правовая и др.), но как смысл и новое качественное состояние культуры в целом как культуры, обеспечивающей системное видение целостного мира, целостное развитие личности и общества в гармонии с природой. Именно в этом, новом качестве культура должна входить в учебный процесс всех звеньев системы непрерывного образования» [2,10].

В предисловии к последней весьма объемной совместно изданной книге «Социокультурные измерения в условиях глобализации. Опыт России и Сербии» подчеркивалось, что мировой финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. выявил проблему отсутствия комплексных средств измерения состояния мирового сообщества и его болевых точек для научно-обоснованных выводов и предостережения политиков всех уровней и гражданского общества стран мира относительно угроз, являющихся следствием глобализации.

Так, анализ причин кризиса, - отмечается в этом издании, - усилил поиск институциональных средств социально-экономического и политического измерения. Именно в этот период завершился беспрецедентный по своим масштабам в истории международной статистики проект глобального международного сопоставления валового внутреннего продукта (ВВП) по 146 странам мира (проект осуществлен при поддержке Секретариата ООН, МВФ,ОЭСР и Евростата) для сравнительного анализа экономик различных стран, регионов мира и мировой экономики в целом. Учеными канадского университета Конкордии разработана математическая формула зависимости между

количеством углекислого газа, попадающего в атмосферу и ростом средних температур, дающая возможность более обоснованного прогнозирования катастрофических климатических изменений на нашей планете. Эти новые средства инструментального измерения и анализа вместе с существующими международными индексами (индекс развития человеческого потенциала, инновационный индекс, индекс развития информационно-коммуникационных технологий, индекс коррумпированности, индекс сохранности окружающей среды, индекс здоровья городов, индекс качества жизни в городах и др.), безусловно, способны значительно увеличить прогностический потенциал науки в оценке настоящего состояния и будущего развития мирового сообщества в условиях глобализации мировых процессов.

Читатели этой книги узнают, что на важность оперирования комплексом таких индикаторов и средств социально-экономических, политических и экологических измерений в условиях глобализации мировой политики и экономики указывал еще в своем докладе на международном конгрессе ЮНЕСКО в 1972 году в Венеции, посвященном глобальным проблемам современности, академик Н.Н.Моисеев (основатель и первый президент МНЭПУ в 1992-2000гг). Центральным событием этого конгресса, как известно, был знаменитый доклад Римского клуба «Пределы роста», сделанный американским профессором Д.Медоузом. Советский ученый тогда признал этот доклад полезным для общего информирования и для весьма наглядной «демонстрации того тупика, к которому приведет современный путь развития мирового сообщества» и призвал научные сообщества стран мира к разработке основ научной *стратегии* своего развития. А в качестве инструментария по измерению параметров и результативности такого развития, особенно с учетом последствий его влияния на биосферу, академик предложил создать вычислительную систему, способную имитировать функционирование этой биосферы. Предложение осталось не услышанным на международном уровне, но это не помешало Академии наук СССР организовать работу коллектива математиков во главе с Н.Н. Моисеевым по разработке указанной вычислительной системы. Первые же расчеты этой группы доказали предположения американского исследователя К. Сагана о губительности для человеческой жизни на земле последствий крупномасштабной ядерной войны («ядерная зима»). Результаты советских исследователей-математиков и подтверждение потом их американскими коллегами стали серьезным научным предупреждением политикам и руководителям ядерных держав, что и предопределило сдерживание и прекращение гонки ядерных вооружений в 80-х годах прошлого века [2,15].

Приведенные примеры научного прогнозирования социально-экономических и экологических аспектов жизни общества с использованием научных измерений этих аспектов и замедленной реакции политиков на предостережения ученых говорит об отсутствии у последних надежных и убедительных комплексных инструментов *измерения*, а у политиков - *культуры* восприятия и работы с научными рекомендациями, как и традиций и технологий поддержания культуры мира и добрососедства в сложных экономических ситуациях, приобретающих глобальный характер.

В статьях этого и других российско-сербских сборников отмечается, что экологическая культура, система психолого-педагогических измерений уровней этой культуры в различных группах людей и сообществах становится не только институциональной задачей и сложной проблематикой теоретических и прикладных исследований ученых, но и гражданского общества различных стран [1,10].

Отсюда социокультурный анализ процессов глобализации требует своего инструментария для измерения, оценки и научных прогнозов практической реализации идей устойчивого развития и своевременного устранения угроз для человечества, вызванных глобализацией. Это особенно актуально для социокультурных измерений последствий и эффективности предпринимаемых мер в связи с усиливающимся глобальным экологическим кризисом.

Характерной для совместных российско-сербских изданий была и научно-прикладная тематика, освещающая вузовский опыт двух славянских народов. Так, проблемы модернизации профессионального экологического образования, рассматриваются через призму реализации образовательных программ подготовки кадров по специальностям: «Экология», «Природопользование», «Геоэкология», которая показала, что общий для трех специальностей блок общепрофессиональных дисциплин значительно важнее специальных для каждой из этих курсов. Различия между специальностями существенны, но объединяющие их общее основание из фундаментальных и профессиональных дисциплин составляет основу дальнейшей деятельности выпускников, значительно преобладающее над дифференциальной образовательной надстройкой [2,343]. Это утверждение автора подтверждает актуальность реформирования современного образования в соответствии со Стратегией Европейской экономической комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития (2005), предусматривающей изменение методов и содержания образования.

Важным вкладом ученых МНЭПУ в исследование последствий военной агрессии стран НАТО против Югославии в 1999г. стала работа заведующего кафедрой экологии МНЭПУ профессора Судо М.М. по изучению экологических последствий бомбардировок гражданских объектов и инфраструктуры Югославии через месяц после окончания военных действий. Научный отчет о проделанной работе был заслушан на ученых советах МНЭПУ, университета г. Ниш и представлен в ЮНЭП, министерства охраны окружающей среды Югославии и Российской Федерации.

К десятилетию этих событий МНЭПУ издал небольшую, но емкую по содержанию и человеческому трагизму книгу «Мы вместе создаем мир будущего». Презентация этой книги проходила в посольстве Сербии в апреле 2009г. с участием почетного доктора МНЭПУ, академика РАН, а в те трагические для Югославии дни, председателя правительства России Евгения Максимовича Примакова. Именно он в знак протеста в связи с начавшейся в марте 1999 г. военной агрессии НАТО против славянских народов Югославии (Сербии и Черногории) развернул самолет над океаном, в котором летел на переговоры в США и отменил эти переговоры.

Академики РАН Залиханов М.Ч. (в центре) и Примаков Е.М.(справа) на презентации книги «Мы вместе создаем мир будущего» в посольстве Сербии в Москве

Все годы сотрудничества МНЭПУ с университетами г. Ниш, г. Нови сад мы учились друг у друга, через неформальные контакты обогащали свой научный и педагогический багаж, а порой и получали уроки славянской этики. Так, во время

юбилейного торжества в университете г.Ниша руководитель одного из российских вузов произнес приветствие на английском языке, за что услышал справедливый упрек ректоров вузов из Восточно-европейских стран в неуважении к русскому языку и своей стране. Это был примечательный урок для всех нас - российских представителей.

Проходят годы, десятилетия, меняются правительства стран, их политические предпочтения и переориентации в сложном глобализирующемся мире. Но научно-образовательное сотрудничество высшей школы славянских народов всегда должно оставаться на высоком уровне, поддерживая и развивая основы славянской культуры, трудной истории славян в XIX, XX веках и нынешнем непростом XXI веке.

У музейного стенда МНЭПУ и его гости всегда внезапно и настороженно спрашивают об одном экспонате – куске черного металла с острыми углами от мины, разорвавшейся у детской кроватки в г.Белграде и привезенном профессором Судо М.М. из научной экспедиции 1999г.

Страшный реликт того времени и трагические события в славянской Украине должны постоянно напоминать ученым всех стран простую истину: нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего. Для этого ученым славянских стран нужно четче формулировать научные прогнозы, проблемы, более аргументировано представлять их политикам и лидерам гражданского общества и постоянно поддерживать научный и гражданский диалог представителей славянских культур

ЛИТЕРАТУРА

1. Экологическая культура и образование: опыт России и Сербии/под редакцией С.Н.Глазачева, Д.Ж.Марковича. – Ниш-Москва: Roller print, 2006. – 566 с.
2. Социокультурные измерения в условиях глобализации. Опыт России и Сербии/Под ред. С.Н.Глазачева, Д.Ж.Марковича, С.А.Степанова. – Ниш -Москва: Изд-во МНЭПУ, 2011. - 432 с.
3. Мы вместе создаем мир будущего/Предисл. проф.МНЭПУ С.А.Степанова и проф. М.М. Судо /.-М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. – 48 с.
4. [http://news.ra/ТАСС/09/03/2015/Электронный ресурс.](http://news.ra/ТАСС/09/03/2015/Электронный%20ресурс)

Е.В. Стоянова

С.Я. Петкова-Калева

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В БОЛГАРИИ

*Стоянова Елена Викторовна
доктор филологии, профессор,
Шуменский университетим. Епископа Константина Преславского,
г. Шумен (Болгария)
E-mail: elvikstoyanova@abv.bg*

*Петкова-Калева Стефка Янчева
доктор филологии, доцент,
Шуменский университетим. Епископа Константина Преславского,
г. Шумен (Болгария)
E-mail: st.kaleva@abv.bg*

В статье рассматриваются проблемы преподавания русского языка как иностранного болгарским филологам-русистам в условиях новой лингвокультурной

ситуации. Представлен учебно-методический комплекс, в основе которого лежат методологические особенности подготовки студентов-филологов, развитие научной мысли и лингводидактики. Принцип национальной ориентированности подачи учебного материала при усвоении русского языка и формировании вторичной языковой личности базируется на традиции русско-болгарских контактов как основы формирования русского и болгарского языков и культур.

Ключевые слова: лингводидактика, русско-болгарские контакты, лингвокультурная ситуация, учебно-методический комплекс, русский язык как иностранный;

В статията се разглеждат проблемите на преподаването на руски език като чужд на български студенти-филолози в условията на новата лингвокултурна ситуация. Представен е учебно-методически комплекс, базиран на методологическите особености на подготовката на филолози, новите тенденции в науката и лингводидактиката. Национално-ориентираният принцип на представяне на учебния материал при усвояването на руския език и формирането на вторична езикова личност се основава на традициите на руско-българските контакти като основа за изграждането на руските и българските език и култура.

Ключови думи: лингводидактика, руско-български контакти, лингвокултурна ситуация, учебно-методически комплекс, руски език като чужд

The article discusses the problems of teaching Russian as a foreign language to Bulgarian students of philological specialties in a new linguistic and cultural situation. Presented training complex is based on the methodological features of preparation of philologists-students and the development of scientific thought and didactics. The principle of national-based training in the assimilation of the Russian language and the formation of secondary linguistic personality is based on the traditions of the Russian-Bulgarian contacts as a basis for the formation of the Russian and Bulgarian languages and cultures.

Keywords: didactics, Bulgarian-Russian contacts, linguistic and cultural situation, educational-methodical complex, Russian as a foreign language.

Поиск новых путей и методов преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) в новых условиях, в которых происходит межъязыковая и межкультурная коммуникация, становится одной из актуальных проблем современной лингводидактики.

Дидактическое многообразие подходов и приемов в организации и подаче материала не находится в позиции стагнации, а, как правило, подчиняется и приспособляется к изменениям лингвокультурной ситуации и уровню развития научной мысли. В свете современных тенденций и принципов развития гуманитарной науки, появилось множество теоретических разработок исследователей в области методики преподавания РКИ (А. Р. Арутюнов, М. Н. Вятютнев, Л. С. Журавлева, Н. А. Лобанова, Пассов, Е. М. Степанова, Н. В. Черемисина и др.), защищены диссертации по данной проблематике, а также наблюдается известный издательский „бум“ учебной литературы. В связи с развитием образовательных концепций и технологий, естественно, встает необходимость создания учебно-методических комплексов, учебников и пособий как основных средств приложения и реализации на практике инновационных лингводидактических идей, принципов и установок.

Изменение лингвокультурной ситуации в Болгарии связано с процессом интеграции болгарской лингвокультуры в единое образовательное пространство Европы и модификации действующих на протяжении длительного времени образовательных традиций, приведших к изменению места русского языка в системе обучения иностранным языкам. Вследствие этого русский язык в болгарской высшей школе (даже в филологических специальностях) нередко начинает изучаться с нуля. Указанная

специфика обучения студентов-филологов на современном этапе вызывает потребность в создании учебных пособий и учебных комплексов нового типа, философия которых направлена на одновременное решение нескольких задач – основными среди них являются: интенсификация обучения (с нуля до профессионального уровня владения) при строгом соблюдении принципа постепенного накопления знаний от простого к сложному; доскональность описания грамматической системы языка в сочетании с автоматизацией навыков специфического словоизменения; строгая направленность на межъязыковую асимметрию лексических и особенно грамматических систем русского и болгарского языков в целях быстрого постижения принципов организации русской грамматической системы и законов функционирования и взаимодействия различных категорий; коммуникативная ориентация практического обучения, но в сочетании с выработкой филологического „чутья“ и умения не только оптимально пользоваться языком в конкретной коммуникативной ситуации, но и объяснять языковые факты, логику и философию русского языка; отбор материала и комплексов упражнений в соответствии с требованиями отдельных сертификационных уровней, задающих рамку европейской системы тестирования.

Учитывая методологические особенности процесса подготовки студентов-филологов и в соответствии с новыми тенденциями и изменением лингвокультурной ситуации в Болгарии, происходит модификация основной концепции преподавания русского языка в Шуменском университете им. Епископа Константина Преславского в г. Шумен (Болгария). Реализацией разработанных концептуальных положений является вышедший в свет учебно-методический комплекс „*Говорим. Читаем. Пишем...*“.

Комплекс представляет собой совокупность учебных материалов, в который входят основной учебник, рабочая тетрадь и практикум по грамматике. Он разработан в соответствии с требованиями европейского языкового портфеля и предназначен для студентов-филологов, начинающих изучать русский язык с нуля и достигающих в своей подготовке степени языковой и коммуникативной компетенции, отвечающей I и II сертификационным уровням (B1 и B2).

В данном комплексе по русскому языку находят место традиционные аспекты: фонетический, лексический, грамматический, а также актуальные в лингводидактике – функциональный, лингвокультурологический и страноведческий. Курс разработан с опорой на такие принципы современных образовательных технологий, как национально-личностная ориентированность материала, интенсивность, диалогичность, моделирование потенциально актуальных профессиональных ситуаций, креативность, гибкие модели и интерактивные формы обучения и направлен на возникшую необходимость самостоятельно углублять знания, развивать навыки и умения.

Логика построения учебника учитывает трудности при изучении русского языка в болгарской аудитории. Необходимый в рамках современной лингвокультурной ситуации в Болгарии принцип национальной ориентированности учебного материала реализуется в наличии фактора родного (в нашем случае – болгарского) языка как фона и опоры в усвоении русского языка и формировании вторичной языковой личности.

Для болгарской лингвокультуры указанный принцип имеет утвердившуюся традицию и особую значимость, так как формирование русского и болгарского языков и культур исторически, как пишет Н. И. Толстой, происходит по принципу сообщающихся сосудов с постоянным обнаружением стремления к общему уровню. В ходе исторического развития на разных этапах “нормирования и централизации” наблюдается смена “доминирующего центра”: Болгария или Россия, а язык доминирующего центра становится “наиболее авторитетным и почти обязательным в грекославянском мире” [Толстой, с. 78]. Указанная когнитивно значимая ценность взаимопроникновения культур проявляется с новой силой в нынешней ситуации. В условиях современного мира методологический принцип диалога культур выступает своеобразным рычагом мотивации и приобщения к инокультуре, средством постижения дидактических целей

когнитивного и лингвокультурного характера. Ведь цели „иноязычного образования“ являются широкими и состоят не только в обучении вербальному общению, но и направлены на понимание того, «что за этим стоит, какой смысл имеет в контексте межкультурного общения, в контексте диалога культур» [Пассов, с. 27].

Применение в рамках коммуникативного подхода элементов сознательно-сопоставительного метода дает ощутимые результаты в постижении лексической и грамматической системы русского языка. Л.В. Щерба писал, что „лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, – как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, – естественным образом останавливает нас на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства“ [Щерба, с. 50–57]. Осознанное сопоставление способствует установлению эквивалентности лексических средств генетически родственных языков, разграничению лексем и семем, ведет к выявлению расхождений на структурно-семантическом и стилистическом уровнях лексических единиц.

Основной учебник комплекса представлен в трех томах, два из которых уже вышли из печати. Он предусматривает обучение основным видам речевой деятельности: аудированию, чтению, письму (письменное воспроизведение собственного высказывания и письменное продуцирование речи), говорению (диалогическая речь в определенной коммуникативной ситуации) и формирование соответствующих умений.

Каждый том состоит из определенного количества тем (9 – в первом и 10 во втором томе), каждая из которых включает три основных раздела: введение и отработка лексико-грамматического материала, чтение (*Давайте почитаем! В шутку и всерьез!*) и обобщение изученного (*Повторение – мать учения*). Раздел чтения содержит тексты разных жанров. Тексты страноведческого характера снабжены необходимым для иноязычной личности комментарием. Последний раздел предполагает самостоятельную работу студентов по закреплению изученного материала.

Учебник нацелен на формирование коммуникативной компетенции, позволяющей адекватное речевое поведение в ряде коммуникативных ситуаций в рамках разнообразных тем. На элементарном и базовом уровнях это: *знакомство, семья, дом и квартира, учеба, распорядок дня*; на уровне самостоятельного владения: *характер человека, распорядок дня, увлечения, праздники, здоровье и здоровый образ жизни, город и его достопримечательности, магазины, путешествие, гостиница, транспорт*. Грамматический материал в учебнике „обслуживает“ соответствующую тематическую зону: представлены основные категории, именные и глагольные синтаксемы, основные синтаксические модели, реализующие соответствующий семантический инвариант в речевой практике.

Предстоит издание третьего тома основного учебника под общим названием „Русские – взгляд со стороны“. Он будет посвящен специфике русской культуры и русского быта и будет дополнять уже полученную информацию такими специфическими темами, как: *Символика русского пространства* и ее подтемы *Русская изба, Русская усадьба, Русское декоративно-прикладное искусство, Русские обычаи и традиции, Символика русского национального костюма, Русское застолье* и др. Практические задачи в третьем томе учебника направлены на обучение, преимущественно, монологической речи, а реализация коммуникативных установок ориентируется на высокий уровень самостоятельной подготовки.

Грамматическая часть комплекса находится в процессе апробации. Предусматривается издание двух частей. Первая часть построена на семасиологическом принципе и ставит перед собой цель представить систематизированную картину структуры русской грамматической системы. Структурный подход к фактам русской грамматики, т.е. движение от формы к смыслу, представляется неизбежным и крайне необходимым на первом этапе формирования языковой компетенции учащихся.

Определяющим фактором подобного выбора является типологическое отличие

русского и болгарского языков. Это неизбежно превращает усвоение системы падежных значений и падежных окончаний в камень преткновения для болгарского языкового сознания на пути осуществления коммуникации на русском языке. Поэтому в пособии досконально отрабатываются навыки именного и глагольного словоизменения. Специальное внимание уделяется взаимосвязи между категориями вида и времени, специфическим местоименным формам, системе глаголов движения, причастию и деепричастию.

В грамматическом практикуме, в отличие от традиции представления категории падежа в болгарских учебниках, задания, связанные с усвоением падежа и его значений, не ограничиваются только именем существительных, а включают все именные формы. Это оптимизирует отработку трудных для болгарского языкового сознания случаев согласования адъективных и субстантивных форм, корреляции числительного, существительного и прилагательного в нумеральных сочетаниях и др.

Структурный элемент языковой подготовки, обслуживающий адекватную рецепцию и интерпретацию языковых фактов, не должен вытеснять выработку речевой компетенции. Решению именно этих проблем посвящена вторая часть грамматического практикума, в которой организация учебного материала построена на ономаσιологическом принципе, т.е. от смысла – к формам его выражения. Обучение с позиций функциональной грамматики, в соответствии с учебной программой, проводится на III и IV курсе филологических специальностей.

В грамматическом практикуме учитывается теоретический опыт российских функционалистов школы А.В. Бондарко и московской школы функционально-коммуникативного синтаксиса (М.В. Всеволодова, Е.В. Клобуков и др.), опыт шуменских функционалистов (А. Николова, Т. Иванова и др.), а также идеи немецкой функциональной школы (Бек, Вильске, Кюль).

Попытки построения оптимальной модели функционального описания для нужд практического обучения иностранному языку показали, что “такое описание должно представить все ступени функциональной организации языковых единиц в коммуникации – от полуфабрикатов, какими являются средства, организующие инвентарь ФСП, до интеграции этих средств в конкретных высказываниях и текстах – неизменно с учетом конкретной речевой ситуации” [Николова, с 10].

Основные принципы построения второй части грамматического практикума следующие:

1. Включение в структуру учебника наиболее универсальных и активно работающих функционально-семантических категорий. Оформился следующий круг тем: выражение пространственных и темпоральных отношений, выражение субъектного и объектного значений, выражение наличия / отсутствия, выражение характеристики, состояния; выражение отрицания; выражение определенности / неопределенности; выражение отношений обусловленности (причина, цель, уступка, условие); выражение побуждения, желания / опасения, необходимости, долженствования, ненужности.

2. Дополнительное внутри категориальное членение, семантическая рубрикация категории. Например, в структуре семантической категории субъекта вычленяются различные типы субъектов с точки зрения 1) денотативной ситуации, в которой реализуется данная семантическая функция; 2) единичности / множественности субъекта описываемой ситуации; 3) конкретности / неконкретности (обобщенности) субъектного значения.

3. Описание комплекса языковых форм различной категориальной отнесенности и различных языковых уровней, функционально связанные с выражением данного семантического признака.

В обучении студентов-русистов в Шуменском университете утвердилась как операционально наиболее оптимальная модель группировки экспонентных структур в виде функционально-семантических рядов или комплексов. Описание функционально-

семантических рядов форм с их дистрибуцией, синонимией и правилами употребления в речи дает учащимся достаточно ясное представление о способах отражения конкретного значения в языке и в процессе реальной коммуникации.

4. Важным элементом системы являются три типа упражнений: а) ориентированные на отработку синонимии и дополнительной дистрибуции языковых форм; б) связанные со случаями межъязыковой асимметрии при выражении того или иного микро смысла и в) ситуативные упражнения, направленные на развитие коммуникативной компетенции учащихся.

Особое место отводится последней группе упражнений, поскольку функционально направленное обучение предполагает не только передачу информации о взаимодействии единиц различных уровней, но и обучение правилам выбора этих единиц в конкретной ситуации речевого общения.

Сочетание семасиологического и ономазиологического принципов подачи материала позволяет более глубокое усвоение языковой системы, предполагает развитие речевых навыков, совершенствования умений чтения и письма.

Несомненно, представленная система практического обучения студентов-русистов – только одна из возможных стратегий обучения, которая нуждается в постоянном изменении и совершенствовании. Чем больше будет альтернативных методических решений, тем будет более эффективных путей обучения русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А. Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному (лингвокультурологический аспект). – М.: МАКС Пресс, 2008.
2. Лингвометодически аспекти на чуждоезиковото обучение с използване на нови информационни технологии / отг. ред. Т. Чалъкова. – Шумен: УИ “Епископ Константин Преславски”, 2009.
3. Николова А. Функциональная грамматика. Выражение пространственных отношений в русском языке /на фоне болгарского /. – Шумен, 1997. – 165 с.
4. Пассов Е. И. Русское слово в методике как путь в Мир русского слова или Есть ли у методики будущее? – Санкт-Петербург: МИРС, 2008. – 60 с.
5. Петкова-Калева Ст. Функционально-семантические категории в контексте подготовки студентов-русистов – Руски језик као инословенски. Русский язык как инославянский. Выпуск III (2011). – Белград, 2011, с. 221–232.
6. Розина И. Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация. Теория и практика. – М.: Логос, 2005.
7. Руденко-Моргун О. И. Принципы моделирования и реализации электронного учебно-методического комплекса по русскому языку на базе технологий гипермедиа. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
8. Стоянова Е. Лингвокультурное направление в научных исследованиях: преимущества и возможности. – Руски језик као инословенски. Русский язык как инославянский. Выпуск IV (2012). – Белград, 2012, с.103–119.
9. Стоянова Е. Лингвокультурная ситуация как форма реализации интенсивности историко-культурного взаимодействия русской и болгарской лингвокультур (к вопросу о лингвокультурных контактах России и Болгарии). – Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени. Материалы международной научно-практической конференции. В 2ч. Ч 2. – Славянск-на-Кубани, 2012, с. 267–274.
10. Стоянова Е. Внеклассная работа как основа формирования лингвокультурной компетенции. – Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и вузе. Материалы второй региональной (с международным участием) научно-практической конференции учителей и работников образования 27 марта 2014 года г. Омск. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2014, с. 231–235.

11. Стоянова Е. Сознательное сопоставление лексических микросистем как принцип национально-ориентированного преподавания русского языка в болгарской аудитории. – Материалы II Международной научно-практической конференции «Культура русской речи в условиях многоязычия». Махачкала, 2015.
12. Стоянова Е., Калева Ст., Христова Хр. „Читаем. Говорим. Пишем... (Русский язык. Элементарный и базовый уровни)“. – Шумен: Химера, 2013. – 238 с.; „Читаем. Говорим. Пишем... (Русский язык. Уровень самостоятельного владения)“. – Шумен: Химера, 2014. – 320 с.
13. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988.
14. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Д.М. Стоянова

БОГ ПЕРУН И НЕГОВИТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СЛАВЯНСКАТА МИТОЛОГИЯ

Диана Манолова Стоянова
доктор,

*Государственный университет по библиотековедению и информационным технологиям,
г. София (България)*

E-mail: d.stoyanova@unibit.bg

Одним из основных мифов в славянской мифологии является миф о боге Перун. Известный общественности как бог неба и молний. Экспрессия и утверждение религиозного отношения к явлениям или феноменам, с которыми человечество сталкивается или вызывает, существует с древних времен.

Ключевые слова: миф, нематериальное культурное наследие, знание

Един от основните митове в славянската митология, е този за Перун. Познат на широката общественост като богът на небето и мълниите. Изразяването и утвърждаването на религиозно отношение към явленията или феномените, с които човешкото общество се сблъсква или предизвиква, съществува още от дълбока древност.

Ключови думи: мит, нематериално културно наследство, знание

One of the main myths in Slavic mythology is that of Perun. Known to the public as the god of the sky and lightning. Expression and affirmation of religious attitude towards phenomena or phenomena that human society faces or causes, has existed since ancient times.

Keywords: myth, intangible cultural heritage, knowledge

Изразяването и утвърждаването на религиозно отношение към явленията или феномените, с които човешкото общество се сблъсква или предизвиква, съществува още от дълбока древност. Необходимо е необяснимото да бъде обяснено за човека – било то чрез различни символи, знаци или други форми, които са част от материалната и нематериалната култура на едно общество. Най-често това са митовете, съществуващи под формата на приказки, легенди, сказания и други, които във времето са се превърнали в неразделна част от религията или по-точно казано, от религиозната култура и живот на хората.

Вглеждайки се в митологията следва да откриваме и разбираме персонафикациите, символите от историята и културата на един народ, които най-лесно изразяват и

представят отношението или връзката „човек-свят“. В славянската митология (както и в останалите), там, където е имало обред, непременно е съществувал и някакъв мит. Тъй като, тези две явления са управлявали живота на хората или по-точно, човекът е успявал чрез тези символи и знаци да открие своето място в кръговрата на живота, а също така и в „спиралата на времето“.

Един от основните митове в славянската митология, е този за Перун. Познат на широката общественост като богът на небето и мълниите. Благодарение на трудовете на известния руски драматург Вячеслав Иванов и руският лингвист и литературен теоретик Роман Якобсон, светът днес има по-голяма яснота около произходът, тълкуванието и значението на името Перун. По този начин се формира и изгражда една по-добра представа за миналото. Също така човек съумява да разбере или да осмисли по-лесно културата към която принадлежи.

Перун е съставено от корена „*per*“ и наставката „*un*“. Коренът означава „ударям“, „поразявам“. В тази връзка, Перун е възприеман и назоваван като „*този, който удря*“. Интерес представлява и фактът, че в литовски и латвийски език за назоваване на божеството и на гръмотевицата се използва една и съща дума. Интересна е и асоциацията, която откриваме в албанския език, в който думите „*бог*“ и „*небе*“ са идентични и се назоват и пишат „*perendi*“ и „*perudi*“.

Славяните и балтите вярвали, че предмети (дърво, метал, вкл. хълм) или хора, ударени от мълния са свещени, поради силата, която се пренасяла от бога върху тях. На дърветата и хълмовете, поразени от мълния, се преписвала оздравителна сила, те били предпазвани с дървена ограда или с ров, а звукът от гръмотевицата бил сравняван с рев на бик, с удар на кози рог в облаците или със самия глас на бога.

Любопитен е фактът, че в Р. България и БЮРМ дъбът също е бил важна част от различни обреди, както и от обредното пространство. Той е бил наричан „*запис*“, което произлиза отново от връзката „човек-свят“ в една по-далечна логическа символика, която показва необходимостта при човека си служи със знаци, за да маркира или отбелязва важни моменти или места свързани с неговия живот. По този начин елементите на материалната и нематериалната култура биват осмислени или тълкувани като вид знание, което в различните периоди от развитието на човечеството се разбира като познание. „*Запис*“ означава именно това – да поставяш определен знак или символ върху предмет от материалния свят (служи като определящ за конкретна тема), които е пряко свързан с философската или религиозна трактовка за живота на човека. В конкретния случай – този знак е предпазвал дървото от отсичане или оскверняване. Също така дъбът е служел за ориентир на много хора, които са търсили да открият свещени места. От историческа гледна точка, в близост до свещените дървета доста често са се провеждали и най-големите общоселски празници и панаири.

Школата на норманистите, търсейки скандинавско влияние в руските земи през 1950 г., развива своя теза, че култът към Перун съвпада с култа към Тор, господарят на бурите и мълниите. Тогава откриват още едно доказателство за своята теза. Някои обреди според тях били запазили скандинавският си характер – например, поставянето на оръжие в краката на статуята на бога или клетвите срещу всички, които се отричат от вярата си.

В българската култура аналог на Перун е свети Илия. В района на Странджа планина той е сред най-почитаните светци, доказателство за това са свещените места и постройки, свързани с митове, легенди и разкази за него. Многобройни са и параклиси, носещи неговото име (с. Заберново, с. Граматиково, с. Визица, с. Кости, с. Бродилово, с. Българи, с. Стоилово, с. Ново Паничарево, с. Индже войвода, с. Извор, с. Бяла вода). Също така и църквите на които е патрон (с. Стоилово, с. Бяла вода, с. Индже войвода), аязмите (с. Ново Паничарево, с. Българи, с. Кости). В представите на хората в Странджа планина св. Илия е „мощен светец“, „силен светец“, също като бог Перун. Местните хора вярват много силно в светеца и в същото време се страхуват от него. Вярата поражда страх и страхът поражда вяра.

Местните хора в Странджа планина споделят „Гърми ли, треци ли – да знаеш, че това е св. Илия. Нещо се е ядосал“. Във фолклорната представа Светецът е „брат“, или „любовник“ на св. Марина. В християнската литература св. Илия е познат като „дъждоносец“ и „гърмовержец/гърмоносец“.

В славянската митология - южните славяни, които са се заселили на Балканския полуостров преди V век, са познавали както Перун, така и Перперуна. Легендите, които съществуват за тях са аналогични на тези за света Марина и свети Илия. Персонажите в двете двойки се свързват с различни ритуали за призоваване на дъжд.

„Според народните представи Св. Илия ходи по небето със златна колесница и преследва ламята, която пасе житата. Светкавиците се образуват от огнените стрели на св. Илия по ламята, от копитата на конете или от огъня, който излиза от ноздрите им. Св. Илия като гърмовержец е запазил черти и атрибути на индоевропейския бог на гръмотевицата. Съществува обичай на Илинден да се коли на прага старият петел, наречен баща, като по него се гадае за здраве и плодородие и се оставя нов баща. Там, където се прави общоселски курбан, се коли най-често бик.“ [3]

Керемидарите срещу Илинден правят колела от неизсушени керемиди (а колелото е слънчев символ), които били от колата на св. Илия, с която той гърми.“ [1]

Култът към Перун в своя славянския вариант е оставил значителни следи в Р България, където в обичаите и песните се отразяват малко по-различни мотиви – молитви, жертвоприношения на яйца, което се прави под дъб, имитиране, подражание или преследване на змия.

Перун, също така има основна роля и в славянските представи за космоса. В края на XIX век в някои беларуски села се разказвала приказка, в която, божеството се появявало от високо, обикновено на върхът на планината, в небесата, заедно със слънцето и луната, или на самия връх на триклонесто дърво и гледало в четирите посоки на света. Неприятелят се намирал ниско долу, в корените на някое дърво. Обикновено врагът крадял добитък и го криел в пещера или зад някоя голяма скала/канара, а той (врагът) се скривал под човек, кон или крава, търсейки убежище включително под дърво или под камък. Богът на мълниите бил качен на кон или обикалял с колесница, като по пътя си повалял дърветата с мълния и ги изгарял, а камъните ги разтрошавал с чук. След победата Перун освобождавал водата и заваливал дъжд, а врагът бягал и се скривал в подпочвените води.

Това предание има доста архаични елементи. Сред тях са : планината, скалата, дървото и особено дъбът – дърво на култа на мъжа, небето, заедно със слънцето и луната. Всички те са елементи и от балтийските молитви, където Перун е призоваван да прогони злите духове.

В древността, в балтославянската традиция, част от мита е и оръжието на Перун, който удрял с каменна мълния. Намерените издължени камъни, били наричани от всички славяни „стрели от мълния“, „пръчици от бога“ и други. Например, на Мазурските езера, различавали фулгурите като „остриета на мълнията“. В народните представи намирането на такъв предмет се смятало за дар от съдбата. Точно поради тази причина го поставяли в люлката на малките деца или с него натривали вимето на кравата, когато спирало млякото ѝ. Южните славяни вярвали, че ако го сложат под покрива на къщата, тя ще бъде маркирана и по този начин предпазена от мълнии. Стрелите на мълнията се използвали като лек срещу болести на очите, за предпазване от уроки и други.

Картата на названията на каменните мълнии, направена от Владислав Купишевски, показва, че това вярване е живо и до днес в Полша.

Част от мита за бог Перун е и легендата, в която се споменава за неговото „оттегляне“ след разпространяването на християнската вяра сред хората. В легендата се разказва, как бог Перун, се качил на най-високото място в планината – Перин, която била наречена на неговото име. В този вариант бог Перун живял заедно с невестата си Ехо и сестра си Перуника, която била ненадмината хубавица и надгривала даже слънцето.

„Колкото била хубава, триж пъти била по-работна – не се спирала и никога не оставала без работа“. През цялата зима тъкала платна, а рано напролет слизала към голямото пиринско езеро, за да ги избели и да ги простре да съхнат на близкия връх. Смята се, че това е една от причините върхът да се нарича Момин двор.

В легендата се споменава, че Перуника умряла млада, а на гроба ѝ израснало хубаво синьо цвете, което нарекли – перуника. То цъфти само през месец май – времето, когато красивата Перуника белела платната си и всички можели да я виждат и да се радват на хубостта ѝ.

В топонимията на родните ни земи може да открием следи от култа към бог Перун. Така например в една легенда се разказва, как един християнски поп се качил на планината, за да поднесе дарове на бог Перун, но вместо това за пръв път видял езерото, в което Перуника белела изтъканите през зимата платна. Седнал попът край езерото, за да си почине от дългия път. Бог Перун стоял както обикновено на височината и без да иска съборил един камък. Камъкът се търкулнал и ударил попа. От удара, попът цамбурнал в езерото. Оттогава езерото било наречено „Попово езеро“. С нашествията на османските турци по българските земи, наименованието на езерото се променило. Турците го прекръстили - Папазгьол. Днес, езерото е познато и с двете си наименования.

През вековете се е съхранила и вярата, че в това езеро живее воден овен, който не позволява на никакво друго водно животно да припари и да се засели там - нито риба, нито жаба, нито змия или пък някаква друга гадина. Мнозина са пренасяли и пускали в Попово езеро риби, за да се завъдят, но не след дълго ги намирали мъртви край езерото.

Съхранеността на цялостната система от знания на обичайно-обредната система или на реликтови нейни съставки в историческия духовен континуум става причини за колективна памет или колективно съзнание.

През 20-те години на ХХ век Морис Халвбакс въвежда понятието „колективна памет“ за да покаже общественото съзнание като нещо различно от индивидуалното. Носител на колективната памет според Халвбакс е съществуващият в колективни рамки отделен човек. Неговите участия в малки и големи общности произвеждат преплитачи се в съзнанието му общностни идеи и символи, които се явяват „културни форми, създадени специално за припомняне.

В устно осъществяващата се колективна памет египтологът Ян Асман различава две проявления – живото спомняне в обхвата на не повече от 70 години, наричано от него комуникативна памет, и културната памет, която поддържа трайните спомени на колектива за едно абсолютно минало. Проявена обикновено като митология културната памет се носи от традиционните празници и ритуали.

Ян Асман отделя особено внимание на случаите на традиционни общества със смесена устна и писмена комуникация. Тезата му е, че писаните текстове налагат нов тип отношение към миналото и настоящето – настоящето престава да се сублимира в масива на т. нар. екземплярно време, както става в устния кадър на традиционните празници, същевременно се оформя визия за миналото и започва да се прави разлика между по-далечни и по-близки времена, които влизат в сложни отношения с все по-ясно очертаващото се настояще. Гръбнак на тази схематична история, протичаща в социологията, антропологията и философията на историята на 20-и век, е преходът от общата идея за колективна памет към по-конкретни нейни проявления, които един вид намаляват пазената и в идеята за колективна памет дифузност на общата идея за памет. Внимателното вглеждане обаче издава, че по-скоро става друго – дифузността на общата идея се замаскира с въвеждане на друга не по-малка – между памет и време. Същото става и с идеята за индивидуална памет в полето на психологията.

Интересен е фактът, че обредът е оцелял през вековете. По всяка вероятност това означава, че културните феномени се превръщат в пазители на познанието като цяло в етносно организирани общества и в тяхната устна култура/поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов, М. Буенец. Из историята на пролетните обичаи и песни в България. // Slavia, 1922, № 1. Също: Арнаудов, М. Очерци по българския фолклор. София, 1934, Също: Арнаудов, М. Очерци по българския фолклор. II изд. Т. 2. – София, 1969.
2. Богданов, Богдан. Памет и идентичност или за субекта на припомнянето. //В: сб. Памет, идентичност, съзнание. Текстовете от интердисциплинарния семинар „Науката - разбирана и правена”. НБУ. 2006.
3. Гейшор, Александър. Митология на славяните. Прев. От полски Катя Митова. изд. София Български художник, 1986.299с.
4. Георгиева, И. Народна митология. / Второ преработено и допълнително издание/. – София : Наука и изкуство, 1993. - 260 с.
5. Игнатова, Е. Интелектуална конкурентоспособност – организация и управление на знания в библиотеката // Сб. Доклади от международния пътуващ семинар „Съвременни измерения на европейското образователно и научно пространство. Българско – британски културни общувания” (Лондон, 25-31 май 2013), - Лондон, (под печат)
6. Калоянов, А. Български митове. 1979.
7. Огнянова, Елена. Достигнало до нас. Предания и легенди. – София : Отечество, 1984. – 248 с.
8. От Internet Wikipedia Перун - <http://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%83%D0%BD>
9. От Internet Wikipedia Славянска религия - http://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F
10. Стефанова, А. Значение на психологическия анализ на приказките. // Психологични изследвания, № 2. Доклади от Четвърта национална школа за докторанти и млади учени в сферата на психологията и обществените науки - „Обществените науки в подкрепа на практиката” – София 2011 г. Изд. Институт за изследване на населението и човека – БАН, 2011. - с. 309-322.
11. Стефанова, А. Психологически подход към фолклора в научните изследвания на Михаил Арнаудов. / Култура. Т. 10. Съст. А. Анчев. София: АИ „Проф. Марин Дринов”. 2013. - 52 с.
12. Стефанова, А. Развитие на идеята за общностните психични феномени в творчеството на Карл Густав Юнг. // Етнографски проблеми на народната култура. Т. 8. Съст. А. Анчев. – София : Проф. Марин Дринов, 2011. – с. 319-347.

Л. Г. Фещенко

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАРОГО ЖАНРА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Фещенко Лариса Георгиевна
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: l.fezenko@spbu.ru

В статъе проанализированы возможности фейкового интервью в популяризации вопросов культуры и истории.

Ключевые слова: фейковое интервью, приемы популяризации культуры и истории, роль СМИ в развитии культуры.

В статията се анализират възможностите на фалшиво интервю за и популяризиране на въпросите за култура и история.

***Ключови думи:** фалшиво интервю, методи за насърчаване на културата и историята, ролята на медиите в развитието на културата.*

The article analyzes the possibilities of the fake interview in promoting issues of culture and history.

***Keywords:** the fake interview, techniques promotion of culture and history, the role of media in the development of culture.*

Формирование интереса молодежи к культуре и истории как части культуры сегодня трудно выстраивать в парадигме традиционных массовых коммуникаций (исторические фильмы и спектакли, мемуаристика и историческая беллетристика, научно-популярная и просветительская журналистика). Молодого человека сегодня больше привлекают компьютерные и видеоигры, исторические реконструкции – иными словами, возможность, через погружение, стать частью этой истории. Получается, что СМИ в значительной степени утратили способность говорить с молодыми об истории и культуре на интересном этому поколению языке? Думаем, что нет, поэтому так важно изучать и использовать в медийной культурно-просветительской практике творческие журналистские находки, вызывающие неподдельный интерес у интернет-поколения. В первую очередь мы имеем в виду фейковое интервью (интервью-фейк, или интервью, которого не было).

Прежде всего перечислим жанрово-видовые характеристики фейкового интервью. Первое и главное: интервью берется у человека безусловно известного, но ушедшего из жизни (чаще это политик, но могут быть и актеры, певцы, музыканты, даже ученые). Поэтому вторая особенность такого интервью, во многом реабилитирующая фейк (подлог, обман): ответный комплекс представляет собой цитаты из нескольких достоверных источников. Это тексты, написанные самим интервьюируемым (статьи, письма, дневники и под.), мемуары и воспоминания его современников и научно-популярные исследования о нем. Подчеркнем: журналист не придумывает ответы, а подбирает из имеющихся публикаций, принадлежащих перу самого героя, или публикаций о нем. То есть самого интервью не было, но ответы не придуманы интервьюером, а взяты из различных, хотя и разной степени достоверности материалов. Третий жанрово-видовой атрибутивный признак такого интервью – прямое указание на источники формирования ответного комплекса (правда, степень детализации библиографических отсылок бывает разной – от простого перечисления до развернутого библиографического описания). Видовая специфика такого интервью может оставаться интригой до самого конца текста, но чаще прямое указание на игровую, фейковую его природу автор располагает в самом начале публикации. Профессионализм журналиста проявляется в том, чтобы корректно составленным вопросным комплексом превратить компиляцию в живой, не побоимся сказать настоящий диалог с известной личностью (при этом этическим регулятором должно стать понимание того, что сам герой интервью защитить себя уже не может). Отметим, что в таких текстах органично сочетаются все возможности интервью как жанра: интерактивность, когда свободное скольжение по вопросному комплексу позволяет читателю создать собственный, интересный именно ему текст (очевидно, что ответы на какие-то вопросы остаются вовсе без внимания) и оригинальность, неожиданность, свежесть подачи материала. Фейковое интервью часто и внешне выглядит по-другому: полужирным или курсивом выделяется в тексте не вопросный комплекс, как в обычных материалах, а ответный, что подчеркивает его особое значение.

В российской журналистской практике наиболее востребованными героями фейковых интервью из политиков стали В. Ленин, Л. Троцкий и И. Сталин, среди писателей в разное время «интервьюируемыми» были А. С. Пушкин, давший множество интервью нашим современникам, и В. Т. Шаламов (при жизни он избегал общения с журналистами и не дал ни одного настоящего интервью, поэтому это единственное его интервью стало поистине эксклюзивным; в нашей коллекции есть также редкий пример фейкового интервью с действующим писателем М. М. Жванецким, тоже не жалующим журналистов и избегающим общения с ними), в 2014 году было опубликовано интервью с человеком, которого знает и уважает все журналистское сообщество России, – Д. Э. Розенталем [1].

Обратим особое внимание на проект историко-биографического телеканала «Время» – познавательную программу «Жизнь замечательных людей» [2]. За два с небольшим года героями этой программы стали 116 политических и культурных деятелей разных стран и эпох, среди них Чингисхан и Жанна Д'Арк, Казимир Малевич и Иван Грозный, Карл Маркс и Уильям Шекспир, Мата Хари и Коко Шанель. В основе концепции программы «ЖЗЛ» дискуссия двух непримиримых оппонентов – «официального» библиографа и автора альтернативного жизнеописания героя передачи. Но нам интереснее та часть программы, которая называется «Espirito.net. Первый интерактивный спиритический сеанс» – модель фейкового интервью, дополненная телевизионными технологиями (интервьюируемый оживает и говорит с нами, отвечая на вопросы журналиста-интервьюера).

Болгарский культурный институт в разделе «Известные деятели культуры Болгарии» называет Вангу «пожалуй, самым известным человеком с середины XX века в Болгарии». Между тем нам не удалось найти фейковых интервью с ней, вероятно, потому, что она умерла в 1996 году и пока интерес вполне удовлетворяется реальными интервью, данными ею в течение жизни журналистам разных СМИ. Но мы также не смогли найти тексты интересующего нас жанра ни с одним из перечисленных на сайте великих болгар [3]. В 2010 году в прессе было много публикаций, посвященных 200-летию со дня рождения одного из величайших деятелей болгарского Возрождения Захария Зографа. Но жанровая палитра текстов оказалась однообразной и предсказуемой (информационные заметки и рецензии об открывшейся выставке). При том что коммуникативный потенциал фейкового интервью оказался бы очень кстати.

В завершение охарактеризуем близкие, но не тождественные жанрово-речевые явления. Так, интервью с героем прошлых эпох (культурным или историческим деятелем) активно используют в педагогике на уроках истории и литературы: учителя давно осознали активный педагогический потенциал такой формы. Ученик, как и журналист, должен опираться на факты, хотя и свободен в изложении материала посредством пересказа. Например, журналистского интервью с просветителями братьями Кириллом и Мефодием, положившими начало славянской культуре и много сделавшими для государственности болгар, мы не нашли. А вот пример ученической работы, представленной на Всероссийский детский творческий конкурс, – сочинение-интервью с первоучителями славянскими Кириллом и Мефодием – есть. Его автор 14-летняя Ксения Фролова из города Валдай Новгородской области спрашивает своих героев о том, «что мечталось и что сбылось» в их жизни, что значит быть равноапостольными и как возникла идея создать азбуку для славян. А пожелание потомкам: «Любите свою Родину, свой народ. След замечательных побед, великих свершений, героических подвигов наших предков лежит на нас. Не посрамить его, осилить препятствия, осуществить предначертания великой судьбы – наш долг» – звучит современно и искренне [4].

Нельзя умолчать о фейковом интервью в его аутентичном значении – интервью-подлог, интервью-обман: известные спортсмены, политики, актеры часто вынуждены в социальных сетях или через СМИ опровергать достоверность того или иного текста, представленного как реально бывшее интервью, взятое у них журналистами печатных и

электронных СМИ. Иногда такое «произведение» бывает слеplено из ответов собеседника, не предупрежденного о характере разговора, то есть введенного в заблуждение. Иногда в основе компиляция других интервью с этим человеком (часто под таким неавторизованным текстом стыдливо пишут «По материалам Интернета»). Иногда это чистый вымысел от первой до последней строчки.

Именно такое «творчество» высмеяно в спектакле квартета И «День радио»: ответный комплекс в «эксклюзивном интервью знаменитой французской актрисы, крупнейшего защитника прав животных Бриджит Бордо» состоит из междометных высказываний – *Oui* (да) и *Au revoir* (до свидания), позаимствованных из урока французского языка для начинающих. Вновь повторим: чтобы стать достойной жанрово-видовой формой и оправдать вымышленность, нереальность разговора с великим деятелем культуры или искусства, ответный комплекс фейкового интервью должен быть достоверным и содержательным, а вопросы интервьюера логичными и неформальными.

Много лет изучая разные виды интервью, мы обнаружили, что фейковые интервью используются еще и как технология, прием привлечения внимания к чему-то. Например, перед выходом в свет книги Эдварда Апштейна о Доминике Стросс-Кане газета *Gardian* опубликовала интервью бывшего главы МВФ, в котором Стросс-Кан обвинил Николая Саркози в организации секс-скандала в Нью-Йорке в мае 2011 года, из-за чего Стросс-Кану пришлось покинуть пост главы МВФ, а также отказаться от участия в президентских выборах, – интервью, на поверку оказавшееся провокативным приемом привлечения внимания к книге Э. Апштейна, частью промо-мероприятий [5].

Но несмотря на приведенные нами примеры дискредитации жанра мы все равно готовы пропагандировать и защищать фейковое интервью как интересный и самобытный коммуникативный инструмент в работе с культурно-исторической тематикой. Главное – чтобы инструмент этот попал в хорошие руки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Например: Дмитрий Тихонов. Интервью с Лениным // Аргументы и факты. № 44. 1998. URL: <http://gazeta.aif.ru/oldsite/941/art008.html> (дата обращения – 26.03.15); Игорь Виравов. Пошепчемся на кухне с Пушкиным // Комсомольская правда. 10 февраля 2012. URL: <http://www.kp.ru/daily/25832/2807232/> (дата обращения – 25.03.15); Иван Шипнигов. Розенталь на спиритическом сеансе // Вечерняя Москва. 28 июля 2014. URL: <http://www.vm.ru/news/2014/07/28/rozental-na-spiriticheskom-seanse-259608.html?print=true&isajax=true> (дата обращения – 25.03.15); С. Макеев. Варлам Шаламов. Интервью, которого не было. URL: <http://www.booksite.ru/varlam/article21.htm> (дата обращения – 27.03.15).
2. Познавательная программа «ЖЗЛ», телеканал «Время». URL: <http://www.vremya.tv/zhl> (дата обращения – 23.03.15).
3. Болгарский культурный институт: Известные деятели культуры Болгарии. URL: <http://www.bci-moscow.ru/ru/bulgaria/Culture/prominent/> (дата обращения – 25.03.15).
4. Фролова Ксения Юрьевна. Сочинение-интервью «Кирилл и Мефодий» / Всероссийский детский творческий конкурс «Святые заступники Руси». 20.05.1997. URL: <http://www.detisavve.ru/prose/2011/35419/> (дата обращения – 25.03.15).
5. Пашаева Яна. Строс-Кан: Мое интервью про Саркози подделали // Life News. 29.04.2012. URL: <http://lifenews.ru/news/90242> (дата обращения – 26.03.15)

В.С. Хелемендик

ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПЕДАГОГОВ

*Хелемендик Виктор Сергеевич
доктор исторических наук, профессор,
чл.-корр. Российской академии образования,
Академия медиаиндустрии,
E-mail: info@ipk.ru*

В статье приводятся основные отличия западноевропейской и славянской цивилизаций в вопросах жизнедеятельности общества и жизнеутверждения личности. Рассматривается историческое наследие выдающихся педагогов и их взгляды на ценности воспитания.

Ключевые слова: *Выдающиеся педагоги, славянская цивилизация, ценности, воспитание.*

В статията са представени основните различия в западноевропейската и славянска цивилизация по въпросите свързани с живота на обществото и себеутвърждаването на личността. Разгледано е историческото наследство на изтъкнати педагози и техните възгледи за ценностите във възпитанието.

Ключови думи: *изтъкнати педагози, славянската цивилизация, ценности, възпитание.*

In this article are listed the main differences between Western European and Slavic civilizations in the matters of society vital activity and personal life-asserting personality. There is considered the historical heritage of the outstanding teachers and their views on the educational values.

Keywords: *outstanding teachers of Slavic civilization, values, education.*

Тело, Разум, Душа – суть неразрывно связанные предметы воспитания вообще. Физическое, умственное и нравственное воспитание – процесс передачи от поколения к поколению социально-культурных ценностей и идеалов, выработанных народом: этот процесс зависит от национальных традиций и особенностей, от освоения вечных общечеловеческих ценностей, от общественной формации. Следовательно, анализ воспитания (науки и практического искусства) предполагает конкретно-исторический подход.

В начале кратко о теоретическом аспекте проблемы ценностей – фундамента воспитания.

Основное содержание ценностных ориентаций, являющихся важнейшим элементом внутренней структуры личности – это философские (мировоззренческие), политические, нравственные убеждения и социально-психологические установки человека, и в силу этого в любом обществе ценности – объекты воспитания, целенаправленного воздействия.

В настоящее время, когда человечество, миновав эпоху неприкрытых классовых и геополитических войн, вступило на тропу борьбы цивилизаций, систему ценностей закономерно рассматривать с точки зрения исторического выбора народами того или иного пути. Это – проблема многоаспектная, ограничимся рассмотрением двух противостоящих друг другу типов цивилизации: западноевропейского и славянского, сформировавшегося интеллект, духовностью, многовековым опытом народов.

У западноевропейской и славянской цивилизаций разные формы жизнедеятельности общества и жизнеутверждения личности, разные принципы совместного существования. В первом случае – индивидуалистский тип развития, когда каждый сам за себя и «человек человеку волк», как указал Томас Гоббс еще в XVII веке, а

в двадцатом американский психолог и философ Эрих Фромм раскрыл социально-нравственную сущность рыночных концепций: они основываются на «оценке человека как меновой стоимости»; «его собственная стоимость представлена прежде всего не его собственными качествами, а успехом в постоянно меняющихся условиях рынка».

Русская же цивилизация воспринимает мир как единый космос, общество как единую семью, а человека как неотъемлемую часть этого космоса, этой семьи, – т.е. характеризуется коллективистским типом развития. Видный русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский в конце XIX века впервые дал определение: «Славянская цивилизация как более молодая обладает духовными и социальными преимуществами в сравнении с романо - германской, ей предстоит доминировать в будущем».

Однако этот прогноз, к сожалению, пока не оправдывается. Идеологические мифы: «права человека», «гражданское общество», «либерализация», «общечеловеческие ценности» и др., которые сегодня звучат у нас, являются идеологемами западного содержания, смысла.

Крупный русский ученый А.А.Зиновьев в своей немарксистской социологической концепции утверждает, что «в настоящий исторический период общечеловеческие ценности не существуют, поскольку человечество раздроблено на несколько цивилизаций». «Общечеловеческие ценности», навязываемые Западом всему миру, представляют собой не что иное как закамуфлированные с идеологическим и геополитическим расчетом ценности стран «золотого миллиарда».

В свете этих размышлений о ценностях труды отечественных педагогов воспринимаются как жгуче актуальные, содержащие надежный каркас для отстаивания, утверждения и развития славянской цивилизации.

Первым светским педагогом Древней Руси, как известно, был киевский князь Владимир Мономах – автор «Поучения» – выдающегося памятника педагогики XII века, где сказано о неразрывной связи воспитания и образования, заявлено о труде и других средствах нравственного воспитания, о роли опыта старших в становлении личности. Мономах призывал детей: творите добро: «Всего же более убогих не забывайте, но насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека».

Для конкретного разговора о ценностях славянской цивилизации обратимся к творческому наследию классиков отечественной педагогики – К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского.

К.Д. Ушинский о вечных ценностях воспитания.

Труд. Новаторской для своего времени и актуальной сегодня является работа «Труд в его психическом и воспитательном значении». Конечно, материальные плоды деятельности человека очевидны, но, писал Ушинский, только «внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, счастья». Для воспитания души труд еще более необходим, чем для тела, и Ушинский формулирует закон о живительном, освежающем влиянии труда на чувства: «...Психический закон, по которому наслаждения уравниваются трудом, прилагается к наслаждениям всякого рода, как бы возвышены они не были».

Как-то Ушинского спросили, что бы он хотел оставить в наследство своим детям: деньги, богатство?

– Нет, – отвечал он, – деньги, богатство развращают человеческую природу. Самая высокая ценность, которую я хотел бы передать своим детям – *трудолюбие*.

Патриотизм. К.Д. Ушинский утверждал: среди целей воспитания огромнейшую роль играет народность: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми склонностями... Народ без народности – тело без души, которому остается

только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохраняющих свою самобытность».

Язык. К.Д. Ушинский страстно призывал уважать и знать свой язык, ибо в нем – вся история духовной жизни народа. Это требование актуально всегда.

А.С.Макаренко о ценностях и средствах воспитания.

Человек, человеческая личность. Главный гуманистический принцип Макаренко: «не может быть воспитания, если не сделана центральная установка для юношей и девушек – вера их в самую радостную перспективу – ценность человеческой личности». На этом базируется его ведущий нравственно-педагогический идеал: «*Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему*».

Коллективизм, воспитательный коллектив. Как мы знаем, основополагающее место в педагогике А.С. Макаренко занимает учение о воспитательном коллективе, который, во-первых, является орудием формирования активной творческой личности с высокоразвитым чувством долга, чести, достоинства и, во-вторых, средством защиты интересов каждой личности, превращения внешних требований личности во внутренние побудители ее развития. Это – открытие мировой значимости. Огромная заслуга Макаренко и в том, что он научно разработал *методику* воспитания в детском коллективе (по его любимому выражению, «довел свою систему до станка»): «технологично» рассмотрел такие вопросы как взаимоотношения в коллективе, педагогическое требование, поощрение и наказание, индивидуальный подход к детям. Для понимания взглядов Макаренко важно осознать диалектическую взаимосвязь ответственности и защищенности личности в коллективе. Он не раз подчеркивал, что «защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с личностью, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее *наиболее благоприятные условия развития...*»

Антон Семенович не на словах был сторонником демократизации воспитания, в его детских коллективах самоуправление, демократия (не в западноевропейском, а в первоначальном смысле – народовластие) не декларировались, а ежедневно, ежечасно осуществлялись и гарантировались. В самом деле, воспитанники имели право свободно и открыто на общих собраниях обсуждать и принимать решения по всем вопросам своей жизни, в том числе именно так была принята «Конституция Республики ФЭД» (коммуны).

Убежден, что исследования творчества Макаренко в XXI веке расширят свой контекст, все теснее связывая проблемы педагогики, личности и общества; воплощение в жизнь его воспитательной концепции – не столько феномен прошлого, сколько задача будущего. Залог этого – огромный интерес учителей-практиков всего мира к идеям Макаренко. Например, пастор Д. Лаутер из ФРГ утверждает: «Мы исходим из того, что педагогика Макаренко – самая целесообразная педагогика не только для марксистов-ленинцев, но для всех сил, которые работают над решением воспитательных проблем. К этим силам относятся и христиане, и социал-демократы, и «зеленые». Пастор находит у Макаренко многое близкое к христианским идеям: в любом человеке можно увидеть хорошее, достойное любви; принцип «требование – уважение» соответствует заповеди Иисуса Христа принимать и уважать каждого человека, требовать от него многого.

В.А. Сухомлинский: ценности гуманного воспитания.

Сухомлинский – автор формулы «воспитайте гражданина и воспитаєте коллектив», в этом плане он органично дополнял концепцию А.С. Макаренко.

Если попробовать обобщенно представить воспитательную систему Сухомлинского, которая выросла из индукции цельного опыта, то мы реально увидим, что нравственные ценности в воспитании по меньшей мере двух поколений в Павлышской школе можно безусловно отнести к категории *вечных общечеловеческих*.

Далее я называю ценность и цитирую Василия Александровича.

Человек: «Задаче возвышения человека я всегда стремился подчинить жизнь детского коллектива как частицы общества. Это не только цель, но и средство, и форма существования, и формула духовного сотрудничества учителя и ученика».

Добро: «по-видимому, самое главное – развивать в ребенке внутренние силы, благодаря которым человек не может не делать добра, то есть учить сопереживать. Доброта дает оправданность и высший смысл человеческой деятельности».

Счастье – свобода: «чем человечнее, осознанней ты соблюдаешь свой долг перед людьми, тем больше черпаешь ты из неисчерпаемого источника подлинного человеческого счастья – свободы». Счастье и свобода есть долженствование и ответственность перед самим собой и обществом. «Жить среди людей, - писал Сухомлинский, - все равно, что ходить в сказочном саду, где вокруг тебя тончайшие лепестки цветов с дрожащими на них капельками росы, и надо идти и так прикасаться к цветам, чтобы не упала ни одна капля... Подлинная человеческая сущность свободы личности – забота о благе и счастье других людей». Как это разительно отличается от многократно повторяемых в СМИ, в новейших конъюнктурных научных работах «свобод» западноевропейской цивилизации, того «гражданского общества», где «разрешено все, что не запрещено»!

Красота – эта вечная ценность по Сухомлинскому – радость жизни, этическая и эстетическая категория, красота человеческих поступков и природы, произведений литературы и искусства. Эстетическое воспитание Сухомлинский строил таким образом, чтобы восприятие произведений искусства – сказок, музыки, живописи – чередовались с «уроками на природе».

Любовь: «В школе нужно говорить о любви человеческой как большой, нелегкой работе... Все школьное воспитание – это, по сути, воспитание любви и непримиримости, любви и ненависти – любви к Отчизне и родному народу, ненависти к его врагам, любви к матери и отцу, любви к человеку, с которым ты не только будешь продолжать род, но станешь с ним как бы единым существом, сольешь с ним свои взгляды и убеждения, порывы и желания».

Как видим, в системе Сухомлинского, ценности не существуют отдельно друг от друга, а сплавлены воедино.

В заключение – кратко о системе ценностей в России сегодня. Экспансия западного индивидуализма, эгоцентризма несовместима с нравственными традициями России, всего славянского мира. Эта экспансия губительна для нас, она подобна мине замедленного действия, подобно осколку снаряда, который остался в сердце Василия Александровича Сухомлинского после тяжелого ранения в 1942 году и стал причиной его преждевременной смерти.

Надо вместе с тем отметить, что в здоровых слоях общества славянских стран есть силы, которые борются против идеологического и социально – политического низвержения славянских ценностей.

Если думать о путях славянского сопротивления в борьбе цивилизаций, то ключевым направлением представляется осознание всеми нашими прозревающими соотечественниками близости ценностей православия и социализма, об этом пишут сегодня и ученые, и служители Церкви. Рассмотрим подробнее такую цивилизационно-образующую ценность как общинность – коллективизм.

Человек восходит к Богу через любовь, дух находит успокоение только в мысли о единстве людей, отвечающем единству Бога. Общиной жили первоначальные христиане, общинность, соборность издавна освящена православием. Об этом в свое время писал религиозный философ Павел Флоренский, опираясь на идею Пресвятой Троицы: «Идея общежития как совместного жития в полном единстве, единомыслии и экономическом единстве – назовется оно по-гречески киновией или по-латыни – *communia*, – всегда столь близка русской душе и сияет в ней как вождеденнейшая заповедь жизни...»

Известный русский философ Николай Александрович Бердяев считал, что христианским идеям отвечает и социалистический принцип хозяйственной жизни: «служи другим, обществу, целому, и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни». Принцип же «преследуй свой личный интерес» он считал «столь же антихристианским как антихристианским является римское понятие о собственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., «Педагогика», 1985 г.
2. Антология педагогической мысли России XVIII в. М., «Педагогика», 1985г.
3. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., «Педагогика», 1987 г.
4. Антология педагогической мысли России второй половины XIX и начала XX в. М., «Педагогика», 1989 г.
5. Антология педагогической мысли Белорусской ССР. М., «Педагогика», 1986 г.
6. Антология педагогической мысли Украинской ССР. М., «Педагогика», 1987 г.
7. К.Д.Ушинский. Собрание сочинений в 6-ти т. М., «Педагогика»,
8. А.С.Макаренко. Педагогические сочинения в 8-ми т. М., «Педагогика», 1983-1986 гг.
9. В.А.Сухомлинский. Избранные педагогические сочинения. М., «Педагогика», 1979-1981 гг.

С.А. Шапкалова

СЛАВЯНСКИ КУЛТУРНИ ОБЩУВАНИЯ ЧРЕЗ ПРАЗНИКА НА БЪЛГАРСКАТА ПРОСВЕТА

Шапкалова Светла Ангелова
доктор, главный ассистент
кафедры Культурно-исторического наследия,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: sasch@abv.bg

В статье представлена краткая информационная картина появления, развития и культурного измерения праздников, посвященных славянской культуре. Показано современное представление о Святых братьях Мефодие и Кирилле среди молодежи в Болгарии. Исследование акцентирует на то, какое место уделяется Святым братьям в болгарском праздничном календаре. Основной задачей становится рассказ об их просветительской миссии и культурном значении для всего славянского мира. Представлены результаты небольшого анкетного исследования, проведенного среди студентов Университета библиотековедения и информационных технологий. На базе анкетного исследования представлены выводы и подведены итоги.

Ключевые слова: *национальный праздник, славянская письменность, болгарское просвещение, общение культур, обучение студентов.*

В статията се дава кратка информационна картина за появата, развитието и културните измерения на празника посветен на славянската култура. Представена е съвременната представа за Св. братя Методий и Кирил, сред младото поколение в България. Акцент на изследването е определянето на мястото на Светите братя в българския празничен календар. Една от задачите е да се разкаже за просветната им мисия и културното им значение за целия славянски свят. Представени са резултатите

от кратко анкетното проучване сред студентите от УниБИТ и въз основа на изследването се направени определени изводи и заключения.

Ключови думи: национален празник, славянска писменост, българска просвета, културни общувания, студентско обучение.

In this article is given brief information about the appearance, development, and cultural dimensions of holidays dedicated to Slavic culture. There is shown the current view on the saint brothers Methodius and Cyril of young people in Bulgaria. This study pays attention to the significant place occupying by saint brothers in Bulgarian holidays' calendar. The main task is the description of their educational mission and cultural importance for the entire Slavic world. There are presented the results of a small questionnaire of students of the University of Library Science and Information Technologies. On the basis of this questionnaire are presented the summaries and the results.

Keywords: national holiday, Cyrillic written language, Bulgarian enlightenment, cultures' relations, training of students.

Дело Святых Мефодия и Кирилла

Создатели славянской письменности Святые Мефодий и Кирилл занимают важное место в мировом культурно-историческом наследии. С возникновением нового алфавита меняется вся европейская цивилизация. В 1980 году первый папа славянского происхождения Йоан Павел II объявил Солунских братьев покровителями Европы. Болгары являются частью европейской цивилизации, потому что у них одна из ранних письменных культур, которая оказывает влияние на духовное развитие в Восточной Европе [3, с. 5].

Во времена Моравской миссии Мефодий и Кирилл переводят на славянский язык ряд богослужебных книг и готовят много своих последователей. Латинское духовенство сопротивлялось против них, ссылаясь на трехязычную догму, но Святой Кирилл Философ защищает тезис, что у всех народов есть право прославлять Бога на своем языке и тогдашний папа Адриан II освещает в Риме богослужебные книги славянских просветителей. Ученики Мефодия и Кирилла пишут много текстов жития и словосохваление об их деле, а оба брата канонизированы церковью в святые. Болгария страна, в которой просветительское дело Святых Мефодия и Кирилла лучше всего воспринимается. Есть возможность создать невероятную книжность, которая занимает важное место в мировой культуре [4, с. 45].

Новый алфавит, адаптированный для славянской речи, и возникновение письменных памятников является культурной революцией в жизни тогдашнего христианского мира. Разрушена и неофициальная концепция о "трех священных языках" - иврит, греческий и латинский, которая была помехой и для духовного развития остальных европейских народов [2, с. 108].

Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл

Христианская Церковь называет "равноапостолами" людей, чье служение является близким к апостольскому. Равноапостолы – святые, прославленные при благовещении Евангелия и в обращении народов в христианской вере. Они сотрудничали или же были учениками апостолов, которые ревностно распространяют и утверждают христианскую веру среди язычников. Согласно церкви такими являются: Святой равноапостольный Игнатий Богоносец, Святая равноапостольная Мария Магдалина, Святая великомученица Текла (согласно апокрифная книга Деяния Павела, Святая Текла ученица апостола Павела и обращает в христианстве много язычников в Селевкие Исаврийской), Святой равноапостольный Стефан, апостол Перьми Святой Аверкий, епископ Нерапольский, Святой равноапостольный царь Константин и его мать Святая Елена, Святой равноапостольный царь Борис Креститель, Святые равноапостольные братья Мефодий и Кирилл, просветители славян, Святой равноапостольный князь Владимир и его бабушка

Ольга, которые стали крестителями русской земли, Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии, Святой Григорий Просветитель, апостол Армения, Святой Николай, архиепископ Японский и др. [1, с. 345].

Согласно житиями святых и такого рода литературы оба брата переводят на понятный язык Библию. Текстами священных книг, они ставят литературные основы на соответствующих национальных языках. Староболгарская письменность становится основой для формирования национальных славянских литератур. Через перенесенный из христианского Востока на Запад свет Святые братья превращаются в константы всей православной славянской книжности. Поэтому они называются не только славянские апостолы, но и культурные творцы [2, с. 109].

Поклонение перед Святыми братьями

Дело Святых братьев отмечается еще с конца IX века, когда они были канонизированы в святые. Православный праздник святых равноапостолов – 11 мая. В этот день в 863 году они приезжают в Великую Моравию крестить западных славян. Успение Святого Кирилла и Святого Мефодия соответственно 14 февраля и 6 апреля. Но как родные братья и единомышленники у них общее просветительское дело и соответственно Православная церковь объединила праздник двух славянских первоучителей в один день. Поначалу таким днем становится 6 апреля – день смерти Мефодия, но так как дата совпадает с периодом Великова поста, когда церковный устав не позволяет праздновать память святых, то был выбран другой день – 11 мая. Отмечается провозглашение „вечной памяти” Святых Кирилла и Мефодия и в день Недели Православной, когда с церковного амвона упоминаются все выдающиеся деятели и отцы Православия (иерархов, монахов, царей и цариц), боровшихся за утверждение православной веры.

Католический праздник двух братьев отмечается 5 июля и дату определил папа Лев XIII в 1880 году. Дата не связана напрямую с земной жизнью Солунских братьев.

Житие Святого Кирилла дает сведения, о том, что он умер в Риме в 42 году. Погребение произведено в крипте базилики «Сан Клементе» в мраморном саркофаге – справа от алтаря по приказу папы Адриана II. Гроб стал святым местом для поклонения. Сегодня поклонения Святому Кириллу производятся в этой церкви. Там захоронены и хранятся найденные и привезенные в Рим двумя братьями мощи Святого Климента. Большая часть мощей Святого Константина – Кирилла Философа хранятся в базилике «Сан Клементе» в Риме. Частицы святых мощей есть и в храме «Святых Кирилла и Мефодия» в его родном городе Салоники. Папа Павел VI дарит частицу этих мощей и церкви в городе Нитра (Словакия).

Культ к нему сильно разносторонен во всем христианском мире, но особенно высокий почет отдают ему славяне. Совершаются множество путешествий поклонников до места, где находятся мощи Святого Кирилла. Бог через знамения и дивные чудеса – исцеление душевно больных и много других болезней, свидетельствуют славу, которая отведена и определена Святому Кириллу в небесном жилище [3, с. 140].

История праздника 24 мая

Первые известные свидетельства о праздновании Святых Мефодия и Кирилла на территории болгарских земель появляются в эпоху Возрождения, и были открыты в армянской летописи 1813 года, где упоминается праздник посвященный святым братьям – 22 мая 1803 года в городе Шумен (Болгария). Поначалу отмечался праздник только Святой литургией.

Сведения о празднике Кирилла и Мефодия – 11 мая появляются нашей (болгарской) литературе в «Хрестоматии славянского языка» 1852 года автором, которой является Неофит Рильский. Он печатает житие славянских учителей, взятое из книг русского писателя Дмитрия Ростовского (1651-1709). В 1856 году Йоаким Груев предлагает, чтобы день посвященный святым Кириллу и Мефодию отмечался и как праздник болгарских учеников [4, с. 13].

В 1857 году день Святых братьев становится почетным в болгарской церкви Святого Стефана в Царьграде, вместе со службой и для Святого Ивана Рильского. С этого момента праздник Святым Мефодию и Кириллу начинает регулярно отмечаться в городах Пловдив, Царьград, Шумен и Лом, а чуть позже и в городе Скопие.

На следующий 1858 год этот день отмечается в Пловдиве торжественной службой в церкви Святой Богородицы, а затем учитель Йоаким Груев произносит волнующее слово о жизни и деле Кирилла и Мефодия. В газете «Царский вестник» размещается приглашение Груева о всеобщем празднике в честь памяти Кирилла и Мефодия, подчеркивая, что их праздник следует отмечать как школьный праздник. Приглашение сыграло существенную роль в установлении этой практики в Болгарии. Энтузиазм охватывает все болгарские поселения. Изобилие сообщений и заметок выходит в газетах эпохи Возрождения, в которых рассказывается о том, как прошли торжества.

Очень много для популяризации праздника сделал Добри Войников. Его хорошая музыкальная культура позволила ему создать мелодию о Кирилле и Мефодии, вероятно к 60-ым годам, когда появляются и первые его печатные стихотворения: «Песня о Святых Кирилле и Мефодии» («Прославим сегодняшний день новыми гимнами») и «Сегодня сияют две пресветлые звезды».

С 1863 года 11 мая становится официальным церковным праздником Святых равноапостолов Мефодия и Кирилла. В Софии праздник организуется учителем Саввой Филаретовым. В городе Жеравна в тот же год воспитанник цариградского взаимного училища Стефан Вылков вводит празднование праздника посвященного Святым братьям. По этому поводу создана икона автором, которой становится мастер Недко Тодорович из Жеравна. Икона хранится в Выставочном зале церкви [4, с. 17].

Церковный праздник, являющийся общим для двух братьев, превращается и в школьный праздник букв, общенародным праздником просвещения и славянской письменности. Праздник начинает торжественно отмечаться всем народом и становится выражением национального сознания и патриотизма, призывая к укреплению и расширению болгарского школьного образования.

Праздник отмечают и болгарские эмигранты эпохи Возрождения в Румынии и России, болгарские студенты за границей, болгарскими соотечественниками, заключенными в Диярбекрыр. Восторженное празднование всеми болгарскими праздниками посвященного Святым братьям, является свидетельством о жажде болгарина к просвещению и науке, о национальному самоопределению и быстрому экономическому и культурному росту [5, с. 34].

После 1878 года праздник посвященный Кириллу и Мефодию развивается в двух направлениях. В свободной Болгарии он ограничивается до школьного праздника. В Македонии и районе Одрин (Эдирне), однако, праздник сохраняет свои функции и как демонстрация исконно болгарского в борьбе против турецкого управления, а также и против ассимиляции сербской и греческой пропаганды.

В 1892 году Стоян Михайловски написал текст гимн „Гимн Святым Кириллу и Мефодию”. Гимн поначалу был из 14 куплетов, из них сегодня исполняются чаще всего первые шесть. Композитор Панайот Пипков написал 11 мая 1900 года музыку к тексту. Особое значение праздник посвященный Кириллу и Мефодию приобретает после Первой мировой войны. С введением григорианского календаря 1 апреля 1916 года праздник, начинает отмечаться государством и церковью – 24 мая. После 1969 года проводится секуляризация церковного календаря и светского, поэтому сегодня существуют два праздника – церковный (11 мая) и светский (24 мая) [по 6].

Официальным праздником Народной Республики Болгария становится 24 мая, который объявлен решением Девятого народного собрания 30 марта 1990 года. С 15 ноября 1990 года этот день является официальным праздником Республики Болгария. Так, в наши дни 11 мая отмечается церковный праздник равноапостолов Святых Мефодия и

Кирилла, а 24 мая отмечается праздник славянской письменности, болгарского просвещения и культуры.

Сегодня Святые Кирилл и Мефодий признаны духовными учителями всем христианским миром и объявлены со-покровителями Европы вместе со Святым Бенедиктом. День Святых братьев отмечается и в славянских государствах (в России, Украине, Беларуси, Македонии, Сербии, Черногории, Чехии, Словакии), но корни этой традиции заложены в Болгарии. День является не только официальным событием, а настоящим народным праздником, самый неоспариваемый и принимаемый всеми болгарами.

К настоящему моменту кириллицу используют болгары, но и сербы, черногорцы, русские, украинцы, белорусы. По данным конца 2007 года кириллицу используют приблизительно 220 млн. человек в 10 государствах. Дело Кирилла и Мефодия продолжают его ученики Климент, Наум, Ангеларий, Горазд и Савва, которые, приезжая в Болгарию находят поддержку в развитии своего дела со стороны болгарского Царя Борис I. Каждый из пятерых учеников имеют свою дату в православном календаре, но есть и общий церковный праздник 27 июля, посвященный Святым Седмочисленикам (Семи святым) [по 6].

Праздник библиотекаря

День 11 мая считается исторической датой в календаре болгарской культуры и связан с делом Святых братьев. Решением No 344 Совета Министров дата 11 мая с 2006 года официально отмечается профессиональный праздник библиотекаря.

Содержание понятия «библиотека» очень сильно изменилось в последние десятилетия, но в основе остается идея о знании, о его накоплении, передача этих знаний из поколения в поколение и о людях, которые занимаются этим. С самого своего зарождения в древности до сих пор библиотеки сохранились, потому что всегда были личности, которые будут им служить в целях сохранения и передачу знаний в вечность.

Самым ценным в библиотеке всегда являются книги и ее библиотекари. Потому что библиотека без библиотекаря представляла бы собой большой склад для книг, помещение без души и света. Профессия библиотекаря является одной из самых трудных, ответственных, но и духовных профессий. Библиотекари консультируют, помогают людям при поиске знаний и сохраняют мировое богатство – книги.

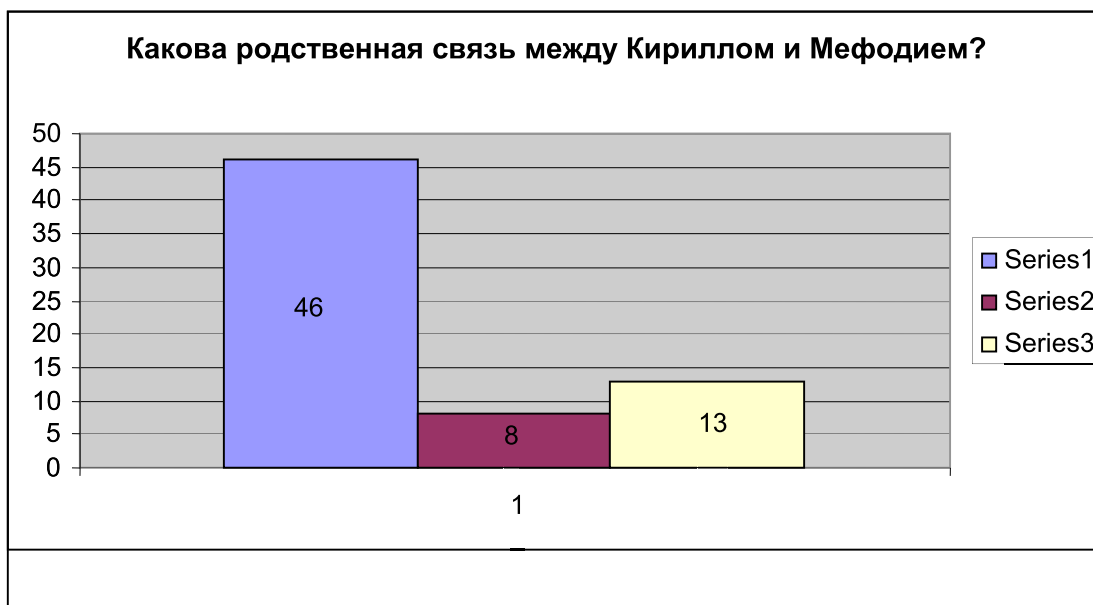
Библиотеки – учреждения с многовековой традицией, которые современные технологии не могут сместить на периферию жизни. Как раз наоборот – современные технологии вкрапляются в готовую сеть библиотек, чтобы служить обществу [по 7].

Современное представление о Святых братьях Мефодие и Кирилле

В болгарском обществе существует много неверных представлений о праздниках связанных с Солунскими братьями. Чтобы доказать утверждение проведено небольшое эмпирическое исследование. Создана специальная анкетная карта, где три целенаправленных вопроса. Исследование объективно отражает знания проанкетированных. Период, в который заполнена анкетная карта – сентябрь-ноябрь 2014 года. Проведено анкетирование среди студентов очной и заочной формы обучения в Государственном университете библиотековедения и информационных технологий, которые изучают предметы, связанные с религиями.

Студентов, которые изучали религиозные дисциплины в зимний семестр академического учебного 2014/2015 года всего 105 человек. Анкетная карта представлена в приложении настоящей статьи и заполнена 67 студентами. По возрасту все кто заполнял анкеты, распределены в группы: 20-30 лет – 37 человек; 30-40 лет – 18 человек и 40-50 – 12 человек. Все студенты указывают, что работают, потому что учатся на заочной форме обучения и согласно закону имеют право параллельно работать. В некоторых из анкетных карт, анкетированные студенты указывают на то, кем именно они работают.

Результаты анкеты можно представить в следующем графическом виде.

Фигура № 1

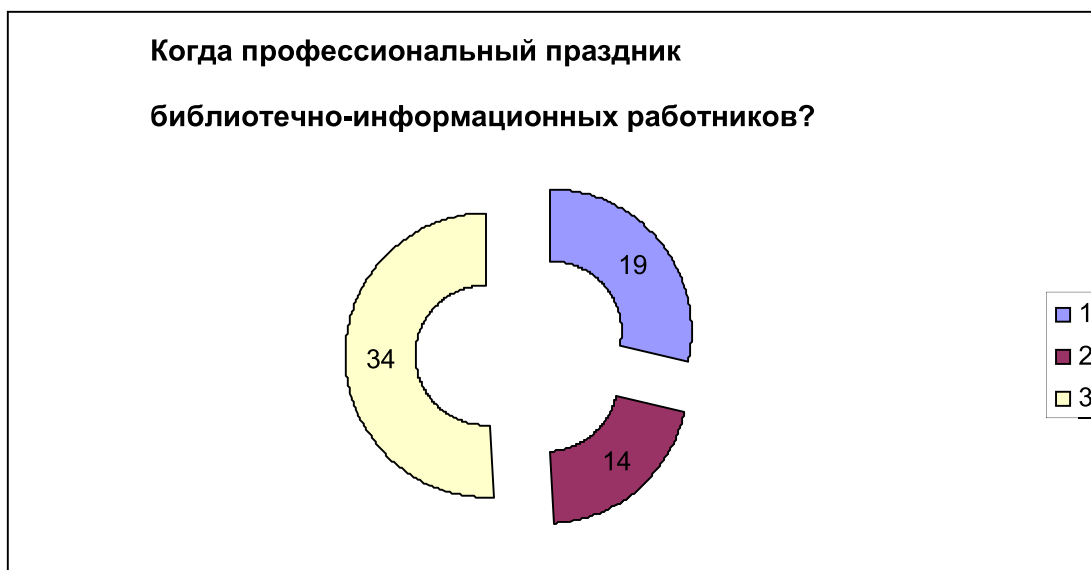
Результаты первого вопроса показали, что проанкетированные в курсе родственных братских отношений между Святыми Мефодием и Кириллом. Очень часто наблюдаем путаницу в том, что старшим братом является Кирилл, потому что постоянно в Болгарии цитируется Святые Кирилл и Мефодий. В Православной церкви и остальным славянским миром отдается нужный почет первородству Святого Мефодия. В современной Болгарии очень часто пренебрегается их святость. Говоря об их духовной, просветительской и культурной миссии забывается поставить Святые до их имен. Именно культурные общения со славянским миром напомнят нам и дадут нам возможность вернуться к написанию житийной литературы, которая ясно объясняет их равноапостольную миссию.

Фигура № 2

Вторая фигура графически показывает, что все знают в Болгарии, когда праздник просвещения, который связывается со всеми, кто работают в сфере образования. Самый

пышный и красивый праздник среди официальных праздников в календаре. Проводятся множество межкультурных общений со всем славянским миром, в сопровождении с пышными торжествами, научными форумами и межкультурными конференциями.

Фигура № 3

Последний вопрос указывает на информированность студентов о профессиональном празднике в библиотечно-информационных мастерских. Относительно новый праздник для нашего общества, не пользуется особой популярностью и отмечается напрямую заинтересованными и проинформированными представителями профессии. Совпадает с церковным праздником посвященным Святым братьям. Наш университет специализирован в библиотечно-информационном направлении и те, кто учится – наши студенты знают, но если анкета будет проведена среди случайно попавшихся людей то, только лишь малая часть из них укажет на верный ответ.

Заключение

В Болгарии существует много православных религиозных центров, школ, читалишт, которые названы в честь Святых Мефодия и Кирилла, а так же под их патронажем и Национальная библиотека. Праздники, посвященные Солунским братьям, предоставляют возможность развитию множеству культурных общений во всем славянском мире. День болгарского просвещения и культуры и славянской письменности имеет многолетнюю историю как болгарский официальный праздник. Недостаточные познания христианства среди болгар являются помехой почитать Святых Мефодия и Кирилла как равноапостолов Православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентий, Архимандрит. Еоротология. Пловдив: ИМН, 2012.– 464 с.
2. Захариева, Йорданка. Пространството на кирилицата и движението в него (вчера, днес, утре). // Кирилицата в духовността на европейската информационна цивилизация. – София: За буквите – О писменехъ, 2008, с. 107-112.
3. Кръстев, Лука. Досег. 11-24 май – Денят на Св. Св. Кирил и Методий. - София: Звездан, 2002. - 183 с.
4. Петканова, Донка. Константин-Кирил десница на славянския род. - София: Време, 1994. - 144 с.
5. Чешмеджиев, Димо. Кирил и Методий в българската историческа памет през средните векове. - София: Акад. изд. Проф. Марин. Дринов, 2001. - 190 с.

6. Честит 24-ти май!. – В: Setlans BG [онлайн]. 24 май 2011 [дата посещения: 11.04.2015].
7. 11 май – професионален празник на българския библиотекар – В <http://www.lib.bg/index.php?> [дата посещения: 11.04.2015].

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНКЕТНАЯ КАРТА “СВЯТЫЕ БРАТЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ”

Возраст:; Род деятельности:.....; Дата:.....

Прошу заполнить верный на Ваш взгляд ответ!

1. Какова родственная связь между Кириллом и Мефодием?
а/ братья; б/ отец и сын; в/ не знаю.
2. День болгарского просвещения и культуры и славянской письменности отмечается: :
а/ 11 мая; б/ 24 мая; в/ 14 февраля.
3. Когда отмечается профессиональный праздник библиотечно-информационных работников в Болгарии?
а/ 2 апреля; б/ 23 апреля; в/ 11 мая.

С. Шаренкова

ДИАПАЗОН КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ – V-XX вв.

Светлана Шаренкова
доктор наук,
Председатель Совета Форума "България - Русия",
София (България)
E-mail: ssharenkova@abv.bg

В Европе XXI веке все отчетливее намечается свое правовое и экономическое пространство, но его становление в качестве единого фундаментального субъекта, отличающегося от детерминированных субъектов, какими являются страны-участницы, только предстоит. Разделение в большей мере относится к государствам, остающимся вне Европейского союза и НАТО, которые, хотя и стремятся к Объединенной Европе, выражают открыто свое беспокойство по поводу попыток ограничения их национального суверенитета и трудно воспринимают представление о будущей общеевропейской идентичности. Без общей идентичности Европа не могла бы существовать в пределах между Атлантикой и Уралом.

Ключевые слова: *Объединенная Европа, идентичность, космополитизм, славяне, прогнозы и моделирование, миссия, социальная идея.*

Европа на XXI в. все по-ясно очертава своето правно и икономическо пространство, но като единен фундаментален субект, различен от детерминираниите субекти, каквито са страните членки, тепърва предстои да бъде създаван. Това разделение в още по-голяма степен се отнася по отношение на държавите, които не членуват в Европейския съюз и НАТО. Макар да се стремят към Обединена Европа, те открито изразяват безпокойство от опитите за ограничаване на националния им суверенитет и трудно възприемат представата за бъдещата общеевропейска идентичност. Без обща идентичност Европа не би се състояла в границите от Атлантика до Урал.

Ключови думи: *Обединена Европа, идентичност, космополитизъм, славяните, прогнозите, моделиране, мисията, социалната идея*

In the 21st century, the Europe outlines its constitutional and economic space more strongly, but its formation as a united fundamental subject, different from the determined subjects, which are the participating countries, is expected yet. This separation concerns to a greater extent the states remaining outside of the European Union and NATO, which - though they are striving for the United Europe – avow to be worried about the attempts to restrict their national sovereignty; and perceive hardly the future European identity. Without the common identity, Europe could not exist within the bounds between Atlantic Coast and Ural.

Keywords: *United Europe, identity, secular cosmopolitanism, the Slavs, prediction and simulation, mission, social idea.*

Европа XXI века все отчетливее намечает свое правовое и экономическое пространство, но ее становление в качестве единого фундаментального субъекта, отличающегося от детерминированных субъектов, какими являются страны-участницы, только предстоит. Данное разделение в еще большей мере относится к государствам остающимся вне Европейского союза и НАТО, которые, хотя и стремятся к Объединенной Европе, выражают открыто свое беспокойство по поводу попыток ограничения их национального суверенитета и трудно воспринимают представление о будущей общеевропейской идентичности. Без общей идентичности Европа не могла бы существовать в пределах между Атлантикой и Уралом. Озадаченные этим препятствием ведущие государственные деятели, политологи, культурологи и народопсихологи допускают несколько возможных альтернатив и соответственно несколько подходящих для них политических направлений.

Согласно Первой альтернативе, Евросоюз уже обладает цивилизационной идентичностью, в которой преобладают западные ценности. Эти ценности сформировались в пространстве, где в период Средневековья после схизмы между Восточной и Западной церквями в XI в. господствовал католицизм. Таковы „исторические пределы“ Европейского союза и любое их перекраивание было бы роковым для Европы. Наиболее ярким представителем данной теории является С. Гентингтон, отстаивающий в своей книге „Столкновение цивилизаций“ тезис о том, что в ЕС не следует принимать православные государства. Даже Греция была принята в Европейский союз наспех, и она должна остаться единственным исключением из правила. Особенность данной версии об Объединенной Европе состоит в том, что она идеологически обосновывает ее трансатлантическое единство с США, но отвергает европейские православные государства. Т.е. основной разделительной линией на Старом континенте является религиозная принадлежность, хотя это и неприемлемо для современного европейского способа мышления.

Вторая альтернатива рассматривает православие в качестве составной части общей иудейско-христианской традиции. Среди наиболее выдающихся сторонников данного подхода выступает бывший президент Франции Жиска д’Эстен, который, однако, выдвигает другой барьер на этот раз против ислама. И конкретнее против принятия Турции в ЕС из-за глубоких культурных различий между ней и остальной частью Европы. Проблема становится более серьезной, если к правому французскому мышлению прибавить и голландский либерализм (Фриц, Болкенстейн: „Пределы Европы“). Эта линия рассуждений допускает в Европу Болгарию и Румынию, но отвергает Турцию, Белорусию, Украину, Молдову (не говоря уж о России) в качестве ее внешней границы.

Третью позицию можно условно назвать „светским космополитизмом“. Согласно ей в будущей объединенной Европе значение национальных, этнических и религиозных различий будет утрачено. Ибо современная европейская традиция, особенно по окончанию Второй мировой войны, является светской, а не религиозной. Тут ярко выступает фигура президента Франции Жака Ширака, подсказывающего, что еще Французская революция 1789 г. отделила церковь от государства. Сам будучи католиком,

Ширак, вместе с тем, предлагает осуществление данного принципа, как основополагающего для Европейского союза. Против изоляции мусульман от Европы выступают также ряд выдающихся интеллектуалов. По мнению Ульриха Бека, „отождествление мусульман только с исламом, а также с иными мусульманами является противоевропейским“. Европейские ценности являются светскими утверждает он, это делает их независимыми от религий и традиций. Единственная возможность политики вернуть себе доверие людей возможность перейти из национального в космополитическое государство.

Следующей для Объединенной Европы является возможность стать общностью „плюралистической в культурном и религиозном плане“. Что означает подобный США путь развития, отделение государства от нации и формирование мультикультуры. Его основная характеристика толерантность к разным культурам, религиям и языкам. Пример для данной модели можно найти в некоторых европейских государствах, состоящих из разных этнических компонентов: англичан, уэльсцев, шотландцев, ирландцев в Великобритании, испанцев, каталонцев, басков в Испании.

Любая из выдвигаемых альтернатив, кроме защитников, имеет также серьезных оппонентов и критиков. Рассмотрение аргументов „за или против“ любой из альтернатив не является предметом настоящей публикации, поэтому следующие страницы посвящены иному проекту, называемому „Славянская Европа“.

Европа и славяне

В 2006 году, в начале третьего тысячелетия по христианскому летоисчислению Европа насчитывает 44 государства. Двенадцать из них славянские. Их население составляет 1/3 населения всего материка, а площадь составляет свыше 50% всей его территории. Имея схожий республиканско-политический строй, варианты которого включают президентскую, парламентскую, федеративную или союзную форму управления, в настоящее время, после распада социалистической схемы, славянские страны находятся в состоянии „перехода“, „продвинутого перехода“ или „законченного перехода“ к рыночной экономике.

Несмотря на широко распространенное общественное мнение, преимущественно в СМИ, указанные определения перехода не несут отрицательного оттенка, поскольку они определяют место этих государств в рамках исторического процесса. Данный процесс является постоянным переходом от одного достигнутого уровня развития к другому. Сама же „рыночная экономика“ это совокупность условий осуществления нового изменения, о котором пойдет речь далее.

Следовательно, существенной проблемой представляется то, можно ли считать суть исторического перехода положительной перспективой, и какова роль славянства в ее реализации. Выяснению этого и иных подобных вопросов полностью или частично предшествует обычно историческая ретроспекция. Вряд ли ее можно считать занятием для любопытных читателей, скорее всего это попытка проникнуть в смысл явлений и событий, протекающих и происходящих в нас самих и у нас на глазах, но уходящих своими корнями в глубокое прошлое. Такой подход вполне соответствует знаменитому правилу Дж. Оруэлла: „Контролирующий прошлое контролирует будущее! Контролирующий настоящее контролирует прошлое!“

Тему исторической ретроспекции, которая представляется уместной для славянского проекта, можно назвать „Создание Европы“, ибо создаваемая не раз в прошлом, она создается заново в современности.

Славяне появляются на европейской исторической сцене на рубеже веков до и после Иисуса Христа. Они описаны и локализованы рядом римских, позднеантичных и ранневизантийских авторов, писавших на латинском и греческом языках, как огромное индоевропейское общество с ядром, расположенным между реками Висла и Одер, завладевшим территориями к северу, востоку и югу. Ранние этапы процесса обособления

и консолидации славянских народов можно изучить подробно, но на основе языковедческих и археологических исследований сегодня принято считать, что к III–IV вв. грамматический строй и лексический фонд славянских наречий утвердились. Дифференциация языков происходила в течение следующих двух веков, когда расселение общин распространилось на обширные территории к югу и достигло полуострова Пелопоннеса в нынешней Греции. Видимо, решающим периодом этно-демографического и культурно-исторического укрепления славянских народов является период V и VI вв., а территорией место проживания восточных, западных и южных славян, намечающей зону нового мира.

Эта зона проживания славянского населения не оставалась изолированной. Она находилась во взаимодействии с временными историческими партнерами, такими, как гунны и авары, а также постоянными болгарами, германами (саксами, норманами, готтами, франками, тевтонами, алеманами и т.п.) Взаимодействия, порой кровавые, вписаны в Великое переселение народов, начавшееся практически в III веке, и продлившееся по меньшей мере до VII в., когда на политической карте Юго-Востока рядом с Византией появляется Придунайская Болгария (681 г.). Великое переселение народов повлекло за собой роковое изменение евразийского пространства, которое привело к ликвидации Римской империи и созданию средневековых европейских государств.

Основными факторами этой эпохальной трансформации европейской истории, имеющими всемирно-историческое значение, стали славяне и германы. Обе общины перекроили римское наследие не только в военно-политическом и социальном, но и в культурно-языковом плане. В IV в. готтский епископ Вульфила, духовный предводитель поселившихся в нынешней Северной Болгарии недалеко от римского города Никополиса-ад-Иструма готтов, перевел Святое писание при помощи составленной им азбуки и подарил германским народам литературу и веру. Вскоре после того латинская письменность широко распространилась и по-ныне господствует в Западной и Центральной Европе. В IX в. славяне тоже присоединились к этой духовности, благодаря делу святых братьев Кирилла и Мефодия. С Болгарии князя Бориса-Михаила (852–889 гг.), с книжных школ, созданных этим высоко образованным правителем, в старой столице Болгарии Плиске и в новой Преславе, а также в Охриде (сегодня в Македонии), началось распространение славянской письменности на восток, север и запад.

На этом ретроспекцию на тему „создание Европы“ можно закончить, ибо она не ставит себе целью рассказывать о событиях. Она несет в себе послание к славянству о том, что ему необходимо осознать и выполнять свою роль в создании новой современной Европы.

Послание

Примерно пятнадцать столетий после преобразования имперской Европы в Европу национальных государств история призывает к новому коренному изменению. Призыв идет не из прошлого, а из неизмеримо сложного будущего информационных технологий „глобальной деревни“. Это будущее иное выражение нашего настоящего, необъясненное в учебниках, ни даже в тяжелых фолиантах историографов, но в него надо всмотреться глубже, сознавая, что в делах человеческих то, о чем умолчали, часто мудрее сказанного и написанного.

Это усилие, которое требуется от нас, не единственное. Современность протекает с различной скоростью, для родного края, области, государства, материка и мира. Тот, кто услышав призыв истории, хочет отозваться, вынужден замедлять или ускорять ритм своей жизни, чтобы быть в состоянии пережить свое собственное бытие на разных временных скоростных участках. Это требование касается наций и государств. А умение жить в разных видах пространства, в том числе и в виртуальных, не теряя ориентацию на

поставленную цель, становится обязательным условием не только для личности, но и для общества.

При наличии подобных временных и пространственных характеристик, обычное понимание обстоятельства, что социально-политические и культурно-исторические процессы располагаются в линейных и поступательно-эволюционных параметрах, имея начальную отправную точку, необходимо переформулировать, как „состояние постоянного старта“. „Непрерывный старт“ означает константное наивысшее напряжение знаний, чувств, воли и морали для выполнения задачи, содержащейся в призыве истории, обращенном к участникам создателям перемены. Тут необходимо напомнить, что без обдуманной и честно отстаиваемой задачи в современном мире нельзя действовать иначе, кроме как в тупике межнациональной вражды, партийно-коттерийной борьбы или общественных и личных невзгод.

Современный взгляд отвергает тезис о том, что государство это „вон те“ или „те наверху“, и возвращает актуальность концепции о „гражданском корпусе“. Она более удачное понятие, чем „гражданское общество“, чем „ответственное общество“ из-за обстоятельства, что обоим „обществам“ приписано больше полномочий, нежели ответственностей. „Гражданский корпус“ персонифицирует, в плане отдельной личности и в плане группы, реализацию государственности в любой конкретный исторический момент и вменяет ее в долг поколениям. Такой долг делает нации более сплоченными, ибо они не только институционализированные объединения. Они духовны, и эта их существенная разница имеет наибольшее значение для обоснования славянского проекта.

Это проект „иной геополитики“, в которой не находят места устаревшие внушения панславизма в качестве противодействия так наз. пангерманизму, или более новым панамериканизму/панангло-американизму. Этот тип противопоставления и даже противоборства обречен на исчезновение. Славянская „иная геополитика“ не основана на том, чтобы навязывать свою точку зрения о структурировании мира согласно модели „Терроризм-антитерроризм“ или „Столкновение цивилизаций“.

Проект исходит и обоснован на аргументах позитивного прогнозирования.

Прогнозы

Прогнозы всегда очень популярны среди специалистов по социальным и гуманитарным наукам из-за естественного стремления людей узнать о будущем. Прогнозирование относительно хорошо разработано в методическом плане, несмотря на то, что оно часто не оправдывает тех усилий, которые вложены в него. И все же!

Причинно-следственное моделирование всего ожидаемого в краткосрочном и среднесрочном плане кажется наиболее доступным, ибо принято считать, что каузальное мышление в состоянии предвидеть то, какие из причин превращаются в следствие, а какие следствия в причины. Методическая процедура, однако, применима к явлениям, находящимся на поверхности глубоко протекающих процессов и долгосрочного плана. В XX в., например, она применялась при прослеживании подготовки Второй мировой войны, как следствия непомерного роста военного могущества Гитлеровской Германии, и ее идеологии относительно Третьего Рейха. Тогда вывод был сделан не только отдельными прозорливыми политиками, но и большими общественными группами. Сегодня такое моделирование ожидаемых развязок не дало бы обнадеживающих результатов.

Системно-структурное моделирование приводит к тому, что любая хорошо организованная экономическая, политическая, социальная и религиозная структура развивается согласно своим собственным внутренним закономерностям, predetermined „за пределами и независимо от нашего сознания“. Метод, признанный рядом философских школ, был весьма популярен в позитивистском XIX веке и даже в первой половине марксистского XX в. Он применяется обычно при изучении общественно-экономических формирований и технических изменений и перестроек, в том

числе революционных. При новой, зачастую, решающей, роли субъективного фактора в информационной и высокотехнологической среде подход мог бы иметь вес главным образом в теоретических разработках.

Историографически-цивилизационное моделирование будущего основано на тезисе о неизбежной „смене цивилизаций“, происходящей в трехфазовом ритме от генезиса к процветанию и от процветания к упадку и краху. Смена цивилизаций в трехфазовом ритме излюбленный подход в рассуждениях многих авторов до и после Арнольда Тойнби, но доказательства, его поддерживающие, обнаруживаются полностью в прошлом. Кроме того, сама формулировка понятия цивилизации непостоянна из-за подбора критериев, которые могут быть хозяйственными, географическими, религиозными, языковыми, этническими или даже смешанными. Далее можно будет увидеть, что понятие можно применять при разработке „иной геополитики“, однако в функциональном смысле.

Моделирование вероятности ожидаемых явлений и процессов характерно скорее всего для публицистической и прикладной политологической литературы, ибо всегда оставляет широко распахнутую дверь для выхода из неловкого положения, если прогноз не оправдается. Моделирование вероятности часто пользуется планированием на основе принципа „повторяемости ситуации“, согласно которому в определенный период времени данная обстановка не может не повториться даже лишь из-за исторически накопившегося опыта участников в ней. В настоящее время подобная методика не рекомендуется не только из-за опасения, что история повторяется только в качестве фарса, но и из-за „виртуализации вероятностей“, которые таким образом могут быть превращены в „реальности“, совершенно неожиданные для прежнего исторического опыта.

Перечисленные прогнозные средства не исчерпывают всех возможностей, тем более, что некоторые прогнозы не заслуживают обсуждения. Таким является объявленный „конец истории“, описанный в последние несколько десятков лет XX в. главным образом американскими авторами, или его либеральный вариант распада ушедших вперед стран, или в качестве апокалиптического уничтожения человечества в идейно-религиозном поединке. Все вышеуказанное ставит себе целью подготовить краткое изложение на тему геополитического моделирования, применимое при разработке славянского проекта.

Оптимистическое моделирование

В геополитической литературе и сочинениях на подобную тему и со схожими амбициями обобщения содержится больше мифов, чем может вобрать в себя столь сложная область исследования. К сожалению, надо признать, что мифы весьма часто используются в качестве отправных точек при анализе и выводах, влияя таким образом на не достаточно подготовленных читателей, а также политиков и дипломатов.

Наиболее известными геополитическими мифами являются следующие:

- о превосходстве определенной расы, цивилизации, развитых демократических и либеральных обществ, „открытых обществ“, „динамичных наций“ и даже так наз. „богоизбранных народов“, которые в определенный исторический период принесут избавление для человечества или хотя бы укажут ему „правильный путь“ и приведут его к „новому мировому порядку“; к каким жестоким последствиям привели все эти мифо-фикции в XX в. и в первую очередь антисемитская и антиславянская „теории“, не заслуживающие обсуждения; цинично то, что подобные примитивные предрассудки продолжают создавать воинственные мифологемы;

- об отсталости других рас и цивилизаций, об отсталых недемократических и нелиберальных обществах, „закрытых общинах“ и „инертных нациях“, не призванных творить и двигать прогресс, а обязанных приобщаться к более прогрессивным, более просвященным, к лидерам; миф с его вариантами не обязательно увязан с предыдущим, как его геополитическая оппозиция; он самовоспроизводится, особенно в политико-психологической области с тем, чтобы оправдать санкции и даже насилие;

- о „закатах“, в том числе о „закате Европы“, провозглашенном О. Шпенглером уже в 1918 году в его известной книге под тем же заглавием; идею о „закатах“ подпитывает раздел теории о смене цивилизаций после истощения ресурсов их материальной и духовной культуры, но есть и одна существенная модификация ее мифологема дополняется так наз. трансформационной моделью, согласно которой „сходящие с исторической сцены“ истощенные нации и общности наций могли бы спастись от исчезновения, присоединившись к молодым и жизненным;

- о „грехопадениях“ государств и союзов, характеризующихся, как „империи зла“ на определенный исторический период и при определенном состоянии международных отношений; этот миф относится к идеологически диверсионным и является особенно воздействующим на широкие слои неосведомленных людей, от которых скрывается подлинная атака, ее продолжительность, цель и побочные эффекты, чтобы сохранить хороший тон в общественном мнении; „империи зла“ обвиняются в попирании прав человека, в прошлом и настоящем, но этот их „первоначальный грех“ имеет свойства бумеранга и поражает тех, кто решил применять его в пропагандной войне;

- о „цивилизационных выборах“ новых управленческих, институциональных и моральных решений, вытекающих из партнерства в Северно-атлантическом альянсе и в Европейском союзе, а также мировых или континентальных структурах; идея о том, что „цивилизационный выбор“ автоматически, и чуть ли не волшебным образом решит проблемы нации и ее государства, является лишь платформой политиков, всеми силами борющихся, чтобы остаться в так наз. элите; этот миф относительно новый, он возник после падения Берлинской стены и продолжает репродуцироваться, хотя и на сравнительно невысоком социально-психологическом и партийном уровне.

Кроме этих основных мифов и их версий, существуют, конечно, и другие, но в геополитических проектах они не имеют столь важного структурообразующего значения. Как перечисленные, так и неперечисленные, однако, совершенно не подходят для оптимистического моделирования славянской Европы в долгосрочном плане, т.е. для создания благоприятной геополитической перспективы. Этот подход требует интерактивной увязки культуры цивилизации истории.

Культуру можно рассматривать, как продуманную и осознанную ценностную иерархию, обуславливающую социально активное и созидательное поведение личности, группы, общества, народа, нации и сообщества наций. Культура-поведение проявляется в геополитической системе, как сеть взаимодействий между верой, мировоззрением, письменностью, языком, наукой, литературой, изобразительным искусством, музыкой. Этот „мир идей и идеалов“ материализован цивилизацией.

При подобной рабочей гипотезе цивилизация представляет собой коммуникативный канал обмена достижениями личности, группы, общества, народа, нации и сообщества наций. Явления в современной информационно-коммуникативной цивилизации могут не являться прямым результатом самостоятельной продуктивности участника или участников этого обмена. Они являются также результатом взаимных восприятий, сближения, опознания, приспособления и интеграции.

Социально-гуманная и функционально-поведенческая обоюдность взаимодействий и взаимозависимости между культурой и цивилизацией образуют некое единство. Оно воплощается в истории и точнее в истории того времени, в котором мы живем. Переживаемая история, со своей стороны, укрепляет убежденность в общности культуры и цивилизации и подпитывает их ровно так же, как они придают ей энергии. Таким образом, три опорные точки оптимистического моделирования образуют круг сплоченности, обеспечивающий славянской Европе опору ее преемственного развития.

Создание такого единства не может произойти само собой на глазах у пассивных наблюдателей. Оно требует осознания миссии в историзации времени, в котором мы живем, и превращения его в будущее.

Миссия

Славянская миссия предполагает в первую очередь наличие желания общаться и сосуществовать, как выражение общей воли консолидации общности. В начале XXI в. создание славянской Европы в рамках объединенного континента немислимо без „желания-воли“. Известны хорошие результаты с более ранних времен, но в XX в. оно было подавлено централизованными властями, преимущественно диктаторскими. „Желание-воля“ это не метафизическая рекомендация, это единомыслие в действии при мобилизации всех основных добродетелей общности, в том числе и умение забывать. В качестве одного из ценнейших приобретений исторического опыта, это умение является обязательным условием, без которого невозможна никакая общность.

Кроме того необходимо подчеркнуть, что миссия представляет собой осмысленно и убежденно принятую историческую ответственность за формирование качественно иной международной обстановки, т.е. за более гуманизированный ход совместно переживаемой истории. При принятии на себя подобной исторической ответственности дистанция между нами и другим/другими естественным образом и быстро сокращается, так как он/они являются партнерами в одном и том же соревновании соревновании по созданию таких общностей которые в состоянии перестраивать и улучшать национальную культурно-поведенческую зону.

Славянская миссия состоит в выполнении этой задачи эпохи. Причем преимущество системы ценностей славянских наций состоит в том, что ее никогда не возводили в образец, навязываемый силой. Господство подобных образцов не является социально и политически продуктивным даже при наличии наилучших намерений.

Системы ценностей нельзя сравнивать и сопоставлять, с целью оценки и осуждения. Каждый имеет право выбора. Преимущества славянской системы ценностей содержатся и в тех обстоятельствах, при которых славяне применяли свое право выбора. Эти обстоятельства всегда были чрезвычайными и требовали крайней интеллектуальной и эмоциональной напряженности. Подобный судьбоносный выбор в недалеком прошлом славянские народы сделали в годы Второй мировой войны, когда их объявили „удобрением“ для высшей расы, и им было необходимо в первую очередь выжить, а затем и победить. Так, подлинная цена славянских добродетелей проявилась в борьбе против гитлеризма и фашизма и наперекор сталинизму.

Такие добродетели, проявляемые как в повседневной жизни, так и в подвиге ныне не должны размыться в отношениях с европейскими и внеевропейскими административно-бюрократическими институтами за счет чиновнической уравниловки людей-космополитов. Попытка уничтожить эти качества путем политической псевдо-антропологии под лицемерным лозунгом „мы все одинаково грешны“ не может не вызвать ответной реакции, стимулирующей исполнителей миссии: Ее подпитывают:

коллективизм и чувство социальной справедливости и равенства;

толерантность в отношении любой материализованной или духовной Разности;

отсутствие агрессивности;

патриотизм и готовность пожертвовать собой;

религиозная терпимость;

неуклонность в достижении намеченной цели;

сознание долга перед народом, нацией и сообществом наций, проявляемое на всех личностных и социальных уровнях.

Сразу же необходимо отметить, что подобные перечисления обычно неполны и часто по ним можно поспорить. Исчерпательность, однако, не была бы достоинством, тем более, что упомянутые отличительные черты, а также те, которые можно было бы прибавить, присущи и другим нациям и сообществом наций. Историко-психологическое преимущество славянства состоит в том, что перечисленные добродетели и нормы поведения являются константными величинами в константных соотношениях между

ними. Этому постоянству внутренних резервов и внешних проявлений способствует глубокая вера в Добро. Вера-упование не является официальной религией, но возникая из глубины веков, она единит православных, католиков, протестантов, мусульман и иудеев среди народов славянских государств.

Сделанные выводы основаны на весьма старой традиции государственного строительства, величественные измерения которой можно в разные исторические периоды заметить не только, но наиболее ярко в России и Польше. Делая разницу между организацией государства и чувством государственности, славянство уповает на свою жизненную общину, являющуюся ядром территориально-соседских и производственных отношений, но также и структурой социальной справедливости и взаимопомощи. Сегодня эти древние общинные связи находят выражение в сотрудничестве мысли и творчества между равноправными участниками европейского исторического процесса. Объединительные тенденции в этом процессе не новость для славянских наций, ибо при помощи дела святых братьев Кирилла и Мефодия, древнеславянской письменности и славянской литературы они первыми заявили о воссоединении европейских народов на культурно-религиозной основе, несмотря на разность языков общения с Богом.

Эта первая удавшаяся попытка выполнить славянскую миссию не останется последней. Причем сказанное выше приводит нас к выводу о возможности выполнения предначертания создать новую и более гуманную Европу, что кажется неожиданным: глобализация является подходящим процессом для реализации славянского проекта.

Неожиданность вытекает из стандартизованного представления о том, что глобализация это американизация. Это представление поверхностно, несмотря на барское поведение той или иной администрации, применяющей военную силу в разных районах мира под прикрытием идеологемы о защите демократии и прав человека. Глобализация процесс более высокой исторической категории. Ее причинность возникает на основе восхода информационных и высоких технологий и присоединения части космического пространства к участку некоего жестокого рыночного соперничества. Глобализация заряжена не столь угрозой возникновения американского самодержавия, сколь неограниченной властью корпоративных объединений по отраслям в континентальном, трансконтинентальном и планетарном плане.

Глобализационная среда наднациональна и при умелом использовании ее собственного оружия создает подходящие условия для развертывания славянской миссии в целях создания более гуманной Европы.

Социальная идея

В рамках глобализующегося мира сохранение гуманных отношений является целью, недостаточной для славянства. Славянские народы не компрометировали сущую, исторически подлинную альтернативу капиталистическому строю и они неповинны за развал советской авторитарной модели, сочиненной не столь в целях социальной эмансипации трудового человека, сколь в целях намертвения, модернизации и накопления материальных ценностей в стране, догоняющей остальные. Вот почему, именно славянские народы и государства могут достойно реализовать эту социальную идею.

Развитие социальной идеи после ее утопического периода, начиная с революций в 1848 г., Парижской коммуны 1871 г. и Октябрьской революции 1917 г. и кончая созданием социалистического блока государств после Второй мировой войны не может быть зачеркнуто. Оно сохраняет и продолжает наращивать свое значение перед лицом вызовов XX века.

Развал социалистической авторитарной модели по своей сути и в глубине оказался выигрышем в пользу социальной реформации капитализма, начавшейся уже во второй половине предыдущего столетия и неослабевающей и по сей день. После отмирания социалистической системы авторитарного типа „повторно варваризирующемуся

капитализму“ стало легче вести битву против социальных достижений, навязывать рыночный диктат и приватизировать здравоохранение, пенсионные фонды, обеспечение и социальные платы. Это наступление порождает необходимость в обязательном создании нового социального порядка или, как выражаются некоторые авторы, социальной конституции. Это значит, что с крупным участием государственных учреждений будут упорядочены:

занятость рабочих мест, которые будут защищены от произвола работодателей, обеспечат профессиональное развитие и достойный заработок;

уменьшение неравенств, вытекающих из распределения прибыли, из ненадежных условий труда и растущей относительной нищеты;

вывод коллективных социальных систем из капитала, их обособление в специфический нерыночный сектор фундаментальных общественных услуг;

установление стандартов социальных расходов по группам стран и в первую очередь в области здравоохранения и заботы о детях;

первостепенность проблем распределения богатства и доходов по сравнению с критериями роста;

обеспечение безусловного минимального дохода для каждого гражданина.

Социальная конституция является средством обеспечения централизации ресурсов, при помощи которых государство и сообщество наций могут урегулировать экономическую сверхсилу частного капитала и частных интересов. Кроме того, таким образом повысится регуляторная функция сообщества стран, где государство не может не быть субъектом собственности, причем в решающих для общества областях, таких, как инфраструктура, транспорт, обеспечение, образование, культура и пр.

Уже намечаются идеи перестройки и международных экономических отношений в данном направлении, начиная с создания экономических органов ООН нового типа и кончая участием стран в решениях, принимаемых международными финансовыми институтами.

Осуществление социальной идеи в подобных измерениях и направлениях вполне подходящая задача для свежих сил, здоровых традиций и исторического опыта как удачного, так и горького славянских народов. Объединенные намерениями, вложенными в этот проект, они могли бы возродить гуманное начало в отношениях между людьми и странами в Европе и в мире и социализировать „желание-волю“ жить вместе, несмотря на конкретную форму правления. Социальная идея, воплощенная в государственность, может плодотворно структурировать демографические, общественные, рыночные, этнические, профессиональные, творческие, религиозные, языковые, поведенческие, нормативные, моральные и даже космические отношения в действующую систему установления справедливого порядка. Славянская государственность, оформившая свои характерные черты в тысячелетней преемственности, является фактической дефиницией такого типа организации, которая способна поддерживать весь перечень этих сложных отношений.

„Славянская Европа проект иной геополитики“ это попытка услышать голоса разума, воли и морали, принять их аргументы в качестве инструментариума коренного переустройства прежнего образа жизни в Европе и в мире.

СЛАВЯНСКАЯ ЕВРОПА

Территория

5,6 млн. кв. км. или 53,3% территории континента Европы, площадь которой составляет 10,5 млн. кв. км.

Население

233 млн. или 30% общей численности населения Европы, составляющей 800 млн. человек.

Письменность

Кириллица официальная письменность 7 государств, где проживает 173 млн. человек, в то время как латиницей пользуются 5 государств с населением в 61 млн. человек.

Религия

Православных 150 млн., католиков 60 млн. (всего христиан 210 млн.) мусульман 13, 7 млн., иных вероисповеданий 9 млн. человек.

Н. Стойкович

В. Бойков

THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND IDENTITY IN THE TIME OF GLOBALIZATION

Assoc. Prof. PhD Nadežda Stojković
Faculty of Electronic Engineering,
University of Niš, Serbia,
E-mail: nadezda.stojkovic@elfak.ni.ac.rs

Assoc. Prof. PhD Vance Boykov
Faculty of Electronic Engineering,
University of Niš, Serbia,
E-mail: vance.bojkov@elfak.ni.ac.rs

Основной идеей данной статьи является показать условную связь между языком и индивидуальной и коллективной идентичностью, а также и состояния языка и индивидуальности в современном мире, который также называется мультикультурным и глобальным. Любое мнение человека идет от языка, потому что человек может думать только на одном языке. Опыт и разнообразие предварительно форматированы лингвистическим способом представления мира. Мы зависим от лингвистики. Способность говорить – черта, которая определяет человека и его идентичность. Язык содержит совокупность культуры, он является коллективной памятью общего исторического опыта. Самосознание приобретает через язык. Он является основным источником идентичности. Как самый большой накопитель всеобщей живой истории, язык – память, в тоже время является активным фактором постоянства одного народа или индивида. В данной статье мы пытаемся раскрыть тенденции в рассмотрении вопроса (лингвистически) об идентичности в современной критической теории.

Ключевые слова: культура, идентичность, глобализация.

Основна идея в тази статия е да се покаже условната връзка между езика и индивидуалната и колективна идентичност, както и състоянието на езика и разбирането за идентичността в съвременния свят, който също се назовава мултикултурен и глобален. Всяко човешко мнение идва от езика, защото човек може да мисли само на един език. Опитът и разбирането са предварително форматирани от лингвистичния начин на представяне на света. Ние сме зависими от лингвистиката. Способността да се говори е черта, която определя човека, и неговата идентичност. Езика съдържа съвкупността от културата, той е колективната памет на общия исторически опит. Самосъзнанието се придобива чрез езика. Той е основен източник на идентичността. Като най-голям трезор на съвкупната жива история, езикът е памет, същевременно активен фактор, постоянността на един народ или индивид. Тази статия

ще се опита да се отбележи тенденциите в разглеждането на въпроса (лингвистично) идентичност в съвременната критическа теория.

Ключови думи: култура, идентичност, глобализация.

This paper attempts at exploring the relationship between languages and English as a lingua franca, the globalisation phenomenon, and the impact of this situation on the perception and realisation of identity. Language is a substance of a culture, at once the container of its entirety and its constituent part that allows for further development. The varieties of languages provide unparalleled insights into the diversity of human experience and perceptions, while the coexistences expose its unchanging kernel across cultures. As a repository of history, the sum of human knowledge, it is the primary marker of identity, both individual and collective. The realisation and comprehension of identity implies its representation which, just as any other kind of knowledge, can only be done in a language. Today when English is largely considered not a foreign language, but a necessary skill, identity formation and expression certainly have different dimensions. The issue at stake is whether English threatens the autonomous self-realisation or not. Namely, are we witnessing simple destruction of identity as so far conceived, or, as this paper argues, the new emergent forms of identity?

Keywords: language, culture, identity, globalisation.

Language and identity

Language, as profound as consciousness itself, is the medium through which self-awareness is achieved. Unindividuality and universality of language allow for the individual's participation into collective life. A national language is the well and the treasure chest of all the idiosyncratic complexities and refinements of a national character and experience.

In his defining the coordinates of identity in the modern world, H.G. Gadamer emphasized that all thinking originates in language as we can think only *in* a language. All our experience and reasoning are already pre-conceived by the linguistic presentation of the world. We are linguistically constituted. One of the primary characteristics of language is its collective nature. Its unindividuality is the reason why it is language that speaks and not the human being. The essence of language is its deep unconsciousness. Therefore, the forming of the term language is, according to Gadamer, not accidentally a relatively recent phenomenon. It subsumes language awareness, which in turn is the result of reflection in which the thought was reflected out of the unconscious state of language and onto the awareness of its being inseparable from language (Gadamer 1996).

Language is a defining characteristic of humanity. As the totality of a culture, it is a collective memory of the common historical experience. Culture is inseparable from language as it allows its growth, enrichment, and continuation. Louis-Jean Calvet argued that the changes in languages are not mere linguistic phenomena, but often represent a chapter in the history of a society (Calvet 1995). Humans are historical beings, born into a surrounding already formed by numerous layers of meaning and tradition. Derrida thus points out that speaking a language does not simply mean performing the same linguistic operations. The same language implies the shared ethos, culture, belonging. In their etymologies, words contain sedimentations of historical contexts (Derrida 2002). Knowledge of history as the totality of past existence is the precondition of understanding the totality of present existence, self-awareness, both social and individual. These two types of identity are not hierarchically positioned, but are mutually interdependent. The individual search for individuality is a process of self-discovery, always performed in relation to one's inner life and to the community, to its collective, yet multifarious identity. In that context, communication becomes a medium through which identity is realised.

Language is the picture of the state of the consciousness of oneself and of the society, the picture of the civilisation which today calls itself at once both global and multicultural. The awareness of language, of oneself, is at present an especially demanding endeavour. In short, it

means, not remaining indifferent, uncritical towards the complex, usually not obvious, phenomena of language which determine our identity.

Language plays a crucial role in the establishment and preservation of national, group and individual identity. Besides making a community of speakers recognisable for their authenticity and individuality, languages constitute the repository of their social and cultural values, and the medium of their historical memory. This view of language which is at the core of 19th and 20th century nation-building processes.

Globalisation and multiculturalism

The last few decades have been a time of rapid social and cultural changes for the western world in general and Europe in particular. The changes are experienced paradoxically as those towards diversity and at the same time towards unification. Diversity has become a proclaimed feature of modern life, whether it is valued for its contribution to a truly supranational society, or opposed for its undermining effects on national identity. At the same time, the ever-increasing globalisation of economy and commerce has brought about a new type of colonisation, exporting (or, as some would argue, imposing) one (western) way of life to the entire world. Moreover, it has also promoted a growing homogenisation among western countries, which, while being undoubtedly beneficial to business, has had a less welcome consequence of fostering new forms of identity through imposing a lingua franca, namely, a subtle anglicisation in a number of departments - from business to education - to the detriment of a national culture.

Globalisation is the latest phenomenon in the historical trajectory of modernity which Tomlinson defines as 'the most general way in which we in the West represent our cultural experience to ourselves' (Tomlinson 48). Modernity involves complex historical processes that result in fragmented values and identity. People are no longer able to define themselves by national identity. Nation-states used to be the loci of national identity and thus allowed people to define who they were. The forces of globalization and modernization, trade, capitalist economy, information technologies, have changed this. People find their lives more and more controlled by forces beyond the influence of those national institutions which form a perception of their authenticity, their accompanying sense of belonging to a secure culture is eroded.

Cultural imperialism

Cultural imperialism which implies the western value judgement is often criticised as 'lacking respect for the plurality of a way of life' (Tomlinson 54). This cultural imperialism is a cultural practice that unlike the known forms of imperialism is no longer coercive.

Cultural imperialism as a spread of modernity can be seen as a spread of cultural loss. However, 'surviving this process of cultural loss is a matter of cultural will by defining and restructuring human goals' (Tomlinson 78). This view reinforces the fact that human cultures are not fragile and isolated. It recognises the amazing resilience of humans and their ability to adapt themselves and their cultures to the forces that surround them. Modernity is not only a negative cultural fate. It is an ambiguous argument as it assumes that cultures are condemned to the process of modernity but still have the ability to exercise individual choice. 'Cultures cannot escape integration into the socio-economic forces of the global capitalist market, so people are forced to 'self-develop' and define their own cultural experience in the maelstrom of the modern world' (Tomlinson 141). In other words, the nature of human cultures is assimilatory. People are able to adapt market driven imperialist culture to their own needs and tastes in line with their cultural identity. Many critics of modernity do not take into account the positive aspects that modernisation brings to our lives. It is the cultural environment however that is not so evident, the place of culture in modernity can be seen as the intersection of objective socio-economic factors and subjective constructions of reality in the forms of self-awareness and individual freedom of choice. The modern world is indeed a dangerous and confusing place, but since we are forced to live in it we must accept it and shape our cultural condition on the choices we

make. The view of cultural fate is that people must continually self develop in order to survive the chaos of modern living. The pressure of the continually developing nature of the modern world forces us to exercise our individual freedom to choose our cultural experience. This very freedom condemns us to make individual choices that will define our lives. Modernity need not only be a cultural imposition but rather a liberation of the human spirit in the cultural sense.

English as a global language

On defining the status of a global language, David Crystal points out that a language achieves a genuinely global status when it develops a special role that is recognised in every country (Crystal 1997). Such position of English, he suggests, arises from a combination of factors, including military and political might, economic power, and what he describes as a cultural power - primarily the use of English as the means of storing and imparting knowledge and information. English has become a linguistic software infrastructure, so it can be said that this and the related phenomenalinguistic imperialism, the natural accompaniment of what John Tomlinson has called cultural imperialism. 'What is claimed is that a form of domination exists in the modern world, not just in the political and economic spheres, but also over those practices by which collectivities (and individuals) make sense of their lives' (Tomlinson 152).

Languages in the Post-Modern era

The formation of standard languages was one aspect of modernisation. The development of languages in the post-modern era is marked by the abandonment of many traditional notions of what constitutes the linguistic norm. This essentially means a greater linguistic inclusiveness, which from one point of view can certainly be described as flooding a language with foreign elements and more positively, as the opening up of opportunities to make maximum use of all available linguistic resources. A single norm, obligatory for all users and all forms of public discourse is being replaced with a whole series of micro-norms which are contextually determined.

The formation of identity in the present time

Self-awareness is achieved through language. It is the primary source of identity. As the biggest thesaurus of all living history, language is a memory, an active constituent, but also a constant of a nation, a social group, an individual.

At present we witness numerous linguistic and other theories that lend no support whatsoever to the idea of an essential connection between language and identity. There are also concepts of identity which attack the essentialists' notion of a unified, coherent subject, of an interpretation of identity dominated by the paradigm of monistic authenticity. However, in this work, the key notion linking language use and identity is that of self-representation and consequently, self-realisation. National languages, when discussed and emphasised here, are valued solely for the authenticity of human experience they treasure and communicate.

Today, national languages are faced with an extreme challenge. One of its aspects is that time and space are being differently perceived, their significance being relativised. The unprecedented speeding and spread of telecommunications, all kinds of technologies, have resulted in the disappearance of a firm, essential topos. The roots and territorial belonging which provide for the linguistic diversities as they stand for the fundamental existential experience, are rapidly becoming phantasms. In that context, the advance of the English language is the consequence of the erasure of national boundaries through trade and technologies. Admittedly, there is an evident need for that lingua franca, some kind of the solution for the Babylonian curse. But what are the implications of a discourse dominated by a single language?

The English language as the official language of globalisation, communications and technologies, endangers the 'small' languages so much that the situation is actually alarming. The disappearance of each language is the loss of a unique instrument of human intellect and the authentic culture of a social group. That is a part of a larger process of reduction of differences

and the impoverishment of the entire human potentials, comparable to that of the species extinction currently happening in nature.

The extinction of a local language can be equated with the loss of an original identity. A language contains everything within itself, and so the English expresses the entire ideology, way of life, values, in a word – identity. The problem with it is therefore, not in the language itself, but in the cultural connotations associated with it. Moreover, the English that is so much in use today all around the globe, is continually being simplified and impoverished. That language also suffers and is degraded by the trivialisation and speed of modernity.

Today when English is largely considered not a foreign language, but a necessary skill, identity formation and expression certainly have different dimensions. The issue at stake is whether English threatens the autonomous self-realisation or not. Namely are we witnessing simple destruction of identity as so far conceived, or the new emergent forms of identity?

Translation

Communication and translation are two very close aspects of language. Each act of communication is so complex that a thorough and complete exploration of its semantic structure would soon prove to be infinite, ultimately a kind of total reading. According to Steiner, the fundamental epistemological and linguistic problems implicit in interlingual translation are fundamental just because they are already implicit in all intralingual discourse. In defining theory of translation, he emphasises that it is ‘a historical-psychological model, part deductive, part intuitive, of the operations of language itself’ (Steiner 231).

It has been argued here that communication in general and translation are close as they are forms of interpretation. There lies one of the most significant drawbacks to be attributed to translation. Interpretation, according to Susan Sontag for example, assumes reduction to the language of reason, to what can be grasped by it (Sontag 2001). While the claim is that it is a way of revealing and unveiling the meaning, in truth, interpretation is an act of aggression against the multi-layered meaning of life. That is translation as the reduction of the unfamiliar and new towards that which is already known. It is translation as an act of violence, in Derrida’s terminology, the refusal to meet and understand a different culture in all its complexities and idiosyncrasies (Derrida 2002).

Choice – a possible solution

This is a language situation which places much heavier demands on the user, whether native-speaker or learner, and certainly makes post-standard languages much more ‘difficult.’ It is a situation which presents both opportunities and dangers, of latter the most significant being not so much the disappearance of languages as linguistic atomisation: it will become increasingly difficult for even best-read and best-informed users of a language to have command of all the resources available and all the different micro-norms applicable in different circumstances.

Beyond the inevitability of the political and/or socio-economic conditions that put a language in danger, its survival or demise is ultimately determined by its speakers’ choice to use or relinquish it. The attitudinal factors are paramount. Passive, indiscriminate acceptance of English, silence on the part of local language speakers may be the silence of the inarticulate (a dangerous situation, giving birth to frustration), not the silence of the convinced. Precisely because other ways of looking at the world are mediated to us through non-native speaking of English, rather than being experienced at first hand, we may think we understand when we do not.

Paradox as this may seem, the very spread of English can motivate speakers of other languages to insist on their own local language for identification, for binding them emotionally to their own cultural and historical tradition. There is no need to set up an old-fashioned dichotomy between local languages and English as the hegemonic aggressor: there is a place for both, because they fulfill different functions. In this way English can be appropriated without other languages being marginalised.

This position implies making a distinction between ‘languages for communication’ and ‘languages for identification’. ‘Linguistically determined identity need not be unitary and fixed, but can be multi-faceted, non-unitary and contradictory’ (Norton 324), when an individual speaker speaks more than one language. A diglossia situation is now developing in Europe – English for various areas of expertise and non-private communication on the one hand, and national and local varieties for affective, identificatory purpose on the other. If one makes the distinction between languages for communication, such as English today, and languages for identification – mother tongues, regional, local, intimate varieties of language – English need not be a threat. It can be seen as strengthening the complementary need for native local languages that are rooted in their speakers’ shared history, cultural tradition, practices, conventions, and values as identificatory potential.

Works Cited

1. Crystal, D., *English as a Global Language*. Cambridge: CUP. 1997.
2. Derida, Ž., *Kosmopolitike*. Beograd: Stubovi kulture. 2002.
3. Gadamer, Hans Georg, *Pohvala teoriji*. Podgorica: Oktoih. 1996.
4. Kalve, Luj Žan, *Rat među jezicima*. Beograd: Biblioteka XX vek .1995.
5. Sontag, Susan, *Against Interpretation and Other Essays*. USA: Picador. 2001.
6. Steiner, George, *After Babel: Aspects of Language and Translation*. Oxford & New York: OUP. 1998.
7. Norton, B, *Identity and Language Learning*. London: Pearson. 2000.
8. Tomlinson, J, *Cultural Imperialism*. Baltimore: John Hopkins University Press.1991.

Н. Стойкович
В. Бойков

TEACHING PRESENTATIONS IN THE (FOREIGN) LANGUAGE INSTRUCTION AT FACULTIES

Assoc. Prof. PhD Nadežda Stojković
Faculty of Electronic Engineering,
University of Niš, Serbia,
E-mail: nadezda.stojkovic@elfak.ni.ac.rs

Assoc. Prof. PhD Vance Boykov
Faculty of Electronic Engineering,
University of Niš, Serbia,
E -mail: vance.bojkov@elfak.ni.ac.rs

Изучение принципов устной и письменной презентации (доклады, исследования, результаты которые представляются на конференциях, перед руководством, при обучении школьников и студентов и т.д.) при обучении иностранному языку на факультетах, а также в средней школе должны быть основной частью учебной программы при подготовке современной конкурентной профессиональной среды. Применение этого метода является самым подходящим при обучении иностранному языку. В зависимости от профиля факультета (школа), специально обрабатывается стиль языка и структура экспозиции, который должен быть в соответствии с принципами науки, которая исследована. Мы считаем, что сознание и практика речи являются окончательным подтверждением экспертных познаний.

Ключевые слова: *устные и письменные презентации, организация текста, профессиональная потребность.*

Изучаването на принципите на устни и писмени презентации (доклади, проучвания, представени на конференции, пред управлението, обучението на ученици и студенти, и т.н.) в чуждоезиковото обучение във факултетите, както и средните училища трябва да бъде особено важна част от учебната програма за подготовка в днешната конкурентна професионална среда. Най-подходящо е това да бъде част от програмата за чуждоезиковото обучение. В зависимост от профила на факултета (училището), специално се обработват стила на езика и структурата на експозиция, която трябва да бъде в съответствие с принципите на науката, която е проучвана. Нашето убеждение е, че съзнанието и практиката в речта са окончателно потвърждение на експертни познания.

Ключови думи: устни и писмени презентации, организация на текста, академични / професионални нужди.

English language instruction today is often one of the crucial aspects of preparing students for their vocation in a highly competitive international professional environment. Teaching principles of written and spoken communications at faculty level is an especially relevant curriculum segment and is done with the ultimate purpose of better communicating professional knowledge to other professionals but also nonspecialists. Every professional is involved in some aspect of communications which usually involve gathering, analysing, and distributing of scientific and/or technical information efficiently and accurately for specific audiences.

The fundamental purpose of professional discourse is not mere presentation of information and thought, but rather its actual communication. The content that the author wants to convey is inseparable from the form they employ. Depending on the exact profile of the target science/occupation, specific vocabulary, style, and organisational structure of presentation need to be taught. Teaching students to design effective presentations implies training them insightful and well-trained thinking strategies that can produce clarity in communication without oversimplifying scientific or vocational issues. The results are substantive, not merely cosmetic: improving the quality of presentation actually improves the quality of thought and vice versa.

Keywords: organization, structure, vocation, written and spoken presentation.

Defining the terms

One specially relevant part of foreign language instruction curriculum at faculties (but also in high schools) are the principles of spoken and written presentations for academic and professional purposes. *The importance of these skills lies in the fact that they have a completely practical purpose and, are directly related with the real future needs of the students.* The term presentations refers to various kinds of reports (laboratory reports, feasibility studies, research studies, journal papers, correspondence, spoken presentations in front of management, government representatives and officials, clients, students, conference audiences, colleagues, etc.). The term academic refers to the process of enabling students to advance (postgraduate, doctoral studies, specialisations), and the term professional points to enabling students to perform their profession successfully with the overall aim to prosper in that same profession. Mastering the skills of professional and academic presentations, in today's highly competitive professional environment is more important than ever, and perhaps crucial for advancement.

By their nature, it is most convenient that these skills be taught at language classes. Yet, they do surpass the knowledge of a language. Through the study of spoken and written communications *the capabilities of analytical thought are enhanced, students work on their personal improvement in terms of behavior, manners, self awareness.* Many faculties do not have the subject of methodics of teaching. Therefore, the study of presentation techniques is a chance for students to gain insight into knowledge and skills that make a good lecturer which often turns to become their vocation (Stojković 2005: 4).

Basic characteristics of presentation

Learning the principles of written and spoken presentations in English is done with the ultimate purpose of better communicating scientific and/or technical knowledge to other professionals but also nonspecialists. The principles of presentations considered here are based on *the scientific method of research*. If those are consistently applied, the scientific content that is presented will be better comprehended, analysed and critically examined.

The scientific method is a process by which scientists endeavour to construct an accurate representation of the world. In order to achieve that it is a must to avoid all possible personal and cultural influences in the interpretation of the phenomena in question. That is done by the use of standard procedures and criteria in developing a theory or an explanation. The same idea applies to the written or spoken presentation of those findings. The use of standard presentation structures ensures clarity, obvious rationale for the thesis, and is highly persuasive in the sense that the audience gets a strong impression that the author is a knowledgeable person, an expert.

Scientific and technical presentation communicates specific information about a specific subject to a specific audience for a specific purpose. Generally speaking, scientific and technical presentation often focuses on resolving some problem or the delivery of information. The audience element is crucial for successful presentation. One has to make a precise judgment about who they write for or talk to, and according to that adapt the presentation to the audience's needs, expectations, levels of understanding, background. The purpose of scientific presentation may be to inform and/or persuade the audience that the proposed method of resolving a problem is effective and efficient. The achievement of the preset purpose proves the validity of the presentation.

Types of communication

Professional communication is generally divided into three types:

Scientific communication deals with ideas rather than products. It presents data, inferences and conclusions drawn from those. The information or the idea is the message. Most scientific information is communicated through articles in journals or in conference proceedings. Scientists' reputations are based on the papers they publish, i.e., the results of their research.

Closely connected to this is *science communication*. It will not be the subject of this paper, as it is more of a "popular writing". Opportunities in science communication are growing rapidly as science and technology become more complex and there is an increasing need for writers to "translate" information about science and technology to non-specialists. Science writing presents information for a general audience, such as readers of newspapers or magazines, newsletters, press releases, TV and radio broadcast scripts.

Technical communication shares with science communication the primary objective to inform, yet is done for an even broader range of readers. It involves proposals, instructions, manuals, etc. Those can be classified as external documents. Technical communication also includes in-house documents such as standards and procedures relevant for the proper and easier work. Technical communication is a subset of business communication which presents a wider group of information related to the overall functioning of an organisation.

The relevance of presentation structure

The fundamental purpose of scientific discourse is not mere presentation of information and thought, but rather its actual communication (R.Barass 1978). The content that the author wants to convey is inseparable from the form they employ. With that as an aim we should always bear in mind that audience does not simply read or listen, they *interpret*. Information is interpreted more easily and more uniformly if it is placed where it is expected. These needs and expectations of the audience affect the interpretation not only of tables and illustrations but also of prose or speech. Audience has relatively fixed expectations about where in the structure of prose they will encounter particular items of its substance. If authors can become consciously

aware of these locations, they can better control the degrees of recognition and emphasis audience will give to the various pieces of information being presented.

This underlying concept of audience expectation is perhaps most immediately evident at the level of the largest units of discourse. (A unit of discourse is defined as anything with a beginning and an end: a clause, a sentence, a section, an article, etc.) A research article, for example, is generally divided into recognisable sections, sometimes labeled Introduction, Experimental Methods, Results and Discussion. When the sections are confused - when too much experimental detail is found in the Results section, or when discussion and results intermingle - readers are confused. In smaller units of discourse the functional divisions are not so explicitly labeled, but the audience has definite expectations all the same, and they search for certain information in particular places. If these structural expectations are continually violated, they are forced to divert energy from understanding the content of a passage to unraveling its structure.

The principles of spoken presentations we have suggested here make conscious for the author some of the interpretive clues audience derive from structures and the information conveyed non verbally. Armed with this awareness, the author can achieve far greater control (although never complete) of the listeners' interpretive process. As a concomitant function, the principles simultaneously offer the author a fresh re-entry to the thought process that produced science. *In real and important ways, the structure of the prose becomes the structure of the scientific argument. Improving either one will improve the other. **The aim of the study is for the students to realize that a single, basic model of analytical thought is at the core of both most simple and most complex presentations.***

The structure of scientific argumentation and the structure of presentations

Prior to commencing work on this part of the curriculum it needs to be noted that these principles are just a general starting point only to be upgraded or modified in accordance with the demands of concrete situations (Clarke, B., Henderson, L.D. 2002: 12, VanAlstyne, J.S. 2001: 57).

The work on scientific presentations structures should begin with the lecture on **titles**. That is the first instance when students become aware of *what is meant by precision in science, and why it is crucial to bear in mind the expectations of the audience, that is to control the flow of their understanding*. The title contains the topic a and clearly defined angle from which it is being presented. It needs to be emphasised that this is the case when dealing with highly scientific or professional topics, not those written for general public. An example of a bad title could be 'Computers are Useful', as it is almost infinitely general and is a too well known fact. But a title like 'The Architecture of Today's Computers' directs as to what kind of argumentation follows.

The next step in the analysis of structures is a **paragraph**, *the smallest, nucleus logical piece of every presentation*. On the example of a paragraph students should comprehend the 'ruling' model of scientific argumentation. The three, most common parts of a paragraph are: *topic sentence, supporting sentences, and a closing one* (A.O. Strauch 1998). Depending on the type of paragraph, the topic sentence can be a definition, an expression of the author's personal viewpoint, etc. Supporting sentences explain, describe or develop the thesis and provide examples that illustrate it properly. Concluding sentence sums up the idea of the entire paragraph. *In all more complex structures of presentation this nucleus of the logic of scientific argumentation is only further developed and/or multiplied.*

According to the content, paragraphs can be classified as following: definition, classification, description, compare and contrast, sequence, choice, explanation, and evaluation paragraphs (L.Hamp-Lyons 1987). This, however, is not the only possible classification. The classes may differ according to various criteria employed.

Once the principles of structuring a paragraph is mastered, as well as its various kinds, it is easy to move on to teaching the principles of structuring an **essay**, since it follows the already presented logic of organisation. For the beginning it is recommended that students write essays within the frame of a *five paragraph essay*. Seemingly a limitation, this only helps students

acquire higher precision when numerous pieces of information are to be presented on a limited space. The most often types of essays in scientific/professional literature are: process analysis, exploratory, argumentative, cause and effect, compare and contrast, classification, definition, narrative. Yet, the types are not clearly delineated but mutually intertwined.

This work should be the preparation for writing professional documents. But before that, students should be taught *the special relevance of proper documentation of sources, referencing and quoting*.

Types of professional documents and their form

The most common types of professional documents are:

- feasibility study,
- laboratory report/experiment report,
- design report,
- manuals,
- scientific papers,
- PhD theses

The basic format of a professional document is the following:

1. Title
2. Abstract
3. Introduction
4. Materials and methods
5. Results
6. Discussion
7. References/Literature cited
8. Appendices

Yet another useful aspect of this approach to teaching presentations is that if a student is familiar with these structures, they are taught a kind of *fast reading*. It is enough to read the first and the last sentence of a paragraph or chapter as they contain theses and the hint of the arguments that follow. The in-between are concrete examples, elaborations, that are not always necessary. Another relevant gain is the mastery of **writing abstracts** (Popović, V.Z. 2004: 38). In scientific world, abstracts have special significance. They are usually written after completing the paper itself, and the easiest way is to rephrase the initial sentences – theses from the paragraphs or chapters.

Correspondence

In today's fast and competitive world, correspondence often plays *the crucial role in promoting work, establishing contacts, enhancing profession*. The work in this field begins with the structure of a common letter. The upgrade is the work on the vocation specific situations. Some of the basic types of correspondence are:

- initiating cooperation;
- initiating visits abroad;
- requesting/inviting a guest professional from abroad;
- recommending technical training;
- requesting information;
- application letters;
- letters of recommendation;
- complaint and adjustment letters;
- thank you letters;
- resume/CV;
- cover letters;

- memorandums;
- emails.

One of the examples that illustrate the importance of professional correspondence is the fact that the global world of an immediate information exchange with no intermediary, relies on certain known norms, codes of correspondence. It is obvious already at the example of CVs. Not following the standards of it disqualifies the candidate as a person illiterate of the professional codes.

Spoken presentations

Spoken presentation means public speaking. It is much more than a simple delivery of one's scientific knowledge. The preconditions of an effective, but most importantly good spoken presentation are many. Sole mastery of the scientific knowledge is insufficient in this case. The success largely depends on judging all the specifics of the situation and responding to those properly, the impression one gives as a person, the way they stand, move, the way they articulate words, look at the audience. Spoken presentation should never be a monologue, but an active dialogue in which verbal communication is not the only constituent (Stojković 2005: 118, Walters, E.D., Walters, G.C. 2002: 45). The facts that need close attention are:

1. Audience analysis

First thing to be done when preparing an oral presentation is to *identify the audience* as precisely as possible. It is not always an easy task, but is necessary. Different audiences require and are prepared for different amount and depths of information. The success of a presentation depends on knowing those in advance.

2. Determine primary purpose

The presentation can have one of these aims: to inform, persuade, teach.

3. Knowing the time frame and designated space

Students should gain the mastery of organising and selecting their arguments or pieces of information so as to respect the time allotted. Also, for the sake of their assertiveness they should familiarise themselves with the physical space for their presentation and visualise their movements within.

4. Shaping the presentation

Depending on the needs and the audience one of the structures illustrated above in the part on writing should be considered.

5. Choosing appropriate visual aids

When designing a visual, students should consider its effect on the audience. Visual aids function as "cue cards" clarifying the message and allowing the audience to remember the main points.

6. Preparing a suitable introduction and establishing contact with the audience

The introduction must draw the audience's attention, identify the topic, and create expectations in the audience that the presenter will satisfy in the course of the presentation.

7. Familiarising the audience with the aim, content, and structure of presentation

The audience should know what to expect and should be immediately persuaded that these expectations will be fulfilled. This requires clear statement of the content organisation at the very beginning.

8. Preparing a closing summary

An effective conclusion develops naturally from the structure and content of the preceding material. It reaffirms the connection between the audience and the material presented.

9. Delivery

During the presentation the students need to:

- maintain eye contact with the audience,
- use natural hand gestures,
- keep body movement quiet and natural,
- maintain appropriate voice volume,
- avoid wearing distracting clothing or accessories,

- maintain a constant rate of speech,
- nervousness is to be expected, just should be turned into enthusiasm,
- establish contact with the audience, talk to them before actual presentation,
- walk purposefully and confidently to the front of the lecture room,
- concentrate full attention on what they say.

Teaching principles of organisation of spoken presentations by far exceeds language instruction and subsumes aspects of sociology, psychology, and methodics of teaching.

*

Spoken and written communications for academic and vocational needs occupy a significant part of language teaching classes. By their nature they can be taught only as an interactive kind of lecturing. Through practice work students reproduce the knowledge lectured through their own examples. The aim of such classes is practical and concrete. It is tailored according to the needs of specific professions and allows students to present the acquired academic knowledge in both academic and professional environment.

REFERENCES

1. Clarke, B., Henderson, L.D. (2002). From Energy to Information: Representation in Science and Technology, Art, and Literature (Writing Science), Stanford University Press.
2. Popović, V.Z. (2004) Kako napisati i objaviti naučno delo, Institut za fiziku, Beograd.
3. Stojković, N. (2005) Written and Spoken Communications in English for Science and Technology, Elektronski fakultet, Niš.
4. VanAlstyne, J.S. (2001) Professional and Technical Writing Strategies: Communicating in Technology and Science (5th Edition), Prentice Hall; 5 edition.
5. Walters, E.D., Walters, G.C. (2002) Scientists Must Speak: Bringing Presentations to Life (Routledge Study Guides S.), Routledge.

3. Литература, языки народов и устное творчество

Д.Г. Благоева

НОВИ ОЦЕНЪЧНИ НАЗВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕНО-ПОЛИТИЧЕСКАТА ЛЕКСИКА В РУСКИ И БЪЛГАРСКИ

Диана Георгиева Благоева
професор, доктор,
Институт за български език Българска академия на науките,
г. София (България)
E-mail: d.blagoeva@ibl.bas.bg

В статъе разсматриваются новые лексические и фразеологические единицы и новые значения в русском и болгарском языках, которые выражают оценочные коннотации. Эти неологизмы отражают разные социальные стереотипы и установки к актуальным общественно-политическим явлениям и к лицам, связанным с ними. Делается вывод, что в большинстве случаев выражается негативная социально-оценочная коннотация.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, оценочные коннотации, неологизмы

В статията се разглеждат нови лексикални и фразеологични единици, както и нови значения в руски и български, които изразяват оценъчни конотации. Тези неологизми отразяват различни социални стереотипи и нагласи спрямо актуални общественно-политически явления и свързаните с тях лица. Установява се, че в повечето случаи се изразява негативна социолнооценъчна конотация.

Ключови думи: общественно-политическа лексика, оценъчни конотации, неологизми

The paper deals with the new lexical and phraseological units and new meanings of existing words in Russian and Bulgarian which express evaluative connotations. These neologisms express different social stereotypes and attitudes towards some actual social and political phenomena and persons connected with them. The basic focus falls on the nominative units which are related to negative evaluation.

Keywords: social and political vocabulary, evaluative connotations, neologisms

През последните десетилетия както в руския, така и в българския език се наблюдава подчертана динамика в системата на общественно-политическата лексика (нататък – ОПЛ). Това е напълно закономерно, като се има предвид, че като лексикална микросистема, в която намират отражение обществените знания, представи и нагласи за явления, свързани с различни аспекти от живота на социума, ОПЛ се отличава със значителна подвижност и промените в нея са силно зависими от външноезикови фактори.

Провеждането на по-широко съпоставително изследване, което да открий особеностите на тази лексикална микросистема, продуктивните начини за нейното попълване и обновяване, както и факторите, обуславящи нейното развитие в руския и българския език, е актуална задача, която все още чака своето решение. Тук ще насочим

вниманието само върху един аспект от динамиката в областта на руската и българската ОПЛ в най-новия период – активното навлизане на нови названия с оценъчен характер.

Оценъчността е сложна езикова категория, която се реализира на различни равнища от езиковата система. Както се подчертава в трудовете на редица учени (А. Вежбицка, А.А. Ивин, Е.М. Волф, В.И. Шаховски и др.), тя е в тясна връзка с категориите емоционалност, експресивност, конотация, както и с възприетото от логиката понятие оценка, съдържащо няколко компонента: субект, обект, основание и характер на оценката. Даването на оценка предполага ориентация към някаква норма (представена в определена оценъчна скала) и към утвърдени в социума оценъчни стереотипи, които отразяват представата за това какво е добро или лошо [Волф, с. 9]. Оценката е универсално по своята същност явление, но начинът за нейната езикова реализация е вътрешноезиково специфичен. Националнокултурните специфики при езиковото отражение на ценностната ориентация на етноса определят особеностите на аксиологичната езикова картина на света [Илиева, с. 125].

Известно е, че микросистемата на ОПЛ има хетерогенен характер, като включва както термини с по-широка употреба (т.е. термини, които функционират и извън тясноспециалните сфери на научната комуникация), така и общоупотребима лексика [Крючкова, с. 22-23]. Термините оформят ядрото на тази микросистемата, а общоупотребимите единици (лексеми, семемеи, фразеологизми и устойчиви словосъчетания с неидиоматичен характер) образуват нейната периферия. Макар че с експресивни функции и изразяване на разнообразни оценъчни конотации са натоварени най-вече елементи от периферния сектор на ОПЛ, оценъчен характер може да имат и някои терминологични единици. Възможните социални конотации на термините са разгледани от М. Попова, която във връзка с това предлага разграничаване на понятията идеален и реален термин, като посочва, че конотации може да имат само реалните термини, а при идеалните липсват емоционално-експресивни и оценъчни компоненти [Попова, с. 47]. За българския език редица примери за изразяването на социална оценка чрез терминологична лексика посочва и Кр. Симеонова [Симеонова, с. 466-469]. Тук няма да засягаме проблема за оценъчните конотации на термините, а ще насочим вниманието върху експресивно маркираните неологизми в периферната част на съвременната руска и българска ОПЛ. Материалът за изследването е извлечен основно от неологичните речници за двата езика, както и от текстове от печатни и онлайн медии.

Оценъчният потенциал на разглежданата лексикална микросистема е свързан най-вече с нейната идеологическа маркираност [Крючкова, с. 111]. Поради политическата и идеологическата разнородност на обществото и наличието на различни идеологически, мирогледни и ценностни стереотипи и норми в отделните обществени слоеве социалната оценка в повечето случаи не е единна [Пернишка, с. 19] и може да претърпи промени във времето.

В новата ОПЛ със социалнооценъчно съдържание се обособяват няколко основни денотативни сфери:

1. Названия на лица

1.1. Названия за политически функционери и дейци, членове или симпатизанти на съвременни политически партии и движения; за привърженици на определен политически режим, на съвременни политически и обществени дейци, на определени политически кръгове и под. (назовавани от гледище на техните идеологически противници). Тук се отнасят неологизми с подчертано неодобрителна конотация като рус. *коммуняка*, *коммуняга*, *коммутант*, *коммуно-большевики*, *комунно-демократы*, *коммуно-шовинисты*, *лимонцики*, *националога*, *национал-политиканы*, *новомышленец*, *ультраперестройщик*; бълг. *комуняга*, *комунонид*; маркирани с пренебрежителност новообразувания като бълг. *сини люспи*, *царист*, *атакаджия*; иронични номинации като рус. *либерализаторы*, *окологорбачевец*, *обустройщик*, *мандатоносец*, *конспиролог*; бълг. *червени бабички*, *политически шаман*. С неодобрителна конотация се отличават също съчетанията рус.

политическите лохотроници, кремлевският соловей; бълг. политически номад, политически труп.

1.2. Названия за лица, свързани с престъпна и антисоциална дейност, членове на престъпни и силови групировки. Тези названия са носители на неодобрителни конотации. Като примери в руски може да се посочат словообразователните неологизми *мафиозник, беспредельщик*; в български – неосемантизмите *борец, мутра, дебел врат, бухалка, перач (на пари), фараон*, словообразователните неологизми *мутрафон, дебеловратец, бухалкаджия, мултак*, съчетанието *добре облечен бизнесмен*.

1.3. Названия за лица, забогатели бързо, обикн. по незаконен начин или в резултат от връщане на одържавени имоти. Тук се отнасят неодобрителните названия рус. *олигарх, краснопиджачник, краснопиджачные, красние пиджаки, новые, новые русские, новорусские*; бълг. *олигарх, червен барон*; новообразувания с иронична конотация като бълг. *новомиллионер, новобизнесмен*; подигравателното название *реститутка* в български, употребявано по отношение на лица мъже.

1.4. Названия за лица, занимаващи се с обществено неприемливи дейности като корупция и използване на служебното положение за лично облагодетелстване: рус. *корруптант, казнокрадократ, прихватизатор*; бълг. *клиентелист, братовчед*.

1.5. Названия за лица, принадлежали към партийната номенклатура на КПСС или БКП: рус. *партбосс, парткапиталист, совкапиталист, политбюрошник*; бълг. *номенклатурчик, соцапаратчик, соцводач, соцвожд*. Тези названия са с неодобрителна или пренебрежителна конотация.

1.6. Названия за лица, принадлежали към структурите на бившите служби за сигурност: рус. *комитетчик, гебист, гебульник, гебешник*; бълг. *шестак, ченгесар*.

1.7. Названия или прозвища на политически дейци или други знакови фигури в съвременното руско или българско общество: рус. *бровеносец* (за Брежнев), *либералиссимус* (за лидера на Либерално-демократическата партия Жириновски), *Миша два процента*; бълг. *Господин 10 процента*. Тези названия са подчертано експресивни и изразяват иронично или неодобрително отношение.

2. Абстрактни названия

2.1. Названия с подчертано неодобрителна конотация, отнасящи се до комунистическата идеология: рус. *красная религия, коммуно-большевизм, коммунофашизм*.

2.2. Названия, отнасящи се до периода на социалистическото развитие и свързаните с него явления и прояви: рус. *лагерный социализм, соцбарак, совок, совдеп, совдепия, совковщина, советчина, совковость, номенклатурищина, застойщина, перестройщина, катастрофка, брежневщина, ленинщина-сталинщина, гулаговщина, лагеризация*; бълг. *соцът, соцблок, соцбюрокрация, соцдържава, соцелит, социкономика*. Посочените неологизми също са носители на неодобрителна или пренебрежителна конотация.

2.3. Названия, отнасящи се до идеологията и дейността на съвременни политически партии, движения, кръгове и под. от гледище на техните противници, срв. рус. *нашизм, красно-коричневость* (в речта на либералнодемократичната опозиция), *заединщина, натофашизм*.

2.4. Названия за негативни явления в съвременното общество, в политическия живот, икономиката и др. Като примери може да се посочат в руски: неосемантизмите *крепостничество* ‘зависимост и ограничаване на свободата на действие на хората от страна на властта и административната система’, *чернобыль* ‘голяма екологическа катастрофа; значимо политическо или др. събитие с катастрофални последици’, заемките *консумеризм* и *консумизм*, словообразователните неологизми *макдональдизация* и *кокаколизация* ‘експанзия на американската масова култура и налагане на американския стил на живот’, *мафизация, манкуртизация, беспредельщина, беспризорщина, бесцензурищина, вожделюбие, дебилизация, забюрократизираност, казнокрадократия, конъюнктурищина, покраснение, прихватизация, распадизация,*

съчетанията *номенклатурная приватизация, политический лохотрон*; в български: неосемантизмите *клиентелизъм* и *задкулисие*, словообразователните неологизми *олигарщина, бананизация* ‘придобиване на характер и статут на бананова република’, *мутризация, ремутризация, мафиотизация, макдоналдизация, чалгализация, лобистокрация, бандитокрация*. И в двата езика широко са представени нови абстрактни съществителни, образувани от имена на съвременни политически и обществени фигури. Тези неологизми по правило са носители на подчертана експресивност и обикновено – на отрицателна оценъчност: рус. *kozyревщина, горбачевизм, горбачевщина, ельцинизм, гайдарономика, жириновщина, зюгановщина, путиномика, путинизм*; бълг. *тодорживковизъм, желевизъм, догановизъм, путинизация*.

3. Нови експресивни названия на действия, срв. в руски ироничното *одепутатить*, неодобрителното *кукловодить*, както и натоварените с негативни конотации глаголи, мотивирани от имена на съвременни политици, като *обгайдарить (огайдарить)* и *объегорить* ‘излъгвам, ограбвам някого в периода на икономическите реформи в началото на 90-те години, провеждани от Егор Гайдар’, *обчубайсить (очубайсить, отчубайсить)* ‘излъгвам, ограбвам някого в периода на приватизацията в началото на 90-те години, осъществявана от А.Б. Чубайс’; в български – ироничните глаголни метафори *отлюсвам* ‘отстранявам инакомислещи членове от политическа партия и др.’, *пребоядисвам се* ‘сменям политическата си принадлежност’, фразеологичната метафора *преяждам с власт*.

4. Нови експресивни признакови названия, изразяващи негативна оценъчност. Те са представени особено широко в руски, срв. прилагателните имена *коммунацкий, советский, большевигентский, недопарламентский*, както и цяла серия сложни прилагателни като *корпоративно-олигархический, красно-казарменный, криминально-компрадорский, криминально-номенклатурный, мафиозно-компрадорский, мафиозно-корумпированный*.

Представените групи неологизми не изчерпват цялата съвкупност от нова лексика със социалнооценъчно съдържание в руски и български, но дават представа за основните денотативни области в нея, както и за активността на пораждането на експресивни номинации във всяка една от тези области.

Проведените наблюдения показват, че създаването на нови названия със социалнооценъчни конотации в областта на обществено-политическата лексика е активен процес както в руски, така и в български. И в двата езика основно място сред разглеждания тип неологична лексика имат словообразователните неологизми – предимно съществителни имена, в по-малка степен глаголи и прилагателни.

При образуването на нови съществителни с оценъчна семантика преобладаващият словообразователен похват е афиксацията, като в редица случаи експресивността се носи от суфиксалния елемент. Така е при образуванията с експресивно маркирани суфикси като *-щина, -юга, -яка, -яга* в руски; *-щина, -яга* в български. С експлицирана във формата експресивност са и някои други типове словообразователни неологизми, например тези, които са произведени чрез похвати на ненормативното словообразуване и езиковата игра като контаминация и блендинг (особено типични са те за руски: *коммутант, катастройка, прихватизатор, прихватизирование, прихватизация, бывшевик, большевигенция, большевигентский, демокрад, демокатура, дерьмократ, дерьмократия, казнокрадократия, казнокрадократ, волчеризация*; значително по-рядко срещани са в български: *мутрафон*), чрез съчетаване на стилистично дисхармонични или смислово несъвместими словообразователни елементи (рус. *соцбарак, кокаколизация, распадизация*; бълг. *бандитокрация, бананизация*), чрез отсичане на думи (по-характерно за руски), срв. рус. *гаст* (от *гастарбайтер*); бълг. *соц* (от *социализъм* и *социалистически*), особено когато е съпроводено с паронимна атракция: рус. *негр* (от *негражданин*).

И в двата езика активно възникват нови оценъчни названия по пътя на семантичната деривация въз основа на сходство по различни признаци [Колковска, с. 17-27]: рус. *крепостничество, чернобыль*; бълг. *люспа, бухалка, мутра, пирамида, фараон, пребоядисвам се*. Със значителен експресивен потенциал са също така редица нови

фразеологични съчетания: рус. *политический лохотрон, кремлевский соловей*; бълг. *политически труп, дебел врат, преяждам с власт*. Сравнително ограничено място (при това основно в руски) има заемането на оценъчна лексика от други езици: рус. *конsumerизм* (от френски и английски), *конsumизм* (от немски и италиански), *нююрашен* (от английски), *нуворюсс* (от френски).

Много характерно (най-вече за руски) е оформянето на синонимни редове от нови социалнооценъчни названия. Така например Л.Г. Викулова и Е.Ф. Серебренникова привеждат редица експресивни еквиваленти на неутралната номинация *трудовете мигранти* в руски, сред които има както словообразователни неологизми, така и семантично преориентирани познати думи, метафорични названия, описателни названия и др.: *гастарбайтеры, гасты, иждивенцы, батраки, безграмотный и примитивный люд, лица азиатской, кавказской и другой неевропейской внешности, перелетные птицы, современные беженцы в России, пришельцы из благородных стран, низшая каста* [Викулова, Серебренникова, с. 401-402]. Като примери може да се посочат също синонимните редове в руски: *новые хозяева, новые господа, новые богатые, новое дворянство*; както и *новые, новые русские, новорусские, красные пиджаки, краснопиджачники, краснопиджачные, нююрашен, нуворюсс*. Пораждането на множество нови синонимни експресивно-оценъчни номинации говори за обществената значимост на означаваното от тях явление, както и за активната роля на номинатора при оценъчното назоваване на това явление.

Може да се заключи, че чрез новата общественно-политическа лексика в руски и български се извършва не само концептуализация, но и оценъчна категоризация на промените в съвременната социално-политическа сфера. При това преобладава изразяването чрез различни езикови средства на отрицателна оценка, което потвърждава нееднократно отбелязаното в научната литература (в трудовете на А. Вежбица, Е.М. Волф, О.П. Ермакова, Г.Н. Складяревска, Л.Г. Смирнова и др.) наличие на оценъчна асиметрия в езика в полза на пейоративността.

По-голямата част от новата оценъчна общественно-политическа лексика както в руски, така и в български означава националноспецифични явления. Следва да се отбележи, че въпреки междуезиковите сходства по отношение на основните денотативни сфери с най-активно пораждане на нови социалнооценъчни номинации, в руски се наблюдава по-голямо разнообразие от средства и похвати за изразяване на експресивно-оценъчни конотации, както и значително по-богата синонимия при социалнооценъчните неологизми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова, Л.Г., Серебренникова, Е.Ф. Современные аспекты формирования национальной аксиосферы (по данным российского масс-медийного дискурсивного пространства). – В: Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание. МАПРЯЛ 2014. Одиннадцатый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново, ИВИС, 2014, с. 399-403.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. 4-е изд. Москва, „Либроком“, 2009.
3. Илиева, Д. Изследване на паремийните мъдрости – книговедски и етнологички аспекти. Дисертация. София, 2015.
4. Колковска, С. Нови метафорични и метонимични значения в българския език, възникнали при съществителните имена. – Български език, 2012, № 4, с. 17-27.
5. Крючкова, Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. Москва, „Наука“, 1989.
6. Пернишка, Е. Времето в нас, в езика и в лингвистиката. – Списание на БАН, 2006, № 5, с. 10-19.

7. Попова, М. Социални конотации на термина. – В: Езикът и социалният опит. Проблеми на социалингвистиката. Т. X. Велико Търново, „Знак’94“, 2011, с. 46-51.
8. Симеонова, Кр. За някои промени в социалната оценка и отношението на обществото към термините. – В: Езикът във времето и пространството. Проблеми на социалингвистиката. Т. XI. Велико Търново, „Знак’94“, 2014, с. 464-469.

Ц. Георгиева

“СВОЕ – ЧУЖОЕ” В БОЛГАРСКОЙ ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СССР

Георгиева Цветана
доктор философских наук, профессор,
Государственный университет библиотековедения и информационных технологий,
г. София (Болгария)
E-mail: gacco@abv.bg

В статье приведены общие характеристики болгарской литературы путешествия (в СССР) со времен социализма, чьи оценки преимущественно стереотипические и расположены вокруг мифологического центра „своего“. Исключение представляет путевые записки Йордана Радичкова „Неосветените дворове“.

Ключевые слова: литература путешествия, социализм, стереотипы, „свое“

Статията обобщава характерните черти на българския пътепис (за СССР) от времето на социализма, чиито оценки са стереотипни и разположени около положителния митологичен център на „своето“. Изключение представлява пътеписът на Йордан Радичков „Неосветените дворове“.

Ключови думи: пътеписи, социализъм, стереотипи, „свое“.

The article summarizes the characteristics of Bulgarian travelogue (for the USSR) from the time of socialism, whose estimates are stereotyped and located about positive mythological center of "own". An exception is Jordan Radichkovs travelogue "Neosvetenite dvorove".

Keywords: travelogues, socialism, stereotypes, „own“

Путевая литература тесно свързана с представянето на пътешествяващия герой в реално или мифологическо пространство. Героят води своя разказ от гледна точка на наблюдателя на чуждия свят, поставяйки го в контекст на своето. Тази изходна позиция на повествованието, обаче не се отнася до *путевата литература на социалистическия реализъм*. За нея е важно мифологическото правило за абсолютно положително „своето“ и несъмнено отрицателно „чуждото“. Ценностно се оказва не действителността сама по себе, а нейното отношение с определена обществено-политическа модель, приета като идеал.

Такава схема на пътеписа в социалистическия свят като жанр и тя се появява още в книгата на Андре Жида „Возвращение из СССР“ («Retour de l' U.R.S.S.», 1936 г.). Интересно е, че в същата година, в България излизат от печат пътеписите на българския учен и писател *Асена Златарова*, под заглавие „*В страната на Советите*“. Двете книги, създадени в един и същ момент, съдържат сходни сюжетни елементи: посещение на заводи, совхозове, детски лагери, срещи с руски хора и, очевидно, те създават единна картина на руското пространство.

Една от особеностите на този жанр – възпроизвеждането на действителността с помощта на стереотипи, на базата на които лесно се противопоставя „наше“, „ми“ и „чуждо“,

„они”. Этому способствует и направленность жанра – изображать не индивидуальный, а обобщенный образ (определенной нации и, в частности, социалистической общности как таковой). В результате – социалистическая путевая литература хорошо соответствует и обслуживает идеологический канон.

„Путешествие” болгарских авторов в социалистическом дискурсе в большинстве случаев совершается по географическим территориям СССР, „страны, где социализм одержал победу”. Целью и смыслом этого путешествия обычно представляется изучение чужих территорий. Путевые записки „*Има на света Москва. Впечатления от Съветския съюз*” (1951) Веселина Андреева, „*Страната, където слънцето не залязва*” (1967) Сл. Караславова, Р. Игнатова и Хр. Траянова, „*Неосветените дворове*” (1966) Йордана Радичкова. Однако, путешествие является также соприкосновением с душевностью дальнего Другого, который, населяя государство подобного строя, оказывается неожиданно близким: например путевые записки „*Ще ме буди светлината*” (1977) Стефана Поптонева о Казахстане.

В путевых записках Василя Попова „*Слънцето над Грузия*” (1978) акценты расставлены на значениях политической близости, которая стирает остальные этнологические различия. Путешественники рассматривают обязательные объекты для посещения, они встречаются с государственными и партийными руководителями в путевых записках „*Земя над облаците*” (1977) о Ташкенте Й. Милева и „*Слънце над лозите*” (1978) о Молдове Салиса Таджера. Одисеевский комплекс открывателя просвечивает в путевых записках о Латвии в книгах „*Между солена и сладка вода*” (1977) Здравки Кисевой и об Украине – „*Звездна конница*” (1978) Матей Шопкина. А в „*Пясъчен часовник*” Росена Босева о Туркменистане, „*Градината на слънцето*” (1978) Стефана Ланджева об Узбекистане, „*Висоти и подножия*” (1977) Николы Инджова об Армении и в „*Среща с Русия*” (1973) Стефана Продева пространство „чужого” растворяется в „своем”.

Эти данные свидетельствуют о том, что за период 1966–1978 г., т.е. за 12 лет выходят 13 книг болгарских авторов о путешествиях в СССР, что превышает число подобных произведений (всего 11) об остальных странах (преимущественно социалистических, но и капиталистических) того периода.

В общем социалистическая путевая литература болгарских авторов рассматривает мир упорядоченным между полюсам «своего» и «чужого». Они придерживаются мифологической идеи центра «своего» в мире, за счет «другого». Социалистическая путевая литература представляется как сочетание географических, исторических, этнопсихологических, культурных и политических параллелей чужой действительности с реальностью болгарской. Дополнительно они ищут революционные параллели в истории чужого народа. Героями являются типичные представители социалистической общности – передовики, люди труда, чья жизнь вписывается в клише социализма. В отношении стиля, болгарские авторы путевых записок пользуются элементами журналистских жанров – репортажей, интервью, статистических данных, цитируют государственные и политические документы, сочетая все это с идеологическим модусом языка. Они стремятся информировать и одновременно создают образ русского при помощи эмблем: Ленин, Эрмитаж, Москва, Гоголь, Достоевский, „широта русской души”.

Путевые записки Йордана Радичкова «*Неосветените дворове*» (1966) не то, что не соответствуют указанным выше жанровым характеристикам, но, скорее всего, входят в полемику с идеологическим языком и значимой общественной темой при социализме.

Йордан Радичков воспринимает путешествие как действие, которое осмысливает существование человека; путешествие для него выражается при помощи многочисленных значений мифологемы «путь». В нем Аз осуществляет связь «своего» с «чужим», описывает границы Космоса и место человека в нем. Путешествие в пространстве является поводом для Йордана Радичкова, чтобы поставить экзистенциальные вопросы о природе и цивилизации, о кочевом образе жизни, которое превратилось в характеристику

современного человека; оно – способ внутренней трансформации «Я» и способ достижения определенных откровений о бытии человека. В этом смысле герой путешествия Йордана Радичкова может быть назван «Одиссеем», который, в «чужом» пространстве накапливает эмоциональный опыт, чтобы вернуться домой, в «свое». Он может быть назван «Энеем», человеком судьбы (по словам В. Топорова [Топоров, 1993]), которому удается сопереживать с «другим» и ощутить дух и энергию чужого географического пространства.

Лабиринт сибирских полей в «Неосветените дворове» напоминает архетипический лабиринт подобных путешествий [см.: Т. Цивьян, с. 306 - 323]; текст непрерывно возвращается к реляциям „сыновья – деды“, „супруга – дети“, напоминая этим способом психологически жаждущего дома Одиссея. «Неосветените дворове» связаны с мифом Гомера и посредством удвоения путешествия с рассказом о нем. Здесь не пропущено и пословицное ожидание в образе жены, которое противопоставляется стремлению к движению как такового.

В отличие от традиционного клише жанра социалистической путевой литературы, основная цель для путешественника/рассказчика в «Неосветените дворове» является контакт с «другим», и этим контактам придается значение уникального события. Текст Радичкова игнорирует социальное и идеологически значимое. Когда автор описывает экзотическое и нетипичное для болгарской реальности (например, быт эвенков, золотые рудники, тайгу, тундру), он пытается найти общие черты у людей в мире в архетипах *дом, путь, ребенок, родной язык*. Таким образом, его рассказ о «чужом» становится понятно близким, сочетая незнакомого со знакомым, настоящего с исконным, индивидуального с всеобщим. Нечто больше – Йордан Радичков надарен умением мифологически думающего человека и придает близость «чужому», давая ему душу; он превращает враждебное пространство в уютное и связанное с определенной формой общения. Для его повествования характерен образ дома-гнезда, эпитеты «домашнее», «милое». Таким образом, текст Йордана Радичкова соприкасается с характерным представлением о болгарском пространстве (пространстве вертикали, по словам на Г. Гачева [Гачев, 1972, с. 15–33; 1981, с. 28–49]), соотнося его с представлением русских о просторе русской земли, о широте и бесконечности. Сибирь, по мнению писателя, является именно такой землей, которую невозможно вписать в представления болгар о мире и это обстоятельство делает ее уникальной, имеющей свой собственный дух.

Таким образом, вместо черно-белого противопоставления «своего» «чужим» у Йордана Радичкова появляются интерпретации «чужого», «русского», как бесконечность, которую нельзя охватить, усвоить и понять. Русский Север для автора – это другая «цивилизация», для описания которой недостаточен язык родного. Йордан Радичков не укладывается в знакомые образцы традиционной социалистической литературы о путешествиях, он не создает категорические образы и представления о людях и пространстве, еще меньше он использует идеологические и оценочные суждения о «другом». Писатель относится с уважением и респектом к непохожей на родную природе, к народу, судьбам и космическим силам, оценивая неповторимость и разнообразие человеческих идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев, Георгий. Българският образ на света (според новелата „Горещо пладне“ на Йордан Радичков) // Литературна мисъл, 1981, № 6, 28–49; № 7, 39–59.
2. Гачев, Георгий. Националният образ на света // Литературна мисъл, 1972, № 5, 15–33.
3. Топоров, В. Н. Эней – человек судьбы. К средиземноморской персонологии. М., 1993.
4. Цивьян, Т. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Концепт движения в языке и культуре. Москва, 1996, 306–323.

Т.Т.Давыдова

АНГЛИЙСКАЯ ТЕАТРОЛОГИЯ Е.И. ЗАМЯТИНА

Давыдова Татьяна Тимофеевна
доктор филол. наук, профессор,
Московский государственный университет имени Ивана Федорова,
г.Москва (Россия)
E-mail: t.t.davydova@gmail.com

Статья посвящена английской теме в прозе, драматургии и кинодраматургии Е.И.Замятина, сатирическому раскрытию образа Англии в повести «Островитяне», рассказе «Ловец человеков» и сценарии «Подземелье Гунтона», генезису в «Островитянах» черт литературной антиутопии. Раскрыты и биографические предпосылки обращения писателя к истории, культуре Англии, размышлений об английской ментальности.

Ключевые слова: *Замятин, Англия, тема, сатира, антиутопия*

Статията е посветена на английската тема в прозата, драматургията и кинодраматургията на Е.И. Замятин, на сатиричното разкриване на образа на Англия в повестта «Островитяне», разказа «Ловец человеков» и сценария «Подземелье Гунтона», на генезиса в «Островитяне» на чертите на литературна антиутопия. Разкрити са и биографичните предпоставки за обръщане на писателя към историята, културата на Англия, размислите за английския манталитет.

Ключови думи: *Замятин, Англия, тема, сатира, антиутопия*

The article deals with the English theme in E.I. Zamyatin's prose, plays and scripts; with the satirical revelation of the image of the England in the story "Islanders", in the short story "Fisher of Men" and in the script "The Underground of Gunton"; and with the genesis in the "Islanders" of the features of the literary dystopia. The biographical presuppositions of the writer in relation to the history, to the culture of the England and to the English mentality are also opened there.

Keywords: *Zamyatin, England, theme, satire, dystopia.*

Е.И.Замятин был командирован в Англию как инженер-кораблестроитель в марте 1916 г. и провел там около двух лет. Впечатления от жизни в Великобритании, преимущественно в Ньюкасле-на-Тайне, отразились в цикле произведений писателя на английскую тему. Они интересны попыткой воссоздать особенности английского характера и менталитета, неоднозначным образом Англии.

В английском «уездном» Замятин, бывший до Октября большевиком, увидел то же, что не устраивало его в русской провинции: власть традиций, лицемерие и ханжество, однообразие и регламентированность существования. Мотив ханжества появляется уже в замысле повести «Островитяне» (опубл. в 1918 г.), возникшем из рассказа одного англичанина о том, «что в Лондоне есть люди, живущие очень странной профессией: ловлей любовников в парках». Первый вариант развязки «Островитяня» «позже стал жить самостоятельно - в виде рассказа "Ловец человеков"» (напечатан в 1921 г.), - признавался Замятин в статье «Закулисы» [Замятин. Закулисы, с.34].

По письмам Замятина, написанным весной 1916 года жене из Англии, видно, что жизнь английского Ньюкасла показалась ему однообразной и тоскливой. «<...> Сам Нью-Кастль - какой противный. Все улицы, все жилые дома - одинаковые <...>», «Город большой, но скучный непроходимо. <...> Глупейшие театры - нечто вроде живого кинематографа, добродетельная английская публика...Тоска» [Замятин. Рукописное

наследие. Ч.1. С.196, 197]. Эти впечатления художественно преломились в образе Джесмонда.

Для буржуазно-дворянской среды Джесмонда, где происходит действие повести «Островитяне», характерны аполлоническое (в ницшеанском смысле) чувство меры, самоограничение, покой, тенденция к застыванию внешних форм существования [см.: Ницше. Сочинения. Т.1, с.61, 92-93], или, по Замятину, энтропия. Это видно, в частности, в пронизанном иронией коллективном портрете представителей джесмондской среды, а также в образе викария Дьюли, автора книги «Завет Принудительного Спасения», подчинившего своей власти религиозную общину, постепенно перерождающуюся в тоталитарную секту, члены которой ведут аскетический образ жизни, ратуют за строго моральное поведение, часто посещают церковь и пытаются приобщить к ней окружающих. «...Праведны как <...> устрицы, и серьезны - как непромокаемые сапоги», - иронизирует по поводу англичан адвокат-ирландец О'Келли, а вместе с ним и автор. Почему? Английский литературовед Д.И.Ричардс считает, что наиболее явно энтропия проявлялась в религиозной сфере и поэтому писатель, враг «всякой установленной религии», принял показное благочестие за специфически английскую или западную черту и сатирически изобразил его в «Островитянах» и «Ловце человек» [см.: Richards].

Среди персонажей данной группы выделяется Дьюли, как бы претендующий на роль бога, приписывающий себе право спасать, наказывать своих ближних, всячески ограничивать и регламентировать их жизнь.

Цель такой регламентации - сделать из людей послушных, лишенных индивидуальности человекообразных роботов. Замятин-сатирик находит для выражения сухой рассудочности супругов Дьюли, а также идейных сторонников викария гротескную метафору «человек-машина», основанную на сравнении жизни этих персонажей с механизмами. Данная метафора раскрывает бесчеловечность героя-идеолога, намеревающегося создать земной рай с помощью огня и меча: «<...> мы, мы - каждый из нас - должны гнать ближних по стезе спасения, гнать - скорпионами, гнать - как рабов. Пусть будут лучше рабами господ, чем свободными сынами сатаны...» [Замятин. Собрание сочинений: в 4 т. Т.3, с.65]. В «Островитянах» показано несоответствие между благородной целью и средствами ее достижения. Желая спасти пытающегося «выломаться» из джесмондского общества сэра Кембла, «праведник» вместе со своими сторонниками следит за невестой и другом молодого джентльмена, что приводит в конце концов не к спасению, а к гибели героя.

Персонажам этого типа присущи «аполлоническая» определенность и внутренняя застылость, которая передается через внешнюю статуарность. Герой рассказа «Ловец человек», «апостол» Общества борьбы с пороком Краггс постоянно сравнивается с чугунным монументиком, а его жена до тех пор, пока она не изведала чувства любви, с мрамором. Приведенные сравнения воссоздают бедность данного психологического типа и способствуют созданию примитивистских образов. Предельное выражение эта аполлоническая, или энтропийная тенденция получает в передающем позицию автора высказывании О'Келли: «Через несколько лет любопытный путешественник найдет в Англии обывательных неподвижных людей, известняк в форме деревьев, собак, облаков...» [Замятин. Собрание сочинений: В 4 т. Т.3, с.69]. Слова О'Келли - философски-символическое обобщение всего негативного, увиденного писателем в англичанах.

Если в образах своих английских и шотландских героев писатель больше акцентирует рациональное, сознательное, то поведением его ирландцев - циничного, умного скептика О'Келли, артистки Нанси - а также людей искусства очаровательной танцовщицы Диди, одаренного органиста Бэйли управляет дионисийское - иррациональное, стихийное, бессознательное начало. По Замятину, полная энергии ирландская кровь «больше похожа на вино, чем на медленную благоразумную жидкость, которая течет в жилах у англичан» (статья «Ричард Бринсли Шеридан» // *Замятин Е.И. Избранные произведения*: В 2 т. М., 1990. Т.2. С.333).

Автор симпатизирует героям второго типа, так как им присущи наслаждение нетривиальными размышлениями, свободное проявление чувств, пренебрежение общественными условностями и моральными нормами, непредсказуемость поведения. Эти герои по-настоящему раскрываются не в уныло энтропийном, однообразном Джесмонде, а в загородном Санди-Бае с его вызывающим страсть бурным морем и кипящим кровью солнцем. Замятин по-своему художественно преломляет здесь ницшеанское понимание дионисийства, соединяя его, по словам американского исследователя А.Шейна, с понятием солнечной энергии у Р.Майера. Оба эти понятия становятся у Замятина символами пылких страстей, разрушающих вялое мещанское равновесие [см.: *Shane*].

Особенно значим образ О'Келли. В нем синтезированы лучшие, с точки зрения Замятина, качества народа Великобритании, проявившиеся у представителей разных сословий в разные периоды национальной истории. Здесь и свободолюбие сапожника Джона, сожженного за верность Лютеровой ереси, и отвага аристократа Риччио, влюбленного в Марию Стюарт, и бунтарство Оливера Кромвеля. Эти разные события из английской истории объединены общими понятиями ереси и бунта. Еретики и бунтари всегда импонировали Замятину, даже если они взрывали лишь устои личной жизни.

О'Келли еще потому так близок писателю, что способен критически воспринимать аполлонические, или энтропийные явления в жизни общества. Слова О'Келли «счастье - одно из наиболее жиробразующих обстоятельств <...>» [Замятин. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1929. Т.3, с.78] обращены против агрессивно утопической теории Дьюли. О'Келли словно Мефистофель, девиз которого - вечный бунт, разрушение, возмущение покоя. Рыжий адвокат обладает своеобразной модернистской гармонией порока и безобразия, он явно подражает имморалисту О.Уайльду, который упоминается в повести отнюдь не случайно. Как и он, О'Келли проповедует свободу поведения, даже если эта свобода связана с несчастьем и гибелью.

По оценке А.Шейна, «Островитяне» - несомненная художественная удача писателя. Подтверждение тому - оригинальная трактовка старых тем любви, революции и мещанства [см.: *Shane*].

Замятин, ставший в 1920-е гг. драматургом, написал и «Общество почетных звонарей», сценическую версию повести «Островитяне», трагикомедию (1924). Автор оценил эту пьесу как одну из самых своих удачных и определил ведущую форму художественной типизации, воспроизведя, скорее всего, мнение критиков: «"Звонари" – это сатира по адресу современного английского общества и, как говорят, сатира очень злая» [Замятин. Сочинения: в 4 т. 1988. Т. 4, с.17]. Примечательна и поставленная в произв. проблема смертной казни, которая раскрывается здесь с помощью аллюзий на судьбу и творчество О. Уайльда [см.: Исмагулова].

Пьеса была принята к пост. за границей, в Театре Рус. Драммы в Риге, где к ней отнеслись как к новаторской, написанной «многозначным» яз. Премьера спектакля прошла с большим успехом 24 сентября 1925 г., затем постановка не сходилла с этих подмостков три сезона подряд.

Трагикомедия была поставлена также в ленинградском б. Михайловском, Актатеатре 21 ноября 1925 г. (режиссер – Сергей Радлов), но данный спектакль особенного успеха не имел. Авторы почти всех рецензий, появившихся в Ленинграде, сетовали на чуждость современному зрителю темы пьесы, но критик А. Пиотровский отметил серьезную и тонкую игру Юровского [см.: Исмагулова].

19.II.1925 г. в письме чешскому литератору и переводчику И.Ф. Каллиникову Замятин сообщал: «Пьеса "Общество почетных звонарей" осенью пойдет в 1-ом (старом) Моск<овском> Худож<ественном> театре, она уже переведена на немецкий» [Замятин — разным адресатам, 1996. С.143]. Однако «в МХАТе 1-м ее начинали репетировать дважды, но до постановки дело так и не дошло» [см.: Замятин — Автобиография, 1991. С.13]. В том же письме драматург просит предложить эту пьесу перевести на чешский язык для

постановки на сцене. В 1932 г. в <Интервью для Фредерика Лефевра> и в письмах от 26.IV. и 19.IX.1932 г. С.П. Постникову Замятин сообщал, что пьеса была переведена на французский язык и что он вел переговоры с парижскими театрами о возможности ее постановки [см.: Замятин Е.И. Сочинения: в 4 т. Мюнхен. 1988. Т. 4, с.17; Янгиров, с.500, 502], как оказалось впоследствии -- безуспешно.

После «Островитян» и «Ловца человек» вернувшегося на родину Замятина стали считать антизападником. Однако, как замечает Ричардс, «Замятин был оппонентом не Запада, а энтропии, попыток сдерживать спонтанное и свободное проявление человеческой индивидуальности» [Richards].

В трудные послереволюционные годы Замятину пригодилось знание английского языка, понимание английской и американской культуры. С 1918 по 1924 г. он является членом редколлегии и заведующим редакцией в издательстве «Всемирная литература» и пишет яркие и глубокие предисловия к изданиям сочинений Г.Уэллса, Дж. Лондона, О.Генри. В 1931 г. Замятин посвящает статью творчеству Р.Б.Шеридана. Писатель не случайно обращается именно к этим именам. Его привлекает родственный собственному психологическому складу тип индивидуальности бунтаря и «еретика», ломающего литературные каноны. Особенно близкой своеобразным сочетанием фантастики и интеллектуализма, на основе чего зарождался жанр антиутопии, была русскому писателю проза Г.Уэллса.

Все эти годы образ Англии продолжал жить в творческом сознании Замятина и получил новое художественное воплощение в сценарии «Подземелье Гунтона» (1931), посвященном жизни горняков Англии. Этот сценарий — один из последних текстов, написанных писателем до отъезда за границу. Сценарий сближает с другими произведениями об Англии место действия -- окрестности Нью-Кастля, а с центральной в английском цикле повестью «Островитяне» -- мотивы суда и казни. Вместе с тем сценарий, как и рассказ 1929 г. «Наводнение», характерен для конца периода 1920-х гг. в творчестве писателя обращением к жизни рабочей среды. Важно и то, что Замятин рисует здесь молодого углекопа и борца за коммунизм Тома Дрэри, предвосхищающего характерный для социалистического реализма тип передового рабочего, которому противостоит член трэйдюнионистского «лоджа» Джек Гартли, позже надзиратель копей, предавший интересы рабочих и погибающий в шахте во время обвала. Казалось бы, писатель ищет компромисс, что позволил бы ему, гонимому политическому «еретику», вписаться в советскую литературу. Но даже в таком произведении Замятин остается подлинным художником слова, не упрощающим социально-политический конфликт [см.: Гольдт], рисуящим героя-коммуниста яростным, непримиримым, неоднозначным и отдающим должное английскому суду присяжных заседателей.

Замятин, чьи произведения в конце 1920-х гг. из-за публикации в США в 1924 г. романа «Мы» практически почти перестали публиковать в СССР, возлагал на постановку фильма по данному сценарию большие надежды, т. к. в случае успеха это дало бы ему средства к существованию. Однако, как он писал жене из Москвы 29. VI.1931 г., сценарий не был принят из-за недостаточного подчеркивания общественного элемента, который «острая личная интрига еще более отодвигает <...> на задний план» [Замятин. Рукописное наследие. Ч.1, с. 415].

Художественный уровень сценария высок: в нем удачно использован монтаж, присущие и прозе писателя ассоциативность и внутренние монологи персонажей [см.: Гольдт]. Вместе с тем в «Подземелье Гунтона» появились и новые для замятинского творчества приемы: калейдоскопический принцип композиции, символика художественного пространства (засыпанные рабочие находятся внизу в шахте, а владельцы копей наверху в комфортабельных домах или на теннисном корте), раскрытие характеров через жест, мимику, положение тела, экспрессия ремарок [см.: Копельник].

Хотя сценарий отличается яркая фабульность, столь необходимая для кинодраматургии, и элементы детективного жанра, делающие действие «Подземелья

Гунтона» острым и интересным для потенциальных кинозрителей, фильм по «Подземелью Гунтона» так и не был снят ни в СССР, ни за границей. При этом данный сценарий стал тем «мостом», что соединил два значительных периода творчества Замятина: советский и эмигрантский [см.: Копельник, с. 185].

Образ Англии в творчестве Замятина отражает присущий писателю синтез разных мировоззренческих традиций: подобно западникам, он восхищается развитием английской науки, техники, искусства, подобно славянофилам, отрицает западные социальные и экономические структуры и испытывает особую вражду по отношению к западноевропейскому среднему классу, в котором усматривает квинтэссенцию мещанства [см.: Richards]. И все же условие будущего процветания России Замятин видел в соединении ее собственных достижений с западными, что в полной мере обнаружилось в его народной «игре» «Блоха» [см.: Давыдова, с.284-300]. В этом уникальность его личной писательской позиции.

А синтез двух научных концепций – Р.Майера и Ф.Ницше в произведениях на английскую тему обнаруживает близость творчества писателя философско-эстетическим исканиям Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдт Р. «Подземелье Гунтона»: неизвестный сценарий Е. Замятина // Новое о Замятине. М., 1997. С.147-175.
2. Давыдова Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. М., 2000.
3. Замятин Е.И. Автобиография / Публ. А.Ю.Галушкина // Странник. М., 1991. Вып. 1. С.12-14.
4. Замятин Е.И. Закулисы // Как мы пишем. Л., 1930. С.34.
5. Замятин Е.И. Избранные произведения: В 2 т. М., 1990. Т.2.
6. Замятин Е. Общество почетных звонарей: трагикомедия в 4-х действиях. Л.: Мысль, [1926].
7. Замятин Е. И. Рукописное наследие // Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 3. Ч.1.
8. Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1929. Т.3.
9. Замятин Е.И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 2010. Т.4. Беседы еретика.
10. Замятин Е.И. Сочинения: в 4 т. Мюнхен. 1988. Т. 4.
11. Исмагулова Т.Д. Евгений Замятин на сцене театра рус. эмиграции («Общество Почетных Звонарей» и «Блоха» в Театре Рус. Драмы г. Риги) // Russian Studies. 1996. № 2. С.361-375.
12. Копельник В.И. Трансформация англ. темы в сценарии Е.И. Замятина «Подземелье Гунтона» // Творческое наследие Евгения Замятина. Взгляд из сегодня: Науч. доклады, ст., очерки, заметки, тезисы / Под ред. Л.В.Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина. 2000. Кн.8. С.172-185.
13. Никоненко Ст., Тюрин А. Преодоление // Лит. учеба. 2004. Кн.6. С. 143-148.
14. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1996. Т.1. «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь». Письма Е.И.Замятина разным адресатам / Публ. Т.Т. Давыдовой и А.Н. Тюрина // Новый мир. М., 1996. № 10. С.136-159.
15. Янгиров Р. «Заветный» друг Евгения Замятина. Новые материалы к творческой биографии писателя // Russian Studies. 1996. № 2. С.478-520.
16. Richards D.J. Zamyatin: A Soviet Heretic. London, 1962.
17. Shane A. The Life and Works of Evgenij Zamyatin. Berkely; Los Angeles, 1968.

Н.К. Димитрова

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ АКРОНИМОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Димитрова Нина Крыстева

старший преподаватель,

Высшее транспортное училище имени Тодора Каблешкова,

г. София (Болгария)

E-mail: dimitrova_nina@mail.bg

В статье рассматриваются заимствование и аббревиация как способы образования акронимов в терминологии транспортно-экспедиционной деятельности. В этой связи обращается внимание на вариантность обозначения акронимами одних и тех же понятий, и делается вывод о неустоявшемся характере исследуемой терминологии.

Ключевые слова: акроним, аббревиатура, аббревиация, заимствование, терминология

В статията се разглеждат заимстването и аббревиацията като начини за образуване на акроними в терминологията на транспортната спедиция. В тази връзка се обръща внимание на съществуването на вариантност при означаването на едни и същи понятия с акроними и се прави извод за неустановеност на изследваната терминология.

Ключови думи: акроним, аббревиатура, аббревиация, заимстване, терминология

The article deals with borrowing and abbreviation as means of formation of acronyms in the terminology of Transport-forwarding activity. In this connection, attention is drawn to the variability of the notations by acronyms of one and the same concept, and the conclusion of the unsettled nature of the studied terminology is formulated.

Keywords: acronym, abbreviation, abbreviating, borrowing, terminology

1. Введение

В процессе построения и функционирования терминов любой области науки или практической деятельности проявляются два противоположных требования – требование точности, которое ведет к созданию многословных терминов, и требование их краткости, результатом которого является образование однословной цельноформленной терминологической единицы путем сокращения протяженности исходного терминологического словосочетания.

Зафиксированные в процессе работы над терминологией транспортно-экспедиционной деятельности (ТЭД) терминологические словосочетания, имеющие при себе краткие варианты (аббревиатуры), составляют около 4% от общего числа терминов. Из них на долю акронимов (инициальных аббревиатур) приходится 88% (3,6% от всех терминов ТЭД). Проведенное исследование показывает, что эти единицы формировались двумя разными способами терминообразования, а именно – аббревиацией и терминологическим заимствованием.

2. Аббревиация как способ терминообразования

Исследователями отмечается, что как способ словообразования аббревиация начала активно употребляться сравнительно поздно [Гринев-Гриневиц, с. 149 и др.]. Хотя «сложносокращенные слова в качестве отдельных лексических единиц были известны русскому языку» и раньше, но большинство «типов сложносокращенных слов сложились в качестве словообразовательных образцов в 20-ые годы XX в., когда создание и

возникновение аббревиатур было особенно интенсивным и свободным» [Шанский, Тихонов, с. 73-74].

Как отмечает В.П. Даниленко, аббревиация, которая «занимает в словообразовании современного языка прочные позиции и обладает почти неограниченной продуктивностью», появилась «в недрах специальных сфер употребления и продолжает свое существование в основном в тех же специальных сферах» в силу своей эффективности при сжатии многословных терминов. «Этому способствуют общие тенденции развития терминологического словообразования, две из которых характеризуются прямопротивоположной направленностью: с одной стороны, это создание необычайно длинных по составу наименований (термины-словосочетания и термины, представляющие собой цепочку сложенных основ ...), с другой – создание предельно коротких, структурно экономных наименований терминов-аббревиатур» [Даниленко, с. 128-129].

3. Терминологическое заимствование

Заимствование иноязычных терминов как способ пополнения лексики заметно отличается от использования средств родного языка [Гринева-Гринева, с. 149]. Это «объективная закономерность развития словарного состава любого языка, основанная на том, что тот или иной язык вбирает в себя иностранные слова, пытаясь подстроить их фонетически и морфологически к условиям функционирования системы языка» [Жеребило, с. 107].

Причины заимствования могут быть как экстралингвистические (тенденция к экономической и социальной глобализации), так и собственно лингвистические (потребность в номинации новых понятий). Наличие контактов между национальными языковыми системами приводит к тому, что в процессе становления терминологий из развитых языков заимствуются отдельные элементы, а иногда и целые терминосистемы.

4. Способы образования акронимов в терминологии ТЭД

Для обслуживания транспортно-экспедиционной деятельности, возникшей на стыке двух сфер коммерческой деятельности - транспортной и торговой, в последние десятилетия «сформировался общемировой язык изготовления, передачи и обмена информацией на английской языковой базе с единой международной терминологией, включая аббревиатуру (определенной ФИАТА, БИМКО, ИАТА, ИРУ и др.)» [Плужников, Чунтомова, 4]. Доминированию английского языка способствует также регламентирование условий договоров на транспортные услуги как нормами национального гражданского законодательства и отраслевых уставов и кодексов, так и требованиями международных транспортных конвенций.

В зависимости от способов терминообразования акронимы ТЭД можно разделить на две группы. Больше половины всех инициальных аббревиатур, функционирующих в исследуемой области, заимствованы. В подавляющем большинстве случаев языком-источником является английский язык. Заимствования из других языков (в данном случае – из французского) чрезвычайно редки и представлены единичными примерами. Остальная часть акронимов образована морфолого-синтаксическим способом аббревиации.

В первой группе в зависимости от степени графической адаптации к системе русского языка можно выделить две подгруппы.

В первую, более многочисленную, входят инициальные аббревиатуры, функционирующие в терминологии ТЭД только в своем оригинальном облике. Причины тому могут быть разные - принадлежность единой международной терминологии, применяемой в этой области, относительно недавнее их проникновение в русский язык, невысокая частотность употребления в деловом обороте и др. К ним можно отнести аббревиатуры некоторых правил Инкотермс в редакции 2010 г.: **DAT** (*Delivered At Terminal (... named terminal of destination)*) и **DAP** (*Delivered At Point (... named point of destination)*) и в предыдущих редакциях: **FOR** (*Free on rail*); **FOT** (*Free on truck*); **FOQ**

(*Free on quay*) и др., а также аббревиатуры стандартных условий договоров в линейном судоходстве: **FI** (*Free in*); **FO** (*Free out*); **LIFO** (*Liner in/Free out*), **FILO** (*Free in/Liner out*); **LILO** (*Liner in/Liner out*); **FICY** (*Free in/Container yard*); **ETD** (*Estimated Time of Departure*); **ETA** (*Estimated Time of Arrival*); **LCL** (*Less Container Loading*); **FCL** (*Full Container Loading*) и др.

Во вторую подгруппу, составляющую примерно 1/3 заимствованных акронимов-англицизмов, можно включить единицы, функционирующие в исследуемой терминологии как варианты - в английской и русской графиках. Например, **FAS** / **ФАС** (*Free Alongside Ship*); **FOB** / **ФОб** (*Free on Board*); **CIF** / **СИФ** (*Cost, Insurance, Freight*); **DDP** / **ДДП** (*Delivered Duty Paid*); **FIO** / **ФИО** (*Free in and out*); **FIOT** / **ФИОТ** (*Free in and out and trimmed*); **FIOS** / **ФИОС** (*Free in and out and stowed*) и др.

Акронимы второй группы образованы морфолого-синтаксическим способом аббревиации, т.е. сокращением формы исходных терминологических словосочетаний – калькированных с английского языка или оригинальных русских. В зависимости от этого выделяются две подгруппы.

Некоторые инициальные аббревиатуры первой подгруппы выступают в роли русскоязычных дублетов уже заимствованных из английского языка единиц. Например, **ПСО** (*перевозка и страхование оплачены до... места назначения*) и **CIP** / **СИП** (*Carriage and Insurance Paid to...*); **ФРП** (*Франко-перевозчик, свободно у перевозчика*) и **FCA** / **ФКА** (*Free Carrier*); **ДФЭ** (*двадцатифутовый эквивалент*) и **TEU** (*Twenty-foot Equivalent Unit*); **УГЕ** (*укрупненная грузовая единица*) и **ULD** / **УЛД** (*Unit Load Device*). При других представителях этой подгруппы явление дублетности не проявляется в силу того, что в терминологии ТЭД на русском языке исходные терминологические словосочетания языка-источника и их аббревиатуры не получили широкого распространения. Например, **ОМП** (*оператор мультимодальной перевозки*) употребляется вместо **МТО** (*Multimodal Transport Operator*); **ГЕ** (*грузовая единица*) - вместо **CU** (*Cargo Unit*); **ИТЕ** (*интермодальная транспортная единица*) - вместо **ITU** (*Intermodal Transport Unit*); **ПОВ** (*первая открытая вода*) - вместо **FOW** (*First Open Water*) и др.

Вторая подгруппа включает инициальные аббревиатуры, которые созданы при сжатии оригинальных терминологических словосочетаний на русском языке. Например, **ТЭД** (*транспортно-экспедиционная деятельность*); **ТЭО** (*транспортно-экспедиционное обслуживание*); **АТС** (*автотранспортное средство*); **ТТН** (*товарно-транспортная накладная*); **ПРР** (*погрузочно-разгрузочные работы*); **ГМ** (*грузовое место*); **ГТД** (*грузовая таможенная декларация*), **ВТТ** (*внутренний таможенный транзит*) **УПО** (*удельный погрузочный объем*) и др.

5. Синонимия как результат образования акронимов различными способами

Синонимия в терминологии – это асимметрия языкового знака, которая проявляется в сосуществовании в синхронном срезе нескольких терминологических единиц для номинации одного понятия. Причинами, порождающими это явление, обычно выступают «разные источники формирования терминов» [Даниленко, с. 73].

Синонимия (вариантность, дублетность) акронимов ТЭД возникает, как выяснилось, вследствие действия разных способов образования этих единиц - заимствование из английского языка с последующей адаптацией, в т.ч. графической, к системе русского языка и аббревиация калькированных терминологических словосочетаний. Например, **EXW** (*Ex Works*) и **ФРЗ** (*франко-завод*); **CPT** / **СПТ** (*Carriage Paid to...*) / **ПРО** (*перевозка оплачена до места назначения*) и др.

«Синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологических систем, когда еще не произошел естественный (и искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие варианты» [Даниленко, с. 73]. Проблему синонимии в терминологии нельзя недооценивать. Как отмечает С.В. Гринев-Гриневиц, «использование разных терминов вызывает неуверенность в том, что пользующиеся ими специалисты говорят об одном и том же понятии. Это приводит к затруднению

взаимопонимания...» [Гринева-Гринева, с. 103]. Тем более в области транспортно-экспедиционной деятельности это может послужить причиной недоразумений, разногласий и, как следствие, судебных разбирательств с вытекающей тратой времени и денег.

Выводы

1. В терминологии ТЭД, как и в других областях науки или практической деятельности, действует тенденция к экономии языковых средств. 3,6% от всех зафиксированных терминов имеют краткие варианты, представляющие собой акронимы. Большинство из них принадлежит единой международной терминологии, применяемой в этой области.
2. Способами образования акронимов в терминологии ТЭД являются заимствование из английского языка и аббревиация.
3. Среди акронимов ТЭД распространена синонимия, являющаяся результатом процесса адаптации заимствованных единиц к системе русского языка.
4. Сосуществование в синхронном срезе нескольких терминологических единиц для номинации одного понятия является доказательством неустоявшегося характера исследуемой терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринева-Гринева С.В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. - М.: Наука, 1977. – 246 с.
3. Плужников К.И., Чунтомова Ю.А. Транспортное экспедирование. – М.: ТРАНСЛИТ, 2006. – 528 с.
4. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. Жеребило Т.В.- Нарзань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч.2. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.

М.К. Китанова

КОНЦЕПТ „РОДНЯ” В БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

*Китанова Мария Кирилова
доцент, доктор,
Институт болгарского языка при Болгарской академии наук,
г.София (Болгария)
E-mail: miyak@abv.bg*

*В статье рассматриваются болгарские пословицы с концептом “родственник”. В отобранном материале существует сравнительно мало болгарских пословиц с компонентом „родственник” (35 единиц). В них концепт выражен следующими ключевыми словами: родственник, род, родня, свой, своица. Таким образом, в болгарской культуре противопоставляются люди, связанные кровным родством, и люди, которые являются „чужими” (компонент чуждица). В этих пословицах наиболее ярко выражена бинарная оппозиция „свой - чужой”, которая имеет важное значение для раскрытия концепта **родственник** в болгарской языковой картине мира.*

Ключевые слова: пословица, концепт „родственник”, болгарские пословицы.

В статията се разглеждат български пословици с концепт „роднина”. В екскерпирания материал съществуват сравнително малко пословици с този компонент (35 единици). В тях концептът е представен със следните компоненти: роднина, род, родня, свой, своица. В българската култура по този начин се противопоставят хората, свързани кръвно и тези, които са възприемат като чужди (с компонент чуждица). В разгледаните пословици явно е изразена бинарната опозиция „свой-чужд”, която има важно значение за разкриването на концепта „роднина” в българската езикова картина на света.

Ключови думи: пословици, концепт «роднина», български пословици.

The present article considers Bulgarian proverbs having the concept „relative”. In the excerpted material exist relatively small number of proverbs, having this particular component (35 items). In the above proverbs the concept is manifested with the following components: relative, family, ours, close. In the Bulgarian culture this is the way, by which the people, who have blood connection, are made opposite to those, considered as not-in-our-family (having the component out-of-the-family). These proverbs clearly show the binary opposition close-not close (as far as family connections are concerned)”, which is important for the revealing of the concept „relative” in the Bulgarian language picture of the world.

Keywords: proverb, the concept of "relative", Bulgarian proverbs.

Слово “паремия” произхожда от древногреческото παροιμία и има значение “поговорка, пословица, притча, сравнение”. Паремиями называют краткие тексты, в которых сконцентрирована народная мудрость, вследствие чего они могут быть источником сведений о менталитете данного народа. В настоящей работе пословицы и поговорки не разделяются, в соответствии с традицией, установившейся в англоязычной паремиологии (proverb) и по этой причине мы не останавливаемся на попытках определить их различия [Пермяков, 1975, 255; Жуков, 1991, 11-12; Левин, 1984, 119].

Пословицы и поговорки обладают тройственной сущностью – их можно рассматривать как логическую единицу, выражающую суждение, как явление языка и как художественную миниатюру. С лингвистической точки зрения они являются одновременно и текстом, и знаком. Пермяков высказывает мнение, что как языковой знак, пословицы относятся к лингвистике, а как текст – к фольклору [Пермяков, 1975, 250-251]. По мнению Гвоздева [Гвоздев, 1983, 13] они являются сложнейшим образованием, представляющим языковой знак. В качестве последнего, пословицы и поговорки берут на себя функции средства „моделирования известного фрагмента опыта и знаний” (Иванова, Е., 2006, 25) и обладают определенным значением и внутренней формой. Ряд авторов [Grzybek, 1994, 35-37; Yankah, 1994, 130; Серль, 1990, 322] подчеркивает, что пословицы можно проанализировать только в контексте, поскольку большинство из них представляет собой открытые метафоры. Пословицы являются объектом исследования как когнитивной семантики, так и лингвокультурологии. Предметом анализа в данной работе является значение пословиц, согласно теории значения Лангакера [Langacker, 1988b, 44-90], характеризующего семантическую структуру, как концептуальную. Под концептом мы понимаем „основное ядро культуры в ментальном мире”, он представляет собой „многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики” [Маслова, В. А., 2006, 42, 59]. В этом смысле значение пословиц рассматривается „как концептуальное изображение определенного участка мира” [Иванова, Е., 2006, 27]. Концепт „семья” в болгарском языке можно реконструировать при помощи концептов ее членов, а также посредством концептов, связанных с разными возможностями и проблемами его создания. В настоящей статье анализируются пословицы и поговорки со следующими ключевыми компонентами: **женитьба, дом, жена, муж, муж и жена (мужчина и женщина), ребенок,**

мать, отец, сын, дочь, родственник, брат, сестра, зять, невестка, свекровь, кум. Выбор обусловлен наличием или отсутствием концептов в соответствующем материале.

В настоящем исследовании интерес для нас представляют когнитемы значения. Они являются теми элементами, при помощи которых воссоздается пословичная картина мира, отражающая „когнитивные, культурные и социальные характеристики носителей языка” [Иванова, Е., 2006, 44]. Кроме того, они определяют менталитет народа, как „интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культуре, позволяющую описать их взгляды на окружающий мир и объяснить их специфическую реакцию на него” [Дубов, Т.И., 1993, 20]. Менталитет, проявляющийся в языковой картине мира, является языковым менталитетом. Менталитет, проявляющийся в пословицах, называется пословичным менталитетом, поскольку пословицы представляют собой своего рода хранилище стереотипов мышления и поведения, находящих применение во многих ситуациях. Упомянутый пословичный менталитет можно представить в нескольких основных пунктах:

- а) в выборе самих пословиц, как языкового знака;
- б) в выборе внутренней формы пословиц;
- в) в связи между значением пословиц и их внутренней формой;
- г) в количественной структуре элементов, с помощью которых можно сконструировать соответствующие фрагменты пословичной картины мира.

Ожидаемым результатом исследования является определение этнокультурных стереотипов, связанных с представлениями о семье, отраженными в болгарской традиционной культуре. С этой целью нами произведена представительная выборка (563 единицы) из соответствующих болгарских источников. На ее базе создан корпус, который мы анализируем.

Знак пословицы характеризуется двумя семантическими планами/двумя когнитивными уровнями – значением и внутренней формой. Они образуют пословичную когнитивную модель, в основе которой лежат понятия традиционной семантики – значение, внутренняя форма, оценка, эмотивность, метафоричность. Для решения этой задачи, мы пользуемся термином „когнitemа”, понимаемым как „пропозициональная единица знания, реконструируемая нами при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимая при описании когнитивной модели какой-либо пословицы или фрагмента пословичной картины мира” [Иванова, Е., 2006, 97]. Когнitemа является наименьшим элементом в конструкции концепта и обладает преимущественно методологическим значением. Она является „формальным средством лингвистического анализа, а не элементом модели когнитивной деятельности или гипотетической единицей, хранящей в своей памяти информацию, измеряемую пропорциями, ассоциациями, семантическими маркерами и т.д. [Anderson, Bower, 1974, 136]. Андерсен и Бауэр даже допускают, что в памяти каждого человека существует набор из определенного количества когнитем. Ученые предполагают, что часть из них хранится и в коллективном сознании определенного этноса.

При когнитивном лингвистическом анализе пословичной картины мира лучше пользоваться только одной когнитивной единицей, а не такими традиционными понятиями, как „инвариантное значение”, „компонент инвариантного значения” и т.д. „Когнitemа представляет собой единицу когнитивной лингвистики, используемую при переходе от традиционного семантического анализа к реконструкции пословичной картины мира [Иванова Е., 2006, 99]. Ее введение перекодирует традиционные единицы семантического анализа. Сами когнитемы не являются однородными – они могут быть когнитемами значения, ассоциативных связей, сценариев и т.д., отличаясь от прагмем и информем тем, что представляют собой языковые единицы [Киселева, Л.А., 1978, 107-109].

Когнitemа не равна пословице. Ее объем меньше. Кроме того, когнitemа является единицей плана содержания и ее можно обнаружить на разных когнитивных уровнях.

„Нижнюю границу когнитемы можно описать семантической формулой (концепт + ассоциативная связь + концепт), что на вербальном уровне означает слово + слово (Иванова Е., 2006, 99-100). Концепт может быть признаком, а ассоциативная связь – имплицитной, но концепт может быть и предметом, а ассоциативная связь – эксплицитной.

Е. Иванова приводит следующий пример: „Конят с четири крака, но и той се спъва.” В нем она выделяет когнитему „конят се спъва” (рус. „лошадь спотыкается”), состоящую из двух слов, а ассоциативная связь в данном случае выражена имплицитно. Каждый компонент можно разложить на определенное число когнитем, которые, со своей стороны, тоже можно разложить на когнитемы. В этом смысле самая нижняя граница когнитем определяется функциональным значением соответствующего текста при реконструкции, к которой мы стремимся. В большинстве случаев это частотность повторения определенного элемента значения в данной пословице или поговорке. Этот процесс похож на семантические примитивы Вежбицкой. Когнитемы, как было сказано выше являются разнородными и их можно выделить на разных уровнях когнитивных моделей пословиц.

Например, в пословице *Не всичко, което хвърчи се яде*, на уровне значения можно выделить когнитему **вншният вид лъже** (рус. „внешность обманывает”) или „не всичко е такова, каквото изглежда” (рус. „не все является таким, каким выглядит”), а на уровне внутренней формы когнитема означает „това, което хвърчи се яде”. По мнению Барли, этот тип пословиц превращает повседневные отношения в метафоры [Барли, 1984, 138]. Понятие внутренней формы слова введено Гумбольдом. Русский ученый Потебня дорабатывает идею Гумбольда и определяет понятие „внутренняя форма слова”, как „отношение содержания мысли к сознанию”, как единственное объективное значение слова, его этимологическое значение [Потебня, А.А., 1989, 98, 169]. Кунин считает, что внутренняя форма является одним из компонентов значения. Во фразеологии существует и мнение о том, что внутренней формой обладают только образные фразеологические единицы [Феоктистова А., 1999, 174-175].

Когнитивный подход не является единственным при реконструкции универсальных концептов. Такого рода реконструкцию можно произвести и с помощью традиционного семантического анализа [см. Яковлева, 1994].

Концептом является совокупность когнитем, образующих когнитивную структуру. Или точнее – концепт есть когнитивная структура, ментальная единица, которая сложнее значения. При количественном анализе концептов и концептообразующих когнитем выделяется так называемый „прототип”. Если определенные когнитемы отражают повторяющийся с большой частотностью в пословицах и поговорках признак, то это является показателем сущностного характера этого признака, т.е. его прототипичности. Следовательно, прототип – это главный член категории, распознаваемый лучше, чем члены, находящиеся на периферии [Лейкофф, 1988, 33-34]. Заметно то, что при определении прототипа используется статистический подход [Geerearts, 1988, 207], т.е. более частое употребление определенных единиц знания, отраженных в пословицах эксцерпированного корпуса, является критерием прототипичности. Для выделения прототипических когнитем в когнитивном лингвистическом анализе используется термин „порог прототипической значимости”. Этот порог можно определить количественным анализом концептообразующих когнитем. При анализе большого объема материала, наблюдается увеличение числа признаков, т.е. детализация концепта. Однако, иногда признак, обладающий меньшим количеством возможных употреблений, может оказаться существенным при реконструкции какого-либо концепта пословичной картины мира. Следовательно, нам необходимо выделять и компоненты с меньшей статистической характеристикой, имеющие существенное значение. При реконструкции концепта „семья” в болгарских пословицах, таковым является ключевой компонент „дом”. В когнитивный лингвистический анализ вводятся формулы определения порога прототипичности.

Определение значимости когнитивных, обладающих низкой степенью частотности, производится на втором этапе определения картины мира, на котором используются фоновые знания, связанные в данном случае с традиционной болгарской культурой. Прототипические когнитивные, со своей стороны, образуют определенную когнитивную модель пословичной картины мира. Концепт пословиц реконструируется на основе всех когнитивных, а прототип пословиц – только на базе прототипических когнитивных. Иногда при анализе мы не находим прототипических когнитивных и тогда реконструируем только концепт пословицы, не реконструируя ее прототипа [Geeraerts, 1992, p. 223; Иванова Е., 2006, с. 115].

При рассмотрении пословиц и поговорок, мы пользуемся понятием „культура”. При его определении, мы сталкиваемся с рядом трудностей [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 23-24; Телия, 1996, с. 223]. По мнению упомянутых выше авторов, культура представляет собой совокупность результатов определенной деятельности человека и имеет две формы проявления – духовную и материальную [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 23-24]. Язык является средством выражения культуры и в то же время ее частью. В культуре каждого народа мы находим универсальные черты. Вот почему следует с осторожностью говорить о ее специфических чертах. В данной статье мы используем понятие о менталитете, выдвинутое Телия, по мнению которой он формируется соответствующей культурой [Телия, 1996, с.224-225]. Что касается паремий, то одну часть можно отнести к менталитету определенного народа, а другую – нет [Телия, 1996, 253]. Так что менталитет каждой нации включает в себя не только этноспецифические черты, но и определенные общечеловеческие.

Пословицы и поговорки, образующие семантическое поле „семья” занимают особое место в болгарском фонде пословиц. Семья – это организация внутреннего мира человека. Она является центром человеческого мира, некоего усвоенного собственного внутреннего пространства и в то же время – частью бинарной семантической оппозиции „свой-чужой”, в которой пересекаются и другие оппозиции, такие как „добро-зло”, „хорошее-плохое”, „чистое-нечистое”. Таким образом, этот фрагмент картины мира „представляет с исключительной яркостью антропоцентрический характер жанра паремии, ибо в нем сконцентрировано внимание на хорошем и дурном в человеческих взаимоотношениях и полезном и вредном в человеческом поведении” [Петрова, Р., 2006, 17].

Пословицы о семье и ее ценностях составляют сравнительно большую часть (около 350 единиц) отобранного материала. Больше всего пословиц с концептами – „разные члены семьи”. Они раскрывают консервативную иерархию организации семьи, базирующуюся на сложных взаимоотношениях между ее членами.

Существует сравнительно много болгарских пословиц с концептами “другие члены семьи” – (приблизительно 50 единиц эксцерпированного материала). На практике общее количество пословиц не совпадает с количеством концептов, так как в одной пословице часто можно обнаружить свыше двух концептов. Встречаются следующие ключевые компоненты: *родственник, брат, зять, невестка, свекровь, кум (крестный отец), сват*.

Они свидетельствуют о детализированных знаниях, связанных с отношениями между близкими и дальними родственниками в семье. В принципе, в пословицах с концептами „другие члены семьи” отражена вся система болгарских родственных имен: кровное родство, родство по сватовству, родство по кумовству и родство, вследствие побратимства.

В отобранном материале существует сравнительно мало болгарских пословиц с концептом „родственник” (35 единиц). В них концепт выражен следующими ключевыми компонентами: *родственник, род, родня, свой, своица*. Таким образом, противопоставляются люди, связанные кровным родством, и те люди, которые являются „чужими” (компонент *чуждица*). В этих пословицах наиболее ярко выражена бинарная

оппозиция „свой-чужой”, которая имеет важное значение для раскрытия концепта **родственник** в болгарской языковой картине мира.

В традиционной болгарской культуре принято считать, что родство и родственные связи обязательны и имеют особое значение, особенно в трудные моменты жизни. Исключительно ценным считается кровное родство, обеспечивающее определенную стабильность и надежность в семье. Особым значением отличается пословица „*Кръвта вода не става*”, в которой метафорические подчеркнута исключительная важность кровного родства. Кровь - это все свои, близкие, родные.

В Речника на Найден Геров четем [Н.Г., т. 5: 82-83]: 1) Кога някой е близък, свой някому; кога някой е от една кръв с някого; 2) близки свои помежду люде от една кръв: *роднина, родня, роды*.

Метафорическими являются и пословицы, в которых раскрывается родство по линии матери. Как было отмечено выше, в болгарской языковой картине мира роль матери важнее роли отца, поэтому родство ассоциируется именно с близостью между матерями или с существованием общего родового корня. Это отражено в следующих примерах, в которых с иронией подчеркивается отсутствие подлинной кровной связи:

Роднини са, майките им са сушили дрехите на едно слънце.

Мака му и мака ѝ на едно слънце са се пекли.

Рода са, от два плота тръне.

В одной единице противопоставлены концепты **родственник** и **друг**, которые имеют одинаково важное значение:

Зла година за роднина плаче, а неволя - за приятел.

Даже в случае, если трудно можно рассчитывать на непрерывную поддержку близких, они все же остаются теми „своими”, на которых можно положиться в трудную минуту.

Род рода не храни тежко томува, кой го няма.

Свой своего не храни, но тежко му, който го няма.

Брат брата не храни, но тежко му, който го няма.

Не случаен факт, что компоненты *свой, свои, своица* указывают на кровное родство. Изначально, семья является миром „своим”, огражденным от всего чужого. В следующих пословицах очень ясно очерчена оппозиция „свой-чужой”:

Каквито сме, свои сме.

Лоши сме си, ама свои сме си.

Чуждица не е своица.

Родство обязательно подразумевает прикладывать усилия во благо членов рода:

Свой своего и да не люби, длъжен е за него да се губи.

Не случайно родственная близость связана с взаимоотношениями, для которых обязательно отсутствие материального интереса:

Със свой яж, пий, алъш-вериш не прави.

Със свой живеј, ала не търгувай.

Только в одной единице, построенной на метафоре, наблюдается прозрение, что ненависть между родственниками может быть очень сильной.

Цял град да те гони, един роднина да не те гони.

В пословицах, в которых присутствует концепт **родственник**, можно выделить следующие когнитемы:

Кровное родство особенно важно.

Родственники - это надежная опора в трудную минуту.

Родственнику обязательно надо помогать.

С родственниками не положено иметь коммерческих отношений.

Родственник всегда ближе чужого человека.

Выводы:

В традиционных болгарских пословицах кровное родство имеет очень большое значение. Родственники всегда помогут в трудную минуту, а порой можно только на них и положиться. Компоненты *свой, свои, своица* свидетельствуют о противопоставлении между людьми, связанными между собой кровной связью, и остальными, „чужими” (компонент *чуждица*). В этих пословицах наиболее ярко выделена бинарная оппозиция „свой - чужой”, которая в болгарской языковой картине мира имеет большое значение для раскрытия концепта *родственник*.

ИСТОЧНИКИ

1. БЕР, т. I, 1971 - т. IV, 1995....
2. Български тълковен речник, С. 1973.
3. Български притчи или пословици и характерни думи, събрани от П. Р. Славейков, 1972.
4. Българска народна поезия и проза, т. 7; Предания, легенди, пословици и гатанки, 1983.
5. Български пословици и поговорки, съст. Милко Григоров, Костадин Кацаров, С. 1986, изд. „Наука и изкуство”.
6. Сергей Влахов, Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски, (латински, С., 1998).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барли, 1978: Барли Н., Структурной подход к пословице и максиме// паремиологические исследования: Сб. Статей, М., 1984, с. 127-148.
2. Вежицкая, 1997: Вежицкая, А., Язык. Культура. Познание., М. 1997.
3. Верещагин, Костомаров, 1990: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании, М., 1990.
4. Гачев, 1995: Гачев, Г. Д., Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос., М., 1995.
5. Гвоздев, 1983: Гвоздев В. В., Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: Автореферат дис....кандидан филол. наук, М., 1983.
6. Дубов, 1993: Дубов И. Т., Феномен менталитета: психологический анализ// Вопросы психологии. 1993, №5, 20-29.
7. Жуков, 1990: Жуков В. П., Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок, М., 1990.
8. Иванова, 2000: Иванова, Е., Пословичные картины мира, М., 2002.
9. Иванова, 2006: Иванова Е., Мир английских и русских пословицах, Санкт-Петербург, 2006.
10. Киселева, 1978: Киселева, А., Вопросы теории речевого воздействия, Л., 1978.
11. Китанова, 2009: Китанова, М., Концептът жена в българските и руските пословици и поговорки, сп. Български език, Год. LVI, кн. 2, 46 – 55.
12. Китанова, 2009: Китанова, М., Отношенията между родители и деца според българските пословици, сп. Българска реч, год. XV, кн. 1 – 2, 2009, с. 81-88.
13. Кунин 1986: Кунин А. В., Курс фразеологии современного английского языка, М., 1986.
14. Лакофф, 1988: Лакофф Дж., Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка, М., 1988, 12-51.
15. Левин, 1984: Левин Ю. И., Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: Сб. статей, М., 1984, 108-126.
16. Маслова, 2006: Маслова В. А., Введение в когнитивную лингвистику, М., 2006.
17. Пермяков, 1970: Пермяков, Г. Л., От поговорки до сказки, М., 1970.
18. Петренко, 1970: Петренко, О. А., Этнический менталитет и язык фольклора, Курск, 1996.

19. Петрова, 2006: Петрова Р. С., Лингвокултурологично съпоставително изследване на английски и български пословици, Автореферат на дисертация за присъждане образователната и научна степен “доктор”, С., 2006.
20. Потебня 1989: Потебня А. А., Слово и миф., М. 1989.
21. Серль, 1990: Серль Дж. Р., Метафора // Теория метафоры, М., 1990, 307-341.
22. Телия, 1996: Телия В. Н., Русская фразеология, М., 1996.
23. Феоктистова 1999: Феоктистова А. Б., Культурнозначимая роль внутренней формы идиом с позиции когнитологии // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия, М. 1999, с. 174-179.
24. Яковлева 1994: Яковлева Е. Т., Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М., 1994.
25. Anderson, Bower, 1974: Anderson J. R., Bower V. H., Human associative memory. N. Y., 1974.
26. Geeraerts 1988: Geeraerts D., Where does prototypicality come from? // Topics in cognitive linguistics / Ed. by V. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia 1988, p. 207-229.
27. Langacker, 1988: Langacker R. W., A view of linguistics semantics // Topics in cognitive linguistics / Ed. by V. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, 1988c, 49-90.
28. Yankah, 1994: Yankah K., Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder, N. Y., 1994, 127-142.

Е. И. Колесникова

**«VIRTUS» АЛЕКСАНДРА БЛОКА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ТВОРЧЕСТВА (по материалам публицистики)**

Колесников Елена Ивановна
доктор филологических наук, ст.н.с.,
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
г. Санкт-Петербург (Россия)
E-mail: ekolesn@mail.ru

В статье исследуется публицистика Александра Блока, которая во многом проясняет и комментирует онтологические основания его поэзии, помогая уточнить ее утопическую телеологию, фикциональный финализм (А. Адлер), выявить опору на кантовское самораскрытие бытия, гегелевскую диалектику, романтические истоки мировидения и эстетики, ницшевские идеи «вечного возвращения», категории дионисийского и аполлонического.

Ключевые слова: *публицистика, А.Блок, хаоса, дионисийство, аполонизм, самораскрытие бытия.*

В статията се изследва публицистиката на Александър Блок, която в много аспекти изяснява и коментира онтологичните основи на неговата поезия, като помага да се уточни нейната утопична телеология, фикционалният финализъм (А. Адлер), да се открие позоваването на кантовото себепознание на битието, хегелската диалектика, романтическите основи на мирогледа и естетиката, идеите на Ницше за „вечното връщане“, категориите за дионисиевото и аполоничното.

Ключови думи: *публицистика, А. Блок, хаос, дионисийство, аполонизъм, себепознание на битието.*

In article Alexander Blok's publicistic is investigated. It explains to ontologic a basis of

his poetry, utopian teleology, fiktsionalny finalizm (A. Adler), self-revelation of being of Kant, the dialectic of Gegel, romantic sources of mirovideniye and an esthetics, idea nitsshevsky of "eternal return", the categories dionisiystvo and apollonism.

Keywords: *publicistic of A. Blok, chaos, dionisiystvo, appolonizm, self-revelation of being.*

Блок осмыслял религиозно - философское пространства хаоса, из которого формируются полюса добра и зла. Со второй половины XIX века актуализировалось внимание к «стихийному» началу со стороны художников и критиков «эстетической» и «органической» школ (Ф. Тютчев, А. Григорьев и др.). В конце XIX века к нему добавился повышенный интерес к иррациональному вслед за признанием философами модернистского круга духа как субстанции культуры. Идеи о природе хаоса и его преодоления, основываясь на идеях Б. Паскаля о всеединстве, в начале XX века формулировали многие, например, Вл. С. Соловьев: «Мы знаем, что возможность хаотического существования, от века содержащаяся в Боге, вечно подавляется Его могуществом, осуждается Его истиной, уничтожается Его благостью. Но Бог любит хаос и в его небытии, и Он хочет, чтобы сей последний существовал, ибо Он сумеет вернуть к единству мятежное существование, Он сумеет наполнить бесконечную пустоту избытком Своей жизни. Поэтому Бог дает свободу хаосу» [7].

Подобное концептуальное поле порождало разного рода диахроническо-футурологические дискурсы и преобразовательские идеи. Проективность мировоззрения Блока не имела узкой социальной направленности, выходя далеко за обыденные пределы времени и пространства. Художник видел эпоху как антитезу «поверхности жизни» и «сердца жизни, где бьется <...> стихийное, великое и живое», чем для обоих была «современная русская жизнь <...> революция, <...> стихия» [2, т. VI, 437]. Как мыслитель-проекционист он ощущал единый стержень, актуальную действующую силу, общность движущих законов в природе, обществе и искусстве. Глубинные онтологические закономерности Блоку представлялись как объективное «течение жизни», определяющее природу вещей и человеческого сознания. Онтологический статус футурологических идей рассматривался как потенция, «virtus», стремящийся к актуализации в реальной жизни. Человеческий разум, оценивающий окружающий мир, являлся активным участником его становления.

Для поэта актуализация движущей жизненной силы, «души мира», развертывание ее в события или поступки было не беспрепятственным, а зависело от привносимых со стороны человека усилий. Прежде всего необходимо «обуздать» хаос путем поэтического творчества, преображающая сила которого мыслилась трансцендентально в русле житнетворчества: «Дело художника, обязанность художника, – полагал Блок, – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”. Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [2, т. VI, 12].

Излагая свои несхожие взгляды на созидательность, Блок используют категории – «космос», «хаос», «стихия», «воздух», «музыка» и пр. «Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос – устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония» [2, т. V, 510], – вслед за Вл. Соловьевым рассуждал Блок.

Таким образом, взаимодействие человеческих усилий для Блока сочеталось с неким историческим саморазвитием, реализацией «virtus», потенции бытия. Он смотрел на изменившуюся картину мира начала XX века как на объективный естественный ход событий. «Порядок мира тревожен, он – родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими мыслями о том, что хорошо и что плохо» [2, т. V, 161].

В творчестве Блока можно проследить взгляды на духовную движущую силу истории. Эта сила истории есть некий дух, имманентно присущий эпохе и хранимый в ее недрах. Природа этого духа слабо поддается схватыванию и определению. В некотором смысле это есть эпистема, имеющая ценность и актуальность в конкретный исторический период в конкретном историческом обществе. Хранителем этого духа (или эпистемы) для Блока, как видится, выступает народ, прикованный к родной почве в духовном смысле слова и несущий сокрытое в этой почве дионисийское материнское начало, неразрывно связанное с культурой. Но потребность в защите перед силами природы побуждало аполлонически обуздать стихию и упорядочить силы природы. «Музы искусств “иллюзии” поблекли перед искусством, которое в своем опьянении вещало истину <...>. И таким образом везде, куда ни проникало дионисическое начало, аполлоническое упразднялось и уничтожалось». [5] Аполлоническое начало сна и мечты выстраивает пантеон богов, контролирующих весь языческий универсум.

Оставаясь базовым понятием для мировоззрения поэта, «душа мира» на разных этапах творчества раскрывалась все новыми аспектами. Ко времени создания стихов 2-го тома лирической трилогии для поэта в круг осмысления добавилась проблема технократии и наступления фабричной цивилизации. Это пугало многих писателей конца XIX - начала XX века. И. Бунин, А. Куприн увидели в ней причину I-й мировой войны и переделки мира. Бесспорно, что и для Блока это событие стало точкой окончательного ухода гуманизма, разрушения европейских ценностей, с одной стороны; но и нарастающей всеобщей эмансипации и демократизации – с другой. Осознавая наступление эпохи технократии, Блок принимал ее как часть неотменимого течения жизни. Думается, на этом этапе интуитивно поэт пытался уравновесить «пузырями земли» фабричные «желтые окна» и «запертые ворота».

Природа и человек у Блока в стихах 2-го тома – заодно, слово устное есть слово истинное, доступное любому человеку: «Перед ним – не мертвый текст, с гордостью записанный со слов деревенского грамотея, а живые, лесные слова» [2, т. V, 48-49]. Говоря о взаимоотношениях человека и природы, поэт пишет: «Он подчинился ей, когда чувствовал свою слабость; она подчиняла его себе, когда чувствовала свою силу. <...> Тесная связь с природой становится новой религией...» [2. Т. V, 36-37]. Важно при этом, что в дионисийском единстве находились не только человек и природа, но также польза и красота. В европейской же традиции, на которую ссылается Блок, грубый утилитаризм Нового времени навсегда разделил их, принизив онтологический статус красоты, погрузив человека в аполлонический сон.

Мистический мотив народного мифа прослеживается в цикле стихов «Снежная маска». Здесь, в аутентичных русской местности снегах, поэтом как бы раскапываются из-под снега живые силы: «Темные дали, / И блистательный бег саней... / И когда со мной встречаются / Неизбежные глаза, – / Глуби снежные вскрываются, / Приближаются уста...» [2, т. II, 144] или «Ты услышишь с белой пристани / Отдаленные рога. / Ты поймешь растущий издали / Зов закованной в снега» [2, т. II, 145].

Блок призывает быть чутким к зову Земли. Это не политические призывы, но именно хтонический хоровой зов сил природы, музыка природы, спрятанная в снегах России. В народе хранится подлинная любовь к отечеству, он «любит, не обожествляя, требовательно и сурово, по-народному, как можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины – России»⁹⁴ [2, т. VI]. Важно, что это хоровой, целостный и нерасчлененный зов, подобный греческому хору.

Пока господствует языческое сознание, индустриальное общество не наступает. Христианство заканчивало эру языческой мифологии и открывало дорогу научному знанию, эпохе массовой индустриализации, а с ней – пролетарским революциям. Так,

⁹⁴ Впервые опубликовано: "Золотое руно", 1909, № 1, под заглавием "Россия и интеллигенция".

А. В. Луначарский во вступительной статье к книге «Против цивилизации», которую так внимательно изучал Блок, утверждает, что «новейшее рабочее движение вскормлено машинной индустрией, массовым производством и развитием точных знаний» [6]. Возможно, Христос образно-персонифицированно осознавался Блоком как ее мистериальный проводник. В ситуации «тотальной интерпретации» (М. Хайдеггер) христианская интенция *kenosis*'а в «Двенадцати» может означать наступление нового, индустриального общества и приход «массового человека» в историю.

Хаос в понимании Блока получает новую организацию: «...Он увидел в революции зарождение новой гармонии, которую несет с собой пришедшая в движение стихия» [4, 144]. А. Пайман назвала это время «часом Александра Блока», миссией которого было «встретить этот <новый> мир на пороге, приветствовать и благословить его» [9, 274]. «Двенадцать» – это поэма нового века, содержащая или упреждающая и новые приемы поэтики (монтажность, эклектика, принцип сдвинутой конструкции и др.), и требующая новые подходы к оценке. Отсюда столь резкое непонимание Блока его современниками.

В статье «Крушение гуманизма» (1919) Блок говорит о том, что дионисийского творческого универсума больше нет: «Утратилось равновесие между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой – то равновесие, которым жило и дышало великое движение гуманизма. Гуманизм утратил свой стиль; стиль есть ритм; утративший ритм гуманизм утратил и цельность. Как будто мощный поток, встретившись на пути своем с другим потоком, разлетелся на тысячи мелких ручейков» [2, т. VI, 100].

Рассуждая близко к К. Марксу, Блок говорит о превращении личности в «частичного человека», некоего «человека-функцию», доходящего до крайней стадии отчуждения человека не только от природы, но и от самого себя. Эстетически это явление также имело последствия: вслед за крушением целостной картины мира неизбежно последовала фрагментация нарратива, дробление жанров, незавершенность сюжетов, вариативность образов. Признаки цельного «музыкального» человека отыскивались Блоком как в истории, так и в современности, как в поэзии, так и в публицистике. Показателен спектр характеров и личностей, к которым обращался он в статьях. «Соединить несоединимое», воссоздать живые портреты в «гармонии противоречий» помогают его статьи о Пушкине, А. Григорьеве, М. Бакуanine, Л. Рейснер и С. Городецком и др. Порой содержание блоковских характеристик кажется нелогичным, а черты и личные качества героев далеки от нравственных идеалов. Так, в статье «Михаил Александрович Бакунин» (1906) он так описывает заглавного персонажа: «Искать Бога и отрицать его; быть отчаянным нигилистом и верить в свою деятельность...; презирать все установившиеся порядки, начиная от государственного строя и общественных укладов и кончая крышей собственного жилища, пищей, одеждой, сном, – все это было для Бакунина не словом, а делом» [3, т. 7, 42]. Страстная включенность Бакунина и других блоковских героев в бурный поток жизни делает, по мнению поэта, несущественными противоречия их, порой абсурдных, поступков. «Синтетичность» блоковских персонажей проистекает от «вечно движущегося начала, лежащего в глубине их духа» [3, т. 7, 43]. Характерную для современников половинчатость «расколотых душ» блоковские избранники преодолевают особым восприятием и освоением мира. Так, Бакунин, по его мнению, «над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез, великолепный потому, что им он жил, мыслил, страдал, творил. Перед нами – новое море “тез” и “антитез” [3, т.7, 42]. Новый путь человечества, предлагаемый Блоком, предусматривает духовно-мистическую интеграцию человека в мировой универсум. Залогом ее поэт считал способность сознательно существовать в потоке «живой жизни». Так, на первом вечере Союза поэтов он сказал: «...не случайно, как раз в тот момент, когда мы начали организацию Союза, возвратились в Петербург исконные петербуржцы – Сергей Городецкий и Ларисса Рейснер... Мы давно их не слышали и не знаем еще, какие они теперь, но хотим верить, что они не бьются беспомощно на поверхности жизни, где

столько пестрого, бестолкового и темного, а что они прислушиваются к самому сердцу жизни, где бьется – пусть трудное, но стихийное, великое и живое, т.е., что они связаны с жизнью... <...> И, может быть, если бы все мы, с трепетом и верой в величие эпохи, приникли ближе к сердцу этой бурной стихии, осуществилось бы то, о чем думать сейчас трудно, и стихи бы стали стихийней, и союз наш стал бы не только профессиональным союзом, а союзом более реальным, глубоким» [1].

Блок применил идеи Гегеля как связующий инструмент между *casio* и рефлексивным ощущением реальности в ее социально-историческом и культурном аспектах. Так же, как гегелевскую диалектику – для осознания и выстраивания собственного творческого познания жизни в структурно-содержательном оформлении трех томов лирики, логику композиции которых можно рассмотреть в плане коммуникации как развернутый речевой акт.

В эпоху становящихся массовых обществ и господства индивидуализма, не подлинного возрожденческого индивидуализма, а вульгаризованного массой, вопрос об универсальном и имплицитно присущем эпохе единстве стоит для поэта на особом положении. По мнению Блока, «ответом на искания национальных, государственных и прочих единств, – служат революции» [2, т. VI, 106]. При этом автор напоминает о том, «что несет в себе и с собою всякая революция: волевой, музыкальный, синтетический ее порыв всегда оказывается неопределимым, не вводимым ни в какие русла» [2, т. VI, 106].

Для Блока и его «нового человека» этот путь был трансцендентным, в духе обновленного христианства. «Новый человек» проходит путь «вочеловечения»: «весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации. дух, душа и тело захвачены вихревым движением: в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, формируется новый человек: человек - животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в *артиста*, говоря языком Вагнера» [2, т. VI, 114].

В системе традиционного христианства эта внутренняя духовная движущая сила – «*virtualis*» – рассматривалась не как природное свойство человека, но как пребывающие в его душе Святой Дух либо Божественная сила. Начиная с эпохи Возрождения «*virtus*» перестает соотноситься с теозисом, Богопознанием, а сознается как путь самопознания и личностного раскрытия человека. «Позже в связи с этим возникло понятие “*virtuoso*” — виртуозность, как способность творческой реализации человеком своей “*virtue*”, близости к Богу» [3]. Блоковский «*virtus*» движим эстетически, человеком-артистом, в творчестве преобразующем мир и себя.

Современному человеку, говорит Блок, грозят два рода мести: месть стихийная, против которой бессилён прогресс, и месть земная, томящаяся в грядущем революционном сознании.

Блок видел неотвратимость революционной стихии и роль народа в ней. Он оказался близок к как идее «живой жизни», сформулированной русской художественной и критической мыслью. Символизм сделал прорыв в сторону читательского сотворчества, предлагая разворачивать смыслы в индивидуальном восприятии.

Сюжетопорождающая оппозиция «живой жизни» и «*casio*» в литературе начала XX века получила новые акценты. Рациональность включила в себя цивилизационные технократические черты. Например, рассказ И. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1915) – «...одно из самых мрачных произведений писателя, однако и в нем присутствует “радостный, прекрасный, солнечный” мир» [8]. Так же, как и Блок, уловив механизм взаимодействия этих сил, автор рассказа видел его лишь в одной оценочной плоскости, не разглядев в «живой жизни» неизменно присутствующие крайности: с одной стороны –

разрушительный извод,⁹⁵ «разнузданную человеческую сущность», с другой – возможность упорядочения хаоса. Вероятно, потому он резко не принял поэму «Двенадцать».

Понимание идеи «живой жизни» у Блока вмещало широкий диапазон и неоднозначную оценку ее полюсов. Так, пришедшее из «золотого века» чувство, «которое теперь уже на исходе, – чувство домашнего очага», грозило перерождением в «серую паучиху скуки» [2., т. V, 66, 67]. А столь устрашающий хаос мог рождать как новую гармонию, «неисчислимы́е духовные сокровища», т.е. культуру («Интеллигенция и Революция»), так и пошлую разнузданность. Вспомним строки Блока из письма 1918 года к художнику Ю. П. Анненкову, иллюстратору поэмы «Двенадцать». Желая приблизить рисунок к своему замыслу, он разъясняет художнику: «Катя – здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка: свежая, простая, добрая – здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется; Рот свежий, “масса зубов”, чувственный <...>. “Толстомордость” очень важна (здоровая и чистая, даже до детскости). Папироски лучше не надо (мож<ет> быть, она не курит)» [2, т. VIII, 514]. Этот автокомментарий поэта к образу свидетельствует о его стремлении балансировать на грани «свежести» жизни и пошлости массового человека.

Знаменательно, что формульные характеристики гармонии у Блока встречаем в статьях, где он рассуждает о гении Пушкина. Так, Блок ориентируется на Пушкина в определении «черни» и «простонародья», говоря, что «...никогда не заслужат от поэта дурного имени те, кто представляют из себя простой осколок стихии, те, кому нельзя и не дано понимать. Не называются чернью люди, похожие на землю, которую они пахнут, на клочок тумана, из которого они вышли, на зверя, за которым охотятся. Напротив, те, которые не желают понять, хотя им должно многое понять, ибо и они служат культуре, – те клеймятся позорной кличкой: *чернь*; от этой клички не спасает и смерть; кличка остается и после смерти...» [2, т. VI, 162].

Блок пристально вглядывался в русский литературный процесс, отыскивая в нем художников, способных к целостному отображению жизни и человека, которые «могли бы слышать “гад морских подводный ход и дольней лозы прозябанье”» [2, т. V, 488] и приходил к выводу, что подобное качество было утрачено, называя Аполлона Григорьева «единственным мостом, перекинутым к нам от Грибоедова и Пушкина: шатким, висящим над страшной пропастью интеллигентского безвременья, но единственным мостом» [3, т. V, 513-514].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Вступительное слово его на первом вечере Союза поэтов (копия А.А. Кублицкой-Пиоттух). 1920, 4 августа // Р.1, Оп. 3, Ед. хр. 98, Л. 6.
2. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В. Н. Орлова. М.; Л., 1960;
3. Гарин И. Что такое виртуальность? // <http://www.proza.ru/> Свидетельство о публикации № 212032700672
4. Долгополов Л. На рубеже двух эпох. Л., 1985.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // <http://tainoe.onas.info/index.php/books/106-nicshe02>.
6. Полетаев Е., Пунин Н. Против цивилизации. Пг., 1918.
7. Соловьев Вл. С. Россия и Вселенская церковь // <http://catholichurch.ru/index.php/files/download/61-соловьёв-в-россия-и-вселенская-церковь/>
8. Ясенский С. Ю. // http://hrono.ru/biograf/bio_b/bunin20vek.php

⁹⁵ Блок в названной статье исследует «случай» Достоевского, но и Л. Толстой также видел диалектику данной идеи, трансформировав образ любимой «живой» героини Наташи Ростовской в мятующийся образ Анны Карениной.

9. Pyman A. The life of Aleksandr Blok. Oxford: Oxford University Press, 1982. Vol. 2. P. 274.

А.А. Косицин

**ПАНК - ОПЕРА «КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ» ВИА «СЕКТОР ГАЗА»:
СТИХОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЭТИКИ**

*Косицин Андрей Александрович
кандидат филологических наук,
Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет)
г. Самара (Россия)
E-mail: kosandr@inbox.ru*

В статье рассмотрена метрическая схема стихотворного текста панк-оперы "Кашей Бессмертный". Сделан вывод о роли хорей в структуре целого художественного произведения

Ключевые слова: панк-опера, поэтика, рок-поэзия, метрическая схема

Статията се разглежда метрична схема на поетичния текст пънкопера „Кашей Бессмертный“. Направен е изводът за ролята на хорей в структурата на цяло художествено произведение.

Ключови думи: пънкопера, поетика, рок поезия, метрична схема

The article considers the metrical scheme of the poetic text punk opera "Kashchei Bessmertny". The conclusion about the role of chorea in the structure of a work of art.

Keywords: punk opera, poetics, rock poetry, metrical scheme

Исследование рок-поэзии сегодня в значительной мере предстает, по справедливому замечанию М. Осокина, «проблемой академической», в круг вопросов которой должно войти в том числе изучение такого феномена, как «Сектор Газа» [Осокин]. Однако литературоведение пока еще неохотно принимает во внимание подобные феномены, публикаций на эту тему выходит крайне мало и, пожалуй, кроме научных сборников, ежегодно выпускаемых на кафедре теории литературы Тверского государственного университета (начиная с 1998 г.), ныне трудно назвать какой-либо серьезный исследовательский проект в данной области.

Примечательно также и то, что в стороне от исследований остается сегодня и сам панк-рок, а все внимание, как правило, уделяется русской рок-поэзии (творчеству БГ, Майка Науменко, В. Цоя, А. Башлачева, Ю. Шевчука и др.). Тем не менее, в последние годы появились новые работы, касающиеся и панк-групп – об «Автоматических удовлетворителях» и Андрее Панове [Лётин; Новицкая], «Гражданской обороне» и Егоре Летове [Саломатин] и др.

В данной статье мы обратимся к панк-опере «Кашей Бессмертный» ВИА «Сектор Газа», ставшей знаковой для музыкального андеграунда 1990-х гг., и наметим основные проблемы поэтики этого произведения, прежде всего, как литературного сочинения.

«Сектор Газа» – известная советская и российская панк-рок-группа, существовавшая в 1987–2000 гг. Свое наименование она получила от местного «народного» самоназвания одного из районов Воронежа, где располагался рок-клуб, из которого и вышел первый состав музыкального коллектива. «Мы в этом клубе постоянно играли, а так как я жил там неподалёку в этом районе, группу я назвал также – “Сектор

Газа”», – вспоминал в одном из интервью Ю.Н. Клиских (Хой), основатель и бессменный лидер группы [Хрынов].

За тринадцать лет своего существования группа выпустила 13 студийных альбомов, создав 183 музыкальных композиции. В марте 1994 г. был записан уникальный альбом «Кашей Бессмертный» – панк-опера, ставшая одним из знаковых творений группы, ее своеобразной «визитной карточкой», положившей начало многочисленным подражаниям (см., например, сказки в неприличной трактовке панк-группы «Красная плесень»).

Панк-опера «Кашей Бессмертный», по сути, является вольной интерпретацией русской народной сказки об Иване Царевиче и Василисе Прекрасной и состоит из каверов песен различных поп- и рок-групп. В музыкальном оформлении сказочной истории слушателем угадываются хитовые мелодии таких известных групп, как «Red Hot Chili Peppers», «Ace of Base», «Anthrax», «Queen», «AC/DC», «Nirvana» и др. Лишь «Вторая ария Ивана» является в девятом альбоме собственной композицией и песней группы, все остальное – музыкальные и литературные переделки.

Эпиграфом к панк-опере служат строки из А.С. Пушкина: «Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой...». Строки эти представляют собой пушкинский перевод одной из «поэм Оссиана» английского писателя Дж. Макферсона: «A tale of the times of old!.. The deeds of days of other years!..». Любопытно, что пушкинская цитата, – дважды встречающаяся в панк-опере (в начале и конце), – отсылает нас к сказке «Руслан и Людмила», написанной четырехстопным ямбом, в то время как текст «от сказителя», исполняемый в промежутках между ариями, написан четырехстопным хореем («в рУсском цАрстве жИл-был цАрь, / прЕвелИкий гОсудАрь...»). Этот тип стихосложения был актуализирован А.С. Пушкиным в другой сказке – «Сказке о царе Салтане» (Ср.: «трИ девИцы под окнОм / прЯли пОздно вечеркОм...») – и весьма распространен в русской классике как «золотого века», причем – именно в пушкинскую эпоху, так и «серебряного века» (четырёхстопным хореем написана «Русская песня» («Соловей мой, соловей...») А. Дельвига, значительная часть стихотворений А. Пушкина, А. Апухтина, М. Лермонтова, В. Брюсова, А. Блока, К. Бальмонта, В. Ходасевича, Ф. Сологуба, А. Ахматовой, М. Цветаевой, И. Бунина и др.). Четырёхстопный хорей – один из самых узнаваемых стихотворных размеров еще и потому, что это размер частушечного стиха (стоит отметить, что цикл «Частушки», вошедший в 5-й альбом «Гуляй, мужик» (1992), написан четырехстопным хореем: «мИмо тЁщиного дОма / Я без шУток не хоЖУ...»).

В ариях использованы различные стихотворные размеры, в основном – дольник, смешение двусложных и трехсложных стоп. Связано это с тем, что в основу арий положены стихотворные тексты, созданные на готовые музыкальные рок-, поп- и рэп-композиции. Между тем, исключение здесь (но не в структуре целого) составляет как раз «Вторая ария Ивана», являющаяся оригинальной, где мы снова сталкиваемся с четырехстопным хореем. Это обстоятельство указывает на особые рамки художественного мышления, предзаданные автором произведения. Становится понятна и объяснима тяга автора к неподцензурной поэзии. В структуре целого метрической схемой, организующей повествование, является как раз стихотворный размер, свойственный частушке и пушкинской эпохе.

М.Л. Гаспаров, говоря о специфике четырехстопного хороя, отмечает его связь с песней: «она прослеживается в силлабо-тоническом хорее и его силлабических аналогах разных европейских языков и, по-видимому, объясняется тем, что песня для четкости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затакта, т. е. хорей, а не ямб» [Гаспаров, с. 6].

Таким образом, это значит, что любое обращение к четырехстопному хорю неминуемо вызывает в сознании автора определенный круг тематических и стилистических штампов. В данном случае – автор впадает в стихию народной низовой «частушечной» поэзии, а язык панк-оперы «Кашей Бессмертный» становится естественным отражением таковой стихии. Так что замечания критиков, что в данном

альбоме больше ненормативной лексики, чем в каком-либо другом альбоме группы, вполне обосновано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хоря // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. – С. 5–14.
2. Лётин Н.Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2011. – Вып. 12. – С. 195–203.
3. Хрынов А. «Мы динозавры, которые остались с тех времён!» [Интервью А. Хрынова с Ю. Клиньских на «Русском Радио» в Нижнем Новгороде (06.11.1998) // URL: http://sektorgaza.net/w0_p23n.htm (Проверено 30.03.2015)
4. Новицкая А.С. Концепт веселья в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2011. – Вып. 12. – С. 204–208.
5. Осокин М. Газовый фактор – II [О поэтике Юрия «Хоя» Клиньских] // URL: <http://www.sektorgaza.net/gazoviu-faktor.php> (Проверено 30.03.2015)
6. Саломатин А. Мысль, вооруженная рифмами: Русская рок-поэзия нулевых // Октябрь. – 2013. – № 8. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/8/10s-pr.html> (Проверено 30.03.2015).

Л.Э. Кузнецова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА XIX-XX ВЕКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

*Кузнецова Лилия Эдуардовна
аспирант,*

*Владимирский государственный университет,
г. Владимир (Россия)*

E-mail: lika.smidt@mail.ru

В статье рассматриваются особенности концепта "российский провинциальный город XIX - начала XX века" в русской художественной литературе и возможности его применения в исторических исследованиях.

Ключевые слова: *Российский провинциальный город, русская литература, повседневность.*

В тази статия се разглеждат особеностите на концепта „руски провинциален град на XIX - началото на XX век“ в руската литература и възможността да се прилага в историческите изследвания.

Ключови думи: *руски провинциален град, руска литература, всекидневен живот*

This article discusses the features of the concept of "Russian provincial town of XIX - early XX century" in Russian literature and its application in historical research.

Keywords: *Russian provincial town, Russian literature, everyday life.*

В ряде произведений русской литературы XIX и XX веков развитие сюжетного действия, помещено в некое социокультурное пространство именуемое «город N», которое, как правило, подразумевает традиционный российский провинциальный город с присущими ему характерными особенностями. Фактически этот образ можно рассматривать в качестве концепта «российский провинциальный город конца XIX - начала XX веков». Исследование феномена данного концепта, как «мысленного образования, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество

предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997, с. 269] представляет интерес как для историков так и для литературоведов. Подобные собирательные образы содержат в себе множество мелких, но ярких, деталей и важных подробностей повседневной жизни провинциальных горожан, которые позволяют передать особую атмосферу их быта, колорит и неповторимость определённого времени и пространства в истории.

Концепт «русский провинциальный город конца XIX - начала XX веков» был создан в литературе для вызывания эмоционального впечатления о том пространстве, которое само является условием для функционирования изображаемого общества и развития темы. А для исторической науки такое пристальное рассмотрение повседневного быта провинции интересно для выявления наиболее значимых политических, экономических, культурных, социальных черт, выделяемых у городов рассматриваемого периода.

Литература и история имеют один общий объект исследования - человеческое общество, поэтому вполне естественно, что ими могут использоваться они и те же источники, но для достижения разных целей.

«В русской культуре городу отведено особое место. Реальные и вымышленные города не раз становились местом действия, художественным пространством и системой символов в произведениях русской литературы и публицистики» [Сайко 2004, с.38]. Наиболее острые, яркие образы провинциальных городов были представлены М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, А.П. Чеховым, А.И. Куприным, И.С. Шмелёвым, Л.Н. Андреевым и многими другими авторами. Но не меньший интерес представляют и работы провинциальных писателей и журналистов, изнутри дополнявших образ точными штрихами.

В качестве примера, можно привести фрагмент личных записей владимирского журналиста, писателя и библиографа С.А. Смирнова, в котором он описывает свои впечатления от посещения в 1860 году Переславля-Залесского уездного города Владимирской губернии.

«В будни так тихо, в нашем городке, как будто и в живых никого нет, и особенно днями. Загляни на базар и там ни души, разве только приказчики в лавках забавляются игрой в шашки и изредка чуть раздастся какой-нибудь глухой звук. – Тихо везде... Так тянется почти целая неделя, только в базарный день всё оживляется, крестьяне соседних привозят к нам «жизнь», тут и мы оживаем наконец, суедемся, движемся к рынку, покупаем всё на неделю, чтобы опять мирно, тихо прожить до следующего базарного дня. Нечего делать и полиции, тут ей и работа представляется, мало ли пьяных бывает, мужик работает неделю, и, попавши в город, понятно, желает хватить от трудов праведных, полиция за этим и следит и нарушителей общественной тишины отправляет в кутузку. Хоть этим и разнообразна жизнь полиции, а то ведь надоест целую неделю сидеть, например, в гостях у каких-нибудь портных, как это в моде у одного из надзирателей. Но уж видно так суждено ему; он даже не осмеливается нарушить это привычное {правило} и тогда, когда требуется его присутствие по делам службы. Говорю это на основании следующего: один чиновник, Лебедев вздумал стрелять на городском валу, и это пришлось как раз против этого дома, где дневная резиденция квартального. С этого наблюдательного пункта он и добыл все данные для протокола. Конечно хорошо, что он тут сидел, как будто в засаде, и невидимо наблюдал, но нечасто против этой резиденции могут быть случаи, требующие присутствия надзирателя. Полицейских у нас очень мало, и только, в аккурат, один из них дежурит у места участия. Не мешало бы внимательнее относиться к своей должности, хоть по общему правилу в Переславле всё обстоит благополучно, но нет правил без исключений. Преследование нарушителей общественной тишины – не есть единственное, в чём должна проявляться деятельность нашей полиции.

Указать хотя бы на то, что ночная стража хоть и введена у нас, но только введена, а исполняется как? Пока никто ещё не спит, то постучат во что-нибудь и по домам.

Полиция не контролирует эту обязанность жителей. У нас в городе полно людей, которые «во тьме ночной» любят обдирать тёмные делишки. Потом вследствие бездействия полиции начинают действовать те, для кого - полиция пугало. Так в подгорных кабаках, нередко, бывают драки, а иногда с большими увечьями. А в одно утро староста С. замывал кровавые пятна с церковной лестницы» [ГАВО, Ф.622, оп.1, д.9].

Нужно отметить, что это описание полностью соответствует тому концепту «провинциальный город», который был создан и разработан в прозе Н.В. Гоголя. «Семиотика провинциального города наделяется следующими чертами: отсутствием движения времени, которое будто остановилось, дикостью нравов и анекдотичностью событий, сознанием ущербности, уязвимости уездной жизни. Гоголь создает обобщенную картину мира, странность, алогизм, которой символизируют не отсутствие нормы вообще, а именно уездное сознание, облик уездного города» [Белова 2012, с. 90-91].

Но нужно отметить, что к концу XIX - началу XX веков у подобного иронически-негативного концепта в литературе появляются оппоненты, которые рассматривали провинцию, как колыбель исконной национальной традиции и противопоставляли её искусственно европеизированной столице, которая утратила истинно русские культурные и духовные ценности. Одним из представителей таких взглядов был В.Г. Короленко, он писал «Жизнь повсюду... Но... есть одна черта существенного отличия: то, что в столицах является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью, - здесь мы видим в лицах, осязаем, чувствуем, воспринимаем на себе. Поэтому поневоле то самое, что в столице является борьбой идей, - здесь принимает форму реальной борьбы живых лиц и явлений...» [Короленко 1939, с. 34].

«Весомый вклад в подобное понимание «деревни» внесла эстетика декабризма, рассматривающая жизнь «вдали от шумных городов» как более нравственную в сравнении со светской суетой столичного существования» [Белова 2012, с. 90].

Таким образом, мы видим, что в литературе было изображено множество провинциальных городов с разными смысловыми нагрузками и каждый автор, описывая свой «город N» выражал собственное к нему отношение. Из этого множества и формировался концепт «российский провинциальный город конца XIX начала - XX века». Если рассматривать его как один из видов исторического источника, то задачей историка является выявить и отделить от художественного вымысла наиболее характерные особенности русской действительности, и определить те из них, которые намеренно преувеличивались в художественной литературе, изображались нарочито, гротескно как наиболее острые, проблемные симптомы времени.

Саму важность как литературного, так и исторического исследования феномена города точно определил Ю.М. Лотман: «город, как и культура – механизм, противостоящий времени <...>, потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность соплагаться с настоящим как бы синхронно» [Лотман 2000, с. 453].

** Статья подготовлена при поддержке Гос. задания № 2013/15*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность: антология. – М., 1997.
2. Белова Н. А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. — 2012. — В. 1 (24).
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.622, оп.1. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.
4. Короленко В.Г. Памяти А.С.Гациского П А.С.Гациский. Горький, 1939.

5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.
6. Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века М., Изд-во РАГС, 2004.
7. Эртнер Е.А. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX - начала XX века. Тюмень., Изд-во ТюмГУ, 2005.

П.Р. Легурска

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ, СОПОСТАВЛЕНИИ И ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ

Легурска, Палмира Радославова

доктор, доцент,

Институт болгарского языка им. Проф. Л. Андрейчина Болгарской академии наук,

г. София (Болгария)

E-mail: palmiralegurska@abv.bg

В статията се обсъжда взаимодействието между лингвокултурологията и контрастивната лингвистика от гледна точка на предмета им. Обръща се внимание на факта, че при обсъждането на едни и същи лингвистични данни в един език или в съпоставка може да се направят различни изводи, понякога дори и противоположни.

Ключови думи: *лингвистичен анализ, съпоставителен анализ, етнолингвистика, лингвокултурология*

В статъе обсъждається взаимодействие лингвокултурологии и контрастивной лингвистики с точки зрения предмета данных подходов. Примечателен тот факт, что при обсуждении одних и тех же лингвистических данных в языке или при сопоставлении двух и более языков можно сделать разные выводы, подчас прямо противоположные.

Ключевые слова: *лингвистический анализ, сопоставительный анализ, этнолингвистика, лингвокултурология*

The article discusses the interaction between the linguistic cultural studies and the contrastive linguistics from the point of view of the object of their research. It is interesting that the same linguistic data in a given language or when comparing languages can bring to different conclusions, sometimes opposite.

Key words: *linguistic analysis, contrastive analysis, ethnolinguistics, linguistic cultural studies*

В мировой науке и практике изучение национально-культурной специфики языковой картины мира считается ведущей темой исследования. Этим она связывается с общей тенденцией частных наук ставить культуру в центр своих научных построений, связанных тем или иным образом с изучением человека.

А.А. Залевская, цитируя мнение М.М. Копиленко [Копиленко, 1995; цит. по: Залевская 2005], указывает на то, что в области гуманитарных исследований существует целая палитра новых наук, одной из которых является этнолингвистика. По мнению автора, предмет этнолингвистики часто сворачивается до изучения так называемой культурной лексики и фразеологии, посредством которых этнос ярко выражает себя. На самом деле «он включает все то, в чем находит отражение идиоэтничность..., в том числе народный менталитет».

Следует отметить, что к рассмотрению национально-культурной специфики тех или иных фрагментов языковой картины исследователи подходят с разных позиций.

Некоторые берут отправным пунктом язык, анализируют факты межъязыковых сходств и различий в аспекте языковой системности и говорят о языковой картине мира. Для других отправным пунктом является культура, языковое сознание членов данной лингвокультурной общности, и таким образом в центре внимания оказывается образ мира [Залевская 2005].

Часто принципиальные различия этих двух подходов остаются неотмеченными, или же декларируемое анализаторами изучение образа мира на самом деле подменяется описанием языковой картины мира с позиций языковой системности.

В.Н. Телия подчеркивает, что предметом лингвокультурологии является изучение и описание культурной семантики языковых знаков (как номинативный инвентарь и как тексты) в их живом, синхронном и действующем употреблении, отображающее национальнокультурную ментальность носителей языка [Телия 1999, 14; цит. по Залевская 2005].

Подобный аспект может остаться на уровне декларации, если исследователь замыкается в рамки лингвистики или даже этнолингвистики: поставленные В.Н. Телией задачи требуют комплексного подхода к исследуемым фактам с позиций семиотики, лингвистики, психолингвистики, психологии, социологии, культурологии и т.д. с применением специально разработанных методов. Все же, ближе всего к этому подходу находится этнолингвистика.

Е.Ф. Тарасов со своей стороны отмечает, что главной причиной недоразумений в ходе межкультурного общения выступают не различия языков, а различия в национальном сознании собеседников [Тарасов 1996, 1998; цит. по Залевская 2005].

С точки зрения когнитологии как науки о системной репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам, напрашивается вывод о том, что содержание ментальности находится в когнитивной сфере и определяется прежде всего знаниями, которыми владеет данная общность [Пищальникова 2000, цит. по Залевская 2005]. При изучении национальной ментальности объектом анализа выступает язык как универсальное средство хранения, формирования и представления знаний разных уровней, так как нет другого способа раскрытия содержания психических процессов.

В лингвистической науке можно выявить несколько этапов развития, причем каждый последующий этап в какой-то мере перекрывает предшествующий.

Конец XX-го века ознаменован возвращением антропологических идей в лингвистику или, иначе говоря, обращением к идеям В. Гумбольдта о сущности языка и культуры. Гумбольдт допускал, что язык своими корнями и фибрами сплетен с национальным духом и связан с умственным развитием человечества. Тем самым он на практике положил начало рассмотрения всех гуманитарных наук в их точке пересечения с языком. Сюда относятся история, литература, этнография, искусствоведение, этика, социология, психология, биология, демография, т.е. все науки, связанные с человеком [Гумбольдт 1859, 40]. Это, со своей стороны, приводит к смещению предмета анализа лингвистики и методов научного анализа. Это в полной мере относится к сопоставительному языкознанию. Сопоставительное языкознание – относительно точная наука, связанная с изучением сходств и различий языков в сравнительно-историческом, ареальном, типологическом и контрастивном плане. Теперь оно приобрело новые ракурсы развития в аспектах культурологии и лингвокультурологии.

Одним из ключевых понятий в этой области считается национальный менталитет и его выражение языковыми средствами [Легурска 2000, с. 3]. Национальный менталитет – предмет внимания и других наук, как социология, этнопсихология, теория коммуникаций. Существовавшая в эпоху структурализма идея строгости исследования постепенно начала терять свою привлекательность. На смену ей стали появляться разные интерпретации, которые обладают в разной степени чертами научности. Под научностью подразумевается тот факт, что результаты любой интерпретации должны быть воспроизводимы при

условии применения тех же методов анализа [Фрумкина 1999, с. 9, цит. по Легурска 2000, с. 3].

Изучение национального менталитета предполагает сопоставительное изучение языковых фактов разных уровней с точки зрения носителей данных языков. Подробный обзор достижений в данной области можно найти у О.А.Корнилова [Корнилов 2003]. Здесь же я ограничусь некоторыми исследованиями в данной области, которые я считаю эмблематическими.

Анна Вежбицкая посвятила несколько работ специфическим национальным концептам. В работе данного автора [Вежбицка 1992] делается разбор русских слов **душа** и **судьба**, извлекаются специфики языковых средств, наблюдаемых в языковом материале, выводятся черты русского национального характера. Полученные интерпретации противопоставляются англосаксонским представлениям о **душе** и **судьбе**.

М.К.Голованивская выводит черты русского и французского менталитетов на основе языковых данных [Голованивская 1997]. Выводимые черты национального менталитета устанавливаются в результате анализа определенных групп языковых фактов в сопоставляемых языках, причем исследователь оценивает их с точки зрения антиномий, например семантические оппозиции «активность – пассивность», «ответственность – безответственность», «корыстность – бескорыстность», «социализация – стихийность» [Голованивска 1997]. С моей точки зрения эти антиномии относятся к разным уровням абстракции и кажутся произвольными, они вряд ли годятся для последовательного сопоставительно-семантического анализа. Вероятно, можно вывести и другие оппозиции, адекватные другим лингвистическим объектам.

Выводы и предположения о русском менталитете содержатся и в работе чешского русиста Зд. Трестеровой [Трестерова 1999].

В отношении болгарского языка кажутся перспективными теоретические исследования национального менталитета в сборнике под редакцией Стефаны Димитровой «Язык и менталитет» [Димитрова 2004, Карагезова 2004, Стаменов 2004, Алмалех 2004]. В резюме, идеи автора сводятся к тому, что черты национального менталитета, передаваемые языковыми средствами, связаны с неартикулированными знаниями говорящего обо всем окружающем. Они представляют собой второй семантический план, понимаемый как интерпретация восприятия текста на разных уровнях: лексические единицы, выражения разной степени экспрессивности, дискурсивные слова, элементы языковой демагогии, неадекватное оперирование интенцией говорящего [Димитрова 2004: 18-20]. Отдельные аспекты болгарского национального менталитета рассмотрены в работах Н. Павловой, М. Китановой, М. Витановой, К. Мичевой, Й. Кириловой, И. Панчева, А. Лазаровой, Б. Янева и других, опубликованных на страницах журналов „Български език“, „Българска реч“ и „Известия на Института за български език“⁹⁶, в других болгарских и иностранных сборниках. Как видно из этого перечня, черты национального менталитета можно обнаружить в образных и номинативных метафорах, в переносных значениях лексических единиц в целом, при сопоставительном анализе семантических констант, при изучении более крупных единиц – устойчивых и прецедентных текстов и пр.

Отдельной областью исследования выступают сопоставительные анализы двух и более языков, с точки зрения как контрастивной лингвистики, так и сопоставительно-типологического языкознания. Таким образом из языкового материала можно вывести черты болгарского и русского менталитетов [Легурска 2000, 2011] и далее подвергнуть соответствующие выводы более широкой интерпретации.

⁹⁶ Български език, 2009, 2; 2010, 4; 2013, 1 и 2; 2013, 1, 2014, 1 и 3 пр. ; Българска реч от 1995 до 2015, в котором поддерживается рубрика „этнолингвистика“; Известия на ИБЕ 2014 и др.

В подтверждение сказанного можно привести следующий пример. На базе сопоставления образных метафор в русском и болгарском языках можно сделать допущения, относящиеся к национальному менталитету носителей языка [Легурска 2000, с. 4-5]. Допущения основываются на аксиоме о том, что существуют вещные коннотации [Успенский 1979], национально-специфические по своему характеру, посредством которых можно заглянуть в языковое сознание и в приистекающие из него утверждения о менталитете носителей языка.

Если оттолкнуться от постулируемых Дж. Лейкофом и М. Джонсоном идеализированных когнитивных схем личностных качеств, отраженных в языковых фактах соответствующей лингвокультуры, можно утверждать, что образы мужчины и женщины в болгарском, русском и английском относятся к разным оценочным спектрам

М. Пенчева [Пенчева 1997, с. 245] обрисовывает следующую картину женских интеллектуальных характеристик в английских зооморфных метафорах:

1. 'легкомысленная, глуповатая' **hen, bird** (а.); **патка, пуйка, кокошка** (б.);
2. 'болтливая, досадная' **hen** (а.); **кокошка** (б.);
3. 'глупая, тупая' **cow** (а.); **патка, пуйка, гьска** (б.).

Сопоставляя английские и болгарские образные метафоры, Р. Ишпекова [Ишпекова 1995, с. 98-99] подтверждает, что мужские и женские стереотипы отличаются: мужчины связываются с силой, смелостью, борьбой, неподчинением, реализмом, разумом (метафоры – б. **вълк, лъв, бик, куче, кон**), а у женщин находят такие качества, как эмоциональность, субъективизм, слабость, робость, ограниченность (метафоры – б. **пиле, патка, гьска, мишка, пеперуда, сьрна, коза**). Этими метафорами формируются шкалы соответствующих психологических стереотипов. Иными словами, женщина как правило связывается с домашним пространством и домашними животными. Они полезные, но глупые. Мужчина связывается с пространством вне дома и обитающими в нем животными, носителями качеств «власть» и «сила». Когнитивные образы мужчины и женщины в европейском пространстве считаются универсальными: мужчина – универсально положительный и ценный, женщина – универсально отрицательная и поэтому малоценная. Это соотношение считается константным и несвязанным с когнитивным развитием и с культурной спецификой соответствующих носителей языка.

Но в анализах других авторов крайности этих допущений не подтверждаются. Так, Г.Н. Складаревская утверждает, что в русском языке значение 'глупый, умственно ограниченный человек' передается образными метафорами, связанными главным образом с животными мужского пола [Складаревская 1993]. Если сравнить синонимические цепочки, означающие 'глупый человек' в русском и болгарском языках [Легурска 1993, Легурска 2009], то видно, что в болгарском названия женских животных встречаются в большей мере, чем в русском. Этот факт дает возможность сформулировать допущение о том, что в русской культуре, в отличие от английской и болгарской, стереотип глупости не связывается с женскостью. Можно допустить, что стереотипы полов в русской культуре отличаются от соответствующих стереотипов в болгарской и английской. Такое допущение нуждается в дополнительных исследованиях и подсчетах, на основании которых можно атаковать представление об исключительности мужского авторитета по сравнению с женским [Легурска 2000: 5]. Далее можно утверждать, что патриархальная культурная модель подлежит обновлению и реинтерпретации. Языковым свидетельством этого выступают традиционные инвективы, выражаемые зооморфизмами.

В качестве примера лингвокультурологической интерпретации можно привести лингвистическую интерпретацию полей агентивности и каузации как средств концептуализации внешнего мира человека [Златанов, Легурска 1998; Легурска 2000]. Сопоставительный анализ лексико-синтаксических элементов, выражающих одушевленность и агентивность в русском и болгарском языках показал, что противопоставление лиц и предметов в этих близкородственных языках сильно различается. В болгарском, в отличие от русского, категория

одушевленности/неодушевленности морфологическими средствами не выражается. Это влечет за собой дальнейшие последствия. Имена предметов в болгарском формально наделяются признаком агентивности и способны замещать позицию подлежащего. Таким образом, русский и болгарский различаются уже «духом» грамматики. Для болгарского текста характерно употребление грамматических метафор, в то время как в русском, как правило, такие обороты избегаются. Эта особенность ярко проявляется в переводах с болгарского на русский, когда метафорические конструкции переносятся в русский текст, например: (б.) *«Тази статия разглежда въпроса за...»* - (р.) *«Эта статья рассматривает вопрос...»* вместо нормативного *«В этой статье рассматривается вопрос ...»*⁹⁷

Если в оценке грамматики обратиться к антиномии «активность – пассивность», то можно сказать, что болгарский относится к группе языков, несущих компонент «активность». В русском же этот компонент в ряде случаев теряется. Вероятно, именно это имеет в виду А. Вежбицкая, говоря об активном и пассивном духе грамматики (Вежбицкая 1992).

Подобным образом можно интерпретировать в лингвокультурном аспекте употребление уменьшительных предметных имен в русском и болгарском языках. В русском уменьшительные имена употребляются в разнообразнейших функциях: просто уменьшительной, ласкательной, эмоционально-оценочной, экспрессивно-оценочной, экспрессивно-стилистической, особенно для создания близости и непосредственности. По наблюдениям И. Васевой [Васева 1975, с. 281, цит. по Легурска 2000, с. 7] и по данным переводов с русского, в болгарском уменьшительные употребляются вдвое меньше. Частотность употребления уменьшительных в русском приводит к тому, что они чаще становятся номинативными единицами в образно-метафорической и номинативно-метафорической функциях. Подобные допущения были высказаны в работах [Легурска, Златанов 1985; Легурска, Бечева 2000].

Как указывает А.Д. Шмелев, на базе семантического анализа единиц данного языка можно делать выводы, помогающие понять и соответствующую культуру [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 5000]. Необходимо, однако, соблюдать одно условие: чтобы анализ был корректным. *Но парадокс состоит в том, что на одном и том же материале, на базе одних и тех же данных о частотности употребления единиц в данном языке можно сделать разные выводы, часто даже несовместимые или противоположные. Так, анализ в цитируемой монографии Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. «Ключевые идеи русской картины мира» отличается коренным образом от выводов А. Вежбицкой.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмалех, М. Внушения за цвят в Петокнижието и национален манталитет. — Език и манталитет, Военно издателство, София, 2004. С. 141 -250.
2. Васева Васева, И. Перевод русских уменьшительных на болгарский язык. — Годишник на СУ. Факултет по славянски филологии. Т. 58, 1. С. 210 – 299.
3. Вежбицка: Wierzbicka, A.. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configurations. New York: Oxford University Press. 1992.
4. Витанова, М. Портретът на българина в устойчивите сравнения. — Български език, 2011, 4. С. 36-45
5. Головановска, М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. Москва, Диалог МГУ. 1997.
6. Гумбольдт, В. фон. О различении организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Спб, 1859.

⁹⁷ Пример из работы Златанов, Легурска 1998: 7.

7. Димитрова, Ст. Език и манталитет (Към въпроса за методологията на изследването). — Език и манталитет. София, Военно издателство. 2004. С. 9 – 44.
8. Димитрова, Алмалех, Стаменов, Карагъзова 2004: Димитрова, Ст., Алмалех, М., Стаменов, М., Карагъзова, Сн. Език и манталитет, Военно издателство, София, 2004. 250 с.
9. Залевская 2005: Залевская, А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию. — Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. Москва, 2005, 204-214. электронный адрес: www.iling-ran.ru/library/psylingva/sbornik/Book2000/html-204/1-5/htm
10. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской картины мира. Сб. Статей. Москва, Языки славянской культуры. 2005, 540 с.
11. Златанов, Легурска 1998: Златанов, И., П. Легурска. Душа камня или некоторые лексико-синтаксические аспекты категории одушевленности в русском языке в сопоставлении с болгарским. — Чуждоезиково обучение, 1997, 5-6. С. 6-14.
12. Карагезова 2004: Карагъзова, Хр. Эмоции и манталитет (върху материал от български и полски фразеологизми за емоции). — Език и манталитет. Военно издателство, София, 2004. С. 45 – 72.
13. Кирилова 2009: Кирилова, Й. Концептът „ум” в българската езикова картина на света. — Български език, 2009, 2. С. 67 – 77.
14. Китанова 2009: Концептът „жена” в българските и руските пословици и поговорки. — Български език, 2009, 2. С.55 – 66.
15. Копиленко 1995: Копыленко, М.М. Основы этнолингвистики. Алматы. Евразия, 1995.
16. Корнилов 2003: Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2, М ЧеР, 2003, 347 с.
17. Крумова-Цветкова 2009: Крумова-Цветкова, Л. Културната памет в благословиите и клетвите. — Български език, 2009, 2. С.12 – 25.
18. Лазарова 2014: Лазарова, А. Само ние ли говорим на *бе*. За семантиката и функциите на някои частици в балканските езици. — Български език, 2014, 3. С. 90 – 101.
19. Легурска, Златанов 1985: Легурска, П., И. Златанов, Номинативна метафора (върху материал от славянските езици). — Съпоставително езикознание, 1985, N5. С. 12-26.
20. Легурска 1993: Легурска, П. Семантични процеси с редовна проява. — Съпоставително езикознание. 1993, 1. С.18-24.
21. Легурска 2000: Легурска, П. Изучаване на националния манталитет върху езиков материал (опит за разширяване на предмета на съпоставителното езикознание).— Чуждоезиково обучение, 3. С. 3 - 8.
22. Легурска, Бечева 2000: Легурска, П., Н. Бечева. Проблеми на семантиката на диминутивите в руския, сръбския и българския език и представянето ѝ в двуезичен речник (върху материал от тематичната група названия за части на тялото). — Зборник Матице српске за филологију и лингвистику (в чест на П. Ивич, Београд). Јужнословенски филолог, LVI/ 1-2, Београд, 2000. С. 577-578.
23. Легурска 2009: Съпоставително-типологичен анализ на вторичната номинация на предметните имена в български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език. Рукопись. НАЦИД, София, 2009, 156 с.
24. Легурска 2011: Легурска, П. Съпоставителни лексикални анализи и основа за съпоставка. София. Издателство „Ето”, 226 с.
25. Мичева 2013: Мичева, К. Сблъсък на чистотата и нечистотата в българската култура и език. София, Издателство „Валентин Траянов”, 2013. 311 с.
26. Павлова 2009: Павлова, Н. Съдбата в провербиалния фрагмент на българския език. — Българска реч, 2009, 1 -2. С. 58-70.
27. Панчев 2013: Панчев, И. Съпоставителната лингвокултурология: някои проблеми и постижения. — Български език, 2013, 1.С. 48-55.

28. Стаменов 2004: Стаменов, М. Съдбата на турските заемки в българския език като отражение на някои характерни черти на националния менталитет. — Език и менталитет, Военно издателство, София. С. 73 – 140.
29. Пищальникова 2000: Пищальникова, В.А. Национална специфика картини мира и ее репрезентация в языке. — Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. Москва, 2000. С.189-190.
30. Тарасов 1996: Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания. — Этнокультурная специфика языкового сознания. Москва, 1996. С.7-22.
31. Тарасов 1998: Тарасов, Е.Ф. К построению теории межкультурного общения. — Языковое сознание: формирование и функционирование. Москва, 1998. С.30-34.
32. Телия 1999: Телия, В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии/. — Филология и культура: Материалы II-й междунар. конф. В 3 ч. Тамбов, 1999. Ч.3. С.14-15.
33. Фрумкина 1999: Фрумкина, Р.М.. Культурная семантика в ракурсе эпистемологии. — Известия АН РАН. Серия литературы и языка, 1999, т.58, 1. С. 3-10.
34. Трестерова 1999: Трестерова, З.Д. Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в русском языке. — Русский язык в национальной школе, 1999, 4. С. 86 – 88.
35. Янев 2013: Янев, Б. За образните сравнения в българския и английския език, разкриващи физическото състояние и динамичните качества на човека. — Български език, 2013, 1. С. 93 – 106.

В.С. Манчев

ИСПОЛЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Манчев Владимир Симеонович
доктор,

Софийски университет имени Святого Климента Охридского,
г. София (България)

E-mail: v.manchev@abv.bg

Стремительное развитие информационных технологий, несомненно, влияет на все сферы развития образовательного процесса. Прежде всего, следует отметить изучение и обучение иностранным языкам. Выявлен богатый источник ресурсов обучения языку, а именно Интернет как источник информации и развития знаний по русскому языку.

Ключевые слова: Интернет ресурсы, русский язык, обучение языку, информационные технологии.

Стремительното развитие на информационните технологии, влияе на всички области на развитието на образователния процес като такъв. Преди всичко трябва да посочим изучаването и обучението по чужди езици. Изведен е богат източник на ресурси за обучението по език, а именно Интернетът като източник на информация и развитие на знанията по руски език.

Ключови думи: Интернет ресурси, руски език, чуждоезиково обучение, информационни технологии.

The rapid development of information technologies influences undoubtedly all development spheres of the educational process. First of all, it should be mentioned the study

and teaching of foreign languages. There is revealed a rich source of language learning resources, namely the Internet as a source of information and knowledge development in Russian language.

Keywords: *Internet resources, Russian language, language training, information technologies.*

Влияние стремительно развивающихся информационных технологий и Интернета на область гуманитарных знаний столь велико, что не учитывать его просто невозможно. Широкое применение компьютеров и иных средств электронной техники, а также поистине колоссальных ресурсов Всемирной сети, облегчает работу не только инженерно-технических работников, но и всех тех, кто так или иначе связан с гуманитаристикой. Сейчас уже трудно представить себе Интернет без страниц, посвященных литературе, истории, психологии, языкам, электронным словарям и справочникам.

Развитие современных информационных технологий дает возможность эффективно использовать их в учебном процессе. Широкий спектр электронных средств обучения: электронные учебники, обучающие или тестовые программы, электронные библиотеки, веб-сайты и др., позволяет сделать работу преподавателя более плодотворной, а обучение более интересным.

Следует отметить, что для повседневной практической деятельности преподавателя большое значение имеет адаптация учебного материала к конкретным условиям обучения, потребностям и способностям обучающихся. Так, например, при работе со студентами педагогических специальностей “дошкольная педагогика с русским языком” и “начальная школьная педагогика с русским языком” целесообразно было бы использовать ресурсы, посвященные работе с детьми. В качестве примера можно привести такие странички, как:

<http://www.portaldetstva.ru> – развлекательный ресурс для детей и родителей, включающий в себя сказки, стихи, раскраски, считалочки, игры и конкурсы, а также интернет-магазин товаров для раннего развития ребенка и детского творчества;

<http://www.teremoc.ru> – ресурс, содержащий детские игры и упражнения, позволяющие развить у ребенка логическое мышление, память, наблюдательность, помогающие выучить буквы и цифры. На данной страничке представлены загадки, ребусы, оригами, уроки рисования и др., а также мультфильмы, комиксы. Есть и музыкальная страничка, психологические тесты для родителей, галерея детских рисунков.

<http://www.gorodfm.ru/index.phtml?div=212> – сайт с детскими сказками “О главном” в исполнении лучших театральных актеров. Архив, где для каждой сказки есть текстовый анонс и файл в mp3 (слушать или скачать), детские иллюстрации.

<http://detkam.myl.ru> – на этой страничке предоставляется возможность скачать обучающие программы, развивающие игры и книги, детские мультфильмы и фильмы, музыку, раскраски, сказки, а также разместить фото своего ребенка, обменяться опытом с другими родителями.

<http://okulina.ucoz.ru> – содержит новые песни для детей в форматах MP3, rar, MIDI, ноты и слова к песням, предусматривает свободное распространение без нарушения авторских прав.

Не стоит забывать и о разного рода тестах, широко используемых в педагогике. Их диапазон чрезвычайно широк и дает преподавателю возможность как предлагать своим студентам разнообразные виды и варианты (в зависимости от конкретной ситуации), так и использовать готовые тесты в качестве образца для составления своих собственных. Например, на основе приводимого ниже теста, в котором опрашиваемого просят определить слово, выпадающее из данного списка:

Крошка

Кровля

Кровать

Крокет

Каракатица

В данном тесте, рассчитанном на нестандартность мышления, может подразумеваться несколько вариантов ответа:

а) лишним является слово, относящееся к животному миру (в нашем случае – ***каракатица*** (лат. *Sepiida*; болг. *сепия*));

б) лишним является слово, принадлежащее к мужскому роду – существительное ***крокет*** (игра);

в) лишним является слово ***каракатица***, т.к. в нем нет ни одной буквы “о”. Слово ***каракатица*** можно исключить из списка также потому, что в нем наблюдается полногласие (что особенно четко заметно на фоне остальных лексем).

Поскольку все приведенные выше ответы правильны, и в силу своей нестандартности, они должны расцениваться очень высоко (ибо свидетельствуют об оригинальности личности тестируемого), проверяющий их преподаватель должен обладать большим опытом и вниманием для того, чтобы определить ребенка с нестандартным мышлением. Компьютер же, благодаря специальной программе, просто “отсеивает” нестандартно мыслящих учащихся.

Конечно же, помимо знакомства с разного рода страничками во Всемирной паутине, посвященным работе с детьми и тестов, студентам можно предложить и такую оригинальную форму обучения русскому языку, как головоломки и ребусы. Здесь следует отметить упомянутый выше сайт <http://www.teremoc.ru> а также <http://vremyazabav.ru> – содержащий как интересные ребусы-пословицы, ребусы, в которых зашифрованы слова, связанные с предметом “русский язык”, так и правила их разгадывания. Страничка vremyazabav.ru интересна не только богатым и разнообразным материалом, помогающим в изучении русского языка, но и своей наглядностью и простотой работы с ней.

Следовало бы обратить внимание студентов и на то, что при работе с детьми нельзя обойтись без русских народных сказок – сокровищницы народной мудрости и ценного источника информации о быте, обычаях, традициях, психологии русского народа. В этом нам помогут странички <http://hyaenidae.narod.ru/story1/>, <http://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm>, <http://www.planetaskazok.ru/rusnarskz> и др.

Разумеется, ресурсы всемирной паутины можно использовать и для работы со студентами других специальностей. Так, например, при проведении упражнений по дисциплине “Общая теория перевода” автор данной статьи обращается к страничкам <http://www.gramota.ru>, <http://morfema.ru>, <http://russianword.ru>, <http://translation-blog.ru>, <http://www.subguru.ru> и многим другим, ибо перечень страничек Интернета, которые могут быть полезны на занятиях по данной дисциплине весьма велик. Это объясняется большим жанровым разнообразием текстов, с которыми приходится работать: от научных и официально-деловых (<http://www.bddo.ru>; <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf/kartaflat/03.05>; <http://my-dogovor.ru>;) до поэтических (<http://translation-blog.ru/pojezii>).

Нельзя не упомянуть и о таких ценных ресурсах Интернета, как электронные словари и справочники. Достаточно назвать хотя бы такие из них, как <http://www.slovopedia.com>; <http://dic.academic.ru>; <http://lingvo.yandex.ru>; <http://mirslovarei.com>. Для интересующихся историей языка безусловно будут полезны электронные варианты словаря В.И. Даля: <http://www.slovardalja.net>, а также словаря Макса Фасмера <http://vasmer.narod.ru/>.

Большую помощь в работе со студентами специальности “Русская филология” по дисциплине “Перевод деловых текстов” оказывают такие интернет-ресурсы, как <http://pmxp.com> и <http://www.vse-blanki.ru> (образцы российских справок, бланков и заявлений); <http://law-enc.net> (словарь юридических терминов); <http://www.sokr.ru/> (полный словарь сокращений, акронимов и сложносоставных слов русского языка); <http://www.businessvoc.ru> (бизнес-словарь).

Наконец (но не в последнюю очередь) следует отметить и такой полезный и необходимый ресурс Интернета, как электронная почта, дающая возможность переписываться со сверстниками, носителями языка и изучающими данный язык как иностранный в других странах, а также скайп, позволяющий участвовать в текстовых и голосовых чатах.

В связи с возросшим влиянием информационных технологий на область гуманитарных знаний, становится чрезвычайно актуальным вопрос компьютерной грамотности и навыков работы с Интернетом. В наше время разница между программистом высокого уровня и начинающим пользователем поистине огромна. Конечно, нецелесообразно предъявлять к гуманитариям те же требования, что и к программисту, однако преподаватель-лингвист уже не может эффективно работать без определенного уровня владения компьютером. С другой стороны, налицо высокий уровень компьютерной грамотности многих учащихся и весьма активное использование ими возможностей, предоставляемых Всемирной паутиной, а также новыми компьютерными программами. Неудивительно поэтому, что многие традиционные задания для самостоятельной или домашней работы утрачивают свой смысл из-за наличия автоматической проверки грамматики и синтаксиса, готовых курсовых и дипломных работ, шаблонов деловых писем и др. При всем этом, однако, следует уточнить, что далеко не все проверяющие программы идеальны, а в необъятной кладовой Интернета достаточно часто встречаются неточные, грамматически и стилистически невыдержанные (а подчас и вовсе безграмотные) тексты, неполная, некорректная, или преднамеренно искаженная информация. Все это, разумеется, пагубно влияет на грамотность учащихся. Такое положение вещей заставляет преподавателей искать новые формы работы, а все более широкое использование при обучении компьютеров и ресурсов Интернета повышает требования к качеству материала и ставит перед педагогом новые методические задачи.

Подводя итоги можно сказать, что использование информационных технологий позволяет преподавателю наглядно представлять учебный материал, исследовать более широкий спектр проблем, чем с использованием традиционных методов, улучшать восприятие информации учащимися за счет более интегрированного подхода к представлению фактов. Безусловно, компьютер и Интернет являются хорошими и теперь уже поистине незаменимыми помощниками преподавателя, открывающими перед ним новые, ранее неизвестные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://vio.uchim.info/Vio_53/cd_site/articles/art_1_5.htm
2. <http://planeta.tspu.ru/?ur=810&ur1=863&ur2=867>
3. <http://natali-matematika.blogspot.it/2010/06/blog-post.html>
4. <http://www.galau.com/ruengl/kovalenko1.html>

А.С. Методиева

ДИГИТАЛИЗАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДНОЙ ЖЕНСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЪЛГАРИИ

*Атанаска Симеонова Методиева
Югозападен университет „Неофит Рилски”,
Болгария
E-mail: atanaskametodieva@gmail.com*

Целью настоящего научного сообщения является представить проект „Женские голоса в переводной женской литературе до Второй мировой войны” и авторы

женщины, которые входят в состав электронной библиотеки (в основном в секторе русская литература). Представленные авторы способствуют реальной критической оценки согласно переводческим потребностям в Болгарии в начале века, а также и реальное качество переведенного текста. Одна из задач, которые ставят перед собой текст, - осмыслить понятие „канон женской переводной литературы” в Болгарии.

Ключевые слова: переводная литература, авторы-женщины, русская литература.

Научното съобщение има за цел да представи проекта „Женски гласове в преводната женска литература до Втората световна война” и авторите жени, които влизат в състава на електронната библиотека (главно в сектора руска литература). Представените автори помагат за реална критическа оценка относно преводаческите потребности в България в началото на века, както и реалното качество на преведения текст. Една от задачите, които си поставя текстът, е да осмисли понятието „канон на женската преводна литература” в България.

Ключови думи: преводна литература, автори-жени, руска литература.

The aim of this scientific report is to present the project "Women's voices in translated women's literature before the World War II" and the authoresses which names are among the electronic libraries (mainly in the sector of Russian literature). The presented authoresses contribute to the real critical assessment in accordance with translation needs in Bulgaria at the beginning of the century, as well as to the real quality of the translated text. One of the tasks set by the text is to make sense of the concept "the canon of translated women's literature" in Bulgaria.

Keywords: translated literature, authoresses, Russian literature.

През ноември 2011 година бях включена в университетския проект „Женски гласове в преводната женска литература до Втората световна война” [<http://jenskiglasove.swu.bg>]. Целта на настоящия проект е изследване на проблем, останал досега извън обсега на научните търсения у нас – за рецепцията на чужда литература, писана, преведена и/ли анализирана от жени.

Проучването се фокусира върху женските изяви на литературното поприще до Втората световна война. Амбицията на научния екип е да изследва нагласите и стереотипите в българската рецептивна среда по въпросите на женското писане. Изследват се различните възможни женски роли в процеса на реципирането на чужди литературни творби. Предлага се нов аспект в изследването на рецепцията – проучване върху ролята на жената-преводач като посредник в литературната комуникация. Предвижда се да бъде направен обзор на критическите текстове, писани от жени върху преводни творби, като се анализират и обобщят констатираните традиционни и новаторски проявления на женския почерк. Изследването обхваща и проблема за женските образи в преводната литература.

Проектът осигурява необходимата база за съпоставка между женските проявления в родната литература и в преводната чужда литература в рамките на изследвания период.

Задачата на настоящия текст, обаче не е да представи същността на проекта, а част от наблюденията ми върху тенденциите в преводната женска литература на периода. Всъщност обработката на множество библиография подчини следния въпрос: какво всъщност не е преведено от ценния канон на руските писателки до Втората световна война. Неслученият канон, използвам термина на проф. Милена Кирова, в женската преводна литература – води до невъзможността тези книги да се дигитализират и в известен смисъл да бъдат полезни за студенти и млади учени.

Първите преводи на женски руски автори се появяват спорадично в периодиката – „Вестник за жената” (1922 г. стихотворения на М. Цветаева с преводач Е. Багряна), „Пулс” (1966 „Опит за ревност” от Л. Прангов и Григор Ленков). Още преди Първата

световна война част от творчеството на Ахматова става достъпно за българския читател, благодарение на преводите в списание „Вестник за жената” и литературния очерк, който К. Константинов ѝ посвещава [1922, бр. 51]. През 1922 г. излиза и първата стихосбирка на Ахматова „Броеници” в превод на С. Караиванов. Въпреки несъвършеността си книгата засилва преводния процес не само като явление в периодиката, но и в самостоятелни издания в българските издателства и печатници – „Библиотека юноши; „Земеделско знаме”; „Редакция „Мозайка от знаменити съвременни романи” – основана от София Д. Юркова; „Издателство Любен Велчев – София”; „Редакция „Звезда”; „Посредник”; „Ив. Коюмджиев, 1940 (София : Доверие)”; „Т. Ф. Чипев, (1934) и т.н. Първата книга, която успява да включи в електронната библиотека на проекта „Женски гласове” е именно „Броеници” на Ахматова от 1922 г.

Изброихме всичките тези издателско-библиографски данни, защото те поддържат преводната женска литература до Втората световна война. В библиотеката включих заглавия от Лидия Чарска („По неволя апаш” 1924), Вера Крижановска („Когато любовта заговори” 1934), Екатерина Сисоева („Повест из древния римски и гръцки живот” 1923), Олга Рунова („Човекът от Луната” 1940), Лидия Сейфулина („Виринея” 1930 и „Ана Николаевна” 1940). През 30-те години спира печатенето на стихове на Ахматова в българската периодика. Често критиката обяснява това явление с факта, че литературното присъствие на поетесата „заглъхва в руската литература” [Метева 2001: 265]. Въпреки политическите промени в страната ни – Ахматова продължава да се превежда от родните преводачи, а през 1974 излиза „Ана Ахматова. Избрана лирика” с преводач Иван Николов. Цялостно издание в превод на български език на Анна Баркова (поетесата, която принадлежи към неслучения канон) във фонда на НБКМ няма. Бих се радвала на контра статия отговор, която да ме зарадва. Но не го очаквам.

В есето си „Собствена стая” Вирджиния Улф много точно поставя въпроса за „липсващата женска традиция” [Личева 2005:498], който е от особена важност, защото поставянето му акцентира върху симетрията на писането – в нашия случай разликата с британското мислене е не във въпроса защо жените пишат толкова малко, а защо литературните изследователи с добрите си, амбициозни често, изследвания не ги причисляват към литературноисторическия канон. От друга страна, издателската серия в социален план представлява синтез (компромис) между интересите на създателя (автора) и издателя – след което спонтанно се появява читателят и събирателят (на малотиражни издания, машинописи, даже ръкописи) [Дубин 2001:51]. Не е без значение фигурата на издателя, защото той придава на авторския оригинал качество и мярка в обществото и предоставя текста на обществените, интелектуални групи (литературни критици и рецензенти). Отклонението ни позволява да завършим с надежда – в цялата тази издателска верига и средства (тираж, цена, образ на книгите) трябва да се появи значимият трети – една фигура, която е на границата – в полето на експертната група, там трябва да се съобрази с редиците на литературния канон, без да го оспори категорично, а само с основания, а извън нея – там в качеството на вече преживяното минало - да осмисли неслучените присъствия с прочита си, дори с коментара си.

Анна Баркова е „скрито” литературно предизвикателство, което, надявам се, ще изкуши повече читатели. Самата тя като автор „охотник” не е безразлична към посланието, което вече е отправила в бъдещето, подлежащо на изследване от същите „авторитети”: „В поучение людям и себе./ Написать десятки диссертаций/ О моей заглухнувшей судьбе. [Баркова 1992: 45] (В наставление на хората и себе си,/ Пишат се десетки дисертации/ За моята заглухнала съдба). Въпреки силните си послания отсъства от канона на преводната руската литература в България (говоря за преводи след 1992, защото тогава са направени архиви на поетесата в Русия), а пък съвременното ни литературознание рядко се изкушава от посланията ѝ – в този ред на мисли не визирам само отсъствието на метатекстове в специализираната периодика, но и липсата им в програмите на специализираните русистични конференции. Ситуацията в Русия не е по-

различна, мястото на Анна Баркова в канона е проблематично. В статията „Фанатик скептицизма“ [«Новый Мир» 1994, №8] Алена Злобина умело търси оправдание за твърде неизвестното име на Анна Баркова сред редицата известни творци от Сребърния век: „Увы, сколь многое зависит от таких ничтожных причин, как, например, нерасторопность издателей: если бы ее книги появились на заре туманной гласности, их наверное встретила бы слава, тем более громкая, что прозорливость писательницы кажется иногда сродни прозрению.“ [Злобина 1994].

Оказа се, че проблемните зони, върху които ще се съсредоточим, са няколко. Именно литературните изследователи като лице и духовен стимул на обществото подбират текстовете, които са достойни и ценни да влязат в канона на литературата (Компаньон). Често този отговорен избор не е право на читателя (защото той се дистанцира в самодостатъчния процес на четенето, освен в редките случаи на участието му в публични дискусии и изяви), а е решение на авторитетите – професори, издатели, но главно на преводачите, които правят книгата достъпна и ценна за родния книжен пазар.

Анна Баркова започва да публикува още в първите години след Октомврийската революция в Русия и завършва живота си през 1976 година. В „Енциклопедия на руската литература през XX век“ (Казак 1996) на Волфганк Казак е визирана като представител *на руското лагерно поколение* – сред имена като Валентин Соколов, Варлам Шаламов, Александър Солженицин, Николай Литвин, Юрий Домбровский, Евгения Гинзбург, Ольга Адамова-Слиозберг. При работата върху този текст използвах руското избрано издание на Ивановския Държавен университет от 1992 година „Избранное из Гулаковского архива“ – една от първите официални книги на Баркова, излезли на пазара след промените в Русия. Надявам се настоящият творчески портрет да провокира някои от заклетите, както и младите ни преводачи на руска литература и Анна Баркова да бъде една от добре и достатъчно преведаните руски писателки на XX век в България.

От една страна, мястото ѝ в канона на руската литература на XX век трябва да бъде съобразено с факта, че тя повече от 20 години прекарва в зоната на ГУЛАГ, от друга, около Баркова се нареждат обстоятелства, които я отдалечават от поетиката на лагерното поколение. Александър Солженицин издига „памятник неръкотворен“ на милионите невинно загинали от ръцете на идеологизирани фанатици и палачи на ниски чела.“ [Солженицин 2008: 11]. Баркова посвещава поезията и прозата си на московската немилост, в която изпада цялото поколение творци, оставено без правото да публикува, развенчавайки култа към богочовеците на властта, възприети като врагове на обществото, поколение, което завършва живота си в комунални квартири и „спецпсих“ болници. Поетическият стил формира от лагерния им опит. Литературата предава идеологическа информация, но и естетически модел от усложненото социално обвързване – носители са на художествена ангажираност, произведенията запознават читателя със социални, икономически и политически ситуации на времето [Реис 2004]. Първата издадена стихосбирка на Баркова е още преди ареста ѝ, за разлика от съвременничката Евгения Гинзбург, която не може да публикува в родината си и чиято първа публикация е в Милано - издателство «Мандадори», 1967 год. Лагерните ужаси, които описва Евгения Гинзбург в „Крутой маршрут“ в творчеството на Баркова не се превръщат в екзистенциална тема. Това е основната тематична разлика, която отдалечава поетесата от лагерната поетика и я прибрилажава по-скоро до авангарда от началото на века. Посланията ѝ надминават проблемите на лагерния бит и се съсредоточават върху *историческия човек*.

Обществената позиция, която Анна заема като секретар на Луначарски не провокира симпатии към властта и терора на идеологията, напротив – години преди първия си арест предусеща, че Революцията няма да оправдае очакванията на интелигенцията – израз на това дава в единствения си сборник и пиеса (които са излезли

от печат) „Женщина” (1922) и „Настасья Костер” (1933), както и в по-късната си повест 1954 г. – „Как делається Луна”, която принадлежи към жанра на литературния мемоар, свидетелство за политическия живот в Кремъл.

Въпреки дръзкия литературен език на Баркова именно А. Луначарски предприема инициатива стихосбирката да бъде издадена, с предговор, който той пише, давайки изключителни надежди на младата поетеса, с желанието да се присъедини към поколението на пролеткултовците. Кореспонденцията на поетесата с Наркома по просвещението е достъпна на широк кръг читатели, благодарение на *Институт мировой литературы имени А. М. Горького*, обработена по повод 50 години от свъртта на литературния критик. Кореспонденцията е ценна, защото предлага непознат модел на взаимоотношенията между Баркова и Луначарски. В писмата отношението на Наркома към поетесата е ласкателно, единствената му препоръка е насочена към това Баркова да придобие поетическо самочувствие и да оцени написаните до момента стихове. Луначарски признава, че възприема Баркова не само като силна поетеса, дори я сравнява с поетическото майсторство на Ана Ахматова. Лагерната участ на поетесата е предзададена: „Вы – человек очень сильный, по моему, с превосходной внутренней закваской. Всюду, где проявляется непосредственно Ваша натура, она очаровательна своей стихийностью, дерзостью.” [Известия Академии Наук СССР].

С какво всъщност Баркова е оригинална спрямо поетическия контекст на века? Още преди тя да се появи в периодиката жените творци рязко, скандално и дръзко изработват „модела жена” [Кирова 2009] в канона на поетическия век, давайки начало и на самите течения. Интересна е поетическата близост на Баркова с творец като Елена Гуро, макар че умира твърде рано - през 1913. Макар „търпелива, любяща всички и всичко, спояваща с присъствието си разнородните таланти на събратята си футуристи” [Панайотова 2010: 216] двайсетина години преди името на Анна Баркова да се появи на литературната сцена Елена Гуро разпространява първата си книга „Латерна” по затвори и болници, защото е насочена към хора, чиято чувствена сфера е грубо и насилствено оголена от съдбата и хората [Бирюков 2006: 95]. Основното сходство в поетическата съдба между двете се крие в литературноисторическия факт, че след 20 – те години книгите на Гуро не се печатат, а името ѝ чак до 80-те е известно на тесен кръг ценители. Елена Гуро пише естетически фрагменти, много различни от утилитарната поетика на Леф, не страни от звукоподражанието, от психологизацията, съвместява женски имена и странни звуци, техники, които Баркова използва в стиховете си от 1931: „Б-б-бу-бу-бу./ Я уже давно в бреду,/ И все еще /чего-то жду/ У-у-у!” [Баркова 1992]. Чрез техниката на звукоподражанието се отказва от „литературата на факта” [Брик 1927], без желание да разформира себе си и да отговори на нуждите на Революцията. Литературният език на Баркова не излиза извън естетическото, преживява пространството като действително, изобразява епохата чувствено, не я описва с подражателни опити за прозаизация на стиха. Един от мотивите, които се срещат в творчеството на двете поетеси е традицията на народното християнство, която следват и в лириката, и прозата си. Обръщат се към посланията на Новия завет, с прекълкуване на Евангелието от гледна точка на някои апокрифни влияния [Панайотова 2010: 217]. Ако за Гуро Христос е сред хората, то Баркова възприема страданието на тълпата като изкупител на човешката вина: „Погибали мы за явный вздор.” [Баркова 1992: 32]. Не можем категорично да разпознаем поетесите в естетиката на футуризма или експресионизма. Поетиката им е на границата на старото и новото изкуство – на 10-те – 20-те години, когато под класически авангард се разбира съвкупността от разнородни художествени направления и школи, зародени в лоното на класическия модернизъм и манифестиращи бунтарската си съпротива [Панайотова 2010: 15]. Женската традиция влияе и на мъжката, често я формира. Две години след стихотворението на Баркова – през 1930 г. Георгий Иванов пише „Хорошо, что нет Царя” с усещането за вихъра на епохата, за човека, останал без опори. Поетесата предрича със стиха „Нет ни бога, ни черта отныне...Мертвым смехом библейских времен” [Баркова

1992: 27] посланието, което „човека-атом“ ще реализира като „световен рекорд по самота“. Хипотетичните библейски времена от стихотворението на Баркова кореспондират с огрубения мотив за изгубената надежда и любов („Песен на песните“) от „Распад атома“ на Иванов [Панайотова 1995: 9].

Малко след излизането на първата поетическа книга на Баркова през 1923 г. се появява литературният конструктивизъм и ЛЕФ (ляв фронт на изкуството). Творците конструктивисти Алексей Чичерин, Константин Зелински, Иля Селнивски, Б. Агапов, Вера Ибнер, Едуард Багрицки имат сходни интереси с ЛЕФ – чрез творчеството си уловят духа на съвремието и да правят творчеството действено и функционално в изменените социални условия [Панайотова 2010: 102]. Анна Баркова лишава творчеството от утилитарни цели и социални поръчки „Класс – нас, „Советы“ – без просвета - / Сама собой чертит рука. / И трудно, например, поэтам / Избегнуть: кулака – ЦК.“ [Баркова 1992: 29]. В „Рифмы“ в тесния смисъл на думата анагард метафориката на Баркова е още по-рязка, на преден план е изведен стремежът към коренното разчупване на обикновената художествена практика на социалистическата литература: „Печален, идеален, спален - / Мусолил всяк до/ тошноты./ Тепер мы звучной рифмой/ Сталин/ Заждем критические рты [Баркова 1992:11] (Печален, идеален, спален - /Наплюнчил всеки до отвращение./ Сега ние звучно римуваме/ Сталин / Докато държим критичните си усти.).

В контрастна борба между Доброто и Злото – даваща рефлекс в непрекъснатата смяна на двете начала в социалните условия на Държавата, Баркова реализира *Пророчеството* на XX лагерен век пряко чрез някои от мотивите си: „Об опасной гибельной свободе...Расстреляют нас, контрабандистов.“ [Баркова 1992: 23] (За опасността на гибелната свобода...Разстрелват нас, контрабандистите. В стиховете от 1923 година назовава имена на големи държавни фигури като носители на безкористен интерес – „Ленин и Эйнштейн“ и изобщо не изпитва страх от влиянието на предчувстваната лагерната събда [Баркова 1992: 25]. Напротив – предизвиква я. Две години по-рано в литературна анкета заявява, че най-добрата творческа обстановка е атмосферата на каторга. Разбира се, Анна Баркова никога не осмисля себе си като невинна жертва на системата – съзнава своите послания и силата, с която ще заеме място в лагерното поколение творци. Както твърди Елена Михайлик в своята статия „В контексте литературы и истории“ авторите от лагерното поколение предвиждат, пишейки творбите си, че голяма част от читателите ще възприемат тяхното творчество като литературно свидетелство и източник на знания. И всичко това влияе на художествения смисъл на произведението. Прави го по-диалогично. Лагерното поколение уважава читателя си. В „Женщина“ Баркова осмисля целия XX век като престъпен спрямо човечеството (както заради идеологията, така и заради технизацията и циментовия век), скоро разбира, че е попаднала в опасно русло на живота – извън художествената условност на тетрадката и през 1954 ще го изрази в неповторимата си поема „Первая и вторая. Поэма о двух арестантках“, в която разкрива типажите в женската каторга и силата на женското приятелство, изразено с похвата на огрубения език и фрагментарността на стиха, късите и незавършени изречения.

Поетесата да се настройва негативно към властта още при пристигането ѝ в Москва през 1921 година: „Вот я иду от Ярославского вокзала до Мясницкой. Грохот трамвая, сиротливост. Одиночество и страх... Дом с вывеской МПК – старый, кажется, ампиный – порождает особую тоску и ощущение безвыходности, бюрократической силы и равнодушия нового государства.“ [Баркова 1992: 8] (Ето аз идвам от Ярославската гара до Мясницка. Тътнежът на трамвая, самотност. Самота и страх. Дом с надпис МПК – стар, да кажем – ампирен, поражда особена тъга и чувство на безнадежно излизане, с бюрократична сила и равнодушие на новата държава.). Своята преданост към века на авангарда изрязява в отказа да се нареди в социалистическата поезия, както в поетически смисъл, така и като лично отношение, което демонстрира в поведението си на различни административни събрания: „С ВАППом правоверным не дружу“ [Баркова 1992: 9].

Баркова се отрича от патоса на Революцията, предчувства предстоящата гулаковска съдба: „Уходят люди без вопросов” [Баркова 1992: 33]. С поетическо дръзновение посвещава стихотворението „Рифмы” на Сталин, през 1931 година. Три години след това е първият арест на поетесата. При ареста ѝ са намерени ръкописи, за които в деня на следствието са ѝ зададени множество въпроси. В своите показания Баркова сама определя намерените стихотворения като контрареволуционни. С ирония се отнася към живота в кремълската квартира на Луначарски. Звучите на чуждите, плебейски гласове, особената тъга и усещане за бездиханност често прераства в окончателно разочарование от Октомврийската революция, отправено към държавните деятели: „Мой неразумный брат,/ Сегодня вожд любимый ты,/ А завтра ренегат [Баркова 1992:32]. (Мой неразумен брат, / Днес вожд любими ти,/ А утре ренегат.).

И след социалната слабост, в която изпада след първата реабилитация не става вярна на социалистическия реализъм. Целият ѝ период на престой в Калуг, както показват материалите от второто следствено дело, е време на непрекъснато четене на художествена и историческа литература, западна и руска класика, литературни списания, мемоари, бюлетини на Московската епархия, материали за преминалия в това време Нюрнбергски процес. В това време замисля исторически роман в макиавеловски дух, но поредният арест спира идеята за голямата форма на романа.

В поетическото си битие разработва „свободен от конфликти модел на обществото, със своите парадокси, напрежения и амбивалентности изцяло откъсва реципиента от ледената скованост на лагерната действителност и въвлича в автономността на поетическото битие [Игълтън 2006:66]: „Я только очень хитра,/ Когда умоляю: спаси! [Баркова 1992:25] (Аз съм само много хитра,/ Когато се моля: спасете ме.). Провижда, че *мъжките* изречения не са подходящи за *женска* употреба: „Я родилась слишком гибкой,/ Глаза мои солнцем выжжены./ Пантерой /назвать – ошибка,/ Но тигрицей – с глазами рыжими [Баркова 1992:24]. Аз се родиж прекалено гъвкав,/Очите ми изгарят от слънцето,/Да ми кажете /пантера – грешка,/ Но тигрица – с червеникави очи.). Смелостта на адрогинното писане предава хармонията на мъжкото и женското начало - едновременно и без затруднение създава традиция без подражание. Показателно в това отношение е стихотворението „Смотрим взглядом недвижимым и мертвым” от 1928 г., с което перифразира истината, че не „всички книги, написани в емиграция, са се превърнали в прах” [Панайотова 1995:5]. Лагерните ръкописи на Баркова не остават в забвение на чекмеджето, благодарение на нейните приятели Л. М. Садиг и З. Г. Степанцев, които през 1976 година правят Московски архив на поетесата.

Проблематичен е въпросът за състоянието на канона на женската преводна руска литература в България и как Анна Баркова се вписва в него (второто ще е повече задача за вписване в канона). Ще стане ли интересна Баркова на българския преводач?

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова, Анна. Избранное из Гулаковского архива. Иваново, 1992.
2. Бирюков, Сергей. Авангард – модули и векторы. М. 2006.
3. Брик, О. Ближе к факту// Новый лэф, 1927, № 2. Също и в: Советская литература <<http://www.ruthenia.ru/sovlit/jour>> (15.08.2012).
4. Дубин, Борис. Слово-письмо-литература. Новое литературное обозрение, Москва, 2001.
5. Злобина, Алена. Фанатик скептицизма.// Новый Мир, 1994, №8. <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/knoboz01.html> (09. 08. 2012).
6. Игълтън, Тери. Увод в литературната теория. АГАТА-А, София, 2006.
7. Известия Академии Наук СССР 1959: Неизвестные письма А. В. Луначарского, 1959, том XVIII, <<http://feb-web.ru/feb/izvest/1959/03/593-253.htm>>, (16.08.2012).
8. Казак, Волфганг. Энциклопедия на руската литература през XX век. Университетско издателство „Св. Климент Охридски”, София, 1996.

- 9 Кирова, Милена. Жените и канонът: мярката, която не е една. Електронно списание LiterNet, 29.07.2009, № 7 (116), <<http://liternet.bg/publish2/mkirova/zhenite.htm>> (15.08.2012).
- 10 Компаньон, Антуан. Демон теории. Литература и здравый смысл. <<http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html>>, (09. 08. 2012).
- 11 Личева, Амелия. Феминизъм.// Теория на литературата. София, 2005.
- 12 Метева, Евдокия. А. А. Ахматова.// Преводна рецепция на европейските литератури в България (т.2). Академично издателство „Проф. Марин дринов”, София, 2001.
- 13 Панайотова, Магдалена. Между играта и откровението / Прозата на Георгий Иванов. Издателство Светра, 1995.
- 14 Панайотова, Магдалена. Руският поетически авангард през XX век: теория и практика. Благоевград, 2010.
- 15 Реис, Карлос. Идеология и литературна репрезентация. Електронно издателство LiterNet, 30.11.2004, <http://liternet.bg/publish12/k_reis/ideologia.htm>, (17.08.2012).
- 16 Издателска къща Солженицин, А. Дясната китка „Христо Ботев, София, 2008.

И.Г. Пендикова

ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В РУССКОМ НАРОДНОМ СОЗНАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУЕВЕРНЫХ РАССКАЗОВ О ДЕТЯХ, ПРОКЛЯТЫХ РОДИТЕЛЯМИ)

Пендикова Ирина Геннадьевна
кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
 E-mail: megavia@mail.ru

Народные суеверные рассказы о детях, проклятых родителями иллюстрируют факт того, что народное сознание интерпретировало и разрешало ситуацию конфликта между родителями и детьми на основе следования нравственным заповедям христианства, которые воспринимались как единственное и безотказное средство в борьбе с нечистой силой, непременно появляющейся там, где возникают конфликты.

Ключевые слова: *былички, народное сознание, отцы и дети*

Суеверните фолклорни истории за деца, проклети от родителите илюстрират факта, че народното съзнание е интерпретирало и разрешавало ситуацията за конфликта между родителите и децата, чрез следване на нравствените заповеди на християнството, които се възприемат като единствен и безотказен начин за борба срещу злите сили, които задължително се появяват там, където възникват конфликти.

Ключови думи: *истински истории, популярна съзнание, бащи и деца*

Superstitious folk stories about children, parents cursed illustrate the fact that the popular mind to interpret and handle situations of conflict between parents and children on the basis of following the moral precepts of Christianity, which is perceived as the only and failsafe way to fight against evil forces , certainly appears where there conflicts.

Keywords: *true stories, popular consciousness, fathers and children*

Материалы несказочной народной прозы, так называемых быличек и бывальщин, открывают нам богатый мир верований и представлений, господствовавших в народном сознании на протяжении многих веков. Утвердившаяся вера во всемогущество

христианского Бога совмещалась в нем с не утраченным еще убеждением в достаточно ощутимом воздействии на человека персонажей древней языческой мифологии и демонологии. Согласно новому пониманию, они стали трактоваться как враждебные истинному Богу и, следовательно, человеку, и что особенно знаменательно, как не способные противостоять христианскому Богу и человеку, следующему христианскому вероучению.

Народные суеверные рассказы не только транслируют древние, языческие по своему происхождению, верования русского народа. Унаследованные от язычества представления не мешали их носителям считать себя христианами и быть таковыми в действительности. Произведения народной прозы утверждают гуманистические основы христианского вероучения. Нравственные ценности, аккумулированные христианством, были близки и понятны народному сознанию, несмотря на сохранявшиеся элементы языческого мировосприятия. Возможно, именно поэтому эта проза и ныне обладает огромной силой психологического воздействия, поскольку и современное сознание несет в себе черты и языческого прошлого, и многовековой христианской культуры.

Народные суеверные рассказы о детях, проклятых родителями, предоставляют нам замечательный материал, иллюстрирующий факт того, как народное сознание, вооруженное христианским вероучением, интерпретировало и разрешало широко распространенную и известную с древности ситуацию конфликта между родителями и детьми. Если для первобытного сознания универсальным решением подобных ситуаций было, как правило, приношение даров, то для русского православного сознания очевидным в подобных случаях является следование нравственным заповедям христианства, которые воспринимаются как единственное и безотказное средство в борьбе с нечистой силой, непременно появляющейся там, где возникают конфликты.

Согласно народным представлениям проклятыми могли стать люди самого разного возраста - от детей до мужчин и женщин «средственных» лет, но в подавляющем большинстве случаев - это «все молодежь одна да мелюзга». Например, раскричится или разбалует ребенок, надоеет матери. Та с досады и скажет ребенку: «О, чтоб черти тебя взяли!», или: «Отвяжись ты, проклятый!», или что-то другое, в этом роде. По народным представлениям, если мать скажет такое «не в час», да если не случится на ребенке об эту пору креста, то черти в тот же миг подхватят ребенка и утащат его к себе. Проклятые не растут и не стареют - в каком возрасте застанет их проклятие, в таком возрасте и остаются они на всю жизнь - до второго пришествия, до страшного суда.

Герой одной из быличек «загулялся в разных веселых домах» так, что задолжал много денег. Зная, что мать денег не даст, он отдал под заклад всю одежду, которая на нем была и вернулся домой в одной рубашке. Мать «вскинулась на меня, стала бранить и бить». «С пьяных глаз» толкнул он матушку в грудь, чего та не стерпела и тут же прокляла его. Немедленно сын ее был подцеплен и увлечен дьяволами в их «сонмище». Мы узнаем об этом из уст самого проклятого героя былички, который пытается объяснить свое поведение тем, что воспитывался он одной матерью, без отца, державшей его в строгости, да не воздержавшей. «Чего в ком не положено, в того не положишь» - тексты быличек изобилуют подобными афористическими высказываниями народного языка.

Очень интересен тот факт, что народ, по-видимому, весьма диалектично понимал для себя проблему взаимоотношения родителей с детьми. Мы нигде не встречаемся с прямым осуждением действий ни родителей, ни детей. Но так или иначе, сюжетная ситуация быличек в итоге выправляется в пользу проклятых детей. По-видимому, представление о том, что не бывает трудных детей, а есть только трудные родители не являлось откровением для народной мудрости в течение предшествующих столетий. Тексты быличек достаточно отстраненно от резкой критики, или выраженного сочувствия, на конкретных примерах показывают, к каким печальным последствиям приводит родительская невоздержанность и сыновья непочтительность.

Согласно быличкам, гроб с телом проклятого, сколько его не хорони, не уходит под землю, а произнесший проклятье не может умереть. В быличке «Проклятье» старуха, проклявшая сына, сделалась старая-престарая - «никто уж ее не стал помнить». И только когда, наконец, смирилось ее сердце, и она благословила сына, гроб его приняла земля, а старуха умерла.

В быличке «Мать простила проклятого сына» «костяк», т.е. скелет, проклятого когда-то человека обречен в полуночную пору вылезать из подполья и пожирать свежих покойников. По сюжету после очередной подобной вылазки он бросается в ноги к некоему Ивану и просит его сходить в его родную деревню, к его матушке - ветхой старушонке, которой уже более ста и семидесяти годов (за проклятье сына Господь «не брал у нее души со белых грудей») и просить ее о прощении некогда проклятого сына. Только со священником удалось Ивану уговорить старуху простить и благословить сына - тут и его приняла земля, и старуха смогла, наконец, умереть и обрести покой.

О том, какое высокое место в системе ценностных представлений русского народа занимало христианское прощение, свидетельствует также быличка «Убийца родителей», в которой мы встречаемся с банальной житейской ситуацией: сын любит ходить по «вечеревкам», а родителям это не нравится, они бранят сына. Сын, по-видимому, в приступе гнева, который, впрочем, не описывается и не упоминается, убивает родителей, но мысль о покаянии не дает ему житья. Сначала он ищет покаяния у духовного отца, который отвечает ему, что не знает прощения такому греху, и отправляет его к святому старцу. Один святой старец отправляет его к другому, но прощение греха убийства родителей неподвластно святым старцам. Однако в намоленной келье второго старца происходит следующее. Убийца встал на то место в келье перед образами, где молился старец, и «Господь с небеси опустил и стал перед икону прямо к образам, спиной к иконе». Выслушав рассказ о прегрешении убийцы, Господь приказал ангелам тут же доставить в келью души убиенных отца и матери этого молодого человека. Сын при Господе стал просить у них прощения за то, что совершил. Души же родителей ответили ему: «Мы молоды были, хотелось нам пожить. Не простим грехов». Тут в разговор вмешался Господь, повелев душам убиенных родителей отлететь туда, где они и были - в ад. Интересно, что согласно воззрениям православной церкви, широко укорененным в народном сознании, души невинно убиенных попадают в рай, а души этих родителей находились в аду. Из этого можно сделать вывод, что народное сознание в создавшейся ситуации конфликта между родителями и почти взрослым уже сыном все-таки склонно было приписать вину именно родителям, иначе бы они находились не в аду, а в раю, как невинно убиенные. В данной быличке ситуация разрешилась следующим образом: услышав о том, что их отправляют обратно в ад, родители кающегося сына решили простить его, лишь бы избавиться «того места». Прощением сына они получили избавление от вечных мук. Они простили сына, а «Господь им простил».

Особый пласт составляют былички о проклятых дочерях, получивших этот статус еще во младенчестве - тех, кого нечаянным словом прокляли раздраженные детским криком матери. Проклятые таким образом младенцы женского пола становились шутовками - существами в облике девушки или молодой женщины, которые могли «прикачнуться» к какому-нибудь парню, или мужчине, предающемуся тоске по потерянной жене или возлюбленной. И здесь народное сочувствие часто оказывается на стороне такой пары, то есть, фактически на стороне детей, подвергшихся родительскому проклятию. В быличке «Проклятая» даже совершается церковное венчание парня на такой девушке, которая обитала в бане, и заставила его родителей женить сына на себе. По обычаю, все молодые на случившуюся в скором времени после свадьбы масленицу едут к теще на блины. Поехали и наши молодые. Через три дня они добрались до родного дома этой девушки, из которого слышался плач ребенка. Они попросились ночевать, да полечить ребеночка. Ребеночек же в колыбели оказался осиновым поленом в тряпице,

которое и нянчила, не зная покоя, мать проклятой девушки в течение долгих лет после проклятия.

Произведения сказочной народной прозы по своим эстетическим достоинствам часто представляют собой образцы первоклассной литературы. При этом важнейшим качеством народной прозы является ее наполненность неподдельными, неискаженными представлениями народа о сути человеческой жизни и человеческих взаимоотношений. Именно эта литература являлась тем источником, из которого русский народ черпал реальные сведения о своей истории, окружающем мире - как здешнем, так и потустороннем, усваивал жизненные правила и христианские нравственные принципы, которые и сегодня являются непревзойденными в современной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека русского фольклора. Т. 12. Народная проза. - М.: Советская Россия, 1992.
2. Славянская мифология: энциклопедический словарь / науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. — М.: Эллис Лак, 1995.

И.Г. Пендикова

«ТРЕТЬЕ МЕСТО» В СТРУКТУРЕ ЗАГРОБНОГО МИРА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА

*Пендикова Ирина Геннадьевна
кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет,
г. Омск (Россия)
E-mail: megavia@mail.ru*

Основные культурные ценности в системе русского средневековья располагаются в диполярном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишеном нейтральной аксиологической зоны. Что касается представлений о загробном мире - это четкое деление его на рай и ад. Однако на определенном этапе в народной прозе появляется идея «третьего места», которое в какой-то мере сопоставимо с идеей чистилища в католическом христианстве.

Ключевые слова: миф, структура загробного мира, чистилище

Основни културни ценности в системата на руското средновековие са разположени в биполярно поле на ценностите, рязко разделено и лишено от неутрална аксиологична зона. Относно концепциите за живота след смъртта е ясно разделението на рай и ад. Въпреки това, в някакъв определен етап в народната проза се прокрадва идея за „третото място“, което до известна степен е сравнимо с идеята за чистилището в католическото христианство.

Ключови думи: мит, структура на подземния свят, чистилище

Basic cultural values in the Russian Middle Ages are in bipolar field of values, a sharp line divided and devoid of axiological neutral zone. With regard to the concepts of the afterlife - is a clear division into heaven and hell. However, at some stage in people's prose has an idea of the "third place", which is to some extent comparable with the idea of purgatory in the Catholic Christianity.

Keywords: myth, the structure of the underworld, purgatory

В культурологических исследованиях в качестве специфической характеристики русской культуры постоянно подчеркивается ее принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе ее структуры. «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в дипольном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [Успенский, с. 220]. Так, в западном католическом христианстве загробный мир мыслится разделенным на три пространства - рай, чистилище, ад, - которые в земной жизни соответствуют безусловно святому, нейтральному (допускающему загробное спасение после очистительного испытания) и безусловно грешному поведению. По мнению Б.А. Успенского, тем самым в реальной жизни западного средневековья оказывалась возможной «широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни государственными, ни антигосударственными» [Успенский, с. 220].

Для русского средневекового сознания промежуточных нейтральных сфер загробной жизни не существовало. Загробный мир делился на рай и ад, земная жизнь могла быть либо святой, либо грешной, а государственная власть трактовалась как божественная или дьявольская, но не могла восприниматься нейтрально по отношению к этим понятиям.

Идея чистилища в западном христианстве получила признание и оформилась в XIII веке. В источниках 70-80-х годов XII века сам термин *purgatorium* не встречается, что является симптомом неразработанности идеи чистилища. В более раннее время существовали представления о том, что в определенных местах загробного мира души подвергаются очистительным процедурам, но эти места «мыслились скорее как отсеки ада, нежели в виде обособленного «царства», наряду с раем и адом» [Гуревич, с. 131]. Это третье «царство» загробного мира не предусматривалось ни Писанием, ни отцами церкви. Именно эта непредусмотренность чистилища в православной традиции приводила к ситуации, когда в рамках одного богословского или проповеднического сочинения обнаруживались явные противоречия и неясности по поводу судьбы душ, оказавшихся в чистилище. Зачастую средневековые европейские авторы рассматривали чистилище как некое добавление и модификацию привычной бинарной структуры потустороннего мира, которая получила свое обоснование еще в Священном Писании. Традиционная бинарная структура загробного мира является универсальной для православной книжной традиции. Однако, изучение материалов народной прозы, а именно суеверных рассказов и быличек о побывавших на том свете, свидетельствует о том, что в народных представлениях о загробном мире помиморая и ада присутствует еще некая «третья местность», занимающая промежуточное положение между этими двумя царствами.

Ярчайшим произведением подобного рода является обмирание, записанное русским писателем и собирателем казачьего фольклора И.И. Железновым (1824-1863) на реке Урал. Речь в нем идет о некоей праведной вдовушке, которую Господь Бог сподобил счастьем «зарань увидеть рай и муку и уготованное для нее самой место на том свете» [«Обмиравшая», с. 341]. В сопровождении ангелов она постояла сначала у золотой решетки райского сада, потом у железной решетки адской пропасти, и, наконец, ангелы провели ее в «третье место, где нет нирая, ни муки, это место так и слывет под прозванием: ни рай - ни мука, иль-бо: между раем и мукой. Тут обитают души в половину праведные и в половину грешные. К примеру, у кого наберется и добрых, и злых дел поровну и кого, значит, поэтому нельзя ни в рай водворить и ни в муку посадить, того тут и поселяют» [«Обмиравшая», с. 344].

Как считает Н.И. Толстой, наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым ад и рай территориально не расчленены, так что «обитатели того света» мучаются или блаженствуют по соседству. Рай и ад воображаются при этом расположенными то на небе, то на острове, то за морем. В рассматриваемом обмирании обмиравшую тетюшку ангелы-хранители «повели... с собой и показали ей сначала рай, где

души праведные обитают и блаженствуют, а потом ад, где души грешные обитают и мучаются» [«Обмиравшая», с. 343]. После того, как она через золотую решетку увидела рай, «повели ангелы-хранители тетушку от золотой решетки в другую сторону и через мало ли, через много ли время подвели к железной решетке» ада.

Мы видим, что согласно народным представлениям, отразившимся в данном обмирании, рай и ад расположены в некоем пространстве, в котором человек перемещается также, как и по земле - идет, или его ведут. Однако праведники и грешники уже не видят друг друга, между раем и адом нет никакой огненной реки или стены, они разделены только неким расстоянием, которое можно преодолеть за «мало ли.., много ли время».

Точно также, пешком, тетушка в сопровождении ангелов-хранителей добирается и до «третьего места». Очень интересен тот факт, что в западных представлениях о чистилище, промежуточном царстве между раем и адом, души людей не вполне праведных вне всякого сомнения испытывают муки, вполне соотносимые с адскими - их отличие заключается только в том, что они носят временный характер. В русском же «третьем месте» в половину праведные и в половину грешные души живут «не то, чтобы в большом удовольствии, не то, чтобы в большой изневаге, а так себе, ни то ни се, середка наполовине» [«Обмиравшая», с. 344]. При этом рассказчик добавляет, что лично он и этим местом был бы «доволен да преддоволен, лишь бы попасть в него».

«Третье место» с точки зрения топографии очень похоже на наш земной мир. Тетушка ходит от деревушки к деревушке и знакомится с местными обитателями. В первой деревне она встречается с первой странностью - деревенские домики выстроены так, что любо-дорого смотреть, да у всех у них крыши покрыты какой-то дранью. Оказалось, что это наказание за то, что за свои добрые дела на благодарность от людей старушки-жительницы деревни в земной жизни отвечали: «Не на чем!», или «Не за что!». Слова эти неприятны Господу, поскольку обличают небрежение к добродетели. Ответом на людскую благодарность должны быть слова: «На доброе здоровье!», или «Благодари Господа Бога!». Также старушка предостерегает тетушку от употребления слова «спасибо» вместо «спасет тебя Господь Бог!», или просто «благодарствую!» и пускается в замечательные этимологические изыскания, выводя происхождение слова «спасибо» из языческого прошлого неверных людей, просящих своего идола, «из чурбана сделанного», - «Спаси, Аба!» (идола звали Аба).

Жителями другой деревни «третьего места» оказались одни татары. «По делом своим они достойны быть в раю; но понеже родились они и жили в нечестивой вере, мухаметовой, то и нельзя их водворить в рай» [«Обмиравшая», с. 346].

Интересно, что здесь же, в «третьем месте» обитают и души младенцев - сами по себе безгрешные, но отягощенные грехами родителей. Они блаженствуют, но их блаженство несколько различается «по сортам». Одни из них и впрямь блаженствуют - «бегают, резвятся и яблочками играют». Другие все время роняют яблоки - их матери не читали Спасов день - ели яблоки до Спаса. Младенцы же, которые по небрежению родителей умерли некрещеными, - «слепенькие», и их носят на руках ангелы-хранители. Для народного религиозного сознания логическое упорядочение представлений об аде представляло собой некоторые затруднения, в частности, оно не хотело допустить неминуемости адских мук для невинных младенцев, умерших некрещеными, или праведных язычников. По мнению А.Я. Гуревича, в европейской традиции «утверждение чистилища в структуре потустороннего мира произошло в значительной мере под давлением потребности верующих в сохранении надежды на спасение, хотя бы и ценою мук, которые душа испытывает в течение более или менее длительного времени» [Гуревич, с. 131]. В русском же обмирании, как мы видим, «третье место» обеспечивает подобным душам пусть не полное, но все же блаженство.

Но в «третьем месте» обитают и души людей, совершивших в земной жизни и тяжелые проступки и поэтому вынужденных и здесь терпеть лишения и даже муки. Например, горький пьяница, который умер, опившись. По смерти он тут же был унесен

чертями в ад и запряжен вместо лошади в бочку, «терпя муку страшную». Но оказывается, и в аду еще не все потеряно для человека, который при жизни совершал добрые дела. Упомянутый горький пьяница незадолго до смерти сделал доброе дело - положил через топкий ручей близ своего села мостик для пешеходов - просто так, «со скуки». Уже после того, как он попал в ад, случилось одному святому праведному мужу, «вельми угодному Богу и любимому им», перейти через этот мостик. Перейдя через мостик, праведник возвел очи свои к небу и проглаголал: «Какой это человек сделал мост? Если жив он - пошли ему, Господи, доброго здравия и душе спасение! Если же умер он, всели его, Господи, в царствие небесное!». И лишь только праведник изрек эти слова, один из ангелов тут же извлек пьяницу из ада и поселил его в «третьем месте» в избушке с железными решетками, как узника, но все же свободного от адских мук.

Еще один грешник, казацкий атаман Бородин, в этом же «третьем месте» мучается уже всерьез - он вынужден навывтяжку стоять близ огромного костра, к которому сажен за сто подойти невозможно. Его грех в том, что он «отечество» посрамил, то ись бородушку обрил, - и все-таки без указу государева - это-то и важно!» [«Обмиравшая», с. 350]. Последнее замечание заставляет нас вспомнить тех русских солдат времен взятия Казани, которые стоя в лагерях, прельстились татарской безбородой модой и пробовали обрить себе бороды, за что получили взыскания от Ивана Грозного.

Итак, книжные, или церковные, представления о рае и аде смешивались в истории русской духовной культуры с народными, или сосуществовали с ними, зачастую находясь в противоречивом отношении, что в целом свойственно и для европейской традиции. В рассмотренном обмирании ад описывается как пропасть, в которой «огонь неугасимый, червь всеочивый, смола вскипяченная, свинец и олово растопленные! Из пропасти выходит чад, смрад нестерпимые, слышен вой, стон, плач, вельми ужасные, и скрежет зубовный! Это ад кромешный, это тартар треисподний, его же души грешников наследуют!» [«Обмиравшая», с. 344]. Описание ада - преисподней («треисподней») - восходит к ветхозаветному представлению об аде, как «рве преисподнем», «царстве мрака». Также как и в каноне Нового завета, в данном обмирании состояние пребывающих в аду описывается не внешним образом, как зрелище, а изнутри, как боль, т.е. чувственная детализация адских мучений в произведениях русской прозы отсутствует. «Там будет плач и скрежет зубов» - эти слова, рефреном звучащие в Евангелии от Матфея [Аверинцев, с. 37], буквально повторяются в нашем обмирании.

Разработка представлений о рае в христианской книжной, иконографической и фольклорной традиции шла по трем направлениям: рай как сад; рай как город; рай как небеса. Для каждого из этих направлений исходной точкой служат библейские тексты. В рассматриваемом обмирании рай представляет собой прекрасный сад за золотой решеткой - для разработки этого направления основанием послужило ветхозаветное описание Эдема. Интересно, что для архаического мышления образы «сада» и «города» - эквивалентны, что нашло свое отражение в языке: славянское «Град» означало и «город» и «сад, огород». Эти понятия эквивалентны как «образы пространства «отовсюду огражденного» и постольку умиротворенного, укрытого, упорядоченного и украшенного, обжитого и дружественного человеку - в противоположность «тьме внешней» [Аверинцев, с. 364].

Разработка идеи «третьего места» в народной прозе, по всей вероятности, связана с изменениями, происходящими в русском религиозном сознании, а именно с актуализацией загробного мира, привязкой его к современному моменту. Происходила как бы переориентация средневековых представлений о времени, когда сами люди были исключены из восприятия времени, прошлое находилось как бы впереди некоего причинно-следственного ряда, а настоящее и будущее - в конце его, позади. Прошлое было гораздо важнее настоящего и будущего - как начало событийного ряда, его объяснение и первопричина [Лихачев, с. 11]. Идея «третьего места» отразила включение человека в процесс восприятия времени и осознание им себя в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Ад // Мифы народов мира. Т 1. - М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 36-39.
2. Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Т 2. - М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 363-366.
3. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. - М.: Искусство, 1989. 367 с.
4. Лихачев Д.С. Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI - начало XII века. - М.: Худож. лит., 1978. С. 5 - 22.
5. Обмиравшая // Библиотека русского фольклора. Т. 12. Народная проза. - М.: Советская Россия, 1992. С. 341-352.
6. Петрухин В.Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Т 1. - М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 452-456.
7. Толстой Н.И. Ад // Славянская мифология. - М.: Эллис Лак, 1995. С. 28-29.
8. Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М.: «Гнозис», 1994. С. 219-253.

М.В. Пименова

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Пименова Марина Васильевна
доктор филологических наук, профессор,
Владимирский государственный университет,
г. Владимир (Россия)
E-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru

Статья посвящена изменениям русского языка в условиях постмодернистской реальности, которые связаны с деформацией стилистического баланса, «вестернизацией», жаргонизацией, разрывом традиции речевого этикета, переименованием этноисторического пространства, искажением антропонимических традиций и др.

Ключевые слова: *Русский язык, концептосфера, постмодернизм.*

Статията е посветена на промените в руския език в условия на постмодерна реалност, която е свързана с деформацията на стилистичния баланс, „вестърнизация“, жаргонизация, прекъсване на традициите в речевия етикет, преименуването на етноисторическото пространство, изкривяване на антропонимичните традиции и др.

Ключови думи: *Руски език, концептосфера, постмодернизъм.*

The article focuses on changes in the Russian language in a postmodern reality that are associated with the deformation of stylistic balance, "Westernization", zhargonizatsiye, breaking the tradition of speech etiquette, renaming ethnohistorical space distortion, anthroponymical traditions and others.

Keywords: *Russian language, conceptosfera, postmodernism.*

Как писал немецкий филолог и философ Вильгельм фон Гумбольдт, «языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством познания и ранее неизвестной. Их различие не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений (мировидений). В этом и заключается конечная цель всех исследований языка» [Алпатов 1999, с. 73].

Академик Д.С. Лихачев полагал, что, подобно биосфере, каждого из нас по отдельности и весь этнос в целом окружает атмосфера родного языка и родной культурной среды – **концептосфера** национального языка, которая «...тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство..., она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачев 1997, с. 282].

В XX-XXI вв. концептосфера языка изменяется в связи с **постмодернистскими** изменениями мышления (от лат *post* ‘после’ и фран. *moderné* ‘современный, новейший’; как известно, термин возник в годы Первой мировой войны, а впервые для характеристики современной эпохи был употреблен в 1947 г. английским историком А. Тойнби). Современное постмодернистское мышление противостоит идее мировоззренческой цельности, оно принципиально антииерархично. Язык как часть культуры в постмодернистскую эпоху теряет равновесие, цельность, поскольку теряют смысл прежние понятия высокого и низкого, прекрасного и безобразного, нравственного и безнравственного.

В России постмодернистское нарушение равновесия концептосферы усугубляется в связи с революционными событиями 1917 г. и 90-х гг. XX в.

В.В. Колесов отмечает, что после 1917 г. происходит **деформация стилистического баланса** в связи с утратой высокого стиля, с которым в России исторически связывался церковнославянский язык [Колесов 1998, с. 216-223]. В функции высокого стиля стал использоваться так называемый «новояз» (приблизительная калька с английского слова *newspeak*, введенного писателем и публицистом Д. Оруэллом в романе-антиутопии «1984», впервые изданном в 1948 г.) [Савельева 2000, с. 39]. «Новояз» – это «русский советский язык», который употреблялся на официальных собраниях, в газетных передовицах. В недрах «новояза» рождались стандартные выражения (штампы), например: *благо народа, верный соратник, на трудовом фронте, на переднем крае борьбы, солдат революции, светлое будущее, враг народа, дружба народов, мудрость партии, генеральная линия, продолжительные овации, бойцы идеологического фронта, поднять вопрос на должную высоту* и др. [Саджи-Гаряева, Пихурева 2008]. А.Д. Васильев полагает, что совокупность некоторых лексико-фразеологических средств современного дискурса можно определить как «постновояз», «с учетом хронологической приуроченности и значительного типологического и функционального подобия «новоязу» советской эпохи» (например: *без определенного места жительства, всенародно избранный, вынужденные переселенцы, шоковая терапия, временно неработающий, непопулярные меры, гуманитарная катастрофа, прорабы перестройки, правовое государство, средний класс* и под.) [Васильев 2000, с. 58].

После утраты традиционного высокого стиля в качестве прецедентных (играющих роль образца) стали восприниматься тексты средств массовой информации (СМИ). Однако тексты современных СМИ не дают образцов использования литературного языка, поскольку содержат значительное количество нарушений норм грамматики, словоупотребления, произношения – примеры можно найти в работах А.Д. Васильева [Васильев 2000; 2007], К.С. Горбачевича [Горбачевич 1984], В.В. Колесова [Колесов 1988; 1991; 1998; 1999], М.А. Кронгауза [Кронгауз 2008], Л.Н. Крысина [Крысин 2000], А.П. Романенко [Романенко 2008], Л.В. Савельевой [1995; 1997; 2000], В.В. Химики [Химик 2008], Н.В. Юдиной [Юдина 2010] и др., а также найти самому, достаточно открыть газету или включить радио / телевизор.

В перестроечную и постперестроечную эпоху как принадлежащие к высокому стилю стали восприниматься **заимствования**, в связи с чем исследователи говорят о «вестернизации», или «американизации», или «креолизации» русского языка.

Наплыв заимствований угрожает русской ментальности, поскольку происходит постепенная подмена ключевых слов – концептов русской культуры (В.В. Колесов, Л.В. Савельева). Например: *консенсус* вместо *согласие, лад*; *форум* вм. *собрание, съезд*;

брачные партнеры вм. *супруги*, *секс* вм. *любовь*, *киллер* вм. *убийца*, *уголовник*, *душегуб*; *рейтинг* вм. *уважение*, *авторитет*, *почитание*; *тинейджер* вм. *подросток* и под. [Савельева 2000, с. 53].

Утрата высокого стиля приводит к дальнейшей расбалансировке стилевой системы: место высокого стиля занимает средний стиль, а место среднего – низкий, в связи с чем происходит **жаргонизация** литературного языка. В настоящее время жаргонизмы и аргоизмы активно включают в свою речь (и тем самым пропагандируют и в какой-то степени кодифицируют) представители наиболее «успешных» профессий: во-первых, чиновники, менеджеры (*социалка*, *оборонка*, *продавить поправку*, *прописать закон*, *изложить конкретику*, *проплатить обучение*, *озвучить новости*, *пересечемся*, *отзвонюсь*, *отслеживать*), во-вторых, ведущие телепередач, шоу-мены (*понты понтам рознь*, *забить эфир и получить бабло*), в-третьих, компьютерщики, программисты, прогеймеры (*хрюк*, *крякер*, *ломануть*, *дисплей*, *глюк*, *нычка*, *емеля*, *технокрыса*, *висельник*, *слей мне мыло зухелем* и под.) [Химик 2008, с. 227]. Как известно, в пространстве Интернета функционирует так называемый «а(о)лбанский» язык, или язык «падонкафф», в котором написание максимально приближается к произношению, в котором порча русского языка декларируется как норма (*превед* – привет, *красавчек* – красавчик, *аффтар*, *жывнойое*, *креатифф*, *удафф*, *пеши исчо*, *ржунемогу* – в одно слово) [Грачев 2008; Шарифуллин 2008]. В СМС-сообщениях, которые отправляются через мобильные телефоны, как правило, не используются знаки препинания, содержится множество ошибок и ненормативных сокращений, что сближает их с языком «падонкафф» [Грачев 2008, с. 59].

Второе нарушение концептосферы после 1917 г., как отмечает Л.В. Савельева, – это **разрыв традиции речевого этикета** [Савельева 1997, с. 22; Савельева 2000, с. 28]. В связи с ликвидацией сословий, упразднения «Табели о рангах» были отменены многообразные способы обращения друг к другу (*ваше высочество*, *ваша светлость*, *ваше сиятельство*, *ваше высокопревосходительство*, *ваше превосходительство*, *ваше высокородие*, *ваше высокородие*, *ваше благородие*, *господин*, *госпожа*, *барышня*, *любезный*, *почтенный*, *милейший*, *милостивый государь*, *сударь*, *сударыня*). Все эти обращения были заменены одним единственным словом – *товарищ*. Само по себе слово *товарищ* обладает позитивной семантикой и внутренней формой, оно встречается в древнерусском языке с XIV в. в значении ‘сотоварищ’, ‘спутник’, ‘соучастник походов’ [Срезневский III, с. 969]. Однако в советский период слово *товарищ* превратилось в казенный знак, стало восприниматься как символ партийной номенклатуры.

В связи с перестройкой, с переоценкой ценностей было девальвировано и обращение *товарищ*. В бытовом общении употребляются просторечные гендерные обращения, заимствованные из южных диалектов (*девушка*, *молодой человек*, *мужчина*, *женщина*), а также обращения, имитирующие родовые отношения (*мать*, *отец*, *дочка*, *сын*, *бабуля*, *дедуля* и под.).

Следующее нарушение концептосферы – **переименование этноисторического пространства**. Как известно, после 1917 г. были переименованы многие города, поселки, деревни. Приведем лишь некоторые примеры: *Петроград* (*Ленинград*), *Екатеринбург* (*Свердловск*), *Екатеринослав* (*Днепропетровск*), *Екатеринодар* (*Краснодар*), *Новониколаевск* (*Новосибирск*), *Царицын* (*Сталинград*, *Волгоград*), *Ижевск* (*Устинов*), *Сергиев Посад* (*Загорск*), *Пермь* (*Молотов*), *Тверь* (*Калинин*), *Вятка* (*Киров*), *Самара* (*Куйбышев*), *Луганск* (*Ворошиловград*), *Корела* (*Приозерск*), *Нижний Новгород* (*Горький*), *Багдади* (*Маяковский*) и др. Л.В. Савельева подчеркивает, что «переименование, к тому же частое, – приводит к стиранию памяти народной, к отторжению народа от национально-исторического пространства обитания» [Савельева 1997, с. 16].

Еще одно нарушение концептосферы связано с **искажением антропонимических традиций**. В 20-30-е годы произошел отказ от традиционного православного имени при выборе личного имени. Стал активно формироваться новый именованослов. Например,

Нинель (*Ленин* в прочтении справа налево), языковые аббревиатуры: *Вилор* (В.И. Ленин - организатор революции), *Марлен* (Маркс + Ленин), *Гертруда* (героиня труда), *Донара* (дочь народа) и под. [Савельева 2000, с. 32]. Необходимо отметить, что процесс создания подобных имен продолжается и в наши дни, например, в «Комсомольской правде» от 6-13 декабря 2007 г. (№ 181) указывается, что в Хакасии девочку назвали *Выбориной*, а в Кемеровской области – *Едросой* (Единой Россией). В 2002 г. родителям отказали в регистрации ребенка под именем *Боч рВФ 260602* (Биологический Объект Человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26.06.2002 года).

Л.В. Савельева указывает, что более тонкое, но тоже разрушительное воздействие на антропонимическую традицию оказывает распространяющееся в последние десятилетия наименование людей по западным образцам при помощи только двух компонентов – имени и фамилии (а не трех, как принято в русской традиции) [Савельева 1995, с. 37]: академик *Андрей Сахаров*, министр *Юрий Иванов*, директор театрального комплекса *Борис Гунин*, председатель регионального отделения Союза журналистов *Александр Карпилович* и под. Отчество во времена Московской Руси составляло особую привилегию высшего сословия князей и бояр, которая регламентировалась жалованными государевыми указами. Постепенно спустившись в более низкие социальные слои и охватив все русское общество, наименование лиц по отчеству сохранило стилистическое значение уважительности, почтительности [Савельева 2000, с. 54].

Следует отметить, что многие ученые-языковеды, несмотря на произошедшие и происходящие нарушения концептосферы, с оптимизмом смотрят на дальнейшую судьбу современного русского языка, поскольку полагают, что язык – это саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, которая со временем отбросит все лишнее и наносное, но сохранит необходимое.

Современное общество предпринимают попытки восстановления языкового баланса в русской речевой культуре: как известно, был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», утверждались Федеральные целевые программы «Русский язык» на 1996-1997, 2002-2005, 2006-2010, 2010-2015 гг., 2007 год был объявлен Годом русского языка, в связи с чем во многих газетах появились рубрики «Давайте говорить правильно», «Поговорим о языке», «Русская речь», «Наш язык», стали выходить радиопередачи «Грамотей», «С русского на русский, или Как сказать», «Как это по-русски?» и под. Но закончился 2007 год – закончилась очередная компания, вновь произошел спад интереса к русскому языку, «умерли» многие передачи и рубрики.

В.В. Химик говорит о необходимости возвысить русский язык в ранг национальной идеи, национальной ценности, поскольку «мысль порождается в слове» (А.А. Потебня), и только в хорошей речи может формулироваться хорошая (нравственная) мысль. Предлагается, во-первых, *центростремительный способ* (пропаганда хорошей речи как достоинства личности, вручение наград за хорошую речь), во-вторых, *центробежный* (распространение русского языка и русской культуры на постсоветском пространстве, за рубежом) [Химик 2008, с. 230].

Следует отметить, что постмодернистская концепция свободы предполагает чувство ответственности человека за все совершающееся вокруг него. По словам русского философа Н.А. Бердяева, «чувство вины за всё совершающееся вокруг него – это чувство свободного человека». В связи с этим в постмодернистской реальности человек должен осознавать свое чувство ответственности за сохранение баланса концептосферы, без которого невозможно существование ни культуры вообще, ни самого языка как одной из форм общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 368 с.

2. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2000. – 166 с.
3. Васильев А.Д. Современное российское языковое законодательство: юрислингвистический анализ и комментарии. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2007. – 150 с.
4. Горбачевич К.С. Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее. – М., 1984. – 191 с.
5. Грачев М.А. Новые формы молодежной лингвистической коммуникации // Активные процессы в современном русском языке. – Н. Новгород: ННГУ, 2008. – С. 53-61.
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 364 с.
7. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
8. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб.: ЮНА, 1998. – 248 с.
9. Колесов В.В. Язык города. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с. (Язык и время; Вып.1).
11. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, 2008. – 145 с.
12. Крысин Л.Н. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. – 2000. – № 1. – С. 28-40.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-267.
14. Романенко А.П. «Упрощение» как одна из тенденций динамики русского языка и словесности массовой культуры XX-XXI вв. // Активные процессы в современном русском языке. – Н. Новгород: ННГУ, 2008. – С. 192-197.
15. Савельева Л.В. Русское слово: конец XX века. – СПб.: Logos, 2000. – 216 с.
16. Савельева Л.В. Современная русская речевая культура в контексте этнической ментальности // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 25-44.
17. Савельева Л.В. Языковая экология: русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск: КГПУ, 1997. – 143 с.
18. Саджи-Гаряева З.С., Пихурова А.А. О судьбе советизмов в современном русском языке // Активные процессы в современном русском языке. – Н. Новгород: ННГУ, 2008. – С. 214-219.
19. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. –
20. Химик В.В. Русский язык и национальная идея // Активные процессы в современном русском языке. – Н. Новгород: ННГУ, 2008. – С. 224-231.
21. Шарифуллин Б.Я. «Превед, красавчег», или «албанский вариант» околокомпьютерного общения // Социальные варианты языка V. – Н. Новгород: ННГЛУ, 2007. – С. 324-327.
22. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.

В. А. Пронин

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ В ЗЕРКАЛЕ СЕРЕБЯНОГО ВЕКА

*Пронин Владислав Александрович
доктор филологических наук, профессор,
Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова,
г. Москва (Россия)
E-mail: litmgup@inbox.ru*

В статье рассматриваются переводы поэзии Генриха Гейне на русский язык, начиная с первых публикаций Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, вплоть до

обращений к наследию Гейне поэтов Серебряного века: А. Блока, М. Кузмина, Н. Гумилева, которые были выполнены по заказу издательства «Всемирная литература». Отмечаются как достижения переводчиков, так и допущенные ими неточности. Анализ переводов подкрепляется суждениями русских писателей о непреходящей ценности лирики последнего поэта романтизма.

Ключевые слова: подлинник, оригинал, перевод, лирический герой, романтическая ирония, бидермейер.

В статията са разгледани преводите на поезията на Хайнрих Хайне на руски език, още от първите публикации на Ф.И. Тютчев, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, и се стигне до обръщане към наследството на Хайне поетите от епохата на Сребърния век: А. Блок, М. Кузмин, Н. Гумилев, които са били изпълнение по поръчка на издателство «Всемирная литература». Отбелязва се както постиженията на преводачите, така и допуснатите от тях неточности. Анализът на преводите се потвърждава и от разсъжденията на руските писатели за непреходната ценност на лириката на последния поет от епохата на романтизма.

Ключови думи: оригинал, превод, лиричен герой, романтична ирония.

In the he article, there are discussed the translations of the poetry of Heinrich Heine into Russian language, from the first publications of F. I. Tyutchev, M.Yu. Lermontov, A. A. FET right up to the access to Heine's heritage of the Silver Age poets, e.g. A. Blok, M. Kuzmin, N. Gumilev; the translations were realized by request of the publishing house "World's Literature". There were mentioned the achievements of translators, and their inaccuracies. The analysis of the translations is supported by comment of Russian writers about the imperishable lyrics values of the last poet of romanticism.

Keywords: genuine handwriting, original, translation, lyrical hero, romantic irony, Biedermeier.

Стихи Генриха Гейне стали известны русскому читателю при жизни немецкого поэта. Инициатором, как известно, выступил Ф.И. Тютчев, общавшийся в нем в Мюнхене. В 1827 году он опубликовал в альманахе «Северная лира» две строфы из Гейне под заголовком «С чужой стороны», который у автора отсутствует:

*На севере мрачном, на узкой скале
Кедр одинокий, под снегом белеет,
И сладко заснул он на илистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.*

*Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму,
Стоит и цветет, одинока...⁹⁸*

Перевод подлиннику не ровня, что отмечалось многими исследователями. У Гейне «ein Fichtenbaum» никак не кедр, одиночество дерева переместилось из первой строки в последнюю. «Er träumt» по смыслу «он мечтает», а не «все снится», тем более что разговорное «все» вставлено ради ритма. По замечанию Б.Н. Тарасова, оригинал отличается от перевода тем, что он написан несколько «проще», в нем отсутствуют такие

⁹⁸ Зарубежная поэзия в переводах Ф.И. Тютчева. – М., 2004. С. 135.

поэтические выражения, как «и сон его вьюга лелеет». Переводчик воспроизводит архаику, от которой отрекается автор.

М.Ю. Лермонтов переводит эти же строфы в 1840 году, а затем текст перерабатывает, и в «Отечественных записках» в 1842 году после смерти поэта опубликован второй всем известный вариант. В 1841 году был напечатан менее известный перевод А.А. Фета, который имеет смысл процитировать:

*На севере кедр одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и льдяным ковром.*

*Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале...⁹⁹*

Переводчик опустил кедр на пригорок, ковер сделался «и снежным, и льдяным», но не льдяным, что было бы семантически правильнее. А.А. Фет, напротив, не романтизирует ситуацию, а скорее ее иллюстративно воспроизводит. Выскажем попутно следующее предположение. В Гамбурге в вестибюле музея Kunsthalle находятся два пейзажа: на одном пальма, а на другом ель. Гейне мог их видеть, они подсказали ему знаменитые строфы.

В переводах Ф.И. Тютчева и А.А. Фета есть преимущество по сравнению со строфами М.Ю. Лермонтова. В немецком языке *der Fichtenbaum* (ель) – слово мужского рода, тогда как *die Palme* (пальма) – женского. У М.Ю. Лермонтова любовная аллегория исчезла, за что его не раз упрекали. В свое время академик Л.В. Щерба, тщательно сопоставив имеющиеся переводы, утверждал: «По-немецки психологическим и грамматическим подлежащим является стоящее на первом месте *ein Fichtenbaum*, которое, таким образом, и является героем пьесы... У Лермонтова сосна лишена той действительной индивидуальности, которую она имеет в немецком оригинале как подлежащее»¹⁰⁰.

Но почему же перевод Лермонтова заставил забыть более ранние варианты? Во-первых, любовный мотив достаточно наивен, его оттеснило более важное ощущение одиночества. Во-вторых, российский читатель воспринимал стихи Гейне как еще одно стихотворение Лермонтова о непреодолимом одиночестве лирического героя. Сравним: «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана. Контекст заставил забыть о частностях. Но как справедливо заметил академик В.В. Иванов: «Каждый из трёх вариантов перевода по-своему удален от подлинника»¹⁰¹.

Обращение к первым русским переводам Гейне позволяет сделать вывод о том, в чем же трудности перевоплощения оригинала. Они, как не удивительно, в красоте и даже просторечности гейневских текстов. Переводчики прибегают к архаике, отсутствующей в тексте поэта. С этим же сталкивались все выдающиеся русские поэты.

Немецкий исследователь его поэзии Герхард Кайзер пронзительно пронизательно оценил «гейневское непротивление расхожому слову как подражательское сверхусердие аутсайдера». Мировую славу Гейне критик склонен объяснять тем, что подчеркивает «ходкость его литературных мотивов и лирического языка, его мастерство, проявленное

⁹⁹ Полное собрание стихотворений А.А. Фета. Т. 2. - С-Пб., 1912. С. 214.

¹⁰⁰ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957, с. 105.

¹⁰¹ В.В. Иванов. Гейне в России. – В кн. Лев Копелев. Поэт с берегов Рейна. – М., 2003, с. 423.

скорее в комбинаторике элементов, чем в многослойности и оригинальности выражения, позволяет гораздо легче переводить его стихи, чем произведения других поэтов»¹⁰².

Наблюдение Г. Кайзера во многих отношениях справедливо, но нуждаются в уточнении. Стихи Гейне иноязычному читателю действительно понятнее, чем стихи тех авторов, которые писали до него (Гете) и после (Рильке). Но что касается поэтического эквивалента, то возникает порой опасность сбиться на кич, проигнорировав вездесущую ироничность поэта.

В шестидесятые и последующие годы девятнадцатого столетия Генрих Гейне представлялся революционным демократом «барабанщиком революции» и, стало быть, их единомышленником, что отразилось в переводах Н. Добролюбова и Д. Писарева. Переводов было много, и они были неточными по большей части.

Волна нового интереса к Гейне возникла на исходе столетия. В статьях Ин. Анненского, М. Волошина, В. Брюсова в эмоциональных всплесках М. Цветаевой возникает, в первую очередь, творец, а затем его творения. Все перечисленные поэты первого ряда видели в нем незаурядную личность, независимую от обстоятельств частной жизни, в том числе и политических преследований.

М.И. Цветаева в записях, не предназначенных для публикации, восклицает: «Гейне! Книгу, которую я бы написала. И – без архивов, вне роскоши личного прикосновения, просто – с глазу на глаз с шестью томами ужаснейшего немецкого издания конца восьмидесятых годов... Гейне всегда покрывает всякое событие моей жизни, и не потому что я...(событие, жизнь), слабы, он – силен»¹⁰³.

Но если восторг Цветаевой можно объяснить присущей ей экзальтацией и сменой кумиров, то признание С. Есенина вовсе неожиданно и значимо: «Они говорят – я от Блока иду, от Клюева. Дурачье! У меня ирония есть. Знаешь, кто мой учитель? Если по совести... Гейне мой учитель! Вот кто!»¹⁰⁴. Характерно, что «имажинисту» импонировало самое существенное, что привлекало в лирике Гейне сперва романтиков, а затем воспринималось как самая специфическая черта автора «Лерелеи», обладавшего двойным зрением, позволявшим ему примирять радостное и горестное. Есенинское признание фиксирует в лирике Гейне синтез патетики и сарказма.

Феномен «русского Гейне» распространяется теперь и на личность немецкого поэта. Его образ в многочисленных суждениях далек от сложного, противоречивого, изломанного жизнью и болезнями последнего романтика. Но на рубеже веков востребована ирония как спасительное средство в пору мировых катаклизмов. Ирония, или точнее, рефлексия – попытка сохранить внутреннюю неприкосновенность личности. Постигание Гейне начинается с новых, максимально точных переводов его стихотворений. Но блистательные русские поэты, по большей части, терпят фиаско. В.Я. Брюсов, не только практик, но и теоретик перевода, переводит «Гренадеров», но в сравнении с М. Михайловым проигрывает, постигая на практике, что точность не есть красота.

Ведущая роль в создании новых переводов поэзии и прозы Г. Гейне принадлежала А.А. Блоку. Будучи редактором запланированного издательством «Всемирная литература» собрания сочинений Г. Гейне, он пригласил к сотрудничеству многих замечательных поэтов Серебряного века, но не многие справились с поставленной Блоком задачей: переводить точно и поэтично. К тому же собрание сочинений в издательстве «Всемирная литература» по ряду обстоятельств выпущено не было, переводы поэтов Серебряного века, в том числе и самого А. Блока, были напечатаны в других изданиях. Среди соратников А. Блока были М. Кузмин, В. Брюсов, Е. Книпович, Н. Гумилев.

¹⁰² Немецкая литература между романтизмом и реализмом (1830-1870): Тексты и интерпретации. – С-Пб.: Изд. Бельведер. 2003. С. 492.

¹⁰³ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 тт. – М., 1994. Т. 4. С. 547.

¹⁰⁴ Из письма Вольфу Эрлиху - Коммерсант – Weekend, 30 января, 2015.

Перевод М. Кузмина романа «Бедный Петер» напечатан позже в сборнике «Стихотворения» (Academia, М-Л., 1931) и в десятом Собрании сочинений (место издания не указано, 1956). Перевод М. Кузмина существует, таким образом, в двух вариантах:

*Ганс и Грета в танце идут,
Веселье кругом закипело.
А бедный Петер тоже тут,
И он — белее мела.*

*Ганс и Грета — с невестой жених,
И в свадебном блещут наряде.
Кусая ногти, Петер затих,
Стоит совсем не в параде.*

*Он молвит тихонько про себя,
На пару глядя с тоскою:
«Не будь таким рассудительным я,
Сыграл бы шутку с тобою!»*

В последней строке, видимо, опечатка: надо «с собою», как оригинале и во втором варианте перевода того же М. Кузмина. Стихотворение выдержано в фольклорной манере, имена персонажей не раз встречаются в сказках братьев Гримм, в сборнике народных песен «Волшебный рог мальчика», составленном И. Арнимом и К. Brentano.

Бытовая сцена представлена в восприятии близкого человек, может быть, соседа, который делится своими наблюдениями над происходящей маленькой драмой. Отсюда разговорная незатейливость повествования. Гейне поведал о том, что и простолюдин способен пережить трагедию. Но простота оказалась неподвластной такому рафинированному эстету, каким был Кузмин, заменяющий народную речь косноязычными формулами: «ликуя от счастья смело», «совсем не в параде». Петер у него «молвит», что крестьянскому парню совсем не с руки.

Во втором варианте в собрании сочинений, редакторами которого были Н.Я. Берковский, В.М. Жирмунский и Я.М. Металлов, несуразности приглажены. Петер теперь «в отрепьях», ясно стало, что его посетила мысль о самоубийстве.

Романс «Бедный Петер» входит в первый раздел «Buch der Lieder», который назван «Junge Leiden», а само название ассоциируется со знаменитым романом И.В. Гете «Die Leiden des jungen Werthers». В эпистолярном романе «Страдания юного Вертера» имеются побочные линии о самоубийстве от несчастной любви других персонажей, в том числе из крестьянской среды. Ясно, что Гейне стремится своему романсу придать гетевский смысл, что в переводе оказалось передать невозможно.

Гейневская простота – лексическая и смысловая – обманчива, усилий М. Кузмина, равно как и других прекрасных поэтов Серебряного века, оказалось недостаточно. Справедливости ради заметим, что среди поэтов Серебряного века один только М. Кузмин, вернее его лирический герой, сделал признание: «... А Гейне я не люблю». Затем зарифмованы факты из биографии поэта и его «страдания любви»¹⁰⁵.

А.А. Блок работал над собранием сочинений Г. Гейне с необыкновенным тщанием. Перечитав все дореволюционные переводы, он высоко оценил только работу М. Михайлова, у которого он, тем не менее, отметил множество несоответствий оригиналу. Правила перевода, которыми руководствовался А.А. Блок, просты: точность и поэтичность. Он собственноручно исправил ошибки В.Е. Арнс, Е.Ф. Книпович и особенно много правки внес в прежние переводы В.П. Коломийцева – всего было

¹⁰⁵ Кузмин М. Стихотворения. – С-Пб, 1996. С. 411.

кардинально исправлено тридцать пять стихотворений, которые прежде уже были напечатаны. Помимо этого он редактировал новые переводы, сделанные по заказу издательства «Всемирная литература».

Сам Блок переводил стихи из третьего цикла «Книги песен» - «Опять на родину», всего двадцать три стихотворения, которые он сам пронумеровал. Но сборник «Книга песен» и четыре его основных раздела имеют свою нумерацию, которая не совпадает с расположением стихов у А. Блока. Генрих Гейне писал стихотворения цикла, в которых присутствует единый мотив, иногда даже сюжет. Поэт придавал последовательности стихов особое значение, но Блок перевел из «Опять на родине» отдельные стихи и расположил в порядке собственных переводов, что уже приводило к неточности.

По свидетельству современников, А.А. Блок гордился своей работой, выделяя как особую удачу перевод второго стихотворения из раздела «Опять на родине», которое читатели окрестили «Лорелея». В переводе сохранен размер подлинника, но погрешностей предостаточно. Камень преткновения – знаменитая первая строка: *Ich wiess nicht, was sol l es bedeuten...*

Демонстративно разговорная фраза, уместная в диалоге или в ответе посредственного школьника, она как будто бы не настраивает в буквальном значении на лирический сказочный лад. Это характерно для Гейне: ему удается опоэтизировать обыденное высказывание, включив его, как в денном случае, в романтический сюжет. Поэт мастерски постепенно вписывает в рейнский ландшафт «*die schonste Jungfrau*». У Блока «девушка дивной красоты», что:

*Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.*

По свидетельству И. Одоевцевой, Н. Гумилев критически отзывался об этих строчках А. Блока: «Он переводит очень усердно и неудачно – очень неудачно – Гейне. Разве это похоже на Лорелей:

*Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.*

То «золото», то «златом». Одно из двух – или золото, или злато. И в следующей строфе:

*Золотым убирает гребнем
И песню поёт она.*

Спрашивается – что убирает? Сено на лугу или свою комнату цветами?»¹⁰⁶.

Первое замечание резонно, но то, что она убирает волосы, а не сено, понятно: Гумилев явно придирается, подшучиваясь.

А.А. Блок своими переводами продемонстрировал то, что порой ускользало от прежних переводчиков.

Лирический герой Гейне в первых строках меланхоличен, но «Зубную боль в сердце» в финале обращает в насмешку над самим собой:

*Племена уходят в могилу
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.*

¹⁰⁶ Одоевцева И. На берегах Невы. – Париж, 1967. С. 260-261.

*Только раз бы тебя мне увидеть,
Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, madam!*

Что это – кич? Стихи, по первому впечатлению, просятся в альбом сей дамы или на открытку. Нет, это немецкий бидермейер, который заставлял любоваться уютным бытом и восхищаться сентиментальностью, но Гейне позволяет себе посмеяться над филистерскими мелкими страстями.

Опыты с переводами из Гейне великого русского поэта обнаружили неожиданную истину: никакому русскому поэту не суждено стать единственным или хотя бы главным переводчиком Гейне. Он сам герой всех своих произведений, будь то проза, а тем более поэзия. Но Гейне артистичен, он натура играющая, он непрестанно примеряет на себя самые разные ампулы, его верность самому себе весьма изменчива, он непостоянен в своих суждениях и чувствах. Вряд ли найдется конгениальный поэт-переводчик, который совместит все ипостаси Гейне. Его поэзия – это мозаика, и каждому, кто возьмется за переводы из Гейне, найдется, лишь одна, две, три роли из его лирического репертуара.

Перечисляя переводчиков, которые взялись за Гейне в пору Серебряного века, обычно упускают из вида Н.С. Гумилева, чей вклад в русскую «гейниану» значителен, но малодоступен.

К работе над подготовкой собрания сочинений Гейне для издательства «Всемирная литература» Н.С. Гумилева привлек Блок. Он поручил ему перевести поэмы «Атта Троль», «Бимини» и «Вицли-Пуцли». Н.С. Гумилев своевременно перевел. Однако тексты Гейне, за редчайшими исключениями, в русских изданиях другие. Гумилев закончил работу незадолго до своей гибели, издательство поспешило отказаться от его услуг. Позже перевод Н. Гумилева поэмы «Атта Троль» был напечатан в однотомнике «Стихотворения» - предисловие П.С. Коган, редакция, вступительная статья и примечания В.А. Зоргенфрея, Academia. Москва-Ленинград, 1931. Удивительно, но была указана фамилия переводчика. Это было единственное упоминание фамилии Гумилева в печати. Как это удалось? Может быть, благодаря партийному авторитету П.С. Когана? В 1936 году сборник вышел повторно, фамилия Н.С. Гумилева в нем отсутствовала.

В поэме «Атта Троль» переплетены несколько сюжетно-стилистических мотивов. Заглавный персонаж – Медведь. Автор, основываясь на сказочной традиции, заставляет его действовать и рассуждать по-человечески, что, впрочем, не мешает мохнатому артисту, ненавидеть и презирать род людской, который он распознал во время плясок на площадях Испании. Это дало автору право использовать интонацию старинного испанского романса. Идея сделать резонером медведя, изобразить животный мир как отражение социума не нова. Ее истоки в сказках, баснях многих народов, в средневековом «Романе о Лисе», а также в популярных в период работы Гейне над поэмой «Атта Троль» так называемых «Сценах из частной и общественной жизни животных» Жана Гранвилля, которые используют в наше время как иллюстрации к поэме Гейне. Наличие типологических сходжений в фольклоре европейских стран отчасти облегчило работу переводчика, подсказывая аналогичную оригиналу стилистику перевода. Интонация испанского романса – нерифмованный хорей – использовалась русскими поэтами и до Н.С. Гумилева (А.К. Толстой, Козьма Прутков, поэты «Русского Сатирикона»). Интонация испанского романса изначально предполагала стилизацию, ироническое отношение к сюжету, что в полной мере удалось Н. Гумилеву.

Медвежьи похождения экстраполировались автором поэмы на литературную полемику, отразившую борьбу идеологически ориентированных поэтов и сторонников чистого искусства, каковым представляет себя автор. Гейне лукавит, декларируя:

*Летней ночи сон! Бесцельна
Песнь моя и фантастична,
Как любовь, как жизнь, бесцельна
Как творенье и творец.*

На самом деле он не мог быть поборником чистого эстетства, хотя бы потому, что спорил с «тенденциозными поэтами» не столько ради свободы творца, а скорее потому, что публицист Л. Берне и его последователи нападали на Гейне за его преданность высокой поэзии и безразличие к актуальной политике. Отсюда у Гейне в поэме возникает сплав романтической сказки и фельетона. Позиция Гейне не однозначна. Одни обличали его за аполитичность, другие – за верность марксизму.

Один из современных исследователей наследия Гейне справедливо утверждает: «Атта Троль» - квинтэссенция сатиры Гейне и вместе с тем его эстетическая программа¹⁰⁷. Действительно, в долине Ронсеваля, где начиналась европейская история, Гейне устроил балаган с плясками медведей, с медвежьей охотой, с массовой из простолюдинов, которые подражают своим неудачливым правителям. В центре внимания оказывается медведь, готовый поднять бунт против своих дрессировщиков. Его призывы уничтожить власть и разрушить весь мир могли звучать весьма актуально, и можно предположить, что они вдохновляли переводчика на то, чтобы написать стихи смехотворные и печальные – все-таки Атта Троль тоскует без своей Муммы:

*Но, увы, томится Мумма
В кандалах того отродья,
Что зовется человеком,
Мнит себя царем творенья.*

*Смерть и ад! Ведь эти люди
Все архи-аристократы,
И на нас, зверей, взирают
Нагло, гордо, сверху вниз.*

Удача перевода Н.С. Гумилева - в удивительной способности поэта к подражанию. Он и в своей романтической лирике живописно и музыкально воссоздавал местный колорит. Бойкий хорей был ему тоже не внове. Это гипотеза, но вполне реальная: труд над переводом поэмы Гейне был для него отдохновением от злобы последних дней его короткой жизни.

Б. Пуделко

**ОБРАЗ В «ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА» ИВАНА ТУРГЕНЕВА И «ЗЕРКАЛЕ МОРЕЙ»
ДЖОЗЕФА КОНРАДА**

*Бригида Пуделко
Опольский университет,
г. Ополе (Польша)
E-mail: filpol@uni.opole.pl*

Из „великой тройки” русских писателей XIX века Конрад восхищался и высоко ценил только Ивана Тургенева – наиболее „европеизированного” среди русских писателей, с произведениями которого он познакомился уже в детстве.

¹⁰⁷ Heinrich Heine. Asthetisch-politische Profile. Suhrkam, 1991, S. 247.

Ключевые слова: образ птицы, святость мира зверей и птиц, переход от жизни к смерти, корабли – совершенные в своей красоте „птицы” моря, свобода.

Сред „великата тройка” руски писатели на XIX век Конрад се възхищава и високо оценява само Иван Тургенев – най „европеизирания” сред руските писатели, чиито произведения той се запознава още в детството си.

Ключови думи: образът на птицата, свещения свят на животни и птици, преход от живота към смъртта, кораби – съвършени в своята красота „птици” на морето,, свободата.

In a letter to George Harvey on 15 April 1904 Joseph Conrad announced that his intention had been to compose a volume of sea sketches something in the spirit of Ivan Turgenev's Sportsman's Sketches, but concerned with ships and the sea with a distinct autobiographical and anecdotal note. This declaration poses a question about the function of Conrad's message. Did he only want to create interest and inform about his plans, or, what seems also probable, take up Turgenev's artistic challenge?

Turgenev narrator is a hunter travelling in search of game, often in the company of his faithful guide Ermolai. He looks at the endlessly stretching fields, at the steely reflections of water and follows cold-grey clouds with the white edges which are scattered in the sky, seeks impressions not game. Then, in a truly impressionistic manner, he gives these impressions shape and presents grace through nature. It should be noted that no birds act as predators in A Sportsman's Sketches. Birds are identified with the hunted, the persecuted. In Lukerya's dream Christ comes with the wings of a gull to raise her to heaven. Notions of freedom are fundamental in "The Live Relic". To be free in spirit – i.e., free as a bird – is to be truly free. Yasha's song in "The Singers" is compared to the graceful movements of a gull on the seashore, and his song itself has a boundlessly flowing, deeply sorrowful quality. For "Kasyan from Fair Springs" birds are partners in life.

The image of a bird also appears in The Mirror of the Sea. It becomes clear that ships, like birds, are associated with freedom. A mysterious and graceful ship, which has a feminine nature and loves freedom above all, is threatened by the enchanting, indifferent and cruel sea endowed with masculine qualities. Ships are great and graceful "birds" of the sea. They are approached with humanizing delicacy. Conrad's ship, like Turgenev's bird flying over the vast countryside, is free when there is no restraint, there is space, clear sky and clear water around. A ship in a dock is graceful and still, like a bird ready to spread its wings. These "birds" are motionless as square blocks of stone in docks and they, like prisoners, are meditating upon freedom. A free ship in a dock will droop and die like a wild bird put into a dirty cage. The vast solitude of waters become factors that affect or shape the destiny of Conrad's heroes. The measure of man is shown in his struggle against the elements. It is a test which often brings self-knowledge, but which can also prove to be the undoing of the person thus tested. Turgenev's spatial also settings represent an imprisonment of the human condition within discrete sets of relationships encompassing the beauty of nature and the misery of human life.

Keywords: the image of a bird, sanctity of animal and bird life, transition between life and death, ships – graceful "birds" of the sea, freedom

Хотя Джозеф Конрад (1857-1923) и твердил, что не знает русского языка, и декларировал только самое общее знакомство с русской литературой,¹⁰⁸ в его письмах, кроме высказываний на тему литератур английской и французской, часто появляются и замечания, касающиеся русских писателей и русской литературы. Из „великой тройки” русских писателей XIX века Конрад восхищался и высоко ценил только Ивана Тургенева – наиболее „европеизированного” среди русских писателей, с произведениями которого он познакомился уже в детстве¹⁰⁹. Конрад отмечал достоинства творчества Льва Толстого, однако относился к нему с определенной сдержанностью, находя его чрезмерно мистическим, в то время как Достоевского трактовал свысока. В своем предисловии к монографии Эдварда Гарнетта (1868–1937) о Тургеневе Конрад противопоставляет этих двух выдающихся русских писателей, подчеркивая гуманизм Тургенева, универсальность и вневременность его произведений, как и ясность, уравновешенность, контроль над эмоциями, способность к созданию психологически правдивых персонажей, а не героев, малоубедительных в силу чрезмерной интенсивности проявления эмоций, отталкивающих своим моральным падением или мистицизмом; отмечая также умение соединить универсальный подход к теме с уважением к своему народу и русскости – свойства, которых нет у Достоевского.

Неудивительно, что Тургенев – русский, тесно связанный с культурой Запада и одновременно так привязанный к своей родной стране и обеспокоенный ее судьбой, пользовался признанием Конрада¹¹⁰.

15 апреля 1904 года Конрад писал Г. Харви о том, что намеревается написать серию очерков, посвященных морю и кораблям, по образцу „Записок охотника” Тургенева¹¹¹. В связи с этим заявлением возникает вопрос, было ли намерением английского писателя только желание сообщить Харви о своих планах и вызвать интерес к своему замыслу, или же, что также кажется правдоподобным, бросить вызов и померяться силами с талантом русского писателя?

¹⁰⁸ Jean-Aubry, G., *Joseph Conrad. Life and Letters*, 2 vols, London, Heinemann, 1927, vol. 2, p. 289.

“I must point out that I do not know the Russian language, that I know next to nothing of Russian imaginative literature, except the little I have been able to read in translations; that the formative forces acting on me, at the most plastic and impressionable age, were purely Western: that is French and English: and that, as far as I can remember, those forces found in me no resistance, no vague, deep-seated antagonism, either racial or temperamental.”

¹⁰⁹ Jean-Aubry, G., vol. 2, p. 192.

“As a boy I remember reading *Smoke* in a Polish translation and (a feuilleton of some newspaper) the *Gentlefolks* in French.”

¹¹⁰ Joseph Conrad, *Notes on Life and Letters*. London, , Dent, 1921, c. 46.

” In the larger, non-Russian view, what should make Turgenev sympathetic and welcome to the English-speaking world, is his essential humanity. All his creations, fortunate and unfortunate, oppressed and oppressors, are human beings, not strange beasts in a menagerie or damned souls knocking themselves to pieces in the stuffy darkness of mystical contradictions. They are human beings, fit to live, fit to suffer, fit to struggle, fit to win, fit to lose, in the endless and inspiring game of pursuing from day to day the ever-receding future.”

¹¹¹ *The Collected Letters of Joseph Conrad*, 9 т., ред. Frederic R. Karl and Laurence Davies, *et al*, Cambridge, Cambridge University Press, 1983–2008, т. 3, с. 132.

“I have a book which is nearly ready, of sea sketches something in the spirit of Turgenev’s *Sportsman’s Sketches*, but concerned with ships and the sea with a distinct autobiographical and anecdotal note running through is mainly meant for a record of remembered feelings.”

Однако внимательно присматриваясь к „Зеркалу морей”, замечаем, что Конрад не интересовался специально „Записками охотника” во время работы над своими очерками. Тем не менее можно отметить определенное сходство между этими произведениями. Как „Зеркало морей”, так и „Записки охотника” характеризует необычайная привязанность к описываемым местам. Оба автора не довольствуются поверхностным наброском описываемых ими мест и пейзажей. Тургенев стремился, чтобы „Записки охотника” были не только зеркалом жизни, но и зеркалом совести человека. И несмотря на то, что приходится только предполагать, что Конрад воспользовался в „Зеркале морей” опытом Тургенева, то можно отметить, что, кроме свободной композиции, манеры повествования, а также использования иронии, лиризма, цвета и звука как средства передачи чувственных впечатлений, оба произведения объединяет реалистический и импрессионистский способ представления равнодушной по отношению к человеку всемогущей и вездесущей природы, которая, будучи отражением человеческих проблем, не дает указаний, как жить, равно как и не является источником познания моральных добродетелей. Как в „Зеркале морей”, так и в „Записках охотника” можно заметить схожий способ представления смерти, предназначения и человеческой судьбы. В обоих произведениях появляется также образ птицы.

Рассказчик Тургенева – охотник, который бродит по бескрайным полям, приглядываясь к облакам, плывущим по небу, восхищаясь стальным отражением окружающей его вездесущей и всемогущей природы в безбрежности вод. Понятно, что он занят не столько охотой, а бродит в поиске духовных впечатлений, духовного опыта, чтобы затем поистине импрессионистически описать формы и красоту природы. Следует также подчеркнуть, что птицы в „Записках охотника” представляются как жертвы, как преследуемые, а не хищные создания. Христос приходит к спящей Лукерье в виде чайки, чтобы взять ее на небо, а у смерти глаза как у сокола „желтые, большие и светлые-пресветлые.”¹¹² В „Живых мощах” настоящая свобода отождествляется с птицей. Быть свободным духом значит быть вольным как птица. Грустная и трогательная песня Яшки в „Певцах” сравнивается с величавыми взмахами крыльев чайки на берегу моря. В рассказе „Касьян с Красивой Мечи” главный герой Касьян также считает птиц своими друзьями, способен общаться с ними, живет в симбиозе с ними. Касьян говорит: „А я соловушек не убиваю, [...] Я их не на муку ловлю, не на погибель их живота, а для удовольствия человеческого, на утешение и веселье”¹¹³.

Образ птицы появляется также в „Зеркале морей”. Замечаем, что у Конрада корабли так же, как и птицы, ассоциируются со свободой.¹¹⁴ Таинственный и величественный корабль, имеющий женскую природу и любящий свободу превыше всего,¹¹⁵ преследуется магическим и одновременно жестоким морем, олицетворяющим мужскую природу, для которой как добро, так и зло ничего не значат¹¹⁶. Корабли, которые

¹¹² И. С. Turgenev, *Записки охотника, Собрание сочинений*. Москва, Правда, 1949, т. 1, с. 277.

¹¹³ И. С. Turgenev, *Записки охотника*, т. 1, с. 277.

“freedom is a function of her [the ship’s] life.”

¹¹⁴ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*. Oxford, Oxford University Press, 1989, с. 116.

¹¹⁵ ¹¹⁵ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*. Oxford, с. 130.

“ship makes appeal to a seaman by the faithfulness of her life.”

¹¹⁶ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, сс. 136-137.

“profoundly different from the love men feel for every other work of their hands – the love they bear to their houses, for instance – because it is untainted by the pride of possession. The pride of skill, the pride of responsibility, the pride of endurance there may be, but otherwise it is a disinterested sentiment”

представлены как совершенные в своей красоте „птицы” моря, Конрад трактует как живые существа.¹¹⁷ Корабль у Конрада, как и тургеневская птица в бескрайнем небе, свободен, если может вольно плыть по спокойному морю, имея над собой ясное небо.¹¹⁸ В то же время корабль, оставленный без движения в доке, выглядит достойно и сравнивается с птицей, готовящейся расправить крылья.¹¹⁹ Однако такая „птица” бессильна, как камень, и как узник мечтает о свободе.¹²⁰ Конрад сравнивает такой корабль, стоящий в доке, с дикой птицей, запертой в грязной клетке, которую ждет неминуемая смерть.¹²¹

Бескрайние моря и океаны становятся фактором, который определяет судьбу героев Конрада, а мерой человечности является борьба со стихией моря и океана. Так и природа у Тургенева часто выражает зависимость человеческого существа от определенных условий и пространства, указывая одновременно и на красоту природы, и на горести человеческой жизни.

¹¹⁷ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, c. 65.

‘The efficiency of a steamship consists not so much in her courage as in the power she carries within herself. It beats and throbs like a pulsating heart within her iron ribs, and when it stops, the steamer, whose life is not so much a contest as the disdainful ignoring of the sea, sickens and dies upon the waves. The sailing-ship, with her unthrobbing body, seemed to lead mysteriously a sort of unearthly existence, bordering upon the magic of the invisible forces, sustained by the inspiration of life-giving and death-dealing winds.’

¹¹⁸ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, c. 116.

“A ship anchored in an open roadstead, with cargo-lighters alongside and her own tackle swinging the burden over the rail, is accomplishing in freedom a function of her life. There is no restraint; there is space: clear water around her, and a clear sky above her mastheads, with a landscape of green hills and charming bays opening around her anchorage.”

¹¹⁹ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, c. 110.

“the view of ships lying moored in some of the older docks of London has always suggested to my mind the image of a flock of swans kept in the flooded backyard of grim tenement houses. The flatness of the walls surrounding the dark pool on which they float brings out wonderfully the flowing grace of the lines on which a ship’s hull is built.”

¹²⁰ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, c. 115.

“A ship in dock, surrounded by quays and the walls of warehouses, has the appearance of a prisoner meditating upon freedom in the sadness of a free spirit put under restraint.”

¹²¹ J. Conrad, *The Mirror of the Sea & A Personal Record*, c. 111.

“Shut up in the desolate circuit of these basins, you would think a free ship would droop and die like a wild bird put into a dirty cage.”

С.Л. Уразова

ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА: МЕДИАТЕКСТ КАК НОВАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ

Уразова Светлана Леонидовна
доктор филологических наук, доцент,
Академия медиаиндустрии,
г. Москва (Россия)
E-mail: svetlana.urazova@ipk.ru

Утверждение ценностей национальной культуры в цифровую эпоху связано с развитием информационных технологий и массовых коммуникаций. Становление экранной культуры проецирует потребность в новых формах медиатекста как выразителя самосознания автора.

Ключевые слова: экранная культура, массовые коммуникации, медиатекст

Приемане на ценностите на националната култура в ерата на цифровите технологии е свързана с развитието на информационните технологии и масовите комуникации. Формирането на екранната култура проектира необходимостта от нови форми на медиатекста като израз на самосъзнанието на автора.

Ключови думи: екранна култура, масови комуникации, медиатекст

The value of national culture in the digital age is associated with the development of information technologies and mass communications. The development of screen culture is projecting the need for new forms of media texts as spokesman of the identity of the author.

Key words: screen culture, mass communications, media text

*Личность свободна, насколько она,
понимая историческую закономерность,
содействует ее проявлению или,
не понимая ее, затрудняет ее действие.
В.О. Ключевский [с.425]*

Афоризм знаменитого историка, запечатлевшего в своих трудах этапы становления и развития государства российского на протяжении многих веков, формулирует ключевую проблему любой исторической эпохи. У каждого исторического периода есть свои предназначение и целеполагание, направленные в первую очередь на эволюционные изменения сознания человека, находящегося в непрерывном процессе самосовершенствования и духовно-интеллектуального преобразования. Человек «создается непрерывно, снова и снова создается, создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий» [Мамардашвили,с.34]. В этом контексте проблема понимания исторического предначертания времени коррелируется с включенностью/не включенностью индивида в процессы преобразований, что обуславливается его мировоззрением и самоидентификацией как важнейшим условием социализации личности, ее адаптацией в жизнедеятельности.

Сформулированная В.О.Ключевским закономерность не является исключением и для цифрового времени, сотканного из противоречий в силу становления новой социально-экономической формации – *информационного общества*, нарастающих процессов глобализации и динамично развивающегося научно-технического прогресса,

которые обращены к более высокой ступени цивилизационного развития, где национальная культура и, прежде всего, культура языка как выразителя сознания и мировоззренческих постулатов общества выступают в роли доминанты. В языке, в используемых языковых номинациях отражаются как мировоззрение человека и его отношение к реальной действительности, так и знаковые культурологические аспекты бытийной повседневности [Замалетдинов, Замалетдинова, с.49].

Тем не менее, и культура, по Шпенглеру, проходит определенные стадии модификации, ведущие либо к ее расцвету, либо к затуханию, а «неизбежным концом любой культуры является цивилизация» [Гречко, с.36], также подверженной законам диалектики. Иными словами, на определенном этапе исторического развития в общественном сознании формируется некий цивилизационный код (представления, понятия, модели поведения, языковые и имиджевые характеристики, лексика, символы, знаки, отношение к объективной действительности и т.д.), который отражает принадлежность индивида к конкретному культурно-историческому периоду с учетом духовного наполнения и ценностных категорий. В этом плане XXI век следует отнести к весьма сложной культурно-исторической эпохе, так как он демонстрирует невиданные прежде фундаментальные изменения, протекающие как в духовной, так и в материальной сфере жизнедеятельности общества, для осознания которых требуются и обновленные знания и теоретические обоснования.

К одной из существенных проблем современного общества относится значительная корректировка представлений нашего современника о реальной действительности, что оказывает воздействие на такие оценочные категории, как *личностная и социальная идентичность*. Таким образом, возможность определиться с персонифицированной ролью в современном мире, будь то личность или общество, затрудняется. Неуверенность в формулировании позиции вызвана как ускорением темпоритма времени и масштабными социальными преобразованиями, а также наметившейся дифференциацией социальных групп, так и невиданными прежде процессами фундаментальных трансформаций, которые протекают во всех сферах человеческой деятельности – *технологической, экономической, профессиональной, пространственной и культурной*. Если еще в конце XX века было трудно представить, что мобильные устройства смогут обеспечить межличностную коммуникацию в реальном времени, независимо от местонахождения собеседников в любом уголке планеты, включая их воспроизведение на экране (экранная коммуникация), то сегодня мобильные терминалы, которыми пользуются и стар и млад, стали нормой жизни, непременным атрибутом каждого. В результате нарастания информационных потоков население планеты становится все более информированным, что не только влияет на личностные представления о социально-экономической жизни страны, мира в целом, но и порождает новые потребности.

Многофункциональность этих, небольших по размеру, экранных коммуникаторов позволяет ощущать ускоряющийся ритм бытия, быть в курсе последних новостей, удовлетворяет также потребность людей в интеллектуальном познании и даже обеспечивает досуг своему владельцу, служа накопителем музыкальных и аудиовизуальных образов (мобильное ТВ). Активно внедряемые в повседневную практику компьютеры, интернет, мобильные телефоны «сжимают» время и пространство, обеспечивая людям разных стран, континентов межкультурное взаимодействие и создавая прецедент для осознания индивидом своих неограниченных возможностей. Наиболее ярко характеризует этот процесс Пьер Тейяр де Шарден, утверждавший еще в 30-е годы XX века, что «в перспективах ноогенеза время и пространство действительно очеловечиваются, или скорее сверхчеловечиваются» [Тейяр де Шарден, с.205].

В XXI веке предвидение ученого не просто сбывается: явление «сверхчеловечивания» времени и пространства составляет сущность эволюции современной цивилизации, вписано в контекст ее развития. И несмотря на то, что нынешний техногенный этап культурно-исторического развития оценивается учеными как

вызов «безумного ускорения, этого рака истории» [Тоффлер, с.305] в силу затрудненности прогнозирования действий, проблема современности состоит именно в распознавании и принятии цивилизационного кода, выдвинутого эпохой, а также в преодолении имеющихся барьеров, особенно в технологическом плане, поскольку «даже “просто техника” всегда является продуктом культуры духовного зерна» [Мамардашвили, с.54]. Современные технологические средства следует расценивать и как функциональное средство, и как благо, поскольку они позволяют человеку минимизировать физические и временные затраты при оперативном решении сиюминутных проблем.

Цифровой век привнес в повседневную жизнь множество цивилизационных инноваций, немислимых в прежние столетия, но породил и немало проблем, разрешение которых зависит от человека, его знаний, самоидентификации, выбора решений, включенности в процессы преобразований. И тут на первый план выходят массовые и межкультурные коммуникации (cross-cultural communication начали активно проявляться с середины 1970-х в связи с технологическими нововведениями [Садохин, с.8-9]), стимулируя индивида к познанию и освоению нового эмпирического опыта. В итоге цифровые технологии, несмотря на кажущуюся сложность проникновения в их функционал, обеспечивают человеку включение в темпоритм ускорения, способствуют росту социализации личности, накоплению эмпирического потенциала.

К важнейшим факторам социального взаимодействия относится интерсубъективность, понимаемая как проникновение индивидуального сознания в опыт другого «Я» и через это – к универсальному горизонту опыта. Интерсубъективность как понятие и сущностное явление анализировалась многими философами (И. Фихте, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, К. Юнг, А. Шюц) задолго до появления цифровых технологий. Но в цифровой век, когда социальная адаптация выстраивается на массовых и межкультурных коммуникациях, преимущественно экранных, интерсубъективность становится базисом взаимодействия различных социальных групп, субкультур, мотивируя индивида на поиск типических, взаимосогласованных структур сознания, новых моделей поведения, приводящих к смене социальных ролей. В XXI веке смена социальных ролей и моделей поведения также подвержена ускорению, чему способствует новая среда бытования нашего современника.

Решением относительно процессов «ускорения самой реальности, где мировое время обретает новый смысл» [Вирилио (Вирильо), с.206] служит экранное изображение, выступающее некой поддержкой индивиду, содействуя массовизации общества как культурного феномена. Востребованное повсеместно экранное изображение формирует экранную «реальность» событий, которая всегда условна, и одновременно способствует созданию нового типа культуры – *экранной*. Таким образом, в новейшее время экран приобретает функциональное значение. Он предстает как символ современности и эффективное средство отображения социальных реалий, присущих той или иной нации, проецируя становление экранной культуры как составляющей части массовой и национальной культуры. Экран ТВ, компьютеров, мобильных телефонов, планшетов, букридеров, уличных рекламных щитов – все это образ визуализирующегося информационного пространства. Однако процесс визуализации нарастает столь стремительно, что необходима оценка чувственной способности homo sapiens воспринимать и понимать окружающий мир в экранном воплощении. Как известно, визуальное восприятие и понимание у индивидов заметно различаются, и это зависит от визуальной культуры и визуального мышления каждого.

Следует учитывать, что динамика визуализации социального и медийного пространства происходит не случайно. Обращение к экранной информации, позволяющей индивиду быстро ориентироваться в происходящем, оперативно принимать жизненно важные решения, обусловлено в новейшей истории переходным периодом, становлением информационного общества, где информация является неким алгоритмом информированности различных слоев населения. И в прежние века, при смене эпох,

прибегали к наглядности информации в том или ином виде, но ее реализация достигалась иными средствами. Например, в XVII веке – живописью, печатной периодикой, в конце XIX – начале XX веков – плакатом, фотографией, кинематографом. Затем повседневная практика обогатилась новым феноменом – телевидением, получившим по мере своего развития статус ведущего средства массовой коммуникации, предназначенного для информирования и распространения знаний упрощенного типа, которое вывело массовую культуру на приоритетные позиции [Уразова].

Теперь, в XXI веке, адаптация в социальном пространстве и интенсивное развитие интернета породили дальнейшие эволюционные изменения: представления социума о времени и пространстве были скорректированы, как и отношение индивида к жизни – *стереотипы выживания*, бытовавшие в аграрном и индустриальном обществе, сменились на *стереотипы самовыражения*, закрепляя в общественном сознании приоритет настоящего времени. Стремление к самовыражению проявляется в наибольшей степени в социальных сетях, получивших беспрецедентное распространение во всем мире. Появление социальных сетей, а также востребованность этого выразителя общественного мнения свидетельствует о потребности социума *высказывать свое суждение* по различным вопросам социально-экономического бытия и *быть услышанным*. Однако лексика изложения в социальных сетях схожа, согласно определению филологов, с «языком варваров». И этот показатель диктует необходимость более тщательного изучения национального языка и литературы.

К знаковым явлениям в формирующейся экранной культуре следует отнести и введение в обиход понятия «*медиатекст*», понимаемого как совокупность воплощения на экране всевозможных видов и жанров информации в соединении с различными формами, снабженными разнообразными художественно-выразительными средствами. Основной признак медиатекста – *мультимедийность*, что позволяет создавать несчетное число вариаций медийной продукции, презентуя ее на экране компьютеров, телевизоров, планшетов, мобильных средств и т.д.

Мультимедийность не только многоаспектна, но и чрезвычайно значима для наших современников. Она стимулирует человека к рефлексии, развивает дивергентное мышление (*поиск множества решений одной задачи*) и творческое воображение, мотивирует индивида к креативности и творческой состоятельности. Все эти характеристики творца придают медиатексту оригинальность и неповторимость, что при росте информационных потоков обречено на востребованность. Мультимедийность проявляется как *во множестве использования информационных сред (многоплатформенность)*, различающихся по специфике репрезентации медийного продукта и использованию технологической платформы (среда традиционных СМИ, интернет-пространство), где информация позиционируется с учетом особенностей самой среды, а также обнаруживается *в многообразных формах и типах контента* (вербальный, иллюстративный ряд, инфографика, анимация, аудио-, видеопроизведения и т.д., включая совокупность всех типов информации и многообразие форм ее популяризации). Мультимедийность является и отправной точкой как эволюционных преобразований медиатекста, так и его тесного взаимодействия с рекламой, PR, маркетингом. Налицо конвергенция (слияние) различных видов медиатекста.

Иначе говоря, в экранном производстве *медиатекст* становится не только и не столько новой формой, то есть неким формализованным каркасом, в котором заложена проекция на видоизменения, сколько сущностной категорией мировоззренческо-творческих представлений его создателя о картине мира. В этом контексте творец медиатекста предстает как выразитель национального самосознания, поскольку использует в своей экранной репрезентации отобранные языковые единицы, метафорические выражения, символы и знаки, выражающие его отношение к жизни. Однако внедрение технологических возможностей и современных программных обеспечений для реализации экранных продуктов побуждает к творчеству не только

профессионалов, но и любителей, что приводит к конкуренции в нише *профессионал-любитель*. Это принципиально новое явление, сформировавшееся в цифровой век, что свидетельствует, с одной стороны, о конвергенции в области профессионального и любительского мастерства при производстве экранного продукта, с другой – характеризует рост эталонного уровня творчества как в профессиональной, так и любительской сфере.

В профессиональном плане возникновение медиатекста привело к созданию экранного продукта принципиально нового типа, который способен привлечь внимание значительной части аудитории. Речь идет о так называемом мультиплатформенном медийном продукте или *трансмедиа (storytelling)*, чье содержание имеет контекст *трансцендентального повествования* с учетом нелинейного воплощения содержания выбранной истории, а репрезентация такого медийного продукта включает платформы всех известных видов СМИ. Трансмедийный продукт отличается не только использованием различных медиаплатформ, но и усложненная концепция фабульно-сюжетного моделирования произведения, разнообразные художественно-выразительные формы, включение в контекст сюжета организационно-структурных элементов и мультимедийных данных, то есть всего того, что может вызвать интерес у активной части медиапользователей, способствовать их вовлечению в дальнейшее развитие обнародованного сюжета, обеспечение его популяризации. Подобные творческие инновации основываются зачастую на известных литературных произведениях, что повышает интерес аудитории к экранной культуре и литературным произведениям. Пристрастие к экранному образу связано с эмоционально-чувственным восприятием человека, его стремлением к подражанию. Об этом писал еще Аристотель, пытаясь разгадать тайну искусства и поясняя значение мимесиса (греч. μίμησις — подражание, воспроизведение, изображение), благодаря чему человек приобретает первичные знания и получает удовольствие от созерцания, воспроизведения и познания предмета, даже если изображается безобразное [Словарь философских терминов, с.330].

Однако обращение к экранному продукту порождает ряд новых проблем, требующих осмысления и научного обоснования. Одну из них наиболее точно сформулировал Ф. Уэбстер: «Мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется, она проходит в процессах обмена и получения – или попытках обмена и отказа от получения – сообщений о нас самих и о других... Мы атакованы знаками со всех сторон, мы сами себя создаем из знаков, мы не имеем возможности скрыться от них – и все это в результате приводит к коллапсу смысла» [Уэбстер, с.28-29]. Таким образом, создание медиатекста в экранном продукте должно основываться на введении новых смыслов и категорий общечеловеческих ценностей, обращенных к осознанному восприятию нашими современниками.

Смена эпох формирует еще одну опасную тенденцию – утрату пристрастия к чтению, нивелирование отношения к письменной культуре как культуре идей и вечных ценностей. Это связано с «социализацией» времени, его событийностью, становлением *диалоговой культуры*, предполагающей умение слушать друг друга, рефлексировать, оценивать себя со стороны, что приводит к утверждению речевых практик, значительно упрощающих ментальные представления о бытии. Нарождается и новый тип культуры – *информационной*, которую можно трактовать как *культуру медиа* с ее упрощенными представлениями о сущности бытия, отношения к реальной действительности. С приходом культуры медиа имманентная связь человека с такими ценностными категориями, как вечность, смысл существования, нивелируется, и сама эта связь обрывается. Все это вызывает множество вопросов, связанных с проектированием будущего. Что за тип личности будет превалировать в повседневности? И как будут формироваться у человека цифрового времени, подвергающегося бесчисленным атакам экранных массмедиа, такие важные духовно-ценностные нормы, как *самосознание, самоидентификация*, оценка окружающего мира? По каким критериям будет

определяться его *идентичность*, и где будет проходить водораздел институционального и социального?

Все эти вопросы проецируют особо ответственное отношение к экранной культуре, которая только нарождается, но в ней уже заложены как позитивные, так и негативные тенденции, требующие разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вирилио (Вирильо)П. Потеря мира реальности. Низвержение в пустоту// Из книги П.Вирилио «Информационная бомба. Стратегия обмана».Перевод с фр. И. Окуневой//Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.:Алгорит, 2009.
2. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. Электронная библиотека учебников//URL.: <http://studentam.net/content/view/64/15/> (дата обращения 05.04.2015).
3. Замалетдинов Р.Р.; Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества//Филология и культура, 2012, № 2 (28). С.49 – 53.
4. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.IX. Материалы разных лет/ Под ред. В.Л.Янина. – М.: Изд-во «Мысль», 1990.
5. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
6. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М.:Прогресс-Традиция,2009.
7. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. Учеб.пособие для вузов. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
8. Словарь философских терминов/Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.:ИНФРА-М,2007.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Издательство «Наука».– М.: 1987.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2004.
11. Уразова С.Л. От «зеркала Нарцисса» к экранной реальности. ТВ в контексте трансформаций цифрового времени. Монография/ Литература по культуре и искусству. – М.: Изд-во «Русника», 2013. – 392 с., илл.
12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества.– М.: Аспект Пресс, 2004.

С.С. Харитонов

ПИСАТЕЛЬ-НАРОДНИК И.Н. ХАРЛАМОВ О РОЛИ СМЕХА В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЧЕРКА И.Н. ХАРЛАМОВА «РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ЮМОР»)

*Харитонов Сергей Сергеевич
аспирант кафедры истории России,
Педагогический институт Владимирского государственного университета,
г. Владимир (Россия)
E-mail: ss.haritonov@mail.ru*

Рассматриваются социо-культурные взгляды И.Н. Харламова как типичного представителя легального народничества, касающиеся роли смеха в устном народном творчестве на основе очерка «Русский народный юмор». Дана характеристика подходов И.Н. Харламова к изучению народной культуры. Кратко рассмотрены такие формы проявления культуры смеха, как пословицы и поговорки, лубочные картины, народный театр.

Ключевые слова: *народ, народники, устное народное творчество, смех.*

Разглеждани са социокултурни възгледи на И. Н. Харламов като типичен представител на „легалното народничество“, свързани с ролята на смеха в устното народно творчество въз основа на очерка „Руски народен хумор“. Представена е характеристика на подходите на И. Н. Харламов към изучаването на народната култура. Кратко са разгледани такива форми на проява на културата на смеха, като поговорки, битови сценки, народен театър.

Ключови думи: *народ, популизъм, устно народно творчество, смях.*

At this paper there are regarded the social and cultural views of I.N. Charlamov as a typical representative of legal «narodniki» movement. The authors analyze his views, concerning with the role of laughter in oral folk art, based on the essay «Russian folk humor». The characteristic approaches I.N. Kharlamov to the study of popular culture. Briefly considered such manifestations of the culture of laughter, as proverbs and sayings, woodcut paintings, folk theatre.

Keywords: *people, «narodniki», folklore, laughter*

Перу забытого ныне писателя писателя-народника И.Н. Харламова (1854 - 1887) принадлежит несколько десятков очерков, посвящённых народной проблематике. В них рассматривается широкий спектр общественно-политических, социально-экономических вопросов. Важное место в его творчестве занимают проблемы нематериальной народной культуры, прежде всего история религиозных движений. Изучению устного народного творчества посвящён очерк «Русский народный юмор». Его рассмотрение позволяет выявить особенности народнического взгляда на смех, как часть народной культуры. Названный очерк, опубликованный в журнале «Дело» в №12 за 1881 год, был написан по книге Д.А. Ровинского «Русские народные картинки» [Ровинский].

История смеха, по мнению И.Н. Харламова – это «история изнанки цивилизации, история отрицания его уродливостей; иначе – это история идеалов человечества, поскольку они могут быть определены отрицательно» [Харламов, с. 8]. Сатира и карикатура представлялись ему в качестве проповедниц морали и нравственности с помощью смеха. Именно сатира и карикатура, полагал исследователь, определяют высоту нравственного уровня того или иного народа в определённую эпоху. Популярность сатиры и карикатуры в обществе, глубина затрагиваемых ими тем, свидетельствовала о высоком уровне самосознания «лучших людей эпохи» и об относительно ровном общем культурном уровне народа, поскольку предполагала понимание членами этого общества смысла, заложенного в сатирических произведениях и, в свою очередь, давало повод полагать, что подобное общество имеет предпосылки к прогрессивному развитию [Харламов, с. 9].

В процессе изучения роли смеха в устном народном творчестве исследователь стремился определить объекты народного смеха (над чем и как смеялся и смеётся народ), существовала ли положительная основа («идейная подкладка») смеха и какова она, почему те или иные объекты смеха оказывались представлены (или не представлены) в произведениях народного творчества. Народник пытался определить, насколько широко отрицательное отношение народа к явлениям и процессам общественной жизни. Тем самым, сфера устного народного творчества и участие в ней юмора и сатиры использованы автором в качестве возможности коснуться темы общественных отношений. Подобный приём характерен для многих публицистов второй половины XIX века, поскольку в условиях жестокой цензуры, которой подвергались «толстые» журналы (в том числе и «Дело») помогал обходить острые углы, но, в то же время, доносить до читателя оценку тех или иных общественно-политических явлений или процессов. По мнению И.Н. Харламова, в последние десятилетия отрицательное отношение к

общественной жизни в народе «развивалось, конечно, гораздо более сильнее, чем во всё предыдущее время» [Харламов, с. 6].

И.Н. Харламов отмечал необходимость всестороннего исследования народной проблематики. Для этого он предлагал не ограничиваться изучением экономической жизни крестьянства, но обратить внимание на такие сферы, как обычное право, религиозные верования, народный смех, иными словами, продукты нематериальной культуры. Именно они, по мнению исследователя, представляли собой «народную суть». Важность всестороннего исследования и освещения социальных явлений жизни, стремление проникнуть в идеологию и психологию крестьянства, в его быт и культуру было свойственным не только творчеству И.Н. Харламова, но и в целом народническому движению [Чеботарева, с. 154].

Народник выступал против интеллигентского мифа, утверждавшего, словами некрасовского стиха, «где народ, там и стон». «В изображениях и исследованиях крестьянского быта с Радишева, особенно же с 40-х годов, - писал И.Н. Харламов, - литература постоянно придерживалась такого преувеличенного представления о непрерывном горе и безысходной тяге народной жизни» [Харламов, с. 6]. Преувеличение, по его мнению, было обоснованным накануне реформы 1861 года, поскольку позволило подготовить «нравы», вызвав «тёплое участливое внимание к народу», сформировать в обществе заинтересованное отношение к крестьянству как к субъекту общественно-политических отношений, и оно с честью сослужило свою службу. Столь же несправедливым, полагал И.Н. Харламов, было бы и противоположное утверждение о том, что, «где народ, там и смех». Исследователь противопоставлял этим крайностям принцип реалистичного изображения изучаемого предмета.

В рамках всё того же стремления к реализму и всестороннему подходу к изучению народной проблематики можно рассматривать замечание И.Н. Харламова по поводу пренебрежения сатирическими произведениями, в отличие, например, от лирических, отнесения сатиры, юмора к «противонародным произведениям «кабацкой цивилизации». Народник призывал «любить народ, мужика, а не сентиментально-безответных рабов» [Харламов, с. 5].

Важным положением, выдвигаемым И.Н. Харламовым, является его убеждение о единстве русской и европейской культуры: «Нет никаких особенных специфических откровений русского духа, - писал он, - ...чему бы не нашлось на том же Западе полных и бесспорных аналогий, доказывающих ту простую истину, что человеческий дух, будет ли он русский или французский, чувствует и мыслит по одним и тем же психическим законам» [Харламов, с. 2]. В связи с этим исследователь рассматривал проблему заимствований в произведениях народной культуры из европейских аналогов.

Ещё одним отличительным признаком, свойственным народной культуре (к которой может быть отнесён и смех) является, по мнению И.Н. Харламова, отрицательное отношение к нему со стороны официальной церкви. В отношении подобных произведений, как отмечал исследователь, официальная церковь, по сути, выступала в роли цензора. Вывод народника в связи с этим однозначен: «можно уничтожить скоморохов, подчинить лубочную картинку предварительной цензуре, но живое человеческое слово цензуровать никак невозможно» [Харламов, с. 21]. Бесперспективность, несбыточность подобных запретов отмечал отечественный исследователь А.М. Панченко [Панченко, с. 45]. Таким образом, можно констатировать, что Харламов выступал за расширение светского, демократического элемента в культуре.

Объекты для смеха в устном народном творчестве исследователь условно подразделял на две категории:

1. Частная жизнь (физические и нравственные недостатки отдельного человека, проблемы семейных взаимоотношений, свадебные обряды).
2. Общественно-политическая жизнь (верховная власть, закон, суд, представители привилегированных сословий).

К формам проявления смеха в устном народном творчестве И.Н. Харламов относил поговорки и пословицы, шуточные песни, сказки, лубочные картины, народный театр.

Рассматривая пословицы и поговорки, как форму проявления смеха, И.Н. Харламов принимает схему, предложенную Ф.И. Буслаевым, согласно которой пословица развивалась от «величаво-простой, добродушной до детской наивности и необыкновенно объёмистой» к ироничной, отмечающей недостатки общества, в народном обиходе «соответствующей сатире и комедии». Тем самым, народник указывал, прежде всего, на социальную остроту пословицы, шаг за шагом отмечающей «полное отсутствие правды в общественной жизни» [Харламов, с. 22]. Пословицы прошлых веков, приводимые им в очерке свидетельствуют об отсутствии правды в деяниях царской власти, судей, чиновников, помещиков и духовенства. Несмотря на то, что автор подчёркивал исторические границы исследуемых пословиц (XVII - XVIII вв.), не вызывает сомнений, что современная И.Н. Харламову общественно-политическая картина претерпела в этом смысле незначительные изменения.

Ещё одну значимую функцию смеха исследователь видел в том, что смех был «одним из факторов в развитии сознания племенного и национального родства и солидарности членов племени к защите своих интересов» [Харламов, с. 9], т.е. речь идёт о формировании общественного самосознания (порой доходящего до «национального самохвальства») через формирования противопоставления «свой – чужой», «насмешки над врагом». И.Н. Харламов относит большинство подобных феноменов к удельному периоду в истории Русского государства. Аналогии этому народник указывает и в европейском фольклоре (история о «шилльдских болтунах», относящаяся к эпохе Реформации). Из древней традиции насмешки над врагом народник выводит разнообразную современную (на тот момент) журнальную сатиру на тему противопоставления России и Запада.

Касаясь лубочных картин, представленных в книге Д.А. Ровинского, И.Н. Харламов оценивал прежде всего их текстовое, а не иллюстративное содержание. Здесь значимым представляется указание автора на явные заимствования с западных образцов, что определяло набор тем и содержание сюжетов. В отличие от оригиналов, отечественные сюжеты, посвящённые духовенству и помещикам, по мнению народника, менее злобны, поскольку лишены подтекста политической борьбы буржуазии с духовенством и дворянством.

Пожалуй, важнейшей чертой лубка, которую отмечает И.Н. Харламов, является лишь условная (с точки зрения исследователя) принадлежность к народному творчеству. Причина этого заключается в том, что лубочные картины, позаимствованные в Европе, представляли собой произведения городской культуры, которую И.Н. Харламов, как типичный представитель народничества, в отличие от традиционной сельской культуры, не считал народной. Лубочные картины характеризовали нравы средней и мелкой буржуазии, городского ремесленничества и купечества. Положительный идеал, стоящий за лубочной городской сатирой – «пошлая, прописная мораль». В связи с этим исследователь заключал, что «за пределы города выводить нравы, изображённые на картинах этого рода, нет никаких оснований». Разграничивая городскую и традиционную народную культуру, И.Н. Харламов указывает, что «в противоположность народному открытому смеху над всем, что не соответствует его идеалам, московская картинка лицемерна» [Харламов, с. 31]. Надо сказать, что подобная точка зрения писателя касается не только культуры смеха, но красной чертой проходит сквозь всё творчество И.Н. Харламова.

Функцию обличения существовавших нравов народник отмечал также в народных играх и скоморошских «действиях». Не строя иллюзий относительно глубины идеалов подобной сатиры, И.Н. Харламов тем не менее, видел в этом росток будущей критики социальной несправедливости, причём эта критика исходила от рядовых граждан.

Таким образом, культура смеха представлялась И.Н. Харламовым в качестве одного из факторов развития общественного самосознания, позволявшая обходить цензурные барьеры и бороться с человеческими и общественными изъянами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А.М. Скоморохи и «реформа веселья» Петра I / А.М. Панченко. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб, 2005. С. 42-54.
2. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 1-5. СПб, 1881.
3. Харламов И.Н. Русский народный юмор // Дело. 1881. №12. С. 1-36.
4. Чеботарева Е.Г. Проза писателей-народников как художественное явление // Гуманитарные исследования. 2008. №4. С. 152-157.

И.А. Швед

АД В ВЕРОВАНИЯХ БЕЛОРУСОВ (НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)

Швед Инна Анатольевна
доктор филологических наук, профессор,
Брестский государственный университет,
г. Брест (Россия)
E-mail: shved_inna@tut.by

Ад рассматривается как элемент народно-христианской топографии иного мира. Анализ белорусских обмираний, быличек, сказок, фразеологии и других жанров позволяет отметить, что грехи закрепляют после смерти души людей за соответствующей сферой «того света» – адом. Между виной и формой наказания обычно устанавливается логико-аллегорическая связь. Древние по своему генезису чувственно детализированные, наглядно-материалистические картины адских наказаний рисуются подобно земным издевательствам, допросам, умерщвлению. Приводятся славянские параллели верованиям белорусов.

Ключевые слова: ад, верования, кара, грех, вечное.

Адът се разглежда като елемент на народно-християнската топография от друг свят. Анализът на белоруските притчи, небивалици, приказки, фразеологията и други жанрове ни позволява да отбележим, че греховете се за закрепят след смъртта на душите на гората към съответната сфера „на онзи свят” – ада. Между вината и формата на наказание обикновено се установява логико-алегорическата връзка. Древните по своя генезис чувствено са детализирани, нагледно-материалните картини на адските наказания се представят, обрисуват подобно на земните издевательства, разпити, умъртвяване. Посочват се славянски паралели на вярванията на белорусите.

Ключеве думи: ад, вярвания, наказания, грехове, вечното.

Hell is seen as an element of national-Christian topography of another world. Analysis of Belarusian store about driam, true stories, fairy tales, phraseology and other genres allows to admit that sins perpetuate after death the souls of men for the relevant area «of the world» – hell. Between guilt and a form of punishment is usually set logical-allegorical connection. Ancient in its genesis, sensuously detailed, visually-materialistic paintings of hellish punishments are drawn like earthly humiliation, interrogation, mortification. There are also introduced Slavic parallels to beliefs of Belarusians.

Keywords: hell, beliefs, punishment, sin, eternal.

Белорусские верования об аде (в связи с раем) составляют довольно широкий и разнородный (как в содержательном и структурном, так и в генетическом отношении) комплекс, тесно связанный с понятиями о душе, смерти, вечном, посмертном существовании, грехе, загробном суде и возмездии. Ад, по народно-христианским представлениям белорусов, как и других славян, является частью «того» света и занимает крайнюю ступень на лестнице греха, противопоставляясь раю, связанному с благодатью – *«Боскай ласкай»*. Ад, составляя семантическое целое с раем, обычно описывается в связи с душой человека, а также адаптируется к мифо-фольклорному пространству и его определяющим координатам, таким как верх–низ, восток–запад, лево – право. Причем ориентация может быть необычной – рай располагается слева (несмотря на общую негативную оценку этой стороны), ад справа: «Рай на земле быў. И пэкло на земле. Воно ж радам. С правой [стороны] – пэкло, а с левой – рай» [«Народная...», с. 41]. Представления об аде связаны с идеей зависимости материи и природы от духовного состояния самого человека (*«Хто дзе, як зарабіў [будет на «том» свете]»*) (зап. автором в д. Зеленки Мядельского р-на Минской обл. от Попок О.А. (1926 г.р., белорусски, православной)). Согласно ряду нарративов, базирующихся на идее, что условием спасения либо гибели души является личный выбор человека, покающийся перед смертью грешник может миновать ад и попасть в рай.

Ад – место нахождения грешников, которые мучатся за свои земные грехи. Настоятель Свято-Крестовоздвиженского храма Анатолий Пашкевич говорит: *«Знаете, почему люди боятся конца света? Они не конца света боятся, они боятся своих грехов. Когда человек боится своих грехов, он знает, что его накажут. Ни смерти боится, он грехов боится. Боятся того, как его там примут»* (зап. автора; Вистычи Брестского р-на). Вместе с тем изредка встречаются представления о том, что кому на этом свете хорошо жилось, тому и в аду будет неплохо: *«...у пекле пекне, бо ў пекле чэрці весело жывуць самі да й грэшным душам назваляюць весяліцца»* [Сержпутоўскі, с. 67]. Такие представления выходят за рамки привычной для христианской этики шкалы оценок, противоречат христианской аскетике: во-первых, отсутствует идея наказания в соответствии с содеянными пригрешениями, во-вторых, веселье в данном случае имеет положительную оценку при связи с греховностью, хотя антитеза земной и загробной жизни, как известно, включала радость после смерти для праведника (его скорбь была только на земле), и радость эта связывалась с пребыванием в раю (ср.: «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь» (Лк. 6, 21). Примером инверсированной христианской оценки может быть следующее суждение: *«Мабыць, каму на гэтым свеце добрэ, таму й на том свеце не ліхо, а каму тут ліхо, таго й на том свеце чэрці ў смале смажаць»* [Сержпутоўскі, с. 67]. Вместе с тем в горнем мире также не всегда царит радость, там могут литься слёзы, правда из-за несчастий, происходящих на земле. На мой вопрос о пятнах на месяце и солнце информант отвечает: *«Там тожэ плачут, там тожэ кровь идет. Посмотрите сколько на земле войн, сколько крови, а оно ж тожэ где-то испаряется. Кровь же теплая, живая»* (д. Зводы Брестского р-на от Брынзы В.Ф. (1949 г.р., белорусски, православной).

В православной традиции, как известно, противопоставлены только рай и ад, а в католичестве с XII в. на «том свете» выделяется еще и чистилище. Согласно космогоническим легендам, бытующим и по сей день в Беларуси, после того, как Бог скинул с неба в ад «Інцыпара і яго войска», Он отгородил ад «ракой агністай», через которую никто не может перейти. В русской народной духовной поэзии ад и рай также разделяет огненная река, а в сербской – стена или большая ограда. Путь души на «том свете» проходит через мост то в виде тонкого волоса, то бревна, настила и т. п. (часто в зависимости от греховности души), пролегающего над пропастью, кипящей смолой. Грешные души срываются и падают в ад, а праведные проходят в рай. Мотив моста-волоса хорошо известен южным и отчасти восточным славянам [Морозов, с. 93]. В связи с представлениями о том, что попасть в рай можно только перейдя через адскую реку,

витебские хозяйки, вынув из печи готовые хлебы, бросали туда три полена, которые на «том свете» послужат им кладками при переходе через эту реку по пути в рай [Морозов, с. 94]. С идеей трудного пути умершего по «тому свету» связаны также многие акты погребального обряда, например: *«Як робяць труну, та мерцвяца мераюць палкаю, даўжынёю па яго росту. Потым гэтую палку кладуць на магіле, каб нябожчыку была гатовая палка на том свеце, атганяцца ат сабак – чарцей»* [Сержпутоўскі, с. 231].

Наиболее древними, как известно, являются верования, по которым рай и ад территориально не разделены, а грешные и праведные обыватели «того света» – соседи и даже жители одного дома, только одни заслуженно пребывают в блаженстве, а другие – в муках. Согласно обмиранию, записанному в д. Макишин Городнянского района Черниговской области, *«в каждой комнате стол, вокруг него – люди. У тех, кто много милостыни давал, много на столах, у тех, кто мало давал – ничего нет на столах. И голые сидят на печи горячей – это те, кто себе смерть робили»* [«Народная...», с. 42]. Многие народные представления о топографии и устройстве «того света», о муках грешников и т.п. известны из обмираний. Там *«жывая мяса хадуром хадурьць. Эта гаворуць усё, што абарты робюць. Пака матка жывець, дык яны там гэдак хадураць, а як памрэць, тады яно абрашчаецца ў дзяцёнка... Там на ланцугах напрывязаныя, вісельнікі...»* [Полацкі..., с. 145]. Местом пребывания «вісельнікаў» может быть болото. По одному из рассказов, мать повесившегося сына во сне видит: *«балота, і там прыгаюць, прыгаюць людзі, гаворыць, голыя, з хвастамі. Та жа, гаворыць, гэты мой і сыноч»* [Полацкі..., с. 147]. Основным содержанием таких рассказов выступают картины «того света», среди которых темнота, смола, зловоние, гниение, болото, огонь и/или лед, страшные стоны и крики, скакание, горение грешников в аду. Две части, на которые членится «тот свет» могут никак не описываться, а лишь оцениваться в категориях «хороший/плохой»: *«Адна відзела ў сне, як была на тым свеце. На адной старане харошыя людзі, а на другой – як змеі. Тут у харошым, чыстым, у беленькім надзеты, вяжуць ці што. А што заслужылі плахоа, – гразныя, чорныя»* [Полацкі..., с. 148].

Если рай обычно локативно связан с небом, то ад – с нижним (подземным, подводным) ярусом мироздания. Но ад не всегда размещается в оппозиции раю – в подземелье, встречаются мнения, что ад находится на земле: *«[Дзе знаходзіцца рай?] – Не на зямле ж, а ў небесе. А грешнікі гаряць жа ў пекле. [А пекла дзе?] – На зямле. [Дзе на зямлі?] – Там становіцца такое места»* (зап. автором в д. Никоновичи Быховского р-на Могилевской обл. от Ярошковой К.А.); *«[Дзе знаходзіцца рай?] – Рай на небе, то ж не на земле. На земле мы не заслужылі. [А пекла дзе?] – О тут пэкло. Мы всі чэрты. Бо мы не выдержаныя людзі...»* (зап. автором в д. Леплевка Брестского р-на от Гололюк Г.В.). Последний пример характерен в том плане, что позволяет реконструировать представление о своеобразной «общественности» пекла (хотя в аду грешники не узнают своих близких), в отличие от индивидуалистичности рая; ср. использование слова «ад» для обозначения крайне негативных человеческих отношений. На Гродненщине ад представляли как огромную гору на краю света, посреди которой горит огонь и кипят котлы с грешниками. У гуцулов ад помещен на острове посреди моря [Морозов, с. 93].

Согласно некоторым верованиям белорусов, ад может находиться в том же самом месте, что и рай – на небе: *«[А дзе знаходзіцца рай?] – Рай, па-маяму, вышэй, на небе. Там усё есць: і рай, і пекла»* (зап. автором в д. Зеленки Мядельского р-на Минской обл. от Попок О.А.). Подобные представления известны сербам: все покойники находятся на небе, где ад и рай четко разделены (Косово), при этом небесный ад занимает тот участок, где кипит деготь и мучаются грешники (центр. Сербия), или ад и рай расположены на небе так, что рай выше ада, населенного змеями и чертями, обьятого тьмой и дымом и навсегда лишеного солнечного света (Косаница) [Морозов, с. 93].

Хорошо известно, что дифференциация и противопоставление по многим важным параметрам верхнего и нижнего миров является устойчивой характеристикой вертикальной космической модели. Нижний (подземелье, ад) и верхний (небо, рай) ярусы

мироздания могут быть симметрично размещены относительно среднего, человеческого мира. У белорусов и других славян ад может мыслиться как яма, пропасть, овраг, пещера, колодец и быть входом вообще на «тот свет» (ср. с.-х. диал. јама ‘тот свет, ад’ – Лика, Дубровник [Морозов, с. 94]). И рай, и ад, по представлениям белорусов, имеют из среднего, человеческого мира своеобразные «входы», двери, ворота (открытые или закрытые): «вокны, «вароты, «латкі». Книжно-апокрифические представления о «вратах адовых» (серб. «пакленска врата», гуцул. «брама залізна», польск. «brama piekielna» и т.п.) известны и другим славянам. Согласно польским паремиям, в ад вход широк и он открыт круглые сутки (видимо, только для прохода внутрь). В «прощальных песнях», исполняемых на Беларуси при умершем от его имени часто актуализируется образ широкой дороги, ведущей на «тот свет»: «...*Прощайце, всі люды, // І браця, і сістры, // Бо я вжэ отходжу од вас. // Дорога шырока, // Могыла глыбока, // Я бульш не вэрнуся до вас...*» (ФЭАБ; Радостово Дрогичинского р-на).

По другим верованиям, эти ворота охраняются стражниками-чертями, львом (западно-славянские традиции), собакой (южно-русские), змеей (русских старообрядцев) [Морозов, с. 94]. В Словакии рассказывают о Чертовице (*Certovica*) – роднике с минеральной водой около Лупчи, который является входом в ад. Однажды два косца пошли напиться с этого родника, после чего их нашли почерневшими. А вечером на том месте черти радовались, что заполучили две души. Родник – вход в ад – люди завалили камнями [Gašparíková, с. 27]. Белорусы, как и другие славяне, верили, что в определенные пиковые точки календаря ад открывается. Восточные славяне считали, что муки в аду могут прекращаться на Благовещение и с Пасхи до Вознесения [Морозов, с. 94].

Считается, что ад может размещаться не только в болоте, под водой, на дне, но и в середине земли, в огне: «*усярэдзіне зямлі гарыць агонь, там ліхі пабудаваў пекло, дзе мучацца грэшныя душы*» [Сержпутоўскі, с. 48]. В Боснии ад мыслится под землёй, при этом он весь охвачен огнем и у грешников горит то глаз, то рука, то все они варятся в котле (Височская Нахия). Такая картина ада типична для большинства славянских представлений [Морозов, с. 93–94]. Тематическая организация «огневой» парадигмы (семиотического поля) ада проецируется на образы дыма, мрака, сажи, серы, угля, печей, сковород и котлов, где жарятся и варятся грешники, либо смолы, в которой они кипят и которую возят. Так, К.А. Ярошкова с д. Никоновичи Быховского р-на рассказывает мне: «*А як на работу я хадзіла, жэнішчыны, каторыя ругаюцца, ані гаворят: «Бабочки, я буду ў пекле гарэць», а другая гаворы: “А я буду смалу на том свеце вазіць”*». В связи со сказанным характерен сюжет словацкой песни о том, как праведный священник часто молился за свою мать и призывал ее к вере. Мать обещала сыну молиться, но вместо этого бегала по соседям и сплетничала. Однажды умершая мать показала сыну на огненном коне и сказала, что его посты и молитвы напрасны, так как ее уже невозможно избавить от адских мук (Burlasová, с. 108). В белорусских народных молитвах «от адских мук» также упоминается огонь и смола. Поляки представляли ад как глубокое темное подземелье, как озеро кипящей смолы, а в восточном Полесье ад называют «смола» [Морозов, с. 93]. Самым страшным местом ада белорусам представлялось дно: «*Калдуноў і вялікіх грэшнікаў душа адразу после смерці хватаецца чарцямі й заносіцца ў пекло на самае дно*» [Сержпутоўскі, с. 228].

В некоторых нарративах при описании ада могут одновременно актуализироваться образы огня (жары) и льда (холода), огня и вечного мрака. В связи с этим характерно различие геенны (огненной, где мучатся грешные души) и древнееврейского шеола – темного места в подземелье, гда собираются все умершие и откуда нет возврата. «*...А пекло ўнізу пад зямлёю, дзе цёмно, да холодно, бы лёд. Там чарты ў вялізных катлох у смале вараць душы грэшных людзей. Душы гараць, мучацца, але ніколі не могуць згарэць, бо ўжэ так Бог даў, каб чалавек пакутаваў за свае грахі*» [Сержпутоўскі, с. 67].

Согласно многочисленным нарративам, которые описывают условия народного быта, наказание на «том свете» соответствует тем категориям грехов, которые человек

совершил при жизни («Он будет то же сам терпеть»). Согласно обмиранию из Черниговской области, «бачили, кто краў – усэ за собою таскае: лэжыць жэніціна, высыць над ней рубашка – то крала. Друга стоить и молоко мешае – [при жизни] носила продаваць и мешала воду, тэпэрь выдэляе йэйи. А йэйцэ на бабе косы рвуть [другие бабы] – то вона чужих чоловик любыла. Одын мешок земли нэсэ – те чужу землю перекапывал» [«Народная...», с. 42]. А что за все грехи (выстоянные в иерархию) надо отвечать, информанты не сомневаются: «Все земные люди, грешат все, но кто-то больше, кто-то меньше. А за грехи отвечать по-любому будем. Самые страшные грехи – это убийство, обман, прилюбодеяние. Ну это 10 заповедей Божьих, которые все знают. Не делай ничего плохого человеку, живи. Пришел путник – дай воды, не пожалей кусок хлеба. Зашли к тебе в дом, не говори, что ты бедный, что у тебя нет ничего. Найди, поделись и всё» (зап. автором в д. Зводы Брестского р-на от Брынзы В.Ф.). Согласно записи из д. Тхорин Овручского района Житомирской области, «самый горш грэх, у кого дитя помэрла [по недосмотру матери. На «том свете» перед такой матерью поставят только мясо –] будеш ести мьяса, заробила ўжэ на том свете мьяса» [«Народная...», с. 42]. Основу в традиционных иконографических мотивах (иконы Страшного суда) имеет «политизированный» вариант представления о «населении» ада: «Ады будут заполнены царями, попами, дьяками, а потом уж простой люд» – Овручский район Житомирской обл. [«Народная...», с. 42]. В духовных песнях часто рисуется картина ожидания суда над грешной душой: «...Як пидэ душа по мітарству, // А ціло останыціца тут. // Як ціло положаць в могілу, // Взгодай жа ты, грэшна душа, // Шчо ты на зымлі заробыла // І з чым ты до Бога прышла. // Богатство і слава зямная – // Оно преврацітсэ у прах. // Як пидымо мы до Бога, // Там будэ страдання і страх. // Красота наша зямная – // Она претворітсэ у дым. // Як пидымо мы до Бога, // Шчо скажымо мы перед Ім? // А ангелы у трубы заграюць // І все саберуціца на суд. // Як грэшніку тогды страх будэ, // Якій воны возглас дадуць!» (ФЭАБ; Радостово Дрогичинского р-на).

При этом довольно древние по своему генезису чувственно детализированные, наглядно-материалистические картины адских наказаний рисуются подобно земным издевательствам, допросам, умерщвлению. Например, «Ну як моцно красіліса, ці всякія гэтыя ўкрашэнні носілі, то, кажуть, змеі моцно обвіваюць, змеі вокруг шэі обвіваюць, ну, тут о (показывает)» (ФЭАБ; Красная Воля Лунинецкого р-на); «[А што ёсць у пекле?] Казалі, шо там і чэрві, там і гнілэ, і всё... [в аду] чэрві заставляюць есці, шчо не поцівса, і все, ой! Таке страшнэ-страшнэ! Это не пэрэдаць! Все там таке! Ну это не пэрэдаць!» (ФЭАБ; Красная Воля Лунинецкого р-на). Свидетельства из д. Красная Воля особенно интересны тем, что объединяют змей (червей) и «тот свет». Это, во-первых, отсылает к образу «вырая» как общего обозначения «того света», где кроме душ умерших, по верованиям белорусов, находятся на зимовье птицы (причем ласточки, удоны, перепелки зимуют под водой) и «гады». Как следует из многочисленных нарративов, «обыватели» ада, нередко ассоциируемые с трупами, не живут вечно, хотя бы и в муках, а вечно умирают (гниют).

Грешниками и чертями, которые заполняют ад, руководит *Анцынар*, *Нічынар* (который постоянно находится в аду на 12 (или 4) цепях, за 12 дверьми). Считают также, что наказывать грешников может сам Сатана: («[А хто ў пекле карае грэшнікаў?] Сатана! А як жэ ж? Сатана забірае свае душы, Сатана гэто і робіць») (ФЭАБ; Красная Воля Лунинецкого р-на). Для обозначения преисподней и его «главаря» может использоваться одно и тоже книжное слово: «Тартар – гэто Антихрист, главный у чертей» – Грабовка Гомельского р-на [«Народная...», с. 41]. С адом связана также особая категория нечистой силы – «пьякельнікі». Вылет из ада и гуляние чертей можно отнести к основным мотивам белорусских верований о негативных атмосферных явлениях. Посещать ад и возвращаться на землю могут также сказочные герои.

В заключение отметим, что ад создает семантическое целое со своей противоположностью («своим другим», по Гегелю) – раем. Ад и рай выступают

противоположными локусами, отдаленными (по вертикали или горизонтали) относительно мира живых людей, но не всегда друг от друга, и наделяются религиозно-моральным значением. Оказаться в аду, как и раю, можно только путем пространственного перемещения. Пребывание в аду – это муки вечной смерти, тогда как в раю – это вечная жизнь. Как следует из приведенных материалов, грехи закрепляют после смерти души людей за соответствующей сферой «того света» – адом; причем между виной и формой наказания обычно устанавливается логико-аллегорическая связь. Ад противопоставлен раю по признакам гореванья/веселья, непригодности/пригодности для жизни (в земном понимании); они по-разному устроены, отличаются ландшафтом, «населением», климатом (в аду климат невозможен для жизни людей), ад (с огнем, льдом либо продуктами распада-гниения и червями-змеями) в этом смысле противоположен раю.

Сокращения: ФЭАБ - Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории БрГУ им. А.С. Пушкина

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов И.А., Толстой Н.И. Ад // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А – Г. М., 1995. С. 93–94.
2. «Народная...» – «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды. Сост. О.В. Беловой. – М., 2004.
3. Полацкі... – Полацкі этнаграфічны зборнік. Лобач У.А. (Уклад). – Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. У 2 ч. Ч. 1. Наваполацк, 2011.
4. Сержпудоўскі – Сержпудоўскі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск, 1998.
5. Burlasová – Burlasová S. Katalóg slovenských naratívnych piesní. V 3 t. T. 1. Ed. Krekovičová E. Bratislava, 1998.
6. Gašparíková 1991 – Gašparíková V. Katalóg slovenskej ľudovej prózy. Archív Prof. Franka Wollmana. Pripravené k XI. Medzinárodnému zjazdu slavistov v Bratislave 1993. Zv. 1. Bratislava, 1991.

Содержание

№ п/п	Автор/авторы	Название	Стр.
Приветствия, поступившие в адрес конференции			3
1. «Книгоиздание в России и Болгарии»			6
1.1.	И.М. Агалакова	Работа над словом в детском печатном издании	6
1.2.	М.В. Веркова	Книгоиздание Ульяновска в 2001 – 2013 годах: состояние, проблемы, перспективы	10
1.3.	Э.М. Глинтерник	Книги издательства «Шиповник» в контексте русского искусства и культуры «Серебряного века»	16
1.4.	Л.М. Дмитриева С.А. Коненко	Микрокнига: художественно-выразительные средства построения микромира и источник формирования духовного мира человека	22
1.5.	Д. И. Илиева	Книгоиздание сборников пословиц и поговорок в Болгарии	27
1.6.	А.В. Куманова	Панэпистемия библиотечно-информационной сферы: трехязычный словарь – тектонический ментальный прибор (Опыт публикации в Софии издания международного коллектива авторов из США, России и Болгарии)	33
1.7.	А.А. Нечитайло, Т.Ю. Дещова, Н.В. Прядильникова	Роль литературной индустрии в формировании национальной имеджевой политики	43
1.8.	Е.Б. Ногина, К.М. Сухоруков	Российско – болгарские книжные связи в XXI веке	48
1.9.	Е.Ю. Павловская	Русская книга в Болгарии	60
1.10.	С.П. Сибина М.С. Сибин	События, не подлежащие забвению	63
1.11.	И.К. Сушилина	Литература Серебряного века в репертуаре российских издательств последних лет	68
2. «Славянские культурные общения».			74
2.1.	Е.Велев М.Тахиров	Съвременни измерения на межкултурните общувания в славянски контекст	74
2.2.	Б.Б. Върбаков	Св. Богородица – «Първият иконограф» на Иисус Христос	77
2.3.	Цв. Н. Георгиева	Родството и родствената система на Българите	94
2.4.	И. Глинская С. Стефанов	Славянская письменность как инструмент формирования имиджа восточных и южных славян	99

2.5.	А.Н. Гуменюк	Памятник архитектуры в стиле модерн с языческими идеограммами древних славян: Омск, 1910 – е годы	103
2.6.	С. Денчев	Славянская идентичность в условиях	107
	М.П. Павлова	глобализации и информационной войны	
2.7.	Т.Е. Зинкевич	Рукописные материалы по истории Болгарии в фонде № 68 (Генеральный штаб) НИОР РГБ	110
2.8.	Н.С. Иванова	Языковые проекции влияния Л.Н. Толстого в Болгарии в начале XX века	114
2.9.	М.С. Ковалевич	Народная музыкальная педагогика как средство воспитания у славян	119
2.10.	М.С. Крутова	Болгарские рукописные книги в собраниях научно-исследовательского отдела рукописей РГБ: краткий обзор	124
2.11.	Е.Л. Кудрявцева	Русская школа за рубежом» в «Треугольнике взаимной интеграционной сохранности».	126
	Д.А. Салимова	Билингва в поликультурном обществе	
	А.А. Тимофеева	Идея университета и академическая культура в повседневности советских провинциальных институтов народного образования	
2.12.	С.А. Курасов		133
2.13.	Д.Ж. Маркович	Основные парадигмы развития славянской культуры	137
2.14.	Е.И. Меснянкина	Газетный каламбур на фоне современного состояния публицистического стиля, как часть национального русского и болгарского литературного языка	142
2.15.	С. Найденова	Руската емиграция в България – мащабен проект по дигитализиране на културно – историческото наследство на руската емиграция в Централна библиотека на БАН	146
2.16.	В.В. Николова	Роль эмиграции и русской драматургии в историкокультурном наследии Болгарии	153
2.17.	С.Ю. Николаева	«Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского в творческом сознании А.П.Чехова	158
2.18.	М.С. Николова	Болгарские реалии быта в документах русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	164
2.19.	Г. Ю. Османкина	Мистицизм в христианской религии	169
2.20.	И.Б. Панчев	Камъкът в българската лингвокултура	174
2.21.	Е.М. Петровичева	Опыт изучения исторического дискурса гражданской идентичности России в сфере взаимодействия губернской власти и общества начала XX века (на материалах Владимирской губернии)	178
	И.А. Николаева		
2.22.	В.А. Редькин	Стихотворный цикл Владимира Соколова «Любовь к Болгарии»	182
2.23.	А.А. Ровенских	История и настоящее культурных отношений между Россией и Республикой Корея	187
2.24.	Е.И. Сачев	Славянство. Концепция устойчивого развития и будущий мир	192

2.25.	С.А. Степанов	Вклад науки и высшей школы в славянское культурное общение	196
2.26.	Е.В. Стоянова С.Я. Петкова - Калева	Лингвометодические основы создания учебника по русскому языку как иностранному в свете современной лингвокультурной ситуации в Болгарии	200
2.27.	Д.М. Стоянова	Бог Перун и неговите проявления в славянската митология	206
2.28.	Л. Г. Фещенко	Новые возможности старого жанра в популяризации культуры	210
2.29.	В.С. Хелемендик	Ценности воспитания в творческом наследии педагогов	214
2.30.	С.А. Шапкалова	Славянски културни общувания чрез празника на Българската просвета	218
2.31.	С. Шаренкова	Диапазон культурного общения: V – XX вв.	225
2.32.	Н. Стойкович В. Бойков	THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND IDENTITY IN THE TIME OF GLOBALIZATION	235
2.33.	Н. Стойкович В. Бойков	TEACHING PRESENTATIONS IN THE (FOREIGN) LANGUAGE INSTRUCTION AT FACULTIES	240
3. «Литература, языки народов и устное творчество»			247
3.1.	Д.Г. Благоева	Нови оценъчни названия в общественно-политическата лексика в руски и български	247
3.2.	Ц. Георгиева	Свое – чужое в болгарской путевой литературе в СССР	252
3.3.	Т.Т. Давыдова	Английская театрология Е.И.Замятина	255
3.4.	Н.К. Димитрова	Способы образования акронимов в терминологии транспортно-экспедиционной деятельности на русском языке	260
3.5	М.К. Китанова	Концепт „Родня“ в болгарских пословицах	263
3.6.	Е. И. Колесникова	”Virtus” Александра Блока: онтологические основания творчества (по материалам публицистики)	270
3.7.	А.А. Косицин	Панк-опера «Кашей бессмертный» ВИА «Сектор газа»: стиховедческий аспект поэтики	276
3.8.	Л.Э. Кузнецова	Культурно-историческое пространство российского провинциального города в XIX – XX веков в художественной литературе	278
3.9.	П.Р. Легурска	О лингвистическом анализе, сопоставлении и проблеме культурных аспектов	281
3.10.	В.С. Манчев	Использование ресурсов Интернет в обучении студентов русскому языку	287
3.11.	А.С. Методиева	Дигитализация и тенденции в переводната женска руска литература до втората	290

световна война в България

3.12.	И.Г. Пендикова	Проблема отцов и детей в русском народном сознании (по материалам суеверных рассказов о детях, проклятых родителями)	297
3.13.	И.Г. Пендикова	«Третье место» в структуре загробного мира в мифологическом сознании русского народа	300
3.14.	М.В. Пименова	Русский язык в постмодернистской реальности	304
3.15.	В. А. Пронин	Генрих Гейне в зеркале Серебряного века	308
3.16.	Б. Пуделко	Образ в «Записках охотника» Ивана Тургенева и «Зеркале морей» Джозефа Конрада	315
3.17.	С.Л. Уразова	Экранная культура: медиатекст как новая выражения самосознания	320
3.18.	С.С. Харитонов	Писатель – народник И.Н.Харламов о роли смеха в устном народном творчестве (по материалам очерка И.Н.Харламова «Русский народный юмор»)	325
3.19	И.А. Швед	Ад в верованиях белорусов (на славянском фоне)	329

Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее

Сборник материалов Международной научно-практической „онлайн-конференции”

Славянската култура в Европа – история, настояще и бъдеще

Сборник с материали от Международната научно-практическа „онлайн-конференция”

Составители и ответственные за выпуск: В.Николова, М.Николова, А.Цыганенко

Академия медиаиндустрии
Университет по библиотекознание и информационни технологии

Подписано в печать 1.06.2015.
Формат 60x88/8. Бумага офсетная. Печ. л. 42,5
Тираж 200 экз.
Академия медиаиндустрии
127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
Заказ № 789

Для заметок